

УДК 59(081)
ББК 26я44
В35

Составитель
академик *Э.М. Галимов*

Вернадский В.И.

Собрание сочинений : в 24 т. / В.И. Вернадский ; под ред. академика Э.М. Галимова ; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского ; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – М. : Наука, 2013– . – ISBN 978-5-02-038093-6.

Т. 15. Переписка с Б.Л. Личковым / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов. – 2013. – 468 с. – ISBN 978-5-02-038124-7 (в пер.).

Предлагаемое Собрание сочинений в 24-х томах включает почти все научные работы В.И. Вернадского, тексты выступлений, дневники и основную часть его эпистолярного наследия. Основу настоящего издания составили тематические выпуски, публиковавшиеся в виде отдельных книг, начиная с 1992 г., в серии «Библиотека трудов академика В.И. Вернадского» Комиссией РАН по разработке научного наследия В.И. Вернадского. В собрание включены также избранные сочинения В.И. Вернадского в пяти томах, изданные Институтом геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского Российской академии наук (тогда АН СССР) в 1954–1960 гг., а также прижизненные и другие издания.

Пятнадцатый том собрания сочинений В.И. Вернадского включает его переписку с Б.Л. Личковым, которая продолжалась более 25 лет после их встречи на Украине, где В.И. Вернадский организовывал Украинскую академию наук, а Б.Л. Личков – Украинский геологический комитет. Судьба Б.Л. Личкова, талантливого ученого, складывалась драматически. В.И. Вернадский оказывал ему всемерную поддержку. В тексте пятнадцатого тома восстановлены изъятия (купюры), которые были допущены в предшествующем издании переписки.

ISBN 978-5-02-038093-6
ISBN 978-5-02-038124-7 (т. 15)

© Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского, 2013
© Галимов Э.М., составление, предисловие, 2013
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТНАДЦАТОМУ ТОМУ*

Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым продолжалась более 25 лет. Борис Леонидович Личков (1888–1966) был на 25 лет моложе В.И. Вернадского. В то время, когда началась их переписка (1918 г.) Б.Л. Личков был молодым ученым, а В.И. Вернадский уже давно академиком, одним из самых авторитетных ученых и общественно-политических деятелей России. Б.Л. Личков окончил Киевский университет в 1911 г., затем работал геологом. Судьба свела Б.Л. Личкова и В.И. Вернадского на Украине. В 1918 г. Б.Л. Личков стал одним из основателей Украинского геологического комитета, в то время как В.И. Вернадский закладывал основы Украинской Академии Наук. Б.Л. Личков обладал живым воображением и философским складом ума. Их переписка отражает и связывавшие их деловые взаимоотношения, и исключительно интересный обмен мыслями. Некоторые идеи Б.Л. Личкова, например, о роли изостазии, горизонтальных движениях земной коры, не принявшиеся В.И. Вернадским, позже нашли подтверждение. Тем интереснее следить за развитием их дискуссии в письмах.

Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым была опубликована в двух книгах, которые вышли в 1979 и в 1980 г. Составителем обеих книг была В.С. Неаполитанская, а ответственным редактором Б.В. Левшин. Настоящий том публикуется по тексту этих книг. В упомянутых книгах имеются предисловия М.С. Бастраковой

* См. общее предисловие к настоящему собранию сочинений В.И. Вернадского, первый том, с. 3–5.

и В.С. Неаполитанской и в качестве приложений – статьи П.Н. Кропоткина и К.П. Флоренского. Они не включены в настоящий том, но представляют интерес для понимания того фона событий, на котором проходила переписка В.И. Вернадского и Б.Л. Личкова.

В работе над редактированием 15-го тома активное участие принимал В.С. Чесноков. Сообразуясь с архивными документами, он внес много исправлений в опубликованные ранее тексты, а также восстановил изъятия (купюры), которые были допущены редакторами предшествующего издания переписки В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1979 и 1980 гг.). В конце данного тома добавлено письмо 409 В.И. Вернадского Б.Л. Личкову из Борового от 22 июля 1943 г. которое не вошло в ранее изданную переписку двух ученых. Это письмо впервые было опубликовано В.П. Волковым в качестве приложения 17 в томе В.И. Вернадского «Дневники 1941–1943 гг.».

Э.М. Галимов

Часть I
(1918–1939)
Письма 1–208

1

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Киев,] 11/24 июня 1918 г.

Многоуважаемый Борис Леонидович,

Я не попаду сегодня в час дня в университет¹, так как у меня неожиданно важное заседание². Не можете ли зайти за мной перед заседанием Комиссии³ в 5¹/₂, часов на квартиру?

Ваш В. Вернадский

АРАН. ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 1.

¹ По-видимому, поездки В.И. Вернадского в университет были связаны с предстоящей реорганизацией Киевского народного университета св. Владимира в Киевский государственный университет.

² В архиве В.И. Вернадского (ф. 518, оп. 4, д. 103, л. 75) хранится приглашение прибыть на заседание к главному управляющему по делам искусств и национальной культуры П.Я. Дорошенко в 1 ч. дня во вторник (11/24 июня) по вопросу о кадетском корпусе. Там же (л. 160, 160 об.) находится ходатайство о передаче здания Кадетского корпуса для Киевского государственного университета. Даты нет ни на том, ни на другом документе, так же как и подписи. Возможно, что в данном случае В.И. Вернадский имел в виду именно это «важное заседание» у П.Я. Дорошенко.

³ Комиссия по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям на Украине, председателем которой был В.И. Вернадский, а ученым секретарем (с 6 июня 1918 г.) – Б.Л. Личков. 1-е заседание этой Комиссии состоялось 9 июня; здесь имеется в виду 2-е, назначенное на 24 июня в 6 ч вечера с повесткой дня: 1. О штатах университетов. 2. О приеме в университеты. 3. О превращении Киевского украинского государственного народного университета в государственный. 4. Об открытии университета в Каменец-Подольске. 6. О совете по делам высших учебных заведений (см. ф. 518, оп. 4, д. 102, лл. 26–30. «Протокол заседания Комиссии от 24 июня 1918 г.»).

2

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Киев,] 3 сентября 1918 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Пожалуйста, пошлите Д.И. Багалею Устав Историко-филологического факультета в Полтаве¹.

Ваш В. Вернадский

Р.С. Экономические курсы² еще у меня не были. Справились ли Вы о положении всех наших дел?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 2.

7

¹ На заседании Комиссии по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям Украины 30 августа 1918 г. разбирался вопрос об образовании в Полтаве Историко-филологического факультета. В Комиссию был представлен Устав этого факультета. В архиве В.И. Вернадского этот Устав не сохранился. Очевидно, он так и не был открыт (см. ф. 518, оп. 4, д. 102, лл. 98, 99. Протокол заседания Комиссии от 30 августа 1918 г.).

² Никаких сведений, относящихся к Экономическим курсам в делах Комиссии, хранящихся в архиве В.И. Вернадского, не найдено.

3

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Киев,] 3 октября 1918 г.

Дорогой Борис Леонидович,

В бумаге об Археографической комиссии к Николаю Прокофьевичу¹ необходимо отметить, что вопрос о том, что Археографическая комиссия отходит в ведение Главного управления по делам Министерства культуры, рассматривался в другой Комиссии² и не затрагивался в нашей. Поэтому пункт о подчинении Археографической комиссии министру освіти³ остался нами нетронутым. В Комиссии же под председательством П.Я. Дорошенко он был решен в том смысле, что Археографическая комиссия отходит в ведение Главного управления по делам искусства.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 3.

¹ Н.П. Василенко.

² Комиссия Главного управления по делам искусств и национальной культуры. Председатель Комиссии – П.Я. Дорошенко.

³ Министру культуры (укр.). В то время – В.П. Науменко.

4

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Киев,] 12 октября 1918 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я сегодня не могу начать читать¹ – нездоровится, и все время приходится возиться со штатами Академии наук, проходимыми в бюджетной комиссии. Очень прошу вывесить объявление, что начну чтение лекций на следующей неделе в субботу.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 4.

¹ Имеется в виду цикл лекций «Общий курс геохимии», который В.И. Вернадский читал в Киевском университете в 1918–1919 гг.

В. И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Киев,] 29 ноября 1918 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Разговор с Науменко¹ буду иметь сегодня. Исправьте Полтавский устав². Перепутаны §§ 17-й не надо выкидывать. Было решено по предложению Тарановского³ вставить новый пункт. В письме это не указано (1/2 пункта И. Ф. Ф.⁴).

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 5.

¹ В.П. Науменко.

² См. примечание 1 к письму 2.

³ Ф.В. Тарановский.

⁴ Очевидно, Историко-филологический факультет.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Киев,] 20 июля 1919 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Отправляю Вам более или менее отделанную рукопись отчета нашего¹. Я думаю, что следовало бы иметь его копию, переписанную (может быть, две – одну для Николая Прокофьевича?²). Сколько это будет стоить?

Вышла довольно порядочная, даже мне кажется, брошюрка? Я думаю, что этот отчет будет являться своего рода историческим документом, и нам будет необходимо его напечатать.

Слог еще не совсем отделан. Окончательно можем это сделать позже.

Кое-что, мне кажется, следует добавить: 1) указать фамилии всех лиц, принимавших участие в подкомиссиях – если это возможно, и всех представителей учреждений, принимавших участие в работах; 2) несколько развить в предисловии вопрос о 1 и 2 съездах высших учебных заведений Украины³. По крайней мере дать общие их решения. Может быть, есть у Спекторского⁴ или у кого-либо из других участников съездов?

Я думаю, что Вы, в общем, будете согласны со всеми моими *принципиальными* вставками. Мы с Вами, кажется, очень близки в этих вопросах. Если что возбуждает у Вас сомнение – сговоримся. Я думаю, что эти принципиальные вставки очень важны. Кое-где я их не очень хорошо изложил – может быть, Вы измените и исправите слог?

Пока никуда не выбираюсь, и к себе – в Миргородский уезд – попасть не могу, но надежды не теряю, хотя боюсь, что запоздал уже⁵. Не знаешь, где лучше в это время.

Не знаю, стоит ли нам что-нибудь из документов прикладывать к отчету?

Думалось отчет поместить в журнале Министерства народного просвещения – но нет ни журнала, ни Владимира Павловича! Мне кажется, впрочем,

что там мы не смогли бы высказаться так свободно, как это высказываемся мы вне журнала.

Всего лучшего.
Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 6, 6 об.

¹ Отчет Комиссии по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям при Министерстве народного просвещения в Киеве (ф. 518, оп. 4. «Вводная часть к отчету»). Самого отчета найти не удалось ни в архиве В.И. Вернадского, ни в архиве Б.Л. Личкова).

² Н.П. Василенко.

³ 1-й съезд профессоров и преподавателей высших учебных заведений Украины происходил в апреле 1918 г., 2-й съезд – 21–25 мая 1918 г. На них разбирались вопросы, связанные с университетами: о создании Совета по делам высшей школы, о правах учащихся, о языке преподавания, об установлении связи между высшими учебными заведениями Украины и т.д. На съезде присутствовали представители Университета св. Владимира (Киев), Новороссийского университета, Киевской духовной академии, Киевского политехнического института, Нежинского историко-филологического института (ф. 518, оп. 4, д. 103, лл. 220–233).

⁴ Е.В. Спекторский.

⁵ В Миргородском уезде есть местечко Шишаки, где находилась усадьба, принадлежавшая В.И. Вернадскому.

⁶ В.П. Науменко.

7

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому¹

[Киев,] 26 января 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович,

не знаю, дойдут ли до Вас эти строки или затеряются где-то в пути, как это чаще всего бывает с современными письмами. Выразить Вам не могу, как я был обрадован, когда здесь у нас, в Киеве, появились точные известия о том, что Вы здоровы и невредимы и что Вы в России. А до этого времени темные слухи успели Вас уже похоронить и в Лондон отправить² и пр.

Как поживаете Вы и все ваши? Вот уже больше года прошло от той поры, как мы с Вами расстались, и за весь этот год я не имел об Вас почти ни одного известия. Ужасно хотелось бы Вас увидеть и много, много Вам рассказать. К сожалению, в письме этого не сделаешь.

Весь год, что мы не виделись, я не двигаясь с места прожил в Киеве. Таким образом, все перемены я пережил здесь, на месте. Вообще итог года крайне безотрадный. Для меня лично его безотрадность усугубляется тем, что и личные переживания были не из приятных – я чуть не потерял жену и потерял друга детства, умершего от брюшного тифа. [...]

Был недавно Гинзбург в Питере и привез нам о тамошней жизни гораздо более бодрящие впечатления: и научная жизнь, и; научная работа там, несомненно, есть. После его рассказов мне даже завидно стало и захотелось переехать в Питер. Я бы и попытался, пожалуй, сделать это, но только климата боюсь при нынешних условиях. Все-таки этой весной я в Питере по делам Геологического комитета, вероятно, побываю. Тогда увижу все сам. Очень хотелось бы мне видеть Вас в Киеве, но я уверен, что и Вас тянет не сюда, а в Петербург.

Ну, а как в Крыму? Что Вы теперь подделываете? Какой заняты работой? Не собираетесь ли к нам или в Питер?

Я надеюсь, дорогой Владимир Иванович, что Вы вспомните обо мне и черкнете мне пару строчек. Напишите мне о себе, Наталье Егоровне, Нине Владимировне и Георгие Владимировиче³. Надеюсь, что все вы здоровы.

О себе могу рассказать вот что. Работой я завален выше горла, но работать научно удастся только урывками (главным образом ночами). Помимо некоторых работ, сделанных для Геологического комитета, я главным образом писал «Физическую геологию» [88]* и переделывал заново свою «Историческую геологию» [87]. Последнюю работу я закончил и очень хотел бы показать ее Вам; мне кажется, что получилось нечто довольно удачное. Что касается «Физической геологии», то закончить из нее я успел примерно одну треть. К сожалению, все, что теперь ни пишется, пишется впустую: у комитета, например, лежат целые горы готового к печати материала.

Сообщаю Вам еще одну, лично меня касающуюся, новость: четыре месяца тому назад у меня появилась очаровательная маленькая дочка – Зинаида.

Ну, пока до свидания.

Моя жена очень просит меня передать Вам и всем Вашим ее привет. Напишите мне.

Горячо Вас любящий Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 1, 2.

¹ Это письмо было послано в Симферополь.

² В ноябре 1949 г. В.И. Вернадский выехал в Ростов в командировку по делам Украинской Академии наук. Вернуться обратно ему не удалось. Временно не ходили поезда. В 1920 г. он оказался в Крыму. Не имея возможности вплотную заняться продолжением своих исследований по живому веществу, в трудных условиях жизни тех лет В.И. Вернадский обратился с письмом в Британскую ассоциацию наук с просьбой оказать ему содействие для поездки в Англию, где он мог бы в спокойной обстановке продолжать свои научные работы. Через некоторое время он получил извещение, что прибывший в Севастополь английский корабль имеет распоряжение перевезти его вместе с семьей в Англию. Однако в это же время Владимир Иванович был избран ректором Таврического университета, и он счел для себя невозможным при создавшейся ситуации уехать из России. Вместе с дочерью он съездил в Севастополь и, извинившись, отказался от выезда из России (ф. 518, оп. 2, № 70, с. 38; оп. 2, № 53, «Хронология», 1920 г., с. 76).

8

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 5 марта 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович,

пользуясь любезностью Ивана Ивановича Клодницкого, я посылаю Вам это письмо. Мы здесь уже знаем, что Вы в Киев больше не предполагаете приехать и держите Ваш курс прямо на Питер. Этим известием я, с одной стороны, огорчен, с другой – обрадован. Огорчен я потому, что до сей минуты у меня все-таки была надежда, что мы можем с Вами скоро увидеться, а теперь эта надежда на некоторое время отпадает. Но, с другой стороны, я душевно

* Цифры в квадратных скобках – номер ссылок на работы В.И. Вернадского, Б.Л. Личкова и других авторов в списке литературы, помещенном в конце I части.

рад за Вас, что Вы будете в Петербурге, а не в Киеве. В Киеве, мне кажется, уж очень душно. Я, по крайней мере, ощущаю сейчас самое глубочайшее неудовлетворение местной умственной жизнью. Одно слово – мертвечина и, как ни убога сейчас вообще наша жизнь, мне думается, что в Питере она живее, чем здесь. Я послал Вам в Крым, дорогой Владимир Иванович, большое письмо, и меня очень огорчает, если Вы его не получили. Я все поджидал ответа от Вас, да видно, либо в Крым, либо из Крыма письма ходят плохо. Писал я туда и В.И. Лучицкому, но и от него ответа на мое письмо нет. Хотя в то же время от него я получил 3–4 письма, но это не ответ на мое письмо ему. Такое впечатление, точно письма в бездну какую-то валяются. А мне так хотелось бы знать, что Вы подделываете, над чем работаете, как живете. И Вы, и Ваши? Мыслью я часто обращаюсь к Вам и вспоминаю 1918–1919 годы, а вместе с тем стараюсь представить Вашу теперешнюю жизнь. Из последнего ничего не выходит, ибо не хватает воображения. О себе я Вам писал, и, если Вы получили мое письмо, то кое-что о моей жизни знаете. В общем, это – беготня, суета, движение, плотные лекции, опять лекции и опять лекции: все на ходу, скоро-скоро, словом, по-современному. Страшно хочется хорошей спокойной *настоящей* научной работы, хоть на время. Хочется настоящих исследований, от которых даже отвык за это время. Однако осуществить это здесь, в Киеве, трудно. Не знаю, может быть, и в Питере дело обстоит точно так же, но у меня почему-то. сознание иное. Временами ужасно хочется в Питер, в Москву. В Москву, в настоящие живые (еще?) центры из мертвой заскоруслей глубоко провинциальной Украины. А особенно мне это захотелось, когда услышал, что в Питере Вы.

Иван Иванович¹ везет Вам рукописи Ваши², и в том числе нашу совместную с Вами работу³. Меня спрашивали – посылать ли ее. Я подумал и ответил согласием. Мне кажется, что лучше всего будет так: пусть один экземпляр рукописи будет у меня (он у меня и остается), другой же – у Вас. Авось, либо тот, либо другой экземпляр когда-либо будет напечатан (они идентичны).

Решительно, не знаю, что буду делать летом. Весна уже ведь на носу и естественно поэтому подумать о лете. А в какую сторону думать, не знаю. Есть мечты и о полевой геологической работе летом, и о кабинетной работе, и просто о самом хотя бы коротком отдыхе, наконец, о загранице. А что будет фактически, и где сам я буду, решительно не предугадаю. Ведь многое может сложиться неожиданно-негаданно.

Шлю Вам мой горячий и сердечный привет и горячо Вас обнимаю. Привет также Наталье Егоровне и Нине Владимировне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 3–5.

¹ И.И. Клодницкий.

² Имеется в виду рукопись В.И. Вернадского с материалами по «Живому веществу», над которой он работал, начиная с 1916 г. (ф. 518, оп. 1, д. 49).

³ Отчет Комиссии по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям при Министерстве народного просвещения в Киеве.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев], 26 марта 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Очень рад был узнать от В.В.¹, что Вы уже в Москве, и получить через него от Вас поклон. А я только что Вам послал письмо в Петроград через лицо, которое повезло Вам от Академии Ваши рукописи. Сейчас у В.В. есть какая-то оказия в Москву, и я пользуюсь случаем послать еще раз свой привет как Вам, так и всем Вашим.

Первый раз за много лет мы рассчитываем в этом году производить полевые геологические работы. Украинский геологический комитет сейчас спешно заканчивает карту полезных ископаемых Украины, которой он был занят в последнее время, чтобы освободить силы для полевой работы. Не знаю, удастся ли, но я рассчитываю быть в Подолии у границы по поручению Промразведки в целях поисков нефти.

Здесь уже началась сейчас понемножку, но идет довольно вяло работа по пересозданию Академии наук². Согласно проекту Гринько, привезенному Янатов. Осуществление проекта встречает, к счастью, жестокую оппозицию вплоть до саботажа со стороны «Наукового Товариства».

Пока всего лучшего.

Ваш Б. Личков

P.S. Не сообщите ли, дорогой Владимир Иванович, мне при случае подробности о здоровье Н.И. Андрусова в Крыму в последнее время. Он очень надо проверить, ненадежен или нет?

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 6.

¹ В.В. Дубянский.

² «Пересоздание» АН УССР в те годы осуществлено не было. Фактически Академия продолжала существовать на основах, заложенных В.И. Вернадским. Приводим выдержку из письма Н.П. Василенко В.И. Вернадскому от 21 марта 1926 г. «Так как Вас интересует главным образом Академия, то с нее и начну. За это время она не раз переживала тревожные моменты. И теперь, после 200-летнего юбилея Российской Академии, существование ее как будто укрепилось и факт, по-видимому, считается признанным. На очереди поставлен вопрос о реформе Академии. Реформу, однако, откладывают; фактически Академия существует, скорее, по обычному праву, чем по уставу. По какому принципу предполагается реформа – трудно сказать. Принципы так часто менялись и меняются, что нет возможности угадать, какой из них восторжествует... Таким образом, Академия явилась громадным научно-организационным центром и в этом отношении вполне выполнила и выполняет ту задачу, которую ставили Вы когда-то перед ней» (ф. 518, оп. 3, д. 234, л. 1–3).

Петроград, 28 апреля 1921 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я получил Ваши два письма и очень Вас благодарю за них. Я так ценю всякие весточки из Киева, а от Вас тем более. Может быть, Вы мне напишете, как обстоит дело с Национальной библиотекой. Нельзя ли мне получить издания Наукова Товариства (с 1917 года)¹?

Я надеюсь, что Украинская Академия наук выживет как отдельное учреждение и не сольется с Науковым Товариством: их форма деятельности совершенно иная, и едва ли то и другое выигрывает от слияния². Есть ли у Вас какие известия о Рашевском? Я видел его за неделю до изменения положения в Симферополе³. Он был полон научных исканий.

Здесь несмотря ни на что, научная работа не прекращается. Настроение у всех тяжелое, и очень часто слышатся очень пессимистические впечатления, но, несмотря на все это, для меня ясно, что работа совершается. На каждую вещь приходится тратить массу лишнего труда – нет элементарных условий жизни, но в общем, самое главное – мысль жива. Из интересных новинок – не знаю, дошли ли до Вас – перепечатка с новыми картами, дополнениями Карпинского – Очерки геологического прошлого Европейской России.

Если нет у Вас, напишите мне, постараюсь выслать. Радлова «История русской философии» [223]. Журнал «Наука и ее деятели»⁴ (послал 2 номера Василенко) и т.п. Выходит очень мало, гораздо меньше, чем возможно по условиям жизни. Я считаю, что бумага и типографии в значительной мере не дают того, что могут дать, благодаря никуда негодной организации дела, а не по существу.

Я работаю очень усердно. С библиотеками много лучше Киева (без сравнений), но на все тратишь в несколько раз больше сил и времени, чем за границей. К несчастью, пришлось взять на себя Геологический музей – все заторможено сейчас. Печатаю второй выпуск II тома Описательной минералогии (уже в сверстанном виде 5 листов), хочу начать 2-е издание 1-го, издать свою геохимию [38], лекции минералогии⁵, сборник статей [17]. Как будто берутся печатать. Главным образом работаю над живым веществом – в Москве, и здесь читаю лекций о живом веществе и геохимии⁶. С Фоминой⁷ хочу прочесть избранные главы по геохимии (ее задачи, химические элементы – сколько нового!). Не знаю, обратили ли Вы внимание на новое указание Резерфорда, что могут быть случаи, когда ядра элементов (H и др.) с близкими электронами приобретают такие свойства, что проходят через всякий слой материи свободно⁸ (то есть исчезание материи для нашей экспериментальной техники, явления рассеяния, живое вещество).

Я считаю, что самое сейчас важное – свободная, проявляющаяся мысль, независимая и не связанная с навязанными рамками окружающего.

Привет всем. Пишите.

Ваш В. Вернадский

P.S. Прошу выслать издания Украинского геологического комитета. У меня нет ничего.

V.V.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 7, 7 об.

¹ Науковое товариство ім. Шевченка издавало научные и научно-литературные сборники: «Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові», «Хроника Наукового товариства ім. Шевченка у Львові», «Українсько-руській архів», «Руська історична бібліотека», «Українсько-руська бібліотека» и др.

² Официально вопрос о слиянии АН УССР с Киевским научным товариством не ставился.

³ Имеется в виду освобождение Симферополя от белых частями Красной Армии в конце ноября 1920 г.

⁴ Имеется в виду журнал «Наука и ее работники». Издавался Комиссией по улучшению быта ученых в Петрограде в 1920–1922 гг. Вышло всего 22 номера.

⁵ Лекции по минералогии не переиздавались.

⁶ 23 марта 1921 г. В.И. Вернадский был в Москве проездом из Симферополя в Петроград. В Москве он сделал доклад «Геохимия и ее значение и задачи, и задачи ее в преподавании» (ф. 518, оп. 2, «Хронология. 1921 г.», с. 1). Где сделан доклад, В.И. Вернадский не написал. В мае–июле 1921 г. в Петрограде, в Академии наук В.И. Вернадский прочел курс публичных лекций по геохимии (ф. 518, оп. 1, № 16. Стенограмма этих лекций I–VIII), с декабря 1921 г. по апрель 1922 г. – курс лекций по геохимии в Петроградском сельскохозяйственном институте (ф. 518, оп. 1, № 17. Стенограмма этих лекций I–IX) [12].

⁷ Фомина неделя – первая после пасхальной. В 1921 г. она была 12–18 мая.

⁸ Имеется в виду классическая работа Э. Резерфорда «Ядерное строение атомов» [277].

11

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Петроград, 19 июня 1921 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Николай Прокофьевич¹ написал мне, что Вы не получили моего письма. Мне кажется, что я отправил его по оказии, но, конечно, и оказии не являются всегда надежными.

Я хочу знать о Ваших работах и работах Украинского геологического комитета. Очень прошу также переслать мне издания Украинского геологического комитета. Надо выяснить в каком положении карта?

Я сейчас печатаю – и во всяком случае продаю для печати – Сборник своих статей [17], Минералогию [6], лекции по геохимии [14]. Я читаю в Академии вольный курс – избранные главы по геохимии, публикую лекцию – «Начало и вечность жизни» [18].

К сожалению, нельзя закончить работу – мою работу о живом веществе [11] – здесь, так как новая литература случайная (а какое бесконечное количество нового!), и после 1914 г. все петроградские библиотеки расстроены; нельзя и с лабораторией.

Буду добиваться временного – месяцев на 6–7 – переезда за границу, где закончу свою работу. Будущее для меня неясно. Я знаю одно, что сейчас я должен закончить свою работу. В нее я все более углубляюсь. Много работаю и над своей большой минералогией. Вышел 1-й выпуск 2-го тома, и теперь готовлю к печати 2-й выпуск (конец H₂S и до галенита) [6]. И здесь много

нового. Сейчас организую здесь Комиссию по изучению истории знания (при Академии наук), начинаем работу по гелию. Научная работа здесь, несомненно, идет, и сейчас кое-что печатается.

Всего лучшего. Привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

P.S. Ниночка² в Военно-Медицинской Академии. Стремится на юг, в Киев. И Киев дорог и мне. Если можно достать экземпляр Фещенко-Чоповского о силах Украины [242], пришлите.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 8, 8 об.

¹ Н.П. Василенко.

² Н.В. Вернадская.

12

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Петроград,] 8 июля 1921 г.

Только сейчас оказалась оказия, так как проф. Барвинок не зашел ко мне за письмами. За эти недели, скорее, все сгущается, а не улучшается.

Уезжаю на ближайших неделях на север – на Мурманскую биологическую станцию – освоиться с океаническим живым веществом¹, и затем в Хибины, где сейчас работает большая группа ученых под начальством Ферсмана² над местным месторождением минералов, чрезвычайно богатых цериевыми минералами; аналог Гренландии.

Вчера прочел 8-ю и последнюю лекцию по геохимии – Введение, химические элементы, живое вещество. Начинаю обрабатывать для печати [14]. Сколько нового и важного кругом и ужасно, что здесь силы связаны. Поднимается новая страшная беда – неурожай и голод. Перед ней, мне кажется, бледнеет все пережитое. Возможно вымирание многих миллионов от голода. Едва ли была и в средние века.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 9, 9 об.

¹ Работы по живому веществу начаты В.И. Вернадским еще в 1916–1917 гг. См. его работы [15, 20]. На Мурманской биологической станции В.И. Вернадский работал с 11 июля по 24 августа. С ним в качестве лаборанта была его дочь Нина Владимировна Вернадская.

² В Хибины к А.Е. Ферсману В.И. не попал.

[Киев,] июль 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович,

к очень большому моему сожалению я всех Ваших просьб исполнить не могу. Дело в том, что Л. Кулик зашел ко мне накануне своего отъезда, и это было в субботу; в воскресенье же все закрыто, и поэтому многого я раздобыть не мог. В частности, именно по этой причине я не мог достать Вам в комитете образцов бурого угля, а также книжку Фещенко-Чоповского [242]. Несказанно рад я был получить Ваши письма. Жалею только очень, что они сильно запоздали. От Б.И. Срезневского я имел уже информацию о более позднем времени, о самых последних днях Вашего пребывания в Петрограде перед отъездом на Мурман¹. Рад за Вас, что Вам все-таки в конце концов удалось уехать. Очень удивило меня Ваше сообщение, что Нина Владимировна в Военно-Медицинской Академии. Почему Наталья Егоровна не поехала вместе с Вами, а осталась в Петрограде? Вы просите сообщить об Украинском геологическом комитете. Работа его, несомненно, идет. На днях нами совершенно закончена карта полезных ископаемых Украины, остается кое-какие дополнительные мелочи ввести в совершенно готовый чистовой экземпляр [206]. Карта имеет 25-верстный масштаб и далеко превосходит точностью и тщательностью карту петербургского издания 1916 года [205]. Полевые работы в этом году тоже удалось наладить. Большинство наших геологов сейчас находится в разъездах. Работы идут в буроугольных районах, в Подольском фосфоритовом и в Подольском же марганцево-железном и графитовом. Приехал В.И. Лучицкий и на днях выезжает на работу в Подолию для изучения литографского камня. Я поеду на фосфориты. Возвращаюсь к карте. Хотелось бы ее скорее печатать. Но в виду сложности работы – большая точность знаков и четыре краски – в России это едва ли мыслимо. Хотелось бы добиться печатания за границей. Но удастся ли? Если же, как я предполагаю, осенью я буду в Петербурге, то непременно привезу с собой и карту.

Собственные мои работы по не зависящим от меня условиям идут не так, как мне хотелось бы, и даже не в том направлении, как хотелось бы. Однако урывками и толчками я кое-что все-таки делаю. Сейчас по заказу харьковского «Союза кооперативных организаций» пишу книгу «Геология Украины» [90]. Много времени отнимает у меня моя книга по исторической геологии [87]. Текст уже закончен. Сейчас занят тщательным и постепенным подбором иллюстраций и чертежей. Книга, по моему впечатлению, в переработанном виде получается интересная. Вот жаль только, что напечатать ее при нынешних условиях почти невысказанно; слишком это большое и сложное дело, учитывая объем книги и массу иллюстраций. Последние несколько месяцев я был занят еще обработкой своих старых наблюдений по геологии, главным образом Подолии, и отсюда родилась большая работа с массой чертежей и картой: «К тектонике Подольского горста» [91]. Читал о ней доклад в Обществе Естествоиспытателей. В Науковом Товаристве читал другой доклад более легкого, так сказать, содержания – «Геологические циклы и геологические периоды» [92]. Текст его я посылаю Вам с просьбой – сообщить Ваши впе-

чатления. Если найдете доклад стоящим внимания, то, быть может, удастся его где-нибудь у вас в Питере и напечатать. Посылаю Вам одновременно начало номера злосчастного «Вістника Природознавства», который печатается уже полгода и все никак не может выйти в свет. Ругайте, если хотите, дорогой Владимир Иванович, но философии я до сих пор не бросил и на днях сдал в печать работу «Эволюционная идея и историческое знание» [93], в Вістнике Вы найдете другую мою статью из этих же областей [86]. Закончил, написал и сдал в печать несколько очерков (всего листа 4), материалов по гидрогеологии Подольской губернии [94]. Тяготы жизни донимают ужасно, все внешнее убивает охоту к работе, и все-таки какие-то внутренние импульсы живут и толкают вперед. У меня лично огромное сейчас желание учиться и работать, работать и учиться.

Пишите о себе, дорогой Владимир Иванович, о Вашей жизни, работе. Для меня – большая радость весточка от Вас.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 7, 8.

¹ Имеется в виду Мурманский полуостров.

14

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 24 февраля 1922 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Теоретически я, конечно, вполне соглашался с Вами, когда Вы мне доказывали необходимость самой тесной взаимной связи и информации. Вы были, разумеется, правы, но провести эту идею в жизнь на деле более чем трудно. Ведь вот я более чем две недели тому назад приехал из Питера и все никак не могу сделать даже первого плана к осуществлению этой программы – написать Вам хоть небольшое письмо. А о большем даже и мечтать не приходится. Я твердо помню, что я обещал Вам дать для «Науки и ее работников» статью о научной жизни Киева за четыре года; помню и мечтаю исполнить свое обещание. Но от желанья до исполнения лежит еще «дистанция огромного размера», и когда я это выполню, не знаю.

Миссию, с которой я ездил в Питер, я довел до благополучного конца и здесь. Присутствие Украинского геологического комитета также одобрило условия соглашения с Петроградом. Одобрение было произведено большинством всех геологов против одного В.В. Дубянского, который пел отходную *Украинскому* геологическому комитету. Мотивы его поведения ясны, но сам он при этом был очень и очень неискренен. Теперь очередная наша задача – получить санкцию Харькова. Этим делом займется Владимир Иванович Лучицкий, который поедет для этой цели в Харьков на этих днях.

Ну, пока, всего лучшего, дорогой Владимир Иванович. Привет Наталье Егоровне и Нине Владимировне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 9.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 2 июня 1922 г.

Дорогой Борис Леонидович,

пишу Вам несколько слов перед отъездом за границу. Наконец, получил разрешение на выезд с женой и дочерью. Остаюсь на несколько дней в Москве, масса всяких формальностей. Еду через Варшаву в Прагу, а затем в Париж¹.

Совсем не знаю, как наладится жизнь – но у меня масса всяких планов. Думаю вернуться через 5 месяцев, в конце октября. Я очень хотел бы иметь от Вас весточки более точные о Вашей работе и о Вашем деле. Знаю, как сейчас все трудно и тяжело складывается, но все же, может быть, черкнете. Пока адрес: Paris, poste restante. Пишу фамилию через «V» (Vernadsky).

В последнем номере «Природы», посвященном Карпинскому, я помещаю небольшую заметку о земной коре в связи с входящими в ее состав элементами [19]. Мне кажется, мне удалось в этой статье найти некоторые новые эмпирические правильности. В общем, выясняется, что земная кора в своем механизме обусловлена не геологическими причинами, а свойствами химических элементов, даже строением их атомов.

Едва ли это безразлично и для геологии. Мне кажется, что приводимые мною эмпирические обобщения верны. Буду рад иметь Ваш отзыв. Послал ее в «Nature», не знаю, примут ли².

Надо кончать. Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 10, 10 об.

¹ В декабре 1921 г. В.И. Вернадский получил приглашение из Парижа от ректора Парижского университета проф. Аппеля прочитать в Сорбонне курс лекций по геохимии. В.И. Вернадский обратился с просьбой в президиум Академии наук СССР разрешить ему эту поездку, а также выделить средства на посещение некоторых центров работ по радио (в Вене, Гейдельберге, Кембридже и Лондоне). Разрешение было получено, и В.И. Вернадский с женой и дочерью выехал в июне 1922 г. за границу. Пребывание Вернадских за границей затянулось до марта 1926 г. За это время В.И. Вернадский прочел курс лекций по геохимии в Сорбонне, 17 сентября 1923 г. сделал доклад «Об алюмосиликатах» на заседании Британской Ассоциации наук в Ливерпуле. В Музее естественной истории в Париже прочел три лекции о силикатах (1924). Работал в Институте Кюри над коритом из Конго (1924–1925) и над биогеохимическими проблемами на средства фонда Розенталя. В Брно (Чехословакия) сделал доклад «О размножении организмов и его значении в механизме сферы» (январь, 1926 г.).

² В «Nature» статья не публиковалась.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Paris (V) – 7 Rue Toullier, 10 декабря 1922 г.

Дорогой Борис Леонидович,

получил на днях через Франца Юльевича¹ Ваши работы. Очень благодарю Вас. Я часто думаю о Вас и о всех в Киеве, об Академии, Геол. Комитете, Украине. Писал, тщетно, Николаю Прокофьевичу². Послал свои работы, еще

начатые в Киеве, – не знаю, дошли ли. Здесь я остаюсь до лета. 15-го декабря начинаются мои лекции в Сорбонне по геохимии, 10–12 лекций: I. Геохимия как наука XX века. II. Кремний и силикаты в земной коре. III. Углерод и живое вещество в земной коре. IV. Радиоактивные элементы в земной коре³.

Читаю по-французски. Не знаю, будут ли слушатели. По здешнему обычаю дня два висели по Парижу афиши о лекциях.

Я работаю все время, успеваю очень мало. Жизнь научная здесь в полном разгаре. Много интересного. Количество студентов во Франции небывалое; много новых начинаний в университетском строе. Университет все больше и больше становится автономным. Строят студенческий городок (18 гектаров в Париже) .

Из новостей интересна книга Saueux. «Introduction a l'étude des roches sedimen.» [257]. Но, вообще, по геологии и минералогии немного. «Большая минералогия Мадагаскара» Лакруа [268] (вышло 2 тома по сто франков! и кончается третий), «Геология бассейна Парижа» Лемуана [270], и это, кажется, все из более интересного. Главная работа в области физикохимии и биологии. Все здесь переполнено теорией Эйнштейна, новыми достижениями в атомных науках и астрономии. Я весь погружен в эти новые области... Мне кажется, сейчас переживается такой момент, равного которому не было в истории мысли. Но впереди всех англосаксы.

Всего лучшего. Буду рад весточке из Киева.

Ваш В. Вернадский

P.S. Я здесь с Натальей Егоровной, которая шлет наш привет Вам и Вашей жене. Как Ваша семья?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 11, 11 об.

¹ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг.

² Н.П. Василенко.

³ См. примечание 1 к письму 15.

17

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Paris (V) – 7 Rue Toullier, 6 мая 1923 г.

Дорогой Борис Леонидович,

несмотря на все свои желания, я невероятно запаздываю со своей перепиской. Сейчас я решил отвечать немедленно на новые письма, откладывая старые, но Ваше пускаю из залежей¹. Остаюсь я здесь по крайней мере до осени, а может быть, и дольше². Осенью начнут печататься по-французски две мои книги – моя геохимия [22] и перевод моего университетского курса минералогии³. Может быть, останусь и дольше. Все зависит от материальных условий. Мне хочется сделать здесь – в хороших условиях – работы гораздо больше, чем я делаю. Мечтаю об организации особой биогеохимической лаборатории, но на это не так легко найти средства. Не знаю, удастся ли это, но я считаю это одной из важных современных задач. Получили ли Вы от Е.Д. Ревуцкой (Петроград, Геологический и Минералогический музей Ака-

демии) мою брошюру о живом веществе [20]? Я ей писал, чтобы она Вам выслала. Свою книгу о живом веществе все откладываю, так как нет времени над ней работать сплошь, но работаю все время.

В геохимии, в истории углерода и других элементов затрагиваю некоторые из этих вопросов.

При развитии национализма в науке сейчас предприятия научные для иностранца всюду затруднены, а между тем ясно, что такая политика – величайшая ошибка. Немцы и французы непримиримы, и обе стороны; мне кажется даже, что немцы агрессивнее.

Вопросы организации науки подымаются. Так как государственные бюджеты дают мало, то сейчас здесь большое добровольное движение в пользу лабораторий: научные общества, отдельные лица, газеты (начала «*Matin*»)⁴ вызывают к публике; выставки, фабрики, профессиональные союзы, концерты, театры, борцы и т.п. отчисляют %, и сейчас уже собираются на нужды лабораторий миллионы франков.

Французы – талантливая раса – работают сейчас научно энергично и плодотворно, но сейчас у них, по моему мнению, не хватает людей для того положения в Новой Европе, в которое они поставлены.

Илья Исаакович⁵ до сих пор не прислал мне карту Украины, но я ему писал, и он обещает. Другие Ваши присылки получил через Франца Юльевича⁶, очень благодарю.

Нина сейчас на медицинском факультете в Праге, научилась хорошо чешскому языку и усердно работает. Мечтаю ее повидать летом. Мы с женой будем лечиться от ревматизма, затем я собираюсь в Цюрих, на заседание Совета международной почвенной ассоциации⁷, где, между прочим, участвуют и немцы.

В начале осени думаю съездить в Англию, в Ливерпуль, на съезд Британской Ассоциации⁸. В эту международную научную жизнь только что начинаю входить.

В общем, она в неопределенном положении, но жизнь берет свое, и начавшиеся без немцев организации приобретают силу, и немцы в конце концов должны будут туда войти. Их попытки образовать свои международные организации, мне кажется, обречены на неудачу.

Дело в том, что сейчас центр тяжести научной работы у англосаксов. Роль и значение американской научной мысли и научной работы только что начинает сказываться. Заморские внеевропейские страны приобретают огромное значение. Там немцы потеряли почву. Подымаются славяне. Имели ли Вы издания Польского геологического комитета? Работы их, чехов и сербохорватов интересны. Я очень боюсь ориентации русской науки к немцам и считаю это огромной ошибкой.

Деятельность Американского геологического комитета колоссальна, и характер их геологических и минералогических обобщений и изысканий очень интересен. Сейчас я слежу больше за минералогическими работами – они подавляют массой нового материала, который они дают и который приходится перерабатывать.

Из новых геологических исследований, кроме применения изостаза, мне представляется интересной для нас хронология послетретичных Средиземноморья (Де Лапаран⁹, Депере, Соллас [260, 282]) в связи с террасами.

В этом отношении очень важны реки Украины и Юга России и террасы Черного моря. Сводки даны Sollas в «Nature» и Депере в «Revue général des Sciences». Может быть, последнюю смогу Вам достать, если ее у Вас нет. Очень интересны популярные американские сводки, которые дают совсем иное чувство геологии Земли, чем старые европейские работы.

Французы сейчас много делают в Индокитае, охватили Африку (северную) своей работой и Балканы (Румыния, Албания и т.д.).

Всего лучшего.

Каждая весточка из Киева мне дорога.

Ваш В. Вернадский

P.S. Привет Вашим, Николаю Прокофьевичу¹⁰.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 14, 15 об.

¹ Это письмо Б.Л. Личкова не сохранилось, так же как и все последующие, посланные им в Париж и Прагу.

² См. примечание 1 к письму 15.

³ Курс минералогии в Париже опубликован не был.

⁴ Журнал «Matin» основан в Париже в 1882 г.

⁵ И.И. Гинзбург.

⁶ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг.

⁷ Данных о том, что В.И. Вернадский ездил в Цюрих, найти не удалось.

⁸ Доклад об алюмосиликатах В.И. Вернадский прочитал 17 сентября 1923 г. в Ливерпуле, в заседании Британской Ассоциации наук.

⁹ Работ этого Де Лапарана найти не удалось. Есть Де Лапаран – ученый конца XIX в. Но, очевидно, не тот.

¹⁰ Н.П. Василенко.

18

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Париж, 11 января 1924 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень меня обрадовало Ваше письмо, и многое мне хотелось бы написать Вам – но я совершенно не справляюсь со своим временем и не успеваю сделать и малой доли того, что хочу. А работаю целый день...

Все время много думал и о Вас, и о Киеве, и хотелось бы Вам многое написать и сообщить. К стыду своему, не посылал Вам давно уже приготовленных журналов, и теперь – хотя и за 1923 год – высылаю Вам.

И здесь я не могу следить за литературой, как хочу, так как журналы разбросаны и я не успеваю их доставать и за ними за всеми следить.

Сейчас печатаю книгу «La Géochimie» [22], надеюсь через месяца $1\frac{1}{2}$ –2 Вам выслать; значительные части ее мною обдумывались и вырабатывались в 1918 году в Киеве. Готовлюсь к чтению лекций в Сорбонне – об истории металлов в земной коре – Fe, Pb, Cu, металлах редких земель, а через две недели позже в Museum d'Histoire naturelle о силикатах¹. С силикатами интересно, что работы здесь в лаборатории Орселя дают для хлоритов новое подтверждение моих представлений, данных больше 20 лет назад. Мне сейчас, кажется, удастся получить свободную каолиновую кислоту. Вопрос о строении си-

ликатов становится на очередь, и я сейчас вхожу в научный спор с Томсоном и Меллором: распадается ли каолин при низкой температуре или нет. Думаю, что это *experimentum scuris*².

Мой срок командировки кончается к маю, а мне еще много осталось сделать. Теперь буду работать я в Радиевом институте Кюри³.

Я вошел сейчас в новые представления о строении атомов. Обратили ли Вы внимание на теорию Бора⁴? Успехи в этих вопросах удивительны. И перед ними и вообще перед успехами науки для меня исчезают и кажутся маленькими все социальные и политические осложнения и стремления.

В философской области здесь очень велик интерес к восточной философии. Любопытны работы Массон Урселя⁵; я сейчас читаю его «*Philosophie comparée*» [273]. Сравнение ходами развития и достижений философии нашей, греческо-семитской европейской, с индийской и китайской. Много общего. Его толкования не удовлетворяют – но область захвачена им очень интересная и огромного значения.

Из нового крупного – работы иезуита Гагена, меняющие картину неба – то, что мы считали пустотой – темные тела – $\frac{3}{4}$ небесного свода.

Посылаю эти несколько строк и горячий привет от нас обоих.

Всегда Ваш.

В. Вернадский

P.S. Хотел написать много – но нет времени, и сейчас вечером устал от работы и шлю обрывок того, что хотел написать.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 16, 16 об.

¹ Сведений о прочтении этих лекций найти не удалось.

² Решающий эксперимент (лат.).

³ См. комментарий 1 к письму 15.

⁴ См. Bohr N. The structure of the Atom «Nature», 1923, № 112 (лекция, прочитанная в Стокгольме 11 декабря 1922 г. по случаю присуждения автору Нобелевской премии по физике за 1922 г. Некоторое время спустя вышла отдельным изданием). См. также: Нильс Бор. Избранные научные труды, т. I, М., 1970, с. 417–452; т. II, М., 1971, с. 30–53; 56–71. В.И. Вернадский с теорией Н. Бора о строении атома мог познакомиться также и по работам его в русском переводе. Например: Н. Бор. Три статьи о спектрах и строении атомов. М., 1923.

⁵ Массон-Урсель – видный исследователь философской мысли народов Востока, в частности древнеиндийской философии. Кроме упоминаемой ниже, В.И. Вернадский мог быть знаком также и с его книгой *Esquisse d'une histoire de la philosophie indienne*. Paris, 1923.

19

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Париж, 17 ноября 1924 г.

Дорогой Борис Леонидович,

давным-давно не имею о Вас и от Вас известий – но очень часто мыслью и сердцем с Вами. И дорогой мне Киев, и киевские ученые центры все время мне близки.

Я посылаю Вам свою геохимию [22] и прилагаю еще несколько книжек. Думаю, что книжки Мейерсона у Вас нет. Она, впрочем, много слабее его первой книги, которую впервые я прочел у Вас в Киеве.

23

Я очень хотел бы иметь Ваш отзыв о геохимии. Я вижу многие ее недостатки и сейчас многое бы переделал – но все же, мне кажется, она может быть нужной, и я высказал здесь в связной форме впервые давным-давно мною узнанное и продуманное. Я считаю, что мои представления о живом веществе вносят новое и важное в понимание природы, и связное их изложение составляет не науку, конечно, но «учение» в общей схеме знания, которое не было до сих пор в цельном виде высказано. Так или иначе, учение о живом веществе является особой формой понимания и явлений жизни, и окружающей нас природы. Следствия из него огромны.

До сих пор все мои попытки добыть средства для создания биогеохимической лаборатории были неудачны. Я получил лишь возможность работать сам в течение года и имею еще кое-какие – очень небольшие средства – для анализов и т.п. Сейчас, отчасти благодаря самим ученым, их положение в относительно тяжелых экономических условиях жизни не отвечает их реальному значению, хотя оно, кажется мне, во Франции, например, сильно улучшилось по сравнению с довоенным. Тяжело отзывается расстройство международных научных организаций – соперничество немцев и французов. Но французские международные связи растут.

Я остался на год в Париже, хотя и не получил, как просил, продления командировки¹. Не счел себя вправе уехать, так как столкнулся со странными явлениями в группе урановых африканских минералов, которые мне указывали – и указывают – на широкие новые научные горизонты. Работа медленная и трудная. Надеюсь, в ближайшее время справлюсь. Думал сперва, что эти явления связаны с изотопами, но, по-видимому, с присутствием химических элементов, определить которые пока не могу.

Сейчас очень много работаю в этой области. И сейчас мне передали материалы из Бразилии, очень радиоактивные, в которых я нашел Th – но не мог найти U, хотя на вид они урановые – по-видимому, новые тела. В этой области еще многое нам неожиданное откроется. Схемы очень выходят за пределы эмпирического материала².

Моя мысль опять все больше уходит в философские вопросы. Сейчас опять хочу кое-что издать в этом направлении. Мне кажется, мы переживаем здесь удивительный период нового творчества, расцвет которого будет уже после нас, после людей моего поколения, во всяком случае. Я хочу издать по-французски с добавлениями мою статью о научном мировоззрении, которую перевела жена. В общем, все основные идеи в ней для меня остались нетронутыми – но кое-что может быть сейчас высказано более определенно³.

А затем сижу над двумя работами, даже тремя. По-русски издаю в Праге «Биосферу»⁴, где касаюсь более общих вопросов, научных, только на грани с философскими. Это небольшая книжка в 6 печ. листов. Печатается новым правописанием, так что, по русским цензурным условиям должна быть допущена к обращению в России.

Затем хочу прочесть – и сейчас их готовлю – две лекции о симметрии и ее значении в научном и философском мировоззрении⁵. Мне кажется, что сейчас требуют не только научного, но и философского развития идеи Пастера и П. Кюри, впервые охвативших – но не давших окончательного его изложения – основное значение принципа симметрии в окружающем Космосе. Новая – относительно – книжка Егера меня не удовлетворяет с философской

точки зрения. А между тем сейчас совершенно ясно, что принцип симметрии лежит не только в основе наших представлений о материи, но и об энергии, и-думаю, о всем Космосе. Он же регулирует и мир атома, и мир электронов, и, как бы их ни усложнили, он останется.

При этом удивительно полное отсутствие его понимания и признания во всех спекуляциях философии. Мне кажется, принцип симметрии, имеющий такое огромное значение в научном понимании мира, совсем исчез из философской мысли. Конечно, в скрытом виде его зачатки мы видим и у Платона, и у разных течений, связанных с пифагорейцами, и кое-где в эстетических представлениях – проблески у Канта – но как все это далеко от нашего научного учения о симметрии! Я говорил кое с кем из философов (Лосский, Gilson), они не могли мне указать ничего в философской литературе. Я пишу этот очерк по-русски, но думаю его издать и по-французски.

По-французски я пишу сейчас статью «*Idées du progrès et l'autotrophisme de l'humanité*» [28] – она тесно связана с учением о живом веществе. Мне кажется, мы присутствуем при огромном геологическом перевороте – создании автотрофного позвоночного.

Последствия его будут огромны. Как видите, тут я выхожу за пределы точного знания.

Надо кончать. Хотел Вам написать о научных исканиях – но поздно – надо уезжать в Париж (несколько минут езды). Геологическое общество здесь оживленное, но больших геологов нет (в Париже Haug, G. Bertrand, Fermier). Все захвачено тектоникой и шариажами. Мне больше интересны подразделения четвертичного в связи с террасами (я Вам как-то послал *Revue Générale des Sciences* об этом). Интересно применить к террасам наших больших рек.

Мне кажется любопытным Cloos в Бреславле с его критикой гранитных батолитов [258] и, с другой стороны, новая (1923) статья Daly о земной коре (*Americ. Journal Sc.*) [259].

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Жена шлет горячий привет. Как Вы и как Ваши, и как все друзья? Прочел недавно Справочник Украинской Академии. Все-таки большое дело! Что Геологический комитет?

Из французских философов интересны католики (Gilson) и Masson Ourcel. Книжку последнего Вам пришлю. Была отложена – кто-то забрал [272].

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 17–18 об.

¹ Срок командировки В.И. Вернадского в Париж кончался 17 июля 1924 г. В июле 1924 г. В.И. Вернадский обратился в Академию наук СССР с просьбой – продлить его командировку до октября 1925 г., в связи с необходимостью закончить взятые им на себя научные обязательства. По этому заявлению Общее собрание Отделения физико-математических наук АН СССР приняло решение, что «В.И. Вернадский с 1 сентября 1924 г. сохраняет только звание академика» (т.е. без выплаты зарплаты и расходов по командировке). Вместе с тем, принимая во внимание большое научное значение работы В.И. Вернадского в Париже, Собрание решило поставить в известность Наркомпрос о желательности возвращения В.И. Вернадского в Ленинград по окончании работ в Париже (см. «Протоколы заседания отделения физико-математических наук АН СССР» от 3 сентября 1924 г.).

² Окончательные данные по этим материалам в работах и письмах отражения не получили.

³ Статья на французском языке опубликована не была.

⁴ В Праге «Биосфера» опубликована не была.

⁵ Сохранился набросок первой лекции. См.: В.И. Вернадский. Принцип симметрии в науке и философии. – В кн.: Размышления натуралиста. М.: Наука, 1976. Кн. 1.

20

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Bourg la Reine (Seine) 4 Rue Chemin de fer, 12–15 июня 1925 г.

Дорогой Борис Леонидович,

так мне совестно, что я так поздно отвечаю Вам и не поблагодарил за Вашу карточку, которую так рад был получить. Посылаю Вам свой портрет, снятый года два назад. Мне тоже как-то совестно, что я в здешних – в общем, в хороших условиях личной работы, не связанный внешними обязанностями, не нахожу времени для правильной переписки и ее безобразно запускаю. Я думаю, что виною этого являются мои года, не позволяющие мне работать очень интенсивно, хотя я и стараюсь не терять времени.

В сущности, вся моя жизнь, все мое время в научной работе, а между тем все медленно движется и не закончено. Медленно идет моя «История минералов земной коры», которую печатаю в Петербурге (я напишу в Издательство, чтобы Вам выслали экземпляр первого выпуска [21]). Последние недели я все время сидел над ней, над обработкой главы о воде (3-й выпуск) и работал над ней с большим углублением и интересом. Огромный материал, который имеется, совершенно не использован и, в общем, никогда никем не был сведен. Мне кажется, что историю воды, как я сейчас ее даю, никогда еще не набрасывали. Между прочим, получают любопытные данные и в связи с классификацией природной воды. Может быть я эту часть напечатаю отдельно по-французски. Начатую книжку о биосфере совсем забросил, так же, как не двинулась французская книга о живом веществе в биосфере, над которой все время работаю: по существу, это все та же работа, которую я вел в Киеве. Сдал в «Comptes Rendus» здешней Академии небольшую заметку о давлении живого вещества в биосфере [26]. Что-то она задержалась печатанием, по-видимому, ее находят необычно странной – я знаю, что ее читали некоторые академики: должно быть ищут ошибки. Мне удалось найти законности, позволяющие измерить это давление, константу α , как я ее называю, живого вещества. Я думаю, что это одно из завершений моей жизненной работы – не знаю, будет ли оно понятно современникам¹. Как историк науки я знаю, что это далеко не всегда бывает так. Готовлю другую заметку о константе β , позволяющей сравнивать давление живого вещества (проявляющееся в размножении) в единицах массы. Здесь получают любопытнейшие выводы, которые развиваю в книге о живом веществе в биосфере, которую начну с июля окончательно писать². Я пришлю Вам эти заметки, как только выйдут, а пока посылаю небольшую статью в «Revue Generale des Sciences»³.

Ужасно мне хотелось бы попасть в Киев! И в Петербург. Меня усердно в письмах зовут в Петроградскую Академию – но как это сделать, я не знаю и думаю, что это их дело, а не мое, об этом заботиться, так как *они не согласились в свое время на мою просьбу*⁴. Сейчас получаю приглашение про-

честь годовой курс геохимии в одном из западноевропейских университетов и, очевидно, должен взять это предложение, так как надо жить, и это даст мне известную независимость. И, по существу, я хотел бы прочесть связный и цельный курс, которого никто не читал⁵. *Этого* при расстройстве русских университетов в России, сделать нельзя. Очень бы хотел приехать на юбилей в Петроград⁶. Были бы деньги – не задумался бы.

Мне дорога всякая весточка о научной работе в Киеве и на Украине. Знаю урывками. Присланные Вами работы получил и очень благодарю – большую часть прочел.

Обо многом хотелось бы поговорить. Сейчас в области философии много здесь интересного. Для меня наиболее любопытны течения восточной мысли, ее влияние и неотоцизм⁷. А с этим связано резкое изменение взглядов на ход развития человеческой мысли. Всего лучшего. Горячий привет от нас обоих Вам и Вашей жене.

Ваш В. Вернадский

P.S. Пишу чернилом русского изобретения, боюсь, неудачным.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 19, 19 об.

¹ К сожалению, В.И. Вернадский оказался прав, и эти его идеи долгое время не были по достоинству оценены современниками. Они приобрели особую актуальность лишь во второй половине века в связи с вопросами охраны биосферы, идущими как в нашей стране, так и на уровне Организации Объединенных Наций.

² Какую книгу о живом веществе имеет в виду В.И. Вернадский, из письма неясно.

³ В 1924 г. в журнале «Revue générale des sciences» были опубликованы две статьи В.И. Вернадского [23, 24], в 1925 г. сдана в печать еще одна [29]. Какая из этих статей имеется в виду, неясно.

⁴ См. примечание 1 к письму 19. Вот, что написал сам В.И. Вернадский по этому поводу: «...уезжая из Ленинграда, я дал обещание тогдашнему заместителю наркома Народного Просвещения М.Н. Покровскому вернуться в СССР по окончании лекций в Париже. ...Из-за разных формальностей, я опоздал к началу лекций в Париже в 1921 г. и смог их начать только в 1922 г. [...]».

Из Академии я получал зарплату только первое время. Но я получил в Париже одну из премий Академии наук [Французской.– *Ред.*] в 10 000 франков и небольшую сумму от Сорбонны за чтение лекций.

В 1924 г. я получил из новой научной организации Fondation Rosenthal 40 тыс. франков на работы по биогеохимии. Я должен был сдать отчет и этим отчитаться в полученных мной от них суммах. [...] И вдруг я получил ультимативное требование от Академии, чтобы я немедленно вернулся в Петроград. Я ответил, что немедленно по окончании сдачи отчета приеду. Но как ученый не могу уехать, не сдав отчета и не закончив свои обязанности перед Fondation Rosenthal.

А.П. Карпинскому я написал подробное письмо и получил от него хороший ответ [...].

Я усиленно работал над отчетом и принимал меры, чтобы найти заработок [...].

Не знаю, что произошло в Петрограде, – и я никогда не старался это разузнать, – но вдруг я получил телеграмму с предложением занять одну из десяти новых кафедр академиков, которые были установлены после празднования юбилея Академии – ее двухсотлетия.

Академия настаивала, чтобы я приехал сейчас же [...], что для меня было вполне понятно и приемлемо («Из воспоминаний», ф. 518, оп. 2, № 70, с. 39–44). Весной 1926 г. В.И. Вернадский вернулся в Ленинград.

⁵ Это намерение В.И. Вернадский осуществил только в 1928 г., когда прочитал в Праге, в Карловом университете курс из 16 лекций по геохимии (18.II–29.III).

⁶ Имеется в виду 200-летний юбилей Академии наук СССР, на который В.И. Вернадскому попасть не удалось.

⁷ Примерно с 20-х годов у В.И. Вернадского пробуждается и впоследствии все более крепнет интерес к философским течениям Индии и Китая. Он полагал, что некоторые из философских идей Востока опередили в своем развитии философскую мысль Запада и могут представлять для современной науки, биогеохимии в частности, значительную ценность (это относится, например, к таким проблемам, как космичность и вечность жизни, единство живого вещества, единство живого и косного, взаимные их превращения и переходы и др.).

21

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Париж,] 19 июня 1925 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только вчера послал Вам письмо и свою фотографическую карточку, – а сегодня получил от Вас издания Общества естествоиспытателей и Труды съезда производительных сил. Очень за них благодарю. Беру с собой в Bourbon Lancy (Seine et Loire) Villa du Rocher, куда еду на три недели на днях.

Посылаю заметку свою о влиянии живого вещества на атомы [25]. Здесь открывается новая область явлений, которую рассчитываю развить. 21.VI.

Вчера вечером прочел с большим интересом биографии Кистяковского и Левицкого, написанные Николаем Прокофьевичем [181, 182] (как-то он!) – перенесся в дорогой Киев... Быстро идет время. Надеюсь скоро выслать работу о давлении живого вещества [26].

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3. д. 1, л. 20.

22

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Париж,] 23 августа 1925 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Собирался Вам писать, так как узнал, что Вы в Киеве, когда получил Ваше письмо. Ужасно рад. Дело в том, что мне вернули с массой пометок мое старое заказное письмо к Вам с моей фотографической карточкой. Узнав, что Вы в Киеве, я собрался Вам вновь посылать мою карточку (лучшей другой у меня нет), когда получил Ваше письмо.

Очень меня заинтересовало и обрадовало то, что Вы пишете о Пивихе [96]. Перенесло меня в мои молодые годы, в Градижск и в Полтаву.

Я очень рад, что тогдашняя моя работа не пропала, и рад, что Вы опять попали на это место [1].

Я, конечно, очень отстал от геологии и от геологии Полтавщины, в частности. Но мне хочется в связи с Вашим письмом набросать несколько старых мыслей и воспоминаний. Тектоника Украины, несомненно, более сложна. Статью Резниченко о Каневе [224] читал – интересна – но мне кажется, надо брать больший масштаб для сравнения, раз ищешь причину. Конечно, первое дело то, что он делает – *точное* описание местности. Кстати, очень интерес-

но обратить внимание на так называемые кобылы¹ по Пселу, удивительное их строение около Шишак и в моем хуторе. Их геологическое строение совсем иное, чем промежуточным пространства. Я не знаю, не касался ли их Мирчинк, если нет, очень надо было бы их изучить. Это очень близко от Полтавы. Для геологии Украины важны *террасы* рек, особенно в связи с новейшей геологической хронологией постплиоцена, их можно и нужно связать с геологией Средиземноморского бассейна.

Морскими террасами занимался и Андрусов, и раньше Краснов, но наши речные террасы больших рек сейчас могут быть совсем иначе поняты, чем раньше. Не знаю, кто их касался с этой точки зрения и касался ли кто в последнее время? Очень интересны для постплиоцена окрестности Ламанного Кременчугского уезда, которые я когда-то мечтал еще раз исследовать, когда жил в Полтавщине.

Работы Крокоса и Алексеева, к сожалению, знаю только по литературе.

Все издания Геологического комитета и Ваши получил и очень благодарю. Об этом писал и в вернутом мне письме, которое вновь посылаю.

Надеюсь, что это до Вас дойдет. Сейчас хочу скорее все это послать, а о Ваших статьях о тектонике, которые я читал, напишу позже. Я очень отстал от тектоники. Здесь всюду шарьяжи, но мне кажутся интересными и, может быть, для Украины важными работы Клооса [258] (знаете?) – нельзя ли про бурить южный гранитный массив. Батолит ли это²?

Сейчас кончаю свою биосферу, в ней три главы, надеюсь ее выпустить в январе [30]. В нее я ввожу свой охват энергии живого вещества. Я сейчас вычисляю и нашел выражение скоростей размножения живого вещества (геохимической энергии). Много удивительно интересного.

Посылаю Вам свои последние работы. Если посылал, *Revue génér. des sciences*, то дайте кому-нибудь.

Ваш В. Вернадский

P.S. Известите о получении письма.

Будущий год буду, должно быть, читать геохимию в чешском университете, в Праге³.

Хотел бы приехать на юбилей Академии, но, к моему огорчению, не удалось устроиться.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 21, 21 об.

¹ «Кобылы» – остатки естественных валов, которые проходили вдоль р. Псёл до д. Лютенки и до Шишаков (литовская граница XVI в.).

² Батолит – крупный массив магматических пород (чаще гранитов) неправильной формы.

³ См. примечание 5 к письму 20.

Bourg la Reine (Seine), 22 октября 1925 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень рад был иметь от Вас весточку. Посылаю Вам свою новую статью об автотрофности человечества [28] и прошу Вас передать другой экземпляр Холодному, а третий в Украинскую Академию (вместе с 2-мя другими брошюрами, которые я Вам, кажется, посылал) через П.А. Тутковского, во II отделение, во всяком случае.

Я сейчас пишу свой предварительный отчет в фонд Розенталя [27], а затем, закончив, уезжаю из Парижа, сперва в Прагу, а потом, в декабре, может быть, в Петербург, если Академия обеспечит мне возвращение и чтение лекций геохимии в Пражском университете в ноябре 1926 года. Вот если бы это устроилось – как бы я хотел побывать в Киеве! Мы уедем из Парижа в ноябре. Адрес Пражский – Praha, Bubeneč, Vučkova ul. 597.

Мне удалось подойти к дальнейшему развитию идеи о ходе жизни, и, кажется, ухватиться за большое явление. В отчете фонду Розенталя я даю первое его выражение. Мне кажется, размножение организмов представляет в механизме биосферы процесс астрономической точности. Можно его вычислить до конца и вычислять в связи с массой и движением и размерами так же точно, как вычисление планет. Путем рождения выбрасываются новые организмы – определенные массы, – и растекающаяся (то есть движущаяся) этим путем жизнь дает в земной коре форму и движение особого характера.

Энергия этого движения связана с массой движущихся тел (весом организмов) и скоростью их движения – размножением. Эта скорость – v – *скорость передачи жизни* – иногда огромна, Она является функцией $(\alpha + 1)$, о которой я говорю в своей заметке в Comptes Rendus [26]. Она выражает скорость передвижения живого вещества путем размножения по земной поверхности. Есть для нее предельная величина, *равная скорости звука*, – для бактерий $v = 33\ 100$ см/сек*. Выражение v , которое может быть вычислено для каждого вида, дает меру его кинетической энергии. Множество вырисовывается любопытных видов, но также выявляется много новых неожиданных вопросов. Как будто есть признаки особой энергии для Metazoa («метазойной» энергии), иначе у меня получаются непонятные соотношения. Предел размеров организмов несомненен, и низший может быть точно вычислен. Исходя из максимальной предельной скорости передачи жизни** ($v = 33\ 100$ см/сек) можно вычислить пределы Δ в функции размера организмов¹, разные для больших групп организмов. Любопытно, что максимальные возможные размеры порядка 10^3 см; ведь никогда не было организмов больше (сейчас киты, кашалоты, водоросли), и в течение всего геологического времени то же самое! В статье в «Природе», которая должна скоро выйти, я еще не касаюсь скорости передачи жизни, меня теперь чрезвычайно захватившей.

По поводу мальтузианства мне кажется, здесь забывается, что размножение человека (v – одна из наименьших, близкая к 0,1), хотя и совершается в

«геометрической прогрессии», но эта прогрессия, несомненно, слабее такой же прогрессии пищи (например, для рыб $v = 11 \div 30$).

Я думаю, что борьба за существование как фактор изменения (эволюции) едва ли имеет значение. Процесс глубже: должно быть, он идет скачками: при переходе одного вида в другой меняется Δ (в связи с изменением веса и размеров и неизвестной гипотетической «формы энергии»?). Я думаю, что «экспанция» жизни, о которой Вы пишете, и есть «передача жизни».

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

* Мне кажется, этот предел не случаен, хотя я вывел его эмпирически, это предел, вызванный *дыханием*, то есть газовым обменом, и связан с упругостью газа. Благодаря этому он не может быть превзойден.

** Минимально для слова 0,1 см/сек.

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 22, 22 об.

¹ Δ – коэффициент, характеризующий темп размножения.

24

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Praha, Vubeneč, Vučkov, ul, 597, 13 февраля 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень рад был получить Ваше письмо. Надеюсь в конце этого месяца выехать в Петербург, где думаю быть еще до марта. Я должен был быть там еще в декабре-январе, но почему-то задержались бумаги, выясняющие мое положение, и я только на Днях получил официальное извещение, что сделаны необходимые распоряжения из Москвы.

Очень хотел бы побывать в дорогом мне Киеве. Надеюсь сделать это позже – теперь же еду прямо в Питер через Берлин, где хочу пробыть несколько дней и повидать немецких ученых и немецкие институты.

Вашу работу получил и прочту дорогой; между прочим, вчера слышал в здешнем Геологическо-Минералогическом обществе очень интересный доклад краковского ученого проф. Новака (которого чехи считают самым интересным из польских ученых) о тектонике Польши (он захватывает и Украину); здесь же напечатана работа украинского географа Рудницкого о тектонике Украины [225]. Рудницкий по старым, мне известным работам, не казался мне интересным, но, говорят, он работает. Я думаю, что, если Вы пошлете Вашу работу проф. Новаку (в Краков, Ягеллонский университет) и попросите его Вам выслать его, он пришлет. Новак хорошо знает по-русски. Здесь не знаю, знаете ли, по тектонике Карпат работает молодой Андрусов, сын Н.И., которого чехи очень ценят и должно быть устроят ассистентом у проф. Р. Кеттнера (моего приятеля, талантливого геолога – хорошо знает по-русски) в Карловом университете.

Чехи и поляки благодаря своим геологическим комитетам сделали очень много за эти годы. Как всюду, в геологии сейчас царство тектоники.

Я сдал в печать свою книжку о биосфере [30] и к ней небольшое предисловие, за которое, может быть, вознегодуют геологи. Мне кажется, в ней я выразил то, что хотел: поразительно ясно встает передо мной вопрос о механизме земной коры, согласованности ее явлений; между прочим, я думаю, что мысль о планете, всецело покрытой сушей или морем, в корне неверна. Мог обработать для печати только два очерка, три же отложил – сейчас нет времени.

Я все больше углубляюсь в понятие геохимической энергии; помимо большого французского мемуара, я надеюсь быстро напечатать две лекции, которые я прочел – по-русски – в Массарикском университете в Брно (переводятся по-чешски)¹: «О скорости передачи жизни в биосфере и связанной с ней геохимической энергии живого вещества» [32]. В них я останавливаюсь на основных принципах. Сейчас иду глубже. Передо мной открывается новый мир.

Всего лучшего. Пишите сейчас в Петербург – В.о.², 7 линия, 2 (дом Академии наук).

Ваш В. Вернадский

P.S. Вопрос о террасах очень интересен. И для археологов – связали с культурными остатками? Должны получиться хронологические даты (для Лубен, например).

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 23, 23 об.

¹ Перевода на чешский не найдено.

² Васильевский остров.

25

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому¹

[Киев,] 17 апреля 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Из ряда источников, но все из вторых рук, знаю, что Вы уже в Петербурге. Вижу, что со дня Вашего приезда Вы забыли меня совершенно и нет от Вас никаких вестей. Почему это? Я думаю, мне скоро придется быть в Петербурге, и заранее радуюсь перспективе увидеться с Вами.

Сообщите мне адрес Надежды Андреевны Андрусовой в Праге. Я получил от семьи Николая Ивановича² книжку его воспоминаний [168], но не знаю, куда послать свою благодарность.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 519, оп. 3, д. 976, л. 1.

¹ Письмо адресовано в Ленинград.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

В.о. 7, линия 2, 11 июля 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я получил приглашение на Съезд¹ и очень мечтаю побывать в Киеве, с которым у меня связано столько дорогих воспоминаний и где столько близких и дорогих мне людей. Непременно хочу быть на Съезде и пробыть несколько дней в Киеве. К сожалению, по-видимому, смогу пробыть очень недолго. Официальное письмо одновременно с этим посылаю П.А. Тутковскому. Может быть, сделаю какое-нибудь сообщение², но, главным образом, мне хочется повидаться с людьми.

На днях мы выезжаем с женой до 1 сентября в Ессентуки и Кисловодск. Я прошу Вас посылать туда все, касающееся Съезда, сперва в Ессентуки, до востребования, а оттуда пришлю Вам свой адрес. Вам, вероятно, придется все время быть в Киеве, так как на Вас ляжет главная работа по съезду?

Еду на Кавказ, так как у меня есть осложнение с сердцем, а затем и для жены. Надеюсь, что воды нам помогут. Сейчас кончаю печатанием три работы и надеюсь послать их Вам еще до Съезда. Все больше углубляюсь в живое вещество и получаю новые результаты. Надеюсь, что сейчас – после выхода моих статей в Известиях Академии [33] и книжки «Биосфера» – [30], меня будут понимать. Одновременно организую работу по изучению геохимической энергии и химического состава живого вещества; идет медленно, но, думаю, довольно прочно.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Мне кажется, из Петербурга приедет на съезд – по крайней мере собирается – не мало.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 25, 25 об.

¹ Второй Всесоюзный геологический съезд. Состоялся в Киеве с 30 сентября по 6 октября 1926 г. П. А. Тутковский – почетный председатель оргкомитета съезда, Б.Л. Личков – председатель оргкомитета.

² В.И. Вернадский с сообщением на съезде не выступал.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 18 сентября 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Не знаю, где Вы находитесь, и потому, на всякий случай, пишу Вам на два адреса: в Ессентуки и в Петербург. Очень жду Вас на съезд¹. Рад буду, если Вы найдете возможным остановиться во время съезда у меня, но, к сожалению, я могу предложить только проходную комнату (столовую). Боюсь, что Вам это будет неудобно. Как Ваше здоровье и самочувствие?

Я только на днях как приехал в Киев и сразу же погрузился в целую кучу разнообразных забот, связанных со съездом, и иных. Приехал я из района

своих геологических работ (32 лист²), где мне в этом году удивительно повезло и удалось сделать ряд интереснейших наблюдений над террасами. Боюсь только, что не успею подготовить весь материал к съезду: слишком уж много приходится гонять по городу по разным делам в различных направлениях.

В Академии наук для академиков, которые приедут на съезд, готовят помещения, так что можно будет остановиться и там.

Твердо верю, что Вы приедете, и радуюсь перспективе свидания с Вами. Я все ждал от Вас письма из Эссентуков, но так и не дождался.

Передайте мой горячий привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 2.

¹ См. примечание 1 к письму 26.

² Очевидно, 32 лист геологической карты района работ.

28

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Васильевский остров, 7 линия, д. 2. 20 сентября 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,

надеюсь очень приехать в Киев. Еду через Москву (Зубовский бульвар, дом 15, кв. Старицкого) и могу запоздать к открытию съезда. Если будут какие-нибудь изменения – известите. Сообщите также, как с квартирами (гостиница? есть комната ученых?). Боюсь, что отсутствие льгот явится препятствием: слышал, что для многих геологов Геологического комитета не дают пособий на поездку. Должен был от Академии ехать еще Карпинский¹, но слег, и его положение серьезно, по-видимому, ползучее воспаление легких – правда, в не очень сильной форме. Но в его возрасте это непростое дело.

В Москву выезжаю в конце недели и пробуду по делам несколько дней².

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 26.

¹ А.П. Карпинский – президент АН СССР.

² В Москве В.И. Вернадский пробыл с 25 по 28 сентября, провел ряд заседаний в Московском отделении КЕПС, в частности об образовании Московского отделения Радиевого института (ф. 518, оп. 7, письмо к Н.Е. Вернадской от 25.IX.1926 г.).

29

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 27 сентября 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Получил Вашу открытку и *очень* рад, что Вы приедете. По поводу помещения на время съезда¹ я Вам писал, но Вы должно быть моего письма не получили. Остановиться можно было бы и у меня. Только я боюсь, что так как

я Вас мог бы устроить только в столовой, то Вам было бы у меня не совсем удобно. Я, во всяком случае, был бы рад этому как перспективе возможно дольше повидаться с Вами во время Вашего пребывания в Киеве. На всякий случай сообщаю Вам, что остановиться Вы можете также в Академии наук (обратиться в главное здание к Иванцову), где для академиков, приезжающих на съезд, приготовлены специальные комнаты. Очень жаль, что не приедет Александр Петрович², и грустно, что он так неожиданно и сильно захворал.

Я нахожусь сейчас в состоянии предсъездовской суеты и верчусь, как в колесе. Просто минуты свободной нет, и вздохнуть некогда. Ужасно волнуясь, как вся эта кутерьма пройдет. Приезжайте, дорогой Владимир Иванович, пораньше; очень хочется подольше с Вами повидаться.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 3.

¹ См. примечание 1 к письму 26.

² А.П. Карпинский.

30

Б.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 11 октября 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,

пишу несколько слов, чтобы напомнить Вам, что я в ближайшее же время жду от Вас и от других заведующих отделами сведений о съезде¹ для доклада Академии. Не забыли ли Вы послать письмо Prior'у для Английского минералогического общества?

Посылаю Вам еще одну мою статью. Сегодня видел Карпинского (которому лучше) и рассказывал ему о съезде. Мне представляются достижения в области четвертично-плиоценовой истории очень значительными, и здесь съезд был яркий.

Здесь меня захватила масса работы. Думаю, что и Вам нужно отдохнуть.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 27.

¹ С 30 сентября по 6 октября 1926 г. в Киеве состоялся 2-й Всесоюзный съезд геологов, председателем которого был избран В.И. Вернадский. На съезде работали секции: 1) общей геологии; 2) полезных ископаемых; 3) гидрогеологии; 4) палеонтологии; 5) кристаллографии и минералогии; 6) педагогическая. Съезд вынес решение об организации Постоянного бюро по созыву геологических съездов в составе В.И. Вернадского, И.П. Герасимова, Н.И. Криштофовича, Б.Л. Личкова, Г.Ф. Мирчинка, В.Г. Мухина. 3-й съезд геологов намечено провести в 1928 г. в Ташкенте.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

([Киев,] 16 октября 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Только вчера вернулись из Канева и Подолии, и из-за этого я задержал присылку Вам материалов¹, ибо председатели секции полезных ископаемых оба были в отсутствии. Все же по их секции я материала не получил и посылаю пока то, что есть.

Посылаю Вам письмо В.Д. Ласкарева, которое я позволил себе вскрыть, так как знал, что оно относится к съезду.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 4.

¹ В данном письме Б.Л. Личков имеет в виду присылку материалов съезда В.И. Вернадскому как председателю съезда (см. ф. 518, оп. 4, д. 112). Съезд предложил организовать в системе Академии наук СССР Институт по изучению четвертичных отложений, поручил хлопотать об этом В.И. Вернадскому и И.П. Герасимову. В конечном итоге институт организован не был, однако была создана Комиссия по изучению четвертичного периода, существующая и поныне.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] В.о., 7 л., 2. 3 ноября 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,

получил Ваши письма и сведения, благодарю. От Ласкарева получил и еще письмо сюда, и ему ответил.

Как обстоит дело с постановлениями съезда? Здесь я виделся и с Мухиным, и с Мушкетовым, и дело организации Ташкентского съезда¹ движется. Но было бы важно начать хлопоты об организации Ассоциации через Геологический комитет и Академию наук. Есть ли у Вас проект обращения? Может быть двинуть нам с Герасимовым?

Точно так же сейчас получает злободневное значение вопрос о создании Института по изучению четвертичных отложений². Как двинуть этот вопрос? Аналогичный вопрос возникает по инициативе шведских геологов (организация международная по изучению послетретичных отложений Севера Европы). Я хочу в таком случае двинуть и наше постановление. Во всяком случае, этот момент нельзя упустить. Не знаю, как двинется вопрос (должно быть, через Академию наук) – но я хотел бы скорее иметь текст постановления. Текста постановлений съезда вообще нет у меня и не было еще недавно у Герасимова. Кто предложил вопрос об институте? Есть ли и будет ли мотивированная записка? Может быть организовать совещание по этому вопросу (при Академии наук прямо или при КЕПСе?)². Все это пишу пока *только для Вас*. Вы знаете, что на меня эта сторона работы съезда произвела большое впечатление, и я думаю, что здесь мы имеем почву для создания большого дела.

Вообще, надо спешить направить наши постановления – может быть Организационный комитет пришлет мне для передачи в Академию наук (и в

Геологический комитет?) официальный текст постановлений. Можно ли их напечатать? Во всяком случае, постановление об Ассоциации и об институте пришлите мне *скорее*.

Посылаю Вам свою «Биосферу» [30]. Очень хотел бы, чтобы Вы ее прочли. Николаю Григорьевичу³ на днях вышлю.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 28, 28 об.

¹ См. примечания к письмам 30, 31.

² См. примечание 1 к письму 31.

³ Н.Г. Холодный.

33

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 26 ноября 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,

посылаю Вам статью Эйнштейн¹. Она интересна как проявление его личности, не знаю, сделает ли она более понятными его теории. Отчего Римановскую (сферическую?) геометрию принять за основу? Очевидно, можно и другую?

Но может быть следует поместить перевод в «Природе»². Это все-таки голос живого человека, и одного из самых больших по дерзаниям человека нашего времени.

Пусть решит Берг.

Мне вырезки (и эту, и предыдущую) верните.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 24.

¹ О какой статье Эйнштейна идет речь – неясно.

² За 1926–1927 гг. переводов в «Природе» не было.

34

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[[Киев,] 1 декабря 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я скоро буду в Петрограде, куда мне придется приехать числа около 10–15 по делам Геологического комитета¹. Если около этого времени Вы найдете нужным и полезным устроить в КЕПС, как Вы писали, совещание по вопросу о создании Института четвертичных отложений, то я очень рад буду в этом совещании принять участие.

Получил сегодня письмо от известного мне, но незнакомого А.А. Гизетти, который, ссылаясь на Вашу рекомендацию, просит сообщить ему некоторые данные о печатных работах по зоологии Ножина Н.Д. Заочно я немножко знаю Гизетти, но что такое представляет он вблизи?

37

Больше ничего пока писать не буду. О всех успехах и неудачах (есть и то, и другое) подробно расскажу при личном свидании.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 5, 5 об.

¹ Сведения о том, что Личков 10–15.XII был в Ленинграде, не найдены.

35

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 6 декабря 1926 г.

Дорогой Борис Леонидович,
спешу Вас уведомить, что совещание по четвертичным отложениям предполагается в конце декабря – самом начале января.

Раньше не соберешь.

В конце декабря в это время и совещание минералогов.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 29.

¹ Совещание минералогов состоялось в Ленинграде с 31.XII 1926 г. по 7.I 1927 г. (ф. 518, оп. 4, д. 63). О совещании по четвертичным отложениям сведений за это время не найдено.

36

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Ленинград, 5 марта 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,
пишу Вам сейчас по делу. Думаете ли Вы остаться в Киеве при слагающихся обстоятельствах, о которых мне кое-что рассказывал Владимир Иванович¹? Не решитесь ли, как мне говорили, переселиться в Питер, где открываются для Вас большие возможности? Как ни дорога мне культурная работа на Украине, я не решился бы, при данных обстоятельствах, Вас там удерживать; нельзя из-за нее стеснять и ограничивать свою собственную научную работу – в сущности, основную слагающую роста науки.

Я в связи с этим очень мечтаю вновь связаться с Вами в совместной работе. Не пожелали бы Вы стать ученым секретарем Комиссии естественных производительных сил? Если даже Борису Александровичу² удастся сохраниться в Академии – его работа должна пойти по другой линии – он должен вернуться к спектроскопической работе. Конечно, я сделаю все, чтобы сохранить его, но работа в КЕПС'е в прежней форме для него, мне кажется, к сожалению, невозможна.

Я думаю, что будущее для КЕПСа очень большое, если только удастся привлечь в него настоящих людей. А я был бы счастлив возобновить с Вами нашу работу 1918–1919 годов.

38

Одна эта должность не даст полного обеспечения (около 200 р. в месяц) – но ее надо совместить, и в этом отношении можно и нужно будет сейчас же начать все хлопоты. Александр Евгеньевич³, который чрезвычайно сочувствует Вашей кандидатуре, сделает все, чтобы помочь Вам найти такого рода работу, которая совместима с ученым секретарством. Я думаю, Вам надо иметь не менее 350 рублей в месяц?

Работа в КЕПСе будет в значительной мере – в ее проявлениях – зависеть и от нашей с Вами инициативы. Возможности – по современному, здешнему масштабу – значительны.

Очень жду Вашего ответа, чтобы двигать дело.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 30, 30 об.

¹ В.И. Лучицкий рассказывал В.И. Вернадскому о неблагоприятной обстановке, сложившейся в те годы в Киеве. Группа ученых во главе с М.С. Грушевским стала проводить «украинизацию» Академии наук УССР, Геологического комитета и университета.

² Б.А. Линденер.

³ А.Е. Ферсман.

37

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 12 марта 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Ваше письмо сильно взволновало и глубоко растрогало меня. Большое прежде всего спасибо за Вашу заботу обо мне. Работать с Вами, возобновивши то, что было в 1918/1919 гг., это мне страшно улыбается; еще больше бы мне улыбалось, если бы я мог связать себя с Вами не только в научно-организационной, но и в чисто научной работе. Есть для меня даже много соблазнительного и в переезде в Питер, где, мне кажется, я мог бы найти много возможностей работы личной. А Вы совершенно правы: бывают обстоятельства, когда жертвовать дольше возможностью собственной научной работы нельзя, и мне кажется, что я как раз нахожусь в таком положении. То несколько лет я боролся с Геолкомом, принося ему и его успеху в жертву возможности собственной работы, то теперь мне приходится преодолевать новые вредные трения. Вечно так, конечно, невозможно, и я твердо решил начать новую линию жизни, вернувшись к *собственной* работе. Исходя из этого своего решения, я готов приветствовать сейчас все, что будет меня двигать под этим углом зрения. Я *вполне согласен* поэтому переехать сейчас отсюда в Питер согласно Вашему предложению. Но есть у меня все же маленькие сомнения. КЕПСу я очень сочувствую заочно, глубоко уважаю это учреждение, но меня несколько пугает огромность дела. Не буду ли я в роли секретаря КЕПСа так завален организационной работой, что о работе научной некогда будет и подумать? Вот вопрос, на который я бы очень хотел получить от Вас ответ. Ведь Б.А. Линденер, насколько я себе представляю, не работал научно все эти годы. Это – основной мой вопрос. Скажу прямо, засесть за одну науку и не выступать в роли организационной, этого я не могу; размах КЕПСа и его репутация меня

прельщают, но загружать себя я не хотел бы. Дальше, я хотел бы быть вполне в курсе дел относительно Б.А. Линденера. Почему он должен уйти? Почему речь идет о том, что его работа в КЕПС'е невозможна, и почему ему может не удастся сохраниться в Академии? Вы мне простите, дорогой Владимир Иванович, что я задаю эти откровенные вопросы, но в данном деле я хотел бы быть вполне ориентированным, а между тем, я, в сущности, ничего тут вовсе не знаю. Я, Б.А. Линденера лично не знаю, и потому, отвечая на этот вопрос, Вы можете совершенно не стесняться. Я Вам в свою очередь открыто скажу свою заднюю мысль. Она состоит вот в чем: если Б.А. Линдерером, проработавшим в данном деле около десяти лет, недовольны, то, может быть, это значит, что данное дело вообще через чур трудно, и превзойдет также и мои силы...

Я очень хочу приехать сейчас в Питер, чтобы лично во всем ориентироваться и, в частности, поговорить с Вами. Однако этому препятствует отсутствие у меня на это средств. Я послал в Геологический комитет просьбу, чтобы меня вызвали для доклада в Питер, но не знаю, пойдет ли на это дирекция. Может быть, Вы бы могли мне устроить вызов в Питер от Академии с оплатой хотя бы одного только железнодорожного проезда, что будет стоить всего около пятидесяти рублей.

В этом вопросе, о котором Вам говорил Владимир Иванович, есть сейчас новые благоприятные течения, о которых мне приятно Вам сообщить. Академия (украинская) не поддерживает П. Тутковского в его захватнической политике. 7 марта состоялось «Спільне Зібрання» Украинской академии наук, где обсуждали, между прочим, и вопрос о Геологическом кабинете университета, и Академия в своем постановлении, во-первых, отмежевалась от П.А. Тутковского, указавши, что его Геологический институт не есть учреждение Академии, а, во-вторых, высказалась против раздела Геологического комитета. Против этого раздела высказались также исследовательские кафедры геологии Харькова и Одессы. Таким образом, в этом вопросе не все еще безнадежно потеряно...

Если после ориентировки в Питере или Ваших ответов на мои вопросы окажется, что все мои опасения не имеют основания, считайте, что я с *благодарностью Ваше, дорогое для меня, предложение* принимаю. Как бы мне хотелось сейчас, сразу» перелететь в Питер, чтобы обо всем с Вами поговорить! [...]

Мне хочется два слова сказать о моей личной работе. Вы слышали, может быть, что мой доклад о террасах на Почвенном съезде¹ прошел очень удачно и был встречен с большим сочувствием. С тех пор я много еще работал над своей темой, сильно углубил ее и расширил, и теперь я сделал ко многим вопросам *четвертичного* периода очень убедительные подходы, осветив террасами ряд смежных тем. Очень я хотел бы Вас ознакомить, со своими выводами. Часть этих выводов у меня подкреплена почти нетронутым в литературе материалом о сменах палеоцинов фаун в ледниковом районе, для чего я проработал и палеонтологический материал. Очень бы хотелось в Питере, в Четвертичной комиссии при Академии наук, сделать по этому поводу доклад, тем больше, что мне хотелось бы нынешним летом получить возможность приехать для изучения террас, с одной стороны, в Полесье, а с другой – на

Волгу, у слияния с Камой, и на Каму. Не знаете ли Вы, сможет ли Четвертичная комиссия дать на это средства, если к ней обратиться?

Далее, у меня есть статья геологического и палеонтологического содержания «О палиудиновой фауне древнего и современного Днепра». Если без диагнозов видов, которые можно отложить до другого раза, то статья эта займет не более одного листа. Нельзя ли ее пристроить в академических изданиях?

Очень хотелось бы мне и ради четвертичных вопросов также побывать в Питере в ближайшее время.

Мой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Жду ответа с нетерпением.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 6–7 об.

¹ 6-й Всесоюзный съезд почвоведов проходил в Ленинграде 5–15 января 1926 г.

38

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Ленинград, 14 марта 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я написал Вам письмо о Вашем участии в нашей работе. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется это желательным. Думаю, что мы с Вами сможем сильно развить – сколько это возможно в наших условиях – деятельность Комиссии. Теперь еще несколько слов об условиях работы. Президиум Комиссии, куда Вы войдете, отнесся к Вашей кандидатуре чрезвычайно сочувственно и просил меня Вас об этом уведомить. Он будет рад, если Вы согласитесь. Затем я оформлю в сегодняшнем заседании необходимость сохранения квартиры в академических зданиях для ученого секретаря КЕПС, и в Вашем распоряжении будет квартира; за нее платят – но Вы сами понимаете, что все же при нынешних условиях казенная квартира – важное условие для человеческой – а не дикарской жизни. Очень жду Вашего решения. Если Вы решите принципиально, буду думать и пытаться Вам найти совместимую дополнительную работу.

В Академии получена Ваша бумага о попытке Тутковского разрушить Геологический кабинет университета. Бумага передана на заключение мне. Я думаю, пройдет заявление Академии. Я писал Крымскому, прося его прислать заключение Украинской академии, о котором я знаю по рассказам.

Но сверх того, его время уходило в вихрь мелкой жизни, который его и погубил. Мне до боли жаль Б.А. – я мечтаю о возможности вернуть его к научной работе, но возвращение его сюда невозможно. Ну, об этом при свидании.

Моя поездка все задерживается; еду, как только будет возможность, на четыре месяца¹.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 1, д. 1, л. 31, 31 об.

¹ С 15 мая по 15 августа 1927 г. В.И. Вернадский выехал вместе с женой в заграничную командировку. Июнь он провел в Берлине, приняв участие по приглашению германского посольства (вместе с группой других советских ученых) в «Неделе русских ученых», организованной Ost-Europa Gesellschaft. В Берлинском университете он прочел два доклада на немецком языке (позднее опубликованных): 23 мая – «Ueber die Geochemische Energie des Lebens in der Biosphäre» [39], 25 мая – доклад на тему «Каолиновое ядро в земной коре» – очевидно, «Ueber den Kaolinkern des Aluminosilikate und ihre Stellung: in der Erdrinde» [36]. Затем, встретившись в Берлине с сыном и дочерью, Вернадские поехали вместе с ними в Обершлемм, где В.И. Вернадский прошел курс лечения радиевыми ваннами. В июле Вернадские выехали в Норвегию (Берген и Осло), где Вернадский встречался с известным геохимиком В.М. Гольдшмидтом и обсуждал с ним вопрос издания Международного геохимического журнала. Переговоры эти остались незавершенными. К 1 августа, Вернадские вернулись в Берлин, а к 15 сентября – в Ленинград.

39

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 20 марта 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Считайте, что мое согласие уже дано. Я глубоко Вам благодарен за все Ваши заботы. Передайте также мою благодарность и президиуму КЕПСа, хотя я не сомневаюсь, что и тут этим отношением я всецело обязан опять-таки Вам. Я представляю себе дело так, что, очевидно, до осени я все-таки буду в Киеве, и только новый, уже академический год, я начну в Петрограде. Так, вероятно, будет всего удобнее?

Напишите, нужна ли подача моего личного заявления? Какие прислать материалы? Curriculum vitae?

Очень радуюсь возможности работать в непосредственной близости с Вами. Вообще, начинаю перестраивать свою психологию с киевского на петроградский лад. А вдруг ничего из этого не выйдет? Может так быть или нет?

Все-таки мне очень хотелось бы на несколько дней приехать в Питер, чтобы сделать там, на месте, все, что нужно, и все себе разъяснить.

Привет мой Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 8.

40

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Ленинград, 22 марта 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Страшно меня обрадовало Ваше письмо. Я счастлив опять работать вместе с Вами и уверен, что, поскольку можно, мы разовьем деятельность нашей Комиссии.

Несомненно, Вы должны одновременно работать научно, и это было большим для меня огорчением, что Борис Александрович забросил научную

42

работу. Он вел *два* больших дела: нашу Комиссию и организацию экспедиций. Но сверх того, его время уходило в вихрь мелкой жизни, который его и погубил. Мне до боли жаль Б.А. – я мечтаю о возможности вернуть его к научной работе, но возвращение его сюда невозможно. Это – трагедия воли. Ну, об этом при свидании. Вы знаете, что я никогда не обратился бы к Вам, если бы у меня были малейшие сомнения в возможности идти на эту должность.

Вчера в президиуме (в который Вы войдете) я доложил о Вашем согласии, и все рады. Сегодня высылаю Вам телеграфом или срочно 50 рублей, но мы постараемся уплатить издержки Вашего приезда. При свидании, конечно, все гораздо лучше выяснится.

Ваша статья о палюдиновой фауне [106] вполне может быть помещена в «Известиях Академии». Привезите ее. В «Известиях» можно поместить статьи до 2-х листов каждая.

О террасах переговорим при свидании.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 2, д. 1, л. 32, 32 об.

41

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 6 апреля 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня я провел в отделении Вашу статью «О зандровом ландшафте» в «Известиях» [97].

Пишу Вам, чтобы Вы имели в виду, что по условиям «Известий» статья не должна печататься в другом месте. Если она появляется на другом языке – то позже и с указанием, что напечатана в «Известиях». В Вашем списке трудов есть как будто такая же статья по-украински?

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 33.

42

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 18 апреля 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я посылаю Вам сегодня мою статью о зандровом ландшафте окрестностей Киева [97]. В ней *недостает одной карты, которая будет выслана Вам дополнительно*. Присылку статьи я задержал именно из-за карты: пришлось выправлять кое-какие погрешности в них и из-за этого ждать окончания работы чертежника.

Разумеется, нигде больше я этой статьи не печатаю. Да и вообще считал бы неудобным одно и то же печатать в разных местах. Статья эта на-

43

мечалась, действительно, для Укргеолкома¹ и на нее даже уже даны рецензии Резниченко и Г.С. Бурениным, очень положительные. Но в Укргеолкоме она стоит в порядке печатания в очень дальней очереди. Я ее оттуда взял уже.

Моя работа по террасам так меня сейчас захватывает, так хочется завершить все выводы, что просто ничем другим и заниматься не хочется. В «Геологический вестник» я дал сейчас коротенькую заметку «О террасах Днепра» [98]. Более полная статья по-украински дана мною для «Материалов по дослідж[ванню] ґрунтів України». В «Вестнике» Украинского геологического комитета я заканчиваю мою работу о террасах Днепра, печатая вторую ее часть [107]. Наконец, Вам я послал или посылаю статью об Ирпене [97], которая касается вопросов, *совершенно* не затрагиваемых в предыдущих статьях. Еще нужно прибавить, что в «Записки Киевского общества естествоиспытателей» я передал работу «Об ископаемых реках и безоточных впадинах» [99], которая тоже выросла у меня из обдумывания террасовой проблемы. Только что я закончил, мне представляется, весьма интересную по теме статью «К вопросу о геологической природе впадины Полесья» [104]. Эту статью я обязательно хочу прислать Вам для ознакомления и оценки. Очень хотелось бы мне также, чтобы ее до напечатания прочел А.П. Карпинский, если он на это согласится. Не окажете ли Вы мне в этом протекции?

Я так захвачен сейчас террасовой проблемой и четвертичными проблемами, что мне хотелось бы не на листовую съемку ехать, а гнаться по рекам за террасами. Меня тянет на Волгу, Каму, северные реки, а тут надо ехать в Первомайский уезд. Я много передумал в связи с этими и другими, стоящими передо мною проблемами практически личного характера. И вот к чему я пришел.

Я вижу, что интересы моей работы неизбежно выводят меня за пределы Украины; я вижу далее, что почти с той же неизбежностью интересы той же работы выводят меня и за пределы комитета. Я чувствую, что не съемкой мне надо заниматься, а *тематической* работой. Меня тянут определенные *темы*, а не съемка сама по себе, которая от тем определенно отвлекает. И я боюсь, что так, как вышло в этом году, будет происходить каждый год: мне придется делать не то, что хочется. А между тем непроизводительно тратить время, пожалуй, уж и не пристало: слишком непроизводительно у людей моего поколения и положения ушел целый десяток лет. Все это я веду вот куда. Я очень боюсь, что к осени, когда нужно будет мне уже переезжать, у меня по линии комитета не будет еще совместительства, и я не смогу переехать. Вот в связи с этим и с изложенными выше мыслями я считаю необходимым Вам сказать, что я отказываюсь от своих возражений против Геологического музея и готов работать там в качестве ли научного сотрудника, или хранителя – все равно. Поэтому, если Вы найдете возможным выдвинуть мою кандидатуру, я ничего против этого возражать не буду. Мой Curriculum vitae² и список трудов у Вас есть. Кстати, мне почему-то кажется, что в списке трудов я пропустил две работы: «Эволюционная идея и историческое знание» (Сборник Киевского общества естествоиспытателей, 1921–1922) [93] и «Происхождение и развитие жизни». Киев, 1923 год (Издание Украинского Госиздата) [95].

Нельзя ли их вставить.
Сегодня вечером с экскурсией я на неделю еду в Крым.
Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 9.

¹ Украинский геологический Комитет.

² Биография (лат.).

43

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Ленинград, 10 мая 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,
числа 17 мая выезжаю за границу¹, вернусь около середины августа, наверное (?) раньше Вас. Мой адрес: Berlin, N.W. Leventzow Strasse, 17, Frau E.A. Argutinsky, для меня. По отношению Вас все в порядке – Вы прошли и в Общем собрании Академии – с 15 августа 1927 года.

Сейчас я страшно занят и заканчиваю все дела перед отъездом. Хочется и отдохнуть, но, вероятно, это будет не сразу. Хочу прочесть в Берлинском университете две лекции: о геохимической энергии в биосфере и о каолиновом ядре в земной коре¹. Обе потребуют большой работы, и я думаю ехать сперва в Берлин, где буду их писать. Немецкий язык я подзабыл, и мне это будет нелегко.

Очень я рассчитываю на Вас и в Комиссии по истории знаний. Ее работа развивается, но мне мечтается о большом Музее по истории знания и в конце концов об Институте². Недавно было очень интересное, последнее перед летом, заседание – делал доклад П.Н. Каптерев о Лейбнице и микроскопистах XVII века. С осени, думаю, наша Комиссия очень развернется.

Карту к Вашей статье не получил. Мне Ваша работа о террасах больше нравится, и я бы эту работу более желал бы для «Известий»³, но Ваша статья сдана уже в «Известия» [97]. О Полесье пришлите к августу.

Я очень рад, чтобы Вы сосредоточили Вашу работу всецело в Академии, но теперь это придется устраивать только когда Вы сюда приедете – так как после наших разговоров я ничего не предпринимал в Геологическом музее. Надо придерживаться – Комитет – КЕПС, а затем, уже с осени, начнем хлопоты.

Всего лучшего.

Буду рад иметь о Вас известия.

Ваш В. Вернадский

P.S. Свою статью по истории знаний [34] не посылаю, так как поручите как член Комиссии по истории знаний.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 34, 34 об.

¹ См. примечание 1 к письму 38.

² Мечта В.И. Вернадского осуществилась. В 1932 г. Комиссия по истории знаний была реорганизована в Институт истории науки и техники, с 1953 г. – Институт истории естествознания и техники АН СССР.

³ Известия АН СССР.

44

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 29 мая 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я все не знал в последнее время, куда Вам писать: в Питер или Берлин, но вчера я получил письмо от А.А. Григорьева, которое разрешило все сомнения, ибо из него я узнал, что Вы уже в Берлине. *Успели ли Вы до Вашего отъезда получить посланную мною Вам карту?* Я ее послал на Ваше имя, еще не зная, что Вы едете в Берлин, а через день-два после этого получил от Вас извещение об отъезде за границу. Если письмо мое с картой (вернее, бандероль) пришли без Вас, [в издательство] не попадет. Поэтому, я очень Вас прошу, если карта моя не застала уже Вас в Петрограде, сделать распоряжение о том, чтобы ее передали в издательство Академии наук. Очень хотел бы, чтобы Вы поставили меня в курс того, как произошло дело с картой? ...

Ездил я на две недели в Крым, и эта поездка явилась для меня своего рода откровением. Хотя я был там меньше двух недель, хотя ездил я с экскурсией студентов, поездка эта меня страшно подвинула вперед в понимании террас. Сейчас я написал работу (по-моему, самую интересную из всего, над чем я работал в последние годы) и в ней использовал крымские впечатления. У меня совершенно новые выводы о происхождении наших лиманов, о связи Черноморского и Средиземноморского районов и пр. Называется работа «Зональность эпейрогенических движений Европы в четвертичное время» [100]. Мне кажется, я доказал зональность (да, ту самую зональность, о которой говорил еще Докучаев) в вековых опусканиях и поднятиях, и мне кажется, что той концепции, которую развиваю сейчас я, в литературе еще не было. У меня получилась очень стройная концепция, целая цепь звеньев, удивительно спаянных между собой. Мне очень хотелось бы познакомить Вас со своими идеями, но для этого мало письма, а надо послать рукопись и карту. Как только у меня будет лишний экземпляр рукописи, я ее, если разрешат отправку за границу, вышлю Вам. Мне хочется напечатать ее по-французски, ибо мне кажется, что для французов она будет представлять наибольший интерес; а главное, я заинтересован в ознакомлении именно французов. Не посоветуете ли – куда послать? Я ужасно захвачен сейчас новой своей работой и ни о чем другом просто думать не могу.

Завтра на неделю еду на полевые работы в район Первомайска (бывшее местечко Голта). Буду по пути в Одессе. Очень, хотелось бы побольше поработать летом, но не знаю, успею ли сделать все, что хочется. Между прочим, очень хотел бы по поводу террас побывать в Перми и в Архангельске. Четыре месяца работы от комитета, однако, убивают все. И как я смогу освободиться к 15 августа – не предвижу.

В Киеве, в Украинской Академии наук, при моем большом участии создан КЕПС Украины. Во главе его стоят Яснопольский и Симпольский, и сейчас оформляется внутреннее его содержание. Думаю, из этого выйдет дело хорошее. Академия получила новое здание (недостроенное большое здание гимназии), и все здание целиком передается физико-математическому отделению. Думается, что, наконец, и у Киевской Академии будут лаборатории.

Очень рад, что Вам, в конце концов, добиться своего удалось. Как Вы себя чувствуете и что делаете? Увидитесь ли со своими? ...

Очень рад буду иметь от Вас известия. Мой большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 10, 10 об.

45

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Berlin, N.W. Leventzow Strasse, 17 II, 14 июня 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,
оба Ваши письма получил.

Карту я получил еще до отъезда из Петербурга и сейчас же направил в издательство. Я переговорю с А.Е., когда отправят Вам корректуру, ведь Вы, верно, будете в экскурсии?

Вашу работу по эпейрогеническим движениям *по-французски* можно напечатать в «Известиях» нашей Академии; если она больше 2-х листов, то в двух номерах. Оттиски Вы можете разослать. Можно, конечно, направить во Французское геологическое общество, но не знаю, будет ли это скорее? Решите сами.

Очень интересны Ваши впечатления от Голтвы (или «Первомайск» что-нибудь другое?), мне кажется, здесь интереснейшая гидрологическая загадка, связанная с четвертичной историей.

Здесь я остаюсь до конца месяца (адрес остается и позже), а затем еду с детьми в Рудные Горы, где проживу месяц, а затем еду в Норвегию, сделаю с Гольдшмидтом поездку в контактовые области.

В Петербург вернусь к 15 августа¹.

Я предупреждал, что Вы можете не вернуться именно к 15-му, но лучше не опаздывайте. Много будет нам с Вами работы.

На днях в Science прочел очень интересную работу Осборна о новых достижениях в области истории человека [220]: человек с плейстоцена; он считает, что он существует по крайней мере 16 000 000 лет; до палеолита длинные периоды деревянной и костяной культур. Отделение обезьяньего и человеческого ветвей в олигоцене? Масса возможных новых путей исканий!

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 35, 35 об.

¹ См. примечание 1 к письму 38.

[Киев,] 28 июня 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Простите, что пишу карандашом, но это оправдывается особыми обстоятельствами, в которых я сейчас нахожусь. Дело в том, что я совершенно неожиданно вместо полевых работ попал на операционный стол и пишу сейчас письмо лежа. Я как раз собирался ехать на работы, и вдруг со мной совершенно неожиданно, накануне выезда, произошел резкий припадок какого-то кишечного заболевания. Приглашенный врач заявил, что это аппендицит и что нужно или *залечивать* его, что займет недели две, или оперироваться, на что тоже придется затратить не меньше. И вот, я пригласил хирурга (Я.И. Пивовокского), который решительно посоветовал от аппендицита избавиться. И вот, в 9 часов вечера у меня был доктор, а в 12 часов ночи меня уже резали под хлороформом. Операция прошла вполне благополучно. 6 дней я пролежал в больнице, неделю еще надо лежать дома. Теперь этот последний срок подходит к концу, и я скоро буду на ногах, хотя с очень ослабленными силами и с рекомендованным мне на месяц вперед режимом осторожности. Не знаю, как я при создавшемся положении выполню все свои обязательства перед учреждениями, которым я задолжал. Имею в виду Академию наук и Геологический комитет. У комитета придется официально просить уменьшить мне срок моих работ. У Академии же я вынужден буду также просить на месяц отсрочить срок моей явки. Вы на меня не сердитесь за это, Владимир Иванович, я надеюсь, что Вы войдете в мое положение и поддержите отсрочку моего приезда. Я именно ко времени Вашего приезда хочу прислать официальное об этом ходатайство. Чувствую я себя сейчас плохо и физически (из-за болезни), и морально (из-за того, что я чувствую, что как будто не в силах выполнить своих обязательств, а вместе с тем от них не свободен).

Никаких путей к переводу моему к осени в Ленинград по линии комитета пока не обнаружилось. По-видимому, придется этот вопрос решить в смысле ухода из комитета, и идти по линии Музея Академии наук.

Слышали ли Вы, что в весенние выборы в старшие геологи Комитета прошли Баярунас и проф. П.А. Православлев.

За исключением пяти самых тяжелых дней после операции, я все остальное время своей болезни продолжал работать все над тем же террасовым вопросом, от которого я никак не могу оторваться. Написал небольшую статью «К вопросу о происхождении Черного моря» [101], где устанавливается новая точка зрения на характер берегов и впадины Черного моря и совершенно новый взгляд на лиманы, заметка около $\frac{3}{4}$ листа размером, но, мне кажется, не лишенная интереса, хотя основные выводы ее предвосхищаются моей работой «О зональности». Сейчас занят вопросом о зональности распределения пустынь на Земле, связываю этот вопрос с зональными же поднятиями и опусканиями суши, и уже окристаллизовал в уме новую работу «Об ископаемых и современных пустынях» [102]. Здесь освещу преемственное происхождение современных пустынь на ледниковых попутно с зональностью вековых поднятий. Попутно интересное освещение получает у меня вопрос о лессе. Передо мной висит сейчас карта полушарий, на которой очень четко

видны зоны, широтные, древних и новых поднятий и ясно вырисовывается совпадение полосы пустынь с ледниковым районом континентального поднятия. Вы не смейтесь надо мной, Владимир Иванович, но я Вам скажу, что для продолжения этой работы в смысле некоторых геоморфологических наблюдений (недостающих) меня очень сейчас тянет в Мадагаскар, в Африку и Австралию, вообще, в южное полушарие. Вообще, каждая новая моя работа, каждый новый поворот мысли, дорогой Владимир Иванович, меня сейчас убеждает, что мне пора покинуть Украину, ибо интересующие меня сейчас темы выводят меня далеко за ее пределы.

В пределы съемки того или иного места мои интересы определенно не укладываются. Почему я очень хочу закончить порученный мне лист, обработать его, и определенно вступить на новый путь *тематической* работы. Не знаю, только как этот путь в смысле материальном себя покажет.

Пока всего лучшего. Сердечный привет Наталье Егоровне.

Очевидно, Вы сейчас выступаете на Неделе советских ученых, о которой мы читаем в газетах?

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 11.

47

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Berlin Oberseklema, Radiumbad, 19 июля 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень меня огорчило известие о Вашей болезни. Надеюсь, что Вы вскоре поправитесь. Я уже писал об этом Ферсману; конечно, *force majeure*¹; но всегда очень трудно приходится первое время, раз еще – помимо КЕПСа – надо устраиваться: тут очень важны первые осенние месяцы. Официально полная деятельность Академии начинается с 1-го сентября.

На днях я еду в Норвегию – сейчас задержка с визами². Думаю, там сделать небольшую экскурсию с Гольдшмидтом. Сейчас у нас идут переговоры о создании особого геохимического международного журнала. Думаю, что его создать удастся³. Из Норвегии вернусь опять в Берлин или окрестности, где проведем время с детьми, а около 15 августа выедем с женой в Петербург.

Мой сын получил на год место *research-профессора*⁴ русской истории в Нью-Хэвене, в Коннектикуте, в один из самых больших и лучших университетов Северной Америки. Пока это место временное и оплачивается тоже не очень хорошо, но, вероятно, он совсем там устроится. Возможности открываются большие. Он сейчас печатает интереснейшее «Начертание русской истории» [183] на фоне истории Евразии. Моя дочь с мужем тоже собираются далеко – думают о Египте, о Каире, но, может быть, устроятся ближе. Вот нам и хочется пожить несколько дней вместе перед серьезной разлукой. Я думаю, будет хорошо, если Вы пошлете Ваше официальное обращение о болезни в Академию около 20 августа.

Очень мечтаю о нашей совместной работе – будет, конечно, нам трудно – но этого бояться не следует. Наша жизнь вообще трудна. Прочел две лекции

(Ueber geochemische Energie des Lebens [39] и Kaolinkern in Erdkrust [36] и теперь буду их печатать. Мне очень хочется, чтобы Вы прочли мою статью о бактериофаге, которая на днях появится в «Природе» 1[35]: жизнь как явление вне поля тяготения. Здесь очень большое и интересное философское течение: чисто идеалистическое, метапсихические кафедры во всех университетах.

Всего лучшего. Поправляйтесь. Напишите. Berlin. Hauptpost. Poste restante.

Ваш В. Вернадский

P.S. «Metaphisia des Lebens» ... Интересна книжка Дриша «Metaphisia des Lebenis» – о ней поговорим.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 36, 36 об.

¹ Особое обстоятельство (фр.).

² См. примечание 1 к письму 38.

³ В силу ряда обстоятельств создать Международный геохимический журнал не удалось.

⁴ Research-профессор – профессор, руководящий научной работой.

48

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Берлин, 11 августа 1927 г.

Дорогой Борис Леонидович,
получил здесь Ваше письмо перед отъездом. Завтра через Институт¹ выезжаем в Питер, где рассчитываем быть 15 августа.

Я Вам ответил на Ваше письмо в Киев – должно быть, оно разминулось с Вашим письмом.

Очень рад буду Вас видеть в Питере, и как ни сложно сейчас положение научных учреждений – я думаю, работа наша пойдет хорошо.

Жду Вас в сентябре.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. В Академию я послал по получении Вашего письма о продлении Вам отпуска.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 36а.

¹ Так в письме.

49

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 4 сентября 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Как громом поразило меня газетное известие об опасной болезни А.Е. Ферсмана¹. Верно оно? Действительно ли положение его столь серьезно? Напишите мне, пожалуйста, в чем дело?

Я сейчас приехал в Киев и принялся за ликвидацию дел. Начал укладку коллекций и библиотеки. Кое-что из своих коллекций, *принадлежащее Ака-*

демии наук, я буду прямо посылать в Геологический музей Академии. Очень прошу Вас не отказать распорядиться, чтобы мне выслали ярлычков о бесплатной посылке для наклейки на ящики. По этому же поводу у меня еще такой вопрос: вес ящика не должен превышать пуда? Так что – или можно и больше пуда? Напишите мне, пожалуйста.

Самое сложное дело – это сдача университетских дел. В связи с разными наветами и нападками Тутковского, я хочу сдать Кабинет так, чтобы не оставить места никаким возможным будущим инсинуациям, а это требует времени, оформления разными актами и пр. Очень не хочу опоздать, и всеми силами буду стремиться попасть во время в Петербург. Возможно, что сначала приеду я сам, один, а уже потом приедут остальные – люди и вещи. Никогда не думал, что так грустно будет мне расставаться с Киевом. Оказывается, он так оплел мою душу, что в ней остаются живые раны. Большое огорчение еще для меня, что в Киеве остаются мой отец и сестра². А я совсем не привык еще жить врозь от них, и никогда с ними не разлучался. Думается, что в будущем тут будет еще некоторый материального характера вопрос для меня, ибо отца только что уволили со службы. Пока в этом еще нет надобности, а потом, верно, мне же придется им немного помогать. Однако не думайте, дорогой Владимир Иванович, что я повесил «нос на квинту» и впал в унылое настроение. Отнюдь нет! Я бодр, и если не весел, то полон энергии для предстоящей работы. В комитете я подал заявление об освобождении меня от должности старшего геолога Украинского отделения и о переводе меня научным сотрудником в Ленинград. Кроме того, писал частное письмо Н.Н. Тихановичу, но пока ни на то, ни на другое я ответа еще не имею никакого.

Может быть, Геологический комитет просто вышвырнет меня вон; это тоже не исключается.

С громадным интересом прочел я Вашу статью о бактериофаге [35]. В одном, основном, правда, пункте у меня есть сомнения. Мне кажется, что под *вопросом* еще находится – является ли бактериофаг организмом? Чрезвычайно интересна подчеркнутая Ваша мысль, что если это организмы, то они лежат вне поля тяготения, завися только от поля молекулярных сил. Поразительно интересно.

Хотя мы скоро увидимся, но я не могу выдержать и посылаю Вам одновременно с этим письмом свою новую большую работу о зональности [100], выполнением которой, как это ни странно, я обязан пережитой мною болезнью. Выводы у меня получились совершенно новые (в литературе я подобия им не встречал) и, кажется, совершенно правильные. Основная мысль – вековые поднятия той же закономерности, от которой зависят климаты, распределение животного мира, растительности и пр. Ужасно хочется мне, чтобы Вы познакомились с этой моей работой. Вы знаете, я чувствую, что это гораздо интереснее террас Днепра и Полесья, которые одобрили уже Вы и Александр Петрович³. Буду с нетерпением ждать Вашего отзыва, который Вы мне дадите по моем приезде в Питер. Очень хочется мне до отъезда еще успеть съездить на Буг в Подолию, но не знаю – удастся ли.

Шлю привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 976, л. 12.

¹ О болезни А.Е. Ферсмана была публикация в «Красной газете», издававшейся в Ленинграде. Сообщалось, что в поезде, по дороге из экспедиции, у А.Е. Ферсмана был тяжелый

приступ болезни печени. Его сняли с поезда в Москве и перевезли в Кремлевскую больницу (записано со слов Е.М. Ферсман – жены А.Е. Ферсмана).

² Л.С. и Е.Л. Личковы.

³ А.П. Карпинский.

50

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ленинград,] 14 февраля 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я с громадным интересом и во многих отношениях с большим удовлетворением прочел Вашу статью¹. Я посылаю Вам тот экземпляр, который был у меня со своими заметками. Может быть, с некоторыми из них Вы согласитесь. Основное замечание сделано на первой странице сверху. Но это просто мое личное недоумение или вопрос, который я для себя буду решать своими силами. Мне кажется, что те «колебания в ту или иную сторону вокруг средней величины»² имели большее значение, чем Вы им приписываете, а сама «средняя» сильно менялась. Вот в связи с этим и находится то, что сказано мною наверху страницы.

Теперь дальше. Первая фраза. Что «жизнь составляет неразрывную часть механизма биосферы» – как будто само собою ясно. Не нужно ли здесь поставить земную кору, тем более, что в следующей фразе идет речь о геохимической истории химических элементов.

На стр. 6 мое замечание мотивировано тем, что это был процесс неоднократный.

Дальше замечания есть на стр. 20. Это мелочь.

Очень нравится мне конец статьи, ее заключительные положения. Но говорить о психозойской эре я, пожалуй, не решился бы.

Возвращаемый мною Вам экземпляр, по-видимому, не тот, который идет в печать, и Вами непрокорректирован. Есть не совсем понятные места.

Ваш Б. Личков

P.S. Одновременно Всеволод Леонидович³ посылает Вам на подпись представление к печати Лесного сборника [212].

При просмотре оглавления у меня по поводу некоторых статей явились сомнения, чтобы потом с ними не повторилась та же история, что со статьей Матренинского. Больше всего мои опасения относятся к чисто библиографической заметке В.П. Тарановича в конце, и к статьям о Мариинской водной системе и Крыме. Первая смущает тем, что она библиографическая, а другие две – частным характером своих тем. Повторения истории Матренинского не хотелось бы. Может быть, следовало бы вникнуть глубже в само содержание этих статей, или еще раз поговорить с Андреем Александровичем.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 1, 2.

¹ Б.Л. Личков, очевидно, читал машинописный экземпляр этой статьи [42].

² Имеется в виду средняя величина массы живого вещества в течение геологического времени.

³ В.Л. Яковлев.

([Ленинград, февраль] 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня второй день как я вернулся из Москвы, и хочется мне ознакомить Вас подробно как с моими впечатлениями от этой поездки, так и вообще с новостями по КЕПС. Я хочу рассказать Вам о следующем: 1) впечатление от Сапропелевой станции; 2) впечатление от Москвы; 3) впечатления от двухчасовой беседы моей с Сергеем Федоровичем Ольденбургом; 4) беседы с А.Е. Ферсманом.

Начну с Сапропелевой станции².

Упускать из рук и никак не утилизировать такую ценность, как эта усадьба со всеми ее постройками, было грешно. Конечно, ее нужно всеми мерами стараться сохранить для Академии.. Усадьба производит очень благоприятное впечатление и особенно большой помещичий дом с 10–12 комнатами, где находится сама станция. Пробыл я там недолго; только с утра до вечера, но этого было достаточно для того, чтобы осмотреть все постройки усадьбы.

В Москве я начал с П.П. Лазарева. Известие о реорганизации КЕПС физико-математическим отделением его страшно расстроило и огорчило³. Первая его реакция была такая. «Я закрываю свой фотохимический и горно-разведочный отделы и сотрудников этих отделов устрою по Рентгеновскому институту, где у меня есть свободные вакансии. Если бы разрушение КЕПС производила какая-нибудь посторонняя, высшая сила, я бы еще сопротивлялся, но когда братоубийственную борьбу начинают свои же, я в ней участвовать не могу и не стану. Всякая война и даже тень распри внутри Академии сейчас крайне вредны. Вверху эта распря, конечно, сразу не будет учтена, и это пойдет во вред Академии, положение которой сейчас вообще не завидно» и т.д. и т.д.

В конце концов ой как будто бы согласился на мои предложения идти, так сказать, в ногу с центром Комиссии и подготовить материалы, характеризующие нашу работу для Комиссии отделения. Было условлено через два дня созвать Совет Московского отделения. Он состоялся, и на нем были все представители отделов, кроме проф. А.Е. Чичибабина, который болен сейчас воспалением легких. Я кратко ознакомил с положением дел, П.П. Лазарев дополнил, и было решено идти в ногу с президиумом всего КЕПС и представить в Комиссию отделения аналогичные материалы.

Ничего особенно интересного, в общем, на заседании не было, если не считать отрывков писем академика Крылова, о которых я скажу дальше, и которые нам прочел Лазарев. Кстати, я забыл упомянуть, что П.П. Лазарев был очень возмущен тем, что самый вопрос о Физико-математическом отделении был поднят в отсутствие его и Ферсмана. Я дополнил это информацией, что, в сущности, и Вы были на этом заседании тоже случайно. Очень много разных слов говорил в связи с этим П.П. по адресу Иоффе.

Теперь о письме Крылова. Нам было прочтено два отрывка. В первом Крылов говорит о ненормальной обстановке, в которой был проведен последний устав Академии в результате которой, по словам Крылова, в устав

вошел явно ненормальный, по его мнению, пункт о производительных силах. Тут Лазарев оборвал чтение, сказавши: «А дальше придется страницу пропустить, там идут личные характеристики». После этого следовали, приблизительно, такие слова: «Вот в результате этой всей обстановки и получили в Академии легальное существование незаконнорожденные ублюдки КЕПС, КИПС, Окисар и Яфетический институт». Привожу это потому, что, если бы Вы были здесь, я бы это Вам, наверно, рассказал, а для Вас, мне кажется, эти данные о Крылове интересны.

Теперь о впечатлениях о московских отделах. Я сказал бы, что вблизи они лучше, чем казались издали.

Я осматривал Физический институт Лазарева. Большое хорошее учреждение. Общий уклон работы физиологический. Почти все темы укладываются в схему ионов растворов и иных раздражителей на нервную систему. Ближе познакомился с работой КЕПС в этом институте. Познакомился с нашими работами по этой линии Барышанской, Гамбурцевым и Федоровым (он же – ученый секретарь). Общее впечатление – работа Московского отделения КЕПС не сливается с работой института. Темы, в общем, вполне отграниченные и определенные. Хотя отделы и очень маленькие, никакой упрек, что мы своим родством питаем другое учреждение, не может быть поставлен. Упомянутые выше лица, а не Лазарев сами давали мне объяснения о своей работе, и мне очень приятно была беседа с ними. Впечатление у меня, в общем, хорошее. Конечно, работа ведется аппаратурой института, но ведь ни на что другое мы и рассчитывать не можем, раз не даем отделу средств операционных.

Сходное впечатление я вынес из знакомства с работой у Кулагина. У него два сотрудника: один работает в Политехническом музее, другой – в университете.

Теперь о работе Чичибабина. Чичибабин болен сейчас воспалением легких, и поэтому лабораторию показывал мне Каценельсон. Лаборатория сейчас переезжает в новое, гораздо более удобное помещение. Лаборатория эта – несомненная реальность, и преступление делаем мы, не давая ей средств. Результат этого тот, что мы не имеем морального права предъявлять к ней и требования. А между тем следовало бы создать такое положение, чтобы мы могли эти требования предъявить. Ненормально и неправильно, что в лаборатории преобладали работы по внешним заданиям. 5 сотрудников от нас, а 8 на специальные средства. Кого же обслуживает больше лаборатория: Академию или внешний мир?! Положение вопиющее, и его надо изменить.

Но, конечно, Академия должна дорожить и сохранять такую ценность, как эта лаборатория.

Институт экспериментальной биологии Кольцова. Прекрасный большой институт, который я с большим интересом осматривал. Но вот в нем-то как раз реально разграничить работу КЕПС и института невозможно. Отдельных тем у КЕПС, отграниченных от тем института, нет. Это все слитно и нераздельно, чего как будто не отрицает и сам Кольцов. И сейчас из всех московских отделов КЕПС кольцовский меня смущает больше всего. По-моему Академия здесь явно своими единицами поддерживает чужое, вне ее стоящее учреждение.

Вот впечатления от отделов.

Что касается Совета Московского отдела, то теперь *еще больше, чем прежде* мне кажется, что никакого отдельного Совета у МОКЕПС не должно быть. Иначе говоря, по-моему, должны быть московские отделы КЕПС и вовсе не должно быть особого отделения. Связи этих четырех москвичей и их отделов между собой очень слабые, работы никак не соприкасаются, собираются они, судя по тому, что я наблюдал, на 15–20 минут, и нет в их собрании никаких моментов, их объединяющих, и, конечно, то же самое будет, если даже искусственно ввести в эту комбинацию всех московских академиков и корреспондентов. Не будет из этого ничего жизненного. Я решительно против сохранения Совета Московского Отделения.

По возвращении из Москвы я был приглашен к Сергею Федоровичу⁴ и в спокойной обстановке беседовал с ним о КЕПС в течение двух часов (с 2 часов дня до 4). Главные темы были: Московское отделение, Сапропелевый отдел и Географический отдел. Я страшно сожалею, что не в силах Вам подробно передать всего хода разговора – спора, который у нас происходил. О Московском отделении я С.Ф. приблизительно сказал то, что написал выше Вам, но только вопрос о Кольцовском отделе постарался замазать и не представлять столь ярко. С.Ф. просил меня, после доклада президиуму КЕПС о моей поездке, набросать тезисы доклада письменно, как материал для комиссии Физико-математического отделения. Я ответил, что, пожалуй, правильнее будет опираться не на мой доклад, а на записки, которые представляют сами москвичи. Вопрос остался открытым, но все же С.Ф. настаивал, чтобы я свое впечатление письменно сформулировал, ибо эти заключения будут иметь большое значение. В понедельник буду по этому поводу советоваться с президиумом нашим и поступлю так, как он скажет. Очень жду и Вашего совета по этому поводу. По поводу Совета МОКЕПС Сергей Федорович говорил приблизительно то, что я сам Вам выше написал. Должен сознаться, что я не спорил против этого, ибо внутренне я с этим согласен.

То, что говорил С.Ф. по поводу Сапропелевого отдела, Вы, в общем, представляете. «Почему непременно сапропель? Почему не шире? Ведь сапропель это исторически унаследованный вопрос, а жизнь же могла его расширить за это время. Почему же они стоят на месте» – вот приблизительно слова Сергея Федоровича. Прошелся он и по поводу мертвящего влияния А.И. Горбова. Должен сознаться, что спорить с ним было трудно, ибо во многом, если не во всем, нападки эти были совершенно правильны. Я упомянул только, что отдел находится в фазе перестройки, что центр работы сейчас имеется в виду перенести на химизм. А затем указал (правда, опережая факты), что обсуждается якобы вопрос о превращении отдела сапропеля в отдел по изучению животного и растительного сырья. Я рассуждал так. Фактически, конечно, сами сапропельщики наши об этом не думают. Но ведь тема эта действительно обсуждается у нас (Эратов и пр.). И, может быть, действительно стоило бы расширить рамки и не ограничиваться сапропелем. Должен сказать, что мне хотелось эту мысль пустить как пробный шар своего рода и выяснить впечатление, какое это произведет на Сергея Федоровича. Оказалось, что это было встречено с большим удовлетворением. Но только С.Ф. отметил, что во главе надо поставить и других лиц, чем теперь. В беседе я признал, и не мог не признать, что отдел имеет большие недостатки, и указал, что сам

КЕПС в лице своего председателя все время об исправлении этих недостатков думал.

Теперь о Географическом отделе. Опять и здесь Вы себе представляете то, что говорил С.Ф. Но и тут есть ряд новых моментов и штришков. Совпадение и параллелизм с работой Географического общества. Это Вы уже знаете. Совпадение и параллелизм с КИПС и ОКИСАР. Первый подготавливает к печати обширную многотомную работу «Народы России», второй – вообще ведет деятельность в географическом направлении и обследует республики. С.Ф. высказал в заключение мысль: «Я понимаю географическую деятельность как работу всей Академии. Здесь должны объединиться все организации и силы Академии и все организации вне Академии». Я возражал против этого. Случилось так, что сначала подробно обосновывал свою точку зрения С.Ф., а я слушал. Позже же я подробно изложил свой взгляд и на роль географии в России, и на роль географии в КЕПС и описал задачи Географического отдела с подчеркиванием идеи полного и всестороннего географического описания Союза. С.Ф. сначала кое-что возражал, но потом сказал: «Вы знаете, никто никогда в таком виде мне задач Географического отдела не рисовал, и никогда еще в таком направлении отдел не работал». С последним я согласился и подчеркнул, что трудность защиты Географического отдела заключается в том, что основной своей работы он почти не начинал. По первому же вопросу (о том, что «никто ничего не говорил») я усомнился, вспомнив Ваши мнения по этому поводу, но промолчал. Кончили мы разговор по этому вопросу так. Если КЕПС в *таком* виде представляет себе работу Географического отдела, то с этим можно согласиться, но нужно только создать контакт и сотрудничество с КИПС и ОКИСАР⁵.

Я спросил: «А как последними будет встречена протянутая нами рука?». «За КИПС ответил С.Ф. Ольденбург – я ручаюсь, что хорошо, но думаю, что и ОКИСАР отнесется точно также». С.Ф. посоветовал не теряя ни минуты этот рабочий контакт с данными учреждениями создать.

С.Ф., между прочим, очень просил в Записке КЕПС осветить вопрос, так сказать, о систематике отделов: почему существуют одни отделы, а не другие. Он просил в это дело внести определенную ясность и систему. Я сказал, что, вероятно, на этот вопрос будет отвечать Владимир Иванович в своей записке из Праги⁶. Однако я решил на всякий случай и сам подготовить материал по этому вопросу.

Вот и все по поводу разговора с С.Ф. Скажу еще, что разговор дал мне большое удовлетворение, так как был проведен спокойно и без спешки, т.е. в надлежащей в этом смысле обстановке.

Забыл сказать, что затрагивался вопрос и об Андрее Александровиче как руководителе, причем С.Ф. высказал сомнение в его организаторских талантах. Я высказал свое мнение, что поставить больше некого и что А.А. не так уж плох. С.Ф. сказал мне на это такую фразу: «Можно было бы поставить Вас (т.е. меня), но Вас нужно сохранить для всего КЕПС в целом, а быть одновременно ученым секретарем и руководителем отдела трудно». Я уверил С.Ф., что и без того в работе отдела очень активное участие принимаю и свою лепту вношу и хотел бы в *той же* форме вносить и дальше. Подчеркивал, что я глубоко убежден в жизненности дела Географического отдела. На этом, собственно говоря, наш разговор и окончился. Между прочим, С.Ф. уверил меня,

что решительно никто не думает о закрытии КЕПС в целом, даже Крылов; и что вообще взгляды Крылова по этому вопросу после приезда в Россию сильно изменились.

Весь разговор я точно передал Андрею Александровичу, и мы с ним решили, что надо вступить в немедленные переговоры с КИПС и ОКИСАР, чтобы материал этого соглашения использовать для записки о Географическом отделе. Однако, тут случилось неожиданное. Оказалось, при разговоре с Александром Евгеньевичем, что последний считает совершенно решенным, что *Географический отдел должен перейти в ОКИСАР*. Андрей Александрович вынес впечатление, что у Ферсмана еще до моей беседы с Ольденбургом также была беседа с последним, и там наметилась идея сделать Географический отдел общеакадемическим предприятием, присоединив его к ОКИСАР. На «общеакадемичность», как помните, намекал и Ольденбург. Должен сказать, что мне эта перспектива совсем не нравится, ибо мне очень неприятен *спекулятивный* душок, имеющийся у ОКИСАР. А.Е. может быть не замечает этого душка, но фактически он так силен, что не заметить его нельзя. Передать географическое систематическое описание ОКИСАР, это значит, по-моему, погубить дело, ибо вся система и планомерность работы из него тогда исчезнут. Тут единственно возможное, это только контакт с ОКИСАР, но не больше!

Ни Андрей Александрович⁷, ни я ничего возражать не будем, если *во главе Географического отдела поставить* для достижения этого взаимодействия *Ферсмана*, но только нельзя изымать дела из КЕПС.

Вообще, Александр Евгеньевич⁸, с которым я немножко говорил по общему вопросу, настроен оптимистически. Говорит, что все «уже утряслось». По поводу контакта с Институтом прикладной минералогии он резко против. Говорит, что «Лучицкий хитрый хохол и надует», а остальным там не верит уже безусловно... Кстати, я был в институте в Москве и был случайно на заседании Горно-технического отдела института под председательством Лучицкого. Люди произвели на меня слабое впечатление: сил там, по-видимому, мало, по крайней мере в этом деле. Зато здание производит впечатление очень импозантное как в смысле помещений, так и в смысле оборудования. Думаю все-таки, что на дружеские отношения нам следует идти. Ведь это нас ни к чему не обязывает.

По поводу гидрогеологической работы мы с Владимиром Ивановичем⁹ подробно говорили и все выяснили, но об этом я напишу Вам отдельно.

Пока на этом кончаю.

Всего Вам лучшего. Передайте мой большой привет Наталье Егоровне и Нине Владимировне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 3–13.

¹ Письмо адресовано в Прагу.

² Сапропелевая опытная станция «Залучье» находилась в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Сапропель – богатый органическим веществом озерный или лагунный ил.

³ Вопрос о реорганизации КЕПС в эти годы (1926–1929) поднимался не раз. Однако окончательное решение было принято в 1930 г.

13 апреля 1930 г. на президиуме КЕПС В.И. Вернадский сообщил о решении Общего собрания АН СССР образовать на базе объединения КЕПС, КЭИ и КИПС Совет по изуче-

нию производительных сил СССР (СОПС). Председателем СОПСа был назначен академик Н.П. Горбунов, ученым секретарем на первое время остался Б.Л. Личков. Более подробно об этом см. в Предисловии.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ См. Предисловие.

⁶ В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится копия записки В.И. Вернадского о задачах АН СССР в области изучения производительных сил страны, написанная 27 марта 1928 г. в Праге [43].

⁷ А.А. Григорьев.

⁸ А.Е. Ферсман.

⁹ В.И. Лучицкий.

52

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Прага, 12 марта 1928 г.

Дорогой Борис Леонидович,

На днях получил Ваше интересное письмо. Я сейчас работаю над Запиской [43], которая у меня разрастается. Но я не хочу ее посылать, не сказав в ней всего, что хочу – а как раз сейчас не нахожусь в большом настроении. Для меня морально совершенно не имеет значения желание ускорения рассмотрения вопроса, так как я считаю назначение рассмотрения вопроса в мое отсутствие – глубоко отрицательным явлением в жизни АН своего рода яриловщиной. Между поступками академиков – это проводить, и Яриловым, на которого они нападают, разницы не вижу. Поэтому, морально, желание С.Ф. для меня в этом вопросе веса не имеет... Сегодня сдаю начало записки в переписку и пошлю Вам для окончательной переписки, должно быть, буду посылать частями, а затем пришлю окончательный экземпляр. Вы все это можете сказать С.Ф., может быть о яриловщине не говорите, но о том, что морально для меня их желание не имеет значения – можно, если нужно. Я вообще глубоко огорчен ходом дела и считаю его вредным для АН по форме, в какой оно проведено (это скажите).

Уже прошла половина моих лекций¹, сейчас заканчиваю лекции о биосфере, металлическом состоянии материи в земной коре и затем начну историю железа, меди, свинца. Не знаю, смогу ли много прочесть больше. Слушателями доволен: небольшой избранный круг интересующихся. А для меня выявляется много нового.

Я уже просил Вас прислать мне «Природу» (февральский), гранки корректуры моей статьи об эволюции [42]. Очень прошу выслать два-три экземпляра материалов, связанных с животноводческим съездом². Очень удивляюсь молчанию Виноградова. Пожалуйста, возьмите у Е.Д.³ 15 рублей и вышлите мне сюда Грум-Гржимайло «Монголию», 2-й том [193] (может быть, может устроить Шидловский), пожалуйста, не откладывайте, лучше по адресу: Praha, Albertov 6, Mineralogicky Ustav Karlova Univ.

Е.Д. я тоже об этом пишу.

Временно, конечно, можно обойтись без Совета Московского, отделения КЕПСа, но дать устойчивое устройство ему позже без этого едва ли будет возможно. О письме Крылова знаю, одно читал, а другое собирался и так

и не посмотрел. Это отражение его циничной и беспринципной личности: будет делать как это будет ему выгодно. Я думаю, с Кольцовым придется поговорить по существу. Относительно лаборатории Чичибабина считал бы необходимым энергично выделить записку о ней *отдельно*. По возвращении я спишусь с Чичибабиным, а может быть, Вы напишете ему мое мнение. Эту записку надо, может быть, обсудить по существу, отдельно.

Относительно сапропеля я, по существу, не согласен с С.Ф.⁴ и думаю, что тут много действует 1) незнание и 2) плохой подбор руководителей отдела, особенно отсутствие у них секретаря, достаточно понимающего дело. Необходимо, чтобы их записка была написана на широком фоне всей проблемы. Соединять все эти вопросы вместе, я был бы против, ибо для этого у АН не будет сейчас ни средств, ни сил. Я думаю, что заседание о сапропеле много может дать: люди просто судят, не имея понятия, о чем говорят. Надо подыскивать заместителя Молчанова; жаль, что нельзя Перфильева. Надо расширить конструкцию. Для совещания необходимо пригласить и Перфильева, и Холодного, и Архангельского.

О соединении Географического отдела с ОКИСАР я буду против; считаю, что ОКИСАР должен больше углублять свою работу, а не расширять ее. Меня очень смущают их издания, которые частью очень неважны. Им надо подтянуться.

Найти форму объединения очень желательно. Выделить отдел как *самостоятельное учреждение* – очень хорошо, но не знаю, не рано ли это при том отсутствии средств, о котором надо будет кричать. Географическое общество – *мертвое* или вернее, замороженное, по-видимому, Шокальским. Остатки работы из-за возможного столкновения с ним было бы крупной ошибкой. Оно делает *minimum*, а не *maximum*.

Жду очень Вашего письма о разговорах с Владимиром Ивановичем⁵. Контакт нам нужен и можно с ними иметь.

Разослана ли членам Комиссии моя Записка о Геологическом комитете? [37].

Очень было бы необходимо подумать *о людях*. Кто мог бы заменить Молчанова? Надо или молодого химика с широким охватом, или геолога-геохимика (из круга работ Архангельского).

Всего лучшего. Ваше письмо без даты! Хотел узнать, когда послали, и никаких указаний не нашел.

Ваш В. Вернадский

P.S. Как кончилось дело с пушным промыслом? Надо во что бы то ни стало двинуть⁶. Скажите А.П. Горбову, что я очень хотел бы, чтобы совещание о сапропеле устроилось в начале мая. Как его мнение?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 38–39 об.

¹ Во время пребывания в Праге В.И. Вернадский прочитал в Карловом университете курс из 16 лекций по геохимии (в феврале-марте 1928 г.).

² 12–13 декабря 1927 г. в Ленинграде проходило Совещание по учету животноводческих богатств СССР при КЕПС. См. В.И. Вернадский. Вступительное слово на Совещании [41].

³ Е.Д. Ревуцкая.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ В.И. Лучицкий.

⁶ В.Я. Генерозов предлагал организовать при КЕПС специальное бюро по звероводству (см. письмо Б.Л. Личкова от 19.III.1928 г.).

[Ленинград,] 19 марта 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Как раз сегодня было у нас заседание президиума, на котором мы рассматривали записки, представленные отделами, и критиковали работу каждого отдела. Начали с Сапропелевого отдела и на целый день на нем сегодня застряли. Первый выступил с критикой Юрий Александрович¹. Затем понемногу критиковали все. Критика была убийственная, но справедливая. Филиппенко мне шептал на ухо: «Это дело можно начать вести серьезно только тогда, если разогнать всех тех, кто в нем сейчас работает, и, в первую очередь, председателя и секретаря». Одно из самых сильных мест всей критики было указание, что отдел имел в своем составе 9 единиц, но из этих девяти сотрудников только очень немногие что-нибудь напечатали. «Известия Сапропелевого отдела» блистают на своих страницах именами Зелинского и Залесского, но это ведь люди, посторонние отделу. А те, *кто деньги* получает, «никакой работы не проявили».

Вот общее впечатление.

Смотр силам будет продолжаться, и на следующий понедельник назначено продолжение рассмотрения записок: Географический и Нерудный.

После моей беседы с С.Ф. Ольденбургом ходил к нему же А.А. Григорьев и беседовал с ним как председатель КИПС. Результаты и смысл беседы были приблизительно те же, что со мной; возражения те же. Андрей Александрович в беседе, как одну из задач отдела, подчеркнул разработку методологии, и С.Ф. встретил это очень сочувственно, сказавши, что это сторона, о которой ему ни В.И.², ни Б.Л.³ не говорили. Просил посылать ему приглашения на заседания. Кстати, о заседаниях Географического отдела. Недавно там был мой доклад «О так называемых ископаемых пустынях». В ближайшую среду будет доклад Федоровича «К тектонике окрестностей Верного». На моем докладе был интересный обмен мнений с лесоводами, и сейчас мы намечаем совместно просмотреть одну тему, взаимно, так сказать, проверяя лесоводов геологическими данными и обратно: *леса Полесья*, имея в виду не одно, а все Полесья России, от Польши до Васьюганья.

Теперь об Отделе нерудных ископаемых. И я, и Щербаков осматривали будущие лаборатории Института прикладной минералогии в Москве. Смотрели мы врозь, но оба вынесли одно впечатление: мы подавлены мощью учреждения. Это ничего, что у них нет людей: люди найдутся, раз будут такие научные лаборатории-дворцы. И мы оба считаем, что одно из двух: или Нерудный отдел КЕПС должен совсем закрыться и прекратить существование, или же он должен перестроиться под углом лабораторной работы. В записке отдела, поданной в президиум, проведена эта последняя мысль. Если отдел определенно сможет перестроиться на этот лад и начнет в этом направлении реальную работу, нам не страшны будут никакие геологические комитеты и институты прикладной минералогии. Все, что нужно, будет сделано, но если отдел захочет по-прежнему сводки писать (хотя бы хорошие), ему лучше закрыться. И вот, вся беда сейчас в Александре Евгеньевиче⁴. В данный момент

он болен и лежит. Но даже тогда, когда он был здоров, он относился к этой теме крайне вяло, как будто душа его была где-то в другом месте; не возражал, но и не поддерживал.

Сейчас мы – и КЕПС и Отдел нерудных – делаем усиленный нажим в целях расширения помещений ввиду того, что ОКИСАР скоро уйдет из нашего здания.

Отдел нерудных ископаемых очень просит Вас согласиться выступить с докладом на Солевом совещании⁵. Оказывается, что на совещании не будет выступать никто из минералогов. На Александра Евгеньевича в связи с нездоровьем надежда плохая. Вас очень просят поддержать и в скором времени дать ответ по этому вопросу.

Да, забыл совсем сказать, что во время прений по Сапропелевому отделу Николай Семенович⁶ очень нападал на Сапропелевую станцию и предлагал ее ликвидировать. Насилу мы с Филиппченко его убедили, что этот вопрос – предмет компетенции *особой* Комиссии и поэтому не стоит его здесь трогать.

Да, опять забыл сказать, что Солевое совещание уже разрешено.

Что касается совещания сапропелевого, то А.И. Горбов против созыва в мае, как Вы предлагаете; считает, что рано. Да я думаю, что вообще весь вопрос об этом совещании теряет свою остроту сейчас.

Я уже как будто писал Вам в прошлом письме, точно острота вопроса о реформе КЕПС рассасывается. Между прочим, кое-какие закулисные ходы сделал Лазарев и результат или вернее один из результатов получился такой: он, Иоффе и Крылов выступают в Отделении с запиской о необходимости напечатания в трудах КЕПС, связанных с КЕПС работ Лазарева по магнитной аномалии. О Лазареве говорить много мне не хочется. Я с интересом его наблюдал в последнее время и вынес определенное впечатление: ужасно циничный и беспардонный человек; я не знаю, есть ли что-нибудь такое в жизни, что он уважал бы. Между прочим, в последнем заседании Президиума КЕПС очень хорошо говорил Глушков, а с ним вместе, к удивлению, тот же беспардонный Лазарев, о необходимости и нужности параллелизма в научной работе. Затронете ли Вы этот вопрос в Вашей записке? Пожалуй, стоило бы.

Не помню, писал ли я Вам, что мы заслушивали в Президиуме заключения Зеновой и Надсона о вопросе, поднятом Эратовым. Зенова изругала Эратова за невежество вдребезги. И Надсон, и Зенова единодушно говорят, однако, что вопрос о водорослях стоит внимания. В связи с этим Президиум постановил: «Просить академика В.И. Вернадского по возвращении из-за границы созвать по этому вопросу особое совещание». Об этом совещании сообщено Зеновой, Надсону и Эратову.

Кстати, вопрос животноводственный с места не двигается, ибо Сушкин не созывает совещания⁷.

Вопрос, поднятый Генерозовым⁸, тоже стоит без движения.

Получил я, к большому своему удовольствию, Вашу «Геохимию» [38] и приношу Вам за это свою большую благодарность.

Только что вышла «Природа» и «Животноводственное совещание». Псылаем и то и другое Вам.

Интересовавшая Вас статья о распространении бумаги называется «Thorne Carter. The Invention of Paper and its spread Westward». N. Y., 1925. Л.С. Берг, который вернул уже эту книгу в библиотеку, а название списал с расписки, говорит, не 1923-й – ли?

Письмо Белинга Вы, вероятно, получили, так что мне не нужно его Вам излагать? Александр Павлович послал запросы и Белингу и Воскресенскому об условиях лабораторной работы в тех лабораториях, на которые Вы собираетесь опираться. 75 рублей за февраль я получил, хотя и с некоторыми трениями.

Из отделов КЕПС, как это ни покажется Вам, может быть, странным, после сапропелевого отдела меня больше всего удручает отдел строительных материалов. Нет, по-моему, в этом отделе души, и никто из работающих в нем никакого интереса к нему не имеет. Мертвят люди дело.

О воде мы с Лучицким сговорились⁹. Сейчас заканчиваем мотивированную объяснительную записку. А дальше – не знаю, как быть? Весь вопрос в том, что это надо как-то ввести в смету, сметы подаются сейчас, а без Вас я двигать это дело и не умею, и боюсь. Написал я недавно статейку «К вопросу о классификации подземных вод». Под впечатлением бесплодного разбирательства этого вопроса в Геологическом комитете. Боюсь, что статья не очень Вам понравится (Вы сочтете, верно, всю задачу через чур формальной), хотя она всецело опирается на Вас – на Вашу мысль о термодинамических оболочках Земли.

Теперь о некоторых личных делах. Хочу Вам сообщить, что в середине лета в нашем семействе предстоит весьма важное событие, которое меня и радует и волнует, – появление в свет нового члена семьи. Это подозревалось нами и тогда еще, когда Вы уезжали, но сейчас известно уже наверно. В связи с этим мы находимся сейчас в полном смятении относительно планов на лето; где жене и дочери жить на даче.

Раньше думали ехать под Киев, а теперь, в связи с предстоящим событием и необходимостью экономить деньги, придется, кажется, устроиться где-нибудь под Питером. На съезд в Ташкент я не поеду, ибо материально это меня подорвет, а я все еще по этой линии не тверд. Самое главное мое желание заключается в том, чтобы осуществить в полном объеме мои летние полевые работы. Во-первых, они и материально меня поддержат, а, во-вторых, если я их доведу до конца, то я кончу лист и буду свободен от обязательств перед Комитетом. В поисках средств согласился я на предложение одной работы (кроме листа) Геологическим комитетом, за которую я получу в три срока к осени 1500 рублей. Работа литературно-кабинетная по преимуществу, а полевая часть только под моим руководством.

Чувствую, что лето потребует от меня не отдыха, а величайшего напряжения сил, но, с другой стороны, очень жду от него решения для меня вопросов теоретической геологии, касающихся Полесья и речных долин и оледенений.

У меня к Вам большая просьба – разрешить мне сейчас, в начале апреля, на 4–5 дней съездить в Киев. Это мне нужно для того, чтобы обеспечить в своем листе с самого начала сезона полевую работу*, а равно, чтобы взять

* Чтобы сотрудники могли начать более простую работу, пока я буду еще в Питере.

некоторые материалы для литературной работы, которую я взял на себя. Кроме того, выпуск студентов четвертого курса, которые у меня начали геологию, прислали мне коллективное письмо с просьбой, чтобы я же их и проэкзаменовал теперь, при окончании. Думаю, что поехать сейчас было бы всего удобнее, так как на нашем фронте в Академии сейчас затишье, а там начнется: Гидрологический съезд, Солевое совещание, обсуждение судеб КЕПС и пр. Зато я уже тогда буду спокоен, что моя геологическая работа (полевая) все же уже будет идти и без меня. О формальном разрешении поездки я буду хлопотать здесь у С.Ф.¹⁰ и Ник. Сем.⁶, но мне важнее все-таки Ваше согласие. *Очень прошу.*

Вакантное место в Геологическом музее у него [у музея. – *Ред.*] отнято. Ал. Евг.⁴ очень не одобряет Левинсона¹¹ за то, что он это место потерял, и говорит, что это его вина.

Я написал для «Природы» небольшой обзор крупнейших русских исследований по тектонике Азии за последние два года, в том числе и о работе Тетяева [110]. Для «Природы» же написал статью «Изостазис и современные представления о движениях земной коры» [111]. Не знаю, примет ли ее Берг. Вышла в свет моя статья «О террасах Днепра» [98] в юбилейном выпуске Известий Украинского геологического комитета. Я настолько ушел вперед за год после того, как написал эту работу, что теперь хочется сделать к ней ряд поправок. Написал ввиду этого для Докладов Академии изложение своего доклада «К геологической истории Полесья» [114]. Огорчает меня очень, что у меня сейчас рук не хватает для палеонтологии. Чувствую, однако, что это будет хронически, пока я буду искать заработков и гонораров. Нужно как-то коренным образом изменить свое положение.

Передайте мой большой привет Наталье Егоровне и Нине Владимировне.

Ваш Б. Личков

P.S. Теперь поставить дату не забыл.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 14–21.

¹ Ю.А. Филиппченко.

² В.И. Вернадский.

³ Б.Л. Личков.

⁴ А.Е. Ферсман.

⁵ Всесоюзное совещание по изучению соляных озер состоялось в Ленинграде 26–30 апреля 1928 г.

⁶ Н.С. Курнаков.

⁷ Вероятно, имеется в виду Второе совещание по учету животноводческих богатств.

⁸ Предложение В.Я. Генерозова об организации при КЕПС бюро по звероводству осуществлено не было.

⁹ Имеется в виду организация работ по изучению подземных вод.

¹⁰ С.Ф. Ольденбург.

¹¹ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг.

Прага, 28 марта 1928 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Сегодня посылаю последнюю часть моей записки; целое сочинение – 55 больших страниц¹! И то, я уже прекратил обзор дальше. Я вообще считаю, что раз Академия наук подняла такой большой вопрос, она должна его рассмотреть во всей его широте и глубине. Мне кажется, у людей мало воображения – они обычно не понимают глубины затрагиваемых идей и окружающего. Я не мог окончательно обработать слог (и, увы, сократить!), и очень прошу Вас исправить слог. Я непременно хочу, чтобы Записка была обсуждена президиумом КЕПС и чтобы его мнение было дано Комиссии. Много общих вопросов здесь подымается. Вот основные.

1. КЕПС должен быть совокупностью *опытно-наблюдательных исследовательских учреждений* – представлять в структуре АН аналог Ломоносовского института опытных наук.

2. Поэтому он превращается в *Менделеевский институт по изучению естественных производительных сил*.

3. АН через КЕПС берет на себя организацию ежегодных или через два года *всесоюзных съездов по научному изучению естественных производительных сил и народного богатства*. Соответственно меняется структура аппарата ученого секретариата КЕПС.

4. При АН, а может быть, при КЕПС создается постоянный *Всесоюзный комитет учреждений, связанных с изучением естественных производительных сил*. Он собирается раз или два в год и получает в свое распоряжение особую сумму, которую распределяет между учреждениями для научной работы в этой области.

5. Сейчас же по приезде я соберу маленькое *совещание по энергетическим единицам естественных производительных сил* (Вы, я, Курнаков, Ферсман, Глушков, Вейнберг, Копылов, Щербаков, Хлопин, Мысовский, Иоффе, Крылов, Кравец, Лазарев, Виноградов)². Может быть, я кое-что приготовлю в Париже.

6. При АН образуется раз в год собирающаяся временная комиссия по отчету Менделеевского института (род *ревизионной комиссии*).

7. Теперь по отношению к нашим отделам. Вы видите, что я хочу поднять *вопрос о библиографическом отделе*. Пускай защищают те, кто за это стоит.

8. Для *Лесного музея* надо собрать совещание, первый раз, может быть, еще до июня. Может быть, устроить *отдел*, и во главе Сукачева?

9. Географический пока надо оставить у нас, не трогая, но выделить в особое учреждение при АН.

10. *Картографическое бюро*. Я думаю, что оно может существовать отдельно, и, может быть, с ним надо связать мысль Багрова³. Переговорите с Бергом и пришлите мне берлинский адрес Багрова. (Записка в Комиссии по истории знаний – в курсе Берг).

11. *Сапронелевый* должен быть двинут и развит. Необходимо *принципиальное* постановление: во главу – *уклон химический, микробиологический*

и биогеохимический. На втором месте физико-географический и биологический.

Я думаю, что Молчанов и Алабышев должны оставить работу, их заменим химиками. Соловьев войдет в биогеохимическую работу, в которую он входит. Может быть. Надо будет ввести второго биогеохимика с химическим уклоном (может быть Старика или Горшкову).

Необходимы радикальные меры. В сущности. У них старик Кесслер ненужный. И я думаю, нельзя ли его ввести в Вашу центральную канцелярию. Учитывая организацию пп. 3 и 4. Вопрос о правильной организации Сапропелевой станции должен быть обсужден по существу в особом совещании по моему приезду.

Я не мог тронуть работу других отделов. По нерудным ископаемым я всей душой с Вами и Щербаковым. Надо и здесь резко повернуть на правильный путь. Мне кажется, так ясно, что развивать «камеральную» работу – значит *ослаблять* силу и значение АН. А между тем в Нерудном отделе есть крупные силы.

Я думаю, будет полезным, если Вы о содержании этих положений осведомите С.Ф. и А.Е.⁴

Завтра уезжаю через Нюрнберг в Мюнхен, где буду вести переговоры с Генингшмидтом об изучении изотопов. Очень рад, что я прочел геохимию. Мне это дало очень много. Введение, около 10 лекций, я хочу по приезду повторить для своих биогеохимиков. У меня только французские конспекты, но, может быть, такую небольшую книжку «Введение в геохимию» надо было бы издать.

В субботу прочел по-русски, главным образом среди чешских ученых, мой доклад об эволюции и живом веществе [42]. Он переводится на чешский язык и появится в издании Чешской Академии. Понемногу входят эти идеи в научную среду; я уверен, что раз мы дадим *числа*, победа будет. И тут все открывается новое, чем больше я всматриваюсь. Очень любопытна история меди. Для меня стало ясным, что есть все точные данные, что сейчас, при нашем составе океана и наших физико-географических условиях, где-нибудь должно идти отложение Cu, Pb, Fe, типа Мансфельда. Никакой концентрации Cu против имеющихся ее количеств в море ($10^{-5}\%$) не нужно, и это – механизм. Вообще, новая переработка истории меди, которую я уже читал в Париже, дала мне очень много. Где отлагается такая Cu? В Австрало-Азиатском море?

Записка и лекции взяли у меня много времени, и я меньше видел здешнюю жизнь, чем хотел бы. Огромный сдвиг. Такая здесь стройка домов, какой нет нигде в Европе. За эти два года Минералогический институт страшно вырос, а Геологический совсем преобразуется. Есть интересная молодежь.

Очень рад, если Вы теперь, до моего возвращения, поедете в Киев. А еще больше рад за Ваше семейное счастье. Я считаю, что в семье основа – дети.

Я не могу взять на себя доклада о солях. Мне нужна была бы большая работа в сторону от всех моих теперешних интересов. Я сейчас этого сделать не могу. Сейчас я хочу обработать свой доклад о воде для Геологического

съезда и затем ту записку об энергетических единицах, о которой писал в начале письма.

Я считаю, что соединить прикладную минералогическую работу с Минералогическим музеем неправильно, и отдел нерудных ископаемых (может быть, его бы надо было переделать в отдел прикладной геохимии и минералогии) должен быть исследовательским институтом. В него должна быть перенесена проблема Th–U руд, а затем я поставил бы редкие земли и лунный элемент (селен).

Относительно помещений: надо непременно двинуть вопрос о помещении для *энергетического* отдела.

Очень сочувствую поднятию вопроса о водорослях. Надо добывать средства для опытного исследования.

О строительном отделе с Вами согласен. О воде – двигайте в сметном порядке через президиум, переговорив с А.Е. и С.Ф.⁴ Я считаю эту работу очень важной, а главное, это можно *сделать* сейчас⁵.

Я думаю, что надо будет постараться *вернуть* потерянное место в Геологическом музее: может быть, Геологический музей надо было бы пересмотреть еще больше, чем КЕПС, и произвести его разделение на два музея. Это неизбежно станет на очередь, как только будет выбран Борисяк.

Всего лучшего. Еще раз – очень сочувствую Вашей поездке в Киев. Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

Paris. Museum d'Histoire naturelle. Rue Buffon, 61.
Laboratoire de Mineralogie de M.A. Lacroix.

P.S. Скажите Е.Д.⁶, что я очень прошу ее послать мою статью об изотопах в Praha. Albertov. Chemicky Ustav Karlova University, Prof. Dr.H. Krepelka [31].

Дорогие Анна Дмитриевна и Борис Леонидович⁷, шлю Вам горячие приветствия и очень радуюсь Вашему предстоящему событию.

Искренно Ваша Н.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 40, 40 об., 12–13 об.

¹ Речь идет о записке В.И. Вернадского по поводу КЕПС и его организации «О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР» [44]. В конце работы пометка «Прага, 27.III 1928 г.». С ней тесно связана записка Б.Л. Личкова [112] (примечание Б.Л. Л.).

² Сведений о том, что это совещание состоялось, не найдено.

³ В чем заключалась «мысль Багрова» установить не удалось.

⁴ А.Е. Ферсман и С.Ф. Ольденбург.

⁵ Т.е. поставить вопрос об изучении подземных вод. См. письма 55, 58, 60.

⁶ Е.Д. Ревуцкая.

⁷ Эта приписка сделана рукой Натальи Егоровны Вернадской.

[Ленинград, 5 апреля 1928 г.]¹

...работу о зональности эпейрогенических движений в Европейской России. Мое субъективное ощущение говорит, какова бы ни была эта работа объективно, что это — лучшее из того, что мною до сих пор написано. Когда я докладывал эту работу в ее основных чертах в географическом отделе КЕПС, то наметились удивительно любопытные совпадения моих озерных древних полос с определенными зонами лесной растительности. Когда мы более детально об этом поговорили, выяснилась возможность дать *всестороннее* описание огромной долинно-зандрово-озерной² полосы, пересекающей Россию от Польши до Енисея, с запада на восток: и климат, и растительность, и животный мир, и морфология с геологией. Это будет замечательно интересный сборник, если он осуществится (такого нет!), и вместе с тем он даст определенные вехи для следующего за ним систематического описания территорий, когда от северо-западной области оно перейдет к какому-нибудь участку этой полосы. Сегодня в заседании Географического отдела мы будем обсуждать этот вопрос и практический подход к этому систематическому описанию, в частности.

Тектоника Северо-западной области и вот эта зандровая полоса — это у нас сейчас две очередные и боевые темы.

Очень я озабочен сейчас вопросом об устройстве семьи на лето. И все как-то ничего не придумал. Думал устроить их в Луге, да что-то пока не вытанцовывается. Очень бы хотелось на юг в Киев, но сейчас об этом приходится оставить мысль, надо собраться съездить в Лугу и посмотреть. Ничего определенного нет. А лето ведь уже не за горами. И тут опять ничего сделать не успеешь, как надо будет ехать на работу. Самое главное. Что особенно тяготеет это то, что нет у нас знакомых, с которыми можно было бы устроиться, и придется мне оставить жену и дочь одних без общества. Вот так обстоят дела с моими личными маленькими затруднениями.

Возвращаюсь опять к вопросам КЕПС.

Геолком оказался очень чуток к той пропаганде, которую вели Вы, о необходимости и нужности минералогии, для горного дела в том числе, но понял эту мысль по-своему.

Он решает, очевидно, также монополизировать минералогию, как уже блокировал геологию. В связи с этим говорят, там сейчас на очереди создание *геохимических* отделов, лабораторий и пр. В связи с этим мы пришли здесь к выводу, что нам бездействовать уже нельзя. Время отдела нерудных ископаемых уже прошло, и мы хотим развернуть знания отдела геохимического. Составленную в этом смысле записку отдела нерудных уже приняли. А.Е.³ принципиально этот проект *очень* одобрил, но принципиальным условием ставит Ваше согласие. Судя по тому, что Вы сами написали в последнем письме о желательности превращения отдела в отдел прикладной геохимии и минералогии, я думаю, Вы против нашего проекта тоже возражать не будете. Наши мысли почти встретились. Инициатором в этом вопросе выступал И.И. Гинзбург, а я ему немного помогал в смысле введения его мысли

в известные рамки. А.Е. очень горячо отнесся к нашей инициативе. Записку о Геохимическом институте я Вам посылаю.

Вот, кажется, и все, что я хотел Вам сказать. Как видите, нагородил массу, но все это потому, что мне хочется, чтобы Вы были вполне и во всем в курсе наших дел, моментов, и видели бы все то же, что вижу я.

Передайте мой большой привет Наталье Егоровне. Большое спасибо за добрые пожелания. Жена просит кланяться и передать ее большую благодарность.

Всего хорошего.

Ваш Б. Личков

P.S. Позавчера скоропостижно умер Б.Л. Модзалевский.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 22–28.

¹ Начало письма в архиве В.И. Вернадского не сохранилось. Судя по фразе в конце письма: «Позавчера скоропостижно умер Б.Л. Модзалевский», письмо датируется 5 апреля 1928 г. Возможно, что это продолжение письма 55.

² Зандровая полоса – рельеф местности вдоль края ледника.

³ А.Е. Ферсман.

56

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ленинград,] 5 апреля 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я очень надеюсь, что больше мне Вам писать не придется, что скоро Вы собственной своей персоной появитесь здесь. Я буду страшно рад.

На днях от имени С.Ф. мне звонил Б.Н. Моллас и спрашивал, есть ли у меня уже Ваша записка. Я ответил. Что есть первые 18 страниц и обещал тотчас как она будет переписана прислать экземпляр С.Ф. Из этого я усмотрел, что С.Ф. как будто начинает нервничать по этому поводу. Впрочем позже из личного разговора с С.Ф. я увидел, что сам он относится спокойно, но на него нажимают Иоффе и Крылов, спрашивающие его почему не собирается Комиссия. Я получил, впрочем, впечатление, что и они не особенно активны в этом вопросе. Кстати, Иоффе, по словам С.Ф., своим высоким обязанностям по Академии наук уделяет всего 1 день в неделю. Итак, сейчас у нас продолжается то же затишье, что и раньше...

Записка Ваша [43] переписана в 9 экземплярах, а сейчас начали перечитывать ее наново. Последней части я еще не получил и удивляюсь, чем обусловлено такое опоздание, ибо письмо, где Вы пишете о ее высылке, пришло уже три дня тому назад.

Президиум наш продолжает собираться каждую неделю и деятельно критикует отделы, каждый раз по нескольку. Сейчас остались только газовый отдел и живого вещества. Кстати, о последнем отделе. Нужно ли его рассматривать? Мне кажется, нет, раз Биогеохимическая лаборатория уже получила свое утверждение¹. Но Александр Павлович² просил оставить и этот Отдел; и на всякий случай так и делает, но мне кажется, что последнее – во всяком случае излишняя осторожность.

Что сказать о нашей самокритике, производимой в президиуме? Она очень суровая (особенно Ю.А.³ старается), в общем, все отделы (кроме сапропелевого, о котором я Вам писал) ее выдержали. Из прошедших пока отделов слабее других был энергетический, а легче всех, и с некоторым триумфом даже, прошел Отдел нерудных. Да, забыл. Конечно, слабее всех был, по существу, отдел каменных строительных материалов. Но докладывал сам Ф.Ю.⁴, и 1) поскольку доклад был построен умно, 2) задача отдела сомнений не вызывает и, наконец, 3) личность докладчика импонировала, постольку все прошло благополучно. Географический отдел проходил при больших усилиях Филипченко потопить его (почему?), но это не удалось... Объемы работ, выполненных лично Григорьевым, а затем лесным отделом, произвели *внушительное* впечатление. При обсуждении выявилось общее мнение о желательности выделить лесной отдел в отдельную единицу. После заседания сам лесной отдел говорил то же, что пишете и Вы, – о возглавлении В.Н. Сукачевым. По предложению Н.С.⁵, решено по окончании этой ревизии отделов устроить особое заседание для обсуждения пожеланий отделов на будущее. Когда обсуждался Институт физико-химического анализа выяснилась из информации Курнакова интересная вещь. Оказывается НГУ ВСНХ (я думал, это учреждение по инициалам Вам понятно; это там, где Свердлов) определенно стремится взять эти институты себе. Оттуда, как это мы, впрочем, и без этого догадывались – но теперь это вне спора – исходит и весь поход на КЕПС. Беседа Курнакова с упомянутым выше лицом это вполне показала. Именно это лицо выражало желание раскассировать КЕПС по учреждениям, кое-что уничтожить, а минимум оставить Академии. Я рассказал это Александру Евгеньевичу, и он мне сказал на это, что, конечно, отсюда питается своими тревогами и Иоффе. Таким образом, как мы и думали, источник всего – ВСНХ с его институтами и, в частности, Геологический комитет.

В связи с этим, расскажу Вам такой факт. Был у меня на днях Петр Петрович Лазарев. Я с интересом приглядываюсь к этой своеобразной личности. Но мне постоянно хочется вымыть руки после разговора с ним. У меня от него определенное впечатление очень циничного и беспардонного человека. Так вот, он меня убеждал (расписываясь в то же время в дружбе к КЕПС), что нужно большей части КЕПС перейти в ВСНХ, где будет больше финансового и иного простора для работы. «Устройте» – говорит он, – по этому вопросу сейчас специальное совещание из Вас, меня, Курнакова, Иоффе и Крылова». Я довольно твердо высказал противоположный взгляд, а момент для совещания признал выбранным неудачно, в связи с Вашим отсутствием. Резкостей я ему не сказал, хотя внутри меня кипело. Потом я беседовал с Николаем Семеновичем, и знаю, что, конечно, он его не поддержит. Как раз в этом вопросе Курнаков очень тверд.

Виделся я на днях с Ал.Евг. и С.Ф.⁶, и при том с обоими одновременно. Ал.Евг. в течение времени Вашего отсутствия все время хворает. У него слабо работает сердце, температура ниже 36° и сильная вялость. В последнее время ему стало несколько лучше, и я его навестил. И вот у него я встретился с С.Ф., который вскоре после моего прихода тоже зашел к А.Е. Особенно детально и пристально говорить о делах с А.Е. сейчас не полагается. Поэтому разговор был в самых общих тонах. С.Ф. говорил, между прочим, и о Вашей записке. Его, видимо, очень смущают ее размеры. Он просил меня, не могу

ли я взять на себя составление квинт-эссенции этой записки для обсуждения на заседании. Я думаю, что за это дело следует мне взяться, и вот по каким соображениям. Составление этого экстракта требует времени – стало быть, раз я за это возьмусь, это будет повод еще для оттяжки дела, а там приедете Вы сами и своим живым словом защитите Записку. Я согласен с С.Ф. в том отношении, что трудно будет академиком заставить вдумчиво и внимательно прочесть записку. Я хотя бы по Курнакову это вижу, который всячески старается отделаться от рассмотрения записки в целом в нашем Президиуме. Записка в целом и в частях и т.д. Записка в целом и в частях, по-моему, очень интересна. Вся эта история дала Вам повод развернуть целый ряд интереснейших мыслей, которые надо, мне кажется, напечатать. Но для академиком, *которые торопятся по своим делам*, она не подходит. Я понимаю, что это укор совсем не Вашей записке, а этим академиком, но ведь факт-то тот, что судить нас будут именно они. С.Ф. уверяет теперь, что никто не покушается на КЕПС в целом, что и Иоффе и Крылов говорят лишь о маленьких недостатках организма КЕПС. Поэтому, по его словам, записка Владимира Ивановича преувеличивает характер и значение этого дела. Может быть это и так фактически. Я не знаю, ибо с академиком не говорил. Для этого момента, когда Вы еще были здесь, это было определенно не так, но с тех пор психология могла измениться. Кстати, и Лазарев тут много кое-чего сделал для разрежения обстановки *своими* методами: где нажимом, где угрозами.

Я уже Вам писал, что психологическое впечатление такое, что, говоря словами А.Е., дело как-то «рассасывается». Во всяком случае, я очень надеюсь на то, что пока мы будем переписывать вторую часть Записки, делать из нее тезисы и пр., приедете Вы сами, и все сомнения отпадут.

Да и вообще, ведь нам страшно мало времени осталось. 20 апреля Гидрологический съезд, с 26-го по 30 апреля Соляное совещание⁷, а там – май. А ведь в мае, 20-го числа, съезд в Ташкенте⁸. Что мы вообще успеем сделать, когда развернется деятельность наших критиков-реvisоров. Ведь просто не остается для нее времени.

Я в Киев, к большому моему сожалению, не попал. Первая причина – денег не было. Думал получить их от Комитета, а Комитет по какому-то самодурству, пожелал, чтобы я поехал позже.

А меня там, между прочим, ждут студенты для экзамена. Далее, была и другая причина. Подошла пора составления смет, и последние две недели у нас прошли в довольно горячей работе. Пояснительную записку к общей нашей смете, составленную мной, я Вам посылаю. Сейчас эта работа заканчивается. В смету я ввел, между прочим, «Подземные воды». Равным образом в размере 20 печ. листов вместо намеченных 30 я ввел их и в программу по печатанию.

Пришлось выдержать большую борьбу с Курнаковым, который, ссылаясь на свою беседу со Свердловым, настаивал до *дальнейшего* согласования этого вопроса с Геологическим комитетом, снять вовсе это из программы. В конце концов, все-таки, и в смете, и в программе по печатанию оставили.

Программу Сборника по водам, обстоятельно разработанную, я докладывал Нерудному и Географическому подотделам и получил их одобрение.

Нерудный подотдел выразил пожелание, чтобы сделан был уклон в сторону трактовки темы о подземных водах вообще, а не только СССР. Это, пожалуй, тоже неглупо, а параллельность работы с Геолкомом еще убавит.

Свершилось великое (для меня) событие: свои коллекции, находившиеся в Геолкоме, я перевожу (в количестве 40 ящиков) в КЕПС. Таким образом, *все* мои материалы собираются в *Академии*: половина в музее, половина в КЕПС. Оборудование моего кабинета в КЕПС будет существенно изменено, и Вы его по приезде не узнаете: одни вещи выносятся, другие ставятся. Думаю таким образом большую часть моей работы сосредоточить здесь же.

В Музее геологическом сейчас очень интересная годичная выставка. Если бы Вы видели, она бы Вам тоже понравилась, и Вы, может быть, смягчили бы Ваше отношение к ним. Все они так работают, и это видно.

Вышла в свет моя долгожданная (мною долгожданная, а не кем другим) статья моя о террасах Днепра. По поводу нее уже напечатана в том же выпуске Известий Укргеолкома статья [107].

Александр Евгеньевич во всей схеме КЕПС никак не может найти (об этом Вы уже знаете) места Географическому отделу и все стремится перенести его в ОКИСАР. В своем проекте «лабораторизации» он его и Лесной подотдел тоже от нас изгоняет.

Последняя точка зрения А.Е. мне представляется совсем неправильной, но линию на лабораторизацию в мотивировке требования помещения, я думаю, надо принять. Я спешно извещаю Вас об этих предположениях и планах, чтобы скорее иметь право действовать в этом направлении. Ряд предварительных шагов я сделаю уже и сейчас, но самое решающее, я думаю, пойдет тогда, когда Вы приедете. Всего хорошего.

Привет Наталье Егоровне и Нине Владимировне.

Ваш Б. Личков

P.S. Только что получил окончание Вашей записки [43].

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 29–32.

¹ Отдел изучения живого вещества КЕПС с 1 октября 1928 г. выделен в самостоятельную Биогеохимическую лабораторию (Биогел) с двумя отделениями и со штатом из 10 научных сотрудников – химиков. Задачей Биогела являлось количественное изучение миграции атомов химических элементов в биосфере и в тесно соприкасающихся с ней других оболочках Земли. (См. Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1928 г., с. 98). В 1943 г., в день 80-летия В.И. Вернадского, Биогеохимическая лаборатория была переименована в Лабораторию геохимических проблем имени В.И. Вернадского, а в 1947 г. в Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР.

² А.П. Виноградов.

³ Ю.А. Филиппченко.

⁴ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг.

⁵ Н.С. Курнаков.

⁶ А.Е. Ферсман и С.Ф. Ольденбург.

⁷ Всесоюзное совещание по изучению Соляных озер.

⁸ 3-й Всесоюзный геологический съезд (см. примечание 1 к письму 30).

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

(Ленинград,] 6 апреля 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Сегодня в КЕПС первый раз после начала своей болезни зашел Александр Евгеньевич и беседовал со мной по поводу дел КЕПС.

По поводу Вашего письма он со мной говорил тоже. Он очень сомневается, чтобы сейчас проект Менделеевского института¹ имел шансы на осуществление в связи с тем, что момент уже упущен, создались в данной отрасли большие учреждения вне КЕПС, и они-то окажут большое сопротивление при организации института. Поэтому А. Евг. думает, что из этого проекта в полном его виде, по всей вероятности, ничего не выйдет².

Дальше Александр Евгеньевич внес интересное и заслуживающее с моей точки зрения внимания предложение. Он предложил добиваться сейчас же от Академии передачи нам помещений по противоположной стороне вестибюля (вокруг будущей Византийской комиссии), причем мотивировать это тем, что теперешнее помещение свое мы хотим отвести исключительно под лаборатории. Все же не лабораторное должно быть вынесено по другую сторону вестибюля. Проект этот имеет своеобразную привлекательность еще в том отношении, что Академия, по словам А.Е., охотней пойдет на, так сказать, «лабораторизацию» этого здания. В среднем этаже и сейчас лаборатория Павлова; сверху, на месте Толстовского музея. Также будет лаборатория и, наконец, КЕПС тоже установит свои лаборатории. Получится здание целиком имеющее лабораторное назначение. При этом, сказал А.Е., необходимо сжать канцелярские помещения. В том, чтобы удалось последнее, я сомневаюсь, ибо у нас вообще канцелярия раздута. Поэтому удастся не сокращение, а только перенос в новое помещение. Однако, если это может иметь тактическое значение и на это можно... (конец письма с подписью Б.Л. Личкова отсутствует).

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 33, 34.

¹ В своей Записке о задачах АН СССР в области изучения производительных сил страны, написанной 27 марта 1928 г., В.И. Вернадский предлагал на базе КЕПС организовать Менделеевский институт. Эта мысль его не осуществилась (см. ЛО ААН СССР, ф. 132, оп. 1, д. 20, лл. 14–54).

² Конец письма с подписью Б.Л. Личкова отсутствует.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Париж,] 13 апреля 1928 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Вчера мне передали из лаборатории Лакруа, где я не был эти дни, Ваши письма от 5 и 6.IV. Очень рад был их получить. Я уже просил Александра Павловича¹ Вас известить, что я надеюсь быть в Петербурге 28 апреля утром. 26-го выезжаю из Берлина, а 20-го выезжаю отсюда в Гронинген к Гиссингу, если получу визу. Я очень рад, что застаю еще Солевое совещание². Если

что нужно в Берлине, мой адрес на всякий случай (23– 25.IV) Berlin. Dahlem Kaiser Wilhelm Institut. Institut d. Sili- kat – Forschung. Dr.E. Kordes, для меня. Кордес – переводчик моей «Геохимии» [45], надеюсь, что он там. Я ему писал, но ответа еще не имею.

Я, как я и писал откровенно С.Ф.³, считаю совершенно правильным, чтобы все обсуждение вопроса о КЕПС было произведено в моем присутствии. Все поведение Иоффе и Крылова я считаю неправильным, а то, что С.Ф. влез в это дело – легкомысленным. Так что, длинную записку писал частью из-за недостатка времени, частью не заботясь о желании обсуждать вопрос в мое отсутствие. Как бы то ни было, ясно, что от моего отсутствия решение Академии наук не будет более правильным, а соображения Иоффе и Крылова связаны с какими-то нам неизвестными махинациями и расчетами. Думаю, что с ними считаться нельзя для пользы и достоинства той же Академии наук. Поэтому буду очень рад, если заседания Комиссии затянутся. Мы пока в них совершенно не заинтересованы. Я надеюсь, таким образом, что я захвачу суждение Комиссии в самом начале. Оно к тому же не является окончательным. Если надо еще резюмировать записку – берите. Но может быть, лучше оставить как есть. Обсуждать вопрос о Биогеохимической лаборатории мне представляется совершенно ненужным, так как она, очевидно, явится самостоятельным учреждением. Раз в смету ставится и Биогеохимическая лаборатория и КЕПС, то, очевидно, никакой опасности нет. Но тут является другой вопрос, который я очень прошу не решать до моего возвращения: как быть с 3-мя единицами отдела живого вещества. Ведь *два* из этих мест не предусмотрены штатами Биогеохимической лаборатории и принадлежали отделу библиографии. Третье (Виноградов) – освободится. Это нам придется выяснить.

Очень интересно, что Вы пишете о географическом отделе и его дальнейшей работе. Я вполне согласен с Вами, и думаю, что ни в каком случае его нельзя передавать в ОКИСАР. Его существование в будущем мне представляется в виде самостоятельного Географического института. Лесной надо отделить. А затем, Академия наук должна поставить вопрос о Картографическом бюро. О Лесном «Музее» надо будет нам поставить вопрос.

Я не касался Московского отделения, но это надо будет поставить, вероятно, однако, уже осенью, когда вообще все вопросы вновь встанут перед нами. Как-то надо будет защитить два генетических, и, я думаю, это будет вполне возможно.

Очень сочувствую и переходу отдела нерудных ископаемых в Геохимический институт (кстати, геохимическо-минералогическое отделение есть и в Радиевом институте), и «лабораторизации» КЕПС, и в смысле помещения, о чем Вы пишете. Эта идея А.Е. мне кажется практически очень удобной.

У нас во главе геохимического отдела (института), конечно, останется А.Е., но едва ли может его правильно поставить Геологический комитет: нет людей, и я думаю, что слишком сейчас и громоздок, и недостаточно научно стоек Геолком, чтобы можно было безопасно строить там что-нибудь большое. Это видно и по научной слабости большой их химической лаборатории.

Я очень рад, что прошел вопрос о воде⁴. Думаю, что очень интересно взять в большем, чем государственный, масштабе; по крайней мере в масшта-

бе Евразии. Это и научно очень интересно. Я считал бы полезным выдвинуть и химическую часть. По отношению к Геолкому я считаю, что в такой постановке никакого переименования не будет.

Что будет с Менделеевским институтом⁵, трудно сказать; думаю, что добиться можно и нужно. И вот, для первого начала надо наметить – и осуществить – в сентябре или октябре первую сессию директоров (или представителей) исследовательских институтов по изучению естественных производительных сил. Переговорить с А.Е. и С.Ф.⁶, какая форма им представляется лучшей: при КЕПС, или при президиуме АН? Во всяком случае, аппарат организации должен быть у нас. Я бы хотел провести через ФМО⁷ теперь же, если можно, 9 мая (23 мая я думаю быть в Ташкенте). Надо составить *список* учреждений (несколько десятков?).

Очень интересно то, что Вы пишете о географической картине Северо-Западной области. Чрезвычайно было бы интересно соединить и направить в эту область в 1929 году работу биогеохимическую и геохимическую. Мне кажется, это особенно интересно, так как и процессы жизни, и процессы выветривания неизбежно имеют характер географический.

Нам придется собрать в ближайшее же время, до моего отъезда в Туркестан, совещание о сапропеле. Надо иметь подходящего секретаря. Мы не избежим этого изменения. Надо найти человека – химика? Я даже думал о ком-нибудь вроде Гинзбурга, если бы это было материально возможно.

Здесь сейчас все время делает много шума Клозель⁸: две группы. Пытаются доказать мошенничество, и значительная часть ученых в этом уверена. Я с этим далеко не согласен – меня останавливает то, что такие же вещи и знаки довольно широко распространены в палеолитических находках Франции и Испании. В сущности, должно быть *Vorgeschichte*⁹ письма была очень длинна, и ведь техника искусства поразительно совершенна в это время. Сейчас как раз защитники этих находок предприняли экспертизу на месте с Рейнаком, Депере, Лотом и др. В «Природе» надо будет к этому вернуться. Надо будет, конечно, просмотреть не газетную, но журнальную литературу. В одном из итальянских журналов, которые я просматривал, «Nuove Antologia», говорят о легкомыслии французских ученых. Ну, всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Знаете ли книгу об изостазисе Борна [254], есть в Музее. Я начал просматривать перед отъездом и мне показалась интересной. Надо найти человека для Сапропелевого отдела – секретаря Отдела. Подумайте.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 44–46 об.

¹ А.П. Виноградов.

² Солевое совещание – на заседании отделения физико-математических наук 4 января 1928 г. В.И. Вернадский и Н.С. Курнаков возбудили вопрос о созыве Всесоюзного совещания по изучению соляных озер. Оно состоялось в Ленинграде, 26–30 апреля 1928 г.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ См. письмо 55.

⁵ См. письмо 57.

⁶ А.Е. Ферсман и С.Ф. Ольденбург.

⁷ Физико-математическое отделение АН СССР.

⁸ Клозель – место интересных археологических находок во Франции. Мнения ученых разделились. Одни утверждали, что Клозель – подделка и фальсификация (Марс, Буль). Другие, такие, как Депере, считали Клозель подлинными археологическими остатками. Голоса Комиссии, проводившей экспертизу (Рейнак, Депере, М. Буль и др.), разделились.

⁹ Предыстория (нем.).

59

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову¹

[Ленинград,] 3 июня 1928 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Пишу Вам эти несколько слов, чтобы просить Вас повидать в Академии кого нужно и подготовить приезд Ланжевена². Он хочет быть в Киеве около 15.VI, на обратном пути. Надо его там устроить. Он хочет не только видеть Киев, но и прочесть лекцию. Я пишу об этом Липскому, а Сергей Федорович³ – Крымскому. Пожалуйста, сделайте, что возможно.

Ваш В. Вернадский

P.S. На пятницу 8-го думает С.Ф. назначить заседание о КЕПС.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 42.

¹ Это письмо, судя по содержанию, было направлено В.И. Вернадским из Ленинграда в Киев, где в это время находился Б.Л. Личков.

² Выдающийся французский ученый и общественный деятель Поль Ланжевен посетил Советский Союз по приглашению Академии наук СССР в мае–июне 1928 г. (см. подробнее: О.А. Старосельская-Никитина. Поль Ланжевен. М., 1962, с. 193–196).

³ С.Ф. Ольденбург.

60

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ессентуки,] 21 июля 1928 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Как раз сегодня Вам хотел послать открытку с видом и с запросом, как у Вас, когда получил Ваше письмо.

Отвечаю на него сейчас же. Ревизия АН была послана из Москвы. Сейчас она отложена до октября ввиду того, что все разъехались в отпуск или на работу. Это нам добавление к выборам. Ввиду болезни С.Ф. и Петра Петровича. Объяснялся с ними и вел все дело Крылов. Нам безусловно надо будет двинуть наш Сборник о нашей работе.

Здесь я чувствую себя хорошо и отдыхаю, работая. Останусь тут до 5–10 августа, а оттуда вернусь в начале сентября в Петербург. В Киеве работа идет недурно, кажется.

Делал здесь доклад «Природная вода и ее геохимическая классификация» [40]. Для меня он был очень полезен, так как заставил *mètre l'es points*¹.

В действительности, только тут удалось мне высказать основную мысль: неразрывную связь природной воды с земными газами. Видно – газовый режим Земли – основной механизм земной коры. Развил я и то значение, которое природная вода имеет для создания электростатического поля Земли.

Довольно много читаю и много думаю.
Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Из письма Вашего заключаю, что у Вас дома все благополучно, но еще изменений нет. Имел письмо Н.П. из Боярки – бодрое.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 43.

¹ Выяснить (фр.).

61

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Киев,] 22 августа 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я в Киеве и хотел бы Вас видеть.

Ваш Б. Личков

P.S. Зайду еще раз днем, а если не застану, то вечером¹.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 40.

¹ В.И. Вернадский июнь и июль 1928 г. провел вместе с женой в санатории в Ессентуках, затем вместе с С.Ф. Ольденбургом жил в санатории ЦЕКУБУ (Центральная комиссия улучшения быта ученых) в Кисловодске, где готовил для печати «Биосферу» на немецком языке (см. «Geochimie in Ausgewelten Kapiteln. Autorisierte Uebersetzung aus dem Russischen von Dr.E. Kordes». Leipzig, 1930, 370 S.). С 16 по 25 августа находился в Киеве, откуда с группой сотрудников Биогела выехал на биологическую станцию в Староселье (на Днепре). 2 сентября Вернадские вернулись в Ленинград.

62

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ленинград,] 8 ноября 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Когда я начал опять пересматривать статью свою [112], она мне показалась *ужасно* неинтересной, нецельной, искусственно связывающей разнородное. Я добавил страницы 3–7 и 81–87, которые, мне кажется, удачно или неудачно, я не знаю, но вносят недостающую общую идею. Боюсь, что Вы против этих страниц, как слишком общих по содержанию, будете возражать.

Теперь дальше. Все Ваши поправки я внес.

Географический и энергетический отделы (синтез) перенесены в конец. Соответственно изменена таблица на ст. 10.

76

Смелой рукой, и как будто с Вашего благословения, я перенес отдел каменных строительных материалов к отделам физическим. Текст несколько изменился (стр. 27). В результате определеннее стало положение отдела нерудных и добавился верх странички 35.

Лесное дело выделено из географического отдела и изложено по-новому, моим языком, а не чужим (стр. 42–46).

Изменена, хотя незначительно, трактовка географического отдела (стр. 72–79).

Вот главные перемены.

Дальше. О Курской магнитной аномалии, стр. 12. Институт платиновый сокращен согласно Вашей мысли, с. 23–26.

На с. 61 обратите внимание на подстрочные примечания. О подземных водах на стр. 65.

Вот как будто и все.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 41.

63

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ленинград,] 30 декабря 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я посылаю Вам «Феноменологию Духа» Гегеля [186] с предисловием Аменицкой, а также первый сборник «Цельное знание» [228]. Второй – предполагается под редакцией Аменицкой. Аменицкая, кроме того, писала рецензии по философским вопросам в журнале «Мир Божий»¹ в течение ряда лет под псевдонимом NN. По-моему, очень интересные и компетентные рецензии. С Эрнестом Львовичем² она была в большой дружбе и очень его уважала. Эрнест Львович, насколько я знаю из бесед с ним, платил ей тем же. Повторяю, что я с Екатериной Дмитриевной не говорил, и предлагаю ее участие в заседании памяти Э.Л. лично от себя.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 42.

¹ Журнал «Мир Божий» выходил в Петербурге в 1892–1906 гг.

² Э.Л. Радлов.

64

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Praha, Hrubá Skála, 13 августа 1929 г.¹

Дорогой Борис Леонидович,

Не знаю, застанет ли Вас это письмо на Алагезе. Я получил и Вашу первую записку, и письмо от 22.VII² – последнее почему-то с запозданием, – оно как-то из Карлова университета странствовало.

77

Я здесь пробуду до конца и выеду в Питер, минуя Прагу, прямо через Берлин. Буду к сессии Академии, которая начнется 22.IX. Надеюсь, ведь и Вы вернетесь к этому времени и даже раньше?

Чувствую себя хорошо. Много гуляю. Здесь чрезвычайно красивые места – так называемый чешский рай. Много с дочкой и внучкой.

На днях получил книгу Eddington'a. The nature of the physical World [261] – очень много заставляет думать. Он дает картину Мира, где нет законов всемирного тяготения в их обычном представлении. Довольно много было мне нового в некоторых следствиях. Попытка построить Мир, где действие законов причинности – ограниченное. Эддингтон делает из этого философские и религиозные выводы. Может быть, обращу внимание на эту книгу в «Природе»³. Мне, однако, кажется, что получающаяся картина Мира не может быть верна, так как Эддингтон принимает резкое отличие времени и пространства, по существу, упуская явления симметрии. Мне кажется, здесь является как раз возможность выявить значение симметрии.

Ну, обо всем этом при свидании.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 49, 49 об.

¹ 26 июня 1929 г. В.И. Вернадский вместе с женой выехал в заграничную командировку в Германию и Чехословакию на 3 месяца.

² Записка и письмо в архиве В.И. Вернадского не сохранились.

³ Это намерение В.И. Вернадский не осуществил.

65

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Берлин, 28 сентября 1929 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Ваше письмо получил в день отъезда из Hrubá Skalá, который случайно задержался из-за моей неожиданной болезни.

Все шло хорошо, и мы должны были выехать 25-го, а 1-го, самое позднее, быть в Петербурге, как вдруг у меня сделались очень большие боли, температура поднялась до 37,7°, и я неожиданно оказался больным. У меня невроз – поясной лишай (Herber Zoster) и т.п. Пришлось выехать, когда спала температура.

Здесь приходится передохнуть, и я хочу выждать, когда последствия болезни уменьшатся. Взяли билет и выезжаем вечером 1-го, третьего октября, кажется, в восьмом часу должны приехать в Петербург.

Я очень хочу, чтобы всякие важные дела по КЕПС, если есть малейшая возможность, были отложены до моего приезда.

Сообщите об этом Александру Евгеньевичу и Сергею Федоровичу¹.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 51, 51 об.

¹ А.Е. Ферсман и С.Ф. Ольденбург.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Долина Аракса], 30 июня 1930 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я вот уже три недели нахожусь в условиях полевой работы, но вовсе не могу сказать, чтобы я целиком в нее погрузился. И виной тому внешние обстоятельства. Сначала в течение почти двух недель я разыскивал свой багаж, без которого начинать работу я не мог, ибо там находились все приборы и карты. Потом оказалось, что багаж преспокойно лежит на ст. Эчмиадзин, а мне все время выдавали ложные справки о том, что его нет.

Теперь новая история. Надо обеспечить продовольствие своей гидрогеологической партии. Чтобы сделать это, надо получить через Наркомторг, затем в центральных органах кооперации и, наконец, в органах кооперации местных.хлопоты по этим делам идут вот уже две недели, и лишь вчера мне удалось часть этих продуктов, кроме муки, получить реально. Таким образом, три недели и пропали. Если не совсем в пустую, то, во всяком случае, прошли в менее интенсивной работе, чем следовало бы.

Доехало наше семейство сюда вполне благополучно, и дорога оказалась далеко не такой трудной для детей, как можно было ожидать. Жизнь здесь пока много дешевле ленинградской, в магазинах кое-что есть, но положение с каждым днем ухудшается. Погода здесь стоит очень недурная. Но, в общем, лето является гораздо более прохладным, чем предыдущее; нередко сильные грозы и дожди, сильных жаров еще не было.

Недели через две я предполагаю отсюда выехать недели на три в Туркмению, а затем вернуться сюда и продолжать здесь свои работы.

Здесь обнаружено бурениями в долине Аракса присутствие артезианского типа вод. Воды обладают большим напором и способностью подниматься почти на семь метров выше второй террасы Аракса. Их можно применять не только для питья, но и для орошения. Изумительное впечатление производит эта струя совершенно чистой прозрачной воды, вырывающейся из скважины и бегущей дальше, на поля, в виде ручья. Думаю, что этой воде суждено играть большую роль в улучшении водопользования засушливой и местами полупустынной широкой долины Аракса.

От Питера чувствую себя оторванным и очень мало знаю того, что там делается. Писали мне, что мои обязанности исполняет сейчас Сергей Николаевич. Как дела с Вашей поездкой за границу? Пускают ли Вас и если да, то когда думаете Вы ехать?

Очень рад буду, если Вы мне напишете. Недели через две я думаю проехать отсюда в Туркмению и пробуду там недели две – две с половиной.

Шлю мой большой привет Наталье Егоровне и желаю Вам всего самого лучшего.

Ваш Б. Личков

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Ленинград, 19 августа 1930 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Пишу несколько слов, чтобы сообщить Вам, что я получил Ваши два письма и был очень рад иметь их, но отвечаю, как видите, очень поздно. Положим, из письма Хлопина знал, что Вы в Туркестане, но все же.

Сию здесь, не получая ответа ни положительного, ни отрицательного на ходатайство Академии¹ и почти не получая ответа на мои письма. Решил добиваться, так как совершенно ясно, что при здешних условиях работу сделать не могу. Жду возвращения власти в Москву, и тогда поеду хлопотать лично. Будет это через 2–3 недели. А пока в Академии все прежнее и прежняя атрофия власти.

Работаю научно хорошо, но стараюсь себя сдерживать, так как надо отдохнуть. А отдыха я не имел.

Всего лучшего. Наш горячий привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 52, 52 об.

¹ Ходатайство о командировке В.И. Вернадского за границу для научной работы и лечения.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Долина Аракса,] 25 сентября 1930 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Получил Ваше второе письмо и очень Вам за него благодарен. Первое Ваше письмо было здесь получено тогда, когда я находился в Туркмении, и, таким образом, с моим письмом разошлось.

Сейчас я всей душой стремлюсь выехать домой, но никак мне это не удастся отнюдь, однако, не по моей вине. Я начал ликвидацию работ своих вот уже почти 10 дней, но до сих пор никак их ликвидировать не могу.

Для ликвидации прежде всего нужны деньги. Частично они есть и находятся на аккредитиве и сберегательной книжке, но оттуда эти деньги выдают в Эривани только по сто рублей в день, и приходится капля по капле брать эти деньги с книжек. А брать их – значит сидеть в городе, сидеть же в городе, значит не укладываться и тормозить собственный отъезд.

Вы не можете себе представить, как много дала мне поездка в Туркмению и Каракумы, где я был около месяца. Подробно я расскажу Вам об этом при- личном свидании, а пока кратко скажу, что эта поездка вполне подтвердила мне выводы моей статьи «Загадка Каракумов» [119], которую Вы читали: Каракумы низменные – это долина огромной реки. Ну, подробно я Вам расскажу на днях. А затем я видел Репетек и убедился, что там и

без Дубянского идет серьезная и большая работа. Теперь я знаю цену его словам.

Всего лучшего, дорогой Владимир Иванович. Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 59–62.

69

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Ст. Петергоф, 28 мая 1931 г.¹

Дорогой Борис Леонидович,

Как у Вас? Как Вы? Буду очень рад, если черкнете.

Вопрос об издании «Гидрогеологии Союза» двинут в геологической группе.

Я согласился председательствовать, но не созвать совещание, которое без Вас и без меня, может быть, могло бы принять не то решение, которое желательно.

Напишите, когда будете, и будете ли в Ленинграде в июне? Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Я здесь хорошо работаю.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 55.

¹ В Старом Петергофе Вернадские жили с 15.V по 15.IX 1931 г.

70

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ленинград], 3 июня 1931 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вашу открытку от 23.V получил только что и спешу на нее ответить. В Ленинграде я пробуду, по-видимому, до 15 июня. Перед отъездом обязательно заеду к Вам, чтобы повидаться. Судьбы мои на лето выяснились. В первую половину лета я еду в Сибирь во главе большой экспедиции Гидрологического института¹, а в августе-сентябре буду в Армении, на Алагезе. Заканчиваю сейчас корректуру книги о геоморфологии Алагеза [120].

Получилась порядочная по величине работа – 115 страниц с таблицами и картами.

На днях с большим удовольствием перечитал (собственно прочитал в первый раз, но я ведь ее уже слышал на Вашем докладе) Вашу статью об «Изучении явлений жизни и новой физике» [46], которую редакция сопроводила примечанием. Мне страшно нравится и кажется совершенно правильным Ваше указание, что для картины Мира в современном научном мировоззрении не используются выводы ряда наук, и прежде всего наук биологических.

Можно было бы добавить сюда еще множество примеров, развив ее в целую книгу. Статья удивительно интересная, глубокая, и, мне думается, поучительная даже для того, кто с ней не согласится.

Радуюсь за Вас, что Вам хорошо работается. Передайте мой большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Дети все еще больны коклюшем. В смысле летнего их пребывания по-прежнему ничего не придумал. Жена просит передать Вам и Наталье Егоровне большой привет.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 64.

¹ В 1929 г. Б.Л. Личков был приглашен работать по совместительству в Гидрологический институт на должность старшего геолога. В институте он заведовал двумя отделами: Отделом подземных волн и Гидрогеографическим отделом. В летние месяцы он выезжал в экспедиции от этого института.

71

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

г. Эриван, 25 июля 1931 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Мне очень досадно и неприятно, что перед отъездом своим я не успел еще раз заглянуть к Вам в Петергоф, чтобы повидать Наталью Егоровну и Вас. Дело в том, что перед отъездом как-то скопилось уж очень большое количество дел и спешка была невообразимая. Сижусь сейчас в Эриване в ожидании приезда багажа и из-за этого не могу начать работ.

Как Вы живете в доме отдыха и над чем сейчас работаете? Очень хотелось бы мне перенестись к Вам и поговорить, но, увы, я отделен тысячами километров. Недели через три собираюсь отсюда переехать в Сибирь. Не знаю только, ехать ли через Москву или через Туркестан.

Шлю большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Если захотите мне черкнуть сюда пару слов в течение ближайшего месяца, имейте в виду, что адрес мой – Аштарак, экспедиция Академии наук.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 977, л. 66, 67.

72

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Praha, Dejvice, Zemledolska ul. 4, p. I, b. X. 27 августа 1933 г.¹

Дорогой Борис Леонидович,

Только теперь пишу Вам. Доехали мы сюда не совсем благополучно. Наталья Егоровна, подъезжая к границе, упала в вагоне: вагон качало и дернуло, и довольно неудачно: по-видимому, внутреннее кровоизлияние, но боли до сих пор. Как будто органы не затронуты, но заживание длительное. Вследствие

82

этого она на положении полубольной, и мы не смогли поехать, как хотели, с внучкой в окрестности недели на две отдохнуть. Но поедem, как поправится – сейчас ей лучше – но все еще боли. Я, впрочем, не чувствую потребности в отдыхе и начал писать свою книгу [53]. Думаю написать по-французски². Введение – геологическое – и над ним я сижу. Мы незаметно подошли в геологии к коренному перевороту: очень важно отбросить из наших представлений космогонические гипотезы о Земле: я думаю, Кант-Лапласовская гипотеза, расплавленная Земля и т.п. являются фантазиями и мешают и сейчас нашей работе. Думаю я это давно – еще с молодости, но только теперь это вылилось конкретно. Картина, которая открывается, совсем другая. Планета – холодное тело; оболочки, правильно меняющиеся, неизменны в геологическом времени и созданы геологическими процессами. Отчего не появиться быстро (в масштабе геологического времени) из захваченного притяжением Солнца большого «метеорита» современной Земли?

Три фактора являются тогда решающими: 1) солнечная энергия – раз метеорит размерами Земли, сразу или геологически быстро образовавшийся, начинает вращаться вокруг Солнца и *нагреваться* со всеми последствиями; 2) жизнь, которая возникает под влиянием того же основного фактора – нового в истории метеорита – солнечного нагрева. Невольно обращают внимание наблюдения Ментана (1931–1932) над жизненными зародышами в метеоритах³. Я знаю их по рефератам – надо разобраться. Не рассеяна ли жизнь везде? (идеи Вешана) [253] и 3) геологическое время, вызывающее благодаря радиоактивному распаду вещества тела – меняющемуся в ходе времени по атомному составу – процессы химического характера, нами обычно не учитываемые, например *превращение* в присутствии воды CO_2 в сложные тела, углеводороды и углистые (то есть, заключающие С, О, Н). Но об этом я, конечно, не буду в этом введении касаться: можно только отметить, что возможно представление, которое простое, реальное и объясняет все так же удобно, как Кант-Лапласовская и т.п. гипотезы. Не один организм должен появиться, а комплекс несводимых одноклеточных, из которых развивается наше разнородное живое вещество – живая природа. Все биогеохимические функции неизменно существуют изначала.

Что значит: захватывается метеорит Солнцем: при приближении и повороте меняется поле энергии? Правая новая фаза пространства? Повышается температура тела (ведь земной максимум 1500–2000 °С – холодная температура с точки зрения тел Космоса)?

Случайны ли метеориты в планетной системе? Я думаю, мы многих из этих разностей не знаем, и они закономерная часть системы.

Одновременно я разрабатывать начал и другую главу: о постоянстве массы жизни в геологическом времени. Тут интересный исторический очерк.

Для вступления исторический очерк развить не хочу – но хочу в работу Геттона-Лайелля [264] и, может быть, Гоффа [263] войти по первоисточникам.

Исторический очерк разовью, если здесь достану польскую литературу. Славянский отдел открывается 1.IX. Роль Снядецкого должна быть увеличена, и я хочу сейчас внимательно перечесть его основную работу [281].

Третья (вторая по порядку) глава – биосфера. Ее – в сжатом виде сейчас можно изложить гораздо более точно и ясно, чем мною это сделано в 1926 году [30].

И наконец, глава о понятии геохимической энергии жизни. Если бы я вчерне это отработал, был бы доволен этим годом. Еще год работы, и мог бы в основе кончить всю книгу к 1936 г.

Для геологии, если мы отбросим гипотетические космогонические представления, мы увидим массу явлений в новом свете. И мне хочется на ряде примеров это показать.

Это – тот шаг, который не сделали в свое время геологи: идея внутреннего тепла Земли как космогонического пережитка исторически вошла в геологию вне эмпирических наблюдений, и очень быстро. Корни ее – в философских переживаниях XVII–XVIII веков.

Одним из следствий явится теснейшая связь геологии с радиоактивностью. Радиogeология есть та новая наука, которая сейчас зарождается на наших глазах.

Буду очень рад, если Ваши публикации Вы будете пересылать мне *сюда* и будете указывать, что интересного вышло в геологии и в гидрологии. Послал ли Гидрологический институт куда-нибудь за границу, сюда, например, ту большую книгу (многотомную), которую Вы мне указывали? Как ее заглавие? [191]. С кем обменивается в Праге, Париже, Лондоне? Вы знаете, что оценка моей работы над водой, которая сделана (и Ваша тоже – очень рад быть в такой компании). Гидрогеологическим съездом в официальной публикации продолжается и издание моей «Истории природных вод» как будто задерживается! Очень возможно, что 2-й выпуск будет перенесен на 1934 год! Может быть, хорошо было бы где-нибудь в печати дать оценку 1-го выпуска. Меня интересует психология (научная) этих людей. Невежество? Глупость?

Много очень интересного, и я многое новое – научное – опять узнаю.

Наш сердечный привет Вашим, и детишкам, в частности.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 56, 57.

¹ 11 августа 1933 г. В.И. Вернадский выехал за границу вместе с Натальей Егоровной. Был в Польше, Чехословакии, Франции и Англии, где читал лекции, в которых излагал свои идеи в области радиogeологии.

² В 1933 г. В.И. Вернадский начал набрасывать излагаемые мысли в работе «Выявление и современное состояние основных геологических идей», являющейся, по замыслу автора, частью большой работы «Биогеохимическая энергия в земной коре» [53]. Однако написано было всего 71 страница машинописи, и работа осталась незаконченной. Позднее изложенные в ней идеи перешли в работу «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» [55].

³ Ментан – ни автора с таким именем, ни его работ в библиотеках Москвы найти не удалось.

73

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Praha, Dejvice. Zemědělska ul. 4, p. 1, b. X, 8 октября 1933 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Был страшно рад получить Ваше письмо, и о многом хочется и написать, и ответить на него. Пишу только теперь, потому что сейчас вчерне сделал (очень вчерне) ту часть работы, которую хотел сделать до поездки в Лондон. Дело в том, что я долго не мог настоящим образом войти в свое писание. Думаю теперь, что в этом выражалась усталость. Почти через месяц вошел в свою книгу [53].

Много и думал, и выяснял себе. Первая, вводная, глава – геологическая: выявление основных современных геологических идей. Новые проблемы – я уверен, что геология находится сейчас на переломе. Выпадение прежней, космогонической базы, не бесследно, и весь характер пониманий планеты меняется. Мне придется еще много раз над этим работать в двух направлениях: в «философском» – логическом – и историческом. Основное изменение вносится сейчас созданием геохимии, радиогеологии (новой складывающейся науки), резким изменением геофизики, с одной стороны, а с другой – коренное изменение научного мировоззрения в связи с новой физикой и астрономией. Исторически очень много интересного. Фигура Геттона вырастает и совсем мало изучена. Любопытно сходство его философских воззрений с Бошковичевскими. Вы знаете, я давно ими интересуюсь, но ни генезис идей Бошковича, ни тем паче Геттона не затронут никем. Литературу о Геттоне можно найти только в Лондоне (философские его сочинения) [264, 265]. Я не мог в прошлом году их найти в Париже, но, может быть, и есть в какой-нибудь библиотеке.

А затем, для меня выяснилась глубже фигура Снядецкого: прямой мой предшественник – в основной схеме мысли. Я хочу в Лондоне заняться литературными изысканиями. А затем перейду к 3-ей главе о геохимической энергии. Писать настоящим образом буду в России. Выяснился ряд старых работ – и новых, – которые надеюсь достать в Англии.

Выезжаю через Париж в Лондон в конце октября, пробуду там около 2 месяцев. Наталья Егоровна останется здесь. В Париже постараюсь пробыть недолго, а затем остальное – в Праге.

Сейчас, до отъезда, накопилось много работы, помимо моей главной книги. Очень широко и разнообразно слежу за текущей литературой и жизнью.

9.X 1933.

Вчера не кончил, пришла моя внучка¹, которая к нам приходит от 6–8 вечера. Днем она в детском саду.

Я не отрицаю значения научной гипотезы, но думаю, что обычно натуралисты здесь смешивают разные явления; ее можно разложить на эмпирическое обобщение (Менделеевская система), научную гипотезу и научную идею по крайней мере. В геологии научные идеи играют большую роль. В наших космогониях до сих пор не можем стать строго логически на почву пространства – времени. Это ярко проявляется даже в работах Эддингтона (физическая картина Мира) [261]. Времени должно отвечать свое пространство: и то и другое друг от друга зависят. Это явно видно в *разрезах Мира*, которые очень меня занимают сейчас: *разрезы* Вселенной. Два из них понятны: наш макрокосмический мир с ньютоновскими силами (пространство и энергия) и особым временем и микрокосмический мир с кулоновыми силами (пространство и энергия) и особым временем (эмпирическое мгновение). Введение кулоновых сил правильно (французы) и исторически очень интересно произошло. Очень возможно, что за пределами нашего мирового острова и «силы» и время другие – третий разрез Мира, как высказывают некоторые философы (Le Roy). Очень соблазнительно здесь философствовать, как делали некоторые ученые, но ясно, что это задача нестоящая: такие большие люди в таких случаях, как Фехнер, Ламарк, Ампер, например, ясно это показали.

Геология – наука о времени столько же, как и о пространстве (материи-энергии), и поэтому ни в одной из других естественноисторических наук

нет такого проникновения в пространство – время, как в ней. Космогония, в основу которой она входит, есть математически охваченная научная гипотеза и до XX века для Земли была частью математ.[ической] физики. Сейчас это изменяется. Я думаю, что сейчас в *геологии* мы подошли (в макроскопическом разрезе Мира) к новым охватам космогонических представлений. Ну, об этом переговорим.

Я просил А.П.² выписать для Биогеохимической лаборатории геологию Шухерта – вышло новое издание исторической 279]. Видели?

Как с моей статьей в Сборнике Глушкова? [47]. Когда можно иметь отписки?

Писал Николаю Прокофьевичу³, ответа нет. Как он?

Все больше думаю о радиогеологии. Сейчас многое новое. Во 1-х – огромное значение *нейтрона* (по G. Perrin – главная масса звезд): подходят к разложению материи на энергию. И то, – что выявляется, заставляет думать.

Для геологического определения времени – вопрос *усложняется*, если верен аммоновский электрооптический метод, – но, по-моему, это усложнение не касается основного: позволит определить вероятные пределы точности.

Методологически и философски очень интересно: основ метода *не понимают*, а результаты заставляют задумываться. А между тем меняется коренное представление о радиоактивном распаде (и, например, вместо наших 10–12 свинцов их 16, а для урана вместо 5–8 и т.д.). Мы имеем здесь такое же непонимание, как для квант: а результат заставляет считаться.

Еду в Лондон через Париж около 20–25.X. Хочу быть в Оксфорде и Кембридже.

Наталья Егоровна и я шлем Вам и Вашим сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

P.S. Я не думаю о метеоритном происхождении Земли: думаю, что ее начало пока еще не выявляется научной работой. Я принял, как одно из многих возможных предположений.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 58, 58 об.

¹ Т.Н. Толль.

² А.П. Виноградов.

³ Н.П. Василенко.

Дорогой Борис Леонидович,

Я на днях получил Ваше письмо от 12.X, которое очень меня беспокоило, – неужели нельзя Вам хотя бы неделю отдохнуть, ведь можно же во время болезни – а она, очевидно, у Вас есть – получить нужное удостоверение, чтобы дать передышку. Сделайте это: не надо доводить себя до надрыва.

Вы, должно быть, получили мой ответ на Ваше предыдущее письмо. Я послал его около 9 октября. Получил я также письмо от Николая Прокофь-

евича¹, из которого вижу, что все у него благополучно, и только по почерку можно видеть, как он постарел.

Благодарю Вас за присланный журнал. Я пишу, чтобы Вам вернули деньги, так как я хочу это произведение оставить у себя. Я его не прочел – скучно тим заниматься. Люди совершенно не понимают, что сейчас происходит а окружающей нас научной среде. Ножицы между пониманием окружающих и между результатами работы научной мысли увеличиваются. Все внимание и понимание направлено на политико-социальные процессы, а более глубокий и мощный процесс изменения представлений о Мире исчезает из круга зрения. Я думаю также исчезали в понимании окружающих при своем вхождении идеи Коперника, Галилея и др., Ньютона, реальное проявление которых мы видим. Также мало чувствовал в 1840-х годах Маркс с его новой постановкой значения научных идей в приложении к реальной жизни человечества.

Я сейчас спешно заканчиваю недоделанное для Парижа и Лондона, куда еду через несколько дней: перевод на французский язык моей статьи «Проблема времени» [48 и 49], доклады, которые я хочу сделать сам во французской Академии наук [52], в первом же заседании, и хотя бы одну, уже написанную, лекцию в Сорбонне², которые не очень мне хочется делать и я предпочел бы, если уж это было бы нужно, сделать в начале декабря, после Лондона.

Ведь вот, только что написал историю воды [21], а открытие новой воды³ ставит геохимические проблемы, к которым мысль не приходила. В дожде ее не менее $2 \cdot 10^{-2}\%$, и в то же время она инертна к жизни. Невольно ставится вопрос: есть ли она в организмах? Или здесь окажется – аналогично диссимметрии – новое материальное отличие живого от мертвого. Если бы моя лаборатория была на высоте, надо бы сейчас же было поставить эту работу, но я и теперь попытаюсь это сделать⁴.

В каком положении моя статья в Сборнике Глушкова? [47]. Что, его здоровье не внушает прежних опасений? Сейчас для рака, по-видимому, через немного лет все изменится, но это, конечно, для теперешних больных поздно будет.

Наталья Егоровна остается здесь. Еду дальше один: внучка нас обоих захватывает, и я глубоко переживаю близость с этим маленьким раскрывающимся существом. Говорит она с каждым днем лучше – но все же отстала перед сверстниками в этом отношении. Наталья Егоровна оправилась совсем от своего падения; много работает; и с внучкой, и сейчас помогает мне в работе.

Я неизбежно и невольно задумываюсь – но не решаюсь набрасывать – над вопросами, выходящими за пределы научной работы – над «философскими мыслями натуралиста»⁵, которые хотелось бы написать после моей книги. Думаю, что не выдержу набрасывать. Очень широко и много слежу за новым.

Думаю, кроме печатного углубления в 1-ю главу в связи с Геттоном, Ляйеллем и трансформистами, я дальше работать над ней не буду. Но очень хотелось бы отделать главу о геохимической энергии жизни [53].

Надо кончать, дорогой Борис Леонидович. Устройте себе недельный отдых. По опыту знаю, как много это значит в Ваши годы. В былое время я делал это – и тогда даже – менее недели.

Наш сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

¹ Н.П. Василенко.

² 19–22 декабря 1933 г. В.И. Вернадский прочитал в Сорбонне цикл лекций «La Géochimie de l'eau» [51].

³ Очевидно, имеется в виду открытие тяжелой воды.

⁴ По инициативе В.И. Вернадского в 1934 г. в системе Академии наук была образована специальная Комиссия по тяжелой воде, которую он возглавил. Исследования тяжелой воды проводились также сотрудниками Биогеохимической лаборатории АН СССР.

⁵ «Философские мысли натуралиста» написаны не были. Но размышления ученого над проблемами философии естествознания (логика и методология) вошли органической составной частью в работы В.И. Вернадского 30–40-х годов. См. «Размышления натуралиста», кн. 1 и 2.

75

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 19 июня 1934 г.

Дорогой Друг Борис Леонидович,

Посылаю Вам эти строки, которые надеюсь начальник лагеря Вам передаст.

Анну Дмитриевну¹ видел вчера – все благополучно у них. Еду на июль-август в Узкое, где хотим с женой отдохнуть. Сейчас неожиданно она заболела, но надеюсь, это не нарушит нашу поездку.

Хочу Вам писать о новом в научном. Для Геологического конгресса² мы ставим три научные темы, которые хотим разработать в Радиовом институте и Радиологическом отделе бывшего Геологического комитета. 1) Определение самых древних отложений в Союзе: Карелия, Южнорусское плато и Прибайкалье. Новое независимое определение возраста в Карелии (Ненадкевич) дало опять *два* миллиарда лет. Это число сейчас всюду принято (например, в геологии Шухерта, 1933) [279]. Самое ли это большое? Я печатаю сейчас (в июле выйдет) «Le problème de la radiogéologie» (в Париже) [52] и там затрагиваю вопрос о *радиохимическом* изменении *наряду* с выветриванием и метаморфизмом. Общее пропущенное явление. Это делает чрезвычайно важным определение наидревнейших частей земной коры. Особые химические процессы. 2) Точное определение шкалы времени для пород Союза от докембрия до юры включительно. Методику мы очень усовершенствовали. 3) Исследование наших Ra и MsTh вод. Организационный комитет Конгресса, говорят, утвержден, и Конгресс будет в 1937 году.

Сейчас поразительный сдвиг. Открыта новая радиоактивность – действием нейтронов (Ферми) [262] и α -частиц (Жолио и Жолио-Кюри) [267]. Можно показывать на лекциях. Все, вероятно, элементы этому подвергаются, и мне кажется, это объясняет рассеяние.

Важно, что сейчас (Ферми в Риме) получен заурановый элемент (№ 93), пока изотоп с распадом (1/2) в 13 минут! Но это открывает огромные возможности – как далеко идут тяжелые элементы, и где конец?³

Сейчас создается *геохимия изотопов*. Установку для получения тяжелой воды мы ставим⁴. Ведь здесь впервые видно влияние *изотопов*: водородов атомного веса 1 и атомного веса 2 на жизнь. Я ищу этого с 1926 года [81]. На днях было в Москве совещание: обещают денежные возможности. Свинец

в Тетюхе из свинцового блеска дал неожиданные результаты: удельный вес ториевого свинца (208,0) – а его продают как обычный! Но геохимически это чрезвычайно интересно. Думаю, что ошибки нет – проверяем: открывается большое новое явление.

Скоро выйдет моя геохимия [38] – пришлю.

Было интересное совещание о стратосфере⁵. Сборник печатается [233].

Выясняется, что биосфера – благодаря установлению Ушинским (умер недавно в Баку) и его лабораторией и Бастином области анаэробного выветривания [252], – продолжается до метаморфической оболочки (до трех км с лишком). И под сушей, и под океаном одинаковая мощность? Захватываются в биосферу и стратосфера и стратисфера.

Интересна, но не глубока, кажется, книжка Архангельского «Геология и гравитационные явления» [172]. Пришлю, как прочту.

Наш с Натальей Егоровной сердечный Вам привет. Если сможете написать, буду рад.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 60, 60 об.

¹ А.Д. Личкова.

² 17-я сессия Международного геологического конгресса состоялась в Москве 21–28 июля 1937 г.

³ Сейчас обнаружены (правда, в ничтожных количествах) даже такие далекие заурановые элементы, как №№ 114, 124, 126.

⁴ См. примечание 5 к письму 74.

⁵ Совещание по стратосфере состоялось 31.III 1934 г.

76

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

г. Коканд, 3 августа 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях в мои руки попало Ваше письмо, помеченное 19 июня. Пришло, как видно по штемпелю, 20 июля, но попало в мои руки в связи с временным моим выездом из Коканда еще позже. В общем, оно шло ко мне почти месяц. Одновременно с Письмом получил я присланную Вами книжку [56]. Горячо благодарю Вас и за то, и за другое. Я не могу даже отдаленно передать той радости и того глубокого волнения, которое я испытал, получив Ваше письмо. Ведь Вы для меня это нечто единственное, исключительное. Другого такого человека, к которому я питал бы такие же чувства, как к Вам, нет среди моих друзей. Ведь Вы для меня не только горячо любимый друг, но Вы – одновременно – Вы источник вдохновения, мерило ценностей, учитель. Я не хотел бы ничего преувеличивать, но мне хочется пользуясь тем правом на откровенность, которое дает мне сейчас мое особое положение и оторванность моя от Вас (увидимся ли мы еще!) просто сказать Вам, что такое представляете Вы для меня. Вы не сердитесь на меня, Владимир Иванович, но я скажу, что всегда благодарю судьбу за то, что она дала возможность встретиться с Вами и в течение ряда лет пользоваться живым духовным общением с Вами. Это я считаю огромным своим счастьем! При этих условиях Ваше письмо было для

меня исключительно приятным и вызвало, естественно, в моей душе особенно глубокие волнения.

У меня как будто большой запас жизненной энергии, но вместе с тем бывают и бывали в последние дни случаи, когда мне хотелось опустить руки и бросить все. По отношению к Вам у меня такое впечатление, что у Вас этого никогда не бывает, и поэтому всегда, в случаях, когда нападает на меня такое малодушие, я говорю себе, что Владимир Иванович и в этих обстоятельствах рук не опустил бы. В Вашем образе нахожу я источник бодрости, яркий пример. А когда я стою на каком-нибудь распутьи или когда я делаю какой-нибудь поступок, который мне внушает сомнение, а всегда стараюсь представить себе: «а как бы поступил в этом случае Владимир Иванович?» Я всегда старался во всем быть прямым, правдивым и принципиальным, и Ваша прямота и глубокая принципиальность для меня всегда были предметом глубокого преклонения. [...]

Хочу теперь рассказать Вам, над чем я в течение последнего года, и особенно полугодия, думал.

Написал я курс физической геологии [123]. Писал я его с надрывом своих сил, с нечеловеческими усилиями, ибо вся материальная обстановка этому мешала, но все-таки в декабре 1933 года кончил. Книга в декабре переписывалась и была почти готова для отсылки в издательство, когда меня взяли, и это затянуло переписку до марта. В марте же издательство, в виду большого моего опоздания, объявило, что расторгает со мной договор, а рукопись лежит где-то в издательстве, и у меня даже копии не осталось, а судьбы ее неизвестны. По моему убеждению, несмотря на неровность обработки, неизбежную при спешке, работа получилась как будто довольно ценная и во многом оригинальная. Мне очень было бы приятно, если бы Вы могли ее посмотреть. Но ведь этого никак не сделать?!

Более реально другое, что я позволю себе выразить в виде просьбы, прямо обращенной к Вам. Я написал две научные работы: «К вопросу о роли водной наземной денудации в истории Земли» [139] и «К истории древнейших рек Северной Америки и Средней Азии» [138]. Интереснее, пожалуй, вторая работа, но должна была быть интереснее первая: из-за нее то именно я чуть с ума не сошел, но все же не мог в ней выразить того, что овладело интуитивно несколько месяцев назад всем моим сознанием. Я долго не мог приступить к изложению своих идей, а когда приступил, то оказалось, точно я часть своих мыслей утерял. Несмотря на это, мне кажется, что обе статьи все же очень интересны. Мне кажется, что, несмотря на некоторую недоработанность их в отношении последней литературы, я имею право причислить их к лучшим моим работам. Моя жена передаст их Вам в напечатанном на машинке виде (они отосланы в Ленинград), и я буду весьма благодарен Вам за их прочтение, замечания, содействие к появлению их в печати (более удавшуюся я хотел бы в Известия Академии). В связи с этими статьями я очень хотел бы, чтобы Вы прочли мою статью о Днепре в № 9 «Проблем советской геологии» за 1933 год [124], а равно две статьи в № 10 Трудов Геолкома¹. Хочу еще обратить Ваше внимание на то, что в Ваше отсутствие в Ленинграде состоялась Международная балтийская конференция. Труды ее изданы, и там, я думаю, найдется достаточно для Вас интересного. В частности, я заинтересован в том, чтобы Вы прочли две мои статьи «Гидрология и геология» [125] (здесь

есть интересное о современной геологической эпохе) и о классификации подземных вод [126].

Я написал также работы, которые все, по-видимому, находятся без движения: «Волны жизни» – направлены в «Проблемы сов. геологии» [133] (думаю, что эта статья была бы для Вас интересна), «К вопросу о морских течениях» – для «Природы» [131] (некоторые, по-моему, интересные соображения о генезисе морских течений в связи с идеями Дануа), «О реках Европы» [129] и «О геосинклиналях» [128] – для предполагавшегося А.А. Григорьевым Геоморфологического журнала; наконец, для Сорены я написал статью о Вашей книге о природных водах [132]. По-видимому, все написанное мною и переданное в разные издания лежит без движения. Даже статья в «Природе» «Геосинклиналь и океан» [130], корректура которой была мною продержана еще в декабре, очевидно, задержана. Таковы те темы, которыми я занимался за это время. Кроме того, прочел все три тома «Науки Логики» Гегеля [187] и большую часть его «Феноменологии духа» [186] и извлек много интересного для себя. По поводу всех поименованных выше статей, которые, как я сказал, задерживают – Вас ни о чем не прошу. Вас ни о чем не прошу.

Но вот о чем хочется просить, так о следующем. Переработав ряд старых своих статей, я написал книгу «Реки и геосинклинали в истории земного шара» [144] (218 стр.). Эта книга была дана на отзыв акад. В.А. Обручеву, который написал: «Работа Б.Л. Личкова представляет большой интерес по обилию новых мыслей и сопоставлений; желательно ее напечатать в изданиях Вот эту работу мне ужасно хотелось бы напечатать. Не можете ли Вы, Владимир Иванович, помочь в этом деле. Я о такой же помощи по отношению к этой работе хочу попросить и Франца Юльевича². Большая радость была бы для меня, если бы эта работа была опубликована.

Теперь два слова о своем положении в данный момент. Адрес мой, на который очень прошу мне написать (он действителен до половины сентября): г. Коканд, почтовый ящик № 8, Сохская экспедиция Гидрологического института, мне. Работаю сейчас с увлечением, и работа очень интересная, но об этом напишу особо.

Сердечный привет Наталье Егоровне.

Горячо Вас любящий Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 978, л. 4–10.

¹ В 10-м томе Трудов Геологического комитета статей Б.Л. Личкова нет.

² Ф.Ю. Левинсон-Лессинг.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва 17, санаторий КСУ «Узкое»,
15–16 августа 1934 г.

Дорогой Борис Леонидович, вчера получил я Ваш адрес от Анны Дмитриевны и спешу Вам написать несколько слов – может быть, письмо успеет Вас застать в Коканде, и я смогу получить ответ.

Мы здесь с женой на отдыхе – приехали сюда 7 июля и остаемся до 7 сентября. Два дня останемся в Москве и 10 сентября утром надеюсь быть в Ленинграде: будет 10–14-го Менделеевский съезд¹.

Я страшно рад, что Вам переслали мою книжку и письмо. Я послал их с письмом своим к Вашему начальству и буду и дальше писать Вам и страшно буду рад, если Вы будете мне писать. Анна Дмитриевна мне давала все Ваши письма, но я бы очень хотел быть с Вами в общении все время, пока не продлится Ваша страда, надеюсь недолгая. Надо употребить все усилия, чтобы это было так.

Мне хочется, чтобы Вы не отставали от того огромной силы научного движения, которое идет и которое в конце концов является основным стержнем нашего времени, несмотря на всю тяжесть Вашего положения.

Я много времени начинаю внутри себя отдавать этим более философским вопросам – не случайности того движения народных масс и исканий, которое тесно связано с тем действием, которое человеческая мысль (часть структуры биосферы – геологически исключительная в наше время) открывает на геохимические процессы². Я думаю, уже сейчас научная мысль не может пойти назад, и устоят те формы общественной жизни, которые этому не противоречат³.

Эти многие месяцы, которые мы с Вами не виделись, я находился в странном и необычном в моем возрасте (71 год) состоянии – непрерывного *роста*. Многое сделалось мне ясным, чего не видел раньше. Во-первых, складывается новая наука – *радиогеология* (прочел в Радиевом институте ряд лекций, и выходит моя французская книжка «Le problème de la radiogéologie» [52], об этом читал в Париже, Праге (по-французски и немецки) и в Варшаве. В связи с этим для меня выяснилось, что существует, помимо выветривания и метаморфического изменения, радиохимическое изменение, играющее огромную роль, на которое не обращали внимания. Изменяем определение возраста: надо брать *бедные* U и Th тела; существует *гелиевое дыхание* планеты. (В новом издании «Геохимии» [38], которое скоро выйдет и которое сейчас же Вам пришлю, немного касаюсь этого). Устанавливаем получение тяжелой воды. При этом пришлось поставить общий вопрос, где ее искать? D₂O, где D – дейтерий, водород с атомным весом, близким к 2, *изотоп*. И для меня ясно, что, может быть, мы здесь нашли путь к *метаморфизму*: надо думать, что глубокие воды обогащены тяжелым водородом⁴. Ставим опыты с хлоритами. Но еще два следствия вытекли: 1) что я был прав, когда (1926) выставил, что организмы резко относятся к изотопам: меняют атомный вес химического элемента [31]. Для водорода это доказано. Но отсюда следует и 2) что геохимически атомные веса должны меняться в связи с парагенезисом. Неизменен только вес изотопов. Опыты поставлены. Я находился и нахожусь в этом периоде творчества, несмотря на все тяжелые переживания на Вашу беду – смерть Сергея Федоровича⁵ и т.д.

Помимо Вашей работы, следит за ходом научного знания, хотя бы по «Природе». Ясно начинают блекнуть и ослабевать диалектика природы, столь резко противоречащая реальности. Безнаказанно нельзя прать (славянское слово, в смысле бороться) против течения мощного течения. Историки начинают чувствовать дуновение свежего воздуха. Но может быть еще обратный рецидив.

Пишите мне. Ищите опоры в мысли научной: и на конкретном, и на общем. Ваши не пропадут. А.Д. (Личкова) – молодец! И Ваша жизнь еще впереди. Берегите себя. Наталья Егоровна была больна (воспаление легких). Поправилась. Предан всей душой Вам.

Ваш В. Вернадский

P.S. Лаборатория⁶ к 15.X переберется в Москву. Я остаюсь пока на год в Ленинграде.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 61, 61об. Конец письма в подлиннике был, очевидно, подклеен Б.Л.Личковым и слова неясны. Со слов «И Ваша жизнь еще впереди» и до подписи воспроизведено по машинописной копии, снятой ранее А.Д. Шаховской.

¹ 7-й Менделеевский съезд химиков СССР проходил в Ленинграде 10–14 сентября 1934 г.

² Так в подлиннике.

³ Впоследствии эти идеи были развиты в статье «Несколько слов о ноосфере» [80].

⁴ С некоторыми уточнениями эта гипотеза В.И. Вернадского была подтверждена исследованиями его сотрудников (А.П. Виноградов, Р.В. Тейс, К.П. Флоренский). Впоследствии она выросла в особый раздел геохимии – геохимию изотопов, которая развивается в Институте им. В.И. Вернадского.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

78

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 24 августа 1934 г.

Дорогой любимый друг, Борис Леонидович, – получил Ваши оба письма, видел Анну Дмитриевну, она Вам расскажет. Очень жалею, что дело обстоит не так как я думал и иначе надо хлопотать об улучшении. Крепко верю, что мы увидимся, и ничто не меняется в наших отношениях. А.Д. Вам все расскажет. Думаю, что Ваш научный подъем в то время и Ваше решение имели один источник.

Вы встретите, конечно, большие возражения в Вашем толковании терригенных геосинклиналей, но мне кажется, Вы на верном пути.

Я достал «Природу» № 6, но Вашу статью еще не прочел [130], но не хочу откладывать письма, чтобы застать Вас еще в Коканде. Кстати, около Коканда остатки обсерватории Улугбека*, в то время (XIV–XV в.) главной во всем мире, – до Тихо де Браге – персидские астрономы. Полезно повидать: может быть, когда-нибудь то же будет с Гринвичем или Пулковом? Я, лично, сейчас, на много столетий по крайней мере, считаю это исключенным, ибо думаю, мы приближаемся к критическому периоду в истории Homo sapiens – живем в психозойской эре, начавшейся за десяток тысяч лет¹. Но не решусь сказать, что это невозможно, как преходящая малая вещь в масштабе процесса.

Возвращаюсь. Я считаю неизбежным – раз океанические осадки не входят в состав суши – признать маловероятным, чтобы осадки эпиконтинентальных морей играли в ее строении ту роль, которую им придают геологи.

* Это ошибка. Обсерватория Улугбека находится в Самарканде, а не в Коканде. – Прим. Б.Л. Личкова в тексте письма.

Ряд явлений, мне кажется, на то же указывают, например большие глубокие подземные бассейны пресных пластовых вод (Дакота). Обратите внимание на характер осадков. Может быть, то, что указывает Э. Кайзер в изменении палеозойских отложений (не очень точно), может быть связано с их терригенным пресноводным генезисом, а не возрастом.

Кончил новую переработку «Геохимии» – скоро выйдет: подписана к печати вся [38]. Сейчас очень увлечен выяснившимся геохимическим изменением атомных весов. Ставим опыты. А затем совершенно неожиданным открывающимся возможностям для охвата метаморфизма открытием тяжелой воды. Возможно, что метаморфическая вода – тяжелая вода – преобладает, ибо в виде паров улетает легкая вода. Метаморфический парагенез может дать нам путь и для других элементов к нахождению их разных изотопических смесей, то есть разных для них атомных весов².

Надеюсь, Вы теперь с Анной Дмитриевной.

Наталья Егоровна шлет Вам сердечный привет.

Ваш всегда В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 62, 62 об.

¹ Некоторое время спустя эти идеи были разработаны более полно в учении В.И. Вернадского о ноосфере.

² В настоящее время геохимия изотопов позволяет анализировать ряд общегеохимических процессов.

79

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Коканд,] 17 сентября 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 24/VIII и горячо Вас за него благодарю. Спешу сообщить Вам, что дня через 2–3 я уезжаю из Коканда в Ташкент, а затем через несколько дней поеду на исследования на Зеравшан. Работа моя, полевая, по экспедиции Гидрологического института закончена, и теперь нужно думать об обработке материалов. Не знаю, удастся ли мне довести ее до конца. Фактов в моем распоряжении обилие, интересных, свежих, новых фактов, из которых, как мне кажется, во многом следуют и новые выводы. А.Д.¹, которая уже сейчас, очевидно, в Ленинграде, Вам расскажет о предложениях моего перевода под Москву. Я ничего не имею против этого, но при условии, чтобы мне можно было довести до конца обработку собранного материала. Вообще, обо мне Вы будете сейчас знать все, и я этому очень рад.

Сегодня я послал Вам три своих новых работы (вернее, их не три, а четыре). Мне кажется, что это, пожалуй, лучшее из того, что у меня сейчас есть. Я уже писал Вам о статье своей в «Природе» [130]. Но, пожалуй, мне не меньше хотелось бы, чтобы Вы познакомились и с другими моими статьями, особенно с «Реками и генезисом каустобиолитов» [129]. Мне кажется, что все это не плохо. Очень хотелось бы знать Ваше впечатление. Меня очень интересует в последнее время вопрос о причинах и особенностях современной геологической эпохи. Впервые я коснулся этого вопроса в моей статье

«Гидрология и геология» (в Трудах IV Международной балтийской конференции 1933 г.) [126], а дальше развиваю в статье моей о геосинклинали и океане. Но это содержится не только здесь, а обосновывается всеми последними моими работами. Мне очень интересно, как Вы оцените эту мою трактовку данного вопроса. Еще хочу Вам указать из последних моих работ неизвестную Вам мою статью «О континентальных отложениях и необходимости их изучения». Это напечатано в Сборнике Гидрологического института «За рационализацию гидрогеологии» (Ленинград, 1934) [134]. Она будет Вам, вероятно, интересна в связи с моей статьей о каустобиолитах², как известное дополнение последней. Очень мне хотелось бы о многих научных вопросах с Вами поговорить, но, к сожалению, это не так легко в нашем положении, при расстоянии, нас отделяющем.

Спасибо, горячее спасибо Вам, дорогой Владимир Иванович, за доброе слово и такое же спасибо за ту помощь, которую Вы и Наталья Егоровна оказали и оказываете моей семье. Очень хочу верить, что пережитое не разлучит нас. А свяжет еще крепче, и что мы еще увидимся. Что касается себя, то я скажу, что я, конечно, в положении тяжелом, но не безвыходном. Кстати сказать, я твердо уверен, что безвыходных положений не бывает, и поэтому, в частности, и для меня какой-то выход должен найтись.

Шлю сердечный привет Наталье Егоровне.

Ваш всегда Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 978, л. 11–13.

¹ А.Д. Личкова.

² Каустобиолиты – горючие горные породы (угли, горючие сланцы, нефти). Проблема переноса, захоронения и накопления продуктов жизни является очень важной для проблемы накопления каустобиолитов.

80

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ташкент,] 26 октября 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

завтра в 10 час 40 мин утра я выезжаю, или, вернее, меня увозят из Ташкента в Дмитров. О присылке меня, кроме основного требования, было три телеграммы. Здесь пробовали мой отъезд отсрочить, но нажим со стороны Москвы такой сильный, что приходится ехать, многого не закончив, как хотелось бы. Сообщаю Вам о своем переезде, чтобы Вы мне на новый адрес писали. Везут меня в самый Дмитров (Дмитлаг). К худшему это или к лучшему, не знаю. Думаю, что скорее к лучшему.

Не забывайте меня.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 978, л. 14.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 10 ноября 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Ваша статья о проблемах [56] доставила мне огромную радость и огромное удовольствие: радость в момент получения, удовольствие – после прочтения. Огромное богатство идеями – вот что поражает в Вашей статье; высшая насыщенность идеями. Я не знаю, кто еще в русской науке был так богат идеями и так далеко опережал свой век, как Вы. Разве только Ломоносов. Как тонко и глубоко каждая идея у Вас отделана и проработана, а Вы все-таки ни на одну минуту не останавливаетесь на этом, не отливаете мысль в догму, а идете каждый раз все дальше и дальше, в Вашей книжке я с радостью увидел многое старое, давно знакомое, из той серии мыслей, которые еще с 17-го года, с Киева, Вы развиваете и пропагандируете, но сколько рядом с этим совершенно нового! И как приятно, что биогеохимия уже празднует юбилей, уже подводит итоги. Мне только досадно стало, что я не химик, что я не мог поэтому с Вами вместе строить биогеохимию. Мне очень жаль, что обстоятельства помешали выйти в свет моей геологии. Я вспомнил ее сейчас главным образом потому, что когда ее писал, я впервые ощутил, как много Вашего я в себя воспринял. Я уже не говорю о главе «Геологическая деятельность организмов» – она-то уж, конечно, написана «по Вернадскому», но даже первая глава о Земле как планете, даже и эта глава вся пронизана Вашими идеями. Мне было бы очень приятно, если бы Вы, дорогой Владимир Иванович нашли время познакомиться с этой моей книгой. Кстати сказать, я сейчас перерабатываю историческую геологию, после этого еще раз просмотрю геологию физическую, и тогда у меня будет цельный законченный собственный курс. Вот тогда особенно видно будет сколь многим в росте своем я обязан Вам. Дело не во мне, и вовсе не о себе хотел я говорить; мне только приятно отметить было, что успех биогеохимии и для меня очень дорогое дело. Я же хотел говорить о Вас и Ваших идеях. Им, по-моему, принадлежит огромное будущее, но они так опередили свой век, что их далеко не многие понимают. И Вы, Владимир Иванович, давно уже идете на много, много лет впереди целого ряда поколений Ваших современников.

Вот, что хотелось мне Вам сказать по поводу прочтенной мною Вашей брошюры.

В последние дни я несколько раз обращался мысленно к Вам в связи вот с каким вопросом. Перерабатывая свою геологию, я остановился на главе об абсолютном геологическом исчислении, чувствуя, что здесь я не могу ее переработать за отсутствием литературы по радиоактивности. Не могли бы Вы мне указать последние новости по методу радиоактивного определения – калиевому и свинцовому: названия работ. А я бы их уже как-нибудь достал из Москвы (это не так легко, но возможно). Очень рад буду, если Вы мне напишете.

Адрес мой: г. Дмитров, строительство Москва – Волгострой, отдел геологии, старшему геологу, профессору Б.Л. Личкову.

Шлю большой привет Наталье Егоровне. Всего доброго.

Любящий Вас Б. Личков

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 20 ноября 1934 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Получил Ваше письмо и вижу, что Вы получили книжку [56], давно посланную в Ташкент. [...] Я очень рад был получить Ваш отзыв – думаю, что Вы преувеличиваете, – но, конечно, теперь сказываются итоги 18-летней неуклонной моей работы. Лично я глубоко верю, что стал на правильный путь и теперь вопрос этот – биогеохимические явления – все более и более подымается и обращает на себя внимание.

На днях надеюсь послать Вам 4-е издание моих «Очерков геохимии» [38], сильно переработанной, и «Le problème de la radiogéologie» [62]. Скоро выйдет и 2-й выпуск «Истории воды» [21].

Я пишу Вам эти несколько строк, чтобы скорей ответить на Ваше письмо от 10.XI. Послал Вам заказное письмо в Ташкент в ответ на Ваше большое и напишу при первой возможности подробнее. Завален работой. Когда Вы не получаете писем, не думайте, что Вас забывают и Вам не пишут.

Ваш. В. Вернадский

P.S. В «Геохимии» и «Радиогеологии» Вы найдете обзор современного состояния интересующих вопросов. Но уже они – еще не выйдя – устарели.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 63, 63 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 21 ноября 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я Вам писал последний раз по дороге из Средней Азии в среднюю Россию. Сейчас я в средней России уже водворился: вот уже две недели как я в Дмитрове. Материально устроен я хорошо: питаюсь вдоволь, в деньгах для себя не нуждаюсь. Очень страдаю от невозможности остаться хоть на минуту, хоть где-нибудь наедине с собой: «на службе» – я в комнате, переполненной людьми; «дома» я опять не один, ибо, кроме меня, в комнате еще три человека; обедаю, чай пью и пр. в общественной столовой. Словом, нигде я не могу остаться наедине с собой. Самое большее, что я могу уйти из места своего обитания в центр городка и скрыться в городской толпе. Это очень удручает. Возможно, что это целесообразно, ибо такой строй жизни спасает от меланхолии одиночества, но в то же время это очень несносно и иногда бесит. Работа моя по службе моей в Москва – Волгострое пока достаточно не интересная, но труда в нее приходится вкладывать много. Стараюсь работать и для себя. В частности, много работаю над своим курсом исторической геологии, который все растет и растет, и над морфологией Ферганы.

Перечитал второй раз Вашу статью «Об областях охлаждения» в сборнике Глушкова [54] и открыл в ней много нового, чего в первом чтении не заметил. Поразительно интересная и глубокая статья. Прямо-таки очарован ею. Сейчас очень нужна мне литература по последним данным определения времени радиоактивным методом. Хочу об этом ввести главу в свой курс. Горячий и сердечный привет мой Наталье Егоровне.

Горячо Вас любящий Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3. д. 978, л. 17.

84

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 29 ноября 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Ваше письмо от 20.XI я получил 28.XI. [...] На будущее время очень прошу Вас, дорогой Владимир Иванович, писать мне на тот адрес, который даст Вам А.Д.¹, добавляя после фамилии адресата – «для Б.». Мне все-таки хочется более быстро получать письма, чем я их получаю сейчас! О себе я могу сообщить очень мало интересного. Пока я работаю над своей исторической геологией, которую через месяц-полтора рассчитываю закончить (и тогда останется как-то ее переписать) и над Ферганскими своими наблюдениями, в которых я могу обработать только одну морфологическую часть (без геологии).

В связи со строительством канала делаются колоссальной величины земляные работы и в связи с ними – огромные искусственные разрезы земной коры. Никто их толком не изучает, так как у нас и наших геологов нет времени их обрабатывать. Между тем нужно бы сделать и микропалеонтологию, и просто палеонтологию, и пыльцевой анализ, и литологию. Здесь сейчас имеется письмо А.Д. Архангельского, где он предлагает, чтобы мы имели возможность передавать кому-то наши материалы, кто их сможет изучать. Отдельные партии от Академии и пр. вовсе не нужны. Не знаю, выйдет ли что-нибудь из разговора на эту тему. Что касается нашей работы, то мы, очевидно, осуждены на сбор чернового материала без обработки и чисто полевые наблюдения. Во всяком случае, даже при той неинтересной работе, которую я сейчас веду, я, несомненно, кое-что ценное для себя получу, ибо факты вокруг новые, интересные. Выясняются, в частности, поразительная древность Москвы-реки и ее притоков около Москвы и поразительная молодость Волги выше Ярославля: Волга течет здесь по морене и наносов на ней отложить еще не успела.

Итак, работаю я много и довольно успешно. В смысле количества работы я скажу, что я работаю много меньше, чем работал бы дома, если «каторжность» труда определяется количеством его, то дома эта «каторжность» много была больше.

Горячий привет мой Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. 29.XI 1934 г. Нельзя ли достать «Геохимию» Ферсмана [237], хотя бы на время? Я читал о ней в «Природе» рецензию Звягинцева [199].

Ваши книжки жду с нетерпением.

АРАН, ф. 618, оп. 3, д. 978, л. 18, 18 об.

¹ А.Д. Личкова.

85

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 16 декабря 1934 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я закончил только что свой курс исторической геологии, и мне захотелось поделиться сразу же этой новостью с Вами. Книга получилась большая. Моих страниц в ней 1500¹. Характерная своеобразная особенность книги состоит в том, что я попытался построить историческую геологию на геоморфологической основе, чего до сих пор, по-моему, никто еще не делал. Правда, А.А. Борисяк в предисловии к первому изданию своего курса [180] выдвинул мысль о «ряде последовательных рельефов, планомерно развивавшихся в течение минувших периодов доступной нам истории Земли», но в книге он этой последовательности не показал. На его картах даны только реконструкции впадин, а рельефа совершенно не видно. Я же исходил из мысли, что впадины, где накопились терригенные материалы², в каждый период должны быть по соседству с горными цепями, являясь их продолжением. Опираясь на эту закономерность, я сконструировал всего только четыре карты этого нового типа палеогеографических реконструкций, и каждая из них мне эту закономерность подтвердила, ибо параллельность расположения на земной поверхности обоих этих явлений оказалась полной. Четыре карты сделаны мною для четырех «эпох» в истории Земли активных эпейрогенических поднятий: 1) после гуронской складчатости, 2) после каледонской, 3) после вариетийской и 4) *геологическое сегодня* – после альпийской. Когда я эти четыре карты нарисовал, а затем подумал над ними, сопоставив их между собой, я еще раз получил вывод, который есть у меня в специальных моих работах: что сейчас на Земле существуют активные живые геосинклинали³. Этот вывод диаметрально расходится с идеей немецкого авторитета Л. Кобера и А.А. Борисяка о том, что сейчас на Земле геосинклиналей нет. Наоборот, начиная с плиоцена они есть и очень ярко выражены! Четкая и ясная идея очень хорошо продуманной (но не очень ладно выполненной) книжки Борисяка начинает тускнеть и путаться начиная с верхнемеловой эпохи: геосинклинали как стержень изложения здесь исчезают. У меня в книге геосинклинали проведены до конца в качестве центрального места истории Земли. Я сделал при этом то, чего до сих пор *никто не делал*: четко и ясно через всю историю планеты во всех районах проследил связь геосинклинальной впадины с положительными формами рельефа. Получилась истина вот какого содержания: горы возникли из геосинклиналей, но затем горы, уже существующие, при посредстве рек давали материал для новых геосинклиналей, или, кратко, геосинклинали источником происхождения своего материала имели горы же. Книга может

написана нескладно по форме; есть длинноты, есть неравномерности в изложении, многое, вероятно, пропущено. Но основные закономерности истории Земли выступают, по-моему, в ней ярко. Так было и так будет: горы возникали, йз геосинклиналей и опять давали происхождение геосинклиналям. Это периодически возвращающееся явление несколько раз повторялось в прошлом и, очевидно, будет повторяться в будущем тоже. Для меня кембрий, девон, пермь и современная эпоха вместе с ледниковой – это периоды одного, в общем, тона. Но есть тон и другой; он у других, не названных мною эпох: силура, карбона, мела и пр. Ни Борисьяк, ни кто-либо другой в европейской или русской литературе таких сближений и характеристик не делал! В этом большая новизна моей книги. Должен сказать, что, переделывая на основе новых, в значительной мере своих идей историческую геологию, я ощущал истинное удовольствие. Я прежде всего увидел, что факты удивительно правильно вкладываются в эти схемы, и тем самым доказывают их. Вместе с тем, я увидел какую стройность приобретает построенная на основе этих закономерностей историческая геология. Путанный неясный калейдоскоп фактов прошлого здесь распутывается и приобретает стройность.

Еще одна идея, которую я постарался – не знаю уж, удачно или неудачно – провести – это идея о борьбе экваториальных (геосинклинальных) и полярных вод как причине морских течений во все эпохи.

Недавно я прочел в «Проблемах Советской геологии» реферат Шейнмана [244] книги американца Lawson'a об островных дугах восточной Азии [269]. Удивительно правильная точка зрения. Весьма правдоподобное толкование механизма образования краевых возвышенностей материка. Вместе с тем поразительно интересный взгляд на граниты и их генезис. Помнится, Вы мне когда-то указывали на Люжона и его мысли о гранитах и все советовали его посмотреть. Я тогда не успел этого сделать, а теперь в связи с мыслями Лаусона вспоминал не раз о Люжоне. Похоже ли это? Во всяком случае, мысли Лаусона, по-моему, это мысли интересные.

Читал только что в газетах, что в Москве сессия Академии⁴. Наверно, и Вы там сейчас находитесь, и всего-то в 60 км от меня! А если бы под каким-нибудь предлогом Вы заехали сюда, то мы могли бы и увидеться и часа два поговорить.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш любящий Вас Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 978, л. 19, 20 об.

¹ Рукопись этой работы не сохранилась.

² Терригенные породы.

³ Геосинклинали – зоны высокой подвижности земной коры, контрастных изменений геодинамических напряжений, большой мощности отложений, значительной расчлененности и повышенной проницаемости земной коры, выражающейся в активном магматизме и метаморфизме (Геологический словарь. М., 1973).

⁴ Сессия Академии наук проходила 15–22 декабря 1934 г. в Москве. Это была первая сессия Академии наук по переезде в столицу.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 1 января 1935 г.

Дорогие Наталья Егоровна и Владимир Иванович!

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего самого наилучшего. Очень хотел бы себе большой радости – встретиться с Вами в этом году. Очень я о Вас соскучился и непрерывно Вас вспоминаю.

Горячо Вас любящий Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 1.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 1 января 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я два раза с большим вниманием прочел Ваши «Проблемы радиогеологии»¹ и хочу Вам написать свои впечатления. Прежде всего благодарю Вас за присылку мне этой книжки. Теперь о впечатлениях.

Когда я читал ее, я все время встречал отдельные знакомые мне по беседам с Вами и по предыдущим Вашим работам положения. И мысль об этом времени, и идея о происхождении внутреннего тепла, и критика космогонии, и закономерность расположения радиоактивных элементов и т.п. – все это уже в отдельности было. Но когда все это собрано вместе и изложено подряд, это действительно производит впечатление основных предпосылок новой науки. И Ваш перечень проблем действительно убеждает, что наука эта есть. Однако мне все-таки кажется, что в будущем, конечно, радиогеология будет только главой по общей геологии, но Вы правы сейчас, фиксируя на ней внимание, ибо эти идеи все вместе надо ввести в общее сознание специалистов геологов. Я прочел Вашу книгу с большим интересом и пользой для себя. Один вопрос, на котором мне хочется остановиться, это вопрос о гелиевых месторождениях и месторождениях нефтяных. У меня такое чувство, что Вы слишком *ограничили себя* здесь формальной стороной и не вошли в геологическую суть дела. Ведь суть не в факте совпадения мест одних и других месторождений, а в объяснении их связи, а ее-то и не дается. У меня такое чувство, что Вы стоите на распутье в выборе между двумя источниками радия: живым веществом и вулканическими породами готовы допустить их оба. Это как будто правильно. Но тут получается такая любопытная вещь: и через битумы, и через гранит радиоактивные породы связываются с геосинклиналями. Ведь биотермы накаплиются именно в них, если принимать мою схему создания залежей нефти реками. Но ведь тут получается связь не только с нефтяными месторождениями, но и с серными. Очевидно, для накопления и одних, и других, и третьих важна кроющая покрывка. На это как будто намекает Ваша стр. 39. Не находите ли Вы, что надо было бы глубже вникнуть в совпадение (не связь!) месторождений этих трех типов и показать, что это именно только

совпадение. Геологические условия этих залегающих – вот что нужно. Дальше хотелось бы *геологического* освещения условий залегания нефтяных вод (к стр. 40 и сл.). Разве нет по этому поводу никаких данных?

Очень заинтересовал меня тухолит, или тушкит (не знаю, как его называть), о котором к стыду своему я ничего до сих пор не знаю (это не тот загадочный минерал, который Вы с Ненадкевичем анализировали год – полтора назад?). Геологическая сторона его мне совсем неясна. Вы пишете о связи с пегматитом. А связь с углями? Страницы, посвященные ему, очень интересны, но оставляют неудовлетворенным.

Изложена тема, по-моему, замечательно: спокойно, убедительно, просто, она постепенно убеждает читателя в нужности радиогеологии, и спорить против основной ее мысли трудно, невольно ей подчиняешься.

Вчера и сегодня я писал статью «Основные закономерности развития рельефа земного шара» [145] и дал, наконец, в ней удовлетворяющее меня выражение той мысли своей, которая вот уже год заедает меня. Она явилась мне в виде открытия и вместе с тем не поддавалась формулировке. Теперь идея поддалась, наконец, точной четкой формулировке, и я постараюсь, чтобы новый текст мой дошел до Вас. Надо только еще немного в статье дописать, и тогда я Вам ее вышлю. Я хлопочу сейчас, чтобы мне в официальном порядке разрешили послать в издательство законченную только что «Историческую геологию», а перед этим дать ее на отзыв в Академию. Можно ли так сделать? То же самое я хотел бы сделать и со статьей, только что упомянутой.

Забыли Вы совсем меня, Владимир Иванович.

Ваш Б. Личков

P.S. Занят я сейчас Ферганой и проблемами геоморфологии Волжского Полесья. Много очень интересного, но условия для работы не очень ладные. Во всяком случае, работаю не покладая рук, и в голове моей кипят и бурлят разные идеи.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 2, 3 об.

¹ Имеется в виду «Le problème de la radiogeologie» Paris, 1935, 67 p., и, так как письмо датировано 1 января 1935 г., очевидно, Вернадский послал Личкову заранее полученный оттиск этой статьи.

88

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 12 января 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Вы не огорчайтесь на меня, что я так мало отвечаю на Ваши письма – я завален работой и с ней не справляюсь. Достаточно сказать, что все запускаю, и не мог с февраля ни разу вернуться к рукописи своей книги «О биогеохимической энергии земной коры» [53]. Переезд Академии в Москву, радиогеология, силикаты, биогеохимические проблемы в их срочных требованиях совершенно не дают мне возможности вести сколько-нибудь энергичную переписку. Учтите мои годы.

Послал Вам мои «Le problème de la radiogéologie» и Очерки геохимии [52, 38]. Надеюсь, получили.

Думал ответить на первое письмо, где Вы писали о Вашей книге, а затем сегодня получил Ваше письмо от 8.01. Очень ему был рад, – и прочту Вашу статью. Но вы должны считаться с тем, что я писал раньше. Сразу я не смогу – фактически – это исполнить. Пройдет время, пока я ее прочту. Я переживал и переживаю такие подъемы творчества, как и Вы, и по опыту думаю, что *всегда такое изложение надо переделать несколько раз*, прежде чем оно выльется в нужную форму. И было бы очень хорошо, чтобы Вы попробовали переписать, отделявая и перечитывая вновь то, что Вы написали.

Я понимаю, как это тяжело и трудно сделать в Ваших условиях, но это совершенно неизбежно, и спешность писания отражается в Ваших статьях.

Я прочел внимательно Ваши статьи: «К характеристике геологической древности речных систем Северной Америки и Средней Азии» [138] и «К вопросу о роли наземной водной денудации в жизни земного шара» [139]. Мне кажется, в них очень интересные мысли, и, думаю (я недостаточно компетентен в геологии), есть новое и важное. Но изложение требует переработки. Первую статью я имел без рисунков. Я на рукописях делаю отметки. В первой статье введение («Герцен» и т.п. совсем не к месту, но это, конечно, Ваше дело. И в конце он появляется ненужно, мне кажется) – надо сократить. Впрочем, рукопись Вам передаст А.Д.¹ Я считаю, что статью надо сжать: переписать самому (если Вы так можете работать, учитывая необходимость большей ясности). Я знаю, как это трудно в Ваших условиях – но это по-моему необходимо. Сейчас статью для отметок на рукописи пересмотрю еще раз.

Послезавтра еду опять на два дня в Москву. Мне (72 года) эти поездки даже в большом комфорте очень тягостны. С другой стороны, квартиры, которые мне предлагают, меня не удовлетворяют.

Отметки на рукописи делаю карандашом, чтобы можно было стереть. Наталья Егоровна и я шлем Вам самый сердечный дружеский привет.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 64, 64 об.

¹ А.Д. Личкова.

Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за «Геохимию» [38]. Я начал уже ее читать, но прочел пока только первые два очерка, хотя просмотрел всю книгу от начала до конца. Очень я эту книжку люблю. По-моему, она необыкновенно содержательна. Большое впечатление произвел на меня очерк истории геохимии. Я не могу здесь сравнивать с первым изданием, но он, по-моему, вырос и пополнился. Из других, еще не прочтенных систематически, частей книги мое внимание привлекли отдельные главы, которые я уже вперед прочел. Одна из таких глав – происхождение нефти. Я питаю к этому вопросу с некоторого времени

большую слабость и ходом своей работы в него вовлечен глубоко со времени моей статьи «О реках и генезисе каустобиолитов». Вы говорите, что надо различать два случая накопления исходного для образования нефти вещества в биосфере: там, где жили организмы, и там, куда сносились остатки их жизни (стр. 161). Смею Вас уверить, Владимир Иванович, что этих двух случаев нет. Оба случая сводятся к одному, к последнему. Вы говорите, что «случаи первого рода установлены для пресных и солоноватых озерных бассейнов или таких участков рек, где скопляются остатки отмерших организмов (дельты)...» (на той же стр.). Даже из этих Ваших слов ясно, что первый случай, взятый изолированно, есть фикция. Я допускаю теоретически разграничение залежей на автохтонные и аллохтонные. Но, во-первых, во всякой автохтонии неизбежна всегда примесь аллохтонных элементов, а во-вторых, даже максимально возможные чистые автохтонные скопления требуют для самого сохранения своего сноса тех неорганических накоплений, которые образуют покрывку. В своих работах по этому поводу я считаю ценным сближение «дельты», «геосинклинали» и «наземной аллювиальной равнины» в смысле генезиса каждого из этих элементов рельефа в связи с определенной степенью литогенезиса в геологическом цикле. На стр. 163, говоря о береговых концентрациях остатков живого, Вы говорите, что они «определяются главным процессом терригенового распада суши». Я продумывал многочисленные случаи накопления каустобиолитов и пришел к выводу, что такое положение можно целиком отнести к ним: не только сгущения живого, но также сгущения и сохранения продуктов его распада в виде горючих ископаемых связаны с этим процессом терригенового распада суши, ибо *только он* создает предпосылки для того бескислородного разложения (стр. 163), которое Вы в данном случае считаете важным. Это связано, я бы сказал, с *определенной* степенью терригенового распада суши в истории Земли. Позже этот процесс вытесняется во впадинах процессом выделения неорганических ей, а *раньше*, очевидно, этому препятствует слишком энергичный процесс накопления терригеновых механических осадков, что это происходило раньше, мы видим в толщах Old Reda девона, то, что было позже, обнаруживает перед нами Столфурт, л а посредине, в карбоне, – каустобиолиты. Образование их строго связано с определенной степенью литогенезиса. Статью свою «Основные закономерности развития рельефа земного шара (к вопросу о роли рек и развитии гор)» я официально подал начальнику с просьбой разрешить переслать текст ее непременно секретарю Академии наук для печатания в «Известиях АН». На рецензию текст ее я прошу передать Вам, Обручеву или Карпинскому. Очень хотел бы рецензентами Архангельского или Борисяка. Приходит мне в голову, не следует ли мне всю мою геологию, и историческую, и физическую вместе, послать на отзыв в Академию наук? Беда только в том, что снять копию с исторической геологии, а без копии я ее выпускать из рук боюсь.

Горячий привет Наталье Егоровне. Посылал я Вам и Наталье Егоровне поздравление на Новый год, но должно быть оно запоздало. Даже о том, получили ли Вы его, я не знаю.

Ваш Б. Личков

[Ленинград,] 25 января 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Не знаю, получили ли Вы мое новое издание «Очерков геохимии» [38]. Я давно послал их Вам.

Мне хочется еще раз Вам написать, чтобы Вы непременно внимательно перепроверяли Ваши статьи, когда Вы их посылаете на отзыв, например Вашу историческую геологию. Имейте в виду, что могут давать отзыв люди, которые будут судить строго. Я Вам писал, что я думаю, что это вообще надо – переписывать в значительной мере рукопись и стараться ее сжать. Я знаю как это трудно в Ваших условиях, но гораздо лучше это сделать все же и в этих условиях, так как это поможет и работе и уточнению представлений. Особенно это важно, когда Вы обрабатываете книгу. Поспешность и необработанность чувствуются в Ваших некоторых статьях.

Теперь в ответ на Ваши замечания о «Le problème de la radiogéologie» [52] (от. 1.1). Они изданы ужасно – по моей вине. Я имел слабость согласиться с желанием издателя не присылать мне сюда ни одной корректуры; вследствие этого молодой Urbain¹, мало разбирающийся в геологии (он сам думает иначе), многое напутал. Не знаю, насколько исправленный я Вам послал экземпляр. Как почти всегда, я испытываю большое неудовольствие, читая свою книгу в печати, и теперь я совсем бы ее переделал.

Конечно, радиогеология будет частью геологии, как радиохимия – часть химии. Но методика так отлична, что с этим нельзя будет не считаться. Не знаю, знаете ли Вы книжку и статьи В.В. Белоусова о гелиевых месторождениях с геологической точки зрения. Тут много неясного – как много неясного в газовом режиме Земли. Связь с «нефтяными» месторождениями мне – кажется для гелия обуславливается: 1) тем, что нефтяные месторождения – это газогенные места в земной коре, где образуются газы и 2) вопрос о значении жизни для получения гелия (α -излучений) может быть решен только эмпирически – недостаточно фактов. Я думаю, мы в ближайшее время это выясним. Я не думаю, чтобы играли роль геосинклинали: скорее, прав Белоусов, указывающий на тектонические условия, не позволяющие газам уходить [176]. Связь гелия – хотя бы совпадение – с серными месторождениями мне известна. Думаю, что этой связи нет (и совпадений). Для пластовых вод есть сейчас много данных – но геологически явление неясное: даже воды резко различны – пластовые, то есть проникающие водопроницаемые породы, а в других случаях (Ухта) воды подземных пустот.

Тухолит – тот самый минерал, над которым я работал. Материал достать пока не могу. Тут также все дело в получении новых фактов. Никакой связи с углями нет. Это пегматитовые минералы – всегда древние.

Я думаю, объяснить их происхождение можно только позднейшим изменением, радиохимическим, газообразных углеродистых тел. Может быть, процесс[ом] газовых «растворов» распыленных металлов, если нет в этом случае какого-нибудь неизвестного радиоактивного явления.

Я очень рад, что Вы добиваетесь более точного выражения захватившей Вас мысли – об основных чертах развития рельефа земного шара. В том, что Вы писали мне из Ташкента, я не мог уловить, вернее, ясно охватить, что именно Вы думаете. С интересом прочту Вашу статью, но я абсолютно сейчас завален рукописями, и хотя Ваши выдвигаю, но все же не могу не считаться с другими. Поэтому всегда придет время².

Я думаю, можно послать Вашу историческую геологию в Академию, но *внимательно* ее переделайте еще раз. Ни Архангельский, ни Борисяк не будут доброжелательны, я думаю. Хорошо, что Ваша мысль бодра и жива.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 65, 65 об.

¹ Юрбен – переводчик.

² Так написано в письме.

91

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 2–3 февраля 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я еще раз перечел Вашу статью «К вопросу о роли наземной водной денудации в жизни земного шара» [139] и думаю по-прежнему, что это первый черновой набросок, требующий *переработки*. В связи с Вашими работами, которые я читал это время, я еще передумал некоторые основные вопросы, но только передумал, но не имел времени и возможности подойти к анализу по первоисточникам. У меня в последнее время все более и более является сомнений в правильности представления о геосинклиналях, которые Вы, по-видимому, кладете, если я Вас правильно понимаю, как исходное для некоторых основных Ваших построений. Я говорю о *геосинклиналях* как тектонических явлениях, *вызываемых* седиментацией. Я гораздо более далек от идей Дэна и Ога, чем Вы, и думаю, что, отбрасывая, как Вы это делаете, фантастические построения Ога для океанов, Вы не учитываете, что под сомнение ставится и все остальное. Мое отношение не отрицательное, но скептическое и настроенное: я думаю, что похоже, что это – ненадежная опора, но я не имею времени и нужды сам проделывать эту работу выяснения. По моему мнению, она должна быть проделываема теми, кто стоит за геосинклинали. Я думаю, что теоретически твердая Земля, а не расплавленный земной шар с тонкой корой, как допускали Дэна и Ог, не может образовать геосинклинали давлением длительной денудации. Я могу с этим не считаться, так как стараюсь не использовать аналогию геосинклиналей с внутренними областями опускания – но Вы должны эту невозможность оспорить. Это – вопрос геофизики. Факты существования мощных осадков – отложений осадочных пород – в областях опускания неоспоримы; но седиментация – усиленная в этих местах – может являться *причиной* опускания (Дэна, Ог), если я их правильно понимаю, и может быть *следствием* опускания, как мне это представляется более правильным; но опять-таки повторяю, я в вопрос по существу не входил: мне

это не нужно. Я только настороже – для меня этого достаточно. Я думаю, что *причина* опусканий более глубокая, а не поверхностная: мощность осадочных отложений является только ее проявлением.

Я думаю, что в Вашей научной работе самое основное и тесно связанное с геоморфологией – это обращение внимания на исследование *терригенных отложений*. Геосинклинали Вас завлекли в сторону от более важного явления. Вы пошли было новым путем, и, я думаю, в этом направлении залог значения Вашей работы. Ослабление возможности ее теперь – временное, и я уверен, что Вы мужественно его переживете. Впереди у Вас большая задача и Вы молоды.

Вы видите, что я не придаю афоризму «реки строят горы» того значения, как Вы, и отчасти это связано с тем, что я *не считаю* реки основной причиной седиментации шельфа. Это очень важная, конечно, часть явления, но наряду с этим и, я думаю, в общем, значительнее. (Но это, конечно, требует учета. Пока что – и мне дальше идти не нужно для моей работы – я считаю эту наметку мою допустимой.) Другие одновременные явления – явления обвалов, жизни, бесчисленные явления, связанные с текущей водой, которая дает реки – но которая дает и разрушение морских берегов – тектонические опускания морского дна и связанные с этим следствия: землетрясения и т.д. Возьмите Южную Америку – какую ничтожную часть денудации представляют реки в области Анд и какое идет там разрушение и создание осадочных пород другими формами движущейся воды, и вместе с тем посмотрите, какое относительно малое значение в создании морских осадков имеет даже максимальная дельта максимальной реки – Амазонки. Здесь мы видим проявление в восточной части континента речное главным образом происхождения седиментации, а в западной – главным образом наоборот, *не речное*. Они наблюдаются и всюду. Так же неправильно, как выводить состав океанической воды из солевого состава рек (он – *один* из важных факторов солевого состава океанической воды, но не единственный важный), так же неправильно седиментацию шельфа всецело относить к рекам. Я думаю, впрочем, что, *вероятно*, (но только вероятно) здесь роль рек больше, чем для солевого состава океанической воды.

Но с чем я совсем не могу согласиться, это – связывать реки с образованием *каустобиолитов*, как Вы это высказываете – в письмах еще определеннее, чем в статьях. Тут Вы оставляете в стороне без внимания *факты*. Каустобиолиты (нефти, угли) *не продукт* речной жизни, а это продукты жизни – метаморфизованные и биохимически и биогеохимически измененные – *озерной* и *болотной* жизни. Только в исключительных случаях (заводы и цветения) реки могут дать им начало. Дают реки иногда начало и при сносе остатков жизни. Но эти речные каустобиолиты теряются в основной их массе. Когда говорят о дельтах как источниках каменного угля (Англия), берут *не реку*, а озера (старицы) и болота, там образовавшиеся. Конечно, здесь в конечном счете область создана рекой. Но подавляющая масса озер и болот на земной поверхности с рекой не могут быть даже генетически связаны. Я думаю, здесь Вы увлеклись. Вода озер и болот *химически иная*. Каустобиолиты, как общее правило, образуются не из сноса трупов, а связаны с *жизнью на месте*, со статической интенсивностью создания живого вещества и внезапного прекращения ее существования в связи с особыми химическими (и биохимичес-

кими) условиями, нарушающими в корне биогенную миграцию, выводящую из нее временно, но сразу С, N, H, O и т.д. Такие интенсивные биоценозы могут быть связаны с реками (богатыми детритом), как связаны с ним береговые сгущения жизни, но могут быть от нее независимы. В этой части Ваше обобщение неправильно – мне так по крайней мере представляется.

В Вашей статье Вы указываете книгу Дугласа Джонсона (1931 г.) – я ее не знаю, но что я просматривал из его работ и что слышал в его докладе в Париже меня не прельщает; был бы осторожен.

Я долго не решался изложить Вам часть сомнения, часть несогласия – но думаю, что надо сделать их, так как это заставит Вас, как заставляет и меня всякая Ваша оценка, задуматься и пересмотреть вопрос.

Очень был рад, что Вы прочли часть моей «Геохимии» [38], и очень огорчен, что Вы прочли самую *слабую* – о нефти. Я был в ужасе, когда в верстке прочел эту главу: в ней повторы и неясности. Не согласен с Вами в основном – о значении рек для нефтеобразования. А не цитировал Вас (иначе бы возражал), так как Ваша работа вышла в 1933 г., когда рукопись была в типографии. С Архангельским я не согласен. И вообще для меня неясно, есть ли соленые биоценозы, дающие нефть. Нет основного: большой интенсификации размножения, не позволяющего органическому веществу разлагаться. Мне кажется, в вопросе о нефти Вы не учитываете, всех важных работ – впрочем, не успеваю учитывать и я. Это письмо пойдет не почтой и думаю Вы его скоро получите.

Ваш В. Вернадский

P.S. Забыл отметить, что при отделке надо оттенить, что Каспий не принадлежит к гидросфере (по границе иногда?) и Волга несет свои осадки в бессточную область. Каспий – внутреннее *озеро* и, химически, бывало и Черное. Бессточные области связаны с особыми явлениями – их сейчас больше 1/3 суши.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 66, 66 об.

92

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 4 февраля 1935 г.

Мне хочется подчеркнуть основные положения, вызывающие у меня сомнения.

1. Может ли поверхностный рельеф (его образование) вызывать такие крупные тектонические явления, как геосинклинали, то есть *прогибы*, как Вы говорите?

Я склоняюсь к мнению, что *нет*.

2. Являются ли осадочные морские отложения (терригенного состава) в главной части прямыми речными отложениями. То есть образуются ли осадки шельфа, исходя из устья рек, или же метеорные и обвальные отложения играют равную роль?

Я склоняюсь к мнению, что *нет*. Несомненно, геосинклинальные морские (не океанические) толщи в подавляющей части терригенные, и реки вносят очень много, но не главную часть (РЬ).

3. Очень важно связать вопросы терригенных образований суши с бессточными областями. Интересны и важны явления на границах бессточных областей в течение геологического времени (наша проблема – Черное море – Каспий – Азовское). Каспий не часть гидросферы, Черное море – временная часть гидросферы.

P.S. Знаете ли Вы важные работы Varrell'я (обработка Шухерта, 1931)?¹

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 67.

¹ Это письмо без обращения и не имеет подписи. Очевидно, оно является продолжением предыдущего.

93

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 16 февраля 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

громадное удовольствие доставили Вы мне Вашим письмом, где Вы критикуете мои статьи, которые были у Вас в рукописях. Читая в (последних Ваших письмах несколько раз повторявшееся Ваше указание о том, чтобы я больше отделявал и переделывал свои работы, я чувствовал себя очень подавленным тем, что заставил Вас разбираться в недоделанных и недоработанных рукописях. Совет Ваш о доработке рукописей, конечно; принимаю. Должно быть, что-нибудь перепуталось у меня в сознании в то время, когда я Вам посылал эти статьи: ведь я их считал вполне готовыми.

Письмо Ваше, повторяю, доставило мне огромное удовольствие, ибо я почувствовал через него (именно – через, то есть при посредстве!) радость духовного общения с Вами; то, что я имел от личных бесед и чего я больше года лишен. Меня не огорчило, что Вы не согласны, а, во-первых, обрадовало, что Вы так обстоятельно сформулировали это несогласие, а во-вторых, опять-таки обрадовало то, что Ваши постановки вопросов – четкие и ясные – дали мне возможность на слабых местах укрепить мою мысль и вместе с тем во многом ее развить. Я хочу спорить с Вами, но не для полемики, а, так сказать, для уяснения сути дела. Надеюсь, что Вам не будет неприятно прочитать мои возражения. Я по крайней мере буду писать их с наслаждением, ибо это единственная доступная мне сейчас форма общения с Вами, которое я всегда очень ценил и которому я очень многим обязан.

Мне кажется, Вы правы, что в моей научной работе последнего времени самое основное и тесно связанное с геоморфологией – это обращение внимания и исследование терригенных отложений. В последний год я немало думал о самом себе и своей научной дороге и пришел к ряду выводов, о которых кратко скажу сейчас. Я пришел к заключению, что мой путь, мои подходы к темам и самая тематика, наконец, моя методика работы начиная с 1926 года по настоящее время были глубоко своеобразны и не похожи на других геологов. Я начал с выводов, тем и прочего, очень похожих на Мирчинка, но

на четвертичной геологии я удержался совсем не долго, и, естественно, моя конкуренция Мирчинку окончилась, ибо я ушел, *развивая непрерывно дальше первые предпосылки* совсем в другую сторону. Вот я уже четвертичные темы связываю с темами Архангельского, но и это короткий этап. А углубляю я свою терригеновую тему и ближе всего к себе из русских геологов чувствую Д.В. Наливкина геолога с ленцой, но, несомненно, сведущего и даровитого. А из иностранцев – тоже странное сочетание имею – я очень близкими себе чувствую Шухерта и А. Пенка, а они между собфй, говорят, не имеют ничего общего. Вот это все, вот эта какая-то разбросанность моя, если определять мое место среди геологов, показала мне, что я ни к какой школе не примыкаю, а худо ли, хорошо ли (этот вопрос я не ставлю), но я сам – школа, идя своими во всем своеобразными путями. Я продумал и проследил сейчас наново глазом постороннего эти пути, и я не согласен с Вами, что геосинклинали меня увлекают в сторону от более важного явления. Нет, Владимир Иванович, это не шаг в сторону, а шаг вперед, и углубление дальнейшее прежде найденного. Вы признаете, что я «пошел было новым путем». Уверяю Вас, что я никуда не сворачивал, и геосинклинали – этап на этой старой дороге. Ведь Вы в свое время одобряли мою статью о геосинклиналях в Известиях Академии наук 1932 года. Но ведь там геосинклинали не за волосы притянуты, а органически вытекли из «терригеновой» темы. Повторяю, в тематике я не сбился с дороги. Правда, я остановлен в быстром беге своем, но будем надеяться, что это временно.

Еще раз очень и очень благодарю Вас за Вашу критику. Она мне очень много дала. В дополнение к письму этому я рассчитываю скоро прислать Вам рукопись, много раз мною пересмотренную. Думаю, что она будет Вам интересна.

Привет Наталье Егоровне.

Любящий Вас Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 6, 6 об.

94

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] В. о. 7 линия, 2, кв. 12
2 марта 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович, получил Ваше большое письмо и хочу, не откладывая, на него ответить. И мне очень недостает общения с Вами. Сейчас мое сердечное нездоровье обострилось и я, вместо поездки в Москву, остался здесь, и явилась возможность написать письма. И я хочу эти дни этим заняться.

А затем я очень много думал в связи, с одной стороны, с вопросом о возрасте Земли, а с другой – с историей природных вод – в частности с Океаном. Сдал последний выпуск I-го тома [21] в печать, а в нем как раз – морская вода, и тут для меня выяснилась далеко не первостепенная (но очень важная, конечно) роль *рек* для выявления его химического состава – состава воды

Океана. Старая теория в новом выявлении получила для меня новое большое значение. Идея Галлен-Джоли рушилась (окончательно после подсчета Американской комиссии о возрасте). Заслуживают более серьезного внимания, чем я сперва думал, идеи Тулэ, но не в его контексте. Впрочем, я хочу их еще раз пересмотреть – все работы в их совокупности.

Таким образом, я как раз прихожу к меньшему значению рек в планетном масштабе, чем это до сих пор думалось. Текучая вода имеет, конечно, основное значение в денудации – поверхностной.

Я очень мало убеждаюсь Вашими доводами в значении рек для создания каустобиолитов, особенно нефтей (странные отложения описаны Губкиным – «речные»?). Думаю, что все, что Вы излагаете, не сходится с нашими современными знаниями, им противоречит. Жизнь *не* скопляется в текучей воде: для рек это будет исключение (затоны и т.д.); продукты жизни в виде углеродистых соединений не сохраняются в скоплениях рек и в морских отложениях; такие, как кукурциты, – исключение. Из каменноугольных бассейнов – Английских (дельта – верно ли?) – Ст. Этьен (наносные). Если же говорить о косвенном значении, то можно говорить и о ледниках, так как они дают начало и озерному, и плювиальному периоду. Наиболее схожие с древними – болота Западных Штатов Америки или таксодиевые леса Флориды – *не связаны* с реками. Также мангровые заросли. Я думаю, Вам на этом не следует настаивать – ведь этот вывод Ваш в основном не связан с Вашим общим представлением?

Но области создания терригенных пород – бессточные области заслуживают большого внимания. И тут нужен Ваш анализ.

Главное основное: накопленное жизнью (биогеохимическая энергия) органическое вещество не успевает перейти в H_2O и CO_2 ; это – особые условия стоячих пресных вод (болота) и приморских прибрежных.

Теперь с общей точки зрения:

1. Я не согласен с Ферсманом, что изостазис есть «факт». Изостазис объясняет (механизм неясен) большое *коровое* явление, связанное с существованием диссимметрии; но ею пользоваться нельзя для поверхностных и близких к поверхности явлений. В этом отношении я согласен с Архангельским (его критика заслуживает внимания) для гравитационных явлений. Вообще, геодезические работы последних лет *не очень благоприятны* тем простым идеям изостазии, какие давались Эри – Праттом и позже. Недавно я прочел Bowie [255], и это меня еще более подкрепило; надо быть здесь осторожным. Я не знаю, что останется от изостазиса при тщательном точном учете явлений – для геологии.

Для аномалии тяжести ее нет надобности принимать во внимание, как это сделали Архангельский и современные геофизики. Я не знаю, попадалась ли Вам, в общем, недурная, но плохо изданная книжечка Архангельского? Могу прислать. Мне кажется, во всех новых толкованиях аномалии тяжести – в прикладной геофизике – уже изостазис отходит. Я летом говорил об этом с Архангельским и раньше с Григорьевым.

Теперь о *геосинклиналях*. Ведь геосинклинали не только состоят из осадочных пород, но и из *изверженных и интрузивных*. И мне кажется, их значение в них – в смысле массы вещества – значительное. А это указывает, что

здесь есть вход в Океан (и его воду) тех химических веществ, которые связаны с вулканическими явлениями и так ярко отражаются на составе морской воды и связаны с тем, что геосинклинали – вероятнее, первичные опускания, – а не происходят под тяжестью речных осадков. Я считаю неправильным мнение Тулэ о значении для состава воды подводных терм: они могут быть только в шельфе. Но подводные вулканические извержения (и газы, и трещины) несомненными мне кажутся. Но не исключены, может быть, и горячие пары из базальтовой оболочки?

Я думаю, вообще, что процессы земного *рельефа** не могут сказываться в тех больших явлениях, которые связаны с диссимметрией (Океан – суша).

Я думаю, что никак нельзя относить Каспийское море к гидросфере. Конечно, *sub speciae aeternitatis* все осадочные породы были связаны с гидросферой, – но Каспийское «море», которое было частью гидросферы, материально сейчас не существует – исчезло; процесс изменения озер, потерявших связь с морем – по составу воды – уже в *историческое время* – резко отличается от состава морской (resp. океанической) воды. Прошли многие сотни тысяч, если не миллион лет, между морской водой Каспия начала плейстоцена и теперешней его водой. Сейчас это – проявление явлений внутри суши – бессточных впадин. И Волга работает в другую сторону**.

Нельзя сравнивать лед и его гравитационные проявления и наносы рек. Насколько я знаю: поднятия суши (Скандинавия) не доказаны как следствие таяния – но вполне вероятны колебания уровней морей вследствие таяния льда (теория Дали). Из просмотра литературы у меня осталось именно это впечатление об ошибочности объяснения поднятий суши таянием льда.

Недавно я прочел книгу, вышедшую в 1933 г., 14-го Съезда американского Geophysical Union: там поставлен вопрос о строении берегов Северной Америки и первые данные работы Бартона – гравиметрические наблюдения без отношения к изостазису: выясняется неустойчивость границы – гранитной суши и базальтовой Океана (Мексиканский залив). Поставлен для Исследования вопрос – не *все* ли берега имеют такую структуру? Я думаю, здесь надо искать разгадки некоторых вопросов геосинклиналей.

Книжка Архангельского, о которой я говорил: «Геология и гравиметрия», 1933 г. [172], – знаете ее? Стоит прочесть. Я думаю, что геосинклинали (не думал их отрицать) суть области опускания, но не прогибы под тяжестью седиментации. Здесь явления более глубокие, чем влияние поверхностных процессов суши: и прогибы в пределах суши существуют до начала седиментации – из Ваших работ, – и поэтому я считаю едва ли правильным переход от них к геосинклиналям. Тем более, в Ваших же работах ясно, что геосинклинали не сплошные «линии» Ога, а *впадины*, перерываемые другим рельефом на суше. Ограничиваюсь пока этим. [...]

Ваш В. Вернадский

** Надо резко различать события исторического времени и события геологического.

P.S. Я не могу рассматривать седиментацию, как причину опусканий, так как вижу существование коровых явлений (диссимметрия и т.д.), независимых от поверхности суши. Суша – $\frac{1}{3}$ поверхности планеты. Она дает начало (и то только *частью*) меньшей, и значительно меньшей, части осадочных пород. Можно, конечно, сделать эту гипотезу и посмотреть результаты, но едва ли они подтвердятся. Геоморфология суши – меньшая часть явления.

Как-нибудь позже я хочу Вам ответить о каустобиолитах и значении для них рек. Тут я думаю *факты* – известные, конечно, – противоречат Вашей концепции. Донецкий, Кузнецкий и т.п. бассейны. Где у нас среди наших углей и нефтей влияние рек?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 68, 68 об.

95

В.И. Вернадский – Б.Л. Личков

[Ленинград,] 4 марта 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я Вам послал большое письмо в ответ на Ваше, а теперь хочу дополнить. Я только теперь прочел Вашу статью «Реки и генезис каустобиолитов» [129], и так как это чтение только укрепило меня в моих сомнениях, я хочу Вам послать свои замечания.

Мне кажется, Вы очень упрощаете здесь явления, и вследствие этого получается вывод, противоречащий фактам о значении рек для каустобиолитов. Два Ваших положения сомнительны:

1. Седиментация *дельт* и создание прогиба.

А если обратно – создается мощный слой осадков там, где происходит тектоническое опускание?

2. Текучие воды – реки сносят детрит, и он создает каустобиолиты.

А если обратно? *Между прочим*, и в аллювиальных долинах (я вовсе не отрицаю огромного значения рек) создаются благодаря обилию детрита благоприятные условия для жизни в *стоячих* водах (озерах, болотах), где биогеохимической энергией создаются новые массы живого вещества. Без них не создадутся каустобиолиты в том массовом их проявлении, какое мы видим. Аллохтонные, в общем, играют второстепенную роль, и детрит реки недостаточен для создания каустобиолита.

В Вашей статье о каустобиолитах:

Стр. 82 – Черное море: только благодаря H_2S не сгорает же органическое вещество. Исключительные условия. Нельзя обобщать.

83. Калицкий – не водорослевая теория. *Zostera* – не водоросль. И *Zostera* – один из быстрее всего распространяющихся организмов.

«Теории» Крэга, Калицкого и др. – это все *возможности*, но наблюдений нет – научной теории еще нет.

Возьмите основные работы Залесского [243] – как Вы их свяжете с Вашей теорией?

Откуда Вы берете (стр. 89), что «в Донецком бассейне резко преобладал среди растительных осадков материал принесенный»? Ссылки нет. Я недав-

но имел по другому поводу разговор с П.И. Степановым, и – прямо его не спрашивал – но все время мы говорили о чрезвычайно длительном *болотном* образовании *in situ*¹ вроде больших болот Западной Америки. И правильности химического состава говорят за это. Это больше, чем «лагуны»– процесс очень большого дления –проявление биогеохимической энергии *in situ*.

Стр. 90 – о заливах (для Донецкого!) – ведь это не так?

Стр. 91 – о распространении дельтового каменного угля – но «дельтовое» двойкое: или аллохтонное (то, которое Вы указывали, 82), или же в дельтах: большие и длительные озера. Мне кажется, в общей массе каменноугольного бассейна дельты вообще исключены.

Стр. 92 – «выбрасывание» за «пределы» суши. Нет, мне кажется, напрасно Вы поспешили напечатать эту статью. Очень я жалею, что не мог ее видеть раньше. Но статья напечатана в 1934 году...

Я считаю, что она никого не может убедить.

Образование нефти – «Теория» Архангельского мне – и нефтяникам, насколько знаю – кажется неверной, во всяком случае, это только *догадка*. До сих пор генезис нефти неясен, но ясно для нефти:

1. Органогенное ее происхождение, главным образом прибрежное, солончатое, или при участии организмов суши.

2. Образование ее в условиях *микробной и микроскопической* жизни, творящей и накапливающей живое вещество, но возможно большое участие и более крупных организмов (*Zostera* – животные водные).

Только длительной *жизнью* на месте и быстрым отходом от условий сгорания можно объяснить массу и характер остатка от биохимического изменения, каким является нефть;

3. Самый процесс бескислородного разложения – биохимический. Нефть переполнена (всегда?) своеобразной микробной жизнью.

С реками – даже косвенно – я и по прочтении Вашей статьи связывать не решусь ее генезис.

Вот– Вы «е огорчайтесь на меня за эти замечания. Я думаю, что надо осторожнее печатать –пересмотреть внимательно написанное.

Вас увлекла красивая идея и большое обобщение – но природное явление более сложно.

Ваша сила в обобщающей мысли, но Вы слишком ушли в сторону от Вашей базы – суши. Не знаю, правильно ли я Вас понимал – но ведь у Вас на суше – большие ограниченные впадины, отчего-то Вы употребляете для них немецкое название? И если их связывать с геосинклиналями, то «геосинклиналь» должна быть сильно изменена в ее прежнем понимании.

Мне кажется, с Вашей теорией никак нельзя связать *каустобиолиты–продукты стоячей воды*. Правда, для нефти это не доказано – но теоретически надо думать, что это то же, ибо в нефти отчасти еще меньше исходной живой

массы по весу, чем в каменном угле. Лес для каменного угля, озеро для сапропеля, болото для лигнита.

Лес есть самое большое скопление жизни.

Прислал ли я Вам работу Виноградова в Трудах Биогеохимической лаборатории? [184]

Дорогой друг – Вы не огорчайтесь на меня –но я считаю, что надо внимательнее и осторожнее печатать свои мысли, от этого они всегда выигрывают.

Имеется 2-е издание Геологии Союза Архангельского (1-й выпуск) [171]. Есть интересное. Прислать?

Ваш всегда В. Вернадский

P.S. Должен был быть в Москве. Сердце подгуляло – надо быть осторожным. Как ни было важно – поездку отложил.

Чем по-Вашему создаются «Innensenke»² – прогибы? Тектоникой? Уходом вещества? Седиментацией?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 69, 69 об.

¹ На месте (лат.).

² Внутренние погружения (нем.).

96

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 23 марта 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я хочу еще продолжить нашу с Вами беседу своими возражениями. Надеюсь, что я еще не надоел Вам. Думаю, что Вы уже получили мою статью «Об основных закономерностях рельефа земного шара» [145], которая была мною Вам послана несколько дней назад. Эта статья более полно осветит Вам мою точку зрения, чем письма, и вместе с тем составляет их естественное дополнение¹. Еще раз позволю себе напомнить Вам, что Вы сами, толкуя генезис каменноугольных месторождений, оперировали аналогией с Васьюганьем. Но ведь много *доказано*, что Васьюганье генетически – это река. Так не одно ли то же говорили мы в этом пункте? Если получаются несогласия, то только потому, что Вы оперируете старым понятием, трафаретной схемой, которые должны быть отброшены.

Учитывая все это, я считаю, что Ваша критика в самой основе своей неправильна, потому что она оперирует понятиями, которые заранее устранены предшествующими моими работами. Я не мог в своей статье о каустобиолитах перепечатать всех предшествующих моих работ, ибо меня упрекали в том, что я повторяюсь, но эти старые работы тут подразумеваются. Из них закономерно вытекает моя эта концепция, и поэтому я хорошо знаю, что она стоит на твердом фундаменте. Это отнюдь не придуманная ad hoc схема, а неизбежный вывод из десятилетнего развития моих идей. Таким же закономерным и неизбежным следствием является моя статья «О закономерностях развития рельефа», которую Вы, возможно, сей-

час читаете. Должен ждать, судя по предыдущему, что она Вам тоже не понравится.

Всего доброго. Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 6.

¹ Далее выпущено 2,5 страницы текста письма Б.Л. Личкова, где он снова говорит о значении рек в формировании аллювиальных наземных равнин и т.д., снова со ссылками на свои статьи 1933–1934 гг.

97

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 29 марта 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Третьего дня вернулся из Москвы (сессия)¹, нашел здесь Ваше письмо и Вашу рукопись. Вчера получил Ваше второе письмо.

Мне всегда было дорого научное общение с Вами, и я хочу сейчас же ответить на Ваши письма, так как последние годы я все больше и больше углубляюсь в геологические вопросы. С одной стороны – вопросы радиогеологии, с другой – подготовка второй части истории природных вод и новые явления в структуре биосферы, а с другой – давно обдумываемый мною вопрос о газах в нашей планете заставили меня в последнее время углубиться в проблемы геологии. Я сейчас рад, что ничего не опубликовал, как хотел, так как вижу, что только сейчас созрело мое понимание. В 1932 или 1931 г. я даже подписал контракт о книжке «Газовый режим Земли» [71], но не возобновил его. Сейчас я очень рад, что удержался от опубликования слагавшихся представлений, так как вижу сейчас все гораздо глубже. В частности, я придаю газам первостепенное значение в тектонических движениях земной коры и думаю, что могу это обосновать и придать форму научной гипотезы, обоснованной фактами, с которыми придется считаться. В земной коре выделяются газогенные области (нефтяные месторождения, вулканы и т.д.) и газопоглощающие области (например, известняки).

В связи с этим мои сомнения в значении изостазиса для объяснения основываются не на Архангельском и на Горшкове – они только правильно учли современное состояние вопроса, – а на знакомстве с *текущей* научной литературой прежде всего. Уже зимой я прочел и Bowie [255]. Удар нанесен океаническими экскурсиями на подводных лодках. Область Зондских островов (газогенная область) и еще более новые исследования в относительно близких областях (справиться точно не могу – пишу по памяти) *не* дают проявления изостазиса: образно. И Мей...² кажется, считает, что его нет до 40 км глубины... Горшков правильно сделал выводы из этих работ.

При этих условиях я не могу считать правильным Ваш вывод о реках и внутренних впадинах и геосинклиналях. Явление гораздо более мощно, и, несмотря на огромное значение рек, этот поверхностный фактор (так же,

как жизнь) не может влиять на них. Причина внутренних впадин – более глубокая*.

Теперь возвращаюсь к рекам. Я несколько не сомневаюсь, что в речных аллювиальных долинах создаются большие озера, но это – важный фактор образования озер – но не единственный, – прибрежные морские озера и связанные с ледниковыми явлениями пресные озера имеют большее или равное значение в смысле генезиса озер (озерный период Кропоткина – теперь). С этой точки зрения бессточные области выступают на первый план. Реки, связанные с озерами ледникового периода (а мы живем в нем), имеют другой характер (не теперь) в некоторых его частях. Реки не дают *сгущений* жизни, необходимых для образования каустобиолитов. Их дают прибрежные образования. Относительно Донецкого бассейна справлюсь – я говорил со слов Степанова, с которым говорил недавно. Он считает, что это – болото типа Dismal Swamp³ (кажется, не перепутал названия), что и я думал.

Перечитал письмо и вижу, что не закончил фразу на той странице – продолжаю:

Наталья Егоровна шлет сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

P.S. Определение геологического времени для Конгресса⁴ прошло: 1) определение древнейших участков суши и 2) геологическое «абсолютное» время на нашем материале от древнейшего докембрия до новейшего мезозоя. Надеюсь дать 100 точек.

Вашу статью прочту при первой возможности. Досаждают отзывы в связи со степенями и назначениями.

Как Вы знаете – и увидите из 2-го выпуска Истории природных вод, который на днях выйдет [21] – я считаю многие реки очень древними и ссылаюсь, кажется, и на Вас. Может быть, даже с мезозоя (Южная Африка) без перерыва. Надо учитывать перерывы (как для Каспия) – они длятся сотни тысяч лет.

Мне кажется, Вы учитываете перенос реками органогенного материала, но он дает частный случай каустобиолитов. А если учитывать создание каустобиолитов жизнью, то *наряду с реками* надо говорить о всех процессах, связанных с образованием озер и болот: ледниковым периодом, поднятием и трансгрессиями моря, образованием бессточных областей. И одновременно основное условие: сгущения жизни: береговые, сапропелевые, новые озерные и болотные.

Нет, я не могу согласиться с реками как создателями каустобиолитов и не могу считать их создателями геосинклиналей. В последнем случае, думаю, совсем их роль – *как причина* – незначительна.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 70, 70 об.

* Я не отбрасываю пока «зостазиса и думаю, что в пределах земной коры он может быть существует (Океаны) – но значение газогенных областей может быть огромно, и возможно, что в вулканической области Зондских островов мы имеем перерыв. Вчера видел А.Д. и Олечку. Я очень буду рад узнать о Вашей работе и крепко надеюсь на быстрое улучшение Вашей судьбы.

¹ Сессия Академии наук СССР проходила 21–25 марта 1935 г.

² Фамилия ученого написана неясно. Есть буквы Мей... далее непонятно.

³ Dismal Swamp – юг Виргинии и север Северной Каролины, между Норфолком и Элизабет-сити. На эту тему см. В.И. Вернадский. Углерод и живое вещество в земной коре.– Избранные сочинения, т. I. М., 1954, с. 175.

⁴ 17-я сессия Международного геологического конгресса состоялась в июне 1937 г. в Москве.

98

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Окрестности Москвы, 31 марта 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Мне давно уже хочется Вам рассказать о тех вопросах, над которыми мне приходилось в последнее время работать. Думаю, что это представит для Вас интерес.

Я заканчиваю сейчас свой отчет по работе этого лета в Ферганской долине. На основании данных моих летних полевых наблюдений мною написано пока 165 страниц отчета под заглавием «Некоторые черты геоморфологии Сохского веера рек в Фергане» [135]. Этот отчет распадается на такие главы: 1. О Сохском веере рек. 2. Основные данные по геологии и геоморфологии Сохского веера речек. 3. К характеристике геоморфологии пиков, окаймляющих Сохский и Исфаримский веера рек. 4. К геоморфологии горной части долины р. Сох. 5. О закономерностях формирования сухих дельт Ферганы. 6. К характеристике геологии и геоморфологии Карагул Тюбе. Центральная глава – это, конечно, глава о формировании сухих дельт Ферганы. Все же остальное служит к ней подготовкой. Из фактических данных отмечу: сравнительные данные о террасах рек в их горных и равнинных частях, впервые делаемый, по крайней мере в русской литературе, анализ террас горного конуса выноса, интересный и новый фактический материал об одиночных барханах (это не пустынная типичная форма, как пишется в учебниках, а форма, связанная с недостатком пика), интересный *фактический* материал по поводу их роли в создании наземной геосинклинали, а равно данные по миграции горных дельт, данные по проблеме происхождения мела. Мне очень хочется для решения ряда проблем, связанных с геоморфологией «сухих дельт» вроде Ферганских, углубиться в петрографию осадочных пород, но, к сожалению, в моем положении сейчас я этого сделать не могу. Однако, это – очередная моя задача, если только я буду более свободно располагать собой.

Теперь перехожу к московским моим работам. Я долго занимался здесь вопросом о так называемом подтоплении по Волге в связи с основной плотинной нашего канала – Ивановской. Тотчас ниже места начала канала Москва – Волга, на Волге делается согласно проекту плотина. Она должна поднять уровень вод Волги и создать обширное по величине озеро. Ширина его у плотины 10 км, а длина километров 30. Затопление это распространяется вверх по Волге до Твери, и, в частности, ниже Твери, на притоке правого берега Шоше, должно создаться второе огромное озеро. Результатом этого подъема вод Волги должно явиться поднятие уровня грунтовых вод и заболачивание. По этому поводу наш отдел должен был дать прогнозы. В связи с этим были

организованы съемочные работы прошлым летом. Я их уже не читал, а при первых шагах моего пребывания здесь я видел, как три молодых геолога обрабатывали свой материал как по геологии, так и по гидрогеологии этого района. Если они справились со сбором материала по данным вопросам, то им не удалось справиться с его обработкой, а месяца через два-три мне пришлось из свидетеля их работы перейти в более активную роль: переработать отчеты двух из них (в сущности, заново написать) и доработать отчет третьего. Через некоторое время понадобилось инженерно-геологическую часть этой работы поднять еще на одну ступень – дать точные математические расчеты подтопления по формулам Каменского и Павловского. Это сделала одна способная моя молодая сотрудница Л.И. Нейштадт. Когда она делала эту работу, я решил, что и геологию надо поднять на высшую ступень – дать полный геологический и геоморфологический очерк района с учетом данных литературы. В результате же у меня получилась своеобразная и интересная даже для печати работа по описанию «Очерк Верхне-Волжского Полесья» (я так назвал бы ее [136], несомненно, представляющая самостоятельный научный интерес. Самое ценное в ней – описание террас Волги в этом районе в сопоставлении со Средней Волгой. В работе 70 страниц текста и множество иллюстративного материала. В частности, 7 профилей. Это – самая крупная из выполненных мною в Дмитрове работ. Это – продолжение моих полесских работ.

А дальше, я работал и работаю по описанию сооружений канала, прилегающих к г. Москве, – Перервинский узел, Карамышевский узел, Хибинковский узел. Изучаю, сидя на месте, огромный материал бурений, делаю анализ, описание и выводы. Написал, в частности, очерк Москвы-реки в пределах от Карамышева до Перервы, в котором много компилятивного, но есть и самостоятельное. Написал геологический и геоморфологический очерк Химкинского района. Поразительны в одном отношении наш канал и Метрострой: они дают в смысле геологии выводы об исключительной древности не только Москвы-реки (с доюрского времени), но даже мелких ее притоков – Химки, Лихоборки и пр. Интересна далее феноменальная мощность древнего аллювия в некоторых из здешних речек: Яхрома, например, имеет аллювий мощностью в 80 м, а на Волге аллювия нет вовсе.

Забыл еще сказать, что свои впечатления и наблюдения по среднему Зеравшану я изложил в особой рукописи «К гидрогеологии среднего течения Зеравшана» [137].

Вот основное, что я делал по этой линии.

Что я хотел бы сделать, что мне предстоит делать и пр., это я изложу, в следующий раз подробно, а пока остановлюсь на этом. Получили ли Вы мою статью «Основные закономерности развития рельефа земного шара», она послана была Вам заказным.

Пока, всего доброго.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

[Дмитров,] 8 апреля 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

получил только что Ваше письмо от 29.III и хочу тотчас на него ответить. Очень заинтересовало меня Ваше сообщение по поводу газового режима Земли. По-видимому, это будет что-то интересное, но я не все здесь схватываю. В частности, мне не совсем понятна роль газов в тектонических движениях. О механизме, действующем здесь, не догадываюсь, но что территориально это процессы связанные, это для меня ясно. Я вернусь к этому вопросу в конце письма, если успею. Сейчас мне хочется говорить о другом. [...]

Вы неправы, Владимир Иванович, когда думаете, что в своей концепции нефти я увлекся случайным красивым обобщением. Нет, это не так, и хоть в этом-то я должен Вас убедить. Я хочу Вам с определенностью показать, что эта моя идея – звено, и необходимое звено, в цепи моих обобщений последних лет. Из этих обобщений моих Вашим признанием пользуются отдельные элементы и, как мне кажется, Вы их берете *вне* взаимной связи. Их же можно, и следует, брать иначе. Идеи мои о Полесьях Вам понравятся, и Вы цитируете их в связи с Васьюганьем и «Великим Лугом» (Геохимия, стр. 330) [38]. С моей точки зрения, Великий Луг здесь не при чем, ибо это явление совсем другого порядка и масштаба, а Полесья – это огромная, характерная для всех материков Северного полушария полоса, и такое же характерное явление. Характерно оно связью своей с оледенением. В другом месте цитируете Вы мои мысли о постоянстве пустынь. Эту последнюю мысль (это в Истории природных вод) [21] Вы берете на должном большом историческом фоне. И вот я невольно задаю себе вопрос: а согласны ли Вы с тем, что «полесья» мои это такое же планетное большое явление, как пустыня: оволид¹ времени – пустыня, оволид – полесья? В этом, если хотите, и связь их между собой: во времени они трудно совместимы в том случае, что, когда развито одно явление, исчезает другое, или, если не исчезает, то сокращается до минимума. Вот это важно иметь в виду. Вы берете у меня обе эти характеристики явлений вне их связи. А у меня они органически между собой связаны так же, как органически сюда же примыкает моя теория геосинклиналей. Вы в свое время одобрили статью мою о геосинклиналях и сказали, что я нахожусь на верном пути. То же повторяли и в письмах этим летом. Но в моей статье дано ведь уже решение проблемы, а не только верные пути. И решение это органически связано с «полесьями» и «пустынями» как планетными явлениями (но отнюдь не с «Великим Лугом»). В общем, я думаю, что правильно сформулирую суть дела, если скажу, что Вы отдельные зернышки истины видите у меня, но не поддерживаете того *целого*, которое из этих зернышек получается. С моей точки зрения, однако, это целое есть то большое эмпирическое обобщение или серия обобщений, которые я последовательно, звено за звеном, дал на протяжении почти десятка лет (1927–1935). [...] Из писем Нюси я знаю, что только с Вашей помощью ей удалось выйти из трудного положения с квартирными притеснениями. Я бесконечно благодарен Вам за то участие, которое Вы и Наталья Егоровна принимаете в судьбах моей осн-

ротелой семьи. Этой помощи Вашей, той теплоты и участия, которые я и все мои близкие встретили у Вас, я никогда не забуду.

Привет большой Наталье Егоровне.

Горячо Вас любящий Б. Личков

P.S. В нечто крупное выльется, по-видимому, моя работа по Фергане. Я списался с Ташкентом и имею надежду в ближайшее время получить свои горные породы. Тогда основа для выводов станет шире. Жаль, времени нет здесь работать над увлекающими меня проблемами.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 8, 9.

¹ Термин неясен. Так у автора.

100

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 16 апреля 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович!

На днях получил корректуру своей статьи из «Природы» о морских течениях геологического прошлого Земли [140]. Наверное, Вы опять и с ней не согласитесь. Написал здесь статью для научно-технического журнала нашего строительства (он называется «Москвалогострой» и имеется в общей продаже) «О геологических условиях района Перервы» [141]. Перерва – это самая южная из плотин нашего канала. Она находится южнее Москвы. Я никогда там не был, но интересный материал по геологии этого района рисует страницы из истории Москвы-реки с доюрского времени. Я с интересом написал эту статью, которая сейчас печатается. Я ее Вам по выходе в свет пришлю.

Плотина Перервы у нас сейчас к Первому мая заканчивается. Моя «ударная по темпам и производительности», говоря современным слогом, работа замечена, и я выдвинут на награду.

Работу свою о Средней Азии сдал на машинку.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 10.

101

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Ленинград,] 3 апреля ¹ 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Хотя я не согласен с Вашими выводами – возможно, частью и потому, что Вы касаетесь в них таких проблем, как образование гор и картин лика Земли прошлых периодов, мои суждения о которых основаны не на моей личной научной работе, – но я всегда читаю Ваши статьи с интересом и большим дружеским чувством.

121

Ваша последняя работа – интересная по поднятым вопросам (Основные закономерности развития рельефа земного шара), очень трудна местами для чтения и, мне кажется, очень выиграла бы при большей отделке. Афоризм «реки создают горы» на меня не действует и, я думаю, по своей общности не является научным обобщением, но он красив. По существу, Вы не убеждаете меня, что он реален.

Мне кажется, в Вашей статье Вы оставляете в стороне количественную сторону явлений, и, может быть, благодаря этому нельзя быть убежденным в выводимых Вами следствиях. Сверх того, ряд основных исходных положений, Вам представляющихся ясными, у меня и других вызывают сомнения, мне кажется, прежде всего благодаря тому, что количественный подход к ним разрушает и иногда в корне изменяет само понятие.

Поясню примерами: 1 Понятие *изостазиса*. Можно ли его прилагать к явлениям, совершающимся в биосфере? Я думаю, что для земной коры в общих чертах оно приложимо – но и тут количественный подход как будто все более уменьшает его значение. Я Вам писал о новых результатах Мей...² в подводных морских определениях тяготения, говорящих против изостазиса (в биосфере). Вы знаете, что геофизические (гравитационные) и т.д.) аномалии в биосфере не дают возможности изостазисом пользоваться. Тут идет коренная ломка идей, и в направлении, противоположном Вашей схеме. Второе явление, в котором Вы тоже не сомневаетесь, влияние *таяния ледников* на поднятие занятой ими суши. Мне кажется, количественный учет этого предполагаемого – и как будто такого простого – явления вызывает величайшие затруднения даже для Фенноскандии? Дело более сложное? Тоже и для гипотезы Дэли. Я смотрю пока на это, как на рабочую гипотезу. Едва ли правильно все глуб[инные] впадины, в конце концов планетной коры, связывать с *изоклиналями*, как Вы делаете, так или иначе. Я думаю, что все, что я знаю и узнаю, указывает как раз на обратное: опускание участков – основная причина накопления осадков, а не вызванное ими явление. Мне кажется, Вы слишком придерживаетесь *все еще* Ога. Как можно связать с «изоклиналями» глубинные впадины Океана? Изученное голландцами Зондское море? Красное море и разлом Африки? Я думаю, много здесь связано с оставленным в наших суждениях историей газов планеты³. Это впадины более или менее случайные, без большой седиментации. Я не думаю также, чтобы можно было опираться на те *схемы распространения суши-моря и орогенных процессов* далекого геологического прошлого, которыми Вы пользуетесь: это – иллюстрация Вашей мысли, но не ее опора. Кстати, для Донецкого бассейна Вы приводите мнение Наливкина и Залесского (реч[ные] бас[сейны]). Я еще раз говорил со Степановым, он тоже ссылается на Залесского и самым решительным образом стоит на болотном характере бассейна и считает, что речные проявления, если были, – то *ничтожны*. Весь характер угля не вяжется с каменноугольными бассейнами, которые можно связать с реками. Также и разговоры с Усовым и Ильиным приводят к тому же для Кузнецкого бассейна. А так как я считаю, что и концентрация биогенных углеродных тел требует бассейнов озерно-болотного типа, – то я и не могу видеть здесь проявления речного каустобиолиза любой формы происхождения. Нельзя забывать, что при таянии ледника основную роль, может быть, играли не реки – а озера и

болота. Часть, может быть, и большая, ледниковых (материковых) масс испарялась, превращаясь в болота.

Теперь перейду к письмам, на которые не смог Вам ответить: в Москве на совещании о генезисе Fe–Mn–Al руд⁴, а затем, вернувшись, заболел.

Из Вашего письма о Фергане я вижу, что много у Вас интересного там накопилось. Вы знаете, что я придаю большое значение тому, что Вы отделили больше других русских геологов значение осадочных пород *суши* в ее структуре. Это как раз бессточные области. И думаю, что напрасно Вы перешли к идее: реки создают горы и каустобиолиты. Важнее то новое, что Вы вносите в терригенные отложения суши. Деятельность человечества в связи с созданием больших озер (у нас и в Северо-Американских Соединенных Штатах) есть большой шаг вперед в новом геологическом его влиянии. О газовом режиме напишу при случае. Сейчас мне надо кончить заметку о границах биосферы и геохимии марганца в связи с процессами концентрации химических элементов (читал в Москве).

Мне хочется ответить на Ваши письма от 8/IV и 16/IV. Как Вы правильно говорите, я принимаю как важные обобщения и большое новое, что Вы вносите в геологию о Полесье. Я Вам писал, что за Великий Луг⁵ я не стою: мне казалось, когда я там был, что это большое явление, но я там был недолго и описаний геологических его не знаю [58]. Теперь он под водой, должно быть и т. п. Но мне кажется, Вы зашли за пределы эмпирических обобщений в область явлений другого порядка по существу (изостази́с и геосинклинали в Вашем понимании). Сперва несколько вопросов. Вы пишете: «аллювиальные долины создаются у краев всяких оледенений, и материковых и горных». Но есть и другие аллювиальные же равнины: Амазонка, Ла-Плата и Парана, Тигр и Евфрат, Конго, Замбези, Нигер, Обь и т.д.? Мне кажется, этот вывод выходит за пределы фактов и, по существу, сужает Ваше важное обобщение.

Мне кажется, Вы часть озерных отложений (предледникового и послеледникового времени) считаете за реки?

Пока Вы не выходите за пределы эмпирических обобщений явлений биосферы в другие части земной коры, Вы стоите на прочной почве. Но мне кажется, в представлениях «изостази́са» Вы переходите в область опасных допущений, которые отнюдь не следуют из Ваших наблюдений и которые, боюсь, окажутся неверными.

Как глубоко можно из динамических явлений биосферы заключать о процессах земной коры? Думаю, не очень глубоко, и не вижу в Ваших статьях *фактов*, этому заключению противоречащих. До 1932–34 гг. я за Вами шел – но сейчас боюсь, что Вы не на верном пути, если будете дальше идти по нему. Гофмана я не читал, но он мне по изложениям не внушил доверия и желания с ним ближе познакомиться. Может быть, и ошибочно.

Я допускаю образование каустобиолитов в озерах, болотах, застойных водах разного характера, в аллювиальных долинах, т.е. связанных с рекой – но допускаю их образование в тех же водоемах, не связанных с реками. Во-первых. Во-вторых, не считаю, что реки вызывают седиментацией опускание земной коры, но считаю, что они (и другая текучая вода: эллювий, морской прибой и т.п.) создают мощные слои осадочных пород в *областях опускания*, от них независящих (Innensenke в том числе), так как я думаю, что то, что Вы допускаете (опускание под тяжестью осадков), ничем в окружающей

природе в другой форме не проявляется. Мне кажется, Вам следует обратить внимание – и дать доказательства – геофизические – этой *возможности*. Я сомневаюсь, чтобы это было бы возможно – но, может быть, я ошибаюсь: сам я не проверял, а говорю на основании новой литературы. Не очень верю тому, чтобы нужное для Вас представление об изостазисе и геосинклиналях сохранилось. А между тем Ваши наблюдения, чисто геоморфологические, на суше останутся верными, если Ваши более широкие обобщения – по-моему экстраполяции, и кажущиеся (реки создают горы), отпадут. Но опять-таки я в этом вопросе не могу судить с большой основательностью. Но раз Вы их касаетесь – Вы должны войти в геофизику глубже.

Я думаю, что из каустобиолитов сохраняется ничтожная часть (стотысячные, миллионные доли?). Когда мы будем измерять возраст точно, сможем судить. Какой-то темп, законности есть.

Ваш В. Вернадский

P.S. Хотел сказать, что в Вашей статье, которую прочитал, Ваши страницы об изостазисе устарели, и Вы лучше их сократите.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 71, 71 об.

¹ По-видимому, эта дата неправильна, потому что упоминаемое в письме совещание (конференция) по генезису руд железа, марганца и алюминия состоялась в Москве с 19 по 26 апреля. Следовательно, это письмо могло быть написано 3 мая, тем более что в нем содержатся ответы на письма от 8 и 16 апреля.

² Фамилия написана неясно, как и в письме от 29.III.35 г.

³ Эта фраза написана так у автора.

⁴ Заседание Геологической ассоциации по рудным месторождениям, на котором В.И. Вернадский делал доклад (см. [68]).

⁵ На эту тему см.: В.И. Вернадский. Углерод и живое вещество в земной коре [58].

102

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 8 мая 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

читая второй том «Геохимии» Ферсмана [238], я прочел там на стр. 320 третье положение: «Сами нефтяные месторождения приурочены к областям понижений вдоль поднимающихся геосинклиналей и потому как бы окаймляют районы поднятий хребтов, чем наоборот, связаны с разломами и местами расколов в областях опусканий масс». Что ни слово, то недоумение? С одной стороны, «поднимающиеся геосинклинали», с другой – «районы поднятий хребтов». Ведь поднимающихся геосинклиналей не бывает, ибо это нечто вроде сухой воды: в самое определение геосинклинали входит опускание ее; если она поднимается, это уже хребет. Что такое понижение «вдоль геосинклиналей». Таких понижений вообще не существует, ибо сама геосинклиналь есть понижение. Вот, если сказать, что нефтяные месторождения приурочены к геосинклинальным понижениям, в известную фазу их существования, протянувшиеся вдоль районов поднятий хребтов, это будет вполне правильно, но это как раз и моя мысль. Опять непонятно, почему «наоборот». Ведь на

границе *опускающейся* (а не поднимающейся, как неверно говорит Ферсман) геосинклинали и поднимающегося хребта неизбежно *должны* быть разломы, расколы и пр. Поэтому «наоборот» здесь не при чем. Формулировка А.Е. абсурдна¹, но, если извлечь из нее здоровое ядро, получается та мысль, которую защищаю я, – месторождения каустобиолитов как детища наземных и настоящих геосинклиналей на известной ступени их развития.

Очень хочется мне знать, над чем Вы сейчас работаете и что пишете? Какая конференция была в Москве, и была ли она интересна? Какого Вы мнения о книге Ферсмана? Я продолжаю, сколько могу, работать над своей проблемой рек, но литература здесь очень скудна и добывается с трудом. Поэтому должно быть придется мне скоро, что называется, опуститься на дно.

Пока, всего хорошего, дорогой Владимир Иванович. Очень я о Вас и Наталье Егоровне соскучился. Недостает мне очень Вашего вдохновляющего примера и ферментирующего влияния.

Статью в «Москваловгострое» [146] не судите строго. Негде в ней было развернуться, но все же в ней есть интересное.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 17, 18 об.

¹ Разногласия с А.Е. Ферсманом вызваны, кроме прочего, различным пониманием термина «геосинклиналь» в геологической литературе. В 30-х годах и позднее шли многочисленные споры по этому вопросу. Сейчас считают, что в геосинклинальных областях на фоне общего опускания могут быть движения разного знака (т.е. как опускание, так и воздымание) и хребет может быть частью геосинклинальной области.

103

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров] 10 мая 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил Ваше письмо от 3.IV и горячо Вас за него благодарю. Может быть, Вам уже надоело, что я все спорю с Вами, но я хочу Вам возразить еще раз. Делаю я это не для процесса спора. Мне хочется только устранить некоторые недоразумения и, может быть, поставить некоторые вопросы более правильно, чем они у нас почему-то становятся.

Вы опять повторяете то, что у Вас встречалось, что «афоризм: реки создают горы» – «красив», но, что он на Вас «не действует». Я еще раз повторяю: я за красотой не гнался! Это во-первых, а во-вторых, все предыдущее письмо я целиком посвятил тому, чтобы показать Вам, что это не афоризм, брошенный в погоне за эффектом, а положение, органически связанное со всей моей деятельностью за 10 лет и логически, неизбежно из десяти лет назад обоснованных предпосылок вытекающее. Неужели я так плохо все рассказал?

Вы пишете: «До 1932–1934 года я за Вами шел, а сейчас боюсь, что Вы не на верном пути...». Увы, дорогой Владимир Иванович, Вы «шли за мной», если употреблять это выражение, *только* в 1928–1929 году, и это нетрудно доказать. В Вашем письме Вы упрекаете меня за мысль, что аллювиальные равнины создаются у краев всяких оледенений «и материковых, и горных».

И добавляете строчкой ниже: «Мне кажется этот вывод выходит за пределы фактов, по существу, сужает Ваше важное обобщение». По этому поводу я должен сказать, что эта мысль об одинаковом значении для создания аллювиальных равнин и горных, и материковых оледенений была мною высказана и подробно обоснована в нескольких работах в 1930 году. Вы с нею не согласны! Значит, уже в 1930 году Вы за мною не шли. Или Вас не убедили тогда мои работы, обосновывающие эту мысль, или Вы их просто не заметили. Факт, во всяком случае, тот, что уже в 1930 году Вы не шли за мною (вот потому-то и получилось, что принципиально совершенно разные вещи – Полесье и Великий Луг – у Вас оказались вместе; главные связи с оледенениями Вы здесь не оценили и не заметили в должной мере). Теперь по существу вопроса. Мысль о связи аллювиальных равнин одинаково с горными и материковыми оледенениями отвергается Вами неправильно. Она вполне правомерна и основательна и за эти пять лет твердо вкоренилась в науке. Говорю это с полной ответственностью за свои слова. Она не выходит за пределы фактов, а именно на фактах-то и основана. [...]

Повторяю еще раз: идея моя о том, что горные оледенения также создают аллювиальные огромные равнины была совершенно правильна, она вошла в науку, и мало вошла! Спорите против нее теперь только Вы, и этим показываете, что уже в 1930 году Вы в моей правоте определенно усомнились. А Вы говорите: «шел за Вами до 1932–1934 года». Увы, факты говорят иное. И именно *потому*, что уже в 1930 году Вы меня не признавали, для Вас мои «аллювиальные равнины» это своего рода феномен кунсткамеры, а не закономерное периодически повторявшееся в истории Земли явление, *что я доказал*.

Вы пишете: «Мне кажется, Вы часть озерных отложений (предледникового и послеледникового времени) считаете за реки». Да, Владимир Иванович, именно так! Понятие «озерности» в осадках должно быть пересмотрено! Строго озерных отложений в гляциальных и перигляциальных районах мы не знаем. Обратите внимание, что на последней карте четвертичных отложений европейской части Союза (1932) говорится только об озерно-аллювиальных. Это в очень значительной мере влияние моих идей (это Вы можете увидеть и из текста к этой карте). Очерки Кропоткина «У края ледников» [208] устарели, и поддерживать их у нас нет оснований. Те озера, в которых отлагается сейчас сапропель на севере, это продукт, после, и далеко после, ледника создававшийся. Понятие «озерности» и критерии «озерности» должны быть пересмотрены. Я это подробно обосновываю в особой статье 1934 года в сборнике «За рационализацию в гидрогеологии» [134].

Теперь два слова о Донецком бассейне. Вы все-таки настаиваете, что еще раз беседовали со Степановым и что он стоит за болотные проявления и отводит ничтожную роль реке. П.И. Степанов в данном случае не авторитет, ибо он палеонтолог, стратиграф... – все, что хотите, но он никогда не умел мыслить геоморфологически, что в данном случае нужно. Я больше верю Залесскому, который специально этой проблемой занимался и обосновал огромную роль аллохтонного приноса (по положению стволов!) в пластах этого бассейна. Я хорошо помню книгу Залесского (1914) [197], хотя и не могу ее процитировать, Вам же она вполне доступна, и Вам ничего нет легче убедиться в том, что я верно его мысль излагаю. Я могу указать, между прочим,

что на стр. 83 М.Д. Залесский говорит об отложении на площади Донецкого бассейна каменноугольного времени песчаников и аркозов за счет гранитов, порфиоров, гнейсов прилегавшей суши кристаллического массива. Скажите, пожалуйста, что это за болото, где откладывались такие материалы вместе с аллохтонными растительными остатками. Никто не спорит, что это была *заболоченная низина*. Я этого тоже не отрицаю. Но это была низина с приносом огромного количества терригенного материала. Обычным болотом это никак нельзя поэтому назвать. Я, поскольку это была дельта, постольку принос терригенного материала был неизбежен, нисколько не отрицаю существования автохтонных залежей каустобиолитов, но считаю, что обычно недоучитывается роль приноса, добавочного к ним, – терригенных материалов. Очень поучительно в этом отношении толкование Подмосковского бассейна. Залесский считает его болотом чисто автохтонным (в противоположность Донецкому бассейну). Между тем М.С. Швецовым выдвигается и здесь роль денудации текучими водами.

Поклонником Гофмана я тоже не являюсь, хотя кое-что из его работ читал и нахожу их интересными. От Гофмана я беру *только* мысль, что «отложения – это фиксированные движения». Думаю, что это – мысль правильная.

Вполне согласен с Вами, что «в геофизику надо войти глубже». Да, без этого не обойтись! Об опускании под тяжестью осадков и изостазисе я, к сожалению, говорить не могу. Очень хотелось бы мне углубиться в этот вопрос. Но я уже целый год оторван от литературы и не могу за нею следить. Это очень для меня огорчительно, но ничего я с этим не сделаю, а дальше, конечно, будет еще хуже, и мне придется отставать от науки все больше. От своих толкований я не отказываюсь и не вижу пока оснований отказываться, но продолжать работу над проблемой вне моей власти. Естественно, что и возражать Вам в этом пункте я не буду.

Пусть правы Вы даже в том, что существуют области «опусканий», в своем опускании от фактов, творящихся на поверхности, не зависящие, и что в результате этого опускания (?) туда скопляются осадки. Подчеркиваю, что они ни в коей мере не скопляются в самых глубоких опустившихся впадинах на дне Океана. Они скопляются в большом масштабе только в тех впадинах на окраинах морей, куда проникают реки. Другого, столь же мощного, как реки, источника отложений мы не знаем. Реки – источник отложения в дельтах и главный источник его в геосинклиналиях.

Вы пишете, что произведенные мною «схемы распространения суши и моря» это только иллюстрация моей мысли, а «не ее опора». Нет, не так! Это – историческое обоснование мысли. Я беру самые общественные, твердо обоснованные в исторической геологии, а не «мои» схемы и на них показываю, что во все периоды жизни Земли, когда данное явление было, дело обстояло более или менее одинаковым образом. Я считаю, что исторические *факты* – весьма важная опора моей мысли.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

[Ленинград,] 12 мая 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Я вчера получил Ваши грустные письма от 7–8/V и мне хочется на них сейчас же ответить.

Конечно, в условиях, в которых Вы живете, нельзя работать над такой широкой темой. Скорее, нельзя печатать результаты работы, так как Вы их не сможете обработать как следует – нет книг и нельзя следить за литературой.

Как Вы знаете, я считаю, что Вам следует не спешить печатать. И мне все более кажется, что было бы очень полезно, чтобы Вы ближе вошли в геофизику, так как мне представляется – может быть, ошибаюсь, – у Вас здесь резкое расхождение есть, или выявляется, с тем направлением, какое намечается в ее дальнейшем развитии. А между тем это *основное* для Вашей теории положение. Если оно окажется не верным? Если нельзя утверждать, что речные осадки будут изгибать земную кору? Я думаю, что этот момент настанет. Может быть, я ошибаюсь. Я очень ярко чувствую трагизм Вашего положения, но у Вас жизнь впереди. Недавно столкнулся с Зюссом – он начал *Antlitz (E. Suess. Das Antlitz der Erde, Wienn. 1885–1909)*, когда ему было за 54 года, и я до 1923–1924 года был лишен возможности печататься и был лишен литературы.

Мне и кажется, что если Вы хотите вести те широкие темы, которые у Вас вырисовываются, – читайте, но не печатайте, отделяйте и переделывайте. Думайте – многое, конечно, никогда не будет напечатано, как горы моих рукописей в связи с живым веществом. Но наступит благоприятный момент, и все переменится. То, что Вы будете работать, но не сможете отделять сейчас же – может быть, к Вашей пользе будет.

Журнала «Москвалогострой» еще не получил. Прочту, конечно. Я бы на Вашем месте продолжал подбирать материал, писать, но пока не печатать – пока не получите возможность отделать.

Чем более думаю, тем больше не считаю возможным в каус-гобиолитах приписывать рекам то влияние, какое Вы ищете. Проверьте прочность геофизической основы.

Книгу «Геохимию» А.Е.¹ [238] прочел первый том и теперь читаю – местами – второе издание (исправленное) первого [239]. Я думаю, основное у него: он вышел далеко за пределы \mathbb{R}^2 в Космос. А тут исчезает *атом*. И перескакивает из энергетики решетки в энергию элементов в Космосе. Второй том начал читать, но раньше решил кончить 2-е издание 1-го. Мне кажется, – как и в других его работах – он увлекается, пытаясь охватить *все* – а это невозможно. В части выходит экстраполяция.

Вот по поводу геосинклиналей – у меня нет хорошего к ним чувства. Я думаю, тут дело обстоит еще хуже, чем с изостазиом. Что с ними будет через 10 лет? А *понижения*, конечно, есть, и их причина геосинкл[иналями] не объясняется.

В Москве была конференция по генезису рудных месторождений Союза – Fe, Mn, Al³. Много было интересного – но, в общем, очень яркого мало. Инте-

ресен А.Е.¹, но это – искание. Очень интересны аллювиальные руды – думаю, биогенные озерные отложения. Что озерные, это как будто Архангельский прав, но он объясняет *химически* – это я сомневаюсь.

В Сборник в честь Высоцкого даю статью «Пределы биосферы» [59]. Ясно вырисовывается биогенный метаморфизм, и жизнь (не связанная с тропосферой) идет на 3–4 км вглубь. Переписываю и пошлю в печать.

Отделяваю свою статью «К геохимии марганца» [68] – прочел, не очень удачно, на совещании.

Посылаю Вам новые, вышедшие как печатные, издания – 2-й выпуск «Истории воды» [21] в том числе.

24.V буду опять в Москве – заседание Комиссии по стратосфере. Недавно видел Олечку и А.Д. (Личкову).

Всего, всего, дорогой Борис Леонидович, хорошего, и помните, все переходяще и Ваша жизнь впереди. Конечно, не бросайте большую тему – и работайте над ней сколько можно. Я считаю, что Ваши идеи об исключительном значении рек (создание и геосиклиналией, и гор, и каустобиолитов) не есть главное в Вашей работе, и когда Вы от них отойдете, то разовьете то большое, что создаете: полесья, геоморфологию аллювиально-речных явлений, терригенные отложения суши и т.д.

Собирайте материалы и обдумывайте. Геофизику основательно проштудируйте.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 71, 72 об.

¹ А.Е. Ферсман.

² ♀ – Плутона (т.е. за пределы Солнечной системы).

³ См. комментарий 4 к письму 101.

105

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 16 мая 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

нет у меня силы передать как тяжело мне жить. Условия работы глубоко ненормальны, книг нет, работы по специальности по существу нет, а есть занятия каким-то суррогатом науки... Тематику своей статьи я хороню для себя: не мне, т.е. не в моих условиях этим заниматься. Я еще раз пересмотрел все Ваши возражения и хочу в заключение Вашего спора сказать несколько слов именно заключительного характера. Я вполне понимаю смысл основного Вашего возражения. Из современных расчетов геофизиков, если они верны, следует, что изостатический слой находится на глубине около 120 км (Гайфорд и др.). Я же с ними хочу связать горы с их нагрузками и материковые ледники, и пр. Между тем трудно на 120 км глубину распространить действие этих феноменов. Вы мне на это указываете и говорите, что я слишком поднимаю изостатический слой и ввожу его в биосферу, делая идущие за пределы эмпирических фактов гипотезы. Вам представляется недоказуемым и недоказан-

ным опускание под тяжестью осадков и льда. Так я понимаю основное Ваше возражение.

Чтобы Вам была ясна моя точка зрения на это, я скажу: да, и по-моему, здесь есть *элемент* гипотетического! Я хочу обратить Ваше внимание, однако, вот на что. Если мы даже это гипотетическое отбросим и останемся при бесспорном, у нас в полной мере неприкосновенным останется гипотеза о формировании осадков на Земле прежде всего, и больше всего работой рек! Таким образом, пусть даже впадины формировались иным путем, но заполнялись они реками, и при их основном участии, даже в морях.

На этом, должно быть, надо закончить беседу об этих всех материях, мне мало доступных, поскольку я живу без литературы.

Всего лучшего желаю Вам и Наталье Егоровне, дорогой Владимир Иванович.

Любящий Вас Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 23.

106

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 21 мая 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил Ваше письмо и присланные Вами книжки. Горячее спасибо и за то, и за другое. Проблема квартиры была одним из моментов, обостривших мою печаль. Другим моментом было положение на фронте моей геологической работы.

Канал наш дает исключительно интересный научный материал. Есть невиданные совершенно никаким геологом в европейской части Союза выемки в 6–7 км длиной, глубиною же до 15 м, есть в нем и ряд других интересных деталей, вскрытых экскаватором. И мы, геологи, стоящие около этого дела, этого не видим и знаем по чужим описаниям. Я, например, скажу, что главную силу свою как геолога я вижу в полевой наблюдательности, в умении обобщить полевые факты. Я знаю, что в поле многие того не увидят, что увижу я. А нас в поле-то именно не пускают и заставляют сидеть в кабинете, где при такой постановке нам, по существу, работы по плечу нет... В результате, естественно, что на таком положении мы ехать не можем. В 1937 г., как Вы знаете, Международный геологический конгресс. Ко времени его нужно дать геологический путеводитель по каналу; естественнее всего было бы дать его нам (и даже необычно было бы, если бы дали его не мы), а между тем мы «материала» нашего в поле не видели. До последней степени обидно: стоять около дела и даже работать в деле, где геолог нужен, где он многому может научиться, и не быть в состоянии работать.

Я бы со всем этим помирился, махнул бы рукой на рациональную постановку своей работы на пользу строительства канала, если бы хоть для какой-нибудь научной работы мог использовать свое сидение в кабинете. Однако и в этом отношении ничего сделать нельзя, ибо здесь нет библиотеки; есть

несколько элементарных учебников и последние издания Академии в области геологии.

Словом, куда ни кинь, все клин. Вот эти объективные обстоятельства и создали мне настроение. Простите и оправдайте то, что я надоедаю Вам этим.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

21.V 1935 г. P.S. Я получил от Б.П. Вейнберга (по Вашей рекомендации) предложение участвовать в монографии по льду и дать к декабрю статью «Геология льда». Говоря отвлеченно, это мне улыбается, и я мог бы это сделать: это заполнило бы удачно пустоты внеслужебного моего времени.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 24, 25.

107

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 23 мая 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

в последнем письме жена мне написала о Вашей болезни¹, и известие это меня очень огорчило. Вам надо очень и очень беречься. Мне очень хотелось бы, чтобы это письмо застало Вас в Ленинграде, но как будто я рискую, что оно Вас не застанет: я только что вспомнил, что Вы писали мне о сессии в Москве.

Я сейчас с напряжением работаю над гидрогеологической и химической частями моего отчета по Средней Азии. Недавно получил оттуда ящик своих прошлогодних сборов и поработаю еще над породами. Это хоть немного меня развлечет. Я стараюсь не иметь ни одной минуты свободной, и когда мне это удается, я относительно спокоен. На лето я надежд не возлагаю, и единственное приятное, что я предвкушаю, это – приезд ко мне, но я даже не знаю кого. Нюся² как будто не может ехать из-за денег. А приедут, верно, отец, сестра и Зиночка³. О киевских родных я тоже очень соскучился. Но вот, что Алички⁴ не увижу, это мне большое огорчение. Хотел бы, конечно, увидеть и Нюсю, но ведь против невозможности не пойдешь.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 26.

¹ В начале 1935 г. В.И. Вернадский часто прихварывал (повышение температуры, аритмия, камни в желчном пузыре, боли в сердце). Об этом см. его письма: А.Е. Ферсману от 4.III 1935 г. (ф. 544, оп. 1) и А.П. Виноградову от 31.V 1935 г. (ф. 518, оп. 3, № 335).

² А.Д. Личкова.

³ Л.С. Личков, Е.Л. и З.Б. Личковы.

⁴ О.Б. Личкова. Аличкой звал ее отец.

[Ленинград,] 26 мая 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень мучительно, когда ничем не могу помочь Вам, кроме, сам чувствую, бессильных указаний на то, что я знаю по опыту на других. В Вашем возрасте все же я думаю и убежден, *все впереди*. Я пишу Вам не в утешение, но на каждом шагу вижу людей, прошедших через то же испытание, недавно видел нескольких. И, как ни тяжело приходится Анне Дмитриевне – она молодец и несет испытание мужественно. Не сдается.

Я тоже думаю, что нет надобности продолжать наш спор. Но хочу несколько мелочей подчеркнуть. Ведь, может быть, правы Вы, а не я – тем более, что я с этими явлениями меньше сталкиваюсь и вошел в них только благодаря Вашему интересу.

Мелочи следующие: 1. Я, как Вам говорил, совсем не стою за Великий Луг. Но я видел его в молодости. Кстати, кто его из геологов описывал? Я брал из старинных – не геологов – описаний. В моей «Геохимии» я все уменьшал его значение и хотел даже вычеркнуть в русском издании [58]. Теперь меня заинтересовало: кто о нем писал? По моему мнению, из геологов никто?

Я знаю Боплана [179], Кащенко «Рассказы старого запорожца в Киеве» [207]. Старина – все ненадежно. От него отказываюсь – но хочу знать научную трактовку.

Я Ваши работы последних лет прочел только теперь. До 1932–33 гг. знал по разговорам, а когда я в начале 1934 г. вернулся, Вас уже не было в Ленинграде – а пробыл я с лета 1933 г. Вообще я очень отстаю в литературе – читаю через несколько лет впервые многое.

Имейте в виду, что положение изостазиса пошатнулось серьезно (в его отражении в биосфере) в 1933–34 годах. Ведь вся гравитационная разведка, в сущности, связана с тем, что в ее пределах изостазис можно оставить в стороне. Это ужасно, когда приходится давать отзывы *не видя* в природе: ведь этим сильно ухудшается работа. Ведь никакое описание не заменит природы, особенно для решения вопросов, связанных с поверхностной морфологией. Прямая выгода и правильное использование Вашей научной интуиции – дать Вам возможность *видеть* о чем Вы читаете. Неужели нельзя это объяснить? Получили ли Вы мою «Историю природных вод» 2-ой выпуск? Я Вам давно послал заказным.

Теперь. Я считаю, что Вы можете работать по Вашей теме и в этих условиях, но не можете публиковать, так как не можете иметь иностранную литературу. Русскую можно доставать. И очевидно, раз Вы уверены в Вашей мысли, работать будете. Все это сложные вопросы, в которых мы еще далеко не разбираемся. Изостазис – одна из преходящих стадий.

Я думаю, что влияние биосферы (а реки – ее часть) не может вызывать орогенетических явлений – это понятия разного характера. Предел биосферы в среднем где-нибудь около 4 км ниже уровня геоида. Поскольку Вы не выходите из биосферы и поскольку Вы выдвигаете и аллювиальные равнины

и особенно значение осадочных пород не морского генезиса, перед Вами огромная важная область явлений – но выходите экстраполяцией дальше. Но имейте в виду – может быть, правы Вы, а не я. Для меня – это случайный экскурс в чужую область. Вот когда Вы реки связываете до такой степени значительно с генезисом каустобиолитов – вот тут я считаю, что Вы противоречите *фактам*. Ну, на этом покончим.

Проболел это время¹. Не пустили на сессию². Что-то в печени или, вернее, в желчном пузыре. В середине июня уезжаем в Москву. Месяц проведем в Узком.

Ваш В. Вернадский

P.S. Надо отдохнуть (мне 72 года) и быть осторожнее в передвижениях.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 73, 73 об.

¹ См. комментарий 1 к письму 107.

² Сессия Академии наук проходила в апреле 1935 г.

109

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 31 мая 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Очень беспокоит меня Ваше здоровье. На сессии, судя по газетам, Вас не было. Никаких известий о Вас давно не имею, и это меня очень волнует. Только что в письме я просил Нюсю написать мне о Вас.

Кончил я только что шестую главу моей работы о Фергане «О грунтовых водах района Каракул-Тюбе в связи с геологией и геоморфологией Сохского веера рек» [135]. В ней много данных по анализам вод Ферганы. К сожалению, данные эти довольно плохие, и характеристика вод получается неполная и неважная. Получил недавно по почве две работы от Р.С. Ильина, геолога из Томска. Это довольно интересный геоморфолог – брат, если помните, гидрогеолога Р.С. Ильина. Очень любопытна его работа «К чему приводит отрыв почвоведения от геологии» (по-видимому, это – отдельный оттиск из «Почвоведения» [200]). Прочел там, между прочим, такую мысль, которую хотел бы проверить, и потому обращаюсь к Вам, так как самостоятельно сделать здесь это я не могу. Ильин пишет: «со времени работ крупнейших русских бактериологов С.Н. Виноградского и В.Л. Омелянского, опубликованных на рубеже нашего столетия (1900), должно быть известно, что в пустынях почвообразование сводится именно к соленакоплению...» Никогда не знал, что идеи названных бактериологов прилагаются к пустыне. Какие названия их работ, о которых идет здесь речь? Читал того же автора статью «Происхождение лесов в свете учения о зонах природы» в «Почвоведении» за этот год, № 1 [201]. Очень рискованные, если прямо не фантастические теории. Вашу «Историю минералов» [21] читать только начал. Кончил недавно первый том Ферсмана [239]. Не очень он мне нравится. Вследствие широты размаха местами получается жидко по содержанию. Читаю Польшова «Кору выветривания» [222]. Скучная книга. Для чего она написана? Чувствую, что я начну скоро падать

как геолог, ибо у меня нет ни полевых, ни книжных впечатлений. Тоска смертная! Унынье у меня опять большое, хотя я и не хотел бы ему поддаваться.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 27, 27 об.

110

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 2 июня 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

очень рад был получить Ваше письмо от 26.V, рад больше всего потому, что увидел, что Вы поправились.

Много передумал в последнее время и по поводу нашего с Вами спора, и по поводу моего самочувствия последнего времени и принял неожиданное решение: начал писать большую книгу на тему: «Реки в истории земного шара» [144]. Ведь есть уже моя книга «Реки и геосинклинали в истории Земли», о которой дал хороший отзыв В.А. Обручев и которая, может, лежит где-то в недрах Издательства Академии, а я решил ее начать с начала. При этом без упора на геосинклинали (Ваше влияние!), так что это слово из заглавия выпало. Когда я задумал это, я все думал о том, как Вы два раза написали свое «Живое вещество»¹, и решил, что я точно так же два раза напишу свои «Реки». Сейчас с большим подъемом я взялся за дело и меня в этом поддер-жало еще и Ваше письмо о том, чтобы дела не бросать.

С большим удовольствием прочел второй выпуск «Истории природных вод» [21]. Завтра постараюсь успеть написать Вам некоторые мои замечания. Пока скажу только, что большое впечатление произвел на меня обзор литературы. Но об этом, повторяю, я напишу завтра. [...]

Вам большое спасибо за Ваше письмо, дорогой Владимир Иванович.

Привет большой Наталье Егоровне,

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 28.

¹ В 1916–1918 гг. на Украине (в Полтаве и Киеве) В.И. Вернадский начал писать большой труд «Об основных понятиях биогеохимии в связи с научным охватом природы», назвав его общим названием «Живое вещество». В 1919 г. ученый выехал из Киева по делам Украинской Академии наук в Ростов (подробнее см. в Предисловии), а затем в Ялту, в Симферополь. Начатая рукопись осталась в Киеве. Решив, что она пропала, В.И. Вернадский в Крыму начал книгу снова. В настоящее время остатки обоих вариантов: «киевский» и «крымский» – хранятся в Архиве АН СССР (ф. 518, оп. 1, д. 49).

[Ленинград,] 12 июня 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Мне кажется, я Вам очень – относительно скоро отвечаю на Ваши письма, кроме, правда, последних, которые получил почти все вместе, и отвечаю сейчас сразу.

Имейте в виду, что я все еще на положении полубольного. А затем, мы собираемся переселяться в Москву, и у меня масса дела, с которым совсем не справляюсь. [...]

Мы уезжаем в Москву 19-го – едем прямо в Узкое, где проведем месяц, а затем на три месяца едем за границу – вернемся уж в Москву в конце октября. Надеюсь, что не придется лечиться там, а удастся поработать¹. Хочу работать над книгой «Биогеохимическая энергия земной коры» [53] – здесь ничего не мог для нее сделать. Неужели Вам нельзя добиться, чтобы давать отзывы геологические *на месте*, а не по письменным отчетам. Ведь это совсем ясно, что всегда ошибка возможна больше, когда не видишь того, что оцениваешь. Вы могли бы подать об этом записку. Ведь это так ясно можно мотивировать. Дело от этого только выиграет. Я бы готов со своей стороны, если нужно, дать соответственный отзыв. Ведь у геолога есть «пластическое чувство» и книга не заменит природы. А между тем, общение с природой поддерживает дух. Из Узкого (Москва 17, Коньковское почтовое агенство 42, санаторий КСУ-Узкое) напишу – но может быть удастся и раньше, а потому пишу на всякий случай адрес. Нашу квартиру перевезут после нас. Пробовал, неудачно, созвониться с Вейнбергом. Я думаю он знает об условиях. Я все-таки отправляю Вам письмо это, потому что не мог написать Вам эти дни, хотя не созвонился с А.Д. Надо Вам добиться работы в природе.

Знаете ли Вы Ферсмана – второй том «Геохимии»? [238]. Я его еще не прочел, просматривал, начал читать второе издание первого. Как всегда, широта охвата ему мешает – но книга хорошая и много нового. Основное: в Космосе не химические элементы преобладают, и кристаллохимия не может играть такой роли, какую он ей придает. А.Е. слишком широко взял космическую сторону явлений, где эмпирическая основа слаба и ненадежна. Он все еще изменяет полученные результаты. Я лично думаю, что скачок из геохимии (даже главным образом земной коры) в космическую химию не может дать сейчас точных данных. Книга Полынова [222] очень схематична, но, мне кажется, полезная. Но где идет *выветривание*? Где те растворы, в которых оно совершается?

Ваш В. Вернадский

P.S. Очень сочувствую, что Вы будете писать снова о реках. Я думаю, что в спешном печатании большой проблемы есть всегда опасная сторона. Не думаете ли Вы, что *реки* не являются главным создателем терригенных образований суши? И что реки концов и начал ледниковых периодов были в значительной мере «озерами»? Очень странное впечатление производят флю-

виогляциальные отложения Сибири. «Озерный» период перед движущимся и отходящим ледником морфологически господствует? И нет сейчас аналогии, так как Гренландия и Антарктика не имеют свободных просторов суши? Была Анна Дмитриевна. Она переносит все удары сильно и хорошо.

Разбираться, как не исполнило Ваше начальство свое обещание и кто виновен не стоит – надо принять факт и извлечь лучшее. Но добейтесь или добивайтесь общения с природой. Это по-моему интерес и того дела, которое ведет Ваше начальство.

О [Вейнберге] и гляциологии еще напишу. Эти два абзаца написаны на 1-й странице письма (74 с.) в левом верхнем углу, наискось.

В.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 74, 74 об.

¹ С 20 июня по 20 июля Вернадские жили в Узком. Затем, в начале августа, выехали в Прагу для свидания с дочерью и ее семьей, с 16 августа по 8 сентября прошли курс лечения в Карлсбаде; с 9 сентября по 24 октября снова жили в Праге. С 24 октября по 4 ноября В.И. Вернадский выезжал в Париж для работы в библиотеках, затем, через Прагу, к 20 ноября Вернадские вернулись в Москву, на новую квартиру.

112

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 26 июня 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Пишу Вам несколько слов. Приехали 20-го в Узкое, где пробудем до 20.VII. Затем дней 5 в Москве и выедем за границу, прежде всего в Прагу. Стремимся к внучке. Вернемся через три месяца в Москву, в конце октября (Москва, Дурновский переулок, д. 16, Собачья площадка).

Нам обоим надо отдохнуть, мне после моей неожиданной болезни – не мучительной – но неприятной, так как оказалось новое изношенное место в организме (что при 72 годах естественно), а Наталья Егоровна должна хорошо отдохнуть перед дорогой и после волнений из-за меня. Вещи должны быть отправлены сегодня-завтра, и Прасковья Кирилловна¹ придет, пока они идут. Квартиру теперь не видал. Говорят, готова. Хорошая. А.Д. видел в день отъезда. Она молодцом. Здесь встретил людей бывших в Вашем положении даже худшем. Должны – для пользы дела – дать Вам возможность геологической полевой работы. А это даст Вам опору в природе.

Пишу несколько слов, чтобы не пропустить почту (раз в день; в «воскресный» нет), и напишу на днях.

Ваш В. Вернадский

P.S. Наталья Егоровна шлет сердечный привет.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 75, 75 об.

¹ П.К. Казакова.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 27 июня 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Ваше письмо от 12.VI я получил только на шестой день – 18-го. Горячо Вас благодарю. Как сейчас Ваше здоровье, и что же сказали Вам вообще врачи? Меня очень волнует и беспокоит это. Радуюсь за Вас, что сейчас отдыхаете, еще больше радуюсь тому, что Вы за границу едете. Огорчает меня только одно: когда Вы будете за границей мне нельзя будет непосредственно получить от Вас письма. Я Вас очень прошу, если Вы захотите помнить обо мне, посылать письма *мне* на адрес моей жены, чтобы она их мне пересылала.

Условия моей здесь работы остаются теми же и неудовлетворенность прежняя.

О реках пишу, пишу неутомимо и успел написать очень много уже. Никак не могу согласиться с Вами, что реки ледниковых периодов были озерами. Отнюдь нет. Это были совершенно своеобразные явления *suí generis*¹. Эти явления сопровождали начало и максимум ледникового периода, «озерность» же совпадала с концом этих периодов. В своей работе я объясняю, что эти явления полесского типа только и можно понять на фоне *движения* реки, закона Бэра; озера этого для своего толкования совсем не требуют. Это – совсем разные явления. То, что Вы называете замиранием ледникового периода, сопровождалось озерами, мои полесья к этой фазе замирания не относятся. Поэтому я считаю, что я и Кропоткин описывали не одно и то же явление, а совсем разные: у меня имеется в виду явление самой фазы оледенения, у Кропоткина – фазы замирания. Я очень возражаю против трактовки этих моментов в Вашей книге.

[...]

Большой мой привет Вам и Наталье Егоровне. Отдыхайте хорошенько.

Ваш Б. Личков

P.S. Читали ли Вы в 4-м номере «Природы» за этот год мою статью о морских течениях прошлого Земли [140]?

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 28, 28 об.

¹ Себя производящие (лат.).

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Дмитров,] 5 июля 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

несколько дней я провел в очень большом беспокойстве, так как не получал известий от своей семьи, и в это время только Ваши два письма меня поддерживали: в них было упоминание, что Вы видели Нюсю. Оказалось потом, что и жена, и девочки переболели жестоким гриппом, так что и волновался я, пожалуй, не зря. Очень грустно мне все-таки, что Вы покинули Ленинград, хотя,

казалось бы, это должно быть мне безразлично, ибо и меня самого связывает теперь с этим городом лишь то, что там живет моя семья.

От Вас я получил из Узкого на днях письмо, помеченное 21.VI, а дня за два до этого послал Вам свое. Получили ли Вы его? Я только что получил от жены и девочек письмо и настроение мое приподнялось, а то было довольно минорное.

Ваш второй выпуск «Истории природных вод» [21] прочел с большим удовольствием. В особенности много мне дала глава «Эволюция представлений о химии природных вод и пр.». Этот обзор прямо подавляет насыщенностью своего содержания. Такое же впечатление, кстати сказать, дает и аналогичный обзор в «Очерках геохимии». Очень интересен был для меня дальше раздел пресных вод. Много в нем хорошо мне знакомого из бесед с Вами, но много и такого, что я от Вас слышу впервые. О молодости озер (на стр. 332), о незначительности массы их вод по сравнению с реками. А рядом с этим, в общем, известные мне, но все же чрезвычайно для меня интересные мысли о геохорах и зональности вод, роли базиса эрозии, о том, что современная эпоха есть часть ледникового периода, и т.п. Масса для меня глубоко близкого, родного, своего. Жду с нетерпением следующих частей.

Против некоторых частных я решительно возражаю. Вот, против стр. 333. Кропоткин действительно в своей концепции озерного периода говорит о явлениях фазы *замирания* ледника, но мои аллювиальные равнины ничего общего с озерами не имеют и относятся к *расцвету* ледника. Это очень важно отметить. Различны они и по геоморфологии.

Но, вообще, я Вашу эту вторую часть долго еще буду изучать и перечитывать.

Очень радуюсь, что Вы будете отдыхать¹, и желаю отдохнуть хорошенько. Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 29, 29 об.

¹ См. комментарий 1 к письму 111.

115

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 17, Коньковское почт. отд. 42,
Санаторий КСУ, Узкое, 7 июля 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Вскоре после отправки моего письма получил Ваше.

Как я Вам писал, мы окончательно переехали в Москву. На квартире – Прасковья Кирилловна¹ – вещи еще не разложены. Квартира хорошая.

Мне казалось, что я послал А.Ф. Лебедеву свою Историю природных вод. Если узнаете – напишите. Третий выпуск – что-то не высылают корректуру. Я вижу много неточностей в моей книге, но я думаю, что общий охват верен. Выяснилось, что первый выпуск совсем распродан. После выхода третьего, может быть, в этом году (не думаю, судя по медленности печатания) надо будет подготовить второе издание первого тома; может быть, внесу в него и литературу и переработаю более основательно.

Мне хочется продолжить разговор с Вами о реках. Раз Вы признаете, что реки предледникового и ледникового периодов, связанные с ледниковыми покровами, образования *sui generis*² – сейчас у нас отсутствующие (я с этим согласен), то едва ли можно приводить их как пример органогенного значения рек. Озера, болота и т.п. здесь должны быть максимально развиты, и здесь должно быть создание живого вещества и условия, препятствующие его сгоранию и газовому разложению и образованию биогенных пород. Для современных рек – и для всех неледниковых периодов – влияние так называемых биогенных процессов в основном может быть только механическое скопление переносом остатков организмов. Этот случай есть – но ничтожно малый сравнительно для всех нефтяных и угольных месторождений. Мне все же кажется, что Вы не учитываете, что биогенная энергия на месте ее действия дает – при условии сохранения ее продуктов (видим в торфяниках, болотах и т.д.) – эффект не сравнимый ни с каким механическим процессом. Речной бассейн не область ее проявления.

А главное, я не принимаю, т.е. не вижу фактов, подтверждающих пластичность земной коры при отложении осадков сверху.

Конечно, советы давать легко. И все же скажу. Но, дорогой Борис Леонидович, как Вы можете предполагать, что Ваша семья Вас забывает, и когда Вы не получаете писем. Это значит, что Вас забыли и не пишут. Право, грешно по отношению к А.Д. Она к Вам приедет. Мы имели здесь очень милое письмо Олечки. У Вас впереди вся жизнь и это не мое слово утешения. То, что переживается как ни тяжело – преходяще.

Уезжаем между 22–25.VII, если не будет никакой задержки. Пишите ответственно на мой московский адрес. Дурновский пер., д. 16. Будут пересылать всю мою корреспонденцию. Буду Вам писать через Москву же, или Анну Дмитриевну.

«Природу», 4-й, беру в дорогу [140].

Ваш В. Вернадский

P.S. Добивайтесь полевой геологической работы – это и для Вас важно и этого требует польза дела.

АРАН. ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 76, 76 об.

¹ П.К. Казакова.

² Себя производящие (лат.).

Дорогой Владимир Иванович,

это письмо я посылаю на Ваш московский адрес, а так как Вы, очевидно, уехали уже из дома отдыха, то письмо мое, очевидно, поедет куда-то догонять Вас. Я не могу не поделиться с Вами моей радостью: завтра я жду к себе жену. Выразить не могу того глубокого волнения, в котором я нахожусь по этому поводу... Няня пробудет у меня недели две.

Когда она будет уезжать, надо будет начать хлопоты о том, чтобы ей позволили служить, а то сейчас вся моя семья держится только поддержкой моей сестры, которая один из своих двух заработков целиком отдает моей семье.

Получил я на днях письмо из Киева от Н.Д. Василенко. Пишет о Николае Прокофьевиче, что он пережил жестокую малярию, при которой температура у него поднималась до 40,6°. Сейчас они живут в доме отдыха в Преображении. Руки его дрожат, как пишет его жена, очень сильно, и писать ему трудно.

Моя служебная работа – в прежнем положении. Работаю мало. Но все же некоторые симптомы изменения положения хотя бы в отношении обработки материалов намечаются. В природу же продолжают не пускать и надежды на улучшение положения в этом отношении нет. Для себя я продолжаю работать, хотя это не так легко в условиях отсутствия литературы. «Реками» продолжаю заниматься. Книгу можно считать в основных чертах законченной. В ней 455 страниц, и она разделяется на такие четыре раздела: I. О континентальных и речных отложениях. II. Реки и суша. III. Реки и океан. IV. Реки и закономерности развития лика земного шара. Первые три раздела закончены почти вполне, последний придется дорабатывать, когда доберусь до новой литературы, а пока я набросал только общие контуры.

Занимаюсь сейчас понемножку проблемами так называемой инженерной геологии. Считаю, что это – совсем не геология, а особая дисциплина, которую следует называть или геотехникой, или грунтоведением. С интересом познакомился с книгой Терцаги «Инженерная геология» [232]. Для геолога книга, как мне кажется, очень интересна и поучительная, но это – не геология. Знакомство вообще со всей инженерно-геологической литературой детально поучительно. Это все очень близко к геологии, но не геология.

Шлю большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 30, 31.

117

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 60, Дурновский пер., 1б, кв. 2.
29 июля 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Не отвечал на несколько Ваших писем, правда, полученных почти одновременно. Переезжали из Узкого, сюда приехали 27-го вечером. Вчера весь день в хлопотах и видел массу людей. Распоряжение есть, а паспорта все нет. Приходится выяснять и хлопотать – обычное дело¹.

Спешно кончал в Узком подготовку прошедшей цензуру рукописи моих Биогеохимических очерков [60], которые, наконец, появятся – обещают печатать – с осени. Я добиваюсь этого с 1929 года. Кажется, сейчас книга выйдет. С ней было довольно много работы. Я сделал для этих 20 статей ряд примечаний и свел к уровню 35 года.

Теперь хочу ответить на Ваши письма (три) от 11–18.VII. Надеюсь, уже А.Д.² теперь с Вами. Я, чем более думаю, тем более убеждаюсь, что реки в создании каустобиолитов играют не первостепенную роль. В том, что они имеют значение в этом процессе, я никогда не отрицал и не отрицаю. Для углей мы имеем, как я и указывал, и дельтовые образования, и речной перенос. Ведь вопрос об *основном* значении рек. Этого я в фактах не вижу. А затем, я считаю чрезвычайно мало вероятной ту пластичность земной коры: изгибы или опускания под влиянием осадков (будет ли это легкий лед или тяжелые силикаты и алюмосиликаты). *Геологические данные* бессильны здесь убедить и решить дело: необходим геофизический анализ, который, мне кажется, этому вполне противоречит, хотя геологи часто с этим не считаются. Если для Вашей темы необходимо это следствие, Вы должны охватить геофизические представления и их подвергнуть критике. Ведь геологические доказательства, и геоморфологические особенно, всегда могут быть объяснены иначе. Это возражение надо опровергнуть иначе: или доказать его неверность, или доказать *возможность* предполагаемого геофизического процесса. Вы приводите Донецкий бассейн – но новые исследователи (П.И. Степанов) держатся, сколько могу разобраться, совсем другого представления: озеро – болото. Опускание эпохи визейской и т.д. карбона, очевидно, факт (я не знаю этих явлений), но причина их должна быть *возможная*. Погружение может происходить и от других причин.

Я думаю, что Вы никак не можете избежать этого возражения и создать благоприятную почву для Вашего геоморфологического вывода, пока не докажете *возможность* Вашей гипотетической причины опускания.

Мне кажется, причины опусканий иные, не связаны с поверхностью планеты, и они определяют соответственно и режим рек. Для 2-й части моей «Истории природных вод» [21] я надеюсь критически углубиться в эту область знания. Сейчас совсем не могу этим заняться – но общее мое впечатление о сомнительности предполагаемого возможным явления у меня все укрепляется.

Я считаю, как Вам писал, что для пользы дела и для правильной работы геолога *необходимо*, чтобы ответственный геолог мог быть в поле: он не может давать решения на основании данных, которые он не проверил и не понял *de visu*³. А в то же время и для него самого общение с природой даст силу и нужное спокойствие. Я надеюсь, это удастся устроить.

Еще раз к Вашим «рекам». Вы считаете необходимым связать их с недоказанным (в лучшем случае) геофизическим основанием, то есть пластичностью среды от наземной нагрузки? Или то же самое будет, когда выдвинутся реки в областях геологических опусканий?

Надеюсь скоро уехать⁴; если еще застряну, пришлю еще письмо. Пишите по московскому адресу.

Ваш В. Вернадский

P.S. Посылаю два отиска моей статьи – один дайте Дм. Влад. Соколову.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 77, 78.

¹ О поездке за границу.

² А.Д. Личкова.

³ Зрительно (лат.).

⁴ См. комментарий 1 к письму 111.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 10 августа 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я все еще сижу здесь, ожидая паспортов. Надеюсь, скоро их получу. Пишу Вам несколько слов – надеюсь, у Вас Анна Дмитриевна. Я сердечно рад, что Вы свиделись.

Сижу здесь, разбираю свою библиотеку, немного привожу ее в порядок – но много заниматься этим не могу – хотя библиотека моя – остатки – но все же¹. Редактирую том работ Лаборатории и к статье одной из сотрудниц о титане в организмах [203] написал небольшую статью о титане в биосфере [69]. В общем, *mettre les points sur i*²; геохимия титана, несмотря на огромное его явное значение, и физиологическое, и геохимическое, – *tabula rasa*³. Даже основные явления едва затронуты. А между тем в истории Земли и выветривания очень важная черта.

И биологи, и минералоги только что начинают разбираться.

Главных минералов в биосфере – очень обычных в глинах, почвах и т.п. ксантитанов (аналоги каолинам – $p \text{ TiO}_2 q \text{ Al}_2\text{O}_3 r \text{ H}_2\text{O}$) и лейкоксенов (аналоги опалам – $p \text{ TiO}_2 q \text{ H}_2\text{O}$) – я никогда не видал, и они пропущены в новейших минералогиях.

А значение их [в организмах. – *Ред.*] только что вскрывается. Выясняется концентрация ими титана в биосфере.

Очевидно, я вернусь в Москву поздно, в середине ноября. Это ломает все мои расчеты – но я не возьму ни одного дня из моей работы. Думаю – и вижу, что дальнейшее откладывание вредно – много думаю над книгой жизни моей: «Биогеохимическая энергия Земли» [53]. Буду ее писать сейчас же по приезде в Прагу: надо для этой части работы некоторое спокойствие.

Перед отъездом еще напишу.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 79, 79 об.

¹ В течение жизни В.И. Вернадский несколько раз передавал книги своих личных собраний в библиотеки академических учреждений.

² Поставить точки над «и» (фр.).

³ Чистый лист (лат.).

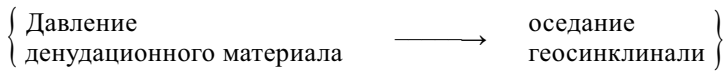
В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 14 сентября 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

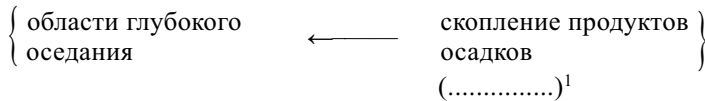
Пишу Вам на Ваш новый адрес. Очень рад, что Вы сможете быть среди природы – в полевой работе. Нельзя геологу работать только книжно, без исследований – до окончательного выражения сложившейся концепции.

Очень рад, что Вы закончили Вашу книгу, и думаю, что она будет *чрезвычайно интересна*, но не основной Ваш вывод.



мне представляется мало вероятным, пока Вы вычислением не докажете обратного. Вам нельзя избежать углубления в геофизические данные.

Возможно и другое представление:



Я все больше склоняюсь, что для областей глубинного оседания огромную роль играют газовые явления земных глубин (в пределах земной коры, т.е. 60 км).

Поверхностная, по сути дела, геоморфология не может доказать глубинного явления, и, пока Вы не докажете *возможность* того большого явления пластичности, какое Вы предполагаете, весь Ваш такой эмпирический материал, сколько бы Вы его ни собрали, не увеличит достоверность Вашего вывода.

Кстати, я очень часто углубляюсь в значение газовых явлений (фазовых превращений) в больших геологических явлениях – но едва ли скоро буду иметь возможность свести свои мысли в работе «О газовом режиме Земли». Мне кажется, надо учитывать изменение *газового состава магм*. Этим путем может резко происходить изменение удельного веса огромных участков суши, так как изменение в немного процентов объема, занятого газами, сильно меняет удельный вес тела: захват 10% объема водяным паром магмы удельного веса 3 даст тело удельного веса 2,33, а магмы – уд. в. 4 даст тело уд. в. около 3. Отрицательные аномалии тяжести (под горами) могут, мне кажется, указывать на эти явления...² Я послал сейчас в печать в Известия АН статью о пределах биосферы и об организации работы по определению ее химического состава [59]. Сейчас хочу закончить «Введение в минералогию силикатов и алюмосиликатов» [10]. Приходится лечиться, и моя командировка благодаря этому очень пострадала. Главным образом аортит и сердце, а затем печень. Я примирился с этой необходимостью. Очень страдает от этого «Биогеохимическая энергия Земли» [53]. Вы правы – это одна часть – главная – той большой работы над живым веществом, которую я начал в Шишаках в 1916 г. и вел все время. Но, в общем, все это части одного и того же единого, над которым работаю всю жизнь.

Я очень рад, что Вы захватите проблему Волги, – мне кажется, охват двух таких больших рек, как Днепр и Волга, должен Вам дать очень много – так сказывается, что они морфологически относятся к областям, мне кажется (но, может, быть, я ошибаюсь), по существу различным. Волга – бессточная область: река континента, а Днепр входит в равновесие

Суша \rightleftharpoons океан, хотя и заторможено.

Очень интересно то, что Вы пишете о соляных скоплениях. Это как раз связано с вопросом о *бессточных областях*. С интересом буду ждать результатов. То, что Вы пишете, мне представляется верным, но масштаб явления недостаточен, мне кажется, для возможности оседания под влиянием тяжести осадков. Мне кажется, необходим (и возможен) здесь *количественный* подход.

Думая об этих проблемах, я все более убеждаюсь, что геолог сейчас должен количественно учесть основные геофизические данные: глубже 60 км (на суше) все наши представления о фазах вещества исчезают, но насколько это может отражаться на рельефе поверхности? Для меня даже неясен основной вопрос: есть ли изменения большого порядка глубже этой глубины, где твердое – жидкое–твердое сливается и, вероятно, царит однородное холодное особое состояние вещества, недвижимое сотни миллионов лет³.

Всего лучшего, его в известной большой доле можно иметь и в тех тяжелых условиях, в каких Вам приходится жить.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 80, 81 об.

¹ Здесь не разобраны два слова.

² Эти идеи В.И. Вернадского в дальнейшем не развивались.

³ Это может иметь место для существенно больших глубин (300–500 км) мантии Земли.

120

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 5 октября 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Никогда не думайте, что Вас забывают, если долго не получаете известий, а то Вы и Анну Дмитриевну и меня заподозреваете совсем неправильно. Я послал предыдущее письмо по другому адресу, который Вы прислали. Теперь пишу на Болтино...

Я писал Вам, что считаю Ваши соображения о соляных куполах очень интересными и идею – научно плодотворной. Это как раз одно из тех поверхностных явлений, которое геоморфолог может выделить и в котором он не выходит за пределы своей области.

Я Аргана не читал и знаю о его работах со стороны – эти все геотектонические концепции стоят – пока это считаю допустимым – в стороне от моего кругозора. Слежу за ними только постольку, чтобы понимать современных геологов.

Я очень рад, что Вы в общении с природой и берете вторую большую реку в настоящем геологическом охвате. Очень бы я хотел, чтобы Вы настоящим критическим образом ознакомились с геофизикой: это вполне возможно в Ваших условиях. Можно достать и русские переводы. Мне кажется, для Вашей мысли критически переработать их указания очень важно. Математику тут надо понять в основе – а не технику выкладок.

Я, помимо силикатов и алюмосиликатов, введение к которым пишу немного, опять невольно сталкиваюсь с проблемами газового режима Земли. Как мы здесь мало знаем!

Главное же лечусь и веду соответственный образ жизни.

Чувствую себя хорошо. На днях узнаем, что решат врачи.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 82, 82 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Болтино,] 3 ноября 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях получил из Киева от своего отца грустное известие – сообщение о смерти Николая Прокофьевича Василенко. Надо было давно ожидать этого события или по крайней мере быть к нему готовым, а все-таки у меня как-то была надежда на улучшение его здоровья. Жаль милого симпатичного Николая Прокофьевича, всегда полного интересов жизни, и так не хочется верить, что его уже нет. [...]

Как Ваше здоровье, дорогой Владимир Иванович, и что сказали Вам врачи? Я продолжаю работать над Волгой и вижу очень много интересного. Думаю, что мое пребывание здесь не будет бесплодно. Работа у меня интересная, проявить в ней инициативу могу и научиться на ней многому тоже могу; бытовые условия не плохие. Страдаю только без книг. [...]

Получаете ли Вы мои письма? Я писал Вам, что у меня настроение твердое и уверенное и что я *себя* считаю сейчас хозяином своей судьбы.

Передайте большой привет мой Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 32.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Болтино,] 14 ноября 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

как Ваше здоровье, и что сказали врачи? Вы как-то писали, что врачи на днях должны сказать свое слово, а после того я от Вас больше писем не имел. Я не имею представления о том, удалось ли Вам и Наталье Егоровне видеть Ваших дочку и внучку?

Получили ли Вы мое письмо, где я писал Вам о смерти Николая Прокофьевича? А теперь еще одна утрата в Киеве – умер А.В. Фомин. С моей точки зрения эти потери несравнимы. Н.П. Василенко и большой человек и большой общественный деятель. Фомин же много мелче. Ученый он был не очень даровитый, а человек, что называется, со всячинкой. Николай Прокофьевич же был редкостно хороший, умный и интересный человек.

Под моим научным руководством идут сейчас большие бурения около Рыбинска на Шексне и Волге под плотину и шлюз. Вероятно, они будут продолжаться всю зиму, а с лета начнутся работы по изучению подпора вод будущего колоссального водохранилища. Сейчас наступил уже сезон, когда приходится заниматься только бурением. Все же я собираюсь сегодня проехать по Шексне километров 30 вверх, посмотреть месторождения валунов для строительства.

Зимой думаю заняться просмотром образцов перми и триаса из наших скважин. Очень интересует меня генезис этих пород. Мощная (более 150 м) толща разнообразных мергелистых глин и континентальных. Фауна только позвоночная, микрофауны нет вовсе. Вот интересный объект изучения, логически вытекающий из моих предыдущих работ. Но как изучать буду этот объект, не знаю. Микроскоп бы! А его нет. Должен сказать, что вообще давно уже интерес к перми у меня большой. Надо поэтому как-то работу по изучению ее организовать.

В смысле четвертичной геоморфологии передо мною – Полесье. Это область, которой занимались еще С.П. Никитин и В.В. Докучаев. Но после них уже можно сказать много нового. Прежде всего технически мы влезает в кору земную глубже, чем могли они. Поэтому перед нами стоят совсем новые проблемы, которых они не видели. Однако многие и их проблемы продолжают перед нами стоять. Вопрос о Природе Молого-Шекснинского Междуречья один из таких вопросов. На Молого-Шекснинском Междуречье ведь больше всего создалась знаменитая теория Докучаева о способах образований речных долин. Интересная, красивая теория. Много из нее имеет значение и сейчас. Но в основном толковании явлений, конечно, прав не Докучаев, а Никитин, который эту теорию критиковал и руководящую роль здесь приписывал не озеру и не озерности, а работе текучей воды – рек. Это представление в более общем широком масштабе встает сейчас и возобновляется в моих работах.

Недавно прочел второй выпуск «Проблем физической географии» и там статью А.А. Григорьева «В поисках закономерностей морфологической структуры» [192] и пр. Эту статью Вы знаете. Тусклая она какая-то, и много в ней очень спорного. Почему он границу материка и океана проводит через глубины 2500–3000 м? Это совершенно произвольно. Почему область южно-европейских *гор* им причисляется к срединному поясу низменностей и впадин материка Старого Света?

Всего хорошего. Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 33, 34.

123

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 21 ноября 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень рад письмам от Вас, второе получил сегодня. [...]

Очень тяжело известие о смерти Николая Прокофьевича. Так мне и не удалось увидеть его. В моем возрасте это становится все чаще. Я узнал об этом случайно, в Праге, незадолго до отъезда: собирался писать ему. А в Москве нашел письма Ваше и Натальи Дмитриевны¹.

За три месяца ряд смертей близких людей – Н. Пр., Мензбир, Сильвен Леви, М.Ф. Иванов, А.В. Фомин. В мои годы смотришь на это, как на не-

избежное, – невольно думаешь и ждешь, кто следующий? Я очень хорошо относился к Фомину, но такой близости, какая у меня была с Ник. Прок., с Фоминым у меня не было. Но это был человек, много сделавший в своей определенной научной области и оставивший прочный след в науке. Я придаю основное значение точным работам по систематике, особенно тем, большим по объему критическим сводкам по оригиналам, которые вел и дал нам А.В. Иногда мне кажется, что они имеют большее значение, чем обобщающие работы, более общеинтересные. [...]

Сегодня был в первый раз в лаборатории. Только вхожу в ту работу, которая ведется, – очевидно, придется неделю – а если буду там только по утрам, то много больше, – на это потратить времени.

Я это время больше всего вдумывался в силикаты и алюмосиликаты и окончил свое введение, которое послал в Ленинград. Сейчас хочу набросать небольшой очерк – французскую статью для «Scientia» – «Les idées dirigeantes de la biogéochimie» [62], которую обдумал, но написать не успел.

Для статьи о биогеохимии – основной – очень мало сделал.

Скоро напишу. Сейчас масса срочных писем.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 83, 83 об.

¹ Н.Д. Василенко.

124

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 24 ноября 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

последнее письмо от Вас было с пометкой 5.X, а сейчас уже на исходе ноябрь. Меня беспокоит уже Ваше молчание. Здоровы ли Вы и Наталья Егоровна? В последнем письме Вы писали о том, что чувствуете себя хорошо, но говорили, что на днях должно быть решение врачей. После этого я Вам писал два раза, но от Вас ответа не было.

Писал я Вам о смерти Николая Прокофьевича Василенко и Фомина. Наверное и без меня Вы знаете уже об этих потерях.

Вы очень советуете критическим образом пересмотреть современные построения геофизики. Но у меня ведь никакого материала нет для этого. Хотя бы была, например, прошлогодняя книжка Архангельского о геологии и гравиметрии. Если бы я был в другом положении по отношению к книгам, я очень не прочь был бы после наших с Вами споров пересмотреть этот вопрос.

Еще очень влечет меня сейчас в сторону освещения проблемы выветривания. Очень здоровой является, по-моему, идея Полюнова Б.Б. [222] о двух формах коры выветривания – остаточной и аккумулятивной. Вот эта аккумулятивная кора выветривания до сих пор, по-моему, пропускалась. Мне очень хотелось в связи с этим вопросом кое-что пересмотреть из литературы, в частности статьи Архангельского с сотрудниками об отложениях, остающихся после ухода моря, но у меня нет Известий Академии наук за последние

годы. Хотелось бы мне еще очень восстановить в своей памяти, *что* писали С.Н. Виноградский и В.Л. Омелянский на рубеже прошлого столетия по вопросу о почвообразовании и соленакоплении в пустынях (роль растительности), но нужных мне справок навести не могу. Чувствую себя в тупике полном. Приходится и эту тему на время откладывать.

Недавно с большим интересом и удовольствием совершил небольшую экскурсию в районе тракта между Рыбинском и Пошехоньем. Несмотря на мороз в 12°, побродить там было три дня очень интересно, а сейчас опять засел за кабинетную работу и, видимо, уже на всю зиму: по рекам идет лед.

Сейчас читаю с большим интересом «Русские ночи» Одоевского [219]. До сих пор в подлиннике я их не знал.

Несколько дней назад вторично написал свой отчет по Средней Азии. Моя семья должна получить за него в Гидрологическом институте деньги. Я буду очень рад, когда это осуществится.

Всего хорошего. Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 35, 36.

125

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 17 декабря 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я только что получил Ваше письмо, помеченное 21/XI, персланное мне женой. Из ее сообщения я узнал, что до этого Вы мне послали два письма. Очевидно, я их не получил.

Последние две недели я просидел сам и продержал своих помощников на работе, которую мы провели с большим напряжением сил. Это работа по составлению эскизного проекта Рыбинских гидросооружений. К этому эскизному проекту я составил в сфере его геологического обоснования большую и обстоятельную записку по собранному в течение четырех месяцев работы материалу. Записка получилась очень интересная, и много вошло в нее совсем новых и неожиданных геологических фактов. О них мне непременно хочется рассказать Вам, и в ближайшее время это я сделаю. Напишу и о планах на будущее. Положение свое я оцениваю очень оптимистично. Может быть, это и неправильно, но интуиция мне говорит именно это. Чрезвычайно страдаю без книг. Если бы они были, я бы развернул большую работу. О планах ее я Вам на днях напишу. Ужасно рад, что я вновь обрел Вас и что беспокойства мои были неосновательны.

Скоро напишу. Сейчас очень срочные дела. Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Адрес мой: с. Переборы, около Рыбинска, Болтинское почтовое отделение, 15 Геологоразведочная партия, старшему геологу Б.Л.Л.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 979, л. 37.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, Дурновский, 16, кв. 2. 17 декабря 1935 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Давно не писал Вам, так как совершенно завален работой и только на днях получил от Анны Дмитриевны Ваш адрес: не записал своевременно. Мое одно письмо переслала Вам Анна Дмитриевна.

Вчера наконец послал к сверстыванию последние корректуры моей «Истории природных вод» – 3-го выпуска [21]. Первый том кончен; детище нужное, но очень отражающее все трудности проведения такой работы «между делом». Надеюсь прежде второго тома издать второе, улучшенное, издание Истории природных вод – русское и французское¹. Наталья Егоровна переводит.

Я до сих пор – скоро месяц, как вернулся – совершенно не разобрался с массой накопившегося дела. Переехали мы сюда и разместились здесь: лично я – хорошо, лаборатория – лучше, чем раньше. К удивлению, в Москве гораздо больше близких людей, чем в Ленинграде: правда, к старым москвичам (до 1911) прибавились и новые круги с переездом Академии наук.

Я очень рад, что Вы очень хорошо работаете и находитесь в контакте с природой. Несмотря на тяжесть Вашего положения, я глубоко убежден, что оно преходящее, и Вы увидите лучшие дни. И из писем вижу, что Вы стоите на пути хорошем и прочном, и задачу решите.

Смерть Николая Прокофьевича меня очень тяжело поразила. Эти три месяца, что я пробыл за границей, сопровождалась смертью 7 близких и дорогих мне лиц, моих сверстников и моложе; как-то не замечаешь быстрой смены окружающих. Невольно это выясняется сейчас для меня ярко.

Очень рад был бы помочь Вам книгами. Можно ли Вам присылать книги так, чтобы они были возвращены? Что Вам нужно по геофизике? Можно ли Вам высылать книги из библиотек? Книжку Архангельского, думаю, найду и вышлю (нашел – книжка моя, можете не возвращать).

Я сейчас хочу свести свои соображения о газовом строе Земли, и мне, так же как Вам, надо быть в курсе геофизики. В книжке Архангельского есть интересное, но думаю, что он себя вполне дома здесь не чувствует. Между прочим, достаточно прибавить по объему несколько процентов воды в глубинные породы, чтобы резко уменьшить их удельный вес (получить отрицательные аномалии тяжести), и в гравитационных проявлениях мы должны видеть данные о распределении газов в верхней части земной коры. Я хочу сделать доклад в общем собрании Общества испытателей природы. Было бы важно Вам получить право получать литературу из государственных библиотек. Можно ли это устроить по Вашим правилам? Я наведу справки и постараюсь выяснить.

Все эти дни посвящаю приведению в порядок своей переписки – Вам письмо одно из первых. Наталья Егоровна шлет Вам дружеский привет.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 84, 84 об.

¹ Французского издания не было.

[Переборы,] 28 декабря 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович,

[...] Я только что получил Ваше письмо и книжку Архангельского [172] от Вас. С этой книжкой мне давно хотелось познакомиться, но я лишь очень краткое время видел ее прошлым летом в Ташкенте. Очень Вас и за письмо, и за книжку благодарю. На книжку наброшусь с жадностью, ибо литературы мне не то что не хватает, а просто нет ее и не за что уцепиться работе мысли. [...]

Не сердитесь на меня, дорогой Владимир Иванович, что одновременно с этим письмом я Вам посылаю свою статью о соли. Вы ее осудите, быть может, за то, что это – слишком отвлеченно. Но выходит так, что это – первая глава. А вторая глава пишется, пишется интенсивно, но будет кончена тогда, когда я кончу разведку под Рыбинские гидросооружения; вторая глава, таким образом, будет состоять из моего целиком нового материала. Я устанавливаю на территории Русской платформы новый тектонический элемент – Рыбинское поднятие, где пермо-триас поддается до уровня 70–80 м, тогда как рядом, в тектонических впадинах, он опускается очень низко. В рельефе это поднятие сейчас никак не выражено, никаких гор тут нет. Зато вдоль всей линии поднятия, от района Кашинских минеральных вод через Рыбинск до Пошехонья, выходы соленых вод. Раньше, когда лес был дешевле, т.е. когда его было больше здесь, соль добывали испарением этих вод. А вот параллельно Рыбинскому поднятию проходит Ростовский вал, известный в литературе. В нем тоже есть выходы соленых вод (д. Троица, Ворница и др.). Этот вал проходит, по моему убеждению, на Кострому, но некоторые тянут его через Ярославль и рассматривают как образование, связанное со Солигаличским поднятием или Солигаличскими куполами. Опять, как видите, соль! Все эти элементы тектоники нанесены мною на карту, и я ясно вижу на карте, что это – разрозненные штрихи каких-то мелких поднятий в пределах Каменноугольной мульды, которую я очертил в своей работе горизонталями. [...]

С увлечением большим работал над геоморфологией Молого-Шекснинского междуречья и переживал спор Никитина и Докучаева. Но Докучаева я переживал по памяти, а Никитина все-таки удалось достать. Очень интересен Докучаев («Способы образования речных долин» [196]. Эту книгу я имею в виду, и ее именно мне не хватает), но прав в споре все-таки Никитин. У Никитина есть перлы, а в целом он безнадежно устарел: говорит, например, что Малое Шекснинское междуречье – местность непригодная для геологических наблюдений. С современной точки зрения это ересь, ибо данная местность захватывающе интересна для геоморфолога! Очень мне хотелось бы перечитать сейчас «Способы образования долин» Докучаева и работу Крылова «Геология Ярославской губернии» (1871 или 72 года издания) [209].

Я схватил схему террас Волги от Твери до Костромы и даже Нижнего. Не хватает лишь кое-каких фактов для истолкования этой схемы.

Помимо иных проблем, занимает меня сейчас очень проблема песков и глин в аспекте инженерно-геологическом. Мы ставим наши сооружения на глине пермо-триаса, и поэтому для нас сейчас важна проблема связности этих глин, сцепления в них. Авторитет в инженерной геологии – Терцаги [232]

говорит: «если бы содержащаяся в глине капиллярная вода могла испаряться полностью, как испаряется капиллярная вода в песках, то пески, высохнув, потеряли бы связность». Связность глин он объясняет поверхностным натяжением, вызываемым *капиллярным давлением*. Вот эта теория капиллярного натяжения как причины сцепления глин меня как раз интересует. Она прочно сидит сейчас во всех инженерных головах. Мне же она кажется ложной. По инженерным представлениям, есть три типа грунтов: 1) пески с размером частиц больше тысячных долей мм, 2) глины – меньше тысячных долей и 3) тела твердые. Ну, так вот – капиллярное давление как причина сцепления. Не верю я этому! Очень хотелось бы мне сейчас Лебедева А.Ф. почитать, вникнуть в поглощающий комплекс Гедройца и вообще поискать, чтобы опровергнуть это, а у меня только второй том Ферсмана [238]. Очень интересует меня эта проблема. Рядом с нею другая, о которой я очень мечтаю. Огромная толща глин пермо-триаса, по которой у меня здесь колоссальный материал, крайне скудна данными по своей характеристике. По-моему, это – аллювиально-пролювиальная свита, но как доказать это? Фауна позвоночных бедна и редка, микрофауны никто еще не нашел. И вот мне чрезвычайно хотелось бы пересмотреть эту толщу под микроскопом, вернее, под микроскопами, и поляризационным, и биологическим, чтобы и минералы выделить (руководящие в смысле генезиса, как это сделано, например, Павлини для польского цехштейна), и микрофауну посмотреть. Но микроскопа нет. Я написал об этом записку докладную главному инженеру, но дадут ли микроскоп, не знаю. Ужасно интересует меня эта толща, немая для геолога, но много говорящая *in spē*¹ мне. Но как к ней подойти? Ломаю голову, а кроме микроскопа ничего не придумую.

Не посоветуете ли что-нибудь? А что Вы думаете о капиллярном давлении и воде как причине сцепления? [...]

За желание помочь мне книгами очень благодарю. Как бы это было хорошо! Вообще книги от меня и ко мне циркулируют свободно.

Привет сердечный Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. В связи со статьей Архангельского очень меня интересует статья Аперья в «*Peterm. Mitteilhanger*, 1933, Bd. 79. N. 7, 8» об определении фигуры Земли из гравитационных наблюдений.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 3, 3 об.

¹ По виду (лат.).

Дорогой Владимир Иванович,

[...]

Начальник нашего строительства Я.Д. Раппопорт предложил мне перевезти за счет строительства мою семью сюда с тем, что я буду жить с семьей, а жена получит место на строительстве. Сейчас я спешно написал жене об

этом предложении и жду от нее ответа. Кроме того, мне выдано в виде поощрительной награды 200 рублей.

Таким образом, мне, или нам, предлагается на выбор! Мне лично очень хотелось бы, чтобы наша семья объединилась опять. Прямо выразить не могу, как я был бы этому рад. Но неволить я не могу. Пусть жена сама решает. Думаю, что сама она захочет ко мне переехать. Ведь если у меня тут будет семья и будут книги для работы, мне будет много легче! Но как с книгами устроить? Так я соскучился без книг. А ведь времени бы хватило на них.

Еще одна трагедия у меня: бумаги нет. И деньги есть для этого, а бумаги достать негде: в Рыбинске нет ее совсем.

Прочел я Архангельского, прочел с удовольствием и проработал. В основном он прав. Меня очень интересует подоплека его нападений на Космата и Борисяка¹, и поэтому очень хотелось бы ряд работ последних просмотреть. Хотел бы и еще кое-что из цитированной им иностранной литературы частью обновить, частью заново прочесть (Bourie, например), но думаю, что это только мечты! Для материков точка зрения Архангельского, Уайта и др., одинаково мыслящих, исчерпывает дело, но для океана на основе диссимметрии нужен изостазис; вернее, для перехода от материка к океану и обратно нужен изостазис. Мне очень хочется Вам послать некоторые главы из своей работы, где я освещаю этот вопрос, и я сделал бы это, если бы у меня была бумага для того, чтобы их переписать, но увы, писать мне неначем.

О вопросе, поднятом Вами – получение книг из государственной библиотеки – буду непременно говорить с Раппопортом. Без литературы я больше жить не могу.

Напишите мне, Владимир Иванович, что Вы думаете о сделанных мне предложениях? Как поступить?

Привет большой Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 1, 2 об.

¹ Что в данном случае имеет в виду Б.Л. Личков, выяснить не удалось.

129

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 69, Дурновский пер., 16, кв. 2, 18 января 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Получил Ваше письмо – постараюсь отправить Вам бумаги, – даже заграничной, другой у меня пока нет, – но достану. Перешлю и некоторые книги – из моих. Но надо устроить Ваше пользование библиотеками. Это вполне в духе возможностей.

Вы меня спрашиваете о переезде семьи к Вам. Тут, конечно, все решается Вами и Анной Дмитриевной. Для меня *нет сомнений*, что нельзя терять время, когда можно быть вместе. Я, как Вы знаете, несколько раз в жизни ликвидировал свои библиотеки, и они вновь росли. Разве можно сравнивать это с *жизнью* с близкими, ростом детей и совместной жизнью дружеской семьи?

Ни библиотека, ни обстановка – так это, казалось бы, ясно стало в наше время – несравнимы с тем неотъемлемым духовным богатством, которое дается хорошей, дружной семьей – где жизнь близких людей всегда хрупкая.

Из этого основного положения мой ответ ясен. Но тут – в таких больших вопросах жизни – совет друзей и близких может – и правильно – быть легко оставлен без внимания. Решают сами.

Наконец я, кажется, вышел из всяких заболеваний и последние дни чувствую себя здоровым, правда, по-стариковски, но здоровым.

Мысль идет все вперед. И выясняется – вижу новое и важное в том, о чем думал и во что углублялся годами. Так и сейчас, у меня выясняется резкая разница в числах среднего состава горной породы, например, и живого вещества. Необходима поправка на биогеохимическую энергию. 75% массивных пород и 10^{-1} % живого вещества в земной коре – возможно, что по эффекту последнее несравненно важнее. Для первого – в его проявлениях характерно геологическое время, и только в нем проявляются миграции элементов пород, для второго – историческое время, и в нем резко развиты миграции элементов живого вещества.

Сейчас пытаюсь организовать таблицу среднего состава (кларков) биосферы – создать ее в 2–3 года. Для океана – по новым точным материалам, для суши – на участке нашей страны до Енисея от западных границ – в атмосферу на 20 километров, вглубь на 4 километра. Эта таблица резко будет отличаться от кларковской. В той, например, гидросфера – 7%, здесь около 20–30%. Мы живем в биосфере, и ее химическое познание и для жизни и для деятельности человека гораздо более значительно, чем познание земной коры мощностью в 16 км. Это довольно случайное число, если не считать, что здесь будет для суши преобладать гранитная геосфера.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 85, 85 об.

130

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 28 января 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Для меня, конечно, никаких сомнений не было в том, что семье моей следует приехать ко мне и жить нам следует вместе; но это ведь для меня, субъективно. А объективно можно ведь посмотреть и иначе: потерпеть еще немного, чтобы свидеться при иных условиях жизни. [...] И все-таки, несмотря на это, я решил вопрос определенно. Очень рад, что так же точно решила эту проблему Анна Дмитриевна. Дети же, по ее словам, прямо сияли от радости, когда получили мое письмо. Теперь будем проводить это в жизнь. Во всяком случае, я надеюсь, что к лету я уже буду здесь вместе со своими.

С интересом прочел Ваши сопоставления горных пород и живого вещества, но, признаюсь, плохо понял их. Не понимаю, почему, говоря о породах и

миграциях элементов их, Вы говорите о геологическом времени, а миграции элементов живого вещества ставите в историческое время. Главным образом не схватил я сути отличия Вашей будущей таблицы среднего состава биосферы от кларковской. Кажется мне интуитивно, что это будет нечто очень интересное. Удивляюсь непрерывной пытливости Вашей мысли и преклоняюсь перед нею. Ужасно рад за Вас, что интенсивность работы Вашей от переезда в Москву не пострадала и что условия жизни на новом месте оказались даже лучше, чем на прежнем. Ужасно жалею, что не могу лично Вас увидеть и обо всем перетолковать, и обо всем Вас расспросить.

[...]

Всего лучшего. Привет Наталье Егоровне. Простите за бумагу, на которой написано это письмо: чернила на ней расплываются, но другой бумаги у меня нет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 3, 3 об.

131

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 16 февраля 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

меня опять берет беспокойство по поводу Вас: очень уж давно от Вас нет писем. Последнее письмо было ровно месяц назад. Здоровы ли Вы и Наталья Егоровна?

[...]

После получения от Вас книжки Архангельского [172], да и до этого, я много работал над последней главой книги своей о реках и пришел к выводу, что основное в строении Земли это – Ваша диссимметрия, которая чрезвычайно глубоко проникает в строение земной коры. Изостазис в той относительной форме, в которой я его принимаю, проявляет себя на почве противоположности океана – материка и является производным диссимметрии. В этом смысле я трактую вопрос в своей книге. Очень мне интересно, как Вы теперь относитесь к последнему, третьему ее разделу, где центральная глава трактует о закономерностях изменений рельефа.

[...]

Составил я в последнее время большую геоморфологическую карту Молого-Шекснинского междуречья [142]. Работа получилась весьма интересная, и интересные получаются выводы. О них напишу особую работу. Много аналогии с Полесьем.

Начальник нашего строительства в последнее время был в отсутствии, и я не мог завершить дела о переезде моей семьи. На днях его закончу.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 4, 5.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 20 февраля 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Давно от Вас не было никакой весточки, и я не знаю, как Вы живете и устроилось ли даже Ваше свидание с семьей, как я думал и как Вы писали в последнем письме от 28.I, которое я имею.

От Владимира Ивановича я слышал другие вести, чем те, которые имел от Вас и от Анны Дмитриевны.

Не писал Вам, так как был завален работой: все время работал над своими двумя лекциями: об основных проблемах биогеохимии [63], которые меня очень интересуют. Сейчас прервал их на несколько дней, чтобы привести в порядок совершенно запущенную переписку – иначе чувствую, что наделаю много тяжелого и неприятного людям, которым нельзя не отвечать, как я это делаю. Ряд писем, не отвеченных, которые для меня служат всегда возбудителем моей совести. Конечно, прочту – но не сразу – Ваши «Реки». Через Владимира Ивановича¹ я Вам послал номер Вестей Украинской академии – получили с картой геофизической – и аномалий Ничипоренко: очень интересно. Но с другой стороны, эти новые данные и для Вас, и для всех геологов требуют осторожного отношения. Украинская мульда превращается в область соляных куполов, и близкие к поверхности слои оказываются совсем не тем, что думали единодушно все геологи, а Вы и Лучицкий особенно. А между тем, когда Гуров подходил к Ромнам и когда начала выявляться картина Исачек – надо было быть осторожным. Но ведь и «соляные купола» – это новейшее достижение.

Очень буду стараться организовать Вам пересылку геологически интересной литературы.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 87, 87 об.

¹ В.И. Лучицкий.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 6 марта 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вы пишете, что последнее письмо, которое Вы от меня имеете, это письмо от 2.X¹. Это, конечно, не так. Я после того Вам писал два раза и замолк лишь потому, что, поскольку Вы столько времени не отвечали, я решил, что Вам не до переписки. Или Вы забыли об этих моих письмах, или их не получили. Было бы интересно выяснить это.

В последнем письме я послал Вам свою фотографическую карточку, причем, к сожалению, забыл послать письмо заказным. Получили ли Вы кар-

точку? Если она потерялась и Вас интересует, я могу выслать вторичную и пошлю на этот раз заказным. *Буду ждать Ваших указаний.*

Что касается соляных куполов, то я убежден, что в скрытом или явном виде они должны быть везде на территории Русской платформы. В этом, в частности, убеждают меня мои Рыбинские данные, которые претворяются сейчас в форму тектонической карты, где тектоника явно, по-моему, соляная. Кстати, я все вспоминаю старую сводку Архангельского «Средняя Россия» [170]. Мне почему-то кажется, что там, в одном из типов, описан район, где я работаю. Не откажите, если не трудно, навести по этому поводу справку и, если можно, прислать мне этот том. Следуя Вашему совету, я подготовил для передачи своему начальству заявление о разрешении мне пользоваться книгами из государственных библиотек Москвы.

Очень большая у меня сейчас все-таки тоска по настоящей научной работе. Все эти «строительные площадки» и пр., как бы я для них ни старался, все-таки не мое дело.

[...]

Корректирую присланную мне из Ленинграда в машинке свою работу по Фергане [135]. Прочел половину «Философии Истории» Гегеля [189]. Начал «Историю философии» [188] (с последнего тома, ибо других нет).

Мысленно отпраздновал на днях 17 лет своей семейной жизни. Получил по этому поводу [письма] от жены и девочек.

Больно ударила меня смерть А.Ф. Лебедева, но я ее ждал, и хотя надеялся, конечно, на возможность мучительной отяжки, но очень уж не внушал мне доверия в смысле здоровья его вид. Мысль его до конца работала очень хорошо. В Дмитрове я слышал изданный его доклад. Ко мне он относился очень тепло, несмотря на три лишь встречи с ним – 1916, 1930 и 1934.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 6, 7.

¹ В письме В.И. Вернадского, на которое ссылается В.Л. Личков, написано «как Вы писали в последнем письме от 28.I, которое я имею». По-видимому, эта дата показалась Б.Л. Личкову «2.X». Между тем далее в письме Личкова содержится ответ именно на письмо от 20.II, так как и тут и там речь идет о «соляных куполах».

134

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 1 апреля 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

после долгих сомнений и колебаний я решаюсь, наконец, все-таки послать Вам свою книгу [144]¹. Не сетуйте на меня очень за это и войдите в мое положение. Мне очень хочется, чтобы работа эта увидела свет и в особенности хочется, чтобы вышла она в свет не позже Международного конгресса, который будет через год. Все, что я мог сделать с работой в отношении ее отшлифовки и отделки при данных условиях моего собственного положения, сделано. Продумана работа весьма тщательно. Ведь писалась она в конце концов

больше года. Хотя основной абрис ее я сделал в какой-нибудь месяц-полтора, но затем я долго ее перерабатывал, перелицовывал, переписывал (отдельные листы переписывались несколько раз). Учтите еще, что, как правильно говорится в предисловии, продумывалась она около десяти лет. Может быть, Вы выругаете ее, но я чувствую, что такой значительной по своему удельному весу (не по объему) работы я до сих пор еще не создавал. Познакомившись с содержанием работы, Вы увидите, что я в ней позиций своих не меняю. Я все так же высоко оцениваю роль рек в механизме *нашей* планеты и стараюсь обосновать эту роль не только для четвертичного времени, но и для всего прошлого Земли общепризнанными фактами, освещая их по-новому. А его все-таки я люблю этот свой труд и мне не безразлична его судьба.

Вот поэтому-то я и посылаю его Вам, хотя боюсь Вас им обременять. Моя мечта, повторяю, чтобы работа эта в будущем году вышла в свет. Если бы я не был связан по рукам и ногам, то, конечно, я бы ее выпустил. Меня совершенно не смущает сейчас та спорность моих положений, которой Вы меня немножко страшали. Риск этого я беру на себя; я ведь не новичок на этом поприще, ибо за мной 25 лет научной работы. Я твердо знаю одно: это *лучшая* моя работа из до сих пор написанных. Обратите внимание, дорогой Владимир, на две последние главы IV-го раздела книги. Это – программа того, над чем бы я стал работать, если бы вырвался в научную жизнь и среду. На эти темы я написал бы книги, но сейчас я бессилён над этими темами подумать даже...

Хотел я еще спросить Вас о следующем. Не передать ли мне рукопись с приложением соответствующего заявления от меня непременно секретарю с просьбой о напечатании книги в изданиях Академии. Думаю, что если дойдет дело до рецензии, я могу надеяться на благоприятный отзыв Ваш, Карпинского, Обручева, Левинсон-Лессинга. Насчет Архангельского не знаю по многим причинам и, в частности, потому, что по многим вопросам мы с ним антагонисты. Совсем не верю в Борисяка и Губкина, а насчет Ферсмана тоже не знаю. В основном думаю, что книга нашла бы все-таки беспристрастного рецензента. Для меня наиболее желательно было бы после того как Вы с книгой ознакомитесь, пустить ее именно по этому пути. Напишите Ваше мнение по этому поводу. Я пришлю заявление на имя непременно секретаря и, если Вам неудобно передавать работу ему лично, не откажите послать ему ее вместе с заявлением почтой...

От Вас я чувствую себя сейчас в таком отрыве, что совершенно не представляю себе, чем Вы заняты. Даты Ваших писем 17.XII, 18.I, 20.II. Иными словами, норма была первоначально раз в месяц, а теперь и этого нет, ибо в течение марта я ни одного письма от Вас не получил. Как Ваше здоровье, и как идет Ваша работа? Основные изыскания по нашим соображениям кончатся в мае и июне. Я возлагаю большие надежды на этот срок, если раньше чего-нибудь не случится. Вообще, хотя настроение у меня скверное, но прощелы все-таки видны.

Ваш Б. Личков

P.S. Рукопись несколькими бандеролями пошлю вслед за этим письмом.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 8, 9.

¹ Судьба этой рукописи неясна. Но, может быть, наиболее близка к ней работа Б.Л. Личкова «Природные воды Земли и литосфера». М.; Л., 1960, в которой рассматриваются многие затронутые вопросы на более зрелом уровне.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 69, Дурновский, 1б, кв. 2.
5 апреля 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Давным-давно не писал Вам. Совершенно был завален работой – правда, в подавляющей части интересной и кажущейся мне важной. Извиняться не буду – у нас не такие отношения, чтобы это было нужно. Сложные текущие дела по организации научной работы лаборатории, изучения геологического времени, метеоритов, своей собственной (над диссимметрией почв и непрозрачных углеродистых минералов), вопросы по геохимии золота и олова – последнее в практическом аспекте, корректуры, спешные, 3-го выпуска «Истории природных вод» [21], заканчивающего том, и подготовка французского пробного текста, масса отзывов и просмотра чужих рукописей, часто трудных и неприятных, финансовые хлопоты и борьба с цензурой (успешно), просмотр сданного теперь в печать текста приведенных к уровню дня лекций о минералах группы силикатов и т.д. – наряду с научными заседаниями – захватывают все время. К тому же я интенсивно слежу за современным научным движением.

А, может быть, главное, что я сейчас – неожиданно для себя – пишу книжку об основных проблемах биогеохимии [64]. Думал прочесть две лекции – выйдет целая книга. Завтра еду в Ленинград по делам Радиевого института и Биогеохимической лаборатории до 10-го, а 15-го поеду с Натальей Егоровной в дом отдыха на две недели – хочу писать и закончить сложившуюся в голове книгу «О некоторых основных понятиях биогеохимии». Я постараюсь прислать Вам копию рукописи, которую, может быть, попрошу вернуть. Мне кажется, мне удалось здесь подойти к довольно крупным новым обобщениям в форме, удобной для научной работы.

Пишу Вам, чтобы Вы видели, что мое молчание – учитывая мои годы – может получить некоторое оправданное – в известной степени объяснение. За карточку благодарю.

Я думаю, сейчас основное – получить Вам возможность иметь книги. Здесь частным образом я старался об этом. Может быть, надо написать более официально Вашему начальству. «Геохимии России» Ферсмана [239] у меня нет, и сейчас не могу достать. Постараюсь еще. «Среднюю Россию» Архангельского [170] посылаю.

Конечно, я внимательно прочту Вашу книгу и уверен, что она будет очень интересна. Прочту настолько быстро, насколько будет физическая возможность.

Завтра еду в Ленинград – возвращаюсь 10-го; читаю лекцию в Академии об очередных задачах минералогии силикатов и алюмосиликатов 14-го¹; 15-го уезжаю в дом отдыха до 1 мая², где буду писать свою книгу об основных понятиях биогеохимии, которую прочту в виде небольшого курса в мае-июне. В начале августа думаем ехать за границу – надо, кроме научной работы, лечиться в Карлсбаде³.

Ваш В. Вернадский

¹ Сведения об этих лекциях не сохранились.

² С 15 апреля по 1 мая Вернадские отдыхали в доме отдыха Академии наук «Сосновый бор» в Большеве Московской области.

³ С 1.VI по 1.VIII В.И. и Н.Е. Вернадские находились в Узком, затем, в августе, поехали в Карлсбад, где пробыли до 20.IX. Там В.И. Вернадский работал над рукописью «Об основных понятиях биогеохимии», с 20 по 23 сентября был в Париже, 24.IX выехал в Лондон, где работал над главой «О логике естествознания». В те дни побывал в Веймаре, посетил музей Гёте и был избран членом Общества Гёте. 12.XI, через Прагу, Вернадские вернулись в Москву.

136

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 8 апреля¹ 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я нахожусь под впечатлением только что полученной и прочитанной мною книжки болгарского ученого Дм. Яранова «Morphologie der Hinterbotkanischen Bunen. Beitr z. vergleichenden Morphologie der alpinen Orogenese» (Zeitschr. d. Bulgarinh. Geolog. Gesellschaft. Bd. VII, Hefte 3, 1935).

И сейчас я могу торжествовать. Моя концепция совершенно оправдана. На Черном море мне не доставало четких и ярких фактов по западному побережью, которые твердым цементом скрепили бы развиваемые мною идеи в одно целое. Это недостающее скрепление дает работа Яранова, который ярко показывает, что в Болгарии имеются все террасы Депере. В полном согласии с моими идеями и почти моими словами он говорит, что «область Средиземного моря представляет собой не только географическое, но также тектоническое единство, типичным проявлением чего может быть единство положительных эпирогенетических движений в ней в течение четвертичного времени». Разве не то же самое писал я на три года раньше? Он подчеркивает, что район Балканский, принадлежа Черному и Эгейскому или Эгейскому морям, «тем самым относится к Средиземноморскому району». Данная мысль не просто высказана Ярановым, но подробно обоснована им на основании полевых наблюдений на всех 100 стр. его книги. В книге Яранова мне интересна еще такая мысль его. Он предлагает нормальное положение террас, отвечающее схеме Депере, взять как масштаб, при посредстве которого можно установить все уклонения террас. Но ведь именно это говорил я года на три раньше. «Уклонения неизбежно *должны* быть, ибо этого требует сама схема», и я указывал уклонения: высокогорные районы, Украину, Эгеиду и пр. Но установить уклонения можно, только применяя схему как масштаб, что я и делал еще 8 лет назад в статье о террасах Днепра.

У Вас находится сейчас моя работа о реках [144], где геосинклиналям уделяется большое внимание. Широкая и общая тема о геосинклиналях развивалась и развертывалась в моих работах отдельно от специальных конкретных тем, вроде геологии Черного моря, геологии Днепра и т.д. Но и то и другое имело тесную связь. Мне, естественно, очень приятно именно сейчас, когда закончена моя большого значения обобщающая работа, констатировать, что одна из поддерживающих ее эмпирических опор получила дополнительно новое твердое обоснование. Я думаю, что Вам интересно будет при Вашей работе над водами просмотреть работы, на которые я здесь ссылаюсь,

и сопоставить их между собой. Во *втором* издании своей книги «Геологическое строение СССР» Архангельский [173], передав (стр. 15) очень неточно мои взгляды на Черное море и припутав зачем-то Балтийское, о котором я в этом аспекте как раз *не* говорил, указывает «еще дальше идут Архангельский и Шатский, по мнению которых вся система молодых горных сооружений Юга СССР с вкрапленными сюда бассейнами и котловинами представляет геосинклинальную область в стадии ее *общего подъема*». Архангельский умалчивает, что за два года до этого в статье своей о геосинклиналях [130] я определенно высказал взгляд, что Черное море есть вместе со Средиземным геосинклиналь в стадии ее *погружения*, а в 1934 г. (в статье об эпирогенезисе Русской платформы) определенно указал смысл и течение всех происходящих здесь движений. Куда же это дальше идут Архангельский и Шатский? [...] За мной не хотели идти с самого начала, а теперь уверяют, что шли дальше меня, ибо выяснилось, что я был прав в самых широких своих выводах.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 10, 11.

¹ В письме указана дата «8.IX», по содержанию и времени получения этого письма она исправлена на 8.IV.

137

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 3 мая 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что написал Вам письмо и хотел уж было его отправить, как мне прямо на дом принесли в полной целостности и неприкосновенности Ваше письмо, помеченное 5.IV.. [...] От Вашего письма сразу пахнуло на меня родным, знаковым, очень бодрящим. Для меня всегда – бальзам бодрости, когда я увижу и почувствую, как Вы работаете, как пытливо подвигается вперед и анализирует все новые и новые проблемы Ваша неутомимая и неугомонная мысль. Это заставляет меня всегда как-то подтягиваться, быть деятельным, внимательным и строже к самому себе. Я всегда поражаюсь и преклоняюсь перед тем, как Вы можете всегда уходить в сферу высокой чистой мысли, не взирая ни на какие тяжелые обстоятельства вокруг. Хотел бы я хоть отдаленно быть похожим на Вас в этом отношении. Повторяю, Ваш живой пример всегда источник бодрости и стимул к деятельности для меня. Вот и сейчас, прочтя в Вашем письме перечень того, что Вы сейчас делаете, чем Вы сейчас заняты, я ощутил, во-первых, живую радость за Вас, во-вторых, прямо-таки преклонение перед размахом Вашей работы и, в-третьих, непреодолимое стремление самому подтянуться и подбодриться при виде живого Вашего примера. Спасибо Вам за Ваше письмо. Вы себе явно не представляете, как много значат для меня Ваши письма в моем одиночестве.

«Средняя Россия» Архангельского пришлась мне очень кстати и вовремя. Надеюсь скоро ее вернуть. Я сейчас заканчиваю обширную работу «Очерк геологии и геоморфологии Молого-Шекснинского междуречья» [142]. В последние месяцы много думал и работал над породами пермо-триаса и перми

и их генетики. История этих пород – это одна из самых интересных страниц в истории русского материка. Охватить пермь и должным образом понять ее не может геолог-палеонтолог и геолог-петрограф старого типа. Тут нужны новые подходы и нужна, в частности, как мне кажется, та точка зрения на тригеновые отложения и их генезис, которые я даю в своих работах. Тут просится масса нового. К сожалению, литературы мне недостает, и многие факты приходится поэтому угадывать. Хотелось бы в поле посмотреть то, что видел Амалицкий и другие. Тема высоко интересная. Работа моя, о которой я выше упомянул, представляет записку по геологическому обоснованию инженерного проекта. Он кончается в июне, и тогда вся моя работа из героической фазы переходит на мелочи. Надеюсь, что тогда можно будет налечь на обработку материалов, но тут уж не обойтись без литературы.

Ваш Б. Личков

АРАН ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 12, 13.

138

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 69, Дурновский пер., 16, кв. 2.
9 мая 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень виноват перед Вами, что давно не писал Вам и после возвращения из Соснового бора¹ – но я никогда не забывал о Вас – совершенно не справляюсь со временем.

Сейчас отвечаю на Ваши два письма (одно помечено 8.IX 1936!², второе от 3 мая).

Я еще не мог приступить к чтению Вашей книги о реках – у меня сейчас скопилось столько рукописей, что я не знаю, как с ними справлюсь, и хотя у Вас почерк лучше моего, но все же для моих глаз он трудный. Но я прочту непременно, конечно...

5.IV. я действительно отправил Вам письмо и это не ошибка, как Ваше письмо от сентября этого года!

Очень радуюсь, что Ваша концепция подтверждается, болгарской работы я не знаю, но ведь за этими вопросами слежу мало, но очень помню нашу переписку по поводу террас Денере. Факт отмечен им правильно, но он не понял его генезиса...

Сейчас я, по-видимому, овладел своей работой над основными понятиями биогеохимии, над которыми работаю эти последние годы. Вместо немногих лекций у меня выходит целая книга. Главное то, что я разобрался в основном, хотя, конечно, чувствую огромные пробелы *понимания*. Между прочим, для меня ясно, как мало сейчас учтена логическая структура того естествознания, которое составляет основу современной науки. Математика, теоретическая физика, науки опытные дали материал для логики – но эмпирическое описательное естествознание – науки о Земле в научном понимании: геологические и биологические – оставлены логикой без внимания. Мне пришлось внести новое понятие – дедуктивного научного понятия, выделяемого мною из «рабочей гипотезы». Это не гипотеза, не аксиома, не эмпирическое обоб-

щение – например, понятие о том, что поле тяготения Земли определяет всю структуру организма, или то, что я ввожу сейчас, что *размеры* поверхности Земли определяют и сказываются количественно на заселении планеты размножением организмов, и т.д.

Летом за границей буду работать над этой книгой, а сейчас оставляю все в стороне, но в логике разберусь [64].

Сейчас выяснилось, что мое дедуктивное научное понятие о том, что организмы обладают элементами другого атомного веса, чем косная материя (1926 г.) [31], подтвердилось! Опыты Брюэра для калия в Вашингтоне доказали это: отклонения для среднего в калии растений очень велики – но не могут сказаться на химически определенном атомном весе (39,10) – они в среднем для косной материи K^{39}/K^{41} равны 14,25, а для организмов пока известны величины до 12,6 – т.е. идет резкое увеличение радиоактивного изотопа калия. Это *второе материальное* отличие живого от косного (не мертвого, а косного, ибо умерший организм сохраняет эти материальные различия). Диссимметрия и изменение атомного веса химических элементов! Сейчас я стараюсь всячески ускорить свое оборудование для систематической работы. Очень все это интересно. Вы должны помнить, что Ваше положение – преходяще и я крепко верю, что оно скоро изменится.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 89, 89 об.

¹ Санаторий Академии наук в Болшеве Московской области.

² См. примечание 1 к письму 136.

139

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 17 июня 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я давно не отвечал на Ваше письмо. К сожалению, оно без даты, но Вы там отвечаете на мое письмо от 9.5.

Боюсь, не последнее ли это. Я совершенно сейчас завален работой – правда, нужной и интересной в большей своей части, но от этого не легче.

Как бы мне хотелось с Вами повидаться и поговорить. Уверен, что это будет – но когда? Теперь рад, что Вы будете с семьей.

Я чувствую некоторую усталость – и жду 1-го июля, чтобы уехать на месяц в Узкое, где не буду заниматься, а может быть, только набросаю статью о Гёте – небольшую, – и то после 10-го. В начале августа хочу уехать в Карлсбад [65].

Мне кажется, после моих «Основных понятий биогеохимии» [64], над которыми буду работать за границей, и, вероятно, потребуется два года до отдачи в печать – я отойду в созерцательную жизнь – для себя, конечно, постольку, поскольку это будет возможно.

Мне хочется ответить Вам по другим вопросам – но, может быть, Вы о них забыли – если ответили на письмо месяц назад. Это о петрографии осадочных пород и о логике естествознания.

Сперва о последнем. Я никогда не ограничивался эмпирическими обобщениями и не отбрасывал научные теории, но я не считал их венцом научной работы и не ставил (и не ставлю) их достоверности на один уровень с эмпирическими обобщениями. Но, конечно, это огромная и важнейшая часть научной работы.

Периодическая система элементов – эмпирическое обобщение. Сейчас она охвачена научными теориями – но эти научные теории *проверяются* прежде всего ею (то есть эмпирическим обобщением).

Дедуктивные научные понятия не обладают той достоверностью, как эмпирические обобщения, но они и не являются теориями, так как дают не объяснения, а обобщающие представления.

Впрочем, мои познания по логике не очень велики. В молодости я, конечно, читал Милля, потом когда-то Зигварта (?), имел разговоры с Лаппо-Данилевским, для меня интересные. Последнее, что я прочел, это Лосского и просматривал Введенского. В связи с теорией познания – но это не логика – я столкнулся с некоторыми основами логики. Но надо будет, конечно, разобраться в современном состоянии вопроса. Логика, интересующая и Лосского и Щербатского, не та, которая мне важна – не есть ею и логика, связанная с математикой (логистикой). Все же я не чувствую себя здесь достаточно прочно, и летом может быть несколько ориентируюсь.

Относительно петрографии осадочных пород едва ли можно много сделать одной *геологией* и *палеонтологией*. В ней все-таки придется считаться с химией. Мне кажется, с минералогической точки зрения – основной недостаток, что мало учтены минералы, для них специфические: тут надо и химическую, и минералогическую работу. Можете ли Вы – что было бы хорошо, но трудно – в это войти? В минералогии осадочных пород – сколько ее я знаю – как раз основные минералы, которые создаются в самих породах и которые, по существу, господствуют (кроме SiO_2 и карбонатов) (и органических), совсем не захвачены. Может быть, Вам с кем-нибудь соединиться? Например, для TiO_2 – это не TiO_2 – гидраты (лейкоксенны) или титаноалюминиевые гидраты (ксантитаны), обычно пропускаемые. Между тем и здесь, как и для массивных пород, без минералогической работы не обойтись. Посылаю это письмо, которое несколько раз прерывалось, не откладывая.

От Вас давно не имел известий.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 90, 90 об.

140

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 2 июля 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях получил Ваше письмо от 17.VI 1936 г. [...]

По поводу осадочной петрографии я вполне согласен с Вами, что нужно и в минералогии войти, и я бы вошел сейчас же, если бы была возможность, но, к сожалению, никаких технических возможностей для этого нет. Остается мечтать и почитать изредка попадающиеся книжки.

А методология естествознания! Ею я тоже занялся бы с наслаждением. Но опять – нет материала. И так дело обстоит решительно во всем.

Очень это скучно и надоедливо.

Написал недавно две небольшие работы. Одна «Основные черты геологии района расположения верхневолжских сооружений Волгостроя» [147], другая «Молого-Шекснинское междуречье – Рыбинское водохранилище» [142]. Обе будут напечатаны, а одна даже прошла авторскую корректуру. Вы их скоро увидите. Работа над этим дала мне некоторое удовлетворение; но это не то, что надо бы дать. Все-таки в них есть и интересное. Впрочем, Вы сами скоро увидите их.

Прочел я недавно Вашу статью во втором выпуске ферсмановских «Основных идей в геохимии» и думал о времени [61]. Очень понравилось мне введенное Вами слово «дление» (длятся процессы!). И конечно, Вы совершенно правы, подчеркивая, что введенное в научное мировоззрение «дление» – это целый переворот в нем. Я все вспоминаю (ее у меня тут нет) Вашу, производящую на меня большое впечатление, статью о научном мировоззрении и новой физике (названия я точно не помню, но хорошо помню сущность статьи) [46] и думаю, что Вы глубоко правы, подчеркивая необоснованность приоритета физико-химических наук в научном мировоззрении и необходимость выдвинуть науки геологические и биологические. Марк Аврелий сказал: «Наши потомки не увидят чего-либо существенно нового, а наши предки видели тот же Мир, что и мы». А ведь это верно только с точки зрения ньютоновского мировоззрения. На деле же природные процессы и бренность атомов, «распад» Вселенной де Ситтера [229] и особенно жизнь, по Вашим концепциям, несут новое. Правда, никто не гарантирует от того, что, может быть, все это только *большие циклы*, но мысль пока воспринимает их как неповторимое. В пределах дления планетные первое и третье явления, во всяком случае! Думаю вместе с Вами, что грядет новое мировоззрение, оно охватило уже химию, и только физики новой еще нет.

Желаю Вам хорошо отдохнуть в Узком.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 14, 15.

141

В. И. Вернадский – Б. Л. Личкову

Узкое, 30 июля 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Сегодня отсюда уезжаем – а 10 августа едем на 3 месяца за границу. Паспорта уже есть, а затем визы и т. п. Очень хорошо, что это сейчас делает Академия. Письма на наш московский адрес будут нам пересылать там, где мы будем. Едем в Прагу – Карлсбад. Я главным образом буду работать в Англии.

Три месяца – из них один лечение, когда работать нельзя, – пройдут быстро.

Здесь вчерне закончил свою статью о Гёте¹, хотел бы ее не отделять в эти 10 дней, которые остались до отъезда. Как всегда бывает, когда одна

мысль захватывает, и в ней я подошел – случайно, что подошел, – к основному своему положению в книге, основы которой у меня в этом году сложились: к необходимости логического исследования основ естествознания – об отсутствии этой основы в современной науке. Гёте – натуралист, *точный* наблюдатель и экспериментатор, не признававший *числа* и причинного объяснения природных явлений, в односторонности своей, и для нас донкихотстве, в борьбе с ньютоновским мировоззрением в одной части, безусловно, прав: причинная – числовая – связь не захватывает всего наблюдаемого в точном естествознании, ибо человеческая мысль есть функция среды (биосферы), а не только организма. И аналитический прием разделения явлений всегда приведет к неполному и неверному представлению, так как в действительности «природа» есть организованное целое. «Природа» у Гёте – и неизбежно для нас всех – есть организованная земная оболочка – биосфера – и должна отражаться как *целое* во всех наших научных представлениях. Я и боюсь коснуться этих всех вопросов – но, с другой стороны, чувствую, что это является самым основным положением моей книги.

Пантеист Гёте это чувствовал очень сильно, но он не понял значения числовых отношений, которые получаются при мысленном разделении и выделении (анализе), в действительности неразделимых. Организм неотделим от биосферы (не хаотической, но организованной), и изучение его, как от нее независимого, приведет к ложному выводу...

Но тут я чувствую область, в которой я не хозяин, – логика. И с месяц в ней не ориентируешься.

С осени начинаем работу над составом биосферы: на глубину 2 км – территория нашего Союза до Енисея. Моря. Океаны. Выясняется иная картина, чем Кларка²: геохимические области: гранитные участки и участки перехода к морской воде и к проявлениям жизни. Здесь много говорил об этом с Архангельским, который здесь, и с Виноградовым. Состав биосферы (неизбежно) в разных участках иной – например, области осадочных пород до 2 км – иное, чем массивных пород. Пишу очень неясно, но я думаю, что если удастся дать эту числовую основу – то мы получим огромную базу для работы: учтется количественно самая точная часть геологической работы, самая главная – та среда, где живет и возится человечество.

Здесь В.Н. Чирвинский, говорил с ним немного, говорил, что брат материально поставлен в нормальные условия оплаты труда, но в правовом остается в прежнем положении.

Очень хотел бы до отъезда получить от Вас весточку.

Ведь Ваши с Вами.

Ваш В. Вернадский

P.S. Справку о числах Шухерта, по определению геологического возраста, пришлю до отъезда из Москвы. Я думаю надо бы дать для 3×10^9 лет. Напишите точнее Ваш адрес. У меня все сомнение в том, который пишу.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 91, 91 об.

¹ 1. III 1936 г. В.И. Вернадский заключил договор с Госиздатом на редактирование естественноисторических сочинений Гёте для предполагаемого издания его трудов. В качестве предисловия он написал статью «Гёте как натуралист (мысли и замечания)». Издание сочинений Гёте тогда не состоялось. Статья В.И. Вернадского была опубликована уже после его смерти в Бюллетене МОИП, новая серия, т. 51, 1946, отд. геологический, т. 21 (I), с. 5–52.

² Мысль автора не совсем ясна.

Карлсбад, 7 сентября 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Ваше письмо от 3.VIII мне переслали сюда. Я заканчиваю лечение в Карлсбаде и еду послезавтра в Прагу, где пробуду десять дней. И среди лечения я уже работаю над своей книгой и за эти три недели сделал много [64].

Моя мысль очень углубляется. Вчерне закончил вводную главу – но она *будет не раз* коренным образом *перерабатываться*. Однако, мне кажется, я сейчас сделал большой шаг вперед. Из первоначального наброска, который я сделал в Болшеве¹, не осталось камня на камне. Но без него не было бы и этого.

Мне кажется, удастся и в нем дать почувствовать основное: жизнь *отлична* от косной материи и является огромным *планетным* явлением. Я отбрасываю как запутывающие вопрос и чуждые науке вошедшие в нее оба и *виталистическое* и *материалистическое* представления. Они оба вошли в науку из философии, а не выросли на научной почве. И оба не нужны. Оба по существу произошли из *теологических* споров.

Основное реальное отличие открыто Пастером давно и перед смертью в блестящей речи еще раз им повторено. Это – открытая им диссимметрия. Но диссимметрия не была Пастером до конца охвачена – но интуиция его поразительна для 1860–1880-х годов: он ясно осознал здесь ее как основное для жизни явление, и явление космического размаха. Пастер интуицией понял, что абиогенез мог бы идти только в диссимметрической среде, и пытался (ошибочно) ее искать в световом поле с правыми круговыми лучами или левыми. Это была ошибка – так как это тоже диссимметрия – но другая. Но для Пастера это была одна из возможностей – он допускал и другую: прохождение солнечной системы и Земли через космическое правое пространство. Жизнь связана и проявляет наиболее тонко свойства такого пространства. Отчего? Надо искать научно.

Кюри наиболее глубоко пошел дальше. Он доказал, что всякое диссимметрическое явление должно иметь своей причиной другое *такое же* диссимметрическое явление. Причина и следствие в этой среде одинаково диссимметричны. Я называю это положение – *принципом Кюри*. Кюри погиб, не кончив работы. От нее осталось, однако, положение глубочайшего значения – *диссимметрия есть особое строго определенное состояние пространства*².

Открытая Пастером диссимметрия среды жизни проявляется в нарушении симметрии (это дословно и значит диссимметрия), в том, что тождественные в симметрии правые и левые явления здесь *различны*. Пастер нашел, что такими являются кристаллические соединения биохимического происхождения (глюкозы, кислоты, сахара и т.д.), причем в организмах резко преобладают правые изомеры (левые *поедаются*).

Но другим проявлением того же является проявление правизны и левизны, давно известные. *Всякое явление, связанное с движением* (в среде молекулярной или же среде тяготения, все равно), в диссимметрическом состоянии пространства проявит правизну и левизну (мое положение), наше человечес-

тво строящие (*левые* белки у человека, *правые* повороты спиральных раковин и т.д.). Приходится допустить, что в том состоянии пространства, которое отвечает диссимметрии Пастера, векторы полярны (когда нет оптических изомеров) – жизненные процессы *необратимы* (вектор времени – полярный). Принцип Реди (отсутствие абиогенеза) есть простое следствие принципа Кюри: причина и следствие одной диссимметрии. Размножаться организм может, но и только, а не создаваться абиогенезом.

Я принимаю идею Леруа о *ноосфере*. Он развил глубже мою биосферу. Ноосфера создалась в постплиоценовую эпоху – человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому, и в результате *энергия, активная, биосферы увеличивается* (противоположно энтропии – энтропии Ауэрбаха) [174].

Несомненно, живое и косное различно, но *все виталистические* (и материалистические) *представления ошибочны*. Явление гораздо глубже. В чем причина – мы не знаем. Но надо идти из фактов, то есть из диссимметрии Пастера. Идти, опираясь на это, дальше.

Может быть, такие «системы» будут и не живыми? Но это было бы сейчас фантазией. А живые мы изучаем.

Написал Вам все это, чтобы показать, чем я занят. Хочу эту главу и главу о логике естествознания вчерне набросать.

Я уверен, что Ваша жизнь получила поворот благоприятный, и мечтаю с Вами свидеться. Вашу книгу [144] буду читать после возвращения в ноябре. Зиночке, Олечке и А.Д.³ сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

P.S. 16-го наша золотая свадьба. Я хочу праздновать в этот день нашу внучку Танечку⁴. Пошлю письмо из Праги.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 92, 92 об.

¹ См. комментарий 1 к письму 138.

² В отечественной науке В.И. Вернадский был по существу первым, кто по достоинству оценил новаторские работы Пьера Кюри в области учения о симметрии. По рекомендации В.И. Вернадского, выдающийся советский кристаллограф А.В. Шубников занялся специальным изучением работ Пьера Кюри. См.: А.В. Шубников. «Труды Пьера Кюри в области учения о симметрии» – Успехи физических наук, 1956 г.

³ З.Б., О. Б. и А.Д. Личковы.

⁴ Т.Н. Толль.

143

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 8 ноября 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я надеюсь, что это письмо застанет Вас уже в Москве. Я недавно послал Вам журнал со своей статьей, где я описываю современные подпоры вод Мологи и Шексны Волгой и указываю аналогию между этими подпорами и грандиозными подпорами ледниковой эпохи, создавшими сезонные разливы, с которыми я вот уже почти десять лет вожусь. Мне кажется, что приблизив здесь яв-

ление к современности, я с предельной ясностью растолковал самое явление. Кроме того, закончил недавно статью «Об эпейрогенических движениях на Русской платформе и вековых реперах Волгостроя» [150] и другую – «Генезис пестроцветных пермо-триасовых глин как основа прочных их геотехнических свойств» [151] (последняя работа – совместная с молодым петрографом и минералогом А.В. Крюковым). Работаю я немало. Как будто есть сейчас надежда, что семье моей все же удастся устроиться жить на зиму со мной. Сейчас я остался здесь с одной старшей дочкой своей, Зиной, а Анна Дмитриевна с Ольгушей уехала на 10 дней в Ленинград, чтобы привезти теплые вещи.

Прочел в последнем номере «Сорена»¹, что предстоит выход в свет сборника, посвященного пятидесятилетию Вашей деятельности [226]. Очень мне досадно, что я не могу в сборнике принять участие. Ведь, по существу, я даже мог бы, ибо готовый материал у меня есть. На случай, если я не опоздал, я хочу попробовать все-таки приготовить рукопись и послать Александру Евгеньевичу². Если ничего из этого не выйдет, то произойдет мое досадное неучастие в сборнике не по моей вине. Очень это будет досадно. Примите, во всяком случае, мои приветствия и выражения самых горячих к Вам лично и Вашей деятельности чувств.

Очень рад буду, если напишете мне на этих днях. Очень о Вас и письмах Ваших соскучился. Много думаю сейчас о коллоидах и коллоидальных силикатах и в связи с этим вспоминаю Вас. Страшно жду книги Вашей о силикатах [10].

Мой большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 12, 12 об.

¹ Журнал «Социалистическая реконструкция и наука».

² А.Е. Ферсман.

144

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 10 ноября 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

очень хочется иметь от Вас весточку и узнать, где Вы. Я только что послал Вам письмо, а сейчас захотелось написать еще. Вы в последнем письме Вашем упоминаете о том, что по возвращении в Москву прочтете мою работу [144]. Я не смею надеяться, что время для этого у Вас найдется, но на всякий случай я хочу сказать, что многое в ней переработано. Я посылаю Вам в этом письме новый перечень глав ее, из которого Вы можете видеть, что создались новые главы. В частности, на случай, если Вы будете мою рукопись пересматривать, я хочу одну главу дать Вам в новой редакции. Я посылаю Вам одновременно бандеролью новый текст ее, а старый прошу изъять, перенеся в него, однако, иллюстрации из старого текста.

Страшно буду рад получить от Вас письмо. Соскучился.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 13.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 13 ноября 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

письмо это и сопровождающую его рукопись [144] передаст Вам мой товарищ по геологической работе на Волгострое Владимир Васильевич Асонов. [...] Владимир Васильевич учился в Московском университете и, очевидно, Ваш ученик. Он был раньше геологом московского отдела Геолкома.

Владимир Васильевич расскажет о моем житье-бытье, ибо он в курсе основных его событий. В то же время он расскажет свои впечатления обо мне.

У нас ведется здесь сейчас много интересной работы, но мы все чрезвычайно страдаем от отсутствия литературы научной, в особенности иностранной. Когда-то Вы мне писали, что хотели бы помочь в этом отношении в смысле создания библиотечного книгообмена или точки получения книг из московских книгохранилищ. Владимир Васильевич хочет сейчас попытаться наладить это дело. Если можете, помогите ему в этом. Вся наша здешняя «научная колония» будет за эту помощь чрезвычайно благодарна, и Вы сделаете очень хорошее дело.

Шлю Вам и Наталье Егоровне большой привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 14.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 15 ноября 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Застал Ваши два письма вчера и спешу Вам послать эти несколько строк.

Как я Вам писал, я сильно продвинул свою книгу «Об основных понятиях биогеохимии»¹, вчера написал Введение и весь план ее обдумал. Теперь надо писать, и я хочу это устроить, как главное свое дело. Очень многое я продумал и выясняется многое. Ввожу новое понятие «ноосферы», которое предложено Леруа в 1929 году и которое позволяет ввести исторический процесс человечества как продолжение биогеохимической истории живого вещества. Выясняется резкое и непроходимое – для нашего современного состояния науки – материально-энергетическое различие живого вещества (resp.² совокупности живых организмов) от косных *естественных тел* (resp. косного вещества биосферы). Это *не* витализм, так как никаких жизненных сил, особых форм энергии, энтелехии здесь не вводится. Но в то же время это *не* материализм, так как ... между живым естественным существом, живым организмом, и косным естественным телом (например, минерал, порода и т.п.) есть непроходимая грань. Мне кажется, синтез организма из химических

изотопических смесей (*других*, чем для косного тела), если бы мы даже химический элемент этого атомного веса сумели создать, невозможен*.

Основным является особое состояние пространства, занятого живым организмом, которое выражается для нас в существовании правизны и левизны, названное (неудачно) диссимметрией Пастером. Состояний пространства может быть несколько (? – не доказано, но два есть) – но всякое явление в пространстве данного состояния должно иметь причину *той же* диссимметрии (принцип Кюри–Пастера). Отсюда логически неизбежно *omne vivum e vivo*³ (принцип Реди). Как-нибудь пришлю Вам те пункты коренного различия живого и косного, которые вытекают из биогеохимии и которые я сейчас свел. Витализм и материализм по отношению к живому внесены в науку плохой философией и насильственно вносятся в факты.

Я страшно много продумал в этом году. Для *биосферы* принцип энтропии неприложим – наоборот, здесь концентрируется свободная энергия, связанная с необратимостью некоторых ее процессов (живое вещество – радиоактивность).

Две области меня охватили очень сильно: логика описательного естествознания (ее нет, но она начинается) и, во-вторых, индийская философия, как живая и большая – возрождающаяся в связи с влиянием точного знания, интереснее западной для науки. Я Вам пришлю (и буду просить вернуть) кое-что из того, что на меня сильно подействовало в этом году.

Очень прошу Вас прислать мне на двух–четырёх страничках сухой хронологический перечень Вашей научной работы, как Вы ее оцениваете – *для меня* – с годами. Если мне нужно будет им воспользоваться, сделаю с Вашего согласия. Мне нужны даты и оценка Ваша Вас самих.

Давно я так глубоко не вдумывался в окружающее...

Конечно, я найду сейчас время прочесть Вашу рукопись [144] (но Вы не забывайте моих лет и физической трудности читать большую необработанную рукопись, очень плохо написанную), но предпочту иметь *новую* редакцию. И буду ее ждать.

Всего лучшего, дорогой друг.

Ваш В. Вернадский

P.S. Анне Дмитриевне самый сердечный привет.

Сборник, мне посвященный [226] – без моего ведома. Я очень тронут – но никакого юбилея я не хочу. Он – кажется – скоро выйдет. Я его не видел.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1, л. 93, 93 об.

¹ Идеи этой работы позднее были изложены в книге «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». М., Наука, 1965.

² Соответственно (лат.).

³ Все живое от живого (лат.).

* Не знаю, послал ли я Вам свою заметку в связи с доказанным для калия изменением его атомного веса организмами [67]. Посылаю.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 21 декабря 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вдоль и поперек читаю все три тома «Истории земных вод» [21] и думаю о Вас очень много. Хочу о всех трех частях, составляющих первый том, написать в «Волгострое» рецензию [149]. Читаю и поражаюсь богатством содержания книги и со стороны мысли, и со стороны содержания. Все время нахожу в ней для себя новые и новые мысли, не замеченные в первом чтении. Недавно, например, мне попала в руки первая часть, которой у меня давно не было. Как раз в этот момент меня интересовал вопрос о генезисе красной глины (глубоководной) и о роли коллоидов в ее образовании, и всю Вашу главу о коллоидах и капиллярных водах я прочел с громадным интересом и нашел для себя в ней много нового, хотя раньше ее читал. Поразительно интересная Ваша книга! Но надо сказать, что вследствие насыщенности ее мыслями и содержанием она очень трудна. Написать о ней мне хочется, и в то же время я чувствую, что это очень трудно сделать.

Я сейчас работаю мало. Много думаю о коллоидах моря и больше всего о коллоидах Русской равнины, моря которой описывал Карпинский. Думаю, что их недооценивают и недоучитывают. Послал Вам недавно статью свою о реках Европы. Читали? На днях пришлю Вам свою недавно напечатанную рецензию на одну книгу, где Вы увидите мою современную трактовку геоморфологии. Обратите внимание в том же номере на статью А.В. Крюкова о петрографии и геотехнических свойствах пород. Это – молодой, очень способный геохимик-петрограф, работающий здесь, ученик Аршинова В.В. Я с ним работаю в контакте. Надеюсь на какие-нибудь перемены хоть небольшие в моей судьбе. Только что из ЦИКа запросили мою характеристику. Это что-нибудь да значит.

Очень жду от Вас писем. Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 980, л. 15, 15 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 9 января 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я составил согласно Вашей просьбе обзор своих работ и своей деятельности. Текст получился гораздо больше, к сожалению, чем просили Вы, но я думаю, что из большего сделать меньшее всегда легче, чем наоборот. Поэтому я посылаю Вам в том виде, как написалось. Сделано это тщательно и продуманно, и если Вы захотите иметь материал более короткий, то мой материал может служить доброкачественной основой. Красным сбоку я очеркнул то, что с моей точки зрения представляется более важным. Обзор мой

распадается на три части: 1. Работа в Киеве. 2. Работы по освещению природы Приднепровья, Припятского Полесья и полесий вообще и 3. Работы, излагающие общие идеи (теория геосинклиналей и пр.). Особняком стоят философия науки и гидрогеология. Сам я считаю наиболее важным из своих работ: работы по кристаллическому массиву и мульде, мое толкование Приднепровья полесий и особенно вытекающие отсюда идеи по поводу геосинклиналей и пр. Может быть, мне удастся переписать эту записку на машинке, и тогда я пришлю то же самое в машинной копии. Пока, чтобы не задерживать, посылаю то, что есть, т.е. экземпляр, написанный моей рукой. [...] В конце я указываю общее число своих печатных научных работ и привожу перечень работ, готовых, но еще не напечатанных.

На днях послал Вам доверенность на получение денег. Думаю, что Вы ее получили. Не откажите уведомить меня на адрес моей жены о получении Вами доверенности и денег.

Шлю привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Обзор работ с самооценкой посылаю заказным одновременно с этим письмом.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 1.

149

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 16 января 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

7 января заказным Вам послана от моего имени доверенность, и так как заказное отправлено было в Москве, то, наверное, оно уже в Ваших руках с неделю. Еще за несколько дней перед этим я послал Вам письмо РИСО, из которого видно какие это деньги. 10.1.37 г. я послал Вам, тоже заказным, сведения о самом себе. Очень жалею, что никак не мог послать Вам эти сведения отпечатанными на машинке, так сложились обстоятельства. Но, может быть, позже я это все-таки сделаю. [...]

Собственная моя работа идет вяло. Некогда, да и обстановка такая, что не развернешься. Улучшения создаются крайне медленно. Мало-помалу создалась небольшая библиотека из русской научной литературы. Пописываю в здешнем журнале¹. Написал большую программную статью об исследованиях Волгостроя [147]. Написал рецензию на три тома Вашей «Истории природных вод» [149], «Кору выветривания» Полынова [222] и книгу об основаниях и фундаментах [162]. Но все это не то.

Шлю большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 1, 2.

¹ Журнал Волгострой.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 25 января 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Очень виноват перед Вами, что не писал Вам уже давно и не отвечал на Ваши письма. Я был и нездоров, и в это время были в санатории, и завален работой.

Начал писать свою книгу – утром – но идет у меня это медленно – хотя я работаю упорно.

Масса корректур.

Деньги Ваши еще не получил – завтра-послезавтра надеюсь видеть нужных лиц. Все здесь медленно.

Вашу Curriculum¹ получил и читаю². Я для Вас смотрю вперед бодро. Не хочу писать успокоительных слов – жизнь тяжелая – но Вы сохранили близких и дорогих и силу научной мысли. В этом же утешение, а Ваша сила в жизни.

Я очень много думал над тем идеалом, который мы получаем в структуре ноосферы. Сейчас пишу – все же урывками, хотя и считаю эту свою работу делом жизни – «Об основных проблемах биогеохимии» [63], к которой приложу несколько экскурсов, два из которых вошли уже в мой план. 1) О логике естествознания (которой еще нет или, вернее, которой есть несвязные и непродуманные до конца начатки, а между тем их правильное понимание меняет, по существу, наши выводы)³. Биосфера есть «природа» для всех геологических и биологических в широком смысле наук, и множество выводов, которые правильны для всей природы, к ней не подходят, например энтропия, неизбежность физико-химических процессов в обратимой форме и т.п. и 2) О добре и зле в конструкции науки. Мне кажется, что я смогу здесь не выходить – кроме критической части – за пределы науки, которая для меня является в своем историческом процессе прямым продолжением создания мозга – аппарата *Homo sapiens*, но развившейся в социальном процессе. Это – сила, превращающая биосферу в ноосферу.

Еще не кончил Вашу записку о Вашей работе: очень много приходится читать. Мне кажется, придется Вас просить сделать экстракт на 4 страницах – черновик, если будет нужно. Напишу Вам об этом. Сердечный привет Вашим.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 95, 95 об.

¹ Биография (лат.).

² Этот «Curriculum» в архиве В. И. Вернадского не сохранился.

³ В 1943 г. глава «О логике естествознания» вошла как составная часть в 3-й выпуск «Проблем биогеохимии» «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли».

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, Дурновский, 1б, кв. 2,
27 января 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Послал сегодня Вам письмо. Приписываю.

Денежные дела с Издательством устроил – когда будут получены деньги – сообщу.

Я говорил с заведующим Издательством Академии о новом, сведенном к современному уровню издании Вашей книжки [148]. Напишите в Издательство Академии – они согласны заключить договор о новом исправленном издании. Я не подымал вопроса о редакторе, и едва ли Вам надо менять Борисяка? Мне кажется, очень хорошо было бы, если бы Вы переработали эту книжку. Наверное, много нового. Если будет нужно сократить – а почти наверно нужно – Ваш Curriculum – сокращу сам. Если не смогу – спишусь.

Всего лучшего.

Сердечно Ваш В. Вернадский

P.S. Наталья Егоровна шлет привет Вам, Анне Дмитриевне и детям.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 96.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 31 января 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 25.01.37 г. Я предвидел, когда послал Вам Curriculum, что он будет великоват, но уместить *все*, хотя бы в кратком объеме, я мог лишь при такой величине. Короткое резюме на некоторых страницах я сделаю, но меня смущает вот что. Вдруг я вмещу в него то, что другим кажется в моей деятельности сомнительным и спорным, а упущу то, что бесспорно в своем значении для других. Я на первом месте ставлю геосинклинали, аллювиальные равнины и сумму связанных с этим широких обобщений, захватывающих проблемы тектоники, горообразования и пр. Для других, как для Вас например, эти обобщения покажутся спорными, и Вы предпочтете более узкие – Днепр и аллювиальные равнины полесий. А при охвате всего можно выбрать то, что нужно.

Зайдет к Вам Владимир Васильевич¹, и я был бы Вам очень благодарен, если бы деньги для меня (гонорар из Академии наук) Вы передали ему.

Владимир Васильевич имеет в виду создать связь нашего учреждения с миром по линии книг. Я очень мечтаю, что это дело наладится и что у нас, наконец, будут книги.

Я сейчас читаю геологические работы Дарвина и, в частности, очень увлекаюсь его «коралловыми рифами» [194]. Сейчас я в них открываю новое,

хотя и прежде знал эту работу. Очень хотелось бы попасть на Тихий океан, а так как это – только мечта, то пока заполучить литературу о нем.

Ваша «ноосфера» меня очень заинтересовала. Чрезвычайно интересуется глава о логике естествознания; думаю, что угадываю ее содержание и целиком с Вами солидаризуюсь заранее. А вот «добро и зло в конституции науки» – это меня озадачило. Способ Вашей трактовки ноосферы и переход к ней от биосферы меня очень занимает. [...]

Всего лучшего.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 4.

¹ В. В. Ассонов.

153

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 11 февраля 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вчера Анна Дмитриевна получила Ваше письмо, где Вы сообщаете, что деньги мои Вы получили, и спрашиваете, послал ли я письмо в Издательство о заключении договора на пятое издание моей книги.

Прежде всего очень благодарен Вам за Ваши заботы. Ожидаю сегодня приезда сюда Владимира Васильевича и надеюсь, что если он был у Вас, то, очевидно, он же привезет и деньги.

Относительно нового издания книги [148] я управляющему Издательством написал. [...] Мне очень приятно будет издать книжку мою в дополненном виде, и я очень благодарю Вас за то, что Вы Издательству о ней писали. Меня интересуется, дошел ли до них экземпляр с исправлениями, посланный через непременно секретаря. Я пишу об этом в заявлении и прошу вернуть его мне для приведения в окончательный вид. На худой случай у меня здесь есть, впрочем, дубликат его. [...]

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 5.

154

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 15 марта 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Из только что полученного письма Натальи Егоровны Анне Дмитриевне я узнал, что Вы вот уже целый месяц не можете освободиться от последствий гриппа. Очень огорчило и взволновало меня это известие. От всей души горячо желаю Вам поскорее поправиться.

175

Недавно сюда дошел посвященный Вам сборник в двух томах [226]. Я еще плохо его посмотрел, но он произвел на меня очень внушительное впечатление. Думаю, что очень приятно получить такой сборник в качестве приветствия. Я был очень тронут и обрадован за Вас.

Я как-то в последнее время раскис и не чувствую себя особенно работоспособным. Сил в себе и увлечения работой не чувствую. Владеет мною какая-то апатия. Рано ложусь спать и для себя почти не в силах работать: нет сил. [...]

Шлю Вам большой и горячий привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 6.

155

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 25 марта 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях (постараюсь завтра) я Вам вышлю номер «Волгостроя» с моей статьей «Верхневолжские водохранилища и проблема затоплений» (№ 7 за декабрь) [147]. Раньше еще я послал Вам номер 2–3 того же журнала с моей статьей «Происхождение Молого-Шекснинского междуречья и создание Рыбинского водохранилища» [142]. Обе эти статьи вместе дают представление о размерах будущих разливов Шексны и Мологи – создание нового озера и связанных с этим проблемах. По этим двум статьям Вы можете войти в курс дела. Сейчас у нас начинаются исследования по будущей зоне затопления, имеющие целью сделать прогнозы о последствиях этого затопления. При начале этой работы нашим строительством намечено собрать комиссию из крупнейших ученых, которые явились бы экспертами в решении вопроса об объеме и задачах работ. В состав комиссии намечены Вы, Б.А. Келлер, Л.С. Берг, Вильямс, гидрогеолог Каменский, метеоролог Б.Н. Мультиановский, гидролог и практик-инженер В.М. Родевич и др. Комиссия будет создана, если согласится нарком, в ближайшее время, и Вы должны получить приглашение. Задача перед комиссией, на мой взгляд, чрезвычайно интересная. В первый раз в истории своей страна стоит перед изъятием из хозяйственного оборота территории, равной площади половины Онежского озера, и сделать все прогнозы по этому поводу, конечно, нужно при начале исследований. Я хотел бы, чтобы Вы не отказывались, если Вас пригласят в эту группу. Ваше участие для дела будет очень важно. Боюсь, не опоздал ли я уже со своим письмом?

В посылаемом номере Вы найдете заметку о Вашей «Истории природных вод» – всех трех ее выпусках [149]. Заметка не дает понятия о книге, ибо чересчур мала, но все же пропаганде Вашей книге в инженерно-геологических кругах она хоть чуточку послужит. Видел я публикации в каталогах, что вышли Ваши «Силикаты» [10] и «Биогеохимические очерки» [60]. Обе книги меня очень интересуют, но я их еще не видал.

Очень беспокоит меня Ваше здоровье, и симптом того, что оно не совсем ладно, чувствуется в том, что Вы меня совершенно забыли. Я довольно неожиданно опять попал в полосу чрезвычайно напряженной работы. Думаю и пишу. Написал статью «Четвертичные движения земной коры в украинском кристаллическом массиве» [154] и вторую – «Тихоокеанская геосинклиналь и коралловые рифы» [156]. Занят сейчас изучением скважины глубиной 220 м, пробуренной у нас на строительстве.

Началась весна, а у меня совсем неясен вопрос об участии моем в полевых летних работах по съемке. Работы эти меня очень интересуют, но, с другой стороны, чувствую себя очень усталым от всего. Если бы можно было, хотел бы от всего уйти и отдохнуть. [...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 7, 8.

156

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 1 апреля 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на три письма, посланные Вам, я не имею никакого отклика. Боюсь, что это значит, что Ваше здоровье не совсем хорошо. Я Вам на днях послал номер журнала со своей статьей и двумя рецензиями. Получили ли? Видел недавно в циркулярах Международного конгресса¹, что Ваша тема о геологическом времени [70] выдвинулась на видное место в числе тем конгресса. Очень хотелось бы мне закрепить за собою право на получение изданий конгресса, но я не знаю, примут ли меня в члены его, если я отошлю заявление. Я сейчас занят проблемой подземных вод нашего района, но едва ли что-либо путное смогу сделать, поскольку анализы, которые делает наша лаборатория, никуда не годятся: не определяются, например, щелочи. Интересным фактом в полевых наблюдениях наших было констатирование в породах пермо-триаса, после их вскрытия котлованом плотины, самой подлинной тектоники: не крупные антиклинали типа небольших куполов с падением пород до 25°. С мая должно у нас начаться развертывание больших полевых работ в районе Молого-Шекснинского междуречья и Волги: предполагается съемка обширных территорий будущего водохранилища, сопровождаемая многочисленными мелкими бурениями, и до десятка крупных скважин глубиной 250–300 м. [...]

Надеюсь, материалы о соляных куполах Украины, с одной стороны, и статьи Г.Ф. Мирчинка о четвертичных движениях [217] там же – с другой, толкнули меня вновь к теме об Украинском кристаллическом массиве, и я написал работу о его движениях [154], как *будто* интересную и, во всяком случае, с гораздо большим учетом всех факторов и обстоятельств, чем статья Мирчинка. Не прочь был бы предложить статью в качестве темы для конгресса. Но не знаю, простираются ли на это мои права. Есть у меня и еще тема – «Тихо-

океанская геосинклиналь и коралловые рифы» [156], тоже законченная и тоже как будто весьма увлекательно разработанная.

Очень томит и беспокоит меня то, что от Вас нет известий. И за Вас беспокоюсь и за себя огорчен, так как каждое письмо Ваше для меня – источник радости и бодрости. От Чагина никакого ответа на предложение об издании книжки не имею. Должно быть раздумали ее печатать.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 9, 10.

¹ 17-я сессия Международного геологического конгресса. Состоялась в Москве 21–28 июля 1937 г.

157

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 6 апреля 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я действительно, как Вам писал, уже два месяца не выхожу из нездоровья – последствия гриппа. Три недели, проведенные в Узком, не внесли улучшения – там пролежал дней 10. Заставили лежать врачи, так как подымалась температура до 37,4, обычно 37,0–37,2. Нашли, что для моего возраста (74 года) это большая температура.

Причину ее повышения не понимают: «грипп».

Вернулся сюда после того, как несколько дней там была температура нормальная и я стал гулять 3.IV, а 4.IV опять повышение температуры. Кажется, сегодня температура нормальная все время. Очевидно, надо изменить строй жизни, раз я, учитывая свой возраст, хочу кончить свою книгу («Об основных понятиях биогеохимии»). Я хочу отказаться от всякой лишней нагрузки и в конце концов уйти от лаборатории. От Радиевого института я фактически отошел, но и от Биогеохимической лаборатории я отойду¹.

Поэтому я никакой консультации и по Вашему проекту, о котором Вы пишете, взять на себя не могу, даже если бы вопросы геологического строения Средней России мне были бы более знакомы, чем они есть в действительности. Вы учтите мои годы и мою большую жизненную работу, которую я начал писать на 74-м году. Ведь мне к ее окончанию должно быть 76–77 лет! Надо дожить до этого. Дерзость, что я серьезно думаю ее закончить. Несколько запоздал.

Теперь надо подготовить доклад для конгресса «Радиогеология и ее значение для современной геологии» [70]. Очень интересные и важные новые данные. Между прочим, выясняется, что актин-уран (сейчас 4¹/₂% обычного урана) 2 миллиарда лет тому назад составлял больше 25%, а три миллиарда лет тому назад температура земной коры должна была быть иная благодаря его количеству, так как радиоактивный распад давал *много больше* тепла, чем теперь. Этот пересчет Хлопина – верный – геологически очень важен.

Пришлось отложить, а может быть, и надо будет отказаться от наполовину написанной заметки о ноосфере² (для сборника Карпинского) и о газовом режиме Земли [71] (для сборника Обручева)³.

В этом отношении я пойду до конца, пока буду видеть возможность кончить свою книгу. Вместе с Вами мы ждем Вашего возвращения в широкую жизнь. Надеюсь, это будет в мае.

[...] Сердечный привет от нас обоих Анне Дмитриевне и детям.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 97, 97 об.

¹ От должности директора Радиевого института В.И. Вернадский отказался окончательно только 13.IV 1938 г. По его предложению, директором был назначен его ученик и ближайший сотрудник В.Г. Хлопин (впоследствии академик). Директором и научным руководителем Биогеохимической лаборатории В.И. Вернадский оставался до конца жизни – 6 января 1945 г.

² Заметка о ноосфере в те годы написана не была. Однако к проблеме ноосферы В.И. Вернадский за последующие годы обращался неоднократно. Чувствуя, что он не сможет разработать эту тему в том объеме, в каком намечал первоначально, В.И. Вернадский опубликовал в 1944 г. в журнале «Успехи биологии» небольшую статью «Несколько слов о ноосфере».

³ Упомянутые сборники в ближайшие годы опубликованы не были.

158

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 8 июня 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

[...] Вы сейчас, наверно, находитесь в Узком, и письмо мое не сразу дойдет до Вас. Часто вспоминаю Вас в связи с конгрессом: очень интересуюсь Вашими новыми данными о геологическом времени и предстоящим там Вашим докладом. Дошел до меня в последнее время третий том «Геохимии» Ферсмана. Насколько меня не удовлетворили первые два тома, настолько же потряс этот [240]. Я не успел его еще осилить, стою в самом начале, но из беглого просмотра его и из того, что прочел, получил впечатление очень серьезной глубокой работы. Все жду Ваших «Силикатов», и они как будто уже вышли, но почему-то сюда к нам не доходят. А вышли ли «Биогеохимические очерки»? [10, 60].

Работа у меня сейчас клеится плохо. Занимаюсь мелочами и весьма разнообразными.

В часы отдыха, которых немного, читаю посмертную книгу В.К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» [169] и перечитываю с наслаждением сибирские рассказы Вл. Короленко¹. Собираюсь ехать на полевые работы на две недели, если пустят.

Шлю большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 11.

¹ Вероятно, имеется в виду книга В.Г. Короленко. Избранные произведения. Л.: М., 1937, куда входили сибирские рассказы. Отдельным изданием как «Сибирские рассказы» они не издавались.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 13 июня 1937 г.

Дорогие Наталья Егоровна и Владимир Иванович,

я только что получил письмо Натальи Егоровны от 9.VI. Очень рад, что Владимир Иванович почувствовал себя в Узком лучше и что давление крови упало. Надеюсь, что скоро Владимир Иванович оправится совсем.

Я сейчас в одиночестве, потому что вся семья моя в Ленинграде. Жду их сюда в конце месяца. [...]

Я послал Вам на городской Ваш адрес переработанный для пятого издания текст книги моей о движении материков¹ с просьбой передать в Издательство Академии наук. Сейчас я получил письмо от зав. редотделом Н.А. Энгеля, где он просит ускорить присылку текста книги. Не откажите передать присланный экземпляр названному лицу в Издательство Академии наук (ул. Куйбышева, д. № 8). Очень приятно мне, что издание книжки, по видимому, сдвинулось с мертвой точки. [...]

Погода здесь сейчас настала чудесная: много солнца и жарко. Если меня пустят, то на днях уеду на две недели в командировку в Молого-Шекснинское междуречье.

Всего, всего хорошего.

Б. Личков

АРАН, ф. 519, оп. 3, д. 981, л. 12.

¹ Книга «Движение материков и климаты прошлого» до этого имела 4 издания. 5-е опубликовано не было.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 17 почт. отд., Теплый Стан,
Санаторий КСУ, 17 июня 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я здесь до 1 августа. Во время конгресса буду здесь¹. Не знаю, смогу ли сам прочесть доклад, но, во всяком случае, его написал. Самое интересное, что сейчас доказано, что основной – по массе – изотоп урана актин-уран на 96% исчез за $3 \cdot 10^9$ лет и в связи с этим, по вычислениям Хлопина, количество радиоактивного тепла уменьшилось в 5–6 раз. Следовательно, метаморфическая оболочка образовывалась при совсем иных условиях, и мы радиоактивной методикой не проникнем глубже $3 \cdot 10^9$ лет: все процессы тронуты. Я лично придерживаюсь идей Геттона, который указывал, что в геологии мы *не видим* ни начала, ни конца. Это не значит, чтобы их не было (философски я не вижу, почему начало и конец понятнее), но из геологических научных работ мы к решению этих вопросов не подойдем.

Я думаю, что для радиоактивных определений времени мы можем исходить из времени создания метаморфической оболочки.

Другое, совсем для меня неожиданное явление – это возможность расплавленной коры Земли *сверху* под влиянием радиоактивности, ибо исчезновение господствующего изотопа урана – актин-урана – в пределах геологического времени позволяет думать, что мы на Земле имеем исчезнувшие химические элементы. Нельзя найти сейчас 61, 83, 87, 93, 94, 95, 96 – последние заурановые теперь получаются легко в своих скоротечных изотопах. Они были получены и у нас, в Радиевом институте.

Если это так (что они исчезли радиоактивным распадом – для всех тяжелых с 83 – это эмпирически вероятно), то, может быть было время, когда поверхность планеты была расплавленной! Вот никогда не думал я, что могу допустить эту возможность! Внутренность планеты могла быть и есть холодная².

Я прочел книгу Швиннера («Physical. Geologie» 1936 г. [280] могу Вам заказной бандеролью прислать) и я ясно вижу, что отрыв Луны не есть гипотеза вроде кант-лапласовской или вегенеровских идей, а вероятное следствие наблюдаемых приливо-отливных явлений. Очень возможно, что тогда диссимметрия живого в этот момент могла создаться?

Второе важное следствие – это возможная разновременность в разных местах горообразовательных явлений, например каледонской складчатости, так как тонкая корка Земли не может отражать явлений внутрипланетных (сжатие Земли и т.п.).

Но сейчас главное – это внести в геологию число. Я предлагаю образовать особую комиссию по радиоактивному определению времени при Геологическом конгрессе³. По-видимому, германские немцы будут этот конгресс бойкотировать⁴. Я думаю, что очень странное впечатление должен был произвести и состав президиума⁵.

Книгу Александра Евгеньевича [240] еще не прочел. Но я думаю, что он подошел к крупному эмпирическому обобщению, которое, как многие обобщения науки нашей эпохи, не могут быть образно поняты. Я слышал его доклад в президиуме Академии в связи с приложением геохимии к полезным ископаемым. Это большая вещь. Его здоровье меня *чрезвычайно* тревожит. Он уже несколько месяцев в больнице в Ленинграде, и точной причины болезни не знают: и почки, и печень, и сердце, и нервная система. По крайней мере на полгода выбит из жизни. Боюсь и худшего. Это огромное несчастье.

Как только «Силикаты» [10] можно будет достать в Москве – я недополучил авторских, и, может быть, на днях будут – сейчас вышло. Но мне кажется, для Вас может быть интересно только мое Введение, которое очень хотел бы, чтобы Вы прочли и мне отписали Ваше суждение. «Биогеохимические очерки» опять застряли. Третий раз сменяют людей (вредители и т.п.) и каждый новый (мне кажется не лучший) «входит в дело». Вот уже бездарная организация, так бездарная – наше издательское дело и бумажное, в Академии еще лучше...

Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» читал. Очень талантливо. К сожалению, то же издательство не издает его, что нужно. О какой книжке для издательства Академии наук Вы пишете? Когда послали? До отъезда сюда не получил.

Надеюсь для Вас лучшего. Когда Ваши будут с Вами?

Ваш В. Вернадский

P.S. Наталья Егоровна шлет сердечный привет.

¹ 26–28 июля 1937 г.

² Этот вопрос до настоящего времени считается дискуссионным.

³ См. примечание 2 к письму 166.

⁴ Вероятно, в связи с международной обстановкой.

⁵ Неясно, что имеет в виду В.И. Вернадский. Президиума как такового на Сессии МГК не было. Было Бюро конгресса, которое состояло из президента, академика И.М. Губкина, вице-президентов – глав всех правительственных Делегаций и ученого секретаря – А.А. Амирасланова.

161

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 30 июня 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Пишу несколько слов. Меня очень беспокоит, что Ваша рукопись для Издательства Академии наук не получена ни на моей квартире, ни в лаборатории. Известите, когда Вы ее послали и куда. Я сам не был ни в лаборатории, ни дома этот месяц, – но ее не нашли. Конечно, ее – самое безопасное – надо было отправить в Издательство с тем, чтобы я проверил.

Получили ли мои «Силикаты» [10]? Их Вам послали из лаборатории заказным. Известите.

Сейчас пишу эти несколько строк. Теперь на квартире остается одна Прасковья Кирилловна¹, и она не сможет разобраться в таком деле.

Мы остаемся на месяц здесь. А в середине или в конце августа хотим ехать к внучке. Начну хлопотать в скором времени. Наконец, последние дни чувствую себя лучше – оправился.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 100, 100 об.

¹ П.К. Казакова.

162

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 5 июля 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

очень рад я был получить Ваше письмо от 17.VI и еще больше рад был, узнав как из этого письма, так и из письма Натальи Егоровны, что Ваше здоровье значительно лучше и что Вы бодро работаете и в то же время отдыхаете сейчас.

Вы мне предлагаете прислать временно заказной бандеролью книжку Швиннера «Physical. Geologie» 1936 г. [280], где говорится о происхождении Луны. Я очень заинтересован содержанием этой книги и был бы рад ее прочесть. Если это возможно, пришлите ее по адресу: Болтинское почтовое отделение, д. Селихово, дом А.И. Никитиной, Анне Дмитриевне Личковой.

182

У меня почти никаких новостей нет. Служебная работа в области геологии распалась на такие мелкие дела, что не в состоянии меня зажечь и увлечь, а для работы, внеслужебной, почти не остается времени. [...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 13.

163

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Переборы, 9 июля 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Только что послал Вам письмо, как получил Вашу записочку от 3. VII. 1937 г. С рукописью моей книги дело обстоит так. Я поручил моей жене послать ее почтой Вам и при отъезде ее отсюда в Ленинград передал ей запакрованную бандероль. Она хотела Вам ее переслать через Анну Георгиевну¹, но когда выяснилось, что Анна Георгиевна все откладывает свой отъезд в Москву, она изменила свои намерения и рукопись привезла мне обратно. Уже до этого я, не зная еще, что рукопись до Вас не дошла, сговорился с Издательством иначе. Я предполагал, что Анна Георгиевна суть этого дела Вам передала так же, как надеюсь, что она передала Вам и письмо моей жены. Или нет?

Простите, что зря Вас обеспокоил с этой рукописью. По-видимому, она все-таки переиздаваться будет, хотя Издательство не прислало мне еще договора для подписи и я не знаю, кто будет редактором издания.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 14.

¹ А.Г. Самарцева.

164

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 9 июля 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Из вчера полученного письма Вашего от 5.VII я вижу, что Вы моего письма от 30.VI не получили. 29.VI я получил от Издательства Академии просьбу передать им для печатания рукопись Вашей книги. Я писал Вам уже, что я ее не *получал*. Ездил нарочно в Москву, чтобы в этом убедиться. Когда Вы ее послали? Я уехал из Москвы 1.VI. Надо принять немедленно меры.

Наталья Егоровна не получила письма Анны Дмитриевны, о котором Вы пишете.

Всего лучшего. Спешу послать открытку – сейчас придет почта.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 101.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[с. Болтино,] 25 июля 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

из последнего письма Вашего я узнал, что Вами сделано распоряжение о высылке мне «Силикатов» [10]. Спешу сообщить, что этой книги Вашей я не получал. Очень опасаясь, как бы она не потерялась вследствие неверного адреса, который я вижу на последних Ваших письмах. Адрес мой: Болтинское почтовое отделение (около Рыбинска), д. Селихово, дом Никитина, А.Д. Личковой. Прежде была в моем адресе деревня Переборы. Теперь ее упоминать не надо и давно не надо, ибо деревни этой уже не существует, а письмо может потеряться. Вы мне предлагали в одном из последних писем прислать мне на время для прочтения книжку о происхождении Луны [280]. Она меня очень интересует, и я опасаясь, не послали ли Вы ее тоже по неверному адресу, в силу чего я опасаясь ее потери.

Очень рад, что Вы, наконец, почувствовали себя настолько бодро, что сами об этом в письме упомянули. Рукопись мою Вы, вероятно, получили. Едва ли она понадобится Издательству, ибо как будто все вопросы, ее касающиеся, выяснены, но все же пусть она будет у Вас. Не откажите при случае справиться, как обстоит дело с печатанием книги и когда оно будет. Очень рад был бы Вас иметь редактором.

[...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 15.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 30 июля 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня вечером уезжаем из Узкого. Не знаю, как сложится дальше. Подал заявление о заграничной поездке между 10–5.VIII, так, чтобы попасть назад в Москву к 1 октября¹.

Ваши два письма от 17 и 25. VII. получил. Не понимаю, в чем дело с Вашей рукописью. Завтра созвонюсь с издательством. Они у меня (вчера получил) требуют Вашу рукопись. Вы не послали им? На письме (конверт бросил) нет даты! Подписано Энгелем. Завтра по телефону выясню. Там путаница какая-то. Тоже мне пишет Красовский из Ленинграда.

Я Вам Вышлю книгу Schwinner'a «Physical Geologie» [280]. Интересная – взял Архангельский, обещал скоро вернуть. Можете держать до октября.

Все, что Вы пишете, грустно – но я думаю то, что Вам говорили серьезно и надо запастись терпением – совет не словесный. Но я думаю, что сейчас такая полоса.

На Конгрессе² бывал, сколько позволили силы, ни на какие парады и т.п. не ходил – в Совете Конгресса и общих собраниях и секциях – и то на немногих. Из газет Вы знаете, что в смысле радиогеологии я добился всего. Сейчас надо реализовать. Марбл (научился по-русски!) – вице-президент американской комиссии в Вашингтоне – очень хорошее впечатление. И думаю, что дело сейчас пойдет. Перешлю Вам черновик своего доклада. Кажется, есть копия. Напомните.

Видных – ведущих – людей на Конгрессе не было. Немцы, австрийцы, итальянцы, португальцы отсутствовали. Экскурсии, по-видимому, удались, но очень мало было на них русских. Организация конгресса по существу очень плохая – но сошло. Горбунову было очень трудно – но в конце концов, ниже среднего, но допустимо: прошло «благополучно» – по-нашему.

Для меня была приятна и нужна связь с Марблем и Руайе – по-моему, самый крупный минералог Франции – *in spé*³ – с большим будущим.

Среди докладов было много интересного, но я, как только что выздоровевший, конечно, многого не знаю.

Всего лучшего, дорогой друг.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 102, 102 об.

¹ В 1937 г. В.И. Вернадский не смог выехать в заграничную командировку, так как в конце августа заболел серьезной формой эндокардита. Подробнее см. примечание 1 к письму 168.

² 21 .VII 1937 г. в Большом зале Московской государственной консерватории был торжественно открыт Международный геологический конгресс (XVII-я сессия). На первом пленарном заседании в конференц-зале Дома ученых В.И. Вернадский сделал доклад «О значении радиогеологии для современной геологии» и внес предложение организовать Международную комиссию по определению возраста горных пород радиоактивным методом. Комиссия была организована и существует поныне. Доклад В.И. Вернадского был признан всеми присутствующими на Конгрессе – лучшим. Это было последнее выступление ученого на международной арене (см. ф. 518, оп. 2, Хронология 1937 г., с. 4–6. Запись В.И. Вернадского).

³ По виду (лат.).

167

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Болтино,] 24 августа 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

от Вас давно не имею известий и не знаю, находитесь ли Вы в Москве или уехали, как собирались, за границу. Большое спасибо Вам за присылку «Земных силикатов» [10]. Я с громадным интересом прочел первые 70 страниц книги и пока на этом остановился. Вся теоретическая часть здесь необычайно интересна. Очень понравилось мне и показалось глубоко верным историческое освещение роли школы геометров кристаллографов – Е.С. Федорова, Браве и др. (стр. 25)¹, освещение роли П. Грота (стр. 26); захватывающе интересна 6-я, последующая история судеб каолинового ядра после его первого установления (стр. 37, сл.). Должен сказать, что Ваша критика рентгенограмм (стр. 26, 29, 45, 55 и др.) меня не вполне удовлетворила: хотелось, чтобы Вы дали там подробный разбор этого важного вопроса. Я его искал в другой Вашей статье в Петрографическом сборнике Академии наук [66] и тоже не на-

шел. Я не говорю, что это неубедительно, но хочется еще сильнее и больше! Очень может быть, что я неправ и в этом желании.

Очень большое внимание мое привлекли (стр. 41) Ваши как бы оправдания по поводу того, что Вы не пошли в своей работе по пути создания Экспериментального института силикатов², а стали на иной путь. На стр. 48 мое большое внимание привлекли Ваши слова: «Ибо можно экспериментом решать задачи только тогда, когда научно ставится вопрос, на который опыт должен научно ответить. Я уже пользовался в значительной части чужим экспериментом, массовым экспериментальным фактическим материалом так же, как и массовым наблюдательным материалом, выводя этим путем эмпирические обобщения». Этот путь Вы указываете как путь, сложившийся у Вас под влиянием «обстоятельств моей научной жизни». Я бы сказал, что не всякому удалось бы, идя по этому пути, получить такие ценные результаты, Как у Вас. У них на этом пути оказались бы в итоге только компиляции, а у Вас – замечательные открытия. Я бы сказал, что не всем можно идти этим путем!

Очень большое впечатление произвело на меня Ваше совершенно верное указание, что основные положения речи Вашей о полиморфизме все еще не вошли в науку, хотя остаются верными и подтверждаются всеми известными фактами. А ведь речи этой сорок пять лет [2]. Как приятно это сознавать, что сорок пять лет назад Вы так опередили мысль своего времени, что ход ее Вас не догнал до сих пор. Это то же самое, что в случае с Е.С. Федоровым и его школой, относительно которых Вы так ярко написали, что наука их до сих пор не догнала тоже.

Я просматриваю понемногу третий том Ферсмана [240], где много говорится об ионных радиусах, эках и пр. Все это очень интересно, но не на этой основе можно создать энергетическую *геологию*, о чем писали Вы. Меня не совсем удовлетворило то, что Вы говорите об ионных радиусах. Вы приглашаете к осторожности (стр. 30), и приводимый Вами факт для всей теории убийствен (опыт Барта). Но в то же время на ст. 20 Вы кратко говорите, что во многих случаях они дают «прекрасные результаты». Хочется знать Ваши выводы по этому поводу более обстоятельно. Что думаете Вы об ионах и об эках?

Вот, кстати, поразившие меня в их взаимной противоположности фразы Ферсмана и Ваши:

ВЫ:

«Термодинамические и химические поля планеты несравненно превышают мощность наших лабораторий» (стр. 5).

«Здесь открываются тогда и новые пути для физики частичных сил, для учения о коллоидах и т.п. в большем даже разнообразии, чем дала его техника, так как масштаб природного процесса несравнимо больше» (стр. 32, примечание).

ФЕРСМАН:

«Природный процесс проще и, я сказал бы, грубее, чем новейшие методы современной химической и особенно физической лаборатории...» (*Геохимия, III, стр. 14*).

Это, конечно, противоречие не столько логическое, сколько психологическое, и оно невольно бросилось мне в глаза.

Возвращаюсь к статье Вашей. Ваша самооценка, исторические и автобиографические черты в ней, точка зрения на разные научные течения и лю-

дей – все это было мне чрезвычайно интересно, и я глубоко Вам благодарен за присылку Вашей книги и трех сопровождающих ее статей мне.

Написал я статью о четвертичных движениях в кристаллической полосе Украины [154]. Посылаю эту статью в геологическую серию Известий Академии наук. Примут ли там для печати? Второй экземпляр посылаю Вам с просьбой прочитать (это не так трудно, ибо статья хорошо переписана на машинке), сказать свое мнение и вернуть мне.

Не знаете ли чем закончилась история с моей книжкой? Зачем был нужен им второй экземпляр и почему они замолкли? Вы хотели с ними поговорить по телефону, чтобы узнать в чем дело и могли вместе с тем дать им второй экземпляр, так как он у Вас имеется.

Очень увлекаюсь я сейчас темой о «Геологии современной эпохи» [153] и пишу на эту тему небольшую статью размером 1,5–2 л. Пишу урывками, ибо времени мало. Если удастся отпечатать на машинке, пришлю Вам, ибо рукописи посылать Вам безнадежно. Мне кажется, что статья получается увлекательная.

Работал в последнее время над картой, геоморфологической, Молого-Шекснинского междуречья и текстом к ней. И текст, и карта пойдут на экспертизу в Академию наук. Карта, в которую я вложил бездну труда, висит сейчас на стенке, и я ею люблюсь.

[...]

Я еще не успел прочитать Вашу интереснейшую статью «О пределах биосферы» [59], а равно тоже очень интересную «О геохимии марганца» [68]. Прочту и напишу о них особо³.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 16, 17.

¹ См.: В.И. Вернадский. Избранные сочинения, т. IV, кн. 2, М., 1959, с. 19–80. Страницы, на которые в этом письме ссылается Б. Л. Личков, для удобства чтения исправлены точно на страницы этого издания.

² См. там же, с. 42. Однако в этой работе речь идет не об институте, а о лаборатории.

³ Окончание письма с подписью Б.Л. Личкова не сохранилось.

168

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 7 сентября 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Вот уже более двух недель, как я лежу в постели и могу только диктовать. Два пальца моей правой руки еще плохо действуют. Я не могу писать, могу только с трудом подписывать. Как будто идет медленное восстановление, как говорят врачи. Был консилиум с невропатологом Молчановым, а другой хороший врач невропатолог постоянно следит за моим здоровьем. Завтра будет другой консилиум с доктором Хорошко. Так я чувствую себя совсем хорошо, но, конечно, долгое лежание меня расслабляет. Врачи, кажется, не для утешения, считают, что все обойдется¹.

Вот какова человеческая жизнь! Конечно, несколько дерзко было, как я Вам писал, начать писать главную работу жизни в 73 года. Заниматься и чи-

тать серьезное мне совсем запрещают месяца на два, на три. Еще не знаю, как мы их проведем. Голова чрезвычайно свежа, и мысль работает, как прежде.

Поэтому я не буду отвечать на Ваши вопросы, которые меня очень заинтересовали – после Вашего прочтения моих силикатов [10]. Я считаю, что в строении силикатов кроются новые химические явления, которые потребуют нового анализа и нового коренного изменения понятия о химических функциях, что еще ярче видно в биохимии. Ну, не буду касаться этой запретной области.

В издательстве происходили все время какие-то изменения. Все кончилось благополучно. Мало выходило и выходит книг. Они говорили мне по телефону, что нашли Вашу рукопись [158] и не прислали, как хотели, за той, которая была у меня и находится еще у меня, приготовленная для них в пакете. Думаю, что все благополучно.

Очень буду рад получить от Вас весточку и узнать о Вас.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 1, л. 104, 104 об.

¹ В «Хронологии» за 1937 г. В.И. Вернадский записал: «...эндокардит. Первое проявление было в 1930 г., я тогда не понимал всей серьезности моего заболевания. В первый раз тогда появилась аритмия» (ф. 518, оп. 2, «Хронология», 1937 г., с. 3). С тех пор приступы аритмии (эндокардита) повторялись ежегодно.

169

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 10 сентября 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Ваше письмо от 7 сентября, только что мною полученное, глубоко меня взволновало. Почему-то у меня была уверенность, что Вы оправились прочно и что всякие опасности миновали, а тут вдруг такая неприятность приключилась. Меня несказанно волнует Ваше здоровье. Воображаю, как Вам трудно будет три месяца сидеть на умственной диете, в особенности при условии, что голова Ваша чрезвычайно свежа, как Вы говорите, и мысль работает, как прежде. Как хочется, чтобы Вы поскорее оправились совершенно!

После того, как я написал Вам письмо свое о силикатах, я прочел с наслаждением статью Вашу о границах биосферы, а равно статью о синтезе силикатов [10]. Вторая из этих статей на многие мои вопросы ответила. Страшно она мне понравилась ясностью и четкостью своего изложения. Даже на вопрос о ионных радиусах там, в сущности, есть ответ. Очень интересна статья о границах биосферы. В ней особенно привлекла мое внимание мысль о грядущей новой философии и о том, что сейчас, в связи с быстрыми успехами точного знания, философия новая не имеет времени сложиться. Очень много интересного в этой статье, о чем хотелось бы поговорить с Вами.

[...]

Очень хотелось бы мне Вас и Наталью Егоровну повидать, но когда это будет, я не знаю.

Адрес наш: Болтинское почтовое отделение, около Рыбинска, деревня Погорелки, дом Ковригина.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 18.

170

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 23 сентября 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно не имею от Вас известий и ничего не знаю о том, как идет восстановление Ваших сил. Надеюсь на самое лучшее в этом отношении и очень хочу его. Но тем не менее невольно очень о Вас беспокоюсь.

Я часто возвращаюсь мыслью к Вашей идее о происходящем и грядущем перевороте в естествознании в сторону биологии и геологии, и думаю, что Вы правы: этот переворот должен действительно на *научной почве* перевернуть наше миропонимание. То, что можно было до сих пор обосновать как чаяния веры или домыслы философии, окажется законным продуктом научной мысли, а не контрабандой какой-то. В то же время, обратно, и философия тоже расцветет. Сейчас теория познания опирается на опыт физики, химии и пр. как более современных наук, и теперь она поймет, что в той же мере важен и интересен теоретикопознавательный опыт биологии, геологии и пр., которого теперь обычно не замечаем. Квантовая механика, принцип относительности и пр. – вот темы, которые берет себе из естествознания современный теоретик, используя опыт физики. А скоро он точно так же для гносеологических проблем станет использовать опыт геолога. Новые основы получит и философия науки. Так ли я Вас понимаю?

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 19.

171

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 29 сентября 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Время быстро идет. Я медленно оправляюсь. Сейчас могу писать, но не очень разборчиво, но все же это несравненно лучше, чем было раньше.

Десять дней делаю массаж, а надо тридцать. Встал с постели уже недели две, гуляю, но очень немного. Буду хлопотать о поездке к дочери.

Отвечаю на Ваши два письма от 10 и 23 сентября. Невольно все-таки, конечно, думаю, но не делаю этого сознательно. Читаю с большим интересом старую биографию Агассиса; чрезвычайно много дает мне. Это книга его

вдовы¹. Агассис вместе с Дана играл огромную роль в выявлении положения человека в планете.

Сейчас прочел очень интересную популярную книжку Рассела о солнечной системе [278]. Здесь впервые в основу всех суждений и астрономы берут радиоактивность. Теория Канта – Лапласа занимает несколько строчек. Огненная внутренность Земли, в сущности говоря, никакой основы в астрономических явлениях не находит. Значение геохимии и радиогеологии выступает на видное место. Мне кажется, удобнее в геологии следовать Геттону – не искать ни начала, ни конца.

В последнем письме Вы пишете по поводу теории познания. Мне кажется, теория познания в наших конкретных науках о Земле не может дать очень много. Она выросла на научных теориях физики и на научных теориях математического характера, всецело основанных на *понятиях*.

Между тем в науках о Земле мы имеем дело с понятиями, неотделимыми от реального объекта, и наша логика должна с этим считаться.

Любопытно, что логика Демокрита это ясно выражала. Объект в понятии каждым поколением натуралистов понимается разное.

Архангельский уезв в Сочи Швиннера [280], не знаю, надолго ли он уехал, постараюсь Вам его возможно скоро доставить. Ищу для Вас также копию моего доклада на конгрессе [70] и очень буду рад знать Вашу критику. Издательство Академии наук подверглось в президиуме жесткой критике во многом справедливой, и этим, мне кажется, объясняется неправильность и неаккуратность в его действиях за последние месяцы.

Сердечный привет Вашей семье от нас обоих.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, л. 1, л. 105.

¹ В библиотеках Москвы эту книгу найти не удалось.

172

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 6 октября 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 29.IX. Очень рад улучшению Вашего здоровья и надеюсь, что скоро Вы поправитесь совсем. Мое личное настроение сейчас несколько приподнялось, не в связи с надеждами какими-нибудь (с ними тихо!), в связи с внутренним ходом идей. Урывками, поскольку позволяет служба, работаю сейчас над тремя темами: «Современной эпохой», о которой я Вам писал [153], и, кроме того, над «Тихоокеанской геосинклиналью» [156] и «О молодом рельефе и древних речных долинах» [157]. Все три темы очень интересны, и я работаю над ними с увлечением, хотя времени для этого мало. Написал, как я Вам уже писал, работу «О четвертичных движениях в районе Украинского кристаллического массива» [154] и послал в геологическую серию Известий Академии наук. Не знаю – примут ли или произойдет та же история, что с книжкой о движении материков, 5-е издание, вопрос о которой замер [158].

В последнее время много работал литературно, так сказать, по геологии Волги, и тоже кое-что у меня назревает в этой области в связи с моими исследованиями здесь. С интересом знакомился с книжкой В.П. Батурина «Палеогеография по терригеновым компонентам» [175], за которую он получил премию Спендиарова¹ на конгрессе. Хорошая книжка, но написана безобразно, автор делает не все обобщения, которые мог бы сделать. Чувствуется какая-то незаконченность и спешность (недоделка) работы. Обо мне он пишет, между прочим, что значение моих работ «как мне кажется, пока недооценивается». Думаю, что сейчас глубокое на очереди проникновение геоморфологии в геологию и что геоморфология вместе с осадочной петрографией в ближайшее время перевернут наново все геологическое поле.

Агассис меня всегда интересовал, а о Дана как исследователе, игравшем большую роль в выявлении положения человека на планете, я ничего не знал.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. «О тихоокеанской геосинклинали», а равно «О молодом рельефе и древних долинах» напишу как-нибудь особо на днях.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 20, 21.

¹ Премия Спендиарова установлена в 1897 г. в честь трагически погибшего геолога (см. БСЭ «Геология»), Более подробно узнать о Спендиарове не удалось. О присуждении этой премии В.П. Батурина в Трудах XVII сессии МГК, на с. 84 (т. I, М., 1937) написано: «И.М. Губкин сообщает, что Комиссия (по премии Спендиарова. – *Ред.*) постановила предложить Совету конгресса утвердить выдачу премии Спендиарова сотруднику Института горючих ископаемых АН СССР В.П. Батурина. Предложение принимается».

173

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 3 ноября 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Посылаю Вам, наконец, книгу Швиннера [280], которую мне вернул Архангельский, и Геохимический справочник, который у меня оказался в двух экземплярах и который Вы можете оставить себе. Он может быть Вам полезен. В общем, он сделан добросовестно. Швиннера пришлите при случае, по прочтении. Если он будет опять нужен, напишу. Может быть, будет нужен в связи с метеоритами. Вы мне ничего не пишете, посылать ли Вам геологические журналы Академии и Общества испытателей, которые я не сохраняю и передаю в библиотеки. С удовольствием буду передавать Вам.

Я думаю, что отказ в переиздании книжки Вашей может быть связан с тем кризисом, который переживает Издательство.

Я это выясню и Вас извещу. Имейте в виду, что «Известия Академии» сейчас разделены на несколько независимых редакций¹. Куда Вы послали Вашу статью об эпейрогенических движениях на Украине? Она должна, по-моему, прямо идти к Архангельскому.

Архангельский хочет издать перевод Швиннера. Не знаю, есть ли у него сейчас экземпляр. Может быть, спросить о Вас как о переводчице? При всей моей нелюбви к переводам, которые часто у нас невежественны, я считаю перевод этой книжки полезным. Мне кажется, комплекс этих знаний у наших геологов очень слаб.

Я понемножку вхожу в научную работу в смысле писания. Пишу то, что не требует никакого напряжения. Отделяю речь, произнесенную на конгрессе, и хочу дать в сборник Обручева² небольшую статью о ноосфере, которую готовил и частью написал для сборника Карпинского. Наконец, для Докладов – небольшую статью о серных и фосфорных аналогах алюмосиликатов в связи с открытием минерала – нового – эллестадита, который кристаллографически отвечает апатиту, но почти не содержит фосфора, около 3% окиси, а содержит окись серы и кремнезем. Вполне изоморфен апатиту [73].

В связи с новыми находками палласитов – куски в несколько пудов в Белоруссии – вчера я имел интересный разговор с тамошним геологом Жирмунским. Первые куски найдены 100 лет тому назад (1809 г. – Брагинский метеорит). Новые находки на первой террасе. Ваши идеи лежат в основе всех их представлений и вполне подтверждаются при более тщательной картировке. Очень мне это было приятно слышать.

Наш сердечный привет Вам обоим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 106, 106 об.

¹ С 1937 г. «Известия АН СССР» стали издаваться по отделениям: «Известия АН ОМОН» (отделение математических и естественных наук), серии: биологическая, химическая, геологическая, физическая, географическая и геофизическая, математическая; «Известия АН ОООН» (отделение общественных наук); «Известия АН ОТЕН» (отделение технических наук).

² Сборники, посвященные В.А. Обручеву и А.П. Карпинскому, в те годы опубликованы не были.

174

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 7 ноября 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

совсем другим духом и настроением повеяло на меня от Вашего последнего письма, которое я получил вчера, по сравнению с письмами предыдущими. С радостью вижу, что Вы совсем уже поправились; хотелось бы только, чтобы это было прочно! Насколько я себе представляю, то же самое, что Вы пережили сейчас, с Вами уже было раз, хотя в несравненно более слабой степени, в 1930 году. Помните, тогда ведь тоже «на мгновение» и рука у Вас отнималась. Я хорошо помню этот эпизод. Это было в разгар треволнений с КЕПС и пр. Швиннера я еще не получил. Думаю, что получу на днях, вероятно, заказное отстало от простого письма, как это обычно бывает. Ваше предложение прислать мне геологические журналы Академии и Общества испытателей природы, которые Вы у себя не сохраняете, конечно, я принимаю с радостью и благодарностью.

Относительно причины отказа издательства Академии от переиздания моей книги, я с Вами не согласен. Едва ли это можно связать с кризисом издательства. Ведь книжка моя имела большой успех: разошлась в 20 тысяч экземпляров и выдержала 4 издания! Таким образом, отказаться именно от моей книги из-за кризиса они бы уже никак не могли. Думаю, что причина иная. Если бы я мог, я бы, пользуясь отказом Академии, связался бы с другим издательством.

Статью свою об эпейрогенических движениях в Украинском массиве [150] я заказным послал в геологическую часть редакции Известий. Получена ли она там, не знаю, но сомневаться в этом данных не имею*. Переводить Швиннера я был бы не прочь ради заработка, но боюсь, что А.Д. Архангельский не захочет. [...]

Очень порадовало меня, что геологи Белоруссии опираются на мои построения при своей работе и признают их правильными. Как-то странно только, что эту информацию дал Вам Жирмунский, который сам других идей до сих пор придерживался и по отношению к моим взглядам особенно не благоволил. Может быть, это тем ценнее? Что тамошняя молодежь мною увлекается, это я знаю, но о старших не знаю. Жирмунский как геолог бесспорно имеет заслуги, но мысль его мало оригинальна и, он больше начетчик. А самое главное, что человек он неважный.

Что касается моих построений о Полесье, то им сейчас десять лет [104]. За эти 10 лет я не встретил фактов, их опровергающих, а видел наоборот, как они постепенно завоевывают умы. Очень грустно мне, что лежит под спудом моя работа о реках, где концепция моя чрезвычайно расширена, углублена и лучше обоснована. Это, может, быть, тоже нехстати упоминание.

Здесь мне работать сейчас тяжело. Официальное положение мое «старший геолог-консультант». Кроме меня старшим геологом-консультантом является В.Г. Хименков. Есть еще старшие геологи – Н.В. Потулова (из бывшего Геолкома в Ленинграде) и В.Н. Шамин. Администратором и распорядителем является известный Вам Владимир Васильевич Асонов, очень связанный в своей работе инженером Б.В. Олешкевичем, который является начальником отдела. Лично ко мне отношение со стороны начальника отдела и со стороны Асонова (начальник геологического отдела) хорошее: не стесняют, и я сам выбираю программу *своей* работы. Но скучна эта работа, если подразумевать то, что лично я делаю. Я хотел бы организаторских функций, и я думаю, что из всех названных выше лиц, я для этой роли больше всего подхожу. Но меня ценят не как организатора, а *только* как ученого. Если бы мне дали волю, я бы перестроил дело так, что оно было бы интересно и творчески разумно поставлено, а сейчас приходится плыть по течению. Правда, при такой постановке дела ответственности меньше. Но очень уж скучно и неинтересно, потому что мелко. *Большая геология* строительства по существу закончена, а заниматься *геологией мало* это – очень мелкое и кропотливое дело и оно не по душе мне. Я мог бы им заниматься, если бы одновременно у меня была возможность поставить обработку материала и, все вообще дело поставив по-своему, сосредоточить у себя все нити. Здесь же принцип такой: органи-

* Если Вам не трудно, при случае спросите. У меня есть 2-й экземпляр.

заторскую сторону не давать исследователю – а администратору, и отсюда получается чепуха, которая, я думаю, Вам ясна.

Интересных геологов и вообще людей с интересной мыслью здесь нет, книг мало, и в общем мало поучительно все. Я бы с удовольствием переехал в какое-нибудь другое место, но для людей в моем положении страшен сам переезд и все это вообще сопряжено с большой ломкой жизни. Поэтому только я не хлопочу о переводе в другое место.

У меня сейчас, помимо большой основной книги [158], масса есть законченных почти работ по разным районам, каждой из которых для полного окончания не хватает какого-нибудь маленького штриха: работа о Фергане в Средней Азии, о Тупке в Забайкалье, о современной геологической эпохе, о древних долинах и юном рельефе, о гидрогеологии Алагеза [163]. В последнее время работаю над Алагезом и рассчитываю скоро совсем закончить эту работу.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, л. 981, л. 22, 23.

175

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 19 ноября 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только вчера мог Вам отправить Швиннера [280] и еще одну книгу, которой у меня оказалось два экземпляра. Книгу Швиннера можете держать 1–1,5 месяца. Не писал я Вам потому, что впервые после болезни увлекся научной работой в связи с новыми явлениями, вскрытыми открытием, вернее, окончательным подтверждением существования апатитов, в которых кремний и сера заменяют фосфор вопреки резким химическим отличиям. Я мог расширить понятие «каолиновых ядер» и, мне кажется, выяснить любопытные большие явления в минералогии. Сейчас отделяю статью об алюмофосфорных и алюмосерных аналогах «каолиновых» алюмосиликатов, которую напечатаю при первой возможности [72]. Мне кажется, я получил очень важные данные и рад, что моя творческая мысль не ослабла. Я разошелся было так, что хотел было 26.XI в заседании Академии сделать об этом доклад. Но, обсудив, решил не делать этой неосторожности. Простите, что вследствие этого задержал на неделю отсылку книг. Я думаю, что отсылка Вашей рукописи мне будет совершенно лишней задержкой, и Вы направьте ее прямо П.И. Лебедеву. Известите меня – я прослежу, получил ли он.

Благодаря моему увлечению работой я запустил всю переписку и сейчас должен нагонять.

Сердечный привет Вашим от нас обоих.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 107, 107 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 30 ноября 1937 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Уже давно послал Вам двумя заказными бандеролями книги, но никакого ответа от Вас об их получении не имею, получили ли Вы их? В одной посылке находится физическая геология Швиннера [280]. Сейчас в связи с печатанием моей речи на конгрессе, мне нужно сделать ссылку на нее. Пожалуйста, пришлите мне заглавие, год и страницу, а если можно, то и выписку, касающуюся кант-лапласовской гипотезы; место отчеркнуто. В нем ярко выражены архаические представления геологов, столь распространенные. Пожалуйста, не откладываете ответ.

Не помню, писал ли я Вам, что я мог сейчас уточнить и расширить понятие о каолиновом ядре и написал статью, которая сейчас переписывается¹. Надеюсь, на днях выяснить вопрос о печатании Вашей книги. Сейчас же напишу.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 108.

¹ Вероятно, имеется в виду незаконченная статья В. И. Вернадского «Каолиновое ядро и кристаллохимия силикатов», хотя в списке неопубликованных трудов она датирована А.Д. Шаховской 1935 г. (ф. 518, оп. 1, д. 89, с. 15), других материалов по этой теме в архиве не сохранилось.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 5 декабря 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

горячее спасибо Вам за присылку Швиннера [280] и двух других книжек. Только что получил Ваше письмо от 30 ноября и с ужасом осознал, что я Вас не оповестил о получении обеих бандеролей. Каюсь в своей вине. Выписки из книги при сем прилагаю. Вернее, я сделал несколько выписок, ибо не знаю, на какое именно место Вы хотите сослаться. Что касается самой книжки Швиннера, то я ее еще прочитать не успел. Поэтому мне хотелось бы ее задержать: я только-только вхожу во вкус ее. Книга действительно поразительно интересная некоторыми своими сторонами. [...]

Полагаю, что Швиннер действительно прав и что отношения Земли с Лунной являются в самом деле отношениями особого порядка, несравнимыми с отношениями ее к другим светилам. Хочется очень некоторые моменты из Швиннера использовать в моей большой книге, над которой я все-таки понемногу работаю.

Недавно я с большим вниманием вчитался в Вашу статью «О задачах синтеза в области алюмосиликатов» [66], она привела в восторг ясностью и точностью своего изложения, а главное, тем, что она в значительной мере отвечает на те вопросы и сомнения, которые у меня возникли по прочтении Вашего введения в книгу об алюмосиликатах [10]. Это те вопросы, которые я Вам ставил в одном письме перед Вашей болезнью.

Статья моя об Алагезе написана широко. Не знаю, удовлетворит ли она Франца Юльевича¹ и др. членов Закавказской комиссии. Сначала фон тектонический, где я толкую впадину, по которой течет Араке между Араратом, как сбросовой овал сидения земной коры в духе Геймана и Поржерри, тогда как до сих пор наши геологи старались все вложить в рамки складчатой дислокации. Далее я перехожу к водам Алагеза и довольно смело намечаю здесь участие льдов (подпочвенных) и вечной мерзлоты в питании части вод Алагеза (при этом описываю наличие на Алагезе пятнистой тундры). Наконец, я указываю довольно смело пути, по которым воды Алагеза выходят на равнину, опираясь при этом на данные тектоники, которые описаны в первой части статьи. Мне только очень не хватало все время, пока я писал, данных по химическому составу вод Алагеза, которые у Хлопина. Но ничего с этим не сделаешь².

Ужасно рад, что, судя по последним Вашим письмам, Вы бодры и можете опять работать. Будьте только осторожны и берегите себя. Новые перспективы в области каолинового ядра меня очень заинтересовали, но о чем идет речь, я пока представляю себе неясно.

Сердечный привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Очень благодарен за желание выяснить вопрос по поводу печатания пятого издания моей книги.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 25.

¹ Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

² Статья не сохранилась.

178

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 24 декабря 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно Вам не писал и очень от этого страдаю, так как, очевидно, по этой причине и от Вас нет писем. [...]

Швиннера [280] читаю с большим удовольствием, но читаю очень медленно, ибо далеко не каждый день в состоянии взять книгу в руки. Утомление на службе берет свое, и часто валишься, вернувшись домой, прямо в постель. Я читаю с середины. Прочел критику построений Вегенера и пришел к собственным идеям Швиннера о системе Земля – Луна. Книга действительно приближает к нам Луну и делает связанные с Луной вопросы проблемами геологии. Очень я признателен Вам за то, что Вы меня с этой книгой познакомили. Получили ли Вы мое письмо, где я Вам посылал выписки из книги, и то ли, что нужно, я выписал?

Всего хорошего. Большой и сердечный привет Вам и Наталье Егоровне от меня и жены.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 24, 24 об.

Москва, 4 января 1938 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Давно Вам не писал. Очень занят последнее время. В старости как-то не замечаешь нового года и как-то не встречаешь его, как встречал в молодые годы. Но все же по-новому относишься к нему, особенно в связи с теми научными проблемами, которые меня захватили за последние 22 года и о которых постоянно думаю. Все эти проблемы о будущем, и поэтому невольно думаешь и о будущем годе. Я живу будущим, а не прошлым и уверен, сколько может быть уверен ученый, несмотря на все окружающее, в неизбежности создания ноосферы, которая даст лучшие условия жизни, даже для отдельных лиц. Но сейчас кругом видишь бесконечные страдания, ненужные и ничем не оправдаваемые. С Новым годом в этом аспекте и с новым счастьем. [...]

Начал работать над своей книгой [78]. Как всегда, переделываю все написанное, но вижу, что углубляюсь. В последние недели вдумываюсь в *состояние пространства*, занятого живым веществом. Можно думать, что его структура отвечает одной из форм римановской геометрии, которая так же должна быть реальна, как и евклидова геометрия в косной материи. Кюри и Пастер правы. С другим вопросом, в котором я разбираюсь, дело сложнее. Это вопрос о возрасте планеты и изменении ее элементарного химического состава *со временем*. Я пришлю Вам на днях статью Старика, очень интересную, но мне кажется, проблема, им поставленная, нереальна [230]. Но она мне дала много, чтобы в этом разобраться. Весь этот номер Известий интересен. Я недавно прочел книжку Рассела о солнечной системе [278] и увидел из нее, насколько более глубоки и точны данные геологических наук и метеоритики по сравнению с данными астрономическими. В сущности говоря, этого и надо было ждать, так как основные обобщения астрономии принадлежат к другому разрезу Мира – к разрезам космических просторов. Метеоритика приобретает сейчас первостепенное значение. Недавно было совещание в Биогеле по микроэлементам, то есть рассеянным атомам, и об их значении в агрохимии, зоотехнике и медицине¹. Вопрос стал на реальную почву и, я думаю, получит большое развитие.

Еще раз мы оба шлем самый сердечный привет и Вам обоим, и Вашим детям.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 109, 109 об.

¹ Совещание по микроэлементам происходило в декабре 1937 г.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 12 января 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

с глубоким волнением и радостью прочел я последнее Ваше письмо от 4 января. Радостно было почувствовать, что Вы вполне оправились и полностью погрузились в работу над захватывающими Вас и вообще захватывающе интересными проблемами Вашей книги [55]. Радуюсь, глядя на Вас, и удивляюсь Вам: так бодро и чудесно своим построением Ваше письмо. Насчет ноосферы Вы, конечно, правы, что когда-то она создается неизбежно и даст лучшие условия для жизни даже отдельных лиц. Но когда это будет? [...]

Присланные Вами книги мне доставили много радости. С большим удовольствием просмотрел Труды Таджикской экспедиции и нашел там много подтверждений своих идей о геологии Ферганы, которые я высказал в ненапечатанной в 1934 году написанной большой работе, которая у меня здесь лежит [135]. Вообще, помимо большой работы о реках [144], лежит у меня здесь много готового. Ряд мелких статей на разные темы, большой курс геологии в трех томах с большим астрономическим, космическим введением (вроде Швиннера [280], но без «Луны»), большая работа о Фергане, наконец, на днях отослал Левинсону-Лессингу работу по гидрогеологии Алагеза [163] – вообще, моя продукция за эти годы была очень велика. Возвращаюсь к присланным Вами книгам. В украинском журнале интересная статья Макова о соляных куполах на Украине [216]; очень интересные работы Кулундинской экспедиции. Мало только у меня времени для чтения всего этого, и Швиннера в первую очередь. Боюсь, что скоро Вы его у меня потребуете, а у меня много еще осталось непрочтенным.

[...]

Всего хорошего, дорогой Владимир Иванович. Горячий привет от меня и жены Вам и Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 981, л. 1, 1 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 30 января 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно уже не имею от Вас и о Вас никаких известий. Последнее письмо Ваше в начале этого месяца проникнуто было очень бодрым настроением, которое и меня немного заразило. На меня всегда Ваши письма, как прежде разговор с Вами, оказывают омолаживающее действие; стыдно становится своего малодушия и хочется подтянуться, взять с Вас пример... Так было, когда я получил Ваше письмо. [...]

Что я сделал за эти годы? Думается, что немало. Перечислю основное. Мною закончена в 1935 году большая работа «Некоторые черты геоморфологии и гидрогеологии долины р. Сох в Фергане» [135]. На машинке эта работа занимает около 150 страниц. Недавно один мыслящий натуралист из Средней Азии сделал мне ряд письменных указаний, из которых я увидел, что моя работа на верном пути и дает немало интересного. Подкрепление многим своим выводам в этой работе я нашел в присланных Вами мне «Трудах Таджикской экспедиции». Другие, как я вижу, идут по тому же пути, что и я, только менее смело.

Другая моя работа – статья «Основные черты гидрогеологии Алагеза» [163] (в ней около двух-трех печатных листов текста). Я послал ее Ф.Ю. Левинсону-Лессингу, но никакого извещения о получении статьи не имею, хотя послал месяца два назад.

В геологическую секцию Академии наук я несколько месяцев назад послал для «Известий Академии наук» на машинке отпечатанную работу «О четвертичных движениях земной коры в районе Украинского кристаллического массива» [154] (45 стр. + 5 стр. рукописного резюме для перевода на иностранный язык).

Не откажите при случае о последних двух моих работах справиться в Академии наук по поводу их судьбы. О первой – у Франца Юльевича, о второй – у А.Д. Архангельского.

Я переработал затем в прошлом году для пятого издания свою книгу «Движение материков и климаты прошлого Земли»¹, введя ряд новых глав и идей. Как Вы знаете, ее печатание отложено.

Далее, я написал две небольших работы – каждая 1–1,5 печатных листа, которые лежат у меня в рукописи: «О юном рельефе и древних долинах» [157] и «Современная геологическая эпоха» [155].

Наконец, я переработал глубоко и коренным образом «Курс геологии», в разное время мною писавшийся. Теперь он состоит из трех частей²:

ч. I. Основные данные о строении земного шара и положении его во Вселенной (200 стр. на машинке);

ч. II. Историческая геология (1300 стр. рукописи);

ч. III. Физическая геология (600 стр. машинописного текста). Это работа, которую я никак не могу довести до полного конца, и, вероятно, она так и останется незавершенной в части второй. Что касается ее первой и третьей частей, то они почти закончены.

Но самую главную мою работу за эти годы составляют мои «Реки в истории земного шара» [144]. Эта рукопись по внешности Вам знакома, ибо большая часть первоначального текста (во втором варианте*) лежит у Вас; я Вам ее когда-то прислал в надежде, что Вы ее просмотрите. Это объемистая рукопись, размеры которой достигли сейчас 820 страниц. Все самое лучшее, что я знаю и до чего додумался, вложено в нее. Значение рукописи этой определяется, понятно, не размером, а обобщениями – оригинальностью идей, которую отмечал В.А. Обручев в рецензии на первый ее вариант, а с тех пор рукопись идейно выросла сильно. Если я не доживу до лучших для меня времен, а Вы меня переживете, я бы очень просил Вас, дорогой Владимир Иванович, учесть это

* А теперь есть третий.

мое мнение о моем собственном труде и содействовать его выходу в свет. В эту работу вошел, в частности, и весь мой опыт изучения рек на строительстве – Волга, Молога, Шексна и пр. Я думаю, что ее значение не только теоретическое, но и практическое, но это оценят и поймут когда-нибудь потом.

Вот то, что я сделал за эти четыре года, сверх известных Вам моих печатных статей в «Волгострое» и «Москвалогострое» и многочисленных обширных записок, связанных с этими строительствами, а равно всей моей напряженной строительной работы там.

Думаю, что сделано не мало, и уверен, что стыдиться сделанного мне не приходится, наоборот, я могу гордиться, ибо все эти работы, конечно, идут на пользу идущего в стране Строительства и всех отдельных частных строителств. [...]

Много наслаждения я получил из присланной Вами мне немецкой книги Швиннера [280]. Я ее почти кончил. Остаются мелочи, и на днях я вышлю книгу Вам. Много для себя интересного нашел я и в других присланных Вами мне книгах, в особенности в Трудах Памирской экспедиции [235].

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 2, 3.

¹ Книга опубликована не была.

² В рукописи в таком виде не сохранился.

182

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 19 марта 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я давно уже собираюсь написать Вам по поводу Вашей статьи об алюмофосфорных и алюмосерных аналогах каолиновых алюмосиликатов [10]. Поразительно увлекательная и интересная статья! Она открывает удивительно широкие перспективы. Что это за свойство, в самом деле, земных пород давать каолиновые ядра? Вы говорите, что это «большое земное явление, обусловленное силами, более мощными», чем силы химического алюминия и кремния. Это правильно, конечно! Но хочется вникнуть в вопрос, что это за более мощные силы, чем силы химические. Вероятно, это условия температурные и давления на планете, обуславливаемые ее физико-географической обстановкой. Не так ли? Мне думается, что ведь и вся периодическая система с ее свойствами элементов это ведь тоже *земное* явление, обусловленное мощными силами окружающей среды. Вот на спутнике Сириуса та же обстановка обуславливает иные химические вещества и иные их свойства. Быть может, мыслимы светила, где вещество сдвинуто в сторону, так сказать, за урановым элементом, тогда как у нас ураном почти все кончается, или, наоборот, – сдвинуты в сторону элементов подводородных. Я как-то не умею разграничить, где здесь кончаются узко-химические силы и начинаются силы планетные. В статье Вашей поразительна своей логикой мысль – с неумолимостью одно в ней вытекает из другого.

В связи со статьей Вашей меня интересует в проблеме каолинового ядра следующее. При измельчении агрегатов кристаллических пород они дают

нередко глинистые коллоидальные продукты. В последнем – по-видимому, тоже – имеется частично каолиновое кристаллическое ядро. Не так ли? Но частично оно разложено, так что мицелла коллоидальная, кроме ядра, содержит в себе еще какой-то придаток. Так вот, меня интересует условие этого разложения, ибо придаток образовался за счет разложения. Вы говорите, что разложение каолинового ядра могут дать только организмы, но здесь их нет в этом процессе, а есть только *измельчание*. [...]

Горячее спасибо Вам и Наталье Егоровне за ласку и участие ко мне и моей семье, всегда неизменные.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 4, 5.

183

В.И. Вернадский – А.Д. Личковой¹

[Москва,] 30 марта 1938 г.

Дорогая Анна Дмитриевна,

Пишу несколько строк, так как завален работой и чувствую себя не совсем здоровым. Очень просил Вас держать нас в курсе. Письма, по-видимому, получаю все. Никогда Вас не забываем.

Я смотрю совсем не так мрачно на Ваше будущее. Но сейчас надо претерпеть. Это преходящее.

Впереди у Вас есть одно драгоценное – Ваша молодость, и ясная и большая цель жизни – научная работа и мысль, и дети. Ваша жизнь еще впереди. Мне кажется, научная мысль есть та настоящая сила личности, которая при волевом сознательном ее усилии является недоступной для всяких внешних стеснений. Когда я говорю о каолиновом ядре, как связанном с более глубокими, чем химические, причинами, я имею в виду геологическое время нашей планеты. Мне кажется, в нем мы имеем космическое проявление, значение которого в нашей планете (и других аналогичных космических проявлений) мы недостаточно оцениваем. Связь космической реальности с нами гораздо глубже и обыденнее, чем мы думаем. Менделеевская периодическая система не меняется от планетных свойств – так же, как все основные проявления физики, химии, механики. Четыре заурановых элемента, например, получают и изучаются в нашем Радиовом институте.

Горячий привет. Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Вернадский

[Далее приписка рукой Н.Е. Вернадской]

P.S. Дорогие, как будто наступила весна. С теплом все кажется лучше и веселее. Как Оличка? Теперь у нее, верно, каникулы?

Дорогие мои, горячо Вас обнимаю. Мы о Вас много думаем и надеемся на хорошее будущее.

Всей душой Вас любящая Н. Вернадская

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 110, 110 об.

¹ Письмо адресовано А.Д. Личковой в связи с тем, что Б. Л. Личков должен был выехать из Погорелок на несколько дней по работе. Поездка его не состоялась.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 30 марта 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Мои дела в прежнем положении [...], однако кое-что интересное я все же сделал.

Я сделал еще переработку своей книги о движении материков [158], дополнив то, что в ней сказано о Швиннере; словом, развил в ней тему о происхождении Луны. [...] Я не усвоил вполне теорию горообразования Бема и Квиринга, которую принимает Швиннер, и теперь никак не могу ее полностью восстановить.

Мне очень интересно, до какого предела Вы идете за Швиннером и в какой мере принимаете его космогонию? Он ведь подразумевает огненно-жидкое состояние, а Вы считаете, что это постулат, и не очень убедительный.

Кроме Швиннера, я занят был давно задуманной статьей «Происхождение глинистых пород как основа их геотехнических свойств» [160]. В основных чертах ее набросал, но не хватает мне некоторых звеньев. Хочется углубленно проработать вопрос о происхождении глин в природе в связи с проблемой выветривания. При каких процессах получают коллоидные глины из кристаллических. Центр внимания моего сейчас: процесс отложения аллювия, отложения в дельтах и отложения ледниковые. Перерабатываю или пытаюсь переработать материал в голове, без источников.

Написал еще статью «К вопросу о происхождении болот Молого-Шекснинского междуречья» [161]. Получились довольно любопытные выводы о происхождении болот вообще.

Я Вам писал, кажется, что работал в последнее время над гидрогеологическим очерком Алагеза [163]. Из него получилась обширная рукопись, которую я послал Францу Юльевичу¹ в Ленинград. На днях она ко мне вернулась в переписанном виде, и я, продержав ее корректуру, послал ее обратно в Ленинград в исправленном виде.

Как видите, я был довольно деятелен.

[...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 6, 7.

¹ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 12 апреля 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

как это ни странно, а я принялся за проработку новой темы «Об энергетике земной коры» [159] и занимаюсь ею сейчас вплотную. В последнее время занят был чтением третьего тома Ферсмана, и он произвел на меня большое

впечатление. Думаю, что это пока лучший из томов его «Геохимии». Много в нем оригинального, своеобразного и притом такого, чего он сам не предвидел в первых двух томах. Плохо то, что многое недоделано, кое-что едва ли верно, но все же книга интересная. Как Вы к ней относитесь? Читая эту книгу, я все время жалел, почему Вы не написали заново Ваших силикатов. Если бы это было Вами сделано, несомненно, получилась бы книга изумительная по интересу. Кстати, мне кажется, что Вам необходимо более подробно, чем Вы до сих пор сделали, высказаться по поводу рентгенограмм силикатов и алюмосиликатов. Нельзя от них слишком легко отмахиваться, и Вам (именно Вам!) необходимо подробнее обосновать свои выводы. Но это мимоходом. Возвращаюсь к энергетике. Геохимия в этой области в состоянии охватить лишь ничтожный участок, а все может охватить геология. Глубоко правы Вы, когда поставили перед геологией эту проблему. Это действительно нужно сделать. Я и пытаюсь сейчас это делать, исходя из *основных движений земной коры, рождающихся на основе движений самой планеты*. Идеи Ферсмана я беру как небольшой участок на фоне широкой картины. Не знаю, удастся ли мне довести идею до конца, но мне кажется, что я попал на нечто интересное. [...] Работаю с увлечением, но почти без книг. Сейчас имею Ферсмана, жена на днях передаст еще Ваши работы, а остальное – в голове и читаю в моих «Реках».

[...]

Горячий привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 8, 8 об.

186

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 26 апреля 1938 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Пишу Вам, не зная, дойдет ли письмо по старому адресу, а нового не получил. Я очень надеюсь, что Ваше положение улучшится.

К космогонии Швиннера [280], как ко всяким космогониям, даже больше, пожалуй, я отношусь отрицательно. Мне кажется, сейчас все эти представления сильно отстают от научной реальности. Работая над своей книгой [55], о которой я Вам писал, я все более склоняюсь к представлению, что все космогонические построения, исходящие из начала нашего видимого Мира, построены на предположении о существовании начала, для меня ирреального. В частности, Швиннер, по сравнению с другими исследователями метеоритов, правильно перенес явления фантастического представления о метеоритах как об осколках небесного тела, в область галаксии из области солнечной системы (в звезды, но не планеты), но не сделал из этого необходимого логического вывода. Метеориты не дают никаких точек опоры для построения внутренности нашей планеты, если только не допустить, что она являлась и является звездой, как и остальные звезды галаксии. Конечно, воз-

ражать против этого мы не можем, но помощи в нашей геологической работе это не дает никакой. Я последнее время очень вошел в метеоритику, и, надеюсь, скоро будет напечатана моя речь «О проблемах метеоритики» [74]. Сейчас выяснилось, что метеориты являются галактическими телами и дают нам возможность далеко проникнуть за пределы солнечной системы нашей научной методикой. Я сейчас добиваюсь организационного отделения метеоритики от геологии в системе Академии¹, так как считаю влияние идей Добрэ и Менье, от которых не свободен Швиннер, для геологии вредным. Железное ядро нашей планеты этой установкой, мне кажется, не колеблется. Все это является следствием того, что выяснилось с несомненностью, что во всех точно установленных случаях скорость метеоритов, болидов (которые с ними идентичны) и большинства падающих звезд, с какой они падают на Землю, превышает, иногда во много раз (для некоторых падающих звезд превышает 200 км в секунду), скорость движения солнечной системы. По-видимому, это – потоки, идущие из галактического пространства и проникающие солнечную систему. Может быть, они совсем не связаны со звездами.

Я очень увлечен последнее время, мне кажется несомненным установлением факта, что между живым и косным естественным телом существует непроходимая с точки зрения известных нам естественных процессов *энергетически-материальная грань*. И мне кажется даже, что в явлении диссимметрии мы можем подойти к более реальному пониманию этого различия. Оно как будто бы связано с тем, что пространство, занятое живым организмом, т.е. тело живого организма, подчиняется законам другой геометрии, не евклидовой, по-видимому, одной из римановских. В таком случае поднимается вопрос, в каких условиях на Земле может происходить и происходит ли переход из области одной геометрии в область другой. Я имел разговоры с математиками² и вижу, что я, мне кажется, на правильном пути. Посылаю Вам копию параграфа моей книги³, в котором я сжато пытался изложить это вскрывшееся передо мной явление. Я хочу обсудить его с некоторыми специалистами.

Постараюсь Вам присылать в ближайшее время текущую геологическую литературу.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 111, 112.

¹ Комитет по метеоритам АН СССР был создан в 1939 г. по инициативе В.И. Вернадского.

² Имеются в виду академик Н. Н. Лузин и проф. С. П. Фиников, с которыми у В. И. Вернадского была оживленная переписка.

³ Очевидно, это § 144 главы XVI из книги «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» [55, с. 201].

[Погорелки,] 2 мая 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

в Вашем письме Анне Дмитриевне¹ я прочел ответ на мои замечания по поводу Вашей статьи «О земных алюмофосфорных и алюмосерных аналогах каолиновых алюмосиликатов» [10]. Конечно, Менделеевская периодическая система не меняется от свойств нашей планеты, ибо весь наш планетный мир этой системой охвачен. Я под словом «планетный» и имел в виду не одну нашу планету, а всю планетную систему. Если такая терминология неправильна, то я, значит не прав. Я имел, однако, в виду противопоставление планетной системы светилам типа спутника Сириуса, где температурные условия совсем иные и где химизм уже выходит за пределы Менделеевской системы. Вот какова была моя мысль. Ваши замечания по поводу связи каолинового ядра через геологическое время с космическими проявлениями глубоко захватывают и заинтересовывают, но признаюсь, что я ее не совсем понимаю. Равным образом ни с чем реальным я не могу связать и Ваше глубоко захватывающее замечание о том, что «связь космической реальности с нами гораздо глубже и обыденнее, чем мы думаем»². Думаю, что когда Вы закончите работу, в ней окажется много чрезвычайно интересного, о чем сейчас даже догадываться трудно.

А когда выйдет Ваш доклад на Международном конгрессе? Я им очень заинтересован, особенно после ссылок на нее в Вашей последней статье, где радиоактивный распад сопоставляется с каолиновым ядром и его созданием.

Работа моя «Об энергетике земной коры» [159] подвигается туго, но все же я надеюсь довести ее до конца. Одна из основных идей моих заключается в следующем: энергетический подход в геологии становится все более и более обязательным по мере внедрения в геологию геоморфологического метода, который стремится в геологическом процессе охватить не только содержание, но и *формы*. Но изучение форм возможно лишь на основе изучения и сравнения *движений*, создающих формы, а это может дать только геоморфологический подход. Такие проблемы, как мой спор с Тутковским о происхождении геоморфологии Полесья, только и может быть разрешен на основе геоморфологии, т.е., в сущности, на основе энергетического подхода. Только на этой основе разрешима и общая проблема о сравнительной роли воды и ветра в создании форм их рельефа. Вообще, в противность мнению чуть не большинства наших геоморфологов, которые считают, что геоморфология нужна только для анализа четвертичных форм, надо определенно заявить, что геоморфологический подход нужен везде по линии явлений всей геологической истории. Применение этого подхода является обязательной предпосылкой подхода энергетического к геологическим явлениям. Геоморфология в конечном счете дает геологии критерий для сравнения между собой тех геологических сил, которые рассматривает физическая геология; получается масштаб для их сравнения, чего сейчас нет.

Пишу прямо из головы, потому что никаких источников для ссылок у меня под рукой нет. [...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Всего доброго.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 9, 10.

¹ Письмо 183 А.Д. Личковой.

² В настоящее время эта идея полностью подтверждается данными космической биологии и медицины, гелиобиологии и т.д.

188

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 21 мая 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

письмо Ваше (от 26.IV) я получил, и оно мне доставило много радости. [...] В письме Вашем содержится указание, что Вы посылаете мне копию параграфа Вашей книги, где сжато формулируете те взгляды на пространство живого вещества, к которым Вы пришли. Я этого не получил. Может быть, Вы забыли мне это выслать. Зато получил Фейхтвангера и два номера научных журналов. Ими сейчас занят.

Глубоко интересует меня сейчас проблема метеоритов и за живое задевает то, что Вы об этом пишете в письме. Наверно, не за горами уже то время, когда метеориты прольют много нового света на химизм и строение Вселенной. Конечно, они детища галаксии, а не нашей планетной системы. Очень интересует меня Ваша статья о метеоритах [74]. На днях я внимательно вчитался в статью Панета о метеоритах в третьем выпуске «Основы идей геохимии» [221]. Хотя статья доказывает связь метеоритов с планетной системой Солнца, тем не менее она очень интересна: свежая мысль, умелое использование фактов, хороший подбор их. Вы, без сомнения, давно эту статью знаете, так что новости я Вам никакой не сообщаю.

Всего лучшего Вам и Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 11.

189

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 25 мая 1938 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я все же твердо уверен, что Ваше будущее впереди и что сила мысли позволит Вам пережить тяжелое. Кругом я вижу правильность этого моего убеждения.

206

Вы знаете, что я, признавая значение геоморфологии, думаю, что она среди геологических методик не занимает первостепенного места. Ее мощностъ ограничена. Помню наши с Вами разговоры об этом в Ленинграде. Географический институт Григорьева работает сейчас над геоморфологической картой европейской части Союза. Я в нее не мог вдуматься, но мне показалось, что это только иллюстрация к словам. Может быть, я, впрочем, и ошибаюсь.

Сдал в печать на днях русский и французский тексты моей речи на конгрессе [70]. Обещают прислать в ближайшее время корректуру. Пришлю Вам черновую рукопись. Не знаю, удобна ли она для чтения. Как только получу оттиски, сейчас же пришлю.

Через неделю уезжаем с женой в Узкое. Наталья Егоровна оправляется. Я хочу там работать. Среди текущих работ опять давно оставил свою основную работу над биогеохимией [55]. Только кончаю отделку первой главы. Еще много над ней надо работать.

Сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 113, 113 об.

190

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 26 июня 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Ваш доклад на конгрессе «О значении геологии для радиогeологии» [70] я получил уже давно и сейчас в третий раз его перечитываю. Он произвел на меня очень большое впечатление. При первом чтении впечатление от некоторых моментов доклада было, можно сказать, ошеломляющим, но я поджидал, когда это уляжется и успокоится, и решил только тогда написать Вам свои впечатления о докладе. Доклад поразительно интересен. Много в нем знакомого по старым Вашим работам, но вместе с тем сила и убедительность выражения этих старых идей поразительно выросли вследствие введения в дело некоторых, новых совсем, данных. Поразительно и интересна, и красива мысль, сопоставляющая эндотермический эффект создания магматических расплавов алюмосиликатного характера – каолиновых, серпентиновых и пр. с наличием остаточной свободной теплоты радиоактивного распада атомов. Я нигде до сих пор не видел этого сопоставления, равно как не встречал и дальнейшего вывода, где эти процессы трактуются как эндотермические процессы *метаморфической* оболочки земной коры. Здесь мне чувствуется целая новая концепция метаморфизма, частным проявлением которой является то, что Вы, насколько я понял, целиком примыкаете к концепции Люжона о метаморфическом происхождении гранита*. Мне тоже очень нравится эта идея¹.

Далее, очень поразило меня в Вашем изложении то, что всюдность – рассеяние элементов – Вы связываете с космическими лучами. Об этом гово-

* Плавки их твердых масс на суше. Возникновение гранитов за счет частичного расплавления твердых пород.

рится на первых страницах Вашего доклада, а потом, когда Вы возвращаетесь к этому вопросу в конце текста, Вы о космических лучах ничего уже не говорите. Какой же здесь механизм действует? В конце доклада этот вопрос рассматривается без привлечения космических лучей, и получается впечатление, что здесь дело просто в непрерывном движении материи, быть может, даже зависящем от самого радиоактивного распада (стр. 24).

Вы правы, конечно, что геология не дает и не может дать нам понятия о бренности Земли. Здесь мы находимся только в пределах бренности атомов. Правы Вы, конечно, и в критике лапласовских космогонических идей. Конечно, Дарвин и Швиннер справедливо их критикуют. Нет ли, однако, преувеличения в Вашем призыве вернуться к Геттону? Да, сейчас мы действительно ничего не можем сказать ни о прошлом Земли, ни тем более о прошлом солнечной системы. Но ведь *ignogonis* не значит *ignorabitus*². Быть может, совместные успехи астрономии и астрогеологии приоткроют завесу, закрывающую от нас происхождение небесных тел сейчас. Швиннер, Пикеринг, Дарвин правы, мне кажется, относительно системы «Земля–Луна», а расшифровав малое, можно затем надеяться постепенно перейти и к крупным планетным системам. Но сейчас, конечно, не время!

Поразительна вытекающая из Вашего доклада картина истории Земли как арены бренности химических элементов... «Исчезают одни элементы, нарождаются другие». Исчез актин-уран, убывают, вероятно, уран и торий, создаются гелий и свинец. И Земля становится уже не та*. Создается поразительно захватывающая концепция жизни нашей планеты, куда вмещаются представления о новизне одних элементов и древности других.

Кстати, Ваше представление о метаморфизме архейской эры совершенно ново, и нигде ничего подобного я не встречал. То, что Вы говорите об актин-уране и изменении его количества на Земле, поразительно интересно, как поразительно интересен и неизбежен вывод о том, что все элементы Земли, вероятно, находятся в распаде. Не найдется ли в будущем какая-нибудь закономерность, указывающая, что они постепенно вовлекаются в этот распад и что история Земли – это своего рода разгорающийся костер, захватывающий все новые и новые вещества?

Концепция расплавленного состояния поверхности Земли в прошлом, вытекающая из расчетов В.Г. Хлопина и приводящая к Вашей концепции генезиса метаморфизма архея, это, конечно, не теория, а несомненный и большой по своему значению факт – новое достижение исследовательской мысли.

Я глубоко благодарен за присылку Вашей статьи, которая доставила мне громадное наслаждение и радость, в особенности при моем отрыве почти от всего, что меня сейчас интересует.

[...]

Не забывают меня, дорогой Владимир Иванович. Помните, что, несмотря на разницу наших возрастов, Вы для меня самый дорогой друг и вместе с тем недостижимый образец. Горячий привет Вам и Наталье Егоровне. Надеюсь, что Вы оба здоровы и что Ваша работа по биогеохимии продвигается.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 12, 13.

* И на фоне этого гипотеза об исчезновении элементов 61, 85, 87, 93, 94, 96.

¹ Метаморфическое происхождение гранита – возникновение гранитов за счет частичного расплавления твердых пород.

² Незнание еще не говорит за то, что мы не узнаем. Латинская поговорка.

191

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 3 августа 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно уже я не имею от Вас никаких известий, и Ваше молчание меня беспокоит: здоровы ли Вы? [...]

Получил от Вас книгу о Памиро-Таджикской экспедиции. Я нашел в ней много для себя интересного и очень Вас за нее благодарю. Жена предполагает с 10 августа на месяц поехать в Ленинград в отпуск.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 14.

192

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 16 августа 1938 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Я Вам, действительно, не ответил на Ваши последние письма. Последнее Ваше письмо получил, лежа в постели; внезапно повторилась моя болезнь 1935 г. желчного пузыря, в очень сильной степени. Пролежал шесть дней. Сегодня первый день встал, но еще не спускаюсь вниз. Ужасно это неприятно, тем более, что это болезнь длительная.

Перед этим очень хорошо работал. Послал небольшую заметку в «Доклады» «О геохимической роли алюминия и кремния в почвах» [75]. Мне кажется, здесь вскрывается большое явление. Закончил статью: «О некоторых основных явлениях жизни в биосфере» [76]. И болезнь захватила меня в разгаре моей работы над второй статьей: «О состояниях пространства» [79]. Обе связаны с первой главой моей книги «О проблемах биогеохимии» («Научная мысль как планетное явление») [77]. Я хочу, не дожидаясь обработки книги, которая затягивается, кое-что напечатать раньше. Эти обе статьи я хочу напечатать как продолжение моих «Проблем биогеохимии» [56] – второе и третье – 1935 г. По-видимому, это будет самое быстрое опубликование. Мысль работает *очень хорошо*, и, мне кажется, во всех этих вопросах философского характера можно не выходить за пределы научного знания. В первой статье я подхожу к вероятному – которое можно проверить опытом – заключению, что различие между живыми и косными естественными телами лежит глубже физико-химических сил – в разных геометрических свойствах их пространства.

209

Дорогой Борис Леонидович, я все ж таки остаюсь при своем убеждении, что Ваша жизнь впереди, и не стоит учитывать самое неблагоприятное, как Вы это сейчас делаете, надо только сохранить в себе силу духа.

Наш сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

P.S. Я убежден, что Ваше теперешнее испытание проходящее.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 114, 114 об.

193

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 5 сентября 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я действительно угадал, значит, что Вы были больны. Недаром меня так беспокоило Ваше молчание. Рад, что Вам сейчас легче. Ваша неутомимая работоспособность не просто радует меня, а действует на меня зажигающе, заставляя подтянуться и устыдиться самого себя. [...]

Я в последнее время читал «Введение в анализ бесконечно малых» Эйлера [246] и думал о понятии функции и его значении для новой науки (после средних веков). Кое-что даже набросал по этому поводу. Однако многого мне не хватало. Пытался все время припомнить Ваше «Время», «Новую физику» и «О научном мировоззрении» [48, 46, 3]. Припоминаю также работы Кассирера и Мейерсона, которые в свое время произвели на меня сильное впечатление. Хотелось бы восстановить в памяти Ньютона и Лейбница, да и на того же Эйлера взглянуть пошире. Знаю по ссылкам, что об Эйлере недавно был выпущен целый сборник, но не знаю, насколько он интересен [211]. Очень тянет и меня сейчас к философии и методологии (логике) естествознания. Это, пожалуй, не за неимением лучшего, а независимо от этого.

По геологии удалось в последние полтора месяца проработать две интересные темы: о местных артезианских водах и о чрезвычайно поучительных древних размывах в коренных породах, где какие-то замкнутые впадины врезаны в коренные породы метров на 40–50 ниже нормального и заполнены, как это ни несуразно, то морской¹, то аллювием (последние имеют мощность до 80 м). Перед последним явлением – широко распространенным здесь на севере – я пока встал в тупик, но думаю, что это что-то интересное.

[...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 15, 16.

¹ Так у автора.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 7 октября 1938 г.

Дорогой Борис Леонидович,
я получил Ваше письмо от 5 сентября. Не отвечал, так как все время не чувствовал себя хорошо и множество было срочной работы. Сдал статью в печать «О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы». Как вторую часть «Проблем биогеохимии» [78]. Не знаю, можно ли Вам по этому адресу посылать рукописи? Мог бы послать ее Вам, так как хотя и обещают ее не задерживать, но издательство некудышное. Очень углубился сейчас в вопрос о различной геометрии тела живых организмов и косных естественных тел биосферы.

Думаю, что я стал на правильную почву и что здесь открываются *огромные возможности*. В 3-м выпуске «Проблем биогеохимии» – «О состояниях физического пространства» [79] – этого вопроса коснусь сколь возможно глубоко и ясно. Сейчас вышли работы Гаузе об асимметрии протоплазмы, в которых с другой стороны он подходит к тому же вопросу. Надо добиваться, чтобы характер пространства, занятого телом организма, как римановского пространства, был разработан нашими математиками.

Все это глубоко меня интересует, и хотя отвлекает от основной работы – все же углубляет ее. Принимая во внимание мой возраст и состояние здоровья, я думаю, правильно делаю, что некоторые основные выводы опубликую, не ожидая выхода книги.

Да смогу ли я ее закончить? Но, конечно, буду ее кончать, не задумываясь о том, кончу ее или нет. [...]

Я и жена шлем Вам, дорогой друг, наши сердечные пожелания.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 115, 115 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки] 17 октября 1938 г.

Дорогой Владимир Иванович,
глубоко обрадовало и оживило меня Ваше письмо. Очень хотелось бы вдуматься и углубиться в выдвигаемые Вами положения и закономерности по поводу жизни. [...]

Постоянно думаю о Вас, и Ваш образ поддерживает меня во всех условиях. Кстати, Ваша «Геохимия» [38] единственная всегда со мной, и в ней я нахожу источник поучений. Идеи Ваши о состояниях пространства глубоко меня захватывают, и я мечтаю ближе к ним подойти. Мне чудится в них огромный шаг науки к завоеванию новых областей, ей прежде недоступных.

Передайте мой горячий привет Наталье Егоровне, о которой я тоже часто думаю и часто вспоминаю. Желаю Вам обоим бодрости и здоровья.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 982, л. 17.

[Погорелки,] 11 января 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мыслью я постоянно уношусь к Вам и стараюсь себе представить Вашу жизнь и работу. Большой праздник был для меня, когда Вал. Мих. Д.¹, заходивший к Вам, рассказал мне, *каким* он Вас видел, как Вы с ним говорили и пр. После этого очень радостно как-то было увидеть Ваш портрет в газете. Мыслями я всегда с Вами, тем более, что ряд книжек Ваших у меня под рукой, и я то и дело к ним опять и опять возвращаюсь.

[...] Письма ко мне доходят редко. Недавно получил посылку из Киева и по этому признаку узнал, что отец мой и сестра живы... От отца получил его брошюру об оползнях [213] – оттиск из изданий Академии наук Украины.

Впрочем, от отца моего как-то за месяц до того долетела еще открытка, где он мне писал, что мои рукописи до Академии наук не дошли и где-то потерялись. Это меня очень убило, тем более, что тоже самое передал мне с ваших слов Д. (В.М.Д), заходивший к Вам. Прилагаю при сем копию расписки и очень прошу Вас выяснить – не получены ли все-таки в Академии наук мои рукописи. Куда же, вместо Академии, они могли быть посланы?

Я в последнее время много работал и написал две статьи. Одна – «Пермтриасовые отложения Рыбинского района как фундамент сооружений Рыбинского и Шекснинского узлов» [162], другая – «На путях современной геотехники (к критике геотехники и прикладной геологии в их современных отношениях)» [165]. Каждая имеет листа два печатных. Первая из статей печатается сейчас на машинке и готовится к печати. Что буду я делать дальше, не знаю. Условия моей работы сейчас поразительны в том отношении, что она идет в поразительно спокойных для самой работы условиях. Никто меня не дергает, не поправляет, и я делаю как хочу и, по существу, что хочу. Постановка работы чисто тематическая, и я в теме хозяин. [...] Не хватает только одного – литературы. Много занимался в последнее время Гедройцем, Маттсоном, Ферсманом (третий том). Перечитываю Вашу «Историю подземных вод» (последние два выпуска у меня здесь есть) [21]. Интересно, хватает ли у Вас времени заниматься этой темой сейчас? Я подумал, что второй том книги должен быть исключительно интересным и вместе с тем трудным для переработки. У меня явился такой вопрос: достаточное ли внимание уделено (будет) у Вас водам в коллоидах? Во всяком случае, книга, мне кажется, будет совершенно исключительной по интересу. [...] Не вышел ли в свет Ваш доклад на конгрессе? Я недавно его перечитывал и цитировал в статье, посвященной проблемам инженерной геологии. В связи со всеми частными темами, которыми я занимаюсь, основная тема моя сейчас – энергетика в геологии; ее я по мере сил стараюсь развивать.

Большой привет Вам и Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Нахожусь под впечатлением известия (по радио) о смерти Н.В. Насонова.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 1, 1 об.

¹ Выяснить фамилию не удалось.

197

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 12 января 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Недавно получил от Вас, вернее сказать, о Вас весточку, и был этому очень рад. Давно я уже о Вас ничего не знаю. Сейчас, пользуясь оказией, я хочу Вам послать о себе весточку. До меня дошло, что Вы обеспокоены тем, что рукописи мои не получены в Академии наук. Когда я об этом узнал, меня самого это встревожило. Для меня гибель рукописей будет катастрофой, от которой я именно хотел себя избавить. «Геологию» я уже вновь, вероятно, не напишу, слишком много вложено в нее труда – черезчур много поэтому на нее потребуются времени. Что же касается книги «Реки...», то ее для меня будет не так уж трудно восстановить при помощи того первого варианта книги, который я когда-то послал Вам, когда надеялся, что Вы его прочтете и дадите мне Ваш отзыв. Я надеюсь, что у Вас дома моя рукопись сохранилась и прошу Вас поберечь ее для меня. Я помню какие изменения. Вставки, а равно переправки и перетасовки глав я производил в этой первоначальной канве книги, я восстановлю то, что утеряно, когда буду иметь эту рукопись перед собою. Мысль моя сильно углубилась и выросла в последнем варианте рукописи, но все же основное общее имеется. Я надеюсь, что может быть рукопись еще и не потерялась.

Над чем я теперь работаю? Я работаю очень много и веду в связи с этим оригинальный образ жизни, о котором дальше расскажу.

Помните Вы, может быть, одну беседу с Вами на квартире, с Вами и покойным Вл. Ив. Ковалевским, когда последний рассказывал о том, что он переводит труды Терцаги, и расспрашивал меня о последнем. Так вот, мне пришлось последнее время заниматься теми проблемами, в которых специалистом является Терцаги, и, так сказать, практически для нашего случая эти проблемы решать. И я переоценил, т.е. наново оценил работы Терцаги. Его «Инженерную геологию» [232], в которой до сих пор я не видел ничего особенного, я сейчас считаю книгой, при всей ее незамысловатости, весьма замечательной (между прочим, я то же самое скажу о книге известного Вам Люжона «Плотины и геология» [214]). По службе моей я был занят выводами углов внутреннего трения для пород пермо-триаса – тема для меня совершенно новая – и сопоставлением чисто геологических данных с этими данными геотектоники; получил неожиданные результаты. Сейчас мне предложено дать для журнала (у нас тут есть такой¹) статью «Пермотриасовые отложения как фундамент сооружений Рыбинского и Шекснинского узлов» [162]. Я иду в этой статье по Вами провозглашенному пути энергетики в геологии и

строю совершенно новые концепции и идеи. Когда (если) статья будет напечатана, пришлю ее Вам. Думаю, что она Вам будет интересна.

Вплотную, уже вне службы, я занят темой, о которой когда-то Вам писал, – перестройкой геоморфологии на новых основах. Набрасываю в основных чертах книгу «Геоморфология земного шара» [163]. Кроме того, вплотную занят «Проблемами теории познания в современном естествознании» [164]. Это – нечто вроде пересмотра моей старой книги о границах познания [83] на основе и личного опыта в научной работе в течение 25 лет, и учета успехов точного знания за эти годы, и потому – переоценка роли математики. Работаю очень напряженно, и мне кажется, что обе эти работы будут весьма интересны.

Горячий привет мой Вам и Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 2, 3.

¹ Журнал «Волгострой».

198

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 15 марта 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

громадное удовольствие доставило мне газетное известие о том, что Вы выступали в годичном Общем собрании Академии наук с докладом о геологическом времени¹. Очевидно, Вы чувствуете себя хорошо, если решились на это. Я порадовался за Вас и невольно пожалел, что не мог быть в числе Ваших слушателей на этом собрании. Очень хотелось бы вообще Вас увидеть и поговорить с Вами, но дождусь ли я этого когда-нибудь? Сегодня я послал Вам машинопись своей книги «Движение материков и климаты прошлого Земли». Это подготовленный два года тому назад для печати экземпляр. Эта работа вот уже несколько месяцев лежит у меня в столе на службе. Я боюсь, что положение ее здесь очень ненадежно и именно поэтому я посылаю ее, так сказать, на хранение Вам. Если это Вас не устраивает, перешлите рукопись моей жене в Ленинград. Хотя эта рукопись для меня далеко не так ценна как «Реки...» и «Геология...», но все же я не хотел бы, чтобы и она погибла. Об остальных двух своих рукописях, которые должны были быть посланы в Академию наук, я так ничего не знаю, кроме того, что они сданы были для отсылки по адресу Академии. Казалось бы, они не могли погибнуть. Может быть они идут каким-нибудь длинным и медленным путем?

Я думаю все над проблемами инженерной геологии, которой посвящены последние две мои работы, здесь написанные: «Пермотриасовые отложения, как основание сооружений Рыбинского узла» и «Об инженерной геологии» [166]. Я считаю, что до сего времени единственной прикладной отраслью геологии было учение о полезных ископаемых, а сейчас, на почве огромного роста строительной деятельности человека, пришла пора создать инженерную геологию как основу строительства. Ее только и можно

построить на энергетической основе, для чего эту основу надо реально подвести под физическую геологию, как это Вы предложили. Ферсман пытался создать эту основу для геохимии в своем 3-м томе. Я пытаюсь то же самое сделать для геологии; как и Ферсман, кладу в основу понятие прочности. Работа сейчас печатается на машинке с тем, что или она будет издаваться здесь, или будет официально проведена отсылка ее для печати в Академии наук. Как только будет машинописный экземпляр, я Вам сейчас же ее пришлю. Сейчас я работаю над темой о пластичности горных пород. Очень не хватает мне некоторых даже элементарных книг, особенно по физической химии. Часто вспоминаю, например, «Физическую химию» Каблукова [202]. Надеюсь, что Вы не откажетесь прочесть мою рукопись, если я ее Вам пришлю.

Что касается книги, которую я сейчас Вам посылаю, то я тоже был бы благодарен Вам, если бы Вы просмотрели добавления и заново написанные главы.

Хотя по Вашим письмам я очень тоскую, но писать я Вас по-прежнему не прошу. Если можно, пришлите мне новые Ваши работы, но только советского издания.

Оккупация Праги, вообще судьбы Чехословакии, вероятно, это у Вас на уме и на устах. Представляю, как это Вас волнует².

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 4, 5.

¹ Годичное собрание Академии наук СССР состоялось в феврале 1939 г.

² В Чехословакии в эти годы жила дочь Вернадских – Нина Владимировна Толль с мужем и дочерью Таней, которую Вернадские горячо любили. Они выехали из Чехословакии в США до фашистской оккупации, в 1939 г.

199

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 2 мая 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

[...]

По линии моей работы на строительстве передо мной недавно встали очень интересные, но и очень трудные задачи в области приложения геологии к инженерному делу: 1) прочность берегов реки при поднятии уровня ее после постройки гидротехнических сооружений и 2) проблема прочности земляных намывных (намытых водою) плотин. При трактовке этих двух тем приходится прокладывать совершенно новые пути на основе энергетики, кои подходы в геологии я попытался развить в двух предыдущих своих работах (о которых я Вам писал), следуя по пути, Вами указанному. Очень жалею, что не могу об этих проблемах и способах решения их поговорить с Вами лично и все свои мысли подробно Вам рассказать. Думаю, что вступаю на новый путь и на новый путь, опираясь на физикохимию, толкую геологию.

Вот, в общем, все, чем я сейчас живу и что переживаю. Страшно скучаю по своим в Ленинграде. Волнуюсь очень по поводу здоровья жены, и именно оттуда очень скудные известия.

Вам и Наталье Егоровне шлю большой привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 6.

200

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 30 мая 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне хочется написать Вам несколько слов, но нет возможности писать чернилами, потому что нет подходящей бумаги. Извините в связи с этим, что пишу карандашом. Недавно из писем сестры и отца я узнал, что Вы были в Киеве на каком-то совещании¹ и был там также А.Е. Ферсман. Приятно было очень прочесть мне в письмах их некоторые, правда, для меня недостаточные, вести о днях Вашего пребывания в Киеве. Очень завидовал я киевлянам, что они Вас повидали. Как бы мне хотелось этого. [...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 7.

¹ В. И. Вернадский был в Киеве на двух конференциях: Конференция по вопросам сравнительной биохимии и Конференция по пегматитам.

201

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 17 июня 1939 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Посылаю письмо Вашему отцу, так как не знаю, как Вам писать. Но мне хочется откликнуться на Ваше письмо от 30 мая карандашом, что сейчас почти недоступно для моих глаз, так что мог прочесть его только благодаря жене. Но, конечно, лучше иметь и такую весточку, раз нет чернил.

Сейчас мы в Узком. Наталья Егоровна немножко окрепла: она была очень слаба перед этим. В Киев я ездил частью на конференции. Первый раз выехал из Москвы после моей болезни 1937 г. и увидел, что это мне совершенно доступно. Правда, один припадок сердечный был, но думаю, что я в нем сам виноват, так как запустил прием адониса и злоупотребил прогулками. Здесь я понемногу работаю, частью держу корректуры и готовлюсь к переизданию моей «Истории природных вод» в виде отдельной книги «Опыт геохимии и гидрохимии природных вод» [80]. Выйдет, вероятно, и по-английски¹.

216

Из второй части ввожу геохимию природных вод, но выбрасываю историю вод Земли в ходе геологического времени. Это совсем новая проблема, обработать которую я, очевидно, не успею. Сейчас огромный новый взрыв в области радиоактивности благодаря особому распаденю ядер урана и тория. Увеличивается чрезвычайно радиоактивная энергия в земной коре, и ее значение еще увеличивается. Надеюсь в начале июля прислать отгиск моей речи на конгрессе 1937 г. Тепловое значение Ra etc. еще больше, чем я тут указываю, но указать это я не мог.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 120, 120 об.

¹ На английском языке не опубликовано.

202

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 15 июля 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

думами своими я непрерывно с Вами, и я часто задаю себе вопрос: вспоминаете ли Вы еще хоть иногда, хоть изредка обо мне. О Вас я почти никаких известий не имею и не знаю даже, в каком состоянии здоровья Вы находитесь. Только раз сестра моя рассказала мне о том, что Вы были в Киеве, виделись с отцом моим и что она видела Вас на заседаниях. [...]

Занялся я было в последнее время одной интересной в связи с проблемой образования осадков темой о вязкости водных природных растворов и пластичности осадочных горных пород, да быстро иссяк. Для продолжения темы нужна литература и эксперимент. Насчет литературы на Волгострое вообще не густо, а эксперимент для меня закрыт в связи с тем, что я работаю не в исследовательском, а в проектном (техническом) отделе.

У меня есть две законченные работы «Пермотриасовые отложения как основание сооружений Рыбинского и Шекснинского узлов» и «Об инженерной геологии» [162, 166], с которыми я очень хотел бы ознакомить Вас и узнать Ваше мнение. Хотя одну из них я постараюсь в отпечатанном на машинке виде прислать Вам. Интересно, что Вы о ней скажете. Здесь мне буквально не с кем было, когда я писал эти работы, посоветоваться и поделиться мыслями. А это мне было очень важно, так как я иду здесь против всего сложившегося направления мировой и нашей геотехники. Поэтому у геотехников я сочувствия не встречу. Не знаю, встречу ли его у геологов и минералогов. Тут меня, впрочем, интересует по данной работе мнение лишь двух человек – Вас и Александра Евгеньевича¹. Вас – как инициатора идеи об энергетике в геологии, и Ферсмана – как Вашего продолжателя на этом пути. Со своими связью имею очень слабую и письма получаю крайне редко. Происходит ли это оттого, что письма «теряются» или оттого, что моя семья меня понемногу забывает, не знаю. Боюсь последнего и очень от этого страдаю. Чувствую, что никому я теперь не нужен. Из Киева письма получаю гораздо чаще.

Как бы хотелось взглянуть на Вас хоть на минутку, услышать Ваши слова, узнать, что Вы сейчас делаете и как живете, получив в одном этом соприкосновении с Вами, как всегда бывает со мной, прилив бодрости.

Горячий привет Наталье Егоровне и Вам.
Думайте обо мне хоть иногда.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 8, 9.

¹ А.Е. Ферсман.

203

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 25 июля 1939 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Не знаю, как Вам писать и пишу Леониду Семеновичу с просьбой переслать эту записку. Я получил Ваше письмо от 15 июля, и никогда Вас не забываю, и делаю, что могу.

Сейчас – в Узком, где я лечусь и работаю. Странно лечиться от старости. Но чувствую я эту старость только физически, да и то жаловаться не могу, беря своих сверстников.

Работаю над переделкой для нового издания своей «Истории природных вод»: [готовлю] как особую книгу «Опыт гидрохимии и геохимии природных вод» [80]. Работа идет медленно. Я беру из второй предполагавшейся части геохимию и ввожу несколько глав общего содержания.

Переделкой недоволен, но не даю себе распускаться. Хочется закончить и потом приняться за книгу о Биогеохимии.

Сейчас, мне кажется, большой сдвиг в области радиоактивности. Он очень мало отразился в нашей литературе, хотя в первый раз, кажется, мы не отстали. Во всяком случае, эти новые явления – разлом атомов урана – одновременно открытый в Радиевом институте.

Я, конечно, менее всего знаю инженерную геологию и только в принципиальных вопросах могу иметь свое суждение. Но это такая новая область, что здесь установившихся норм еще нет – мне кажется по крайней мере.

Прервал, что писал, переглядев Ваше письмо. Продолжаю.

Важно, что неожиданно, – по моему по крайней мере мнению, при этом вскрываются в радиоактивности новые следствия для геологии. Моя речь на конгрессе в 1937 г. подписана к печати, и как она устарела! Замариновали на два года.

Как Вам посылать книги?

Дело в том, что мы должны допускать гораздо большие проявления тепловых процессов при радиоактивном распаде, чем мы это раньше принимали. При распаде ядер U и Th сперва получаются их огромные осколки с чрезвычайно большой скоростью: для U примерно пополам (> 100 ат. вес). Они дают не те элементы, какие дает уран: благородные газы, La, Sr и т.д. По-видимому, с одной стороны, – за ураном элементов нет (а это ставит вопрос о Менделе-

евской системе по-новому), а с другой – идет мощное выделение нейтронов и образуются так называемые *цепные реакции*, которые – грубо беря – дают *много больше энергии*, чем энергия: исходное тело – конечное тело.

В связи с этим поднят вопрос Нетцлиным, например, – не знаю – кто, в *Comptes Rendus* Парижской академии – о нейтронных реакциях [274] как источнике магм и вулканических процессов. До сих пор, правду сказать, у нас *никакой* даже серьезной рабочей гипотезы о вулканизме не было. Сейчас открывается, по-видимому, луч света в темноте.

Хочу поднять этот вопрос в Радиевом институте: собираюсь в августе-сентябре собрать Комитет по геологическому времени. Это, правда, выходит за пределы его задач, но это единственный центр геологов и радио-геологов.

Я думаю, что для радиогеологии открывается новая эра. Во всяком случае, геологическое значение радиогеологии еще больше, чем я недавно думал.

Наталья Егоровна шлет Вам сердечный привет.

Вы еще молоды – Ваше будущее впереди.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 121, 121 об.

204

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 26 июля 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я был страшно рад получению от Вас письма. К сожалению только, письмо шло ко мне бесконечно долго. [...] О болезни Натальи Егоровны я узнал только из Вашего письма. Рад очень, что и Вы, и Наталья Егоровна чувствуете себя сейчас лучше. То, что Вы пишете в Вашем письме о новостях в области радиоактивности, для меня полная новость. Я ровно ничего в своем «удалении» об этом не слышал и не знаю. А относительно себя самого мне кажется, что я не только за шесть лет безмерно отстал от науки, но и разучился работать. Я очень мнителен и боюсь – не даю ли я сейчас сплошной суррогат. На днях мне удастся Вам прислать статью свою «Об инженерной геологии» [166], Вы посмотрите ее и после этого, я надеюсь, узнаю я – годится ли это куда-нибудь. Временами мне кажется, что рукопись интересна, а временами ощущение такое, что это чепуха и всем известно.

Горячо благодарю Вас за письмо. Большой дружеский и почтительный привет дорогой Наталье Егоровне и пожелание скорее поправиться.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 20, 21 об.

[Погорелки,] 28 сентября 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно не писал Вам и давно уже хочется Вам написать, но обстоятельства складываются так, что написать письмо мне очень и очень нелегко. Во время служебной работы написать было бы удобно для меня, но там мое время мне не принадлежит, а в часы досуга обстановка меня окружает такая, а главное, окружает такая скученность населения, что всякая охота писать пропадает. Так я и откладывал это дело со дня на день. Очень заинтересовало меня то, что Вы мне написали о статье Нетцлина в «Comptes Rendus» Парижской Академии [274] и о новых течениях в геологии, связанных с радиоактивным распадом. [...] Очень меня заинтересовала и даже взволновала эта Ваша информация о новых течениях в геологии. И невольно я воспринял в конце концов в личном аспекте: вернусь ли я в геологию и как, с какого конца я в нее войду. Ведь именно наново входить придется и переучиваться, ибо отстал я от нее на шесть лет, а это ведь не шутки.

Очень огорчило меня, что Вы не хотите посмотреть мою «Инженерную геологию». Мне кажется, что ее постановка вопроса Вас бы удовлетворила и Вы нашли бы ее интересной. В одном из Ваших предыдущих писем Вы по вопросу об инженерной геологии написали, что можете здесь иметь суждение «только в принципиальных вопросах». Я ведь ничего другого не хочу, как услышать Ваш отклик по принципиальным вопросам, которые я только и ставлю в этой работе. А мне потому это важно было бы, что те, кто сейчас монополизировали эти вопросы в нашей научной среде, трактуют их совершенно иначе. Я связываю это с энергетикой в геологии, и так как Вы первый поставили проблему энергии в этой науке, то я собственно свою статью рассматриваю как *приложение* Ваших идей. Вот почему мне особенно досадно, что Вы не хотите мою статью прочесть. Геологию Страхова, о которой Вы пишете, я по первому изданию знаю. Книжка очень недурная и пожалуй даже лучшая из имеющихся на русском языке. Она лишена оригинальности в смысле идейного освещения, лишена цельности взгляда, но зато в ней нет того формализма и схематизма, который так неприятен у Борисяка, например. Сейчас здесь у меня этой книги нет. Вы не можете себе представить, до какой степени я оторван здесь от литературы. Недавно попало мне несколько номеров «Природы» за этот год, так я набросился на них прямо как голодный на пищу. Большое удовольствие доставила мне также случайно залетевшая в мои руки книга Штуба «Механизм движений земной коры».

Недавно очень порадовала меня М.В. Кленова своей небольшой заметкой (Природа, 1939, № 1) о геоморфологии побережья Каспия между Волгой и Уралом. Ее впечатления во время полета на самолете над этим районом вполне совпали с моими обобщениями, на которые она тут же сослалась. Тут же рядом помещена статья Горшкова о земной коре. Мне было приятно встретить ссылку на меня, да еще под датой: «Личков, 1937» (а ведь в 1937 г. я ничего не выпускал), причем нет в «литературе» в конце статьи указания какой статьей (или рукописью) моей он пользовался. Все-таки значит я еще жив в науке. А вот недавно вышел курс «Геоморфология земной поверхнос-

ти», т. II. Так здесь автор постарался совсем обойтись без моего имени даже в тех вопросах, которыми только я и занимался, и которые я именно разрешил, как вопрос о геоморфологии Полесья или недавней обводненности пустынь (Каракумы и пр.).

В 1932–1933 гг. в «Проблемах советской геологии» я напечатал статью о Днепре (заглавие ее я плохо помню [124]), которой я очень горжусь. Я высказал там мысль, что Днепр по Северо-Украинской (б. Южно-Русской) мульде проходит уже с девона и что с этого времени до современной эпохи можно проследить факты смещений этой реки и различные ее положения. Так вот, сейчас вышла книга А.Н. Мазаровича «Основы геологии СССР» (М.; Л., 1938) [215]. Здесь, на фиг. 27 под заголовком «Схема шторма Днепра» скопирована таблица из названной моей статьи, но без указания источника и автора, хотя для всех других заимствованных таблиц Мазарович авторов указывает. На с. 134 – 136 излагаются как комментарии к рисунку, *мои* мысли, но имени моего опять нет, и только в одном месте говорится «по мнению некоторых геологов» ... «Некоторые» - это я, ибо *только* я высказывал такие мысли. И вот: жив я или уже умер? С одной стороны очень приятно, что Мазарович так увлекся моими новыми и далеко не банальными идеями, что ввел их в свою книгу, а с другой, почему же сделано это в виде плагиата?

Дочка моя старшая вкушает уже плоды истинной науки, в последнем письме пишет мне свои впечатления перехода от классической физики к релятивистской физике Эйнштейна. А Вы еще говорите, что я все молод. Если бы я был действительно молод, то не могла бы у меня быть такая большая дочка. Очень досадно мне, что не могу я быть к ней ближе, чтобы помогать ей в ее работе, следить за ее мыслью. Младшая дочка беспокоит очень своим здоровьем, как и мама, которая сильно хворала этой весной: болезнь заняла месяца два. Очень хотелось бы мне повидать своих, особенно Анну Дмитриевну, но это не так просто, и кажется до весны придется это отложить. И то хорошо, что все мои родные и в Питере и в Киеве в основном здоровы.

Как живете Вы и Наталья Егоровна.

Большой Вам от меня привет.

Ваш Б. Личков

P.S. Простите, что давно не писал; несмотря на это, душою я всегда с Вами.

АРАН, ф. 518, оп 3, д. 983, л. 23–26.

206

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ленинград,] 9 ноября 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

пишу Вам несколько слов из Ленинграда. Семью свою я застал в полном здравии, но только я в ужасе от того нервного состояния, в котором находится Анна Дмитриевна, и от ее колоссальной нагрузки: уроки в две смены каждый день, а после этого еще варка обеда. Дочки выглядят хорошо.

Вопроса своего я все еще до конца не вырешил, хотя обсуждал его с женой на разные лады¹. Окончательное решение все же приму после возвра-

щения в Переборы. Весьма возможно, что через несколько дней с Перебор мимо Вас проеду на Самарканд, и полагаю, что поеду через Киев или же поеду просто в Киев на 2–3 дня перед поступлением на службу на Волгострой. Очень хотел бы при пребывании своем в Москве в том и другом случае взять у Вас свои рукописи «Об инженерной геологии», «Реки» и «Движение материков», чтобы над ними в ближайшее время работать. Очень хотел бы так же получить рукописи и из Геологического института, где, как Вы мне писали, мои рукописи тоже имеются. У меня к Вам большая просьба – попросите Вашего секретаря имеющиеся у Вас рукописи к этому времени разыскать. Очень хотел, чтобы то же было сделано и в отношении рукописей, находящихся в Геологическом институте, но не знаю, можете ли Вы помочь в этом.

Привет большой Вам и Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. До скорого свидания. О Средней Азии собрал дополнительные сведения и узнал, что в Самарканде только высшее учебное заведение (университет), а можно ли мне работать по этой линии, не знаю.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 30.

¹ По окончании работ на Волгострое Б.Л. Личков получил два предложения: остаться работать и дальше на Волгострое и поступить на работу в одно из научных учреждений Самарканды.

207

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Погорелки,] 30 ноября 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

прибыл 28-го в Переборы, а вчера, 29-го, закончил свое оформление. Все благополучно, и завтра, 1-го декабря, я иду на работу в Геотехнический отдел. Живу еще воспоминаниями о Киеве и Москве: обо всем виденном, слышанном и прочитанном в привезенных материалах. В голове некоторый хаос, и чувствую, что мне предстоит огромная работа, поскольку я буду наверстывать свою отсталость. Чувствую, однако, что силы мои как будто при мне, и дело должно пойти на лад.

Сейчас эти несколько строк я пишу только для того, чтобы Вы знали, что я доехал благополучно и что дела мои развиваются нормально. На днях напишу.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Я только что получил от Вас выпуск Бюллетеней Четвертичной комиссии со статьей С.А. Яковлева о Новоземельском оледенении [250], о которой Вы говорили. Кроме того, там есть две статьи о районе Рыбинска (о террасах и о носороге) [177], тоже для меня интересных. Большое спасибо за присылку книжки.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 31.

[Погорелки,] 28 декабря 1939 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно я Вам не писал и не писал отчасти сознательно, ибо очень много работал. Условия моего существования здесь не очень благоприятны: постоянной квартиры я до сих пор еще не имею и все мыкаюсь то по знакомым, веду совместное существование в одной комнате, то временно занимаю свободное помещение. Две недели я прожил в квартире одного коллеги своего, имеющего две комнаты; он уехал в отпуск и просил постеречь его квартиру. Эти 10–12 дней я вспоминаю с удовольствием, так как я хорошо проработал в одиночестве и довольно много успел сделать и передумать. Я думал над тремя вопросами вплотную, так сказать: 1) над проблемами горообразования, 2) над вопросом о движении материков и 3) над теми вопросами, которые передо мной поставила недавно полученная мною Ваша книжка «Проблемы биогеохимии», ч. II [78].

По первому вопросу в сфере толкования горообразовательных процессов я пришел к очень важным выводам, по-новому освещающим это явление, в частности взаимоотношение орогенеза и эпирогенеза. Я разошелся почти со всеми говорившими об этом от Эли де Бомона до Вальтера Пенка, но, чтобы дать свое изложение и обоснование, мне нужна кое-какая литература, которой здесь у меня нет. В связи с этим оформление этой темы придется отложить, хотя в моем сознании решение проблемы ясно.

Над движением материков я думал под Вашим давлением и влиянием во время последних наших разговоров. Я прочитал несколько раз Вашу речь на конгрессе и, мне кажется, охватил всю глубину ее содержания; она на меня произвела громадное и вполне убеждающее впечатление: да, конечно, ключ к энергетике земной коры, ключ к основным ее процессам – в радиоактивности. Я просмотрел, кроме Вашей речи, статьи Хлопина, Старика и вообще всю литературу, которую мог найти, вплоть до отрывочных журнальных статей. Затем я восстановил перед своим сознанием все новейшие достижения сейсмологии* о строении земной коры, пересмотрев опять все, что можно было, о фокусах землетрясений. При свете всего этого я обратился к проблеме движения материков. И вывод мой получился вот какой: я не вижу, чтобы новая физикохимия земной коры закрывала дорогу движению материков; нет этого! В силе остается ряд фактов, которые иного толкования не допускают: 1) поразительные совпадения в очертаниях и строении противоположных берегов некоторых материков (подобие разорванной визитной карточки); 2) доказанные и крупные по масштабу явления гладкостей и волочения пластов; 3) доказанная приуроченность главного пояса (средиземноморского) горных цепей к главному поясу разлома земной коры; 4) затем сходство флор и фаун почти не связанных друг с другом материков; 5) зональная закономерность распределения вековых поднятий и опусканий; 6) диссимметрия земной коры, выражающаяся в коренном различии океанической и материковой

* В связи с фокусами землетрясений.

литосфер, с вытекающей отсюда динамикой процессов; наконец, 7) поразительная простота объяснений расселений живых существ, получающаяся при принятии движения материков. Вы признаете силу 7-го и 4-го положений, но считаете, что их надо объяснить как-то иначе, а не движением материков; я принимаю все семь серий фактов, и они по-моему остаются все не опровергнутыми. Я пересмотрел все содержание своей книги [158], я все в ней перестроил в новом аспекте и постарался придать ей новую убедительность. По-моему, только теперь, когда геология выбрасывает последние остатки теории сокращения земного шара от охлаждения, открывается настоящий простор правильной теории движений земной коры, и как один из важных элементов туда войдут движения горизонтальные. На место изостазиса не выдвинуто, по-моему, ничего ему равного, и он в значительной мере сохраняет силу свою. Я переработал за это время свою книгу, введя в нее ряд важных моментов, и мне кажется, сделал ее более глубокой и интересной. Послал С.И. Вавилову как председателю Комиссии по научно-популярному издательству и просто в Издательство предложение об издании *пятого* издания книжки в переработанном виде. Не знаю, какой получу от них ответ.

Мне очень хотелось бы, однако, встать на уровень последних фактов в области радиоактивности земной коры. Вспоминаю, что Вы писали мне о статье некоего Нетцлина (? если я не путаю фамилии) в *Comptes Rendus* Парижской Академии с освещением проблемы вулканизма [274]. Нельзя ли достать эту статью, и вообще не пришлете ли мне что-нибудь последнее по достижениям в области радиоактивного распада вообще и хода его в земной коре в частности. Нельзя ли затем достать книгу Вильзера «*Lichtreaction in fossil*» [284], о которой Вы мне рассказывали в связи с «персистентами». Страхова я хотел Вам сегодня послать обратно (хорошая книга!) [231], но задержу еще дня два; ee у меня попросил один молодой работающий здесь геолог.

Теперь я перейду К Вашей книге «О коренном материальноэнергетическом отличии и пр.» [78]. Начну с отдельных замечаний.

На первых страницах книги (стр. 4–7) у Вас много говорится о «совокупностях» и «среднем». Я припоминаю хорошую книгу А.А. Чупрова (сына) «Очерки по теории статистики» [243], где эта проблема совокупности с средней характеристикой разобрана очень хорошо. Ведь, в сущности, здесь перед Вами логически методологическая проблема. Чупров тоже подходил к ней отнюдь не философски, а именно методологически. Ваши мысли очень близки к мыслям Чупрова, но только он ставил вопрос уже, думая, что и «совокупность», и «средняя характеристика» это особенности статического и статистического метода, между тем как ясно, что это гораздо шире. Географический ландшафт, геохора, лес, степь, вообще всякий биоценоз – ведь это совокупности. Чупров этого не видел. Но все-таки проблема проанализирована у него прекрасно, и Вы могли бы в ней найти данные. Я понимаю, что Вы хотите быть сдержанным здесь и не хотите углубляться в анализ проблемы, боясь войти в философию, но все же мне кажется, что в «литературе» следовало бы найти место для Чупрова, а может быть, и для его предшественников, которые давно говорили и о средних, и о совокупностях. Мне просто не совсем понятно, почему в этом вопросе Вы излагаете так, как будто предшественников у Вас нет. Сознательно это или случайно?

Я не совсем согласен с Вами, когда Вы говорите (стр. 6), что во всех науках гуманитарных выступает неделимое и потому играет роль «среднее», а не «совокупность». Это не совсем так, мне кажется. Какой-нибудь индивид, хотя бы и средний, эпохи Террора вдвигается нами в эту эпоху в известную совокупность. То же и с другими индивидами, изучаемыми в гуманитарных науках: «средняя» личность здесь везде – член и участник какой-нибудь совокупности – Католической лиги, рабочего или др. т.п. класса и пр.

На стр. 8, мне кажется, нуждается в каком-то развитии фраза, где Вы возражаете против противопоставления «организма среде», как будто это – «два независимых объекта». Я понимаю, что независимыми их считать нельзя! Но я не понимаю, как их можно не противопоставлять? Ведь даже Ваша книга есть противопоставление организма косным телам биосферы! Мне этот абзац непонятен. Его следовало бы развить подробнее в расчете на такого непонятливого читателя, как я, а Вы говорите, что не будете «здесь на этом останавливаться» (стр. 8). Мне непонятно, против кого же это собственно направлено.

Очень большое впечатление на меня произвели Ваши рассуждения (стр. 8–11) об естественном теле как основе описательных наук. Продумавши эти страницы в связи с тем, что Вы говорили о «вещной» логике Демокрита в противоположность логике «понятия» Аристотеля (по толкованию некоего прагматиста¹), я пришел к выводу, что недооценивал роль описательных наук и их системы в развитии научной логики. Действительно, Вы правы, именно здесь создается «научный аппарат», отделяющий науку от донаучного мышления и от мышления философского. Понятие «вещи» меняется с ходом науки, и та же почва «как особое естественное тело», в понимании Докучаева, вводит новые черты в этот научный аппарат, которого не было раньше. Когда Гегель хотел придать наукообразность своей философии, он не учитывал, что «вещи» в науке совсем иные, чем «вещи» обыденного сознания, и то же относится к другим философам... Вы совершенно правы, говоря, что «вся область гуманитарных наук имеет тоже дело с естественными телами» (стр. 9).

Мои замечания и недоумения к с. 13 и 19. Плохо я схватываю изложенные здесь мысли. Я понимаю, что Вам не так интересно это растолковывать, но может быть, если недоумение есть у меня, то появится оно и у других, и тогда это будет поводом для Вас тоньше отточить и уточнить Вашу мысль. Вы говорите, что «диссимметрия молекул совершенно аналогична диссимметрии кристаллических многогранников (с. 13). Что значит здесь «аналогична». Значит ли это, что эти две симметрии совпадают, или что они, так сказать, параллельны, что ли. Если они совпадают, то стереохимия как бы сливается с кристаллохимией. Но ведь этого же нет? И то, что этого *нет*, как бы подтверждают Ваши слова, что асимметрия в физике и в кристаллографии употребляется в совершенно *отличном* смысле, создавая путаницу» (с. 13, «отличном» подчеркнуто мною). Но, с другой стороны, несколькими строками ниже Вы говорите, что диссимметрия молекул ... указала, что в химической формуле выявляется в химических реакциях неравенство правых и левых атомных структур» (та же с. 13). Выходит, что диссимметрия молекул сводится к диссимметрии «атомных структур». Но ведь кристаллографическая диссимметрия тоже к атомным структурам относится. В чем же разница? Неужели в том, что одна

из этих диссимметрий выражается в формах тела, а другая в химических реакциях. Но ведь если форма проникнута диссимметрией своего содержания, то на реакциях это должно проявляться в обоих случаях. Я буду еще думать над этим местом и может быть расшифрую для себя его, но все же я излагаю Вам свои недоумения в надежде, что не я один являюсь таким недогадливым читателем. На с. 19 на правой стороне, при характеристике живого вещества сказано: «законы симметрии твердого кристаллического состояния материи резко нарушены» в организме. Чем? Очевиднее тем, что здесь видна диссимметрия, но не видно кристаллического состояния? В то же время при этом условии диссимметрия проявляется в резком неравенстве правых и левых изомеров.

Я хотел спросить Вас еще вот что: не означает ли все то, что Вы говорите, что геометрия Евклида есть геометрия пустого пространства; а что всякое пространство, наполненное материальным – живым или мертвым, – имеет уже иную геометрию?

Еще одно недоумение. Вы говорите, что «индивиды твердого химического соединения во внутреннем строении» отличаются от обыкновенного пространства евклидовой геометрии, но из рамок этой геометрии не выходят» (с. 19 – 20, левая сторона). Означает ли это, что последняя фраза после «по» относится к внешним отношениям, и что здесь друг другу противопоставляются «внутренние» и «внешние» отношения? Если я это верно понимаю, то разве не то же самое относится к живым организмам, а почему о них этого не сказано?

На меня производит впечатление, что в таблице есть повторения. Например, с. 22 справа внизу аналогична с. 18 справа тоже внизу, или с. 23 слева вверху содержит ту же мысль, что с. 19 слева вверху. Есть еще у меня замечания по поводу Ваших ссылок на построения Эйнштейна (с. 30), но я лучше об этом скажу, когда прочту Вашу статью третью «О состояниях пространства».

В целом Ваша «Таблица материально-энергетического отличия живого от косного», по-моему, очень убедительна и как будто исчерпывает данный вопрос. Она, действительно, не выходит за пределы науки, но все же дает гипотезы, ибо предположения о той или иной природе пространства – римановской или другой – это, конечно, гипотеза.

Я хотел еще поставить один частный вопрос к стр. 23. Правильно ли ограничивать размер живого естественного тела, и знаем ли мы здесь границу? А если бактериофаг относится к живым существам? Не изменит ли он здесь цифры?

На этом пока кончаю, дорогой Владимир Иванович; спасибо Вам за присылку Вашей книжки, которую я еще не раз буду проглядывать, возвращаясь к основным ее проблемам. Очень интересуют меня обе продолжающие ее книги. Может быть, по прочтении их вся проблема пространства сразу станет мне яснее.

Времени у меня для работы немного. На службе занят сейчас схемой четвертичных отложений СССР в сравнении с горными странами и Европой. Много ценного дала здесь работа Бена (швейцарца) [178]. Стараюсь освоить ее содержание и выяснить отношение к ней. Соболев ее отверг. Я же будто

склоняюсь к принятию^{*}. Вполне закончил статью «О движениях Украинского кристаллического массива в четвертичное время» [154]. Написал П.И. Степанову, не может ли он представить эту работу в Известия Академии наук. Одновременно запросил по тому же вопросу А.А. Григорьева.

Читаю сейчас «Разговоры с Гете» Эккермана [249], которых до сих пор не читал. С интересом прочел на днях книжку Е. Вихрева об искусстве Палеха [185].

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 983, л. 32–38 об.

¹ В.И. Вернадский здесь, очевидно, имеет в виду Чарльза Пирса.

* Очень интересные ставит он проблемы и интересно ставит.

Ссылки на работы В.И. Вернадского, Б.Л. Личкова и других авторов, упомянутых в переписке

ТРУДЫ В.И. ВЕРНАДСКОГО

1. Кременчугский уезд. – В кн.: Материалы к оценке земель Полтавской губернии. Естественно-историческая часть. Отчет Полтавскому губернскому земству (Под руководством В.В. Докучаева), СПб., 1892, вып. 13.
2. О полиморфизме как общем свойстве материи. – Учен. зап. МГУ, Отд. естеств.-ист., 1892, вып. 9, с. 1–18.
3. О научном мировоззрении. – В кн.: Очерки и речи. М., 1922, ч. 2, с. 5–40.
4. Кант и естествознание XVIII столетия. – Вопр. филос. и психол., 1905, № 76, с. 36–70; см. также: Вернадский В.И. Очерки и речи, ч. 2, с. 57–76.
5. Опыт описательной минералогии. Т. 1. Самородные элементы. СПб., 1908, вып. 1, с. 1–176; 1909, вып. 2, с. 177–366; 1910, вып. 3, с. 367–496; 1912, вып. 4, с. 497–656; 1914, вып. 5, с. 657–839.
6. Опыт описательной минералогии. Т. 2. Сернистые и селенистые соединения. Пг., 1918, вып. 1, с. 1–144; 1922, вып. 2, с. 145–264.
7. Заметки о распространении химических элементов в земной коре, вып. 3. Наблюдения 1909–1910 гг. – Изв. АН, сер. 6, 1910, т. 4, с. 1129–1148. Совм. с Е.Д. Ревуцкой и А.А. Твалчрелидзе.
8. Парагенезис химических элементов в земной коре. – В кн.: Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей (1909–1910). М., 1910.
9. Минералогия. М., 1910. Ч. 1, 344 с.; Ч. 2, 163 с.
10. Земные силикаты, алюмосиликаты и их аналоги: Из лекций В.И. Вернадского в Моск. ун-те. 1–3-е изд. 1910–1912 гг.; 4-е изд., перераб. С.М. Курбатовым и В.И. Вернадским. Л.; М., 1937. 378 с.
11. Живое вещество. М.: Наука, 1978.
12. Общий очерк геохимии. 9 лекций: [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 20. 369 с.].
13. Вводная часть к отчету Комиссии по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям при Министерстве народного просвещения в Киеве: [Рукопись, ф. 518, оп. 4, д. 2. 12 с.].
14. Курс лекций по геохимии (стенограмма). Прочитан в Академии наук в Петрограде в 1921 г.: [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 16–17. 231 с.].
15. Записка об изучении живого вещества с геохимической точки зрения – Изв. АН СССР. Сер. 6, т. 15, 1921, № 1–18, с. 120–123.
16. Химический состав живого вещества в связи с химией земной коры. Пг., 1922. 48 с.
17. Очерки и речи, ч. 1–2. М., 1922.
18. Начало и вечность жизни. Пг., 1922.
19. Химические элементы и механизм земной коры. – Природа, 1922, № 3–5, с. 31–40.
20. Живое вещество в химии моря. Пг., 1923.
21. История минералов земной коры. Т. 1. Сернистые и селенистые соединения. Пг., 1923, вып. 1. 208 с.; Л., 1927, вып. 2, с. 209–376; Т. 2. История природных вод. Л., 1933, вып. 1, с. 1–201; 1934, вып. 2, с. 202–402; 1936, вып. 3, с. 403–562.
22. La Géochimie. Paris, 1924. 404 p.
23. La matière vivante et la chimie de la mer. 1–2 parties. – Rev. gén. sci., 1924, vol. 5, N 1, p. 5–13; N 2, p. 46–54.

24. Sur la Géochimie. – Rev. gén. sci., 1924, vol. 35, N 15, p. 449–453.
25. Sur la représentation de la composition chimique de la matière vivante. – C. r. Acad. sci., 1924, t. 179, p. 1215–1017.
26. Sur la pression de la matière vivante dans la biosphère. – C. r. sci. Acad. sci., 1925, t. 180, p. 2079–2081.
27. La matière vivante dans la biosphere: (Отчет по фонду Розенталя): [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 52. 94 p.].
28. L'autotrophie de l'humanité. – Rev. gen. sci., 1925, vol. 36, N 17–18, p. 495–502.
29. Sur la portée biologique de quelques manifestations géochimiques de la vie. – Rev. gén. sci., 1925, vol. 36, N 10, p. 301–304.
30. Биосфера. Л., 1926.
31. Изотопы и живое вещество. – ДАН СССР. Сер. А, 1926, декабрь, с. 215–218.
32. Etudes biogéochimiques. 1. Sur la vitesse de la transmission de la vie dans la biosphère. – Изв. АН СССР, сер. 6, 1926, т. 20, № 9. с. 722–744.
33. О размножении организмов и его значении в механизме биосферы. – Изв. АН СССР. Сер. 6, 1926, т. 20, № 9, с. 697–726; № 12, с. 1053–1060.
34. Мысли о современном значении истории знаний: Доклад, прочитанный в 1-м заседании Комиссии по истории знаний 14 октября 1926 г. Л., 1927.
35. Бактериофаг и скорость передачи жизни в биосфере. – Природа, 1927, № 6, с. 433–446.
36. Ueber den Kaolinkern der Alumosilikate und ihre Stellung in der Erdrinde. – Die Naturwissenschaft in der Soviet Union/Hrsg. von O. Vogt. Berlin: Ost-Europa-Verl., 1929, S. 337–351.
37. Записка об организации работы Геологического комитета от 18 декабря 1927 г.: [Рукопись, ф. 518, оп. 4, д. 74. 10 с.].
38. Очерки геохимии. М.; Л., 1927, 4-е изд.; 2-е рус. М., 1934.
39. Ueber die geochemische Energie des Lebens in der Biosphäre. – Z. Mineral., Geol. und Paläontol., Abt. B, 1928, N 11, S. 583–594.
40. О классификации и химическом составе природных вод. – Природа, 1929, № 9, с. 369–373.
41. Вступительное слово на Совещании по учету животноводческих богатств СССР. – В кн.: Материалы КЕПС. Л., 1928, № 65, с. 12–16.
42. Эволюция видов и живое вещество. – Природа, 1928, № 3, с. 227–250.
43. Записка о задачах АН СССР: [Рукопись. – Архив АН СССР. Ленингр. отд-ние, ф. 132, оп. 1, д. 20]. Прага, 27 марта 1928. 65 с.
44. О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР. Л., 1928. 42 с.
45. Geochemie in ausgewählten Kapiteln/Autorisierte Übersetzung aus dem russischen von Dr.E. Kordes. Leipzig, 1930, 370 S.
46. Изучение явлений жизни и новая физика. – Изв. АН СССР. Сер. 7, ОМОН, 1936, № 3, с. 403–437.
47. Пластовые воды биосферы и стратосферы в связи с классификацией природных вод. – В кн.: 1-й Всесоюзный гидрологический съезд (Ленинград, 1931). Л., 1933, вып. 8, с. 65–69.
48. Проблема времени в современной науке. – Изв. АН СССР. Сер. 7. ОМОН, 1932, № 4, с. 511–541.
49. Le problème du temps dans la science contemporaine. suite. – Rev. gén. sci., 1935, vol. 46, N 7, p. 208–213; 1935, v. 46, N 10, p. 308 – 312.
50. По поводу критических замечаний академика А.М. Деборина. – Изв. АН СССР. Сер. 7. ОМОН, 1933, № 3, с. 395–407.
51. La géochimie de l'eau [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 70, 38 с.].
52. Le probleme de la radiogéologie. Paris: Herman, 1935. 67 p.
53. Биогеохимическая энергия в земной коре: [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 12].
54. Об областях охлаждения в земной коре.–Зап. Гос. гидрол. ин-та, 1933, т. 10, с. 5–16.
55. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.
56. Проблемы биогеохимии. Вып. 1. Значение биогеохимии для познания биосферы. Л., 1934.
57. Биосфера и стратосфера. – В кн.: Труды Всесоюзной конференции по изучению стратосферы. 31 марта 1934 г. Л.; М., 1935, с. 575–578.
58. Углерод и живое вещество в земной коре. – Избр. соч. Т. 1. Очерки геохимии. Очерк 5. М., 1954, с. 175, 335.

59. О пределах биосферы. – Изв. АН СССР. Сер. геол. ОМЕН, 1937, № 1, с. 3–24.
60. Биогеохимические очерки. 1922–1932. М.; Л., 1940. 250 с.
61. Радиоактивность и новые проблемы геологии. – В кн.: Основные идеи геохимии. Л., 1935, вып. 2, с. 23–40.
62. La biogéochimie.–Scientia, 5 sér. ann. 39. 1945, oct.-dec., p. 77–84.
63. О некоторых основных проблемах биогеохимии. – Изв. АН СССР. Сер. геол. ОМЕН, 1938, т. 18, № 1, с. 19–34.
64. Об основных понятиях биогеохимии: [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 11. 100 с.].
65. Гёте как натуралист (мысли и замечания). – Бюл. МОИП. Нов. сер., 1946, т. 51. Отд. геол., № 21 (I), с. 5–52.
66. О задачах синтеза в области алюмосиликатов. – В кн.: Труды 2-го совещания по экспериментальной минералогии и петрографии. 7–10 мая 1936 г. М.; Л., 1937.
67. О колебаниях атомного веса химических элементов на Земле. – ДАН СССР, 1936, т. 3, № 3, с. 129–133.
68. Геохимия марганца в связи с учением о полезных ископаемых. – В кн.: Труды Конференции по генезису руд железа, марганца и алюминия. Л.; М., 1937, с. 229–246.
69. Заметка о титане в биосфере. – Труды биогеохимической лаборатории, 1937, т. 4, с. 247–257.
70. О значении радиогеологии для современной геологии (определение геологического возраста). – В кн.: Труды 17-й сессии Международного геологического конгресса, Москва, 1937. М., 1939, т. 1, с. 215–239.
71. О газовом строе Земли: [Рукопись, ф. 518, оп. 1, д. 44. 18 с.].
72. О земных алюмофосфорных и алюмосерных аналогах каолиновых алюмосиликатов. – ДАН СССР, 1938, т. 18, № 4–5, с. 287–294.
73. Каолиновое ядро и кристаллохимия силикатов: [Рукопись, ф. 519, оп. 1, д. 89, 15 с.].
74. Несколько соображений о проблемах метеоритики. – В кн.: Метеоритика. М.; Л., 1941, вып. 2, с. 1–22.
75. Биогеохимическая роль алюминия и кремния в почвах. – ДАН СССР, 1938, т. 21, № 3, с. 127–129.
76. О некоторых основных явлениях жизни в биосфере. Рукопись этой работы не сохранилась.
77. Научная мысль как планетное явление. – В кн.: Размышления натуралиста. М., кн. 2, 1977.
78. Проблемы биогеохимии: О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы. М.; Л., 1939.
79. О состояниях физического пространства. – В кн.: Размышления натуралиста. М., 1975, кн. 1, с. 50–63.
80. Опыт гидрохимии и геохимии вод Земли. – Избр. соч., М., 1960, т. 4, кн. 2, с. 541–587.
81. On some fundamental problems of biogeochemistry. (In connection with the work of the Laboratory of biogeochemistry of the Academy of Sciences of U. S. S. R.). – Тр. Биогеохимической лаборатории, 1939, т. 5, с. 5–17.
82. Проблемы биогеохимии. Вып. 4. О правизне и левизне. М.; Л., 1939. 16 с.

ТРУДЫ Б.Л. ЛИЧКОВА

83. Границы познания в естественных науках. Киев, 1914.
84. Историческая геология. Киев, 1919.
85. Природознательство и фольклорія. – Вістник природознавства. 1920, вып. 1, с. 13–16.
86. Перспективы розвитку природознавства на Україні: Доклад 29.XII.1920 г. – Вістник природознавства, 1921, вып. 1, с. 7–16.
87. Курс исторической геологии [Рукописи: Историческая геология, ч. 1, т. 2. Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 262, 737 с.; ч. 3, т. 3. Там же, № 263, 1194 с.].
88. Физическая геология. Рукопись не сохранилась.
89. Отчет Комиссии по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям при Министерстве народного просвещения в Киеве. Отчет не сохранился.
90. Геология Украины. Рукопись не сохранилась.

91. К тектонике Подольского горста [Рукопись: О гидрогеологических условиях г. Ольгополя Подольской губернии. Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 233, 24 с. и 2 разреза].
92. Геологические циклы и геологические периоды. [Рукопись: Геологические циклы, современные циклические явления на Земле и движения Земли.–Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 171. 45 с.].
93. Эволюционная идея и историческое знание. – В кн.: Сборник Киевского общества естествоиспытателей. Киев, 1921–1922. 37 с.
94. До гидрогеології міст Подулля. – Труды Укр. отд. Геолкома, 1922, вып. 3. 34 с.
95. Происхождение и развитие жизни. Киев, 1923.
96. К геологии г. Пивихи на Днепре. – Вестн. Укр. отд. Геолкома, 1926, вып. 9. 32 с.
97. К характеристике зандрового ландшафта окрестностей Киева. – Изв. АН СССР. Сер. 6, 1927, № 12–14, с. 1095–1114.
98. О террасах Днепра. – Геол. вестн. Укр. отд. Геолкома, 1927, т. 5, № 4–5. 14 с.
99. Об ископаемых реках и безотточных впадинах. – Зап. Киевского о-ва естествоиспытателей, 1927, т. 27, вып. 2, с. 49–73.
100. Некоторые черты геоморфологии европейской части СССР (зональность эпейрогенетических движений). – Труды Геоморфол. ин-та, 1927, вып. 1, с. 7–96.
101. К вопросу о происхождении Черного моря. – Зап. Одесского о-ва естествоиспытателей, 1928, т. 44, с. 107–122.
102. О так называемых ископаемых пустынях четвертичного времени в Европе. – Труды Геогр. отд. КЕПС, 1928, вып. 2.
103. Об ископаемых и современных пустынях. Рукопись не сохранилась.
104. К вопросу о геологической природе Полесья. – Изв. АН СССР. ОФМН, 1928, № 16–17, с. 173–194.
105. К геологической истории Полесья. – ДАН СССР. Сер. А, 1928, № 16–17, с. 321–326.
106. О палюдиновой фауне древнего и современного Днепра. (Есть рукопись: О палюдинах древнего и современного Днепра. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, д. 310, № 24. 8 с.)
107. К вопросу о террасах Днепра, ч. 2. – Вестн. Укр. отд. Геолкома, 1928, вып. 11, с. 51–84.
108. Основные черты классификации подземных вод. – В кн.: Исследования подземных вод. Л., 1933, вып. 2.
109. Неолитическая стоянка Глозель. – Природа, 1928, № 2.
110. Новые данные о первичном и новом поднятии Азии: Обзор последних работ. – Природа, 1928, № 5, с. 482–490.
111. Изостазис и современные представления о движениях земной коры. – Природа, 1928, № 7–8.
112. Материалы к характеристике прикладной научной работы Академии наук СССР: (Отделы и институты КЕПС). Л., 1929. 75 с.
113. Материалы к вопросу о классификации подземных вод. Л., 1928. 34 с.
114. К вопросу о геологической природе Полесья. – Изв. АН СССР. ОФМН, 1928, № 7, с. 173–194.
115. К вопросу о существовании пустынь в четвертичное время в Европе. – Зап. Киевского о-ва естествоиспытателей, 1928, т. 27, вып. 3, с. 12.
116. Основные черты гидрогеологии Алагеца. Рукопись не сохранилась.
117. Некоторые черты к характеристике геоморфологии Южного Полесья. – Изв. Геолкома, т. 47, № 9–10, с. 1011–1040.
118. Загадка Каракумов. – В кн.: Каракумы. Л., 1930.
119. Загадка Каракумов. – В кн.: Материалы Комиссии экспедиционных исследований (КЭИ) АН СССР. Л., 1931, вып. 29, с. 1–33.
120. К характеристике геоморфологии и стратиграфии Алагеца. – В кн.: Алагез – потухший вулкан Армянского нагорья. Л., 1931 (Труды СОПС. Сер. закавказская; Т. 1, вып. 3).
121. Движение материков и климаты прошлого. Л., 1931.
122. Передвижение материков и климаты прошлого. 2-е изд. Л., 1932.
123. Очерки физической геологии: [Рукопись. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 318].
124. К характеристике геологического прошлого Североукраинского артезианского бассейна. – Пробл. сов. геол., 1933, № 9.
125. Гидрология и геология. – Труды Гос. ин-та исследования подземных вод СССР, 1933, вып. 4.

126. Гидрология и геология: Исследование подземных вод СССР. – В кн.: Труды Балтийской конференции. Л., 1933, вып. 4.
127. Об основных чертах классификации подземных вод. – 4-я Гидрологическая конференция Балтийских стран. 6-я секция подземных вод. Л., 1933.
128. Об эпейрогенетических движениях на Русской равнине. – Труды Геоморфол. ин-та, 1933, вып. 10, с. 5–80.
129. Реки и генезис каустобиолитов. – Труды Геоморфол. ин-та, 1934, вып. 10, с. 81–95.
130. Геосинклиналь и океаны. – Природа, 1934, № 6, с. 18–30.
131. К вопросу о морских течениях прошлого Земли. – Природа, 1935, № 4.
132. По поводу «Истории природных вод» акад. В.И. Вернадского. – Сорена, 1935, вып. 7.
133. Волны жизни. [Рукописи 1940 г.: Волны жизни и ритмы развития земного шара. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 381; Волны жизни и развитие органического мира на Земле. – Там же, ф. 1039, оп. 3, № 146, 149, 150].
134. О континентальных отложениях и необходимости их изучения. – В кн.: За рационализацию гидрогеологии. Л., 1934.
135. Некоторые черты геоморфологии и гидрогеологии р. Сох (Сохского веера рек) в Фергане: [Рукопись отчета. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 319, 164 с.].
136. Очерк Верхне-Волжского Полесья. Рукопись не сохранилась.
137. К гидрогеологии среднего течения Зеравшана. Рукопись не сохранилась.
138. К истории древнейших рек Северной Америки и Средней Азии. [Рукопись: К характеристике геологической древности речных систем Северной Америки и Средней Азии. Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, д. 21, 99 с.]
139. К вопросу о роли водной наземной денудации в истории Земли. [В другом месте рукопись названа: К вопросу о роли наземной денудации в жизни земного шара]. Рукопись не сохранилась.
140. К вопросу о морских течениях прошлого Земли. – Природа, 1935, № 4.
141. Геологическое строение района [Перервинских сооружений]. – Москвалогострой, 1935, № 4, с. 49–52.
142. Происхождение Молого-Шекснинского междуречья и создание Рыбинского водохранилища. – Волгострой, 1936, № 2–3, с. 25–34.
143. Движение материков и климаты прошлого Земли. 3-е изд. Л., 1935.
144. Реки и геосинклинали в истории земного шара. [Другое название: Реки в истории земного шара]. Рукопись не сохранилась.
145. Основные закономерности развития рельефа земного шара: (К вопросу о роли рек и развитии гор). Рукопись не сохранилась.
146. О геологических условиях района сооружений верхневолжских гидротехнических узлов (Рыбинск, Шексна, Углич). – Волгострой, 1936, № 1, с. 15–23.
147. Верхневолжские водохранилища и проблема затопления. – Волгострой, 1936, № 7.
148. Движение материков и климаты прошлого Земли. 4-е изд. Л., 1936.
149. Рец. на кн.: Вернадский В.И. История природных вод. – Волгострой, 1937, № 7.
150. Об эпейрогенетических движениях на Русской платформе и вековых реперах Волгостроя. Рукопись не сохранилась.
151. Генезис пестроцветных пермо-триасовых глин как основа прочных их геотехнических свойств. Совм. с А.В. Крюковым. Рукопись не сохранилась.
152. О геологическом прошлом европейских рек. – Проблемы физической географии, 1936, № 3.
153. Современная геологическая эпоха и ее характерные черты. – Природа, 1940, № 9, с. 16–29.
154. О четвертичных движениях земной коры в районе украинской кристаллической полосы. – Проблемы физической географии, 1941, вып. 10, с. 35–53.
155. О современной геологической эпохе. – Изв. АН СССР. Сер. геол., 1941, № 3, с. 3–34.
156. Тихоокеанская геосинклиналь и коралловые рифы. Рукопись не сохранилась.
157. О молодом (юном) рельефе и древних речных долинах. Рукопись не сохранилась.
158. Движение материков и климаты прошлого Земли. (Подготовленное автором пятое издание этой рукописи опубликовано не было. Рукопись: Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, д. 295, 225 с.)
159. Об энергетике Земли и причине тектонических явлений. – Геол. сб. Львовского геол. о-ва, 1954, № 4.

160. Происхождение глинистых пород как основа их геотехнических свойств. [Рукопись: Глинистые породы Рыбинского и Шекснинского узлов. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 230, 96 с.].
161. К вопросу о происхождении болот Молого-Шекснинского междуречья. [Рукопись: Записка о подземных водах Молого-Шекснинского междуречья в связи с гидрогеологией сооружений Рыбинского узла и подтоплениями, созданными Рыбинским водохранилищем. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 90].
162. Пермо-триасовые отложения Рыбинского района как фундамент сооружений Рыбинского и Шекснинского узлов: [Рукопись. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, № 383, 76 с.].
163. Основные черты гидрогеологии Алагеза. Рукопись не сохранилась.
164. Проблемы теории познания в современной геологии. Рукопись не сохранилась.
165. На путях современной геотехники: (К критике геотехники и прикладной геологии в их современных отношениях). Рукопись не сохранилась.
166. Об инженерной геологии: [Рукопись. – Арх. АН СССР, ф. 1039, оп. 3, д. 228. 169 с.; № 382, 46 с.].

ТРУДЫ ДРУГИХ АВТОРОВ

167. *Аврелий М.* Что всего важнее для души твоей? – В кн.: Избранные мысли римского мудреца Марка Аврелия. М., 1904, кн. 1–3.
168. *Андрусов Н.И.* Воспоминания (1871–1890). Париж, 1925.
169. *Арсеньев В.К.* В горах Сихотэ-Алиня. М., 1937.
170. *Архангельский А.Д.* Обзор геологического строения Европейской России. Пг., 1922, т. 1; Л., 1926, т. 2.
171. *Архангельский А.Д.* Геологическое строение СССР: Европейская и Среднеазиатская части. Л.; М., 1932.
172. *Архангельский А.Д.* Геология и гравиметрия. М., 1938.
173. *Архангельский А.Д.* Геологическое строение СССР: Западная часть. М.; Л. 1934.
174. *Ауэрбах Ф.* Эктропизм, или Физическая теория жизни. СПб., 1911.
175. *Батурин В.П.* Палеогеография по терригенным компонентам. Баку, 1937.
176. *Белоусов В.В.* Современное состояние знаний в области геологии и геохимии гелия. – В кн.: Гелиеносные природные газы. Л.; М., 1935.
177. *Беляева Г.И.* Об остатках ископаемого носорога окрестностей г. Рыбинска. – Бюл. КИЧП, 1939, № 5.
178. *Бен.* (Четвертичные отложения). Работа не найдена.
179. *Боплан Г.В.* Описание Украины. СПб., 1832.
180. *Борисяк А.А.* Курс исторической геологии. М.; Л., 1931.
181. *Василенко Н.П.* Биография Кистяковского. Работы не найдены.
182. *Василенко Н.П.* Биография Левицкого. Работа не найдена.
183. *Вернадский Г.В.* Начертания русской истории. Прага, 1927.
184. *Виноградов А.П.* Химический элементарный состав организмов моря, ч. 1–3. – Труды Биогеохимической лаборатории, 1935, т. 3; 1937, т. 4; 1944, т. 6.
185. *Вихрев Е.Ф.* Палех (1927–1932): (Очерки быта и творчества палехских художников). М., 1938.
186. *Гегель Г.-В.-Ф.* Феноменология духа. СПб., 1913.
187. *Гегель Г.-В.-Ф.* Наука логики. Пг., 1916.
188. *Гегель Г.-В.-Ф.* Лекции по истории философии. – Соч. М.; Л., 1932–1935, т. 9–11.
189. *Гегель Г.-В.-Ф.* Философия истории. – Соч. М.; Л., 1935, т. 8.
190. Геохимический справочник. Неясно, какой справочник имеется в виду.
191. Гидрогеология СССР. Т. 1–7. М.; Л., 1939–1947.
192. *Григорьев А.А.* В поисках закономерностей морфологической структуры. – Пробл. физ. географии, 1935, вып. 2.
193. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянкайский край. СПб., 1914–1926. Вып. 1–4.
194. *Дарвин Ч.* Строение и распределение коралловых рифов. СПб., 1842.
195. *Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света. – Соч. М.; Л., 1935, т. 1.
196. *Докучаев В.В.* Способы образования речных долин Европейской России. – Труды СПб. о-ва естествоиспытателей, 1878, т. 9.

197. *Залесский М.Д.* Очерк по вопросу образования угля. Пг., 1914.
198. *Залесский М.Д.* Естественная история одного каменного угля. – Труды Геол. комитета, 1915, т. 139.
199. *Звягинцев О.Е.* Рец. на кн.: Ферсман А.Е. Геохимия. – Природа, 1934, № 5.
200. *Ильин Р.С.* К чему приводит отрыв почвоведения от геологии. – Почвоведение, 1933.
201. *Ильин Р.С.* Происхождение лессов в свете учения о зонах природы, смещающихся в пространстве и во времени. – Почвоведение, 1935, № 1.
202. *Каблуков И.А.* Физическая и коллоидальная химия. М., 1937.
203. *Каминская Ш.Е.* Титан в биосфере. – Труды биогеохим. лаб., 1938, № 4.
204. *Карпинский А.П.* Очерки геологического прошлого Европейской России. – В кн.: Классики естествознания, М.; Пг., 1919.
205. Карта полезных ископаемых Украины. СПб., 1916.
206. Карта полезных ископаемых Украины. Киев, 1922.
207. *Кащенко А.С.* Великий Луг запорожский. Катеринослав, 1917.
208. *Кропоткин П.А.* У края ледника. Работа не найдена.
209. *Крылов А.А.* Геология Ярославской губернии, 1871–1872. Работа не найдена.
210. *Лайель Ч.* Основные начала геологии, М., 1866, т. 1–2.
211. *Леонард Эйлер.* 1707–1783. Сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М.; Л., 1935.
212. Лес, его изучение и использование. – Сборник КЕПС, Л., 1928.
213. *Линков Л.С.* К вопросу о режиме оползневых явлений в районе расположения Киева и его окрестностей. Геол. журн. АН УССР, 1938, т. 5, вып. 4.
214. *Люжон М.* Плотины и геология. Л., 1936.
215. *Мазарович А.Н.* Основы геологии СССР. М.; Л., 1938.
216. *Маков.* Соляные купола Украины. Работа не найдена.
217. *Мирчинк Г.Ф.* Геология четвертичных отложений. М., 1934.
218. *Новский В.А.* Новые данные о междуморенных отложениях и террасах Рыбинского района. – Бюл. КИЧП, 1939, № 5.
219. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи: Сборник новелл. СПб., 1844.
220. *Осборн Г.* Открытие третичного человека. – Природа, 1930, № 7–8.
221. *Панет Ф.* Вопрос о происхождении метеоритов. – В кн.: Основные идеи геохимии. Л., 1935, т. 2.
222. *Полынов Б.Б.* Кора выветривания. Л., 1934, ч. 1.
223. *Радлов Э.Л.* Очерк истории русской философии. 2-е изд., доп. Пг., 1920.
224. *Резниченко В.В.* Природа Канівської ділянокції. – Вісник Українського Відділу Геологічного Комітету», 1924, т. 4.
225. *Рудницкий.* Тектоника Украины (1925–1926). Прага, 1926.
226. [Сборник] Академику Владимиру Ивановичу Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности. Л.; М., 1936, т. 1–2.
227. [Сборник] Академику В.А. Обручеву к 50-летию научной и педагогической деятельности. М.; Л., 1939, т. 1–2.
228. Современные течения религиозной философской мысли. – В кн.: Цельное знание, Пг., 1915, т. 1.
229. *Ситтер де В.* Раздвигающаяся Вселенная/Пер. Н.В. Белова. – Природа, 1931, № 5.
230. *Старик И.Е., Сегель Н.М.* Определение возраста пород радиоактивным методом. – Труды Радиового ин-та, 1937, т. 3.
231. *Страхов Н.М.* Историческая геология. М., 1938.
232. *Терцаги К.* Инженерная геология. Л.; М., 1935.
233. Труды Всесоюзной конференции по изучению стратосферы. 31. III 1934 г. Л.; М., 1935.
234. Труды XVII сессии Международного геологического конгресса, Москва, 1937. М., 1939.
235. Труды и материалы Таджико-памирской экспедиции (1932–1935). Л., 1934–1937, вып. 1–97.
236. *Ушинский Н.Г.* К вопросу о происхождении серных вод на побережье Каспийского моря. – Азерб. нефтяное хоз-во, 1932, № 8–9.
237. *Ферсман А.Е.* Геохимия. Л., 1933, т. 1.
238. *Ферсман А.Е.* Геохимия. Л., 1934, т. 2.
239. *Ферсман А.Е.* Геохимия, 2-е изд. Л., 1934, т. 1.
240. *Ферсман А.Е.* Геохимия. Л., 1937, т. 3.

241. *Ферман А.Е.* Достижения советской минералогии и геохимии за последние годы (1929–1934). М.; Л., 1935.
242. *Фещенко-Чоповский И.А.* Промышленность и природные богатства Галиции. Киев, 1915.
243. *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1909.
244. *Шейнман Ю.М.* Островные дуги, передовые глубины и геосинклинальные моря берега Азии: [Реферат книги Лаусона]. – Проблемы сов. геологии, 1934, т. 1, № 2.
245. *Штуб.* Механизм движений земной коры. Работа не найдена.
246. *Эйлер Л.* Введение в анализ бесконечно малых. Т. 1. М.; Л., 1936.
247. *Эйнштейн А.* Принцип относительности. Пг., 1921.
248. *Эйнштейн А.* Основы теории относительности (4 лекции). М.; Л., 1935.
249. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.; Л., 1934.
250. *Яковлев С.А.* Руководящие валуны, морены и границы распространения Новоземельского оледенения на Русской равнине. – Бюл. КИЧП, 1939, № 5.
251. *Barrel.* Rhythms and the measurements of Geological Time. – Bull. Geol. Soc. Amer., 1931, vol. 32.
252. *Bastin E.* – Bull. Amer. Soc. Petrol. Geol., 1930, vol. 14.
253. *Bechamp A.* Les grands problemes de médecine. Paris, 1905.
254. *Born A.* Isostasie und Schwere-messung. Berlin, 1923, S. 2.
255. *Bowie.* – Isostasis. N. Y., 1927.
256. *Carter Th.* The invention of paper and its spread westward. N. Y., 1925.
257. *Sayeux L.* Introduction à l'étude pétrographique des roches sédimentaires. Paris, 1916.
258. *Cloos H.* Einführung in die tektonische Behandlung magmatischer Erscheinungen (Granittektonik). Berlin, 1925, Bd. 1.
259. *Daly R.* The Earth's crust and its stability. – Amer. J. Sci., 5 Ser., 1923, vol. 5, N 29.
260. *Dépéret Ch.* La classification des temps quaternaires et ses rapports avec l'antiquité de l'homme en Europe. – Rev. gén. sci., 1923, N 5.
261. *Eddington A.* The nature of physical world. N. Y., 1929, p. 135–141.
262. *Fermi E.* Artificial radioactivity produced by neutron bombardment. – Proc. Roy. Soc. London A, 1934, vol. 146, N 149, p. 483–500.
263. *Hoff K.* Geschichte der durch Überlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche. Ein Versuch. 1–5. Gotta, 1822–1841.
264. *Hutton J.* Theory of the Earth or an investigation of the laws observable in the composition, dissolution and restoration of land upon the globe. – Trans. Roy. Soc. Edinburgh, 1788–1795, vol. 1–2.
265. *Hutton J.* Dissertations on different subjects in natural philosophy. Edinburgh, 1792.
266. *Jaranoff D.* Morphologie der Hinterbotkanischen Bunen. Beitrag zur vergleichenden Morphologie der alpinen Orogenese. – Z. Bulgarisch. Geol. Ges., 1935, Bd. 7, H. 3.
267. *Joliot F., Jolio-Curie I.* – Rev. gén. Sci., 1934, vol. 45, p. 229.
268. *Lacroix F.* Mineralogie de Madagascar. Paris, 1922–1923.
269. *Lawson A.* Insolar areas, foredeeps and geosynclinal seas of the Asiatic coast. – Bull. Geol. Soc. Amer., 1932, vol. 43, N 2.
270. *Lemoine M.* Geologie du bassin de Paris. Paris, 1911.
271. *Lyelle Ch.* Principles of geology. London, 1839.
272. *Masson Oursel P.* Esquisses d'une histoire de la philosophie indienne. Paris, 1923.
273. *Masson Oursel P.* Philosophie comparée. Paris, 1923.
274. *Noetzelin I.* Comptes rendus de l'Academie des sciences, 1939, vol. 208, p. 1100.
275. *Osborn H.* Skull Measurements in man and the Origin of Mammals. – Science, 1912, vol. 35, N 902, p. 596.
276. *Perrin G.* Notice sur les travaux scientifiques. – Rec. Mois, 1923, vol. 77, Paris, 1920.
277. *Rutherford E.* Die Kernstruktur der Atome. Leipzig, 1921.
278. *Russel M.* Solar system. N. Y., 1935.
279. *Schuchert Ch., Dunbar C.* A textbook of geology. N. Y., 1933.
280. *Schwinner P.* Lehrbuch der physikalischen Geologie. Berlin, 1936.
281. *Sniadecki I.* Teoria jestestw. organiezn. Warszawa, 1804, vol. 1.
282. *Sollas W.* Ancient hunters and their modern representations. London, 1924.
283. *Suess E.* Das Auslitze der Erde. Wien, 1885–1909.
284. *Wilser I.* Lichtreaktion in der fossilen Tierwelt. London, 1931.

Часть II
(1940–1944)
Письма 209–409

209

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 2 января 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях я послал Вам большое письмо, где высказывал некоторые свои соображения по поводу полученной мною от Вас недавно книжки «О материально-энергетическом отличии живых тел от косных и пр.» [19]*. В нем я сказал не все, что хотел, и кое-что осталось при мне, но мне кажется, что преждевременно и опрометчиво было бы высказывать все, ибо многое из моих дальнейших замечаний, связанных с расшифровкой противопоставления Вами Вашей точки зрения взглядам Эйнштейна, может быть, просто отпадет, когда я прочту дальнейшие выпуски работы Вашей.

Я предложил Издательству Академии наук переиздать пятым изданием в 1940 году мою книгу о движениях материков [51] и не имею ответа из издательства, хотя написал давно. Я написал, с одной стороны, С.И. Вавилову, а с другой – просто, безлично, в издательство. [...] Быть может, Вы найдете как-нибудь возможность узнать, как обстоит вопрос о переиздании книги моей, и в случае надобности замолвите там за меня словечко. [...]

Недавно я запросил Институт географии Академии наук, может ли быть там напечатана моя статья «О четвертичных движениях Украинской кристаллической плиты» [47]. Получил от А.А. Григорьева письмо с предложением прислать статью. Григорьев обещает, если статья не чисто геологическая, напечатать ее в «Проблемах физической географии». Как будто «Проблемы» платят авторам гонорар? Меня сейчас и в связи с этой статьей и в связи с книгой данный вопрос очень интересует, ибо надо ставить на ноги семью и платить долги (а первый из долгов тот, о котором я Вам говорил, – моему молодому приятелю Ракитину, о котором я Вам и Наталье Егоровне рассказывал).

Не можете ли Вы, Владимир Иванович, сообщить точно основные факты из той статьи с данными о глубоком бурении на дне океана, о котором Вы мне рассказывали?

В январе, в 20-х числах, я предполагаю на несколько дней захватить в Москву. Б.Л. Личков в Москву приезжал на 3 дня, очевидно, в феврале между 9 и 15.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 1, 2.

* Числа в квадратных скобках – номера ссылок на работы В.И. Вернадского, Б.Л. Личкова и других авторов в списке литературы, помещенном в конце II части.

[Москва,] 5 января 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень был рад получить Ваше письмо от 28 декабря, и мне хочется, не откладывая, ответить на него, хотя я сейчас завален срочной работой – корректурой книги «Биогеохимические очерки» [17], которая, дважды напечатанная, не могла выйти в свет в 1930 и в 1936 гг. Сейчас она как будто бы выйдет в свет¹.

Прежде мелочь: прислать ли Вам книжку Биленко «Материалы догеологической истории долины Днепра»? [102].

Буду ждать с интересом Вашей переработки «Движения материков» [51], но я не вижу условий в строении планеты для реального осуществления этой гипотезы. Мне кажется, это – повторение явления Бодэ – совпадение возможностей, но не реальностей. Мне кажется, геофизические данные (если мы отбрасываем гипотезу о расплавленной некогда планете) не дают ей места². Наблюдения над реальными движениями (явление, которое может быть независимо от гипотезы Вегенера, – очень сложные небольшие перемещения в результате небольших поверхностных геологических смещений) дали, как известно, результаты, противоречающие гипотезе Вегенера. Их, конечно, надо продолжать. Точно так же палеонтологические данные не могут доказать это явление. Мне кажется, что логические явления разного порядка и при оценке пластичности живого вещества палеонтологи не учитывают темпа геологического времени. Насколько я знаю, стратиграфическое сходство между противоположными концами океана очень приблизительное, чтобы не сказать больше. Я с интересом прочту Вашу книгу, но не думаю, чтобы в этом явлении надо было искать решения вопроса.

Статью Нётцила [181] вышло из нашей библиотеки. Книгу Вильзера [190], которая есть у меня, не могу найти. Как найду – пришлю.

Я сознательно не углубляюсь в логический анализ понятий «совокупность» и «среднего», ибо по опыту знаю, что в сложных процессах, в описательном естествознании, которое мы изучаем, мы неизбежно при этом придем в тупик, ибо логические понятия *неизбежно* не охватывают содержание реальности. Они слишком отвлечены. Книгу А.А. Чупрова [166] знаю по заглавию. Много слышал о ней хорошего. Теперь, через 10 лет после его смерти, она вышла на английском языке. Благодарю за указание³. Книгу достану. Но мне кажется, средний живой индивид живого вещества не отвечает среднему статистическим совокупностям. [...] Мне кажется, что индивидуальность в живом веществе *в аспекте природы* (биосферы) проявляется впервые только в человеке. Поэтому я считаю ошибкой, когда противопоставляют человека *среде*, так как о среде или о природе мыслят, как о чем-то изотропном, забывая, что живой организм и живое вещество живут *в биосфере*, от нее *неотделимы* и являются ее функцией, но ее в свою очередь создают. Поэтому я думаю, что, противопоставляя живой организм *косным* телам биосферы, я имею дело *с совершенно другим явлением*, чем если я противопоставляю живое вещество биосфере. [...]

Я был сам очень удивлен, когда в одной из работ Пирса я увидел указание на Демокрита. Жизненно ощутил тогда (1936) современное значение древней эллинской мысли. Пирс – сын знаменитого американского математика и сам крупный математик – считается одним из основателей прагматизма, но прагматистом он, очевидно, не является. Сейчас вышла впервые (он умер в 1914 г.) первая книга об его философии, и там она называется *эмпирицизмом*. Я ее выписал. Может быть, она окажется ближе к моим философским исканиям, чем философский скептицизм⁴.

В связи с диссимметрией, мне кажется, Вы не учитываете того положения, что монокристалл должен быть приравнен к молекуле. Это-то огромное изменение, которое показано Федоровым и Шенфлиссом и до сих пор настоящим образом не вошло в нашу химическую мысль: я этого касаюсь в статье о правизне и левизне [21], которая подписана к печати и мне говорили вчера, что все затруднения в Главлите улажены. Конечно, правильно построенные стереохимические формулы должны совпадать с правильно сделанными рентгенограммами монокристаллов. Но, к сожалению, рентгенограммы в подавляющей части связаны с теоретическими допущениями, вызывающими сомнение. Отпечатки легких элементов в них не проявляются. Особенно это важно для водорода. В то самое время, как, например, рентгенограмма ортоклаза является фактом, ибо математически выводится из дифракционных отпечатков, рентгенограмма каолина основана на конъюнктурах и противоречит химическим фактам. Для наилучше изученных стереохимических формул преобладание легких элементов так велико, что практически рентгенограмма их играет очень условную роль. Это, конечно, преходящая вещь. Химики для водорода даже допускают гипотезу, что водород не имеет постоянного места в решетке. Они могут это утверждать потому, что опытной проверки нет. Сейчас в моей лаборатории кончается постройка аппарата для электронограмм, которые теоретически должны нам дать отпечатки легких элементов. Для каолина электронограммы получены. Но самое основное – это *не могущая* возбуждать сомнения тождественность молекул и монокристаллов и, очевидно, их пространственных формул. То отличие, которое Пастер допускал для диссимметрии какой-нибудь винной кислоты и кварца, не существует; оно вызывается в обоих случаях распределением *атомов*, но для кварца мы не умеем получать его молекулярных дисперсий. Я хотел бы в вопросе о диссимметрии поговорить с Вами только после того, как Вы прочтете мою заметку о правизне и левизне.

На стр. 19–20 с левой стороны я говорю о кристаллах, которые в своем строении идеально выявляют свойства евклидова пространства, но это не то пространство, каким является изотропное пространство вакуума большинства жидких и газовых структур. Это все пространства изотропные. Кристаллы отвечают *анизотропным евклидовым пространствам* трех измерений. Их 219. Вот то, что сейчас произошло. Геометры (и кристаллографы) (Делоне, Александров и Падуров) в 1933 г. [119] совершенно правильно это приняли и внесли нужные поправки в выводы Федорова и Шёнфлисса. Это и позволило мне разобраться в правизне и левизне.

На стр. 23, в пункте 9-м направо минимальный предел живого организма, именно бактерии, определен эмпирически. Предел ему ставится числом Лошмидта⁵ (тот же получается из того, что они обладают дыханием). Если могут

быть живые вещества, не обладающие дыханием, т.е. газовым обменом, то мыслим и меньший их размер. Здесь мы сталкиваемся с вирусами, которые входят в область размеров молекул и, может быть, дыхания в обычном смысле слова не имеют. Вирусы, вероятно, живые организмы, и при пластичности живого вещества вполне возможно, что паразиты могут существовать и без газового дыхания в обычном его понимании и будут меньше 10^{-6} см. Но это уже жизнь логически другой категории.

Еще раз благодарю Вас за Ваше письмо. Сейчас вышел том Трудов нашей лаборатории, в котором есть и моя старая статья на английском языке [20].

Всего лучшего. От Олечки мы получили открытку, написанную великолепным почерком, в письме Анны Дмитриевны⁶. Всего лучшего еще раз. Наталья Егоровна⁷, которой я диктую, Вас приветствует.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 120, 121.

¹ Книга «Биогеохимические очерки», представляющая собой сборник статей, написанных и опубликованных в 1922–1932 гг., первоначально в 1930–1936 гг. действительно набиралась в типографии под названием «Живое вещество (1922–1930)». Однако это название вызвало некоторые возражения редакции, в связи с чем В.И. Вернадский решил ее переработать и выпустить под названием «Биогеохимические очерки» (1922–1932) [17].

² В дальнейшем геофизики обосновали возможность дрейфа и привели некоторые доказательства этому, однако полностью эта проблема еще не решена.

³ См.: Письмо Б.Л. Личкова от 28 декабря 1939 г. – В кн.: Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым, 1918–1939 гг. М.: Наука, 1979.

⁴ Мировоззрение В.И. Вернадского – форма стихийного естественнонаучного, по определению В.И. Ленина, материализма, объективно совпадающего во многом с диалектико-материалистическим пониманием мира. Свой «философский скептицизм» Вернадский связывал прежде всего с отрицанием примата спекулятивной умозрительной философии, претендовавшей на роль «науки наук», перед «истинной наукой» – объективным положительным знанием. См. настоящее издание, письмо 238; см. также: *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Книга 1. М., 1975, с. 33, 34; книга 2. М., 1977, с. 55, 77; *Его же.* Живое вещество, М., 1978, с. 103–107, 146–148; *Его же.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965, с. 8.

⁵ И. Лошмидт определил число молекул в единице объема газа при нормальных условиях (число Лошмидта).

⁶ О.Б. и А.Д. Личковы.

⁷ Н.Е. Вернадская.

211

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 11 января 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я недавно писал в издательство Академии наук с предложением выпустить пятым изданием мою книгу о движении материков в переработанном виде. Получил в ответ письмо от главного редактора Лихтенштейна, который просит прислать книгу, но пишет, что вопрос о ее издании РИСО будет решен, хотя надежды на положительное решение мало ввиду ограниченности бумажных лимитов. Я все-таки хочу рукопись послать. Ведь как-никак четыре издания книга выдержала. Значит чем-то она этот успех заслужила...

Я с большим увлечением работал эти дни над окончанием статьи, обдумывавшейся два года и начатой два года назад, «О современной геологической эпохе» [48]. Выводы четкие и яркие – «мы живем в эпоху революционную» с геологической точки зрения. Совсем новые выводы об эпейрогении и пр. Когда статья будет напечатана на машинке, я *Вам* пришлю ее, и мне хочется именно *Вас* просить представить ее к печати, ибо основные мотивы статьи навеяны Вами. Надеюсь, Вы не откажетесь. Я писал ее с увлечением, и статья, мне кажется, получилась очень увлекательная.

Получили ли Вы некоторые мои соображения по поводу Ваших «Проблем биогеохимии»? [19]. Надеюсь в этом месяце быть в Москве, чтобы хлопотать о возврате моих рукописей. Б.Л. Личков был в Москве 3 дня между 8 и 15 февраля.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 119–121 об.

212

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 8 февраля 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

не отвечал сразу на Ваше первое письмо, так как был очень занят. Заболела Наталья Егоровна острым ревматизмом рук и колен – лежит. Так неудачно кончилась наша поездка в Узкое: попали в большие морозы и она застудила руки. Но, по-видимому, это началось раньше.

А затем я спешно заканчивал основную часть своего доклада в конце апреля в Академии «О количественном учете химического состава биосферы» [23]. Написал текст, который читать не буду (а размножу в 150 экз.), и на днях отдам его переписку для типографии. Опираясь на знакомство с ним (предварительное), буду говорить о реальной организации работы, план которой на первый год ясен, и должен быть при Академии создан центр (или при моей лаборатории¹, или при Институте геохимии минералов, который выделится из Геологического института). Я думаю, что геохимия этим путем свяжется глубже с геологией. Сильно чувствую старческие недомогания, а сейчас навалилась спешная корректура «Биогеохимических очерков» [17]. Сегодня пришлют для окончательной подписи «Правизну – левизну» [21]. Мою статью о химическом учете биосферы помещу в «Проблемах» (V), а VI – будет о «ноосфере» [24], если до нее доберусь.

Мне кажется, здесь выясняются любопытные данные. Во-первых, своеобразный *радиальный* (по земным радиусам) *характер химических реакций* – неки, каналы вулканов, газовые струи, минеральные источники и т.д. С этой точки зрения очень важно выясняющееся значение *поднятий* и *опусканий* в новейших тектонических представлениях. Планета не растет и не сжимается. А затем надо резко разделять химические реакции, идущие в течение *геологического времени* и исторического времени.

Но главное – связать геохимию с геологической картой².

Анна Дмитриевна послала в конце января Ваш пакет по тому адресу, который написан на конверте, – передала пришедшему курьеру. А.Д. Шаховская передала издательству Академии наук рукопись работы Б.Л. Личкова «О движении материков».

В Comptes Rendus 1940 г. интересна статья Люжона об Альпах [180]. Когда будете в Москве, посмотрите.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

[...]

P.S. Радиальные химические реакции – проявление всемирного тяготения планеты. Они проектируются на поверхность планеты в географических координатах. Эти проекции выявляются на геологической карте, причем реакции в историческом виде могут быть «зримы», а реакции в геологическое время (например, трансгрессии моря) видны в результатах. Статья может иметь значение, так как приходится отбросить ряд ходячих геологических представлений. Статья Люжона, которую сегодня прочел, интересна, так как он тоже подчеркивает роль тяготения как механической силы.

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 122, 122 об.

¹ Биогеохимическая лаборатория, созданная В.И. Вернадским в 1928 г. и работавшая под его руководством. Позднее, уже после смерти своего основателя, она была преобразована в ныне существующий Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР.

² В.И. Вернадский метко различал средний химический состав земной коры, который выражается «кларками» элементов, и химический состав биосферы, резко неоднородный, который следовало увязать с геологической картой. Частично эта работа проведена в виде создания Атласа литолого-палеографических карт СССР в четырех томах в 1968 г. и геохимических карт по отдельным регионам, но в полной мере задача составления геохимической карты биосферы остается невыполненной. Сейчас этот вопрос стоит особенно остро, в связи с необходимостью охраны окружающей среды, которая является частью биосферы.

213

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 18 февраля 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Нину Николаевну Эльб я видел лично и передал ей, что Вы ею интересуетесь. Она много о Вас и Наталье Егоровне меня расспрашивала, передавала Вам приветы и обещала написать. Адрес ее такой: Болтинское почтовое отделение около Рыбинска, Волгострой, дома переноса, дом № 2, или же можно на служебный адрес: Волгострой. Центральная бетонная лаборатория. Эльб Н.Н. бывшая сотрудница В.Г. Хлопина по Радиевому институту, работала в это время вместе с мужем на «Волгострое».

С громадным удовольствием вспоминаю я три быстро пролетевших дня, проведенные мною в Москве, и еще раз благодарю Наталью Егоровну и Вас за Ваше гостеприимство. Много приятного доставили мне эти три дня.

241

Я кончил работу «О современной геологической эпохе» [48] и высылаю ее П.И. Степанову с просьбой провести ее в печать в «Известия» Академии наук. Я Вам об этой статье говорил. Она получилась как будто интересной.

Рукописей своих из Академии все еще не получил и не могу понять, в чем дело. Вероятно, они потерялись.

Все сведения о стаже из Киева и Ленинграда я благополучно получил и посылаю их заверенные копии вместе с личным заявлением своим в Самарканд¹. Только сейчас начинаю чувствовать некоторую жуть от мысли – переезда так далеко от всех близких и дорогих. Работаю сейчас очень много. Неожиданно занят темой «О происхождении Донецкого бассейна и древнейших фазах истории Днепра» [57]. Получается что-то интересное.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 4.

¹ В 1940 г. В.Л. Личков вел переговоры о переходе на работу в Самаркандский университет. Речь идет о пересылке туда необходимых документов.

214

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 27 февраля 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

давно не имею от Вас известий. У меня новостей особенных нет.

Получил сегодня письмо от жены, из которого видно, как тяжело дается ей жизнь... Анна Дмитриевна только и мечтает о том, чтобы ехать в Самарканд, где тепло, а вместе с тем мечтает о приезде на лето сюда ко мне... Мне очень не хотелось бы сразу везти всю семью в Самарканд, ибо я боюсь среднеазиатского климата, но если жизнь так складывается в Питере, придется должно быть ехать всем.

Сегодня я, кстати сказать, собрав нес документы о своем стаже, посылаю заявление в Самаркандский университет и указываю в нем, что хотел бы начать работу в университете в будущем учебном году, с самого начала его. Посмотрим, что из этого выйдет и отпустит ли меня к тому времени мое строительство¹. Я надеюсь, что отпустит, но боюсь, что оно может промариновать это дело на полгода.

Я сейчас работаю над двумя вещами – небольшим очерком по геоморфологии Молого-Шекнинского междуречья и статьей «О древнейшей истории Днепра и Донецком бассейне», которая у меня постепенно превратилась в очерк «О древнейшей истории Днепра и некоторых закономерностях геоморфологии» [57]. В этой статье я, продолжая и постепенно округляя выводы нескольких прежних моих работ*, вдруг неожиданно пришел к выводу, что

* Назову эти работы:

1. Об эпейрогенических движениях на Русской равнине – Труды Геоморфологического института, 1933, вып. 10 [42].
2. К характеристике геологического прошлого Северо-Украинского артезианского бассейна. – Проблемы советской геологии. 1933, № 9 [41].
3. О геологическом прошлом европейских рек. – Проблемы физической географии, т. III, 1936 [45].

эти мои работы удивительно углубляют геоморфологическую науку, дают совершенно новую трактовку геоморфологических проблем, расходящуюся с общепринятой. Может быть, я самообольщаюсь, но мне кажется, что я нашел новый путь к изучению рельефа прошлого, по которому так твердо и систематически не шел еще никто. Сейчас одновременно с этим письмом я посылаю Вам небольшую статью «О современной геологической эпохе» [48], которая представляет как бы квинтэссенцию большой работы. Статья эта, как и большая работа, примыкает к мыслям указанных моих трех работ и составляет одно с ними течение. Большую работу я послал П.И. Степанову, прося его представить ее для напечатания в «Известия». Эту маленькую заметку я предназначил для «Природы». Но я сообразил, что я не знаю адреса «Природы»: Ленинград или Москва? Московского адреса «Природы» я нигде не нашел, а Ленинградский должно быть устарел. Ввиду этого, я решился послать статью Вам: не откажите почтой направить ее в истинный адрес редакции «Природы» (может быть Анна Дмитриевна это сделает, за что я ей приношу заранее свою благодарность. Я был бы очень счастлив, если бы Вы успели хоть бегло проглядеть статью. Отпечатана она на машинке хорошо и затруднения для Ваших глаз не доставит. Мне кажется, что статья интересная, хотя и не столь интересная, как та большая работа, которую я направил Степанову.

Кстати, направила ли Анна Дмитриевна, Ваш секретарь, мою статью о «Движении материков» в издательство Академии наук? Сбоку письма рукой А.Д. Шаховской написано: «рукопись направлена в издательство на имя редактора в последних числах января.

Рукописи мои, наконец, получены и находятся у С.Ю. Геллера, сотрудника Института географии. [...] Возможно, что я опять на некоторое время приеду в Москву, на этот раз по вызову Института географии Академии наук, откуда мне предлагают сделать доклад о моих «Реках» [43]. Поездка моя будет по вызову и будет оплачена Академией. Это предложение мне очень улыбается. [...]

С А.А. Григорьевым подписал договор на составление очерка геоморфологии Украины [59] к декабрю текущего года. Подписанный текст договора отсылаю сегодня. [...]

Очень хочется мне выводы мои о современной эпохе сопоставить с Вашей ноосферой и выводами Дана о цефализации². Пока подбираю материал, но здесь его у меня мало.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 5, 6.

¹ Имеется в виду Волгострой, где Б.Л. Личков работал с конца 1934 по январь 1941 г.

² Для пояснения этой фразы приводим некоторые фрагменты из последней работы В.И. Вернадского – «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», где дается представление о ноосфере:

«В четвертичном периоде, во второй части которого мы живем, наиболее ярким проявлением бывших здесь процессов... является создание эволюционным путем человека, приводящее в конце концов к новой стадии биосферы – к ноосфере [сфере разума (греч.).– *Ред.*].

В живом веществе создалась новая геологическая сила ума и техники... которая нам кажется беспредельной и, возможно, в будущем выходящей за пределы планеты.

Впервые в эволюционном процессе произошло резкое изменение характера живого вещества, ... по-новому проявляющее эволюционный процесс, на которой эмпирически в 1850-х гг. указывал Д. Дэна в Нью-Хейвене как на *цефализацию*. ...Он указал на непрерывный с кембриа ... рост центральной нервной системы, мозгового аппарата *в одном и том же направлении*... [с. 56].

Переход биосферы в ноосферу открывает особую геологическую эру... – антропогенную эру, названную так А.П. Павловым (1854–1929). ...Почти одновременно с Павловым, от него независимо, Леконт в Калифорнии и К. Шухерт в Новой Англии назвали ту же эру «психозойской» [с. 60].

В ноосфере человек подходит, по-видимому, к ...грандиозным проявлениям живого вещества своей наукой и техникой на геологические процессы [с. 108].

Биосфера переходит в ноосферу ...в наше время *Homo sapiens* охватил планету и переходит к переработке ее в ноосферу [с. 56].

Геологическая роль человека начинает господствовать в биосфере, и открываются широкие горизонты его будущего развития. Это связано прежде всего с тем, что человек закончил впервые в своей истории заселение планеты. ... Пути сообщения сокращают и в ближайшем будущем, несомненно, сократят до минимума время переездов. Реально начинает рассчитывать человек о выходе в космическое пространство. Это явилось следствием мощного развития научной мысли, научного исследования и охваченными наукой техники и труда человеческих обществ. И здесь человек находится только на первых ступенях развития. Лишь социальная отсталость мешает проявиться совершенствующемуся перевороту в его реальной силе [с. 270, 271].

Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности [с. 328].

Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [с. 328].

215

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 12 марта 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

за последние месяц-полтора я писал Вам два раза, но ни разу не получил ответа. Вероятно, Вы сильно заняты, а, может быть, я сам виноват, сдавав так невольно, что Вы одного из моих писем, может быть, просто не получили. Я Вам писал в одном из писем, что видел лично Нину Николаевну Эльб и говорил с ней. Она работает на нашем строительстве в бетонной лаборатории. Я написал Вам и адрес ее. Она хотела Вам и Наталье Егоровне написать сама.

Я собрал все требовавшиеся сведения о моей прежней деятельности и послал в Самаркандский университет. Жду теперь результатов. [...]

Я в последнее время работал над геоморфологией Молого-Шекнинского междуречья и получил совершенно новые выводы, касающиеся системы полесий, что дало мне возможность развить дальше теорию их. Думаю эту работу перепечатать на машинке и затем двинуть в печать, может быть через Григорьева.

Не можете ли Вы как-нибудь спросить в издательстве – думают ли они печатать мою книгу о движении материков, которую я Вам в последний раз оставил для передачи в академическое издательство. П.И. Степанову я напращу.

вил большую статью «О современной геологической эпохе». Интересно, прочел ли он ее. Опубликовано: Известия АН СССР, серия геологич. № 3. 1941.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 7, 8.

216

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 18 марта 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

получил все Ваши письма. Ответил с запозданием около 8.ИИ. – масса работы. Сдал в предварительную печать мой доклад о количественном атомном учете биосферы [23]. Потом, как я Вам писал, я его помещу в «Проблемах» (V вып.), 4-й [21] выйдет с запозданием – жду лучшей бумаги – скоро. Послал ли я Вам Труды моей лаборатории – они уже разошлись, – но Вам могу выслать? Известите, получили ли мое письмо от 8-го. Я очень увлечен моей биосферой. Удивительно выясняется конструкция земных химических реакций – идут по *радиусам планеты*: с этой точки зрения поднятия и опускания новой тектоники как раз подходят. Будет напечатано 150 экз. предварительного издания. Вам пришлю и буду просить критически прочитать. Скоро будет заседание Комиссии по изотопам – пишу доклад¹. Здесь сейчас удивительно интересные выявляются процессы. Конечно, атомы – вещество – основная *геологическая* сила нашей планеты, с космическим в ней проявлением – движением материальным, с *космической скоростью* ($> 19,5$ км в 1"), основные для геолога ее проявления.

В.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 123.

¹ По инициативе В.И. Вернадского в 1939 г. при Биогеохимической лаборатории АН СССР была создана Комиссия по изучению изотопов. 16–17 апреля 1940 г. в Москве проходила первая конференция по изотопам. В.И. Вернадский представил на нее два доклада: «О необходимости выделения и сохранения чистых тяжелых изотопов природных радиоактивных процессов» и «Определение изотопного состава вод метаморфических пород и минералов» (совместно с А.П. Виноградовым и Р.В. Тейс). Первый доклад делал сам В.И. Вернадский, второй – А.П. Виноградов [25].

217

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 22 марта 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

получил только что Ваше письмо от 8/ИИ. Не ошибочна ли эта пометка? Ведь если она верная, то значит: письмо шло более месяца. Московский штемпель не совсем ясен, но на нем как будто стоит 16.ИИ.40.

245

Не мог понять, какой доклад делаете Вы на сессии и почему к нему такая длительная подготовка, если сессия будет только в апреле. В Ваших замечаниях по поводу радиального характера химических реакций большое внимание мое привлекли Ваши указания, что Вы подходите к значению поднятий и опусканий в новейших тектонических представлениях. Ведь это как раз тема, которой я занимался в последние месяцы и над которой я продолжаю работать еще и сейчас. Мне думается, что наши подходы к этим явлениям совпадут, что я усматриваю, в частности, из Ваших слов, что «планета не сжимается и не растет». С этим я тоже согласен. Я Вам писал, что мною написана польская работа «О современной геологической эпохе», которая послана мною П.И. Степанову для «Известий Академии» [48]. Там как раз эта проблема о поднятиях и опусканиях ставится и *совершенно по-новому решается*. Когда я вспоминаю сейчас об этой статье своей, я все больше и больше прихожу к мысли, что это лучшая моя работа. Она завершает цикл моих работ об аллювиальных равнинах. Ужасно хотелось бы мне, чтобы Вы с этой работой моей познакомились. Очень меня интересует Ваше впечатление от нее. Вывод у меня получился тот же самый, что и у Вас: «мы живем в небывало новую, геологически яркую эпоху...». Ужасно хотелось бы мне поскорее увидеть эту свою работу в печати. Может быть, Вас не затруднит, дорогой Владимир Иванович, при случае спросить Павла Ивановича¹, прочел ли он эту статью мою и передал ли ее в редакцию.

А моя мысль идет дальше. Я все возвращаюсь к идее Дэна о цефализации, Вашим соображениям о ноосфере и хочу дать обоснование идее о *творческих* эпохах в истории жизни на Земле. Такими творческими эпохами являются: промежуток от плиоцена до текущей минуты, часть перми, часть девона и часть кембрия. Работаю сейчас над этой темой. Очень хочется мне и «о современной эпохе» сделать доклад в Москве, Ленинграде или каком-нибудь другом крупном центре. Лыщу себя надеждой, что мой доклад о творческих эпохах явится не лишним дополнением Вашей ноосферы с геологической точки зрения.

В Москве я буду, по-видимому, в конце апреля. Так мне пишут из Института географии. Мне хотелось бы, чтобы это было раньше, но, раз нет другой возможности, я готов мириться и с этим.

Должен сказать, что в Институте географии я чувствую к себе хорошее отношение со стороны всех, кого я видел, начиная с шефа – Андрея Александровича². Меня это очень радует. Между прочим, мне оттуда на днях прислали перепечатанные на машинке 3 экз. моей собственной работы «К геоморфологии Тульнинской котловины района Иркутска». Гл. 1 «О районе Иркутска» [60]. В письме было указано, что посылают эту работу, ввиду того что она, несмотря на то что пролежала 6 лет, не утратила злободневности и ее стоило бы напечатать, если подвергнуть небольшой переработке. С некоторым недоверием и к этому указанию и к самому себе взялся я за чтение этой работы. Но потом мало-помалу пошел во вкус этого дела, восстановил забытые мною данные, и сейчас статья уже готова. К сожалению, не знаю, где находится более интересная, 1-я часть этой работы. Чтобы найти ее, мне надо было побывать в Ленинграде, но это сейчас мне недоступно, хотя и очень хочется попасть туда.

Устроить свою книгу о движении материков в Издательстве Академии наук мне не удалось. Я получил уведомление, что ввиду сокращения плана 1940 г. внести мою рукопись в этот план не удалось. Рукопись я получил обратно.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 9, 10.

¹ П. И. Степанов.

² А. А. Григорьев.

218

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 14 апреля 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

несколько дней назад я послал Вам заказною бандеролью три номера Comptes Rendus, которые я брал на Ваше имя из библиотеки Биогела. Надеюсь, что Вы их получили.

Очень жду, когда выйдут «Правизна и левизна» и «Биогеохимические очерки» [21, 17]. Надеюсь, что Вы мне их вышлете. Я живу по-прежнему. Работаю очень много, но результатов своей работы не вижу. Живется довольно тоскливо, хотя за работой не всегда отдаешь себе в этом отчет. Готовлюсь к переезду к осени в Самарканд. Однако полной уверенности, что мне в последний момент не откажут, у меня нет: ведь у меня нет степени доктора. Я недавно прочел в некрологе А.Ф. Лебедева, что в 1935 г. Академия наук нашла возможным дать ему степень доктора за совокупность его работ. Нельзя ли было бы то же самое применить и ко мне. Ведь у меня работ немало и есть между ними изрядное количество неплохих.

Не можете при случае узнать у П.И. Степанова, продвинул ли он уже мою работу «О современной геологической эпохе», которую я послал ему для Известий Академии наук. Мне очень хотелось бы именно эту работу видеть скорее опубликованной. По-моему, это – одна из лучших моих работ за все время моей деятельности.

Приезд мой в Москву задерживается из-за отсутствия у Академии наук денежных знаков. Может быть, поездка и вовсе отпадет в связи с этим? От Вас имел последнее письмо почти месяц назад, 18/III.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 11, 12.

Москва, 18 апреля 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

не писал и не пишу, так как очень занят все это время. Сегодня кончается конференция по изотопам, где я председательствовал и делал доклад¹. Очень интересная; 19-го – Комитет по метеоритам². Но главное – 26-го мой доклад в соединенном заседании Химического и Геологического отделений, где я делаю доклад о необходимости определять химический (атомный) состав биосферы количественно, связать ее с геологической картой [23]. Пришлось *напечатать (и написать)* в предварительном оттиске основу доклада (два листа). Завтра выйдет. Затем я хочу дать два *дополнения* ненаписанные, но обдуманые. Доклада читать не буду (200–300 экз.). В нем даю боевую критику основ нашей геологии. В дополнении, которое устно доложу, дам план работы и разъяснения. 27-го второе заседание по минеральным водам³, где председательствую. В промежутке подписал и держал корректуру – помогала Анна Дмитриевна⁴ – к печати «Биогеохимические очерки» и «Правизну-левизну» [17, 21]. Учитывая возраст и болезненное состояние, большего требовать нельзя.

Я конкретно думаю и буду действовать об урегулировании Вашей степени. Прежде всего надо будет переговорить с Архангельским, но свидание с ним отложил после сессии⁵ – в начале мая. Но его мнение меня не остановит, только труднее. Сессия начинается на днях, в сущности началась – скучная. Выступают не интересные люди.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Мой оттиск Вам переслать?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 124.

¹ См. комментарий 1 к письму 216.

² Комитет по метеоритам был организован при Академии наук СССР на базе Метеоритного отдела Геологического музея в 1939 г. по инициативе В.И. Вернадского. В.И. Вернадский – первый председатель его с 1939 по 1945 г.

³ Комиссия по исследованию, использованию и охране подземных вод была организована в 1939 г. Академией наук СССР по инициативе В.И. Вернадского. Позднее она стала называться Комиссией по минеральным водам. В.И. Вернадский был бессменным ее председателем до 1945 г.

⁴ А.Д. Шаховская.

⁵ Имеется в виду объединенное заседание Химического и Геологического отделений АН СССР, проходившее с 18 по 26 апреля 1940 г., 25 апреля на нем окончательно была утверждена как самостоятельное учреждение организованная в 1939 г. Комиссия по изотопам.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 13 мая 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

от Вас давно нет известий. Я хотел бы узнать, получили ли Вы мою брошюру об учете атомного состава биосферы [23] и что Вы об этом думаете. Сейчас пытаюсь организовать эту работу.

Как Вы работаете?

Ваш В. Вернадский

P.S. 1-го мая уезжаем в Узкое на три месяца, думаем¹.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 125.

¹ В.И. и Н.Е. Вернадские с 1 июня 1940 г. выехали в санаторий Узкое, где В.И. пробыл до 1 сентября. Н.Е. – в первых числах июля упала в комнате санатория и у нее оказался перелом бедренной кости. Ее отправили в Кремлевскую больницу, где она пробыла до сентября 1940 г.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 16 мая 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я давно уже собираюсь Вам написать, но никак не мог долго собраться из-за разнообразных событий в моей жизни. У меня сейчас гостят отец и сестра¹, которые приехали 3/V и пробудут недели три – время отпуска сестры. Я очень рад их приезду, ибо в связи с отъездом моим в Среднюю Азию осенью оторвусь от них надолго, причем в связи со все-таки очень преклонным возрастом отца нужно быть готовым ко всяким случайностям. Это меня очень нервирует. Впрочем, отец, хотя он и очень постарел и я никак к его виду не могу привыкнуть, для своего возраста выглядит очень неплохо и бодро.

У меня очень больна жена. Анна Дмитриевна была больна гриппом, после которого получила тяжелое осложнение на сердце – ревматический панкордит. Ей предписано лежать до 21 мая, а после этого я надеюсь, что она и Ольга, которая тоже сильно нездорова, приедут сюда. Зиночка будет в июне еще держать экзамены и приедет только в начале июля.

Меня очень беспокоит, как себя чувствуете Вы и Наталья Егоровна; здоровы ли? От Вас я имел открытку, но уже давно, и хочется новых весточек.

Получил я от Вас Вашу речь «О количественном учете химического атомного состава биосферы» [23]. Прочел ее с громадным интересом и хочу с Вами о ней побеседовать. Работаю я по-прежнему очень много, насколько позволяют условия, и у меня есть ряд новостей, которыми я тоже хотел бы с Вами поделиться.

Все содержание Вашей книжки как в целом, так и в частностях вызывает мое полное сочувствие. Некоторые мысли и положения теоретического

характера, по-моему, вполне правильные, войдут, однако, в общий фонд, вероятно, еще не скоро. Очень сочувствую Вашей мысли, что отдельные части так называемой земной коры – биосфера, стратосфера, метаморфическая и гранитная оболочки – это не что иное, как бывшие биосферы. Очень интересна и, по-моему, заслуживает полного сочувствия и соответствующих практических мероприятий мысль связать геохимию с геологической картой. Всецело сочувствую я Вашей критике космогонических идей и приветствую ту меткую форму, в которой Вы это критикуете, особенно на стр. 13, где Вы говорите о том воспитании, которое получает «наша смена». Хорошо очень сказано о необходимости переоценки данных метеоритики (стр. 22 и др.). Мое внимание в особенности привлекли Ваши соображения о связи тектонических изменений с изменениями химизма земных оболочек (см. стр. 6, 13, 30). Это действительно логически совершенно неизбежный вывод, но идея совершенно не тронута и не разработана. Это в полном смысле слова идея будущего, над которой нужно начинать работать. Правильна совершенно (и этого многие не сознают) значительность роли вертикальных движений. Однако мне представляется неприемлемым Ваш взгляд (стр. 7), будто движения вертикальные не прерывались ни секунды. Я пришел к выводу, что прав М. Бертран, который говорит о непрерывности эпейрогенических движений («Явление складкообразования непрерывно в той же самой мере, как и явление осадкообразования, с которым первое связано очень тесным образом») [174]. Но непрерывность вертикальных движений, мне представляется, допустить трудно. [...]

Очень хороша фраза: «Давно пора выбросить из геологии фантазии прошлых представлений, корни которых переплетаются религиозным христианским пониманием реальности, глубоко охваченным философскими построениями XVI–XX столетий» (стр. 23). Это чудесно!

Теперь мне хочется Вам рассказать о моих собственных последних достижениях. Я написал в последнее время две статьи: «Пояса полесий и происхождение рельефа Русской равнины» [55] и «О происхождении древних глубоких речных размывов на территории Русской платформы» [56].

Я когда-то высказал мысль, вошедшую в науку, о существовании пояса полесий, пересекающего Русскую равнину. Сейчас я прихожу к выводу, что таких поясов полесий было несколько и каждый из них можно сопоставить с поясами немецких *Urstromthal*², которых тоже было три-четыре. Связывается генезис каждого пояса полесий с эпейрогеническими движениями, причем возраст каждого пояса движений разный. В связи с этим можно видеть с юга к северу постепенное убывание числа террас в поясах полесий и ярусах террас рек: наружный пояс – пять ледникового возраста террас, севернее – четыре, затем – три, две и, наконец, за Валдайской возвышенностью следует полоса, где древних террас нет, а террасы послеледниковые (район Волхова, Ленинграда и пр.). Наружный же террасовый пояс – это пояс пяти террас Днепра. Нарушения рельефа русской платформы – так называемая тектоническая подольская мульда, Ергены, Жигули, Валдай и пр. – и по положению и по форме отвечают изостатическим поднятиям, связанным с ледником. Получается стройная, красивая общая концепция, которая до сих пор почему-то никому в голову не приходила.

Вторая работа ставит задачей на основе изложенных выше положений первой работы дать объяснение происхождения переуглубленных долин, как долина Днепра и недавно открытая Ергенинская долина между Доном и Волгой. Пытаюсь дать общую картину древнего стока по Днепро-Донскому ледниковым языкам. Переуглубленность должна находить объяснение в погружении территории под тяжестью ледника. Я даю для Русской равнины «эпейрогенический спектр», который для Русской равнины дает то, что не очень давно дал Таннер для Финляндии, и связывает обе картины. Обе работы очень увлекли меня, когда я их писал. Не сомневаюсь, что они принадлежат к лучшему из созданных мною. На этом кончаю.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 13–16.

¹ Л.С. и Е.Л. Личковы.

² Urstromthal (нем.) – обширная долина ледникового происхождения широтного прости-
рания.

222

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 23 мая 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я на днях послал Вам большое письмо, а буквально на следующий день после этого получил от Вас открыточку. Письма наши разминулись в пути. Надеюсь, что Вы мое письмо получили. Завтра от меня уезжают гостившие у меня три недели отец и сестра. Жду скоро к себе жену с младшей дочкой, хотя приезд их связывается болезнью жены, у которой осложнения с сердцем – ревматический панкордит. Я только что получил официальное приглашение на совещание при Институте географии Академии наук, и если меня отпустит Волгострой, то приеду в Москву на промежуток между 1 и 6 июня. Если Вы будете в Узком, постараюсь навестить Вас и там.

Большой привет Наталье Егоровне и Вам.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 17.

223

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 30 мая 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

1 июня мы на *три месяца* переезжаем в Узкое. Адрес: Москва, 17. Почтовое отделение Теплый Стан. Санаторий Узкое¹.

251

Видел Вашего отца и сестру. Получил Ваше письмо и раньше письмо, на которое, кажется, ответил.

В Узком буду работать над проблемами III и IV [35, 21]. Хотел бы их там кончить. Надеюсь Вам скоро прислать IV и Биогеохимические очерки [17], они на днях выйдут. Посылаю речь на конгрессе 1937 г. [18] – у Вас есть копия.

Надеюсь Вас видеть в Узком.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 126.

¹ См. примечание к письму 220.

224

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 7 июня 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вероятно, Вы уже сейчас начали свой отдых в Узком и письмо мое Вас на городской квартире не застанет. Я Вам писал довольно подробное письмо по поводу Вашей работы «О количественном учете состава биосферы» [23], но не знаю, получили ли Вы это мое послание (кстати или, пожалуй, некстати: почему в Вашей статье пропущена литература, хотя ссылки на нее есть; обратили ли Вы внимание на этот типографский дефект?). На днях я получил известную уже мне Вашу речь «О значении радиогеологии» [18] и с большим удовольствием еще раз ее прочитал. У меня три недели гостили отец и сестра и доставили мне большую радость. Я почти не работал это время и старался проводить время с ними, ибо даже без личной моей работы я пол дня был на службе. А ведь они приехали для меня. Много ласки, уюта и реальной помощи внесли они в мое существование здесь. Я рад, что мы хоть повидались, а то ведь, если я уеду в Среднюю Азию, нам опять предстоит разлука.

Теперь я жду сюда Анну Дмитриевну с Ольгушей, а позже придет и Зиночка. Если бы Вы знали, сколько волнения причинила мне моя семья в последнее время. И жена и дочка были сильно больны на почве осложненный гриппа ... Вообще военная суровая зима этого года нелегко далась моей семье. Я с нетерпением жду их сейчас, можно сказать, каждый день сюда и очень хотел бы дать им возможность отдохнуть, но и здесь нелегко. В конце июня, после перерыва в три почти года, семья наша опять соберется вся вместе. Надолго ли? ... жду, не дождусь их приезда и очень волнуюсь об их здоровье. Одна Зина у меня здорова.

Работая над очерком геоморфологии Украины для Института географии, я увлекся темой о происхождении лёсса, пересмотрел имеющийся в литературе материал, данные своих наблюдений по европейскому югу и Средней Азии и написал большую работу, которая сейчас вполне закончена, «О происхождении лёсса» [58], где лёсс связал со своими аллювиальными равнинами и построил новую стройную теорию происхождения лесса, где связал лёсс с эпейрогеническими движениями. Сейчас устрою копировку этой статьи, а затем буду искать способы ее напечатать. Может быть, буду просить Вас ее представить. [...]

Только что получил от Вас открытку от 30.V, где Вы сообщаете, что уезжаете первого в Узкое, и пишете, что два моих письма получили. В связи с этим я меняю конверт и направляю это письмо на адрес Узкого. Сегодня встретил Н.Н. Эльб, которая мне сообщила, что только что написала Вам в Москву письмо. Она и муж ее покидают Волгострой и думают переехать в Ленинград.

Я очень рад, что Вы будете работать эти три месяца над «Проблемами биогеохимии», ничем не отвлекаясь.

Всего лучшего. Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 18–20.

225

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 11 июня 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я недавно послал Вам большое письмо, а сейчас пишу опять в связи с получением мною важного сообщения из Самарканда, о котором я хочу поставить Вас в известность. Мне прислали телеграмму такого содержания: «Приняты. Зачисление после приезда. Квартира обеспечена. Перевод проездных в июле. Переезд первого августа. УзГУ. Ефимов». УзГУ – это Узбекский государственный университет. Таким образом, я принят там профессором, и надо решать вопрос о переезде. Меня лично тянет в Среднюю Азию, но решать буду все я не один, а с женой, которая сейчас приедет ко мне. Боюсь, что климат Средней Азии для ее сердца будет не очень полезен, а жить опять врозь тоже не хочется. Что мы решим, я Вам тотчас напишу.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 21.

226

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 12 июня 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

не могу найти здесь Ваше последнее письмо, вероятно, оставил в Москве. Пишу по конкретному делу и не отвечаю на это письмо.

Я справился у Архангельского, члена Учебного комитета, об условиях получения докторской степени (для Вас) по совокупности работ. Он говорит, что это обставлено множеством формальностей и тянется долго – до двух лет. Проще, если у Вас есть более или менее готовая работа, которую можно представить для докторской диссертации, ее представить в Географический

институт Академии для защиты. Буду говорить с Григорьевым (среди сотрудников института и поднят этот вопрос. Забыл фамилию лица, для этого у меня бывшего). Если Вы имели *официальное* звание профессора, он говорит, дело совсем просто, если институт поставит это.

Итак, есть ли у Вас какая-нибудь работа, которая может быть поставлена в качестве докторской? Судя по Вашим письмам, очевидно, есть.

И, во-вторых, утверждены ли были в звании «профессора», равного в ряде прав с «доктором»?

Послал Вам свою речь на конгрессе, которая была у Вас в копии [18]. Скоро пришлю книгу¹ и «Правизну-левизну» [21].

Сейчас, по-видимому, сделан огромный шаг вперед – возможность использовать выделенный из U протон атома веса 235 как источник атомной энергии. Уже немцы (и американцы) учитывают военное значение. Дмитрий Иванович Шаховской умер.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Получил Ваше письмо, и Наталья Егоровна прочла мне еще раз Ваше предыдущее. Обратите внимание *на чернила*. Для моих глаз недоступно. Я вижу ясно, что у Вас диссертация вполне есть. Но надо не очень толстую (дорого).

Весь вопрос в характере Вашего «профессора».

При первой возможности переговорю с Григорьевым.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 127, 127 об.

¹ Очевидно, Труды 17-й сессии Международного геологического конгресса [162].

227

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 22 июня 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень рад был получить от Вас известие о Самарканде. Вы все-таки подумайте о защите диссертации – может быть, списаться с Григорьевым? Я его при первой возможности повидею.

Мне кажется, Самарканд по климату – хороший город. То же говорит и Хлопин, который здесь и был несколько раз там. Но должны решить врачи.

Архангельский неожиданно быстро умер. У него был года полтора назад удар, от которого он поправился. Прошлым летом он был, казалось, в худшем положении. Вечером я с ним, Хлопиным, Папалекси говорил в связи с новым крупным открытием распада актин-урана (изотоп 235 урана), открывающего использование атомной энергии и открывающего новую эру. Я никогда не думал, когда в начале века стал заниматься радиоактивностью, что доживу до этого. Потом он пошел гулять с Папалекси и в 11 час. умер почти мгновенно.

Я ставлю очень невысоко Архангельского как человека и как ученого деятеля, но как ученый геолог он наиболее талантливый и инициативный и стоящий на уровне науки. Только Обручев может быть поставлен наравне.

Учитывая все, я думаю, что это все же большая потеря и можно было ждать, что он еще много сделает.

27-го сессия Академии, в ней делает доклад Усанович Михаил Иванович из Самарканда. Попытаюсь с ним переговорить.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 128, 128 об.

228

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 30 июня 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

недавно получил Ваше письмо от 22/VI, где Вы пишете, между прочим, про смерть А.Д. Архангельского. Эта смерть действительно – невознаградимая потеря для нашей науки. Не знаю, какой он был человек, чувствовалось, что это человек в личных отношениях довольно тяжелый и невольно верилось тому худому, что говорили о нем, преимущественно москвичи. Но, конечно, эти недостатки с избытком покрывались его достоинствами как ученого, его достижениями, огромной инициативной его работой. Он много, очень много дал нашей науке, и наука вправе была много того от него еще ждать. Надеяться заменить его кем-нибудь другим, равноценным, мне кажется, немыслимо сейчас. Очень потрясло меня известие о его смерти.

У меня сейчас, Владимир Иванович, большая радость: приехала Анна Дмитриевна с Ольгушей, а через несколько дней приедет и Зиночка¹. К сожалению, пребывание их здесь может быть только временным, так как жена имеет только двухмесячный отпуск, после которого должна вернуться в Ленинград. [...]

Насчет докторской степени Вы правы. Конечно, надо ее приобрести. Работы, которые я мог бы представить для диссертации, у меня есть. Но как-то не могу решить, на чем остановиться. Дело в том, что все работы, кроме «Рек», кажутся мне недостаточно солидными, а «Реки» [43] чересчур громоздки по величине. Институт географии оказал мне огромную услугу тем, что мою рукопись о «Реках» переписал в трех экземплярах на машинке. Я мог бы представить эту работу, но не знаю, не испортит ли она дела неожиданностью и парадоксальностью некоторых выводов своих, хотя в работе этой много интересного. Она плод 15-летней работы мысли. Попробую по Вашему указанию написать по вопросу о диссертации А.А. Григорьеву. Вам большое спасибо за участие и советы в этом вопросе. Из Института географии у Вас был, очевидно, секретарь института В.Н. Кунин, который мне все советует защищать диссертацию и в письме мне писал, что будет по своей инициативе говорить с Вами. Очевидно, он это выполнил.

Очень жду Вашей статьи о правизне и левизне, а равно «Биогеохимических очерков». Когда они выйдут?

Всего лучшего.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 22, 23.

¹ А.Д., О.Б., З.Б. Личковы.

Узкое, 7 июля 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Архангельский умер здесь, и я накануне с ним много говорил. Я знаю его с его студенчества: он был любимым учеником А.П. Павлова и М.В. Павловой. Был близок и, думаю, многому научился от Я.В. Самойлова.

Я думаю, что он был очень одаренный человек и из геологов, моих в широком смысле современников, он был в первых рядах, но я думаю, что Павлов, Карпинский, Андрусов, Обручев, может быть Чернышев¹ и Докучаев, крупнее.

Я лично не ожидал, что он так развернется. [...]

Жизнь его окончилась внезапно, и, может быть, он дал бы еще больше. Сейчас он правильно оценил геофизические методы исследования, но вся эта работа прервана в самом начале. *Школы он не оставил.* [...] Это был, мне кажется, первый русский крупный геолог, никогда не выезжавший за пределы России. [...]

Но науке он был предан всецело в личной ее форме. Он еще рос.

Я говорил с Григорьевым и Усановичем. Я думаю, что совет Архангельского правилен. Надо Вам защищать *докторскую*. Но в Географическом институте этого сделать нельзя, так как он дает только степени *географических наук*. Усанович говорил мне, что Ташкентский университет (он там профессором, а не в Самарканде) дает степени.

Из разговора с Усановичем видно, что в Самарканде (жить лучше, чем в Ташкенте) кафедра *минералогии и петрографии*. Едва ли это Вас устраивает.

Я думаю, что Вам надо добиваться доктора геологических наук или в Москве, или в Ташкенте.

Радуюсь за Вас. У нас большая беда: Наталья Егоровна на днях упала в комнате на пол и так неудачно, что получился разлом (трещина) бедренной кости. Отвезли в Кремлевскую больницу. Очень страдает. Только что стала поправляться. Случай хирургически легкий, но возраст противопоказующий. И только что оправилась.

Я сейчас увеличил свою нагрузку. Очень крупные открытия в области урана. Он сейчас является не только рудой на радий, но прежде всего на внутриатомную энергию. Работа идет в США и Германии. Образована у нас по нашей и Хлопина инициативе «тройка» под моим председательством (из меня, Хлопина, Ферсмана)². Не ожидая Ферсмана (в Хибинах), мы действуем. Я думаю, это колоссальный шаг в создании ноосферы. Но мои «Проблемы» [21, 23] страдают. Читаю книгу Ферсмана «Геохимические и минералогические методы поисков полезных ископаемых» [163]. Еще только начал, но книга мне кажется значительной, и у меня вызвала желание свести очерки мыслей об энергетике земной коры и биосферы.

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Сердечный привет Анне Дмитриевне и Вашим девочкам.

¹ Ф.Н. Чернышев.

² 25 июня 1940 г., по предложению «тройки» при Отделении геологических наук АН СССР была создана временная комиссия по урану, в которую вошли В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман и С.И. Вольфович для выработки плана направления предстоящих работ. 30 июля В.И. Вернадский на заседании Президиума АН СССР сделал доклад о результатах работы комиссии. На этом заседании была утверждена постоянная Комиссия по проблеме урана в следующем составе: председатель – В.Г. Хлопин, заместители председателя – В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе, члены комиссии – И.В. Курчатов, С.И. Вавилов, Д.И. Щербаков, А.П. Виноградов, Г.М. Кржижановский, П.Л. Капица, А.Е. Ферсман, П.П. Лазарев, А.Н. Фрумкин, Л.И. Мандельштам, Ю.Б. Харитон. См.: *Емельянов В.С.* С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979, а также: АРАН, ф. 518, оп. 4, д. 68, л. 3.

230

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 16 июля 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил Ваше письмо от 7 июля. [...]

По вопросу об ученой степени я думаю следующее: Вы совершенно убедили меня в том, что защиту диссертации осуществить нужно как-то. Меня не смущает то, что у Григорьева я получу степень доктора географических наук. Я настолько связан с последними, что мне это тоже не повредит. Что касается докторства по геологии, то я не совсем еще решил, где его приобрести. Думаю, что лучше всего сделать это в Москве, но, где: в университете или в Академии? Если в Академии, то, должно быть, сговариваться нужно с А.Н. Заварицким? Не нужно ли списаться с ним или с кем другим? Посоветуйте. [...]

Как здоровье Натальи Егоровны? Передайте ей мой большой привет и сочувствие.

Очень печально, если ноосфера всегда и в дальнейшей истории человечества будет проявлять себя с такой разрушительной стороны, как сейчас у англичан и немцев. Тогда лучше ее не надо. Очень печальна судьба человечества! ¹ В смысле темы для диссертации я могу остановиться или на каком-нибудь небольшом исследовании, из написанного мною в последнее время, или взять целиком мои «Реки», о первой части которых отзывался очень хорошо 6 лет назад В.А. Обручев. Сейчас передо мною лежит переписанный на машинке и прокорректированный экземпляр «Рек», и я мог бы им воспользоваться. В книге 500 с. машинописного текста.

Об образовании Комитета по использованию внутриатомной энергии в указанном Вами составе и о докладе Вашем и Хлопина читал в газетах, но суть дела представляю себе неясно².

Когда выйдут в свет Ваши «Правизна и левизна» и «Биогеохимические очерки»?

Большой привет Наталье Егоровне и Вам от Анны Дмитриевны.

Всего лучшего.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 24, 25.

¹ Подробно о ноосфере см.: *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения [22], гл. 21; комментарий 2 к письму 214.

² См. комментарий 2 к письму 229.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 28 июля 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Наталья Егоровна все еще в Кремлевской больнице – еще пролежит весь август. Ее лето в смысле отдыха пропало. Вот второй раз отдых испорчен. Как все хрупко. Правизну и левизну Вам послал, должно быть, получили? Биогеохимические очерки вышло, когда вернется из отпуска мой секретарь – в середине августа.

Я очень сочувствую Вашему решению получить степень. Не откладывайте.

Я, помимо урана, увлечен двумя темами, которые начал набрасывать: о рассеянии элементов на нашей планете и об энергетическом характере геологических оболочек¹. Получаются очень интересные выводы и, мне кажется, новые и важные.

Вызвано это чтением Ферсмана (руководство к разведке) [163] – взял частный случай (и Гольдшмидта, 1938).

Сейчас Геологический институт разделяется, наконец-то, на несколько институтов; еще неокончательно решено, будет это все выяснено в эти ближайшие недели. Восстанавливается Минералого-геохимический. Будут по геологии и химии выборы новых академиков и членов-корреспондентов.

Урановая проблема связывается с Президиумом, так как она захватывает геологов, физиков, химиков, минералогов. Дело в том, что изотоп 235 под действием легких нейтронов выделяет атомную энергию, которую можно регулировать. Его оказалось больше, чем думали (0,75% по весу), и уран получил значение как источник атомной энергии. У нас уран – дефицитный металл; радий мы добываем из глубоких рассолов, можно получить любое количество. Урана в этих водах нет. Я буду членом этой комиссии, но подал заявление, что председателем комиссии должен быть директор Радиевого института Хлопин².

Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 130, 130 об.

¹ Эти наброски не найдены.

² См. комментарий 2 к письму 229.

Б.Л. Личков – В. И. Вернадскому

[Переборы,] 30 июля 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях я получил от Вас «Биогеохимические очерки» и «Правизну и левизну» [17, 21] и был этим очень обрадован. Приношу Вам глубокую благодарность за присылку мне этих книжек, получение которых доставило мне боль-

шое удовольствие. Я еще не успел их прочесть и жду момента, когда будет у меня свободное время, для того чтобы внимательно прочесть «Левизну правизну» и столь же внимательно проглядеть некоторые из «Биогеохимических очерков», большую часть которых я хорошо помню. Это очень хорошо, что «Очерки» Ваши вышли, и, я думаю, этот выход их в свет будет иметь очень большое значение. Вы совершенно правы: разбросанные в разных изданиях и написанные на разных языках, они являлись труднодоступными, и некоторые из них забывались. А теперь действительно получилась единая книга, объединенная одной идеей! Мне очень жаль, что в книгу не вошла Ваша «Проблема времени» [14].

Конечно, это не биогеохимическая статья, но она очень хорошо дополняет статью, которая мне особенно нравится, именно «Изучение явлений жизни и новая физика» [13]. В целом получилась удивительно хорошая и интересная книга. О «Правизне и левизне» я Вам напишу тотчас, как прочту. Наверное, напишу и по поводу некоторых из «Очерков».

Я сейчас наслаждался пребыванием совместно с семьей, но вместе с тем много работал. Семья моя, наконец, собралась вся, последней приехала Зина, закончив свои экзамены.

Много радостных и вместе с тем горестных переживаний. С одной стороны, я страшно рад, что мы, наконец, все вместе. А, с другой стороны, отравляет это удовольствие то, что я знаю, что радость моя окончится довольно скоро: не пройдет и трех недель, как жена и девочки меня должны будут покинуть и вернуться в Ленинград. Пока это нужно сделать, а что там дальше будет, я не знаю еще сам.

Обменялся я с Андреем Александровичем¹ письмами по поводу диссертации (докторство по географии меня не смущает, ибо по географии ведь я тоже специалист, а геологическую степень, можно приобрести потом). Я ему предложил несколько своих мелких работ последних месяцев или, точнее, лет и большой свой труд «Реки» [43], который добрые друзья успели переписать на машинке (к сожалению, кажется, в одном экземпляре). Андрей Александрович остановился на «Реках». В связи с этим я в последнее время занят был отделкой «Рек»: кое-что переделывал, делал вставки и написал к каждому из четырех разделов книги (в ней 550 стр. печатного на машинке текста) тезисы. К сожалению, теперь придется книгу вновь переписывать, ибо представлять ее надо в трех экземплярах. Перспектива переписывать мне не нравится потому, что придется расходувать деньги, а я их экономлю. Во всяком случае думаю этого дела не оставлять и «Реки» в виде диссертации представлю. Вот только переписать ее здесь на машинке почти невозможно. Если бы только приготовить мне экземпляр работы для представления в Комиссию, а уж самая защита меня не пугает. О работе ведь как-никак В.А. Обручев еще в 1933 году, имея в руках первую половину ее, написал: «Работа Б.Л. Личкова представляет большой интерес по обилию новых мыслей и сопоставлений; желательно ее напечатать в изданиях АН». С тех пор работа улучшилась и выросла, хотя я сам несколько отстал, правда, от новейшей иностранной литературы и вижу ее сейчас только через призму русской. Однако сейчас выхода у меня нет, и если защищать диссертацию, то надо двигать «Реки». А по приезде в Среднюю Азию я уже эту работу или какую-нибудь другую буду в Ташкенте защищать на доктора геологии.

Надеюсь, что Наталья Егоровна уже поправилась и что можно ее приветствовать сейчас с полным выздоровлением. Не откажите передать Наталье Егоровне мой большой и сердечный привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 158, оп. 3, д. 984, л. 26–28.

¹ А.А. Григорьев.

233

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 11 августа 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я с громадным интересом прочел книжку Вашу «О правизне и левизне» [21] и хочу сегодня изложить Вам некоторые свои впечатления. Я стал читать эту работу внимательно, перечитав непосредственно перед этим статью «Изучение явлений жизни и новая физика» [13], и вследствие этого я сразу увидел отчетливо, как и куда ушла Ваша мысль вперед в данном вопросе. Ваша мысль в новой книжке вполне убедила меня, что, когда мы говорим о правизне и левизне в телах, имеющих органическое происхождение, это не просто диссимметрия, а особое *состояние пространства*; речь идет, стало быть, не о физико-химических проявлениях, а о более глубоком – о геометрическом строении самого пространства. Определенно намечаются пространства: однородное евклидово материальное пространство, пространство физического вакуума, пространство живого вещества. Правизна и левизна при этих условиях оказываются свойствами пространства.

Мне не ясно только одно. Как с этим основным положением совместить изменение, т.е. смену правизны и левизны во времени (пример с *Fusus antiquus* на стр. 195 «Биогеохимических очерков»), а равно, как объяснить наличие отклоняющихся форм в данное время. Затем совсем неясен мне вопрос о правизне и левизне космических просторов. При чем оно тут? Ведь живое вещество находится в особом пространстве, хотя земная среда, его окружающая, свойствами этого пространства не обладает, а обладает совсем иными. Спрашивается: что может при этих условиях нам дать пространство земного поля или полей туманностей? Неужели надо становиться на точку зрения Пастера* и говорить о диссимметрических космических силах, которые создавали в одном пространстве преобладание правизны, в другом – преобладание левизны. Но ведь тогда поля живого вещества не представляют собой чего-то независимого, а определяются полями окружающей их среды, которые их свойствами не обладают. «Вселенная как диссимметричная совокупность» – это звучит красиво, но в то же время является очень неясным. Я с нетерпением буду ждать третьего выпуска Ваших «Проблем биогеохимии» [35] и искать в них ответа на мои вопросы.

Я подобрал сейчас все, что относится к «Проблемам биогеохимии», и увидел, что не хватает именно этого третьего выпуска. Что касается выпуска

* Биогеохимические очерки, с. 192.

пятого, то, очевидно, Ваш доклад общему собранию «О количественном учете химического атомного состава биосферы (Предварительный оттиск)» [23] ему, очевидно, соответствует.

29.VII я получил из Самарканда телеграмму: «Сообщите время приезда», в ответ на что вынужден был еще раз напомнить, что мне нужна официальная справка о моем избрании. Если таковая справка будет мною получена, то я начну действовать и надеюсь, что тогда через месяц-полтора двинусь через Москву в Самарканд. Не могу понять, чем вызывается задержка с этой справкой. Значит ли это, что меня уже в Самарканде не хотят? Может быть, я зря нервничаю и нужно спокойно ожидать событий, и мне даже, может быть, выгодно досидеть здесь до того времени, когда устрою себе в Институте географии защиту диссертации. На доктора геологии буду защищать уже в Ташкенте.

Очень грустно, что так неудачно сложилось время отдыха для Натальи Егоровны и что столь на долгое время ей пришлось попасть в лечебницу. Я надеюсь все-таки, что сейчас она близка к полному выздоровлению.

Всего лучшего.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 29, 30.

234

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Переборы, 29 августа 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне очень жаль, что я не успел повидаться с Вами еще раз до своего отъезда из Москвы. Сейчас пишу тотчас по возвращении в Переборы. По-видимому, я очень скоро уже покину Переборы и направлю стопы свои в Самарканд. Я узнал об этом еще в Москве, куда мне была переслана телеграмма от Усановича из Ташкента: «Избрание профессором состоялось. Утверждение Наркомпроса есть. Выезжайте немедленно. Усанович». Здесь же меня ожидало, кроме того, весьма любезное письмо от зам. ректора, где сообщалось об избрании профессором и о том, что ходатайство об утверждении направлено в КВШ¹. Далее сообщается, что за мною забронирована квартира в три комнаты. «Кроме того, сообщаем, что Вам будет предоставлена возможность защищать докторскую диссертацию в Ташкенте или Москве». Наконец, они предлагают мне в письме следующее: «Если у Вас есть какие-либо сомнения, то мы приглашаем приехать в Самарканд хотя бы для предварительного ознакомления с условиями жизни и работы. Расходы по поездке мы принимаем на себя. Сообщите необходимость и размер аванса».

Я думаю, что такая *предварительная* поездка не нужна, а ехать, так уж ехать совсем. А их готовность дать деньги еще на поездку я лучше использую, когда буду перевозить семью. Итак, я скоро, вероятно, опять буду

в Москве, на этот раз проездом в Самарканд. [...] Очень хочется перед отъездом в Самарканд заглянуть в Ленинград, ибо поеду все-таки пока я один, но, удастся ли это, я не знаю.

В Москве я успел продержать корректуру всех трех экземпляров своей работы о «Реках», поговорил, кроме А.А. Григорьева, с обоими вероятными своими официальными оппонентами – К.К. Марковым и И.П. Герасимовым. Первый из них горячо настаивал на том, что мне должны дать степень без защиты и что об этом ученый совет института должен ходатайствовать. Второй очень заинтересовался работой и обещал немедленно взять ее читать даже без официального о том предложения. Андрей Александрович тоже был очень любезен и даже заботлив. Вообще в Москве я успел сделать много. Работа по корректуре была огромная, а я еще и книжки успел почитать, пополняя пробелы своей эрудиции за последние годы. [...]

Сейчас в «Природе» печатается моя статья «О современной геологической эпохе» [46]. Я только что держал корректуру ее. Пойдет она, кажется, в 9-й книжке. Мне очень хочется, чтобы Вы ее скорее прочли. На эту тему у меня есть большая работа. [...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 31, 32.

¹ Всесоюзный комитет по делам Высшей школы при СНК СССР, создан в 1936 г.

235

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 22 сентября 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

отсутствие известий от Вас очень меня беспокоит: я пишу уже второй раз и не получаю отклика. Когда я Вас видел в Узком, Вы жаловались, что чувствуете себя неважно, все еще в больнице была в то время тогда Наталья Егоровна. Меня пугает, не означает ли Ваше молчание ухудшение здоровья Вашего или Натальи Егоровны? [...]

Я написал в последнее время небольшую книгу, которая неожиданно сложилась у меня в голове в цельном своем плане. Книга называется «Волны жизни и ритмы развития земного шара». Слагается она из таких глав:

1. Современная геологическая эпоха.
2. О ритме изменений земной коры в ходе геологического времени.
3. Об антропогеновой эре и ноосфере.
4. Ритмы изменений земной поверхности и эволюция органической жизни [53, 48, 54].

Кажется мне, что книга получилась очень интересная. Первая глава лежит у П.И. Степанова и почему-то никуда им не продвигается (я просил в «Известия Академии»). Вторая и третья главы написаны, и я пошлю их в «Природу». Глава четвертая еще не вполне закончена. Мне думается, что, если Вы

увидите эти мои статьи, Вы в них найдете для себя интересное. В них чувствуется много Вашего влияния.

Шлю Вам большой привет.

Ваш Б. Личков

P.S. Очень ждате буду хотя бы маленького отклика от Вас.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 34, 35.

236

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 27 сентября 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я не ответил Вам на последние Ваши два письма, потому что меня уложили в постель и я с 16 сентября лежу. Небольшое повышение t° , которое у меня не проходит, объясняется врачами каким-то им неясным сердечным процессом. Подтвердилось это и пробой на кровь. Сегодня будет Фромгольд, который было заболел и пришлось его ждать.

Возможно, что кровоизлияние, вызвавшее в 1937 г. временный паралич правой руки, такого же происхождения. Эта область сердечных явлений мало поддалась современной научной мысли, но я думаю, что их решение правильно. Чувствую я себя ничего, но, конечно, лежание в постели вводит меня в строй больных. [...]

Моя болезнь помешала мне более энергично начать работу экспериментальную¹, комнату для которой я уже получил. Очень мне досадно, что я не буду на урановых заседаниях. [...]

«Куйбышев», с которым мне приходилось только случайно сталкиваться, возбуждал во мне все большее и большее сомнение, особенно после изменения уровня Каспия, сказавшегося за эти последние годы. Все-таки область молодых геологических процессов при грандиозных технических сооружениях нашего времени может приносить нам такие неожиданности, которые мы не имеем в областях геологически более старых и установившихся.

И с общегосударственной точки зрения, мне кажется, постройка более мелких станций средней мощности, многочисленных правильнее; может быть сделана быстрее и может дать стране большую энергию, чем грандиозная станция Куйбышева, успех которой более проникнут элементом риска.

Очень рад, что Вы выдвигаете ряд геологических проблем, мне близких.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 131, 132.

¹ В.И. Вернадский намеревался поставить эксперименты по разделению природных изотопов урана.

Переборы, 22 октября 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Ваше письмо не застало меня на месте. Я выезжал по командировке Волгостроя в район ст. Шексны Вологодской (около г. Череповца), около двух недель провел в полевых исследованиях. По пути на одни сутки заскочил к своим и видел их несколько часов. Район, где я был, весьма интересен с геологической точки зрения. Это, как принимается теперь (см. книгу Маркова и Герасимова [112]), район границы последнего (вюрмского) оледенения. На том участке, который я маршрутно обошел в течение своего похода, хорошо выражен ландшафт камов и проходит, конечно, моренная гряда. Мне участок был интересен тем, что в подобных участках я до сих пор не работал. Здесь поблизости находятся озера Кубенское и Белое, и мне представляется в известной мере, пожалуй на основе интуиции, а не явных фактов, что во влиянии этих озер и озерности вообще кроется много явлений и соотношений их, еще не принятых во внимание нашей наукой. Это совсем не то, что мои равнины. С этой темой много имели дела у себя американцы, но мы как-то оставили ее совсем без внимания. Жаль, что моей работе мешал холод и немного голод (в деревнях никаких продуктов питания нельзя было достать, а от холода руки едва держали карандаш). Походил я изрядно много. Делал я со своим спутником от 30 до 45 километров в день. Очень жалею, что не мог побывать в Кириллове (километров на 60 севернее того места, где я был). Там так называемая «Белая гряда», представляющая собой напорные морены, и монастырь XIV в. (византийской архитектуры), должны быть следы древних *озерных* террас. Только что закончил краткий отчет по этой работе, где в центре стоит практическая проблема строительных материалов.

Работу свою, о которой я Вам писал, я закончил. Называется она «*Волны жизни и ритмы развития земного шара*» [53]. Может быть, это иллюзия и заблуждение, но, мне кажется, что я создал нечто значительное. У меня получилась красивая, стройная концепция, удивительно легко и просто охватывающая факты, тесно связанная с прежними моими идеями и плотно с ними спаивающаяся. Эта концепция в целом ряде пунктов, если не во всем, рвет с общепринятыми схемами. Ничего подобного ни по охвату содержания, ни по мыслям я в литературе не встречал. В главах третьей и четвертой очень большое внимание уделено Вам и Вашим идеям о психозойской эре и направлении палеонтологической эволюции. Я Вас связываю с Дэна и Дарвином. Очень хочется мне эту давно обдумывавшуюся, но очень быстро написанную книжку напечатать. Она все-таки оказалась довольно большой, и, кроме того, я не знаю, кому мне ее направить для представления к печати. Первая мысль моя о Вас, конечно, и не только потому, что я всегда в таких случаях вспоминаю о Вас, а и потому еще, что вся моя работа хотя и идет своим путем, и разрабатывает такие вопросы, каких Вы не трогаете, но все же идет во многом созвучно с Вашими работами и идеями. Меня смущает еще и то, что своеобразие моих взглядов, которые, может быть, и Вам не во всем понравятся, у других геологов просто встретит возражения и они ее не пропустят. Ведь вот

первая глава книги «Современная геологическая эпоха», написанная первоначально как самостоятельная работа, уже год лежит у П.И. Степанова, и он ее до сих пор не пропустил в «Известия ...», как я его ни просил. Вероятно, работа ему чем-то не нравится, а я, между прочим, считаю ее одной из своих лучших работ. Боюсь я Вас обременять просьбой о прочтении моей работы и представлении ее к печати еще и потому, что Вы сейчас больны. У меня будет два перепечатанных экземпляра работы (сейчас перепечатка ее заканчивается). Если я один пошлю Вам просто для прочтения, не обременяя Вас просьбой о проведении работы в печать, то кому послать второй экземпляр: А.Е. Ферсману? О.Ю. Шмидту? Думал о А.А. Григорьеве, но работа слишком геологическая, а не географическая. Приходило мне еще в голову пойти через Украинскую академию и послать ее Н.Г. Холодному и Чернышеву, но не знаю, стоит ли это делать. А опубликовать работу, и скорее, очень хочется. Посоветуйте, как поступить.

Много раз в связи со своей книгой перечитывал я в разных направлениях Ваши «Биогеохимические очерки» [17]. Очень много получил от этого. Нет, по-моему, среди лиц, трактующих проблемы геологии, положительно никого, кто ставил бы эти проблемы так глубоко, как Вы. Никого равного Вам по глубине трактовки проблем я не знаю, пожалуй, и в иностранной литературе. Легко трактовать эти вопросы *после Вас*. Это значит пользоваться уже проложенной Вами дорогой. И я чувствую, что мою работу, хотя она как будто шла своим путем и над своим материалом Ваши труды очень облегчили. Ваша мысль для меня глубоко поучительна даже тогда, когда я с нею никак не могу согласиться и она вызывает мой протест; я чувствую себя ею все-таки зачарованным. О ноосфере. Я много думал в последнее время над этим вопросом, и можно сказать переживал ноосферу и не только рассудком и разумом, но всеми нервами своими. И в результате вылилась глава в том виде, как я ее написал. Неужели в оценке современной человеческой ноосферы и ее разума мы не сойдемся? Расцвет ноосферы еще впереди, и многое в современной цивилизации надо отвергнуть, чтобы дать расцвет подлинной ноосфере. Понравится ли Вам, что я сближаю Вас с Марксом, я не знаю, но я твердо знаю, что по идеям Вы близки и мне кажется, что Ваша критика ноосферы теперешней должна быть столь же сурова, как и его критика. Когда-то давно (Вы, может быть, не помните этой беседы) Вы мне говорили, что считаете своей ошибкой принятие войны 1914–1918 гг., а ее надо было решительно не принять. А теперь этот же вопрос перед нашими поколениями встал второй раз. Тут уже ясно, что вопрос идет о принятии или непринятии всей ноосферы в теперешнем ее виде. В ней больше чувствуется рука, чем разум, Homo faber, чем Homo sapiens. Я думаю, что надо пересмотреть и, может быть, отвергнуть все ценности, которыми мы увлекались, и в том числе самую большую из них – парламентаризм. Я недавно читал том XXII и том XXVII произведений Ленина и думал при этом о ноосфере. Я получил огромное новое впечатление от соприкосновения с мощной анализирующей до конца мыслью. Раньше эта мысль как-то не трогала меня, а теперь я в ней почувствовал то, что ощущаешь иногда, когда читаешь Толстого в тех случаях, когда он что-нибудь анализирует и уничтожает. И как это я проглядел такую крупную яркую аналитическую мысль.

Очень грустно, что Вы опять нездоровы, и еще более грустно, что это начинается у Вас так часто повторяться. Хорошо только, что вовремя Вас уложили в постель. Надеюсь, что теперь уже Вам легче. А как Наталья Егоровна? Вернулась ли она уже домой? Ужасно мне хочется, чтобы и Вы и Наталья Егоровна оправились скорее от Ваших болезней. Передайте Наталье Егоровне большой мой привет.

Ваш Б. Личков

P.S. Как мне хочется, чтобы Вы прочли мои «Волны жизни»! Прислать ли экземпляр их Вам? [53]

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 36–39.

238

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 1 ноября 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я только что оправляюсь от не мучительной, но в сущности серьезной болезни. И до сих пор я больше диктую, чем пишу сам. У меня была вспышка сердечного заболевания, по словам врачей, было кровоизлияние в мускулы сердца, связанное с повышением температуры. Недель пять лежал. Этого рода болезни сердца (эндокардиты?) не умеют лечить иначе как лежанием, т.е. организм ставится в условия, благоприятные для его борьбы. Ну, во всяком случае, как будто выхожу из опасной зоны.

Я очень рад был получить Ваше большое письмо. Буду очень рад прочесть Вашу статью «Волны жизни», но, вероятно, по состоянию моих глаз мне должны будут ее читать.

Но теперь хочу Вам ответить на Ваши вопросы о «Биогеохимических очерках». Вы неисправимый философ! Я же все больше ухожу от философии, хотя по философии относительно много читаю все еще. Хотя в «Биогеохимических очерках» по возможности все сведено (сперва к 1930, потом к 1936 и 1940 годам), но, конечно, коренной переделке они не подверглись, так что строго логически можно найти в них несоответствия. Сейчас (я отделяю V выпуск «Проблем») читаю еще раз первый их выпуск (1934 г.). [23, 16] и вижу, как я там много философствую, и очень хотел бы издать 3-е, переработанное издание, сократив философскую часть.

Хочу отвечать по порядку. Когда я говорю о жизни (не могу и не хочу быть таким ригористом, чтобы этим реальным, ходячим словом я не пользовался), под понятием «жизнь» я понимаю совокупность реальных *живых организмов*. Я перечел стр. 83 и никакого противоречия я не вижу. Допускаю в Космосе существование живого вещества (может быть, с «разумом») и полагаю, что наш человеческий разум не есть *конец* – (венец) – эволюционного процесса. Я не материалист и не идеалист¹. Думаю, что «космическая жизнь» (так понимаемая) не может дать «космического сознания».

Пересмотрел стр. 146, тогда я еще вводил философские новые искания (и сейчас интересуюсь эмпирицизмом и индийскими исканиями, [они] не

могут столкнуться с наукой принципиально)². Но я отмечаю искания, не делая выводов. Научно можно идти сейчас глубже, если не допускать вхождения в выводы философских попыток, хотя бы таких, как Уайтхед или Холдейн. «Материя», «энергия», «состояние пространства» недостаточны уже теперь для научных построений. Сколько я могу судить, передача мысли на расстояние (воздействие одного человека на другого), по-видимому, доказана или будет скоро доказана³. Вероятно, восстановится «эфир». Эйнштейновы представления меня не удовлетворяют, и я с ним не считаюсь.

Мой философский скептицизм совершенно определенный. Я считаю, что в данный исторический момент научная работа вскрыла столько новых явлений, которые получили «названия», т.е. стали понятиями, что до тех пор, пока философия их не переработает, с ней наука может не считаться.

Когда-то я допускал бессмертие живого организма и допускал, что метампсихоз неуязвим с точки зрения современного естествознания⁴. [...]

Любопытно, что логика естествознания должна вернуться к Демокриту от Аристотеля. Но я, конечно, не скептик греческого типа или типа скептика XVI века, которые направляли свой скепсис не на философские представления в научной области, а в социальной и моральной жизни. Но тут наука так далеко ушла, что их скепсис теперь беспочвенен.

Стр. 177. Понятие о витализме теряет для меня интерес, когда я вижу, что состояние пространства, лежащее в основе всех физических явлений в природных телах, *иное* у живых организмов по сравнению с косными телами. А здесь мы можем идти научно точно. Я думаю, что *особое состояние пространства живых организмов* позволяет ставить в биосфере совокупность живых организмов (геологически равную жизни) наряду (жизнь) с материей и энергией. Ибо в мире, ученым изучаемом, не только материя и энергия, но и пространство-время, в котором они проявляются, *различны*.

Мне кажется, состояния пространства-времени (неотделимого), если они войдут в научную (и философскую) мысль, очень углубят наше понимание окружающего.

Я мало знаю Маркса, но думаю, что ноосфера всецело будет созвучна его основным выводам⁵.

Образование ноосферы *вне* воли людей и не может быть остановлено *человеческой историей*: оно *следствие* неизбежно полного заселения *всей* планеты.

Сейчас я приступаю реально к вопросу о составе биосферы и отделяю V «Проблему биогеохимии» [23], коренным образом переделываю предварительную брошюру.

Мне говорил покойный Архангельский, что книга Маркова и Герасимова о четвертичной эпохе [112] неверна, а что вышла теперь другая (чуть ли не Громова?) [114], которая дает более правильное, по его мнению, объяснение явлений. Кажется, я не перепутал, так как шел разговор в связи с палеонтологическим выяснением обстановки. Какая другая книга?

Хочу послать, не откладывая, хотя о многом хотелось бы побеседовать.

Ваш В. Вернадский

P.S. Я просто сейчас философски не думаю, когда могу научно идти. «Спиритуализм» для меня, словесно выраженный, есть явная нереальность.

Я думаю, что бессловесно и бессознательно я в *научной* работе проникаю так глубоко, как не проникает философ и религиозный мистик-мыслитель, словесно мыслящие. Это как какой-нибудь музыкант – Бах, или Бетховен, или Моцарт, или кто другой – проникал «до конца» бессловесно.

Третий день выезжаю гулять в экипаже, но еще к настоящей нормальной жизни для меня не вернулся.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 132–134 об.

¹ По терминологии В.И. Вернадского, а также Б.Л. Личкова, слово «материя» отвечало понятию «материя-вещество», а слово «материализм» часто служило для обозначения вульгарного механистического материализма. Как правило, В.И. Вернадский употреблял выражение «реальность», которое исходя из контекста его естественнонаучных работ практически соответствовало современному философскому понятию «материя». По его убеждению, работа ученого-натуралиста должна опираться на «признание реальности мира». Именно поэтому В.И. Вернадский, будучи последовательным материалистом в понимании природы, нередко в своих трудах и переписке называл себя «реалистом».

² Текст письма написан неясно, и смысл фразы не совсем понятен.

³ Вопрос о реальности так называемых парапсихических явлений до настоящего времени остается спорным. Этим вопросом В.И. Вернадский заинтересовался сравнительно давно. Так, в одной из работ 1927 г. он, в частности, писал: «Если реальность таких явлений станет для нас (что для части их – мне представляется несомненным) общепризнанной, то и эти явления будут переходить только в реальном пространстве натуралиста» (*Вернадский В.И. Размышления натуралиста*, кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975, с. 16). Из этого видно, что свой подход к парапсихическим явлениям В.И. Вернадский определенно отделял от их религиозно-идеалистического или мистического истолкования. Из литературы см.: *Васильев Л.Л.* Внушения на расстоянии; *Его же.* Таинственные явления человеческой психики. М., 1964; *Хэнзел Ч.* Парапсихология. М., 1970.

⁴ Под метампсихозом понимаются различные философские концепции, постулирующие бессмертие и бесконечность превращения духовного начала, нередко с ярко выраженными биокосмическими оттенками. См.: *История философии*. М., 1957, т. 1, с. 47, 49, 56, 85.

⁵ Эту мысль В.И. Вернадский четко выразил в 1938 г. в работе «Научная мысль как планетное явление» (*Размышления натуралиста*, кн. 2. М., 1977, с. 67) и в 1944 г. в заметке «Несколько слов о ноосфере» («Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». М., 1965, гл. 21).

239

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 23 ноября 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

только что вчера я послал Вам свое любимое детище – «Волны жизни и ритмы эволюции земного шара» [53]. Эта работа – плод многолетних дум и итог весьма значительного опыта. Она развивает дальше те начала, которые были уже в моих работах о Днепре, о полесьях, о геосинклиналях, и многое доводит, так сказать, до конца. По целому ряду вопросов – создание гор, отношение орогенезиса и эпейрогенезиса, хронологическое место, занимаемое дизъюнктивной дислокацией, – я прихожу к выводам, которых я еще в литературе научной не встречал. Иной, может быть, скажет, что я геологию ставлю дыбом. Пожалуй, это так, но дело в том, что выводы мои прочно обоснованы и «геология дыбом» означает некоторый «переворот в геологии». Большую поддержку мне дает то обстоятельство, что в одном из самых парадоксаль-

ных моих выводов, именно в выводе о современной эпохе, я неожиданно сошелся с Вами, подойдя, однако, к обоснованию вывода на совсем другом материале, чем Вы. Совпадение наших выводов в этом пункте меня особенно радует и дает уверенность в правильности остального. Очень буду рад, если Вы сможете прочесть мою работу и познакомиться с ее выводами. Я бы хотел очень ее напечатать в изданиях Академии. Я надеюсь, что, если здоровье Вам позволит, Вы мне в этом не откажете помочь.

У меня коренная перемена в моем ходе дел: начальник и главный инженер Волгостроя В.Д. Журин дал согласие на мой уход. В связи с этим планы мои следующие. В конце этого месяца или начале следующего я уйду в отпуск и еду на несколько дней в Москву, куда меня зовут из Института географии. После этого на месяц поеду к своей семье в Ленинград, оттуда вернусь в Переборы уже только для оформления увольнения, и когда это сделаю, то двинусь в Самарканд. Ужасно рад, что скоро увижусь с женой и девочками. [...]

Я закончил только что две большие потребовавшие у меня большого труда работы: одна – это составление по поручению Института географии геоморфологического очерка Украины [59], другая – корректура трех экземпляров моих «Рек», которые я представил в качестве диссертации.

Над очерком Украины я работал с большим интересом и увлечением. В очерке получилось 3–4 печатных листа. Мне было очень приятно, что при трактовке этапов развития рельефа Украины весь материал чрезвычайно легко и привольно уложился в формулы и схемы тех обобщений, которые даны в «Волнах жизни». Работу я отослал только что в Институт географии.

Я должен за нее получить 1500 р. и эта сторона дела меня очень интересует, ибо материальную сторону жизни своей я никак наладить не могу ... Хочу верить, что переезд в Самарканд и материально меня поднимет и даст, наконец, возможность жить с семьей. Вам это виднее, Владимир Иванович: нельзя ли как-нибудь устроить «Волны жизни» так, чтобы получить за них гонорар?

Несколько дней я просидел над тремя экземплярами своих «Рек», производя их корректуру. Мне перепечатали в Москве все вставки в работу, сделанные от руки, я их прокорректировал, и в результате получились три чистых экземпляра этой большой книги (560 стр.), которые и будут фигурировать на защите. Находятся эти экземпляры у А.А. Григорьева. К Вам у меня просьба, дорогой Владимир Иванович: не найдете ли Вы возможным попросить себе один из этих экземпляров и бросить хотя бы беглый взгляд на мою работу. Как-то к ней отнесется критика? Это очень меня волнует. Я не мог представить в качестве диссертации ничего другого, кроме «Рек», но «Реки» описаны так, что они идут против многих общепринятых традиций, что многих может задеть. Поэтому, по совести говоря, я немного побаиваюсь. Правда, Обручев похвалил первый вариант «Рек», оценив и подчеркнув в то же время их оригинальность. Но ведь с тех пор я далеко ушел, по-моему, вперед! Но другим может показаться не так.

Правоту свою я чувствую твердо, но ведь от этого приговор комиссии о присуждении степени не зависит.

Вы меня упрекаете в том, что я «неисправимый философ». Пожалуй, я согласен с этим, но только я, как и Вы, отнюдь не хочу в науку вводить философию. Однако я считаю, что я *как человек* имею право дополнять науку фи-

лософией в тех вопросах, в которых наука некомпетентна (этика – должное) или которые она решать не берется. [...]

Меня очень заинтересовало Ваше суждение об Эйнштейне. По-моему, Вы нигде этого еще не писали, и мне никогда не приходило в голову, что Эйнштейн – Ваш антагонист¹.

Понравились и Ваши слова о том, что ноосфера созвучна основным идеям Маркса. Это так и есть.

Суждение Архангельского о книге Маркова [112] есть взгляд москвичей на произведение, созданное ленинградцами. Как это ни странно, а есть четвертичная геология ленинградская и московская. Они ревниво посматривают друг на друга, и каждая из красавиц говорит: «а я лучше!». Архангельский не работал по четвертичной геологии, осторожен был в суждениях о ней, и если он сказал приведенные выше слова, то только отражая мнение других москвичей. Книгу Маркова считаю книгой хорошей, в особенности в части, написанной Марковым. Что касается Громова, то геолог – определенно самостоятельно думающий. Работы Громова, аналогичной работе Маркова и Герасимова, я не знаю.

Вы в последних двух письмах ничего не упоминаете о Наталье Егоровне. Как ее нога? Передайте Наталье Егоровне от меня самый большой привет и лучшие пожелания.

Ваш Б. Личков

P.S. Не могу кончить на этом свое письмо. В Вашем письме хорошо сказано: «Образование ноосферы *вне* воли людей и не может быть обусловлено *человеческой историей* – оно *следствие* неизбежное полного заселения всей планеты». Страх берет при мысли о том, куда это развитие ноосферы ведет и приведет, если брать в качестве примера современность, итоги которой тоже вне воли отдельных людей и вне воли всего человеческого коллектива. Я разумею современную войну со всеми ее ужасами. Лев Толстой как-то писал: «До сих пор в истории человечества уяснилось безобразие рабства, неравенства людей и человечество освободилось от него и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности и человечество все работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов» (это из переписки Толстого со Страховым, которую я недавно проглядывал). К сожалению, кажется, человечество от этих «обманов» не освобождается, а погрязает в них все глубже и глубже. И особенно ужасны среди них: война и собственность. Ужас первой яснее, но за первой стоит определенно вторая – раздел мира и благ в нем, как это особенно рельефно видно в этой войне. До чего это доведет? До самоистребления человечества, или до того, что испакоотив в совершенстве («в космическом масштабе») нашу планету, человечество, пользуясь новыми могучими средствами, начнет пакостить и там. Ужасом веет от одного контраста, имеющегося в жизни людей. С одной стороны, величайшие моральные вершины человечества: Толстой, Христос, Кант, Сакья Муни все более и более конкретно формулируют величайшие моральные законы, дают им отчетливое выявление, а с другой, практические люди делают все, чтобы поступать как раз наоборот и унижить, втоптать в грязь эти истинно человеческие ценности и выявить только то зверское, что в человеке сидит.

Ужас берет и от другого: от того, что величайшие научные ценности – открытия самой высокой и отвлеченной человеческой мысли, сейчас же идут, *прежде всего*, на служение этой грязной практике, на поддержание этого звериного в человеке. Не взорвет ли в конце концов человечество себя на воздух и не кончится ли так ноосфера. Вот будет конечный итог той «хитрости разума» человеческой истории, о которой писал Гегель. Такой ли будет конец или другой, но другого пути, кроме пути ноосферы нет и «*fata volianten dienat, nolentem trahunte*».

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 40–45.

¹ Б.Л. Личков, по-видимому, не совсем правильно понял мысль В.И. Вернадского о том, что он считает «возможным и правильным не принимать во внимание пространство Эйнштейна». В книге «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» написано следующее: «Мне кажется, что мы не можем сейчас ответить на вопрос, как проявляется пространство-время Эйнштейна в пределах нашей планеты. [...]»

Неоднородное пространство, которое мы научно изучаем на нашей планете – Земле, геометрически отвечает точке... в пространстве-времени Эйнштейна. Изучая геометрически состояние этого пространства, мы приходим к парадоксу, что мы не можем выходить за пределы геометрической точки. [...]. При этих условиях я считаю логически возможным и правильным не принимать во внимание пространство Эйнштейна, поскольку я имею дело с ограниченными физико-химическими пространствами в пределах нашей планеты, в точке его пространства» [с. 165].

240

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Переборы,] 10 декабря 1940 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я предполагаю 14–16/ХІІ идти в отпуск и заеду отсюда на несколько дней в Москву, после чего уже поеду к своим в Ленинград. Очень рад, что увижу Вас и Наталью Егоровну и удостоверюсь лично в состоянии Вашего и Натальи Егоровны здоровья. Недавно я Вам послал большое письмо. Если Вы здоровы и если Вы видите В.А. Обручева, я хотел Вас попросить: не найдете ли возможным его спросить, имеется ли у него моя статья «О современной геологической эпохе» для «Известий Академии наук», переданная от П.И. Степанова. С этой статьей произошло следующее. Около года почти назад я послал ее академику П.И. Степанову с просьбой представить ее для печати в «Известия Академии наук». Он продержал ее у себя месяца четыре и на мой запрос сообщил мне, что не имел времени ее прочитать. Я лично встретился затем с Павлом Ивановичем в Москве в начале сентября, и он сообщил, что он эту статью все еще не прочел. Меня после этой встречи взяло раздумье, и я пришел к выводу, что *год* для прочтения статьи был срок достаточный и что, очевидно, если П.И. за год статью «не прочел», то дело просто в том, что он не хочет ее представлять к печати. Вероятно, она ему чем-то не понравилась. Придя к этому выводу, я откровенно написал Павлу Ивановичу, что я в этом именно смысле понимаю столь долгое «чтение» им статьи и просил его в связи с этим текст статьи вернуть мне. В ответ я получил от Павла Ивановича еще в ноябре письмо, где он пишет, что рукопись моя послана им «в Москву» для просмотра В.А. Обручевым, который является редактором

«Известий Академии наук, серия геолог.». Для чего и с каким заключением Павел Иванович посылает статью В.А. Обручеву, я не знаю. Почему он ее так долго читал, мне тоже непонятно. Что статья моя неплохая, я в этом глубоко убежден. Если она плоха, то тогда я скажу, что, очевидно, никуда не годятся все мои работы и о полесьях, аллювиальных равнинах и пр. А ведь они, как будто, признаны всеми ... Впрочем, Вы сами можете составить свое суждение, ибо «О современной геологической эпохе» вошло в качестве главы первой в «Волны жизни».

Всего хорошего. Привет Наталье Егоровне.
До скорого свидания.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 984, л. 49, 50.

241

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 2-й Дурновский пер., 15, кв. 2.
22 декабря 1940 г.

Дорогой Борис Леонидович,

пишу два слова. Беспokoимся, что Вас нет; писали Вы, что приедете между 10–14, а сейчас 22. В чем дело?

Понемногу оба поправляемся. Начал работать в лаборатории, но сейчас работаю главным образом над «Проблемами»: О химическом составе биосферы [23]. Очень выясняются интересные выводы, и я сам им удивляюсь. Кое-что и для меня неожиданное.

Заболел А.П. Виноградов, и я очень беспокоюсь, а затем заменяю его сколько могу.

Напишите.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 135.

242

Б.Л. Личков – Н.Е. и В.И. Вернадским

[Переборы,] 8 января 1941 г.

Дорогие Наталья Егоровна и Владимир Иванович,

я доехал до Рыбинска вполне благополучно, и это дало возможность мне пристроиться на третьей полке, где я благополучно проспал всю ночь. Вспоминаю все время, приятно проведенное в Вашем доме в дни пребывания моего в Москве, и горячо благодарю Вас за гостеприимство и заботы.

Здесь меня ожидала телеграмма из Самарканда: «Шестого переведено Вам почтой Переборы тысячу пятьсот рублей. Выезжайте семьей УзГУ Валиев». [...] Надеюсь все-таки, что дня через два-три я отправлю вещи в Самарканд и

272

выеду к своим в Ленинград. Здесь морозы, по-видимому, были в предыдущие дни больше, чем в Москве, и превышали -30° . Сейчас $-4-5^{\circ}$.

Шлю сердечный привет Прасковье Кирилловне¹.

Всего хорошего!

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 1.

¹ П.К. Казакова.

243

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Переборы, 17 января 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вот только сегодня, 17/1, после выполнения (в течение ряда дней) всевозможных формальностей и сдачи дел я, наконец, освободился от Волгостроя, т.е. уволен с этой службы. Вчера большую часть своих вещей и книг в количестве 222 кг отослал в Самарканд, а сам завтра еду в Ленинград. Большую актуальность приобретает сейчас для меня вопрос о дне моей защиты диссертации в связи с тем, имею ли я право задержаться из-за этого в Москве. В ответ на свой запрос я от ректора Узбекского университета получил по этому вопросу такой ответ: «Приезд желателен к концу января. Задержка Москве будет разрешена в зависимости дня защиты. Сообщите день защиты Валиев». После получения этой телеграммы я написал письмо А.А. Григорьеву с просьбой сообщить мне, на какой день будет назначен мой диспут. Мне очень хотелось бы, чтобы диспут состоялся до отъезда моего в Среднюю Азию, т.е. чтобы мне не пришлось ради диспута возвращаться сюда почти тотчас после приезда. Но, что ответит мне Григорьев, я не знаю. Предстоит еще дома, т.е. в Ленинграде, решать все вопросы, касающиеся порядка переезда семьи и перевозки в Среднюю Азию главного имущества. Вообще забот предстоит немало. [...]

На этом пока кончаю. Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 2.

244

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Ленинград, 29 января 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

дня через 2–3–4 я надеюсь, что мы с Вами увидимся, так как проездом в Самарканд я буду в Москве. Еду я сейчас с Зиночкой, которая по этому случаю переводится из Ленинградского университета в Узбекский. Анна Дмитриевна с Ольгушей пока остаются в Ленинграде. Анна Дмитриевна доведет до конца

273

в своей школе учебный год, и по окончании его я приеду опять в Ленинград, и тогда мы увезем из Ленинграда весь остаток вещей, а пока мы везем с собой минимум. Очень много разговоров и споров было у нас по поводу того, кому сейчас со мной сюда ехать, и думаю, что в конечном счете мы приняли решение правильное. Мне кажется, что Зиночка, выбрав себе математику и физику (это было сделано без меня) пошла не по своей дороге, и теперь нет у нее истинного увлечения в работе. Работала только по долгу. А когда она решила идти по этому пути, довольно мимолетные влияния толкнули ее к этим наукам, как к единственно точным. По сути же дела, не вредно бы ей еще осмотреться и даже *сначала* пересмотреть этот вопрос. Я надеюсь на свежие впечатления и от природы Средней Азии, и Самаркандского университета, и от встречи с новыми людьми, и, наконец, на мое влияние, чтобы всю эту проблему пересмотреть. Хочется очень, чтобы она нашла настоящую свою дорогу, профессию и специальность.

С диссертацией у меня что-то не клеится: все не хватает удовлетворения некоторых формальных требований, а ведь сейчас формальности – это главное. Мне казалось бы, что Институт географии мог бы высказать свое мнение, что я мог бы защищать прямо докторскую диссертацию и быть освобожденным от кандидатских экзаменов и кандидатской диссертации. Но А.А. Григорьев боится, очевидно, по этому поводу сделать представление в КВШ. Одна надежда, что из Самарканда я смогу прислать удостоверение о том, что утвержден профессором УзГУ, а без этого дело с места не сдвинется.

В первые дни пребывания моего здесь я закончил мою работу об Алагезе, которую хочу предложить Армянскому филиалу Академии наук. Познакомился в связи с этим с новыми материалами исследований Алагеза (имею в виду работы А.Л. Рейнгарда [151] и К.Н. Паффенгольца [142]). Алагез сложен в основе своей базальтами и андезито-базальтами, по-моему, эффузивно вылившимся из его кратера. Но другие отрицают наличие кратера и говорят, что Алагез – это нечто вроде лакколита, вспучившегося от давления внутренней интрузии. С этим я тоже согласен, но думаю, что здесь не лакколит, а округлой формы батолит. По-моему, здесь, как это ни еретически звучит, батолитовое поднятие вулкана (такие же явления Вальтер Пенк нашел для вулканов Южной Америки) [182]. Все это я пишу Вам в связи с нашим разговором о строении земной коры и наземных базальтовых полях. Мне ясно из данных по Армении, что все-таки под ними может залегать нормальная осадочная литосфера, а вместе с тем и гранитная даже литосфера. Это, я думаю, можно отнести и к Деканским базальтам и к траппам Сибири. Я долго думал над этой проблемой в связи с материалами Алагеза и пришел к выводу, что ниже должна быть настоящая осадочная кора. Работа моя по Алагезу имеет около 100 стр. текста и состоит из двух глав: 1. К тектонике района Алагеза и 2. Подземные воды территории Алагеза.

Шлю большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 2-й Дурновский пер., 15, кв. 2,
11 февраля 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я узнавал у Д.И. Щербакова о квалификационной комиссии. Заместитель Архангельского еще не назначен. Дмитрий Иванович¹ – член комиссии по отзывам, но только председатель этой комиссии входит в ту, которая под председательством Кафтанова решает эти вопросы. Пока в нужных случаях вызывали или Обручева, или Заварицкого – место Архангельского не занято.

Конечно, Вам надо скорее покончить с этим вопросом и немедленно начать хлопоты через университет о допущении Вас к защите диссертации без экзамена. Не откладывайте.

Вчера пришла записка Вашего отца в письме ко мне. Пересылаю.

Как будто совсем оправляюсь от своих лишних болестей; остаются только нормальные, по возрасту.

Ждем очень Вашего письма. Сердечный привет Зиночке.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 136.

¹ Д.И. Щербаков.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 13 февраля 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне хочется передать Вам несколько первых впечатлений от Самарканда. Ехать было очень неудобно, хотя плацкарту мы и получили. Но ведь ехали-то мы в неплацкартном вагоне, и поэтому и над нами, и под нами висели и сидели люди и буквально повернуться было некуда.

Контраст перехода от московско-ленинградской погоды к самаркандской был, можно сказать, потрясающим. После 30° мороза – зеленеющая трава, цветущий орех, цветущие одуванчики и фиалки, прямо-таки жара (для хождения в теплом пальто) днем, летающие около полудня мухи и жуки – все это прямо ошеломляло.

Встретили меня здесь очень приветливо и сразу окружили заботой как коллеги, так и администраторы. Университет произвел очень приятное и серьезное впечатление как людьми, так и лабораторными установками: я представлял его себе много беднее. Особенное впечатление на меня произвели прекрасные музеи биологического факультета и менее богатый, но очень выдержанный, изящный, созданный В.П. Смирновым Музей геологии. Несомненно, очень серьезен и ведется хорошим коллективом Музей минералогии. Он, несомненно, растет и имеет большое будущее. Установки физико-мате-

матического факультета я пока не видел. Говорят, есть хороший спектрограф и рентгеновские установки.

Из профессоров смежных специальностей очень большое впечатление на меня произвели геоботаник М.Г. Попов и физикохимик В.П. Кравец (брат ленинградского). Попов оказал много помощи при первом устройстве. Зиночка дорогой простудилась и получила грипп, но, надеюсь, скоро поправится. К сожалению, погода здесь только что изменилась к худшему: второй день идут дожди и довольно сыро, хотя все-таки тепло. Говорят, это может кончиться падением снега, который пролежит или день или несколько часов.

Послезавтра начинаю лекции. Буду читать в этом семестре динамическую геологию и геологическое картирование.

Привет большой Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 4.

247

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 2-й Дурновский пер., д. 15, кв. 2.
23 февраля 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень рад был получить Ваше письмо от 13.И. Уверен, что Вы возьмете из Самарканда все. А взять из него можно много.

Переслал Вам на адрес университета письмо Вашего отца и писал Вам, советуя скорее двинуть обращение университета, если он не имеет права давать докторскую степень, имеющее всесоюзное значение, чтобы Вам дали право в Москве защитить диссертацию без экзамена. Ведь это можно прекрасно мотивировать.

Просмотрел довольно внимательно книгу Герасимова и Маркова о ледниковом периоде в СССР [112]. Для меня много там нового и интересного. Думается мне, что еще многое требует проверки – видишь, как в этой области геологии больше гипотез, чем в тех, все-таки в физико-химических, с которыми я имею дело в своей области.

По-видимому, они возражают и против Ваших основных коцепций – террас и аллювиальных долин?

Я делаю 28.И доклад о космической пыли¹ и усердно работаю над 5-м выпуском «Проблем биогеохимии» [23]. Много выясняется интересного.

Но все еще не вхожу в норму в смысле здоровья. Последствия сентябрьского кровоизлияния в сердце (подтверждены рентгеном и кардиограммой) не улеглись. Приходится с ними считаться, только бы сохранить силу мысли; пока никакого сильного ее ослабления – да и вообще ослабления – не чувствую. Поднял вопрос о переиздании «Биогеохимических очерков» [17] в этом году, дополнив их рядом уже раньше напечатанных статей. В лаборатории

работа идет хорошо. Александр Павлович² поправился, но, боюсь, неосторожен. Наталья Егоровна медленно, но все поправляется. Шлем сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

P.S. Пишите.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 137, 137 об.

¹ Доклад на Метеоритном комитете «О необходимости организованной научной работы по космической пыли» [26]. На докладе присутствовало около 70 человек. Он вызвал оживленные прения (ф. 518, оп. 2, Хронология за 1941 год, л. 3, 4).

² А.П. Виноградов.

248

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 23 февраля 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на днях я получил Ваше письмо с приложением записки моего отца. Ваше письмо было первым письмом, которое мы, я с Зинухой, получили здесь, в Самарканде: никто нам, кроме Вас, еще ничего не написал, и в полной мере мы чувствуем оторванность от всего света.

Я погружен сейчас в свои лекции в смысле подготовки к ним. Для начала это занимает много времени, а дальше я надеюсь немного разгрузиться. Досуг для научной работы у меня, видимо, будет. В университете я обязан бывать в часы моих занятий, а в остальное время я волен работать, где хочу: дома или в своем кабинете в университете. Университет продолжает производить на меня очень культурное и хорошее впечатление. Громких имен нет, но все добросовестные и хорошие работники и, видимо, очень порядочные люди. Величина коллектива – человек 10–12. Кафедрой геологии заведует В.П. Смирнов, кафедрой минералогии – Б.Н. Наследов. Я пока являюсь вторым профессором по кафедре геологии, но есть тенденция выделить для меня кафедру геоморфологии. По бытовым условиям Самарканд хуже, конечно, Москвы и Ленинграда, но жить можно. На рынке есть все, кроме разве сахара, его заменяют сухие фрукты. Масло вдвое дороже, чем в Москве, но есть, и получается без нормы. Я сразу почувствовал себя здесь уютно. Успел дописать давно задуманную работу «К разграничению орогенических и эпейрогенических процессов» [61], где коснулся и проблемы средиземноальпийской и (германотипной) тектоники. Погружаюсь сейчас в литературу по Средней Азии, от которой отстал. Новой иностранной литературы здесь нет. Очень прошу Вас, Владимир Иванович, попросить Анну Дмитриевну не отказать запаковать в бандероли и отослать заказным мою рукопись, которая оставлена мною на вешалке в передней, под пальто. Я пишу об этом Анне Дмитриевне особую записочку.

Зиночка по приезде сюда объявила, что оставляет физмат, и перешла на филологический. Я этого, признаться, ждал и даже желал, потому что мне

чувствовалось, что она избрала не свою дорогу. В Ленинграде ее бы не отпустили, так что она это купила ценой переезда.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. По поводу диссертации и утверждения меня в звании профессора университет пишет.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 985, л. 5, 5 об.

249

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, Воскресенье, 9–10 марта 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович, получил Ваше письмо и триста рублей. Вы напрасно торопились их посылать – я сейчас в таком положении, что всегда могу располагать этой суммой. Имейте это в виду.

Опять последние дни я полулежал несколько дней и только через дня два вернусь к той жизни, которая за последнее время является для меня нормальной.

А между тем, очевидно, с этим приходится считаться и учитывать, чему я, очевидно, пока не научился.

Сижу над V выпуском «Проблем биогеохимии» [23]. Как много фантазии в геологических построениях, и я все более и более критически отношусь ко многим основным тектоническим построениям.

Прочел недавно доклад о необходимости организовать сбор космической пыли¹. Надеюсь, соберем.

Работаю хорошо и, мне кажется, глубоко и, между прочим, как Вам говорил, *научно* подхожу к областям и системам объяснений, которые до сих пор были только *философскими*. Но я подхожу к ним научно и как к научным эмпирическим обобщениям. К гилозоистическому атомному представлению можно подойти, мне кажется, *научно*².

Едва ли я вернусь к тому положению, которое было в июне, очевидно сдвиг, и не вернется к тому положению, которое было в сентябре. Но надеюсь, что не потеряю силу мысли.

Мне хочется опять связаться с Украиной для биогеохимической работы, а здесь создать сильный вычислительный центр радиоакт. – от Радиевого института, направив его на биологические проблемы.

Кончаю это скучное письмо. Жду всегда от Вас писем. [...]

Привет от нас сердечный Зиночке. Наталья Егоровна медленно, но явно поправляется.

Я почему-то теперь обратился к Китаю, будущее которого представляется мне *очень* большим. Недурна и местами интересна новая книга «Китай», под ред. акад. Алексеева, издание Академии наук. Одновременно роман из китайской жизни S. Buck, 1939 г. (очевидно: Pearl S. Buck. Today and forever. Pocket books, N. Y., 1939). Немецкие научные журналы явно ослабли.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 138, 138 об.

¹ См. примечание 1 к письму 247.

² В.И. Вернадский имеет в виду в данном случае свои работы о специфике пространства живого вещества, биологическом времени, материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы и др., которые переводили рассматривавшиеся в них сложные проблемы из области идеалистических, как правило, философских спекуляций (виталистических в том числе) в плоскость конкретного научного анализа. Разумеется, результаты этого анализа, что неоднократно подчеркивалось Вернадским, должны были представить значительный интерес для реалистической, говоря его словами, философии, стремящейся понять язык и мысль современной науки. Но такой философией как раз и является диалектический материализм. Из текста письма, однако, остается неясным, что именно подразумевает автор под «гиллозоистическим атомным представлением».

250

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 10 марта 1941 г.

Дорогие Наталья Егоровна и Владимир Иванович,

несколько дней назад я Вам отослал 300 руб. денег, которые я Вам был должен, и после этого все никак не мог собраться Вам несколько слов по этому поводу написать. Еще раз большое спасибо за ту дружескую помощь, которую я от Вас получил и которая пришлось как нельзя более кстати. Надеюсь, что возвращенные мною деньги Вами уже получены.

Получил недавно письмо Ваше, дорогой Владимир Иванович, от 23/II, где Вы пишете: «Уверен, что Вы возьмете из Самарканда все. А взять из него можно много». Думаю, что Вы в этом совершенно правы: и взять отсюда можно много, и сделать здесь тоже можно очень много. Дело в том, что природа здесь вся, в том числе геологическая природа, особенно интересна. Что касается условий работы, то они очень своеобразны, и нужно сообразить сначала, как ориентировать работу. Основная беда здесь та, что поразительно бедна библиотека университета: нет самых основных, самых нужных, самых обычных вещей. К этому надо и привыкнуть и приспособиться. Иностранных книг в библиотеке почти совсем нет, а из иностранных журналов на все специальности имеется лишь два журнала. Отсутствие иностранных книг приходится обходить путем библиотечного книгообмена, да и многие русские книги также приходится выписывать, но ведь журналов свежих этим способом не достанешь. Я уже просил дать мне на лето командировку в центр, на работу в библиотеках. Что производит здесь очень приятное впечатление – это чрезвычайно культурное руководство университетом; нет формализма и бюрократизма, столь частых в наше время. Здесь очень хороший ректор по фамилии Валиев – крупный партийный работник, узбек по национальности. Он молодой еще человек, умный, корректный, тактичный, дальновидный и очень интеллигентный. В университете обстановка работы, поскольку я ее пока разглядел, очень симпатичная.

Для научной работы моя преподавательская деятельность, к счастью и удовольствию моему, оставляет мне достаточно времени. Сейчас я ходом моей мысли подведен вплотную к самым основным проблемам геофизики: ядро, кора, толщина складок, все виды аномалии, длиннофокусные землетрясения, но, к сожалению, литературы страшно мало. Обязательно постараюсь

выписать себе кое-что основное по библиотечному книгообмену, но сейчас я даже не знаю, *что именно* надо выписать (хочу попробовать ту геофизику Гуттенберга*, какую я у Вас видел). Закончил я здесь статью о лессе, написанную с большим размахом и на широком фоне. Думается, что проблема лесса в ней разрешена и разрешена по-новому. Со всеми старыми авторами расхожусь за исключением Л.С. Берга, соображения которого обязательным ингредиентом во вторую фазу формирования лесса по моей схеме входят. Дал эту работу (в ней 4 листа) в Труды Узбекского Гос. университета. Туда же я дал работу (объемом листа 2,5–3) «К разграничению эпирогенических и орогенических процессов». Статья представляет этюд по сравнительной геоморфологии и геоморфологии, причем сопоставляются древние складчатости Донецкого кряжа и Мангышлака, а равно их древние же эпирогенические движения с молодыми движениями Среднеазиатских хребтов. Эта работа появится тоже в Трудах УзГУ. Я вхожу в редакционную коллегию этого издания*.

Преподавательская работа моя дается мне нелегко, но, по-видимому, идет очень хорошо, если судить по отзывам других. Посетивший недавно мою лекцию в сопровождении стенографистки, которая два часа записывала мои слова, заместитель ректора по учебной части сказал декану обо мне: «Это один из лучших наших лекторов». А нелегко мне дается это сейчас вот почему. Перед каждой лекцией я очень много нервничаю, волнуюсь и работаю, так что в конце концов на нее трачу непропорционально много сил. Читаю два курса, а скоро буду еще и третий читать. Свободный день здесь – пятница. И вот накануне этого дня у меня подряд 4 часа лекций, и я выхожу после них почти на весь день, как одурелый: так они меня утомляют. Может быть, это – временное явление, а может быть, я вообще слабее стал. Очень боюсь, что, может быть, и для природы Средней Азии, т. е. для работы в ее хребтах и ущельях, я тоже уже устарел. Вот в этом случае я уже не возьму от Азии того, что хотел бы, а только она от меня возьмет.

От университета в АН КВШ¹ пошло мотивированное ходатайство об утверждении меня профессором. Если это удовлетворят, то я автоматически получу право на защиту диссертации.

Шлю Вам мои самые лучшие пожелания и горячий привет.

Ваш Б. Личков

P.S. Здесь все в цвету. Миндаль отцвел. Цветет всю урюк. Погода стояла хорошая, сейчас немного испортилась, но во всяком случае ходим в платье. Зиночка всю работает на новом своем факультете и сдала первый зачет.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 6–7 об.

¹ Имеется в виду ВАК – Высшая аттестационная комиссия Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР.

* В. Gutenberg. Internal Constitution of the Earth. N.Y., L., 1939.

Самарканд, 30 марта 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

ужасно грустно, что, судя по Вашим письмам, никак не может наладиться Ваше здоровье. Хотелось бы, чтобы это вошло в какую-то нормальную колею.

Я тоже сейчас занят тектоническими проблемами, или, вернее сказать, проблемами геофизики. Вникаю в разные гравиметрические аномалии и их геологическую трактовку. Не хватает здесь книг, и придется кое-что выписать по библиотечному книгообмену. Очень хочу достать Гутенберга* и еще хочу выписать работу японца Ямогути с картой глубокофокусных землетрясений [172]. Хочу обратить Ваше внимание на довольно толковую статью некоего П.Я. Галушко «Гравиметрия и тектоника» в сборнике «Труды Нефтяной конференции 1938 года» (изд. Акад. наук УССР, 1939) [110]. Недавно проштудировал трехтомную тектоническую работу В.В. Белоусова о «Большом Кавказе» [100]. [...] Труд он проделал большой, хороший, нужный, и он, конечно, не пропадет зря. [...] Я пересмотрел параллельно и все другие его работы и теперь ясно вижу, в чем его слабость. Набросал целую критику его, но только не знаю, как ее использовать, потому что полемической статьи писать не хочется [62]. Только что сдал последнюю корректуру и подписал к печати новую свою работу – «К разграничению эпейрогенических и орогенических процессов» [61]. Если бы она не была еще закончена, я бы ввел туда некоторые замечания о Белоусове. Сдал в печать большую работу о лёссе. В течение ближайшего месяца она должна выйти в свет тоже в «Трудах Узбекского гос. университета» [58].

Получил сегодня письмо от геолога Н.И. Кригера, который ссылается на Вас, что от Вас узнал мой адрес и очень просит разрешения прислать мне для ознакомления свой труд о террасах СССР. Я его немножко знаю по его работам. В них есть интересные наблюдения, причем он идет по моим стопам, защищая, в частности, мои построения от Мирчинка.

По поводу оформления моего в звании профессора университет тотчас по моем приезде написал бумагу в Комитет по Высшей школе, но ответа до сих пор нет. Я писал по этим вопросам Д.И. Щербакову. Он ответил, что единственно правильный путь – это действовать через университет. Не знаю, какой придумать другой прием действий. Дело с диссертацией тоже стоит. Между тем, если я до конца года не «оформлюсь», меня из профессоров отчислят.

Сборник «Китай», о котором Вы пишете, я сейчас как раз читаю. Очень волнует меня сейчас здоровье моей дочки. Она была неосторожна здесь, поверивши теплу, и простудилась, а сейчас у нее злейший грипп и какой-то процесс в легких, природа которого точно не установлена еще. Лежит бедная девочка в постели. Зиночкиным здоровьем я сейчас страшно встревожен и места себе прямо не нахожу. А виновата она сама, ибо я ее предостерегал, а она не слушала, ссылаясь на то, что она не маленькая.

* Которую у Вас видел [178].

Если бы я мог, я бы весь погрузился сейчас в вопросы строения Земли, но, к сожалению, очень много времени идет на преподавательскую работу. Надо будет выписать и Кларка, а то у меня нет данных для сравнения химизма пород Тихого океана с другими районами. В связи с тектоникой хочу Вас спросить: попадались ли Вам книжка: *В.И. Попов*. История депрессий и поднятий Западного Тянь-Шаня (Ташкент, 1938). Издана она Научно-исследовательским институтом геологии Комитета науки Узбекской ССР. Книга нескладно написана, эрудиция автора довольно подозрительная, но все же книга довольно умная. Фактами она богата чрезвычайно. Собственные обобщения автора изложены плохо, но не лишены интереса.

Очень поразила меня смерть Н.С. Курнакова. Правда, возраст его был уже немалый, но почему-то мне казалось, что он еще должен быть бодр.

Привет сердечный Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 8–9 об.

252

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Самарканд, 4 апреля 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

пишу Вам под свежим впечатлением одного факта, который меня привел в несколько пессимистическое настроение. Когда я в январе этого года был проездом в Москве, мне было сказано в Институте географии, что хотя институт в данный момент формально и не может ставить на диспут мою диссертацию, тем не менее, желая пойти навстречу мне, институт посылает мою работу двум специалистам на рецензию – Д.В. Наливкину и Я.С. Эдельштейну. Тогда же мне сообщил Л.Г. Каманин, что секретарь института Н.Ф. Яницкий взял у него два экземпляра моей работы для отсылки названным рецензентам. Я тогда же, тотчас по приезде в Самарканд, написал обоим рецензентам личные письма, прося не задерживать рецензий. Вчера я получил от Я.С. Эдельштейна ответное письмо, где он пишет, между прочим, следующее: «Вашу работу «О геоморфологическом значении рек в истории Земли», о которой Вы сообщаете в своем письме, я не получил до сих пор. Если она будет мне прислана для рецензии, то можете быть уверены в весьма благоприятном отзыве: ведь Вы знаете, как высоко я ценю Ваши научные труды!». Спрашивается теперь, куда же попала моя работа и почему она не попала рецензентам? Я пишу об этом А.А. Григорьеву. Между прочим, я только что получил известие о том, что Андрей Александрович назначен членом ВАК Комитета по Высшей школе и может самым непосредственным образом очень влиятельно помочь в этом деле. Вот только сейчас у меня явилось сомнение по поводу того, *хочет* ли он мне помогать, и это сомнение явилось в связи с тем, что мне было сказано, что работа посылается рецензентам, а на деле работа не была послана. Не понимаю, к чему был нужен этот обман? Не будет ли у Вас случая поговорить по вопросу о продвижении моего дела с Андреем Александровичем?

ровичем?¹ Поговорите, если это будет возможно. Я потому сейчас взволнован этим вопросом, что мне на год, до 1 января 1942 г., дали здесь профессорскую ставку, а если я за это время не защищу диссертации, я буду переведен просто в преподаватели. А как же мне защищать диссертацию, если к защите не допускают. В ВАКе Комитета высшей школы находится два ходатайства: посланное почти два месяца назад ходатайство университета об утверждении меня ввиду моих научных заслуг в звании профессора без защиты и ходатайство мое о разрешении мне защищать диссертацию на кандидата. Ответа на оба эти ходатайства пока нет. Вот как обстоит дело.

Я хотел Вас попросить вот о чем. Если у Вас освободилась сейчас книга Гутенберга [178] по геофизике, которой Вы много пользовались два месяца назад, не можете ли Вы на некоторое время дать ее мне? По ходу моей работы чувствую в ней очень большую потребность. Буду очень Вам благодарен, если Вы мне эту книжку на время предоставите. Я одновременно посылаю Вам принадлежащую Вам статью Вашингтона, которая мною была у Вас взята семь лет назад. [...]

Здесь все цветет и благоухает. Деревья почти совсем зеленые. Орех, миндаль, абрикос и персики отцвели. Цветут яблони и вишни, расцветает сирень. Погода стоит довольно прохладная, а главное – это то, что целая почти неделя прошла в дождях. Зиночка у меня 10 дней была больна гриппом с осложнением в легких. Вчера первый день вышла. Я очень много переволновался. Но кажется она поправилась прочно.

Шлю большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Я на всякий случай решил написать еще по делу о своей ученой степени В.А. Обручеву, так как он если не член ВАК КВШ, то часто приглашается туда экспертом. Надеюсь, что он меня поддержит.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 10–11 об.

¹ А.А. Григорьев.

253

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 16 апреля 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вот, по-видимому, и финал всем моим мечтам о защите диссертации и степени доктора: Узбекский гос. университет получил *отказ* в утверждении меня в должности профессора. Мне это утверждение было нужно, чтобы быть допущенным к защите диссертации. Теперь, значит, к защите не допустят, а затем, с 1 января 1942 г., лишат звания профессора, переведя на низший оклад и должность. Вот каковы будут мои дальнейшие судьбы. [...]

Я заканчиваю сейчас большую работу о строении земной коры и, что буду после этого делать, совсем не знаю. Предполагаю летом побывать в Москве и Ленинграде, чтобы закончить переезд семьи сюда, но, должно быть, с этим торопиться не придется, а нужно радоваться, что я не все еще вещи сюда

перевез, и к новому году (время еще есть!) найти себе новую работу. Статья о строении земной коры как будто получается у меня исключительно интересная.

[...]

Привет большой Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 14, 14 об.

254

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 16 апреля 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я переговорил с Григорьевым, и он мне сказал, что Ваши рукописи в сохранности, но он их не имеет права официально послать оппонентам, пока не будет официального ответа на ходатайство Самаркандского университета о допущении Вас к защите докторской диссертации. Я боюсь, что университет ходатайствовал не об этом, а о предоставлении Вам степени доктора по совокупности работ. Когда я говорил о Вас с покойным Архангельским, то он тоже говорил, что этот путь (по совокупности работ) очень длинный и что надо, чтобы университет хлопотал о разрешении Вам защищать диссертацию прямо на доктора. Так как Вы защищаете диссертацию на доктора географии, то самое простое – защищать ее при Институте географии Академии. В секцию геологии комиссии Кафтанова Григорьев не входит. Я звонил Щербакову, но его сейчас нет. Буду звонить еще раз. Я боюсь, не сделали ли Вы ошибку, выбрав географию в этой неопределенной неразберихе.

Только что звонил еще раз Щербакову, но его еще нет. Если что-нибудь от него узнаю положительное, то сейчас же Вам напишу. Книга Гутенберга [178] (все-таки уже устаревшая) находится у академика В.Г. Фесенкова, как только он ее вернет, так тотчас ее Вам пошлю.

Я все последнее время болею. После Вашего отъезда была еще спазма, и моя работа идет с остановками. Врачи говорят, что я утомляюсь, но этого я не чувствую. И думаю, что мои болезненные состояния связаны с областью, о которой они очень мало знают, со структурой моей нервной системы. У меня повторились переживания, которые были у меня в молодости.

Наш сердечный привет Зиночке.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 139, 139 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 17 апреля 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я все о том же. Я только что послал Вам письмо по поводу того, что профессором здесь я утвержден только по 1.1.1942 г., а после этого мне придется «пасть» и перейти на низший оклад и положение. Между тем диссертацию мне не разрешают защищать в связи с тем, что у меня не сданы кандидатские экзамены. Я подаю сейчас заявление о том, чтобы мне дали степень доктора без защиты или разрешили защищать диссертацию без предварительной сдачи экзаменов, поскольку в свое время и магистерские экзамены сдавал, и около сотни печатных работ имею, и более 10 лет был профессором. Мне пришло в голову, что Вы лично могли бы очень мне помочь в этом деле, если бы Вы прислали сюда на имя ректора Узбекского гос. университета Валиева Ваш отзыв обо мне как ученом с заверенной Вашей подписью и надписью сверху «Для представления в ВАК Комитета по управлению Высшей школой при СНК». Думаю, что Вам такой отзыв составить было бы нетрудно. Ведь у Вас обо мне есть все данные. В 1932 г., если помните, меня неудачно представляли в члены-корреспонденты Академии, и в «делах» должна быть копия сделанного тогда представления; ее можно использовать. Словом, я очень надеюсь, что Вы не откажете это сделать. Хотел было просить письменно о том же самом Ферсмана и Обручева, но боюсь очень их беспокоить, так как я недостаточно с ними знаком. Может быть, они могли бы присоединить свои подписи к Вашему отзыву, если Вы их о том попросите. [...] Лучше всего было бы на основе этих отзывов получить прямо степень доктора, но я мирюсь и с тем, чтобы хоть право на защиту диссертации получить. О том же, о чем я прошу Вас, я одновременно прошу Я.С. Эдельштейна. Очень надеюсь, что Вы мне поможете, и заранее благодарю. Если будете посылать ректору отзыв, известите меня об этом одновременно письмом.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 15, 16.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 23 апреля 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера получил Вашу брошюру, при первой возможности ее прочту. Вчера говорил с Дмитрием Ивановичем¹, он Вам писал прямо в университет, но не получил ответа. Я ему дал Ваш адрес. До сих пор еще не получена бумага из Самаркандского университета. Он еще наведет справки и Вам напишет. Она не могла его избежать, но в решении вопроса он не имеет голоса. Когда послал ее университет?

[...]

Чувствую себя все время средне, но пока это относительно мало отражается на моей научной работе. Заканчиваю писание V выпуска «Проблем биогеохимии» [23], который вырос почти вдвое по сравнению с предположенным.

Было первое совещание с геологами, и мы организуем анализ скважины 1600–2000 м в Москве, а затем, геологически правильно, охватим химически Московский округ. Скважина потребует сотен анализов. *Геохимические линии или полосы* для каждого элемента выявятся на геологической карте².

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 140.

¹ Д. И. Щербаков.

² Карта составлена не была. См. [27].

257

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 27 апреля 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня узнал, что Ваше дело миновало Экспертную комиссию, которая нормально подготавливает материал для Высшей аттестационной комиссии (это, вероятно, и есть ВАК?), т.е. пошло необычным путем. К сожалению, сейчас ни Комарова, ни Ферсмана здесь нет. Лично я напишу на днях заявление Кафтанову и переговорю с кем можно.

Во всяком случае, раз Вы обеспечены до 1942 г. и дело пошло каким-то ненормальным порядком, и положение лица, которое это делает, пошатнулось, возможен пересмотр. Во время сессии – майской, когда я увижу ряд академиков, я постараюсь выяснить, в чем дело. Вашему ректору я напишу сейчас же, когда Вы мне сообщите имя и отчество Валиева. Говорят, что Ваше дело прошло не через Экспертную комиссию, а через каких-то инспекторов, которые никакого научного авторитета не имеют. Во всяком случае, Вам лучше добиваться права прямой защиты диссертации на доктора, чем получения доктора по совокупности работ. Это последнее нормально тянется годами. Это будет ошибка.

[...]

Сердечный привет Зиночке.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 141, 141 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 30 апреля 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

как только получу от Вас имя и отчество Вашего ректора, пришлю ему выписку из моего заявления, поданного Кафтанову. Мне сказал Григорьев, который не был на заседании ВАКа, что постановления ВАКа постоянно пересматриваются и не являются окончательными. Вчера я послал письмо Кафтанову, в котором жалуясь ему на ВАК и требую пересмотра дела. Я просил его мне позвонить или ответить мне другим способом.

Вероятно, он сделает это после 4-го. Я надеюсь, что все кончится благополучно.

Все время я болею, но моя работа идет. Начинаем работать по составу биосферы, и надеюсь удастся связать геохимию с геологической картой; цифры – «кларки» – атомного или весового состава биосферы выразятся при этом в виде кривых линий или полос. Добиваемся продления одной скважины в Москве до 2 км мощностью.

На 1650 м скважина остановилась на метаморфизованных явно осадочных породах. Мне лично не могли показать куски гнейса или магматита, о которых говорят. Мне кажется, при бурении можно предвидеть будущие слои, если возможно, организовать при этом одновременно: 1) геотермические исследования, 2) количественные и качественные измерения растворенных газов в водах и 3) точное определение в породах гелия, радия и тория. Написал главному геологу Наркомнефти Сенюкову и помещу заметку в ДАН*. Кончаю, наконец, через несколько недель пятый выпуск «Проблем», где сталкиваюсь во многом с нашими геологами, которые, по-моему, отстают от времени. Выйдет целая книжка.

Сердечный привет Зиночке.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 142, 142 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 1 мая 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера и третьего дня послал Вам телеграммы. Теперь несколько строк в дополнение. Мне кажется, я, совершенно не ожидая этого, достиг всего, что нужно. По телефону, как я и просил, мне вчера было передано, что разрешается Вам без кандидатского экзамена приступить теперь же к экзаменам на доктора, причем передававший сказал мне, что Григорьеву будет сообщено. Я в своем письме о Григорьеве не говорил, а говорил об одном из академичес-

* Такая статья не была опубликована.

ких учреждений. В моем письме я сказал все, что хотел, может быть, резко, но до конца и корректно. Григорьев вчера вечером еще ничего не знал (я ему звонил). Думаю, что это дело пойдет тотчас же после трехдневных праздников. Жалко, что я забыл фамилию того Вашего ученика, к которому Вы мне говорили обращаться в таких случаях. Поэтому я обращаюсь, может быть, к Каманину, но, очевидно, это тоже после праздников. Мне сказали, что вопрос Ваш о профессуре будет обсуждаться *вместе с утверждением Вашего диспута*. Это, конечно, совершенно правильно при тех условиях, при которых идет ваше утверждение. В результате диспута сомневаться нельзя. Может быть, было и письмо Эдельштейна?

Теперь Вам нужно скорее приезжать для защиты. Не откладывайте.

Мое здоровье неважно, но я хочу закончить ряд своих работ. Было бы хорошо – четыре, и потому держу себя в руках. 16-го переезжаем в Узкое. Заканчиваю V выпуск «Проблем» [23]. Критика основных понятий геологии. Мне кажется физикохимия их в основном допотопна. Огромный труд тратится даром, но есть эмпирическая часть важная, в которой, однако, трудно отделить фантазию и схему от реальности. Орогенетические и тектонические обобщения, мне кажется, на добрую половину из последних состоят.

Сердечный привет Зиночке.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 143, 143 об.

260

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 2 мая 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

получил Ваше письмо от 16/IV. Мне думается, что ошибки в том, что я выбрал географию, нет. Дело в том, что геоморфология считается входящей в состав географии, а я в последние годы работал именно в геоморфологии. Кроме того, по линии геологии я просто не представлял себе, куда и как мне обратиться, не знал, как ко мне отнесутся. А в Институте географии ко мне сразу, как мне показалось, отнеслись хорошо, поручили мне даже работу, и я сунулся к ним. Если мне дадут степень доктора географии, я *сейчас же* вслед за этим без задержек смогу защитить новую диссертацию на степень доктора геологии. Я, конечно, больше хотел бы получить доктора по совокупности работ и думаю, что данных у меня для этого достаточно, но пусть на худой конец допустят хоть до защиты. И это меня устроит. Я посылаю Вам при сем текст того заявления в Высшую аттестационную комиссию КВШ, которое мною послано сейчас через университет. Я Вас просил в прошлом письме о присылке отзыва обо мне как ученом*. Эта просьба остается в силе.

Здесь работает, между прочим, очень дельный ботаник, интересный человек и ученый проф. М.Г. Попов. Он находится в таком же положении, как я,

* Ректору университета.

и сейчас ждет ответа на свои заявления, но только он определенно просит о предоставлении степени по совокупности трудов (диссертации он защищать не хочет). Так вот, когда он подавал свои заявления, отзыв о нем по его просьбе прислал В.Л. Комаров. Довольно об этом скучном предмете.

Если Вы прочтете приложенный мною к письму текст моего заявления, то Вы можете видеть, что в этом и прошлом году я работал научно с очень большим подъемом и интенсивностью, если судить хотя бы только по количеству работ и значительности и количеству обсужденных в этих работах проблем. Я чувствую, что в жизни своей я никогда еще не работал так интенсивно – не охватывал изучаемых мною объектов так широко и глубоко. Сейчас я только что вполне закончил работу на тему: «Формы рельефа земного шара, как производные магмотектоники». Сдаю завтра эту рукопись в машинку. Но не знаю еще, что я с нею буду делать. Возможно, что пушу ее в печать как лично мою работу, но может быть попрошу внести в нее дополнения одного молодого талантливого петролога-геохимика А.В. Крюкова, с которым я сейчас работаю вместе. Может быть, впрочем, мы сделаем иначе и напишем совместную работу отдельно от этой. Я пересмотрел все большие проблемы геотектоники, много работал над толкованием аномалий и пришел к полному и твердому установлению изостазиса, который в работе и обосновываю. С большим удовольствием пересмотрел все три тома Лукашевича и с большим удовольствием констатировал, что, несмотря на устарелось книги его, он во всем основном прав и *его* концепция изостазиса заслуживает внимания сейчас. Для меня эта только что законченная работа очень важна. Она завершает цикл идей, которые я развиваю почти 15 лет с 1926 г. (с 1926 г. это началось!). И сейчас я, наконец, подошел к венцу всего – к новой геотектонической теории. Мне остается доделать только некоторые детали, и в основном, когда будут опубликованы последние мои работы, все увидят, что я даю *новое* оригинальное решение целого ряда больших проблем геологической мысли. Но уже меня начинают печатать с примечанием «в дискуссионном порядке». Да, дорогой Владимир Иванович, не знаю удастся ли мне укрепиться в Самаркандском университете, но знаю, что как ученый за последние два-три года я очень и очень сильно вырос.

Планы на лето у меня большие. Обязательно буду в Москве и Ленинграде, где хочу посмотреть новую литературу, но, кроме того, имею в виду и здесь поработать в поле. Возьму на себя некоторые поручения от Узбекского филиала Академии наук. Предполагаю обследование геоморфологии горного массива Верхнего Тюбе в Зеравшанском хребте вблизи Самарканда и геологии (вместе с геоморфологией) окрестностей самого Самарканда. Кроме того, имею в виду совершить полеты над одним районом в целях освещения геоморфологии для выбора места водохранилища.

Предполагал раньше, что осенью буду перевозить сюда свою семью, но теперь, должно быть, придется остеречься это делать в связи с неясностью вопроса о моей дальнейшей здесь работе. Переезд придется отложить на зиму.

Очень огорчает меня, что Вы все хвораете. Может быть, действительно слишком не по возрасту себя переутомляете?

Зиночка на филологическом факультете, куда она перевелась здесь сначала, не удержалась и стала просить меня перевести ее на биологический, что

мною и было сделано. Сейчас она, как будто, нашла свою дорогу, работает очень много, с большим интересом и увлечением, чему я очень рад. От болезни своих (грипп со всякими приложениями) она оправилась и я успокоился. Я очень страдаю от того, что далеко от нас Нюся и Ольгуша и так скудно мы получаем от них известия. Вообще, как ни хорошо здесь в смысле отношения и обстановки для работы, я все-таки очень чувствую отрыв.

Недавно читал работу Д.С. Коржинского «Факторы минеральных равновесий и минералогические фации глубинности» (М., 1940) [124]. Очень дельная работа, и, видимо, интересный человек – ее автор.

Разочаровала меня книга В.А. Сельского «Изучение строения земной коры на основании данных геофизики», ч. 1. Ценна как справочник (хотя мне кажется, не очень надежный), но в достаточной мере поверхностно компилятивна. Литературу иностранную, которую автор цитирует, очень часто не знает, цитирует из вторых рук.

Меня сейчас в связи с проблемами тектоники очень интересует проблема Тихоокеанского кольца, и я занят подготовкой большой работы по тектонике Тихого океана. Ею я, надо думать, закончу выводы из старого материала, который я ворошу вот уже 15 лет. Намечаются очень интересные выводы о центральных частях Тихого океана.

Читаю «Историю дипломатии» под ред. Потемкина, т. I [121]. Немного прытко и поверхностно, но все-таки поучительно.

Сердечный привет Наталье Егоровне

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 17–19 об.

261

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 7 мая 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 27/IV и немедленно отвечаю. Вероятно, Вы правы, что дело мое пошло не через Экспертную комиссию, а через каких-то инспекторов... Университет просил об утверждении меня профессором (с тем, чтобы как профессор мог защищать диссертацию на доктора) и не получил ни положительного, ни отрицательного ответа, а получил обратно свое отношение со всеми приложениями без какого бы то ни было ответа. Какой-то акт хулиганства получается!

Теперь университет посылает мое заявление, копию которого я Вам послал, и сопровождает его своей поддержкой, прося о допущении меня *к защите без экзаменов*.

[...]

Валиев – наш ректор – говорит, что он, как узбек, не имеет отчества*, и просит, чтобы его называли «тов. Валиев». Так его все и зовут. Так как он

* Т.е. он не хочет и не любит, чтобы его называли по этой форме.

сейчас уехал на два месяца в отпуск, то отзыв можно прислать на имя *заместителя ректора Узбекского гос. университета, заведующего научно-учебной частью профессора Георгия Васильевича Лазурьевского.*

[...]

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 12, 13.

262

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 15 мая 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вчера получил Ваше письмо от 1/V, которое, как Вы видите из этого, шло изумительно долго. Что касается телеграмм (судя по тексту Вашего письма, их было две?), то я их не получил вовсе и не знаю поэтому, что в них говорилось, но думаю, что нового сверх Вашего письма они не дают. Письмо Ваше гласит, что как будто бы мне разрешается защищать диссертацию на доктора без кандидатских экзаменов, но вижу, что Григорьев об этом еще не уведомлен. Сужу по тому, что одновременно с Вашим письмом пришло письмо от комиссии от 3/V и он об этом упоминает, сообщая, что Вы вошли с ним в контакт и что он у Вас будет по моему делу 5/V. Здесь, в университете, тоже пока ничего не получено. Мне остается, значит, терпеливо ждать дальнейших известий, хотя Ваше письмо совсем вывело меня из равновесия.

Я Вам послал перечень научных трудов моих. Надеюсь, что Вы его получили. После того как я Вам его послал, мне пришло в голову составить маленькую записку о моих научных достижениях. Я это начал делать, но она превратилась в нечто несуразно большое. Я хотел было уже, когда увидел, что из нее получается, оставить ее у себя, но потом передумал и решил все-таки послать Вам из того соображения, что может быть просто *для Вас* эта записка может быть интересна как справка. Сначала писать о себе было мне неприятно, но затем мне даже стала эта работа интересной, после того как я ввел в нее пункты соприкосновения с Вами. Если Вы осилите мою писанину (я сожалею, что не имел возможность дать ее переписать), то увидите, как много, в сущности, получилось этих пунктов, хотя мы с Вами и работаем, как будто, в разных специальностях. По-моему, все-таки получился довольно интересный, хотя и для внутреннего, так сказать, употребления.

Ваша работа с критикой основных проблем геологии меня очень интересует. По некоторому совпадению я тоже занят был сейчас пересмотром основных проблем геологии и тоже написал по этому поводу работу. Она называется «Изменения рельефа и магмотектоника» [63]. Очень много занимался, между прочим, аномалиями силы тяжести и изостазиса. Работа как будто получилась интересная, и пока я считаю ее законченной и сдал в машинку, а осенью буду писать новую, опять о рельефе, но с более глубоким физико-химическим подходом. Вы говорите о «фантазии и схемах» в текто-

нических построениях. Мне кажется, что у меня они доведены до минимума. Но я очень рву со многими существующими воззрениями, в частности очень критикую теорию шарьяжей. Очень сожалею, что имеющаяся здесь литература не позволяет вникнуть в этот вопрос, а то бы я им занялся побольше. Все вспоминал эти дни о работах Ульянова по Монблану и пр. и думал, как бы их мне достать. Кажется, он тоже идет против шарьяжей, или я путаю. К сожалению, здесь даже проверить этого нельзя. Вообще, будучи всецело воспитанным, так сказать, на русской тектонике, я думал: не фантазия ли полная эта альпинотипная тектоника. Так, во всяком случае, как ее описывают всякие люжоны и арганы, не может быть. Вот это немислимая и несбыточная фантазия! Очень интересует меня Ваше указание о допотопности физикохимии геологических построений. Что Вы имеете в виду?

Фамилия того сотрудника Института географии, который очень интересуется моими делами, Кунин Владимир Николаевич. Он живет, однако, теперь не в Москве, а в Ленинграде, а в данный момент уехал в Туркмению. Поэтому по моим делам лучше всего говорить в Институте географии с Л.М. Каманиным или Б.А. Федоровичем.

Конечно, как только выяснится день назначения защиты, я сейчас же приеду и откладывать не буду.

Очень жаль, что Ваше здоровье все неважно. Может быть, в Узком Вы все-таки отдохнете и будете чувствовать себя лучше.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Даты 1912–1941 – это даты моей деятельности. Увы, я уже 29 лет работаю научно в области геологических наук!

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 21, 22 об.

263

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 23 мая 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил открытку от Анны Дмитриевны и из нее узнал, что Вы недоумеваете по поводу причин отсутствия с моей стороны какой бы то ни было реакции на ваши телеграммы. Вероятно, сейчас Вы получили предыдущее мое письмо и знаете, что ни одной из Ваших телеграмм я не получил. Я подал по этому поводу заявление на почту, но ответа по поводу причин этого я не знаю. Да теперь, пожалуй, это уже и не важно.

Через несколько дней после Вашего письма я получил еще письмо от Каманина с сообщением о том, что институт получил уже официальное извещение и что Андрей Александрович¹ провизорно намечает диспут на 20-е число июня. Если это будет так, то в 20-х числах июня я буду в Москве. Вам, очевидно, я обязан этим. Я приношу Вам за это мою горячую и глубокую благодарность! Вернувшись из Ташкента (я на три дня туда ездил), я нашел здесь уже также официальное извещение от Комитета по Высшей школе на свое

имя, а кроме того, отзыв Я.С. Эдельштейна, копию которого я к этому письму прилагаю. Выразить не могу, как я глубоко тронут Вашим участием в моем деле и помощью, которую Вы мне еще раз оказали. Очень и очень растрогал меня и Яков Самойлович как фактом присылки отзыва, так в особенности текстом его, что Вам станет понятно, когда Вы его прочтете. Уж лучше написать трудно! Таким образом, мое дело как будто устраивается; если не устроится среди лета, то по крайней мере хоть осенью; последнее уже наверное!

Хотел я Вам в двух словах очертить ту ситуацию, которая меня здесь окружала и окружает. Я здесь *второй* профессор по кафедре геологии. Кафедру занимает Владимир Петрович Смирнов, которого Вы, может быть, знаете, помните по Киеву или по Владикавказу. По Владикавказу он прославился найденными им остатками рыб. В Киеве же он был вместе со мной сначала ассистентом у В.И. Лучицкого, а позже, когда кафедру занял я, он был ассистентом у меня. Тут, наоборот, получилось, что я попал в зависимое от него положение. Мы с ним были всегда в течение 15 лет совместного обучения в университете, а затем совместной работы, друзьями. Потом мы 15 лет не виделись, а затем встретились вот теперь вновь. Встретились как старые друзья. Но, оказывается это – фенотип, а генотип совсем другой ...

В.П. Смирнов, надо сказать, человек очень способный с оригинальной интересной мыслью. Может быть, Вы помните это (по Киеву), что он в Киеве еще сформулировал довольно интересную вихревую гипотезу строения планетной системы, которой он попытался сменить другие теории, и исходя из которой он конструировал *свою особую* геологию. Это было хорошо иметь такие оригинальные взгляды 30 лет назад, когда мы оба были студентами, но за 30 лет можно было и нужно было свою теорию обосновать, мотивировать или же от нее отказаться. Последнего он не сделал, а остался на уровне собственных студенческих времен. Как у Кузьмы Пруткова сказано про барона фон Гринвальдуса: «Бароны пируют, бароны шумят, барон фон Гринвальдус все в той же позиции на камне у замка сидит». Так оно и было: сверстники его работали в разных широтах Союза, приобрели знания ряда районов, приобрели имена знатоков этих районов, а он в полевой работе или работах участвовал мало. А все пропагандировал в широких массах через политпросвет свои идеи ... Здесь есть, кроме Смирнова, еще Б.Н. Наследов, имя которого Вы может быть слышали (его хорошо знают Ферсман и Щербаков) – умный, культурный человек, настоящий исследователь. Ему Смирнов причинил немало неприятных минут, и он наполовину ушел в Ташкент в систему Геологического управления. Но сейчас он имеет тенденцию вернуться сюда. Вместе с Наследовым мы, конечно, создадим здесь на Геолого-географическом факультете соответствующую атмосферу и вернем геологический Самарканд ко всеобщей жизни, связав его и с Ташкентом, и с Москвой и пр., а то Смирнов создал буквально средневековой застенки ... Мне тут больно по поводу двух моментов. Во-первых, по поводу того, что неизбежно придется воевать и затем обидно, что мало умею разгадывать: создал когда-то кумира из человека, который ровно ничего не стоит. Может быть, и в Киеве он плел против меня интригу, а я считал его другом.

Будучи три дня в Ташкенте, я вошел в контакт с Узбекским филиалом Академии наук и сделал там, между прочим, научный доклад «Землетрясения как выразители движений, создающих рельеф». По-видимому, этот доклад

произвел на публику глубокое и ошеломляющее впечатление. Но сам я этого не почувствовал. Дело в том, что доклад я делал с трех часов дня до четырех часов, а уже в 5 ч. 33 мин. я на поезде отъезжал из Ташкента. В связи с этим, на промежутке между 4-я часами и 5 ч. 33 мин. я должен был мчаться сначала за вещами на квартиру, а потом на вокзал, причем попал туда за $\frac{1}{4}$ часа до отхода поезда после гонки. Все дело в том, что мне взяли «по броне» билет на день вместо вечера. Приезжавшие сейчас из Ташкента говорят, что мой доклад всех привел в хорошее настроение, но и содержанием своим, и внезапным исчезновением докладчика всех ошеломил. Тема моего доклада – одна из глав законченной только что работы моей «Изменения рельефа и магмотектоника» [63].

В филиале Академии в Ташкенте договорился о поездке моей в поле по их поручению – изучение геологии гор Нура-Тау. Очень интересная задача, которая сулит дальше, в ближайшие годы, полное и глубокое внедрение мое в недра Тянь-Шаня. А какие интересные вещи, если бы Вы знали, рассказывал мне сейчас геолог Ю.А. Скворцов из своих наблюдений на Тянь-Шане – просто волшебная картина сейчас идущих движений! Я вспоминаю, что я ощутил в 1934 г., когда частично погрузился в природу Ферганы, хотя так скверно у меня было тогда на душе. А теперь я чувствую, что это захватит прочно и надолго, когда я начну свои исследования с геоморфологами золотоносных россыпей гор Нура-Тау. Поеду в Нура-Тау в зависимости от того, когда будет моя диссертация.

Кстати, в своей работе «Изменения рельефа и магмотектоника» [63] я пришел к полному доказательству и утверждению изостазиса. Другого правильного пути, по-моему, нет, и еще раз он оправдал движения материков, но движения периодические, которые происходили в фазе складчатых тангенциальных движений. Очень хотел бы по обоим этим пунктам (после большого пересмотра идеи и фактов я твердо верю в свою правоту) убедить Вас, но, к сожалению, моя работа еще не вышла на машинке и я не могу ее Вам еще прислать. Очень хотелось бы мне познакомиться с Вашей «ревизией» геологии, а Вас познакомить с моей.

На этом кончаю. Большой привет Наталье Егоровне, а также Анне Дмитриевне.

[...]

Ваш Б. Личков

P.S. После присылки Вам полного списка своих работ я прислал Вам обзор содержания главных своих работ. Подумайте, Владимир Иванович, я ведь работаю уже 29 лет – с 1912 по 1941 г.!

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 23–27 об.

¹ А.А. Григорьев.

Узкое, 24 мая 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

наконец-то, я получил от Вас письмо. Ваше письмо от 15-го мая. Очевидно, у Вас порядки в университете невозможные. Дайте Ваш адрес, чтобы не упоминать слово «университет», чтобы письма приходили к Вам, а не в канцелярию. Куда же девались две мои телеграммы? Надеюсь, что Вы получили теперь официальную бумагу от Кафтановского комитета к Григорьеву, копия которой была послана мне и которую я получил, другая же должна была быть послана Вам. Каманин, конечно, мне 5-го мая не звонил. К сожалению, я забыл о Федоровиче и буду, если потребуется, впредь вести дело с ним. Надеюсь, что Вы не будете откладывать защиту. Ведь окончательное решение будет после нее. Надеюсь, Вы списались с Григорьевым?

Вашу записку еще не прочел. Непременно прочту, так как сейчас пытаюсь восстановить хронологию своей долгой жизни, и думаю – найду там даты.

Мы на два месяца в Узком. Последнее время я запустил V выпуск «Проблем биогеохимии». Чувствую себя так себе. Мне это очень досадно, так как не мог бывать в лаборатории, где работа идет очень хорошо. Теперь придется ее прервать на месяц, так как люди уходят в отпуск. По-видимому, мы получим водный раствор каолина, и я думаю, что, если это окончательно подтвердится, чего еще нет (мой помощник¹ получает месячный отпуск), синтез алюмосиликатов пойдет по-новому: каолин – кислота. В изотопах выясняется значение тяжелого кислорода O^{18} – в хлорофильном синтезе и в метаморфических минералах. Все это еще выясняется, но мы послали в «Доклады» первые сообщения [25].

Но вот уже не из наших работ, а из работ американцев: большие циклотроны Америки позволили получить из ртути золото и платину, и одно из золот радиоактивно. Но еще больше, мне кажется, значение превращения азота¹⁴ в углерод¹⁴.

Это первый изотоп, который с человеческой точки зрения постоянен. Половина его исчезает в тысячу или тысячи лет. Я думаю, что это открытие может иметь огромнейшее значение.

Ваш В. Вернадский

P.S. Зиночке сердечный наш привет.

Умер внезапно И.М. Гревс – должен был приехать в Москву. В газетах нет! Это один из самых старых и дорогих наших друзей.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, Л. 145, 145 об.

¹ К.П. Флоренский.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 24 мая 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 15/V 1941 г., где Вы просите меня написать тотчас по получении Вашего письма. Исполняю это, хотя сегодня еще я Вам послал большое письмо. Все Ваши письма я получил, а равно получил официальное уведомление (копию) из Комитета по Высшей школе.

По поводу срока диссертации я сначала от комитета получил уведомление, что Григорьев намечает его на 20/VI, а только что Каманин мне написал, что это по решению ученого совета института откладывается на 1 сентября, так как сейчас находится в отсутствии один из моих будущих оппонентов – Д.В. Наливкин, уехавший в Баку. Таким образом, видимо, раньше осени покончить с этим делом не удастся. Оппонентами моими Институт географии в лице ученого совета назначил Д.В. Наливкина, Я.С. Эдельштейна и И.П. Герасимова. Первые два ленинградские, третий – московский (по Институту географии).

Я уже совсем было нацелился в конце июня ехать в Москву для защиты, а сейчас я совсем дезориентирован и не представляю себе совершенно, как планировать свое время. Персональным выбором оппонентов я вполне доволен, но, видимо, ускорить диспут не удастся и придется ждать осени, покрившись судьбе.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 985, л. 29, 29 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 6 июня 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только теперь отвечаю на Ваши два письма и записку. Записку Вашу я мог прочесть только благодаря Наталье Егоровне, так как глаза мои для этого не годятся. К тому же у меня был небольшой сердечный приступ, который на несколько дней вывел меня из колеи, может быть, в связи с тем, что я принял участие в общем собрании Академии наук. Сейчас, по-видимому, все это кончилось.

Многое в Вашей работе меня порадовало, но я *очень огорчен*, что Вы упорно продолжаете настаивать на передвижении материков. Я считаю это чистой фантазией и противоречащим всему, что мы знаем, эмпирически точному о внутренности нашей планеты. Я думаю, отчасти это связано с тем, что Вы не подвергли анализу и не уточнили понятие *земной коры*. Это наш

старый спор, и я не стану настаивать, но я хочу остановиться на том понятии о концентрических геологических оболочках, в число которых «земная кора» геологов, как таковая, не входит.

Геоморфология не выходит в своих проявлениях за пределы *биосферы*, а твердое в основном состоянии планеты простирается по крайней мере до 3 тыс. км. Для меня это *эмпирический факт*. Как Вы знаете, эмпирическим фактом является отсутствие континентов, по крайней мере с палеозоя в Тихом океане и, по-видимому, кое-где и за его пределами. Вероятно, *наша планета холодная* и основной источник тепла в ней – радиоактивный распад ее вещества.

Этот радиоактивный распад уменьшается довольно быстро от земной поверхности, хотя нижние пределы нам точно неизвестны, по крайней мере мы сейчас встречаем загадку в илах Тихого океана, где при низкой температуре ила (базальтового) мы встречаемся с максимальным для горных пород содержанием радиоактивных элементов, увеличивающимся с глубиной. Исследование этого явления – основная задача дня.

Мы нигде не встречаемся с указаниями на нахождение *магматической оболочки*, что можно было допускать еще не так давно (я ее допускал в 1934), а встречаем только *очаги магм*, как будто быстро уменьшающиеся в глубине. Как Вы знаете, для магматических вулканических очагов, для которых мы не имеем несомненного объяснения, я думаю, что нейтронные реакции могут его нам дать. Но эти очаги едва ли идут очень глубоко. Тихий океан, возможно, представляет и здесь особенность.

Я рассматриваю *изостазис* и связанные с ним вертикальные движения как *эмпирический факт*, и мне кажется, *все теоретические его объяснения основаны на гипотезах*, которые не выдерживают научной критики. *Три явления здесь могут быть поставлены вместе*: во-первых, *проявления изостазиса в горных массивах* там, где он был впервые открыт. Мне кажется, для его объяснения в этом случае нет надобности рассматривать изостазис как общее планетное явление – проявление земной коры. Во время процессов горообразования неизбежны процессы, связанные с легкими газами, их движением и генезисом, прежде всего с водой (пары) и азотом, которые при этом неизбежно образуются и резко уменьшают удельный вес твердых пород, в основании горных массивов лежащих. Я ярко это понял в Лоэшь, где в Альпах на высоте, кажется, 2 км, если не больше, выходит горячий источник. Горный массив при своем образовании резко меняет термический и динамический режим газов на большую глубину. При образовании гор газам открывается возможность широкого проникновения ближе к поверхности Земли, и они скопляются в основании горного массива более или менее глубоко внутрь. Я согласен с Вами, что здесь должны проявляться вертикальные движения глыб, которые вообще характерны для газов,двигающихся в земной поверхности.

Во-вторых, те явления, которые идут в областях ледниковых проявлений, когда скопляются льды, образуясь из паров воды и жидкой воды. Мы видим это явление, прекрасно выраженное во время таяния и накопления *ледников*. Я думаю, что Дели хорошо это выразил для последнего ледникового

периода в связи с океаном, и мы всюду можем это наблюдать при отступании Скандинавского ледника. Мы здесь везде видим *вертикальные движения земных глыб, аналогичные изостазису*. И, наконец, третье явление, которое странным образом, хотя оно было открыто в конце прошлого века и вызывало не раз проверку, до сих пор не вошло в сознание геологов. *Это явление можно назвать правилом Ромьё*. Я пытался на него обратить внимание в моей «Истории природных вод» [7], но напрасно. Я не знаю, кто такой был Ромьё (Romieux), и не мог это выяснить и теперь, при пересмотре вопроса. Его небольшие мемуары помещены в Comptes Rendus Парижской академии [185]. Это, по-видимому, швейцарский геодезист. Но пока я не нашел никаких дальнейших указаний. Я еще буду продолжать поиски. Коссина и другие не так давно возражали против его обобщения, но, по-моему, неудачно. Ромьё доказал, что есть простое соотношение между площадями суши и моря на земном шаре. *Вещество суши над уровнем океана (принимая во внимание его рельеф), умноженное на его удельный вес, равно массе воды океана (учитывая его глубины), помноженной на удельный вес океанической воды*. Если, как мне кажется, это правило верно, то оно, очевидно, включает в себе необходимость таких же эластических вертикальных движений при изменениях палеогеографических, какие мы видели в двух первых проявлениях изостазиса. Отсюда следует, что ни Панталасса Зюсса, ни Ваше представление об уменьшении океана реально не могут иметь места. Это форма организованности биосферы. Мне кажется, что правило Ромьё должно резко отражаться на палеогеографических картах в распределении суши и океана; оно положит предел фантазии геологов и биологов, думающих, что можно судить о распределении суши и моря, исходя *только* из географического распределения организмов.

Мне кажется, что на нашей планете движения материальных масс могут происходить только ближе к ее поверхности. Глубины Земли неподвижны и инертны постольку, поскольку в них уменьшается радиоактивная энергия, распад атомов. Можно думать, что активные оболочки планеты не идут очень глубоко внутрь планеты. Судя по землетрясениям, они редко превышают 100–200 км. Исключение представляет Тихий океан, где известны фокусы на глубине 700 и, может быть, больше км. Складчатые и другого типа горные образования едва ли превышают 60–100 км от уровня геоида. Уже на 60 км мы встречаемся с пластическими массами, для которых исчезают понятия твердого, жидкого и газообразного состояния материи. Исчезают и химические реакции, поскольку исчезает радиоактивный распад. В глубинах больше тысячи километров *время* не имеет выражения: последними движениями являются изменения калия в атомы кальция, атомов рубидия в атомы стронция, атомов урана в свинец и т.д.

Мы имеем то однородное физическое состояние, какое наблюдается и в других планетах вне их газовых оболочек, если они есть, и вне их поверхности, куда проникает космическое вещество.

Мне кажется, пора геологам отбросить *последний отголосок космогоний* 17–18 веков – «земную кору» и перейти к реальности – к концентрическим геологическим оболочкам и к геосферам.

Здесь отчаянный холод. Недавно был снег. По-видимому, мы переживаем геологическое изменение климата. Любопытно, что служба погоды могла точно предсказать то, что мы наблюдаем.

Сердечный привет от нас обоих Вам и Зиночке.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 146, 147 об.

267

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, Госкурорт Акмолинской обл.,
27 июля 1941 г.¹

Дорогой Борис Леонидович,

Вы видите, где мы очутились. Ближе к Вам! Ждем сюда еще ряд академиков. Доехали хорошо. Я опять начал работать. Наталья Егоровна чувствует себя хорошо. Я – посредственно! Очень прошу Вас прислать мне оттиск Вашей статьи из «Природы» 40-го года о «Современной геологической эпохе» [46]. Мне он нужен для работы. Своего оттиска не могу найти. Могу Вам вернуть. Боюсь, что моя критика встретит Вашу суровую оценку, но я, чем больше думаю, тем больше в ней убеждаюсь. Сейчас занят рассеянием элементов. В 1910 г. я почти интуитивно назвал их «микрокосмической смесью». Прочтите книгу об «атомном ядре» Мысовского [136], если не читали. Могу прислать. Она уже отчасти устарела, и вопрос этот в ней прямо не затронут, но я сейчас этим занят. Мне кажется, тут очень важное явление большого геологического значения.

«Природа» за 1941 г. здесь есть. В V выпуске «Проблем биогеохимии» [23] я сознательно считаю себя вправе оставить без внимания тектонические и орогенетические построения геологов, поскольку они выходят за пределы биосферы. Геоморфология в своей основе не затрагивается. Многого просто не нужно. Я смотрю в ближайшее будущее – в создание «ноосферы» – очень «оптимистично», но это не фатализм, а эмпирический вывод.

Наш сердечный привет Вашим.

В.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 148.

¹ Открытое письмо с курорта Боровое Акмолинской области, куда Вернадские вместе с семьями некоторых других академиков были эвакуированы в начале Великой Отечественной войны.

Боровое, 11 августа 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

нашел и прочел здесь оттиск Вашей статьи о современной геологической эпохе [46]. Раньше в рукописи я его не успел прочесть, он был мне недоступен.

Я очень рад, что не ошибся в той работе, которую Вы указываете. Но какая причина всего этого? Из всего того, что я знаю, ясно для меня, что это есть явление *поверхностное*. Как Вы относитесь к астеносфере?

Сейчас меня занимает мысль о новой термической силе, которая проявляется в рассеянии химических элементов, вернее в рассеянных атомах. К сожалению, одно из основных условий – существование нейтронов в проникающих космических лучах – не является вполне доказанным, так как для космических лучей все основные явления выведены в условиях, в которых нейтроны не могут быть проявлены. Глубина их проникновения в литосферу не ясна. Мы здесь опять сталкиваемся с тем же вопросом, как и в вулканических очагах, – с вопросом о нейтронах в окружающей нас природе.

Радиевый институт должен уточнить методику Горшкова. К сожалению, война остановила предполагавшуюся экспедицию на Кавказ. За исключением движения континентов, я всецело согласен с основными Вашими выводами и думаю, что, если его отбросить, ничто не изменится. Я думаю, что это показывает его ненужность. Слишком большие явления, несомненно существующие (хотя бы нейтроны и космические лучи), пока не приняты нами во внимание. Едва ли можно при этих условиях считать, что космические процессы в веществе нашей планеты, из которых мы исходим для понимания ее термического режима, только этим и ограничиваются.

Космическими процессами я называю движения материальных частиц на нашей планете со скоростью, превышающей скорость движения солнечной системы. Должно быть, Вы на экскурсии, так как я не получил ответа на мое последнее письмо. Надеюсь, что все у Вас благополучно.

Всего лучшего. Сердечный привет Вашим от нас обоих.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 149, 149 об.

[Боровое,] 16 августа 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

получил Ваше письмо от 11.VII, пересланное из Москвы. Я к Вам теперь ближе и как раз последний раз писал Вам недавно отсюда, что я считаю вероятной причиной геологических явлений, в основе своей поверхностных, космические силы, но ищу их не там, где Вы, как я вижу из этого письма, их ищите. Самое мощное космическое явление, которое доходит до нашей планеты, – это проникающие космические лучи.

Перед приносимой ими на Землю энергией должна быть малой энергия, получаемая от Солнца. Космические лучи проявляются в виде *рассеяния химических элементов*, которые выделены мной как *микрокосмическое вещество* 31 год тому назад [4]. Я тогда не подозревал о космических лучах. Становится ясным, что к энергии атомного радиоактивного распада должна прибавляться энергия от создания рассеянных атомов. Едва ли она идет так глубоко внутрь планеты, как идут радиоактивные атомы. *Но она должна быть во много раз их сильнее.* Но, может быть, идет и глубоко, в океане на сотни метров глубины. К сожалению, физики недостаточно их изучают. Очень вероятно, что они являются и источником нейтронов, которые могут образовываться при радиоактивном распаде, сколько можно судить, только в исключительных случаях. Но в космических лучах есть *электроны* такой мощности, перед которой ничтожны самые мощные электроны физиков. Я думаю что, как показывает астрофизика, которая на моих глазах коренным образом изменилась, и планета должна быть обуславливаема прежде всего в своих проявлениях теми же силами и теми же явлениями, как и другие космические тела.

Между прочим, для *рассеяния элементов* это может быть *проверено* на большом масс-спектрографе, так как *атомный их вес должен быть иной, чем вес обычных элементов.*

Я думаю, что на поверхности планеты, где господствует газовая среда, все движения ее масс твердого и жидкого вещества должны чрезвычайно деформироваться и отличаться от того, что происходит вне атмосферы и внутри, в твердой или жидкой среде. Мне кажется, приливы и отливы тоже служат проявлением этого общего положения, но это гораздо меньшее явление, чем те, которые связаны с созданием *новых изотопов.*

Признав значение атомного распада как основного источника земной теплоты, т.е. сказав «а», надо сказать и «б». Нельзя закрывать глаза на еще большую тепловую энергию, вносимую и нашу планету космическими излучениями, чем радиоактивная энергия. Возможно, что они окажутся *причиной* радиоактивности урана, тория, калия, радия и т.д.

Хочу сказать несколько слов по поводу *правила Ромьё*, как Вы говорите, числа 2,43. Это ведь не *механизм*, а *организованность*, сложное динамическое равновесие, т.е. у Вас никогда не получится *точного числа*, а получится колебание в известных пределах около этого числа.

Очень хороший пример этого дает величина Ph – или равновесия в морской воде, или в нашей крови. Ромьё считал, что это есть равновесие между денудацией и отложением осадков. Я думаю, что в общем эта идея заслуживает внимания.

К нам наезжает все больше и больше академиков и их семей. Киевская академия выехала еще много раньше нас в Уфу. Мне не хотелось бы здесь очень долго быть. Биогеохимическая моя лаборатория в Казани. Пытаюсь узнать, насколько возможно там будет работать. Сердечный привет всем Вашим от нас обоих.

Заканчиваю основной текст V выпуска «Биогеохимических проблем» [23]. Все, что возможно, отношу в примечания – для них надо литературу.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 150–151 об.

270

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 8 октября 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

тяжело переживаю с Вами взятие Киева и очень прошу известить, если Вы имеете какие-нибудь известия о Вашем отце и сестре. Оставление Киева и Полтавы произвело большое впечатление и у многих изменило настроение. Но я смотрю вперед с большим спокойствием. Не только теоретически (ноосфера). Немцы пытаются силой создать в начинающийся век науки насильственный поворот хода истории вспять. Но, учитывая силы обеих сторон, считаю их положение безнадежным. Но вижу, что будет стоить это очень дорого, могло бы быть иначе.

Прочел я Ваши две статьи: и астрономическую и чисто геологическую, последнюю я всецело ввожу в свои концепции. Но по отношению к первой мне представляются едва ли реальными идеи Вегенера, которых Вы придерживаетесь. Движение материков противоречит всему тому, что мы знаем о строении верхних частей планеты. Может быть, я слишком уверен в этом, так как во всем построении Вегенера и Кёппена, которых я в свое время читал, вижу только логические возможности и реальные противоречия. Достал Миланковича и хочу прочесть, но, мне кажется, плавающие материка (в чем?) стоят вне его поля зрения?

Приступаю теперь к чтению последней Вашей работы – «Современный литогенезис» [64]. Анна Дмитриевна¹ будет мне читать.

Мои глаза совсем меня плохо обслуживают, причем окулисты находят, что они для моего возраста и для состояния моего и глазного аппарата «хороши», а те явления, которые мне мешают видеть, связаны с центральной нервной системой. Моя дочь пишет мне, что это не болезнь, «нормальное явление, сейчас забыла, но есть специальное название в философии. Это просто причина яркости восприятия мира». А какое название носит это явление в философии, она еще не написала, жду ответа. Думаю, что она не права. Это, конечно, болезнь, но не затронутая нашими врачами. Когда я хотел наблю-

дать затмение солнца (тучи помешали), то я видел совершенно ясно и точно четыре солнца, соприкасающиеся в виде квадрата, и думал проследить, что я увижу во всех? К сожалению, не удалось. Вижу хорошо то, чего нет, а что есть – вижу плохо, временами лучше, временами хуже.

Напишу Вам сейчас же, как только кончу Вашу статью. Мне кажется, мы здесь сходимся. Я думаю только, что кора выветривания у наших геологов совершенно неправильно понимается, благодаря тому что они не принимают во внимание, что подземная атмосфера, которая ее проникает, не тот воздух, который мы видим в тропосфере. В ней преобладают вода, азот² и СО₂. Сейчас моя книга разрослась и, очевидно, вышла из пределов «Проблем биогеохимии»³. Имею всего один экземпляр рукописи, и нет бумаги, чтобы переписать. Нельзя ли достать бумаги в Самарканде и прислать мне наложенным платежом? Здесь есть даже решение казахского правительства о выдаче нам бумаги, но до сих пор оно не исполняется. Если получу бумагу, я очень хотел бы, чтобы Вы некоторые главы прочитали. Я все время ее переделываю.

Сердечный привет от нас обоих. Наталья Егоровна много гуляет. У нас был снег несколько дней тому назад, но теперь опять хорошая погода и относительно тепло.

Анна Дмитриевна шлет привет.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 152, 153.

¹ А. Д. Шаховская.

² Наличие азота в больших глубинах в настоящее время подтверждается (азотные алмазы и пр.). Сообщено П.Н. Кропоткиным.

³ Очевидно, имеется в виду «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». М., 1965.

271

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 21 октября 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера я получил Ваше письмо от 7 октября. Последний раз я Вам писал 8 октября заказным. Я не хотел Вам писать, пока не мог прочесть Вашу рукопись о литогенезе [64], которую мне читала Анна Дмитриевна, и потому довольно долго Вам не писал.

Но, наверное, Вам писал, что Наталья Егоровна поправилась, сейчас много гуляет. У нас очень хорошая, мягкая осень.

Я усиленно работаю над своей книгой [22], но, мне кажется, я чувствую, что возраст сказывается и работоспособность не та.

С основной мыслью Вашего литогенеза я вполне согласен. И думаю, что почва, биокосное тело, на суше вполне соответствует морским осадкам океанов и морей (тоже биокосное тело) и играет такую же роль в литогенезе, какую играет «морской ил» в построении осадочных пород.

Мне приходилось несколько раз указывать полную их аналогию, и поэтому мне особенно было приятно читать Вашу статью, так как эту мысль я часто высказывал, но не делал из нее выводов.

Мне кажется, что вообще геологи обращали мало внимания на осадочные породы суши, кроме озерных и ледниковых, но мне кажется, что Вы были одним из первых, которые указали на их значение в смысле геосинклиналей. Но, мне кажется, следует критически отнестись к взглядам на выветривание Полынова и Глинки. Особенно у Полынова много фантазии. Гидролиз, на который Вы указываете в последней части, едва ли есть реальность, по крайней мере образование каолинов из каолиновых алюмосиликатов есть биогенный процесс. Проверка, сделанная в моей лаборатории, для меня это вполне доказала. Но, к сожалению, ее нельзя было опубликовать, так как работа была не закончена, и я убедился, что она не по силам старому бактериологу, который работал вместе с Казаковым. Я хотел, чтобы был напечатан предварительный отчет. Но в такой форме, без продолжения работы дальше (оплачивать которую я не согласился), он мне не представил. А затем, кажется, он заболел.

Я Вам писал уже кажется просьбу прислать мне наложенным платежом бумагу для машинки. Моя рукопись из-за отсутствия ее в единственном экземпляре. Я не могу сделать копии, как это прекрасно делаете Вы. Писал об этом и в Казань, и в Алма-Ату, и в Москву. Казахское правительство обещало доставить нам для работы бумагу, но до сих пор бумаги нет.

Мне кажется, с Вашей точки зрения, интересна работа о почвах Киевской губ. Флёрова [164].

Мне кажется, есть работы Набоких, которые я когда-то читал (не та, которую Вы указываете); они заслуживают с этой точки зрения внимания.

Близки были мысли Р.С. Ильина? Где-то он теперь?

Привет Вашим от нас обоих и от Анны Дмитриевны.

Ваш В. Вернадский

P.S. В связи с моей книгой мне пришлось иметь дело с каустобиолитами вообще и с каменными углями в частности. Обращаю Ваше внимание в связи с этим на статью Таусона в «Сборнике памяти Тимирязева» [160], только что изданном Академией наук. Боюсь, что сейчас нельзя достать. Так же как я не могу прислать Вам наш сборник «Метеоритика» [134], которой вышло два выпуска.

Каустобиолиты – единственная группа минералов, в которых сказывается эволюция видов в связи с их генезисом.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 154, 155.

272

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 28 октября 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,
получил вчера Ваше письмо от 16 октября. Действительно, в сентябре я Вам не писал, но в октябре писал Вам уже два раза, 8.X и 20.X. В августе писал несколько раз. Более важные письма посылал заказными, у меня сохранились копии. В основе считаю Ваши мысли правильными, но писал относительно

некоторых частностей, например гидролиз по отношению к каолину фантастичен. Это биогеохимический процесс.

Сейчас я усиленно работаю над своей книгой [22]. Есть ли у Вас известия о Вашем отце и сестре?

Тяжело переживаем происходящее.

Я работаю хорошо.

Наш сердечный привет Вам всем от всех нас.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 156.

273

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 10 ноября 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только что получил вчера Ваше письмо о закрытии Самаркандского университета¹. Немедленно напишу Ферсману (Свердловск, ул. Луначарского, д. 85, кв. 6).

Напишите ему сами сейчас же. Он стоит во главе геолого-минералогических экспедиций в связи с обороной². Я думаю, что с вашей перепиской в университете неладно. Думаю, на Главном почтамте будет лучше. 20 октября я послал Вам заказное письмо, из которого Вы увидите, что я вам ответил о литогенезе, мне кажется, еще раньше этого письма. После этого я Вам послал открытку, в которой я указывал, когда я послал Вам письма.

Сейчас пишу только несколько слов, очень занят своей работой. Держите меня в курсе. Работа моя идет хорошо, но разрастается. Трудно без книг.

Привет всем Вашим от нас. Имеете ли Вы известия об отце и сестре?

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 157.

¹ Самаркандский университет был закрыт в 1941 г. и вновь открыт в 1945 г.

² В эти годы А.Е. Ферсман возглавлял специальную комиссию при Отделении геолого-географических наук АН СССР, задачей которой было оперативное геолого-географическое обслуживание Советской Армии. В работах комиссии принимали участие все институты АН СССР соответствующего профиля, филиалы и базы Академии, Комитет по делам геологии и другие учреждения (*Левшин Б.Л.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1966, с. 22).

274

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 22 ноября 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

надеюсь, Вы написали Ферсману. Я, в свою очередь, на днях написал письма Комарову и Ферсману, указывая на желательность прикомандирования Вас к Узбекскому филиалу. Получили ли Вы мою телеграмму, адресованную до востребования на почтамт?

Может быть, следует мне написать и Шмидту, но Ферсман заведует всей геологической частью, и думаю, что имеет достаточные полномочия. Потому пока не пишу Шмидту. Очень мы сочувствуем, что Зиночка не прерывает занятий.

Держите нас в курсе дела.

Я по-прежнему работаю над своей книгой, заглавие которой переменял и план которой передо мной все больше выясняется. Надеюсь ее вчерне через несколько месяцев кончить. Много нового и для меня самого интересного [22].

Наш привет сердечный всем вам. Анна Дмитриевна¹ тоже шлет привет.

Ваш В. Вернадский

P.S. 24.XI. Сейчас пришло от Вас письмо от 5.XI. Отвечу на днях.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 158.

¹ А.Д. Шаховская.

275

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 26 ноября 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

[...] Ферсман (Свердловск, ул. Луначарского, д. 85, кв. 6) пишет мне от 19-го ноября: «Сейчас мы как раз организуем одну специальную экспедицию в районе Ашхабада. Он там может очень пригодиться, если только получим на экспедицию деньги. Они ассигнованы Академией, но до сих пор я не могу их получить. Посылаю в Казань специальное лицо для получения. Тогда, несомненно, привлечем Личкова. Необходимо, и я это сделаю. Но пока денежные дела неясны».

Имейте в виду, что геологический и химический факультеты Московского университета в Ашхабаде. Извещайте обо всем. Спешу бросить открытку.

У нас настоящая зима, но удивительный воздух.

Ваш В. Вернадский

Сердечный привет от нас всех.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 159.

276

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 5 декабря 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

где сейчас Келлер? Я, конечно, могу ему написать, но не знаю, как он отнесется к моей рекомендации. Ферсман, как я Вам уже писал, тоже думает Вас пригласить в экспедицию в Ашхабад, и вопрос только в деньгах, которые

ассигнованы, но еще не получены. Я Вам об этом уже писал; ваша почта, как я вижу и по московскому опыту, и по здешнему, хуже других. Сноситесь с Ферсманом, он сделает все, что может.

Для меня в последнее время выясняется все резче роль Тихого океана в общей структуре планеты. И идея Д. Дарвина мне все более представляется возможной¹. К моему удивлению. Я думаю, что астрономические данные указывают на существование на планетах микробной жизни. Значение радиоактивных явлений все более приходится усиливать. И это упустили астрономы.

Сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

P.S. Имеете ли известия о Вашем отце в Киеве?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 160.

¹ Идея Д. Дарвина об отрыве Луны от Земли в районе Тихого океана. В настоящее время среди трех основных гипотез о происхождении Луны – отрыв от Земли, захват Луны Землей и одновременное возникновение из общего протопланетного облака – предпочтение отдается третьей гипотезе, хотя продолжают обсуждаться все три варианта.

277

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 27 декабря 1941 г.

Дорогой Борис Леонидович,

[...]

От жены А.Е.¹ только что получили письмо, из которого видно, что он был болен. Пишу ему о Вас еще раз. Вероятно, письмо пойдет в понедельник. Мы переезжаем на другую квартиру, так как здесь оказалось холодно.

Мне кажется, Вам было бы хорошо получить академическую работу на дом.

Я работал в последнее время над лекцией, по существу о Земле как планете [29]. Мне кажется, жизнь на планетах весьма вероятна, но та жизнь, которую мы можем учесть по химическим явлениям, – жизнь микробная.

Недостаток бумаги не позволяет мне до сих пор послать Вам копию.

Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в правильности Вашей и моей мысли о геологическом значении космических явлений. Я смотрю на эту лекцию, как на пропаганду этих идей. Очень недостает новой литературы. Все больше убеждаюсь в огромном геологическом значении космических излучений. Открытие в них нейтронов и своеобразные результаты действия циклотрона на самые тяжелые радиоактивные элементы поднимают еще больше значение этой космической энергии.

Пока на этом должен кончать. В ближайшее время напишу еще.

Сердечный привет Вам и всем Вашим от нас всех и Анны Дмитриевны².

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 161, 161 об.

¹ Екатерина Матвеевна Ферсман – жена А.Е. Ферсмана.

² А.Д. Шаховская.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 3 января 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

пишу Вам несколько слов. Я как раз сейчас работаю над корой выветривания в своей книге и очень жалею, что не могу прислать Вам некоторых копий из-за бумаги. Бумагу все-таки обещают дать.

Я написал несколько дней тому назад Ферсману, нельзя ли напечатать и оплатить Вам курс Вашей инженерной геологии, как работу, имеющую оборонное значение. Не знаете ли Вы, оплачиваются ли статьи в «Известиях Академии наук», серия географическая и геофизическая? На днях Ковнер мне прислал приглашение направлять туда статьи для очередного номера, и я мог бы туда направить Ваши статьи «О литогенезе» [64] и другие, если они оплачиваются.

Мне кажется пока, что литературная работа сейчас может быть является реальным выходом.

Сердечный привет.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 162.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Самарканд, 11 января 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вчера я получил Ваше письмо от 27. XII 1941 г. и был очень им обрадован, ибо в связи с долгим неполучением от Вас вестей опасался, что Вы нездоровы. О своих делах могу сообщить следующее. Работу на дом по моей тематике, о которой я Вам писал, от Узбекского филиала Академии наук я получил и получил даже первые деньги (600 руб.) за декабрь. Кроме того, я получил лекции здесь, в Вечернем педагогическом институте, по курсу географии СССР.

[...]

Я занят был в последнее время работой о единстве материкового и океанического литогенезиса и сейчас закончил еще первую часть. Называется она не так, как я только что сказал, хотя тематика именно эта. А название «О рассеянии и концентрациях некоторых химических элементов в течение геологического цикла» [65]. Между прочим, в связи с этой темой много посмотрел литературы по гольмиролизу (подводному выветриванию) и пришел к выводу, что Клёнова совсем не права; то, что она описывает, – это не подводное выветривание, а чистейшее осадкообразование. Прав, я считаю, был недавно умерший геолог А.К. Белоусов, занимавшийся бокситами, отвергавший метасоматоз для ряда железных руд. Тут тоже не метасоматоз, а чистейшее осадкообразование. Вообще мой вывод, что осадкообразование у нас понимали узко и неправильно. Думаю, что литогенез на материках зонален

в климатическом смысле, а зональность его связана с зональностью всех наземных вод, кроме больших рек. Сильно критикую я в своей работе фантазию Б.Б. Полынова о коре выветривания [146], хотя кое-что интересное в ней есть. А коры выветривания, по-моему, как особой геосферы *не существует*. Есть только кора осадочная. С большим удовольствием прочел несколько работ П.Н. Кропоткина о происхождении гранитов (обращаю, в частности, Ваше внимание на одну из статей «О происхождении гранитов» – Советская геология, 1940, № 6 [126] – прекрасная статья!) в духе Люжона, но очень толковых и самостоятельных. В том же журнале очень недурны работы Н.М. Страхова о железных рудах, гораздо хуже он написал о них в «Известиях Академии наук» [158, 159]. От недостатка литературы и от отсутствия бумаги я здесь тоже очень страдаю. Космической работе Вашей очень сочувствую. Жалею, что нельзя сейчас ничего начать, а то космическое я двинул бы в первую очередь, а потом «Литогенезис» [64].

Шлю Вам и Наталье Егоровне большой привет и лучшие пожелания. О своих в Киеве ничего не знаю. Как-то там они переживают бесчинства фашистов?

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 248–249 об.

280

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 18 января 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 3/1 1942 г., где Вы пишете о предложении Ковнера прислать материалы для очередного номера «Известий», о литогенезисе, я тотчас послал Вам телеграмму, прося Вас послать эту статью Ковнеру. Что касается оплаты, то, насколько я знаю, статьи в «Известиях» не оплачиваются. Но литогенезис я все-таки просил бы послать Ковнеру для «Известий», если только Вы не успели распорядиться послать его в другое место, например мне, о чем я только что просил Вас в письме. Литературным трудом сейчас заработать очень трудно, потому что никто и нигде почти ничего не печатает. Я очень не прочь был бы также напечатать свою «астрономическую» работу «Движения земного шара в мировом пространстве и изменения его рельефа» [63]. Эту статью поэтому я тоже просил бы направить в «Известия», если только они не слишком велики по объему. Не сообщите ли Вы мне, *где находится Ковнер и как его зовут*. У меня есть в «Известиях» работа, которая прошла уже корректуру, но почему-то не вышла в свет. Я хочу Ковнера об этом запросить (статья шла как раз по серии геофизики и географии). Если Вы пошлете Ковнеру обе работы, о которых я Вам пишу, не откажите меня об этом уведомить. Если почему-либо Вам послать не удастся, я вышлю их от себя. Большую работу о строении земной коры я хотел бы еще переработать кое в чем, и у себя здесь я сильно ее переделал. Мне хотелось бы выпустить ее отдельной книгой. Но, как это сделать, я не знаю.

Пока у меня никаких новостей нет. На днях Вам напишу по поводу коры выветривания, в которую я не верю. Очень жалею, что не могу прочитать ни того, что Вами написано, ни прислать Вам новых своих писаний.

Сердечный привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 250, 250 об.

281

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 20 января 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что послал Вам письмо, а сейчас пишу опять. Дело в следующем. [...] Я очень прошу Вас написать Ваш отзыв о моей работе «Современный литогенезис на материковых равнинах» [64] и прислать его или мне, чтобы я мог его переслать в Ташкент в Среднеазиатский гос. университет, или непосредственно ректору этого университета, указав в препроводительной или в самом отзыве, что отзыв посылается в связи с предстоящей защитой диссертации (адрес: Ташкент, улица Карла Маркса, 35, зам. ректора Среднеазиатского гос. университета Г.В. Лазурьевскому). Я надеюсь, что Вам дать отзыв будет нетрудно. Работу Вы мою читали и знаете; в письме ко мне Вы ее вполне одобрили. Вы очень, очень поможете мне в моем оформлении докторства, если пришлете Ваш отзыв. Мне очень совестно Вас беспокоить, но я твердо знаю, что мое дело правое, а в правом деле негрешно помочь. Если Вы решите Ваш отзыв направить не мне, а непосредственно в университет, то не пришлете ли мне его копию. Хорошо будет, если, кроме отзыва о «Литогенезисе», там будут содержаться хотя бы некоторые моменты *общей моей характеристики*, как ученого и исследователя. Я твердо надеюсь на Вашу помощь и заранее горячо Вас за нее благодарю.

[...]

Я написал большое письмо А.Е. Ферсману о своих работах последнего времени, знакомлю его с ними, указывая тематику, над которой сейчас работаю, и прошу помощи и в отношении устройства работ для печати (с учетом желательности гонорара), и с точки зрения обеспечения продолжения моей работы как-нибудь по поручениям от Академии наук по темам, которые меня сейчас занимают. Послал письмо вчера и исходил при этом из совета, который Вы мне даете по этому поводу в последней Вашей записке. Посмотрим, будет ли из этого толк.

Большой привет Наталье Егоровне, а также Анне Дмитриевне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 251–252 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 21 января 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Вчера, 20-го января я получил обратно заказное письмо, посланное Вам мною в Самарканд 10 ноября до востребования, как Вы мне писали. Пишу на обороте этого письма.

Отвечаю на Ваше письмо от 29.XII. Я был это время очень занят, так как приготовил лекцию «О геологических оболочках Земли как планеты» [29]. Сделал ее 18.I. Читала Анна Дмитриевна. Думаю послать ее в «Известия Академии наук, серия геофизическая», но очень хотел бы Вам послать копию. Сделаю это, как только будет бумага. Мне кажется, мне удалось изложить ясно то, что я хотел.

29-го декабря, в день, когда Вы писали свое письмо, я писал о Вас Александру Евгеньевичу¹ о Вашем «Курсе инженерной геологии» [52], а 17-го января, еще до получения Вашего письма, я послал ему Вашу статью «О литогенезе» [64], спрашивая его, нельзя ли ее напечатать и оплатить.

О заказе Вам «Курса инженерной геологии» я ему писал, как тоже об оборонной задаче, с оплатой. [...]

О движении материков я пришел теперь к решительному мнению, что лучше все эти концепции оставить в стороне. Для моей лекции я еще раз передумал эти вопросы.

Схему строения геологических оболочек Вам посылаю.

Мне кажется, очень хорошо, что Вы жалуетесь в партийные органы. Может быть следовало бы и не в местные.

Пока до свидания, сердечный привет Вашим от нас обоих.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 157, 157 об.²

¹ А.Е. Ферсман.

² Это письмо напечатано на пишущей машинке на обороте письма от 10 ноября 1941 г., 273, которое было возвращено почтой В.И. Вернадскому и вторично послано. – *АДШ*.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 21 января 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

еще несколько слов. Теория Дарвина о Луне, мне кажется, приемлема, но для Тихого океана, я думаю, проще исходить из того, что раз там не было континента в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет, под ним не может быть гранитной оболочки. Но сейчас есть новые работы над радиоактивностью его илов. Помните, я вам говорил о работах Пиггота из геофизической лаборатории Карнеги в Вашингтоне.

В 1941 г. вышла очень важная работа его же с Урри [183], из них последний более крупный радиолог, чем Пиггот, который более легкомысленный, но хороший конструктор.

Оказалось, вопреки тому, что раньше писал Пиггот, количество радия не увеличивается с углублением на 5 метров, а уменьшается. Оба эти исследователя приходят к заключению, что радий, который в красных илах находится в количествах, в 17 раз больше, чем в гранитах, собирается от разрушения мелких морских организмов, концентрирующих радий в течение веков. Они из этого приходят к заключению, независимому от геологического, что Тихий океан всегда был океаном и никогда не был сушей.

Обратите внимание на статью Белявского в «Вестнике Академии наук», № 7, 1940 г., и в ней на доклад Фесенкова о Луне [101]. Два миллиарда лет¹ – это археозой.

Ваш В. Вернадский

P.S. Таблицу оставил, чтобы пересмотреть. Будет послана в следующий раз.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 163, 163 об.

¹ В письме от 6.IV 1942 г. эта цифра «2 миллиарда лет» исправлена на «полмиллиарда».

284

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 28 января 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

А.Е. Ферсман, конечно, мне ничего не ответил и никаких предложений мне не сделал, хотя и Вы ему писали и я к нему обращался уже два раза. Видимо, я ему интересен и занимаю его в такой же мере, как прошлогодний снег. В общем, сил я трачу массу, нервов еще больше, ибо читаю курс, переживаю все это очень больно, а толка от этого нет никакого: я все еще не устроен. Числюсь в Педагогическом институте и читаю курс, который требует от меня много труда, а получаю там в месяц 250 р., потому что я не доктор, а если бы был доктор, то получал бы 500 р. Чем буду жить через две недели, не знаю. Очень меня это волнует. Волнуют меня и вопросы, связанные с сестрой и отцом: как они там в Киеве. Ведь о Киеве очень плохие сведения. Зинке моей очень плохо живется в Ташкенте. Живет в общежитии, где холодно, неуютно, нет света. Заниматься почти нет возможности, была она там больна около недели желудком. Вдобавок ко всему она очень тоскует и теряет, по-видимому, бодрость.

На ректора Ташкентского университета я жаловался в ЦК ВКП(б) Узбекистана и в Наркомпрос. Сейчас я получил от него или, вернее, от его заместителя бумагу, что в постановке моей защиты по линии геолого-минералогической мне вовсе отказано не было. Отказано только в постановке защиты по географии ввиду того, что в Ташкенте в качестве оппонента может быть только один доктор географии Коржинский, а для защиты их требуется два. Вот отсюда и вытекает *несвоевременность* географической диссертации.

Я этому все-таки рад. Подаю сейчас свои диссертации снова, ведь мне их успели вернуть. Когда же эта многострадальная эпопея окончится? Вот уж надоело-то!

Я вполне закончил большую работу. Рукопись в 137 стр. лежит передо мною. Называется рукопись «О рассеянии и концентрациях некоторых химических элементов в истории осадочной земной коры» [65]. Работа охватывает процесс литогенезиса (осадкообразования) во всех его формах и разновидностях. Проблема поставлена так, что связывается с моими прежними работами о геосинклиналиях, а по идеям примыкает к «Современной эпохе» [48]. Как бы мне хотелось поговорить об этой работе с Вами. Это было бы прямо счастьем для меня, и это тем больше, что здесь мне говорить буквально не с кем: никого геологов не осталось. Кору выветривания как особую геосферу я, безусловно, уничтожаю. Процесс же выветривания в большей части случаев подчинен литогенезису, которого не видят и не умеют различать. Я пересмотрел много литературы по вторичному обогащению месторождений и вообще о месторождениях, а равно литературу по углям и ясно вижу, что геологи просто не умеют увидеть и выделить осадкообразования там, где есть оно, а не выветривание. Имеется пояс *осадкообразования и выветривания* в верхней части единой коры осадочной, конечно, охватывающей ископаемые былые биосферы. В этом никакого сомнения нет! Не существует метасоматоза осадочных руд; это осадкообразования! Осадкообразование хорошо укладывается в эту схему ритма земной коры, которую я дал в своей статье о ритме в «Природе» [54]. Осадкообразование так же зонально, как зональные материковые подземные воды. Работа получилась очень интересная, но что мне с нею делать, я не знаю. На перепечатку нет ни средств, ни бумаги. Послать куда-нибудь боюсь, ибо у меня 1 экз. Словом, испытываю то же самое, что Вы испытываете с Вашей работой. Ах, как бы я хотел с Вами повидаться и лично поговорить.

Что пишут Вам дети из Америки? Как пережили битвы родные А.Д. в Малоярославце? Как Вам сейчас живется? Как здоровье Наталии Егоровны?

А все-таки мы как будто начинаем побеждать.

Очень меня волнует фронт, но все же мне представляется, что худшее уже позади.

Страшно жду Ваших писем, а их все нет и нет. Одно время они были мне изумительно интересны и прямо вдохновляли меня, а в последнее время или нет ничего, или идут маленькие открыточки.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 3 февраля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера получил два Ваши письма зараз, от 18.I и от 20.I.

Я Вам уже писал, что Ваш «Литогенез» я послал А.Е. Ферсману по Вашей же просьбе и после Вашей телеграммы просил Ферсмана письмом переслать эту рукопись Ковнеру в Казань. Давно от него нет писем. Он сейчас очень много работает.

О коре выветривания я с Вами не согласен. Наоборот, я думаю, что Ваш литогенез доказывает ее существование.

А статьи Полынова и наших геологов, Гинзбурга и других фантастичны. Я основываюсь на первой работе о коре выветривания Эбельмана [168].

Огромное значение в коре выветривания имеет подземная тропосфера, ее значение обычно не учитывается. В ней, так же как в почвах и подпочвах, нет кислорода и главные газы – углекислота, вода и азот.

В ближайшие дни пришлю Вам отзыв о Вашем «Литогенезе». Точного заглавия я не помню, если не удастся найти в прежних Ваших письмах, то попрошу Вас вписать его в отзыв.

Анна Дмитриевна¹ получила известие, что вся ее семья (всего с домочадцами и домработницей 12 человек) живы и относительно здоровы. Пережили немцев.

Надеюсь, что и Ваши в Киеве уцелели. Ковнера зовут Семен Самсонович. Адрес: Казань. Дом печати, к. 34, ред. ж. «ИАН, серия геогр. и геофиз.». Вашу характеристику С. Вы мне рассказывали еще в Москве, и я Вам советовал быть с ним осторожным.

Ваш В. Вернадский

P.S. Сердечный привет Вашим.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 164, 164 об.

¹ А.Д. Шаховская.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 5 февраля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

пошлю Вам мой отзыв на имя ректора Среднеазиатского университета, а ректору пишу, что послал отзыв через Вас.

Как Вы видите из этого отзыва, Ваша статья послана А.Е. Ферсману, и я поэтому мог дать отзыв только в самой общей форме, которая, как я понял из Вашего письма, все-таки достаточна.

Больше не пишу сейчас, так как очень много срочной работы. Сердечный привет от всех нас.

Ваш В. Вернадский

P.S. Приложение: *Отзыв В.И. Вернадского на рукопись Б.Л. Личкова.*

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 165.

Ректору Среднеазиатского университета.
5. II 1942 г.

Я не имею под руками работы профессора Бориса Леонидовича Личкова «Современный литогенез на материковых равнинах» [64], но я прочел ее внимательно и, считая ее важной, отослал рукопись для ознакомления академику А.Е. Ферсману в Свердловск ввиду тех важных новых идей и направлений научной работы, которые в ней указываются. Отзыва акад. А.Е. Ферсмана о ней я еще не имею.

Я давно нахожусь в тесном и непрерывном, в течение всей его научной жизни, научном контакте с проф. Б.Л. Личковым и слежу непрерывно за его научной деятельностью.

Ученик одного из крупнейших русских геологов – акад. Н.И. Андрусова, старого моего друга, магистр минералогии и геогнозии Борис Леонидович находится в полном расцвете и силе научной работы и стоит в первых рядах геологов более молодого поколения, от которых мы можем ждать в ближайшие десятки лет много важного и нового.

Он стоит среди передовых геологов мировой среды. Широкий размах его работы в области геоморфологии, геологии Украины, палеонтологии и то, что является у нас редким, – огромная начитанность в мировой литературе и охват геологических явлений нашей страны в аспекте целой планеты выделяют его работы среди современных наших геологов. Несмотря на тяжелые условия, которые ему пришлось пережить, он не только не отстал от современного научного уровня, но и в работе порученных ему крупных и важных государственных начинаний достиг результатов, вернувших его в русло общей нашей работы.

Он является в настоящее время одним из немногих геологов нашей страны, ищущих новых путей в инженерной геологии, практическое значение которой в переживаемый нами момент защиты Родины столь важно.

Прекрасный организатор, он был директором Украинского геологического комитета, когда он существовал, и создал блестящую школу учеников.

Возвращаясь к работе о литогенезе, я считаю, что она важна и нужна, так как касается области геологических наук, в которой за последние десятки лет творческая научная мысль мало проявлялась.

Я считаю, что те новые идеи, которые он в этой своей новой работе указывает, позволяют идти дальше по тому пути, который был создан моим учителем В.В. Докучаевым в области почвоведения, в которой я работал в молодые годы.

Я думаю, что он в ней дает возможность более конкретно подойти к вопросу о коре выветривания и к выяснению значения терригенных пород в отношении континентов.

Конечно, в этой небольшой работе мы не имеем сколько-нибудь полной разработки этих вопросов, затронутых им, но она важна, как новая плодотворная концепция, которая может быть проверена в реальной геологической работе.

Я считаю поэтому, что эта работа и совокупность всех других больших работ его, учитывая, что он является магистром геологии, а не кандидатом, вполне достаточна для допущения как диссертация к защите на доктора геологических наук.

Звание магистра, хотя оно сейчас не имеет официального значения, реально существует и не может и не должно отбрасываться при оценке его научной деятельности.

Академик В.И. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 165, 166.

287

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 19 февраля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня получил письмо от Александра Евгеньевича¹, который пишет, что он переслал Вашу рукопись [64] срочно в Казань Ковнеру для печатания.

«По-моему, очень интересно и в основном правильно». Он пишет, что для оплаты нужно мое письмо Ковнеру, которое я сегодня посылаю.

На днях посылаю Вам копию своей статьи «Геологические оболочки Земли как планеты» [29].

Я получил бумагу, но все-таки ее берегу. Послал копию в Казань, хотел бы, чтобы там бы она была прочтена в собрании Биогела и Радиевого института и, может быть, была напечатана в «Трудах» Биогела. Работаю очень хорошо над второй частью своей книги [22]. Мне кажется, мне удастся хорошо справиться с вопросом о пространстве живого вещества (не евклидовом), и странным образом, неожиданно для себя, я разобрался в вопросе о симметрии.

Получили ли Вы мой отзыв о Вашей работе? Послал его 5.И.

В Самарканд переехал А.И. Яроцкий, мой старый друг, врач, философ. В письме к нему я ему дал Ваш адрес.

Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 166, 166 об.

¹ А.Е. Ферсман.

[Самарканд,] 14 марта 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

горячее спасибо за отзыв обо мне для ректора САГУ. Он растрогал меня до слез. Дело было так. Жена моя первая распечатала конверт и стала мне вслух читать Ваш отзыв. У меня слезы нахлынули на глаза и я закрыл лицо руками, чтобы не плакать. Отзыв этот, конечно, сыграет большую роль. Ужасно жду я сейчас дня диссертации, но Ташкент что-то не торопится. Между тем, с этим связано начало улучшения моего материального положения, которое сейчас уже дошло до критического состояния. В Педагогическом институте, где я сейчас работаю преподавателем, я получаю 350 руб. Поддерживала меня еще договорная работа по линии Узбекского филиала Академии наук (по линии этой работы я написал статью «Об историко-геологических предпосылках образования каменных углей», которую я вчера послал Вам). Предполагалось, что работа по их заказу будет еще продолжаться, но вдруг они меня известили, что работу уже на февраль они обеспечить не могут. А за январь они по сейчас не уплатили 300 рублей. И я попал в крайне критическое положение. Просто не знаю, как выйду из него. Устроиться в Туркменском филиале Академии наук не удалось, так как прописаться там не разрешили, и Горшков, который энергично об этом хлопотал, прислал мне извещение, что ничего не вышло. Сейчас хлопочет о моем переходе к нему на работу Таджикский филиал Академии в Сталинабаде. Выйдет ли что-нибудь, не знаю, но надежды имею немного больше, чем на Ашхабад, хотя в успехе все же не уверен. Некоторая надежда есть. А пока денежное положение самое пиковое. Рад я только одному, что все мы вместе. Дело в том, что Зиночка вернулась из Ташкента сюда и сейчас с нами. Большая радость была, когда она приехала. А приехала она из-за болезни. В ташкентских студенческих столовых она в конце испортила себе желудок и приехала сюда по болезни. Похудела она страшно, и мы с мамой прямо ахнули, увидев ее в таком виде. Было с ее участием принято решение, что ей больше в Ташкент ехать не стоит и надо устраиваться как-то здесь. Здесь она в конце концов и устроилась в хорошем высшем учебном заведении – Московском зоотехническом институте на отделении промысловых и охотничьих зверей. Это почти равнозначно биологическому факультету, где она училась, а по составу преподавателей даже лучше. В связи с несколько специальным направлением этого высшего учебного заведения ей надо кое-какие предметы досдать, кое-что подтянуть, но приняли ее на тот же второй курс. Теперь она засела за занятия и страшно рада, что находится дома. Мы тоже этому рады, а то мы очень о ней беспокоились все время и, как оказывается, не без основания.

Кроме статьи «Об историко-геологических предпосылках образования каменных углей» [66], я посылаю Вам свои тезисы к новой своей работе. Первая часть тезисов относится к «Литогенезу», который я ввел в эту новую работу как главу, вторая часть дает совсем новые выводы. Интересно, как Вы отнесетесь к моим тезисам. Выветривания я не отрицаю, но кору выветривания как геосферу, безусловно, не признаю.

Вашу статью о планетных оболочках [29] я прочел просто с восторгом. Вы один могли написать такую статью с такими своеобразными оригинальными построениями, с таким удивительным учетом явлений, которых другие не видят и не замечают. Мне кажется только, что я не все схватил в этой работе и что надо будет еще спокойно перечитать ее раза два. Ваше отношение к Луне и Тихому океану мне нравится, и я целиком с ним согласен. Я Вам еще об этой работе хочу написать в ближайшие дни, когда еще и еще ее перечитаю. Хочу исправить одну Вашу ошибку по поводу Гоуризанкара. Эверест и Гоуризанкар не одно и то же. Эверест – это действительно самая высокая гора, а Гоуризанкар – второстепенная вершина, которая видна *на фоне* Эвереста и которая была ошибочно отождествлена с Эверестом. Об этом у Вас говорится на стр. 16. О различии Эвереста и Гоуризанкара есть литература, я ее читал, но не могу сейчас точно назвать Вам работ. Во всяком случае, в Вашем тексте Вам следует просто Гоуризанкар заменить *Эверестом*. Можно ли прочитать доклад Ваш на совещании геологов в Геологическом институте в Сталинабаде, куда я, возможно, скоро поеду (совещание будет в филиале Академии наук), и здесь, в Самарканде, в Педагогическом институте на кафедре географии? Может быть, пришлю Вам об этом телеграфный запрос. Радуюсь очень, что очень хорошо Вам работается над второй частью Вашей книги [22]. Давно Вы так не писали. Я в последнее время тоже много занимался пространством, но не совсем кончил его, а только отложил. Впрочем, кое-что закончил. Вы пишете, что пространство живого вещества не евклидово. Но ведь космическое пространство тоже не евклидово!

Я в последнее время, пока еще не очень скрутили меня материальные тяготы жизни, был занят переработкой моей работы «Движения земного шара в мировом пространстве и изменения его рельефа» [63]. Я ее сжал, сделал очень компактной и ввел новые моменты, касающиеся пространства. Я пришел к выводу, что мне не обойтись без Эйнштейна и его понимания тяготения. Стал я перечитывать Вашу «Проблему времени» [14], поразился обилием ее идей и вместе богатством ее содержания. Хотелось Вас спросить: я не понимаю, в чем отличие идей Паладия от Эйнштейна и Минковского? Но я все-таки не об этом хотел Вам рассказать (а этот вопрос только попутный, ибо Паладия я не читал). Я взялся за пространство в связи с тем, что прочел такую интересную мысль у Н.И. Лобачевского. «Величина притягательной силы, говорит Н.И. Лобачевский, выражается длиной, разделенной на квадрат расстояния», и ставит по этому поводу вопрос: «как же расстояние производит эту силу? как эта связь между двумя столь разнородными предметами существует в природе?» [129]. Ясно, что отсюда вытекает тот вывод, который сделан был Эйнштейном, что «геометрические свойства пространства несамостоятельны, а обуславливаются материей». Отсюда вытекает и другой вывод, что заполненное материей тело связано с полем и что оно отличается от пустого. Простое – это евклидово, а материальное, т.е. пространство поля, неевклидово. Я в центре построений не только астрономов, но и геологов ставлю тяжесть. *Без нее в геологии ступить* нельзя, и идея поля, и неевклидово пространство должны войти в геологию этим путем. Дело в том, что только неевклидово пространство при посредстве идеи поля дает возможность обойти дальное действие, столь непонятное у Ньютона. Декарт думал это сделать при посредстве вихря, но вихрь немислим и непонятен, а сейчас вместо вихря да-

ется поле, но оно тоже в неевклидовом пространстве находится... Я ввел все это в мои построения и ввожу *поле* в геологию. Как только я смогу отпечатать новую редакцию своей статьи, я Вам ее пришлю. В связи с Вашим письмом меня интересует вот что. Вы говорите, что *поле* жизни неевклидово, но ведь и поле материи тоже неевклидово. Как же и чем они отличаются друг от друга. Это два разных неевклидовых пространства?

Я в последнее время в связи с чтением курса географии СССР и географии мира увлекся вопросами о том, что переживал растительный и животный мир в ледниковое время – создание тундрового ландшафта, уход и обратное наступание лесов, создание степей. Поразительно интересная и грандиозная картина миграций в начале геологического цикла, и как гениально провидел и предвидел ее в основных чертах Дарвин. Полученный материал я ввел в свою работу «Изменения рельефа земного шара и эволюция органического мира» [67], которую сейчас могу считать законченной. Очень красивая и стройная получилась концепция изменений характера борьбы за существование на фоне смен ритмов геологической эволюции. Попутно еще раз просматривал и переживал П.А. Кропоткина с его картиной борьбы за существование в Северной Азии и вытекающими отсюда соображениями о типах борьбы за существование. Удивительно интересный и тонкий наблюдатель был все же П.А. Кропоткин. Очень недурны работы последнего времени Клюнова (на украинском языке) и Лавренко о степях, а М.Г. Попова о пустынях (книжка о растительности Казахстана).

Я получил два небольших письма от Ферсмана, где он выражает готовность помочь мне. Письма коротенькие, но теплые. Согласен сделать доклад о моем «Литогенезе» [64], если я ему пришлю еще экземпляр. Я это сделал, и послал, кроме того, те же тезисы, которые посылаю сегодня Вам.

[...]

Большой привет Наталье Егоровне и Вам.

Ваш Б. Личков

P.S. А материальное положение мое стало ужасно. Если не произойдет какой-нибудь неожиданной перемены, не знаю как и выкручусь в нынешних тяжелых условиях. Сократились мы до минимума, дальше голод, если придется еще сокращаться. Мы и так уже в долгах.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 261–264 об.

289

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 22 марта 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

меня очень беспокоит вопрос о Вашем здоровье. Как Вам и Наталье Егоровне там живет, и достаточно ли Вы изолированы от всяких случайностей теперешнего времени? [...]

Я уже раз перечитывал Вашу статью и просто-таки в восторге от нее [29]. Припоминаю, как прошлой зимой, когда мы с Вами беседовали в Москве,

Вы мне все говорили: «Как странно устроен мир, поистине странно!». И вот эту странность строения мира Ваша статья удивительно передает. Столько в ней нового, отходящего от шаблона, такого, чего многие не ведают и не чувствуют. Я целиком присоединяюсь к Вашему тезису, что «основные геологические явления на нашей планете, можно сказать, всецело связаны с космическими силами». Я самостоятельно пришел к такой же мысли и поэтому вполне ее прочувствовал.

Что Вы пришли к идеям Дж. Дарвина, это меня радует. Я тоже эти идеи принимаю и как раз только что взял перечитать его знаменитую книгу о приливах [176]. Разумеется, процесс отделения Луны от Земли был процессом медленным, но не слишком ли много Вы берете для него – два миллиарда лет? На чем Вы это основываете? Заинтересовали Вы меня Фесенковым В.Г. Где напечатаны его работы? Оригинальны ли его построения насчет Луны и Земли, или просто он повторяет Дарвина?

Мои дела очень неважны. Денежное положение не исправляется, и знаков на исправление ему я не вижу. Жду чуда. Написал по этим вопросам обстоятельное письмо А.Е. Ферсману, не поможет ли он как-нибудь увеличить мои доходы. К довершению неприятностей я еще захворал немного. Может быть, это и пустяки, а может быть, начало неприятного заболевания на почве переутомления. У меня несколько дней назад начался легкий постоянный озноб. Когда я померил температуру оказалось, что у меня 35,3°. Я начал вести систематические наблюдения и оказалось, что температура никогда у меня не поднимается теперь выше 35,9°. Это меня очень пугает. Не начинается ли у меня какое-нибудь серьезное заболевание, а что тогда будет делать без меня моя семья? С диссертацией моей все не ладится. Я не знаю, успел ли дойти до ректора Ваш отзыв. Может быть, он еще раз изменит положение в лучшую сторону, но сейчас я имею частное уведомление от проф. Корженевского, что мне предполагают вернуть мою диссертацию по тому мотиву, что якобы в университете не хватает докторов для диспута. Что значит этот мотив, я не знаю, но вижу, что не хотят меня пропускать, да и только. Всякие ведь выдумывают отводы. А какая за этим скрывается подоплека, мне непонятно.

Передайте большой мой привет Наталье Егоровне, а также Анне Дмитриевне.

Ваш Б. Личков

P.S. Не знаю, живы ли мой отец и сестра? Очень меня это волнует.

Писал письмо это вчера вечером перед тем как лечь спать, и вижу, что написал его очень нескладно. Да уж ничего не поделаешь; придется так и послать. С тех пор как начался у меня озноб и обнаружилось понижение температуры, я начал себя беречь впервые в жизни: рано ложусь спать (не работаю ночами и пр.).

Был у меня А.И. Яроцкий. Страшно он мне понравился. Очень умный, культурный и интересный человек. [...] Это почувствовалось при первом свидании. Понравилась мне его критика немцев и немецкой культуры. Много верного.

Был у меня в последнее время досуг, и я много читал. Кого бы Вы думали? Вл. Соловьева и Л.М. Лопатина. Извлек много поучительного. Как-ни-

будь напишу об этом. Соловьев мне далек вследствие того, что философия его есть теософия. А Лопатин положительно интересен.

Мы шлем Наталье Егоровне и Вам самый большой привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 265–266 об.

290

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 27 марта 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень рад был получить вчера Ваше письмо от 14.III и тотчас отвечаю. Я уже волновался, не получая от Вас так долго известий.

Написал уже было письмо одному из своих старых друзей в Самарканде – профессору Александру Ивановичу Яроцкому, чтобы он к Вам зашел и узнал, что с Вами. Но как раз получил Ваше письмо и сделал ему об этом приписку.

Очень хотел, чтобы Вы с ним познакомились. Он прекрасный врач и живой, интересный человек с большими философскими интересами.

Очень буду рад, если Вы мой доклад об оболочках Земли как планеты [29] прочтете, где Вы хотите. Я послал его в Казань Виноградову, чтобы прочли его в Биогеле и в Радиевом институте, но не знаю, исполнил ли он мое желание¹. У него ужасное несчастье. Внезапно умер прелестный его ребенок Володя, 4-х лет, одаренный, в два дня.

Я думаю, что это огромный удар для них обоих.

Очень рад, что Вы все вместе, думаю, что это лучше.

О Гоуризанкаре благодарю Вас, исправляю. Мне писали из Казани, что этот мой доклад будет напечатан у Ковнера [29].

Умерли ряд академиков: Жебелев, Коковцев, Щербатской (здесь), Ильинский (здесь).

Я перешел на положение Карпинского: самый старый академик по избранию.

Очень хорошо работаю последнее время. Впервые разобрался в учении о симметрии, ровно через 60 лет после того, как об ней узнал.

Симметрия – это эмпирически полученное представление о *геометрических свойствах земных явлений*. Целый ряд новых выводов; мне кажется, они очень значительны. Если есть на нашей Земле пространства не евклидовы, то они проявятся в симметрии. Оба пространства – Ньютона и Эйнштейна – евклидовы. Первого – трехмерное, второго – четырехмерное. Обратите внимание на учебник кристаллографии Падурова, Делонэ и Александрова. У них важный вывод о *кристаллических пространствах* [119].

Кора выветривания не геосфера. Это верхняя часть *геохор*, т.е. зон ландшафтов. Тут никакой теории нет – это реальный факт².

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 167.

¹ Доклад был прочитан А.П. Виноградовым на общем собрании коллектива Биогеохимической лаборатории в Казани.

² Письмо без подписи.

291

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 6 апреля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

послал Вам телеграмму о том, что я буду очень рад, если Вы доложите мой доклад [29], где Вы захотите.

Теперь же пишу, чтобы исправить одну свою ошибку: пространство Эйнштейна действительно четырех измерений, но не евклидово, а римановское.

Понятие о римановском пространстве в последнее время изменилось, а я об этом не знал.

[...]

Всего лучшего.

Я сейчас хорошо работаю в области основных понятий.

Ваш В. Вернадский

[Приписка на письме рукой А.Д. Шаховской:]

6.IV. Дорогой Борис Леонидович, сейчас пришло Ваше письмо, и я приписываю несколько слов 1) относительно «двух миллиардов лет» вкралась ошибка – надо полмиллиарда лет¹.

2) Н.Д. Зелинский жив, вчера мы с ним беседовали. Он полулежит и давно прихварывает, но вчера был сравнительно бодр.

3) Сам Владимир Иванович работает очень интенсивно, и зима прошла в отношении здоровья вполне хорошо. Питание вполне его удовлетворяет, хотя, конечно, несколько ухудшилось. У него тоже много умерло друзей. Брат Натальи Егоровны Павел Егорович скончался.

Статья, где говорится о Фесенкове: Белявский. «Вестник Академии наук СССР», № 7, 1940, стр. 28 [101].

Горячий привет и пожелания улучшения Вашего положения.

А.Ш.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 168, 168 об.

¹ См. письмо 283 от 21 января 1942 г.

292

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 8 апреля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера получил Ваше письмо от 22 марта.

Меня беспокоит Ваше здоровье. Надо беречься и надо вести известный режим. Я бросил ночные работы с моего переезда в Париж в 1921 г. и принял

режим французский. Рано вставать (они работают с 5 до 7 часов), и рано ложиться. Заседания научных обществ у них с 4 до 7.

Так как я хочу кончить свою книгу [22], то я веду строгий режим. От эндокардита не умеют вылечить, но возможно долго прожить. Я живу уже пятый год.

Вам уже писала Анна Дмитриевна, что два миллиарда лет – ошибка переписки. Я принял представление о криптозойском эоне (1941 г., Шухерт и Дёнбар) [186]. Постараюсь Вам эту книгу прислать на время, но она очень тяжелая, и некоторые академики здесь еще хотят ее прочитать, так что не ждите очень скоро.

Там мне очень интересны карты, которые показывают постоянство американских материков. Они здесь ничего об этом не говорят, так как, вероятно, это сказано в первом томе, касающемся физической геологии, которого у меня нет.

Фесенков, по-моему, один из самых интересных сейчас современных астрономов. Его работа еще не напечатана, но его вклад с кавычками изложен Белявским, бывшим директором Пулковской обсерватории, который теперь в Ташкенте [101]. Пулково очень сильно пострадало.

[...]

Если возможно, пришлите Дарвина [176] и мое «Научное мировоззрение» [1], я верну. То же хотел бы я о своем «Пространстве – времени» [14]. Я думаю, что с Тихим океаном можно обойтись без Луны. Достаточно того, что не было полмиллиарда лет континентов.

Когда кончу, могу прислать Вам, если хотите, английскую книжку Эддингтона «Философия физических наук» [177].

Он сделал большой шаг вперед против прежних, очень на меня повлиявших в свое время работ. Ибо вместо философской теории познания и эпистемологии он теперь говорит о научной эпистемологии. Это, мне кажется, большой шаг вперед.

Так же как и логика, научная эпистемология не есть философия¹.

Я сейчас очень увлечен теми выводами, которые можно сделать из *симметрии*, и, если Анна Дмитриевна² уедет на время в Москву, я хочу обработать статью о *геологическом значении симметрии* [30]. Получаются, мне кажется, очень интересные и важные выводы.

Геологические оболочки [29] печатаются у Ковнера, и Ваша статья [63] там же. Спишитесь с Ковнером. [...]

Сердечный привет от нас всех всей Вашей семье.

У нас началась было весна, но сегодня все сплошь покрыто снегом (а раньше были снежные бураны).

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 169, 169 об.

¹ Эпистемология (греч.) – теория познания, в том числе и научного.

² А.Д. Шаховская.

[Самарканд,] 25 апреля 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне так много надо Вам рассказать, что я просто не знаю, как это осуществить. С 3/IV по 10/IV я провел в Сталинабаде на тектонической конференции в филиале Академии наук. Делал там три научных доклада и активно участвовал в прениях по другим докладам. Было очень интересно. Мне понравился и город (которому 15 лет), и филиал Академии, и конференция. На конференции я почувствовал себя, как рыба, которую после долгого пребывания на суше пустили в воду. Ведь здесь, в Самарканде, нет геологов, не с кем поговорить и поделиться взглядами, а там я почувствовал себя в живом работающем коллективе. Цель моей поездки была, между прочим, посмотреть условия работы и жизни в Сталинабаде, и результат получился такой, что я буду всей душой стремиться в этот филиал. К сожалению, по ходу конференции и краткости пребывания моего в Сталинабаде, я *Вашего* доклада прочесть не успел. Мне обещали, что он будет прочитан вне конференции на специальном собрании. Затем доклад Ваш скопируют на машинке и копию пришлют Вам. Оригинал же вернется ко мне. Я имею в виду прочесть его здесь в Самарканде в Тимирязевской академии и в Ташкенте, где я буду в начале мая. Выезжал я из Сталинабада 10/IV с твердым намерением добиваться переезда в этот город и именно в филиал Академии наук. [...] Когда уже я вернулся в Самарканд, я через два дня получил телеграмму из Таджикского филиала Академии наук такого содержания: «Таджикский филиал предлагает Вам перейти работу Геологический институт старшим научным сотрудником. Вопрос переезде согласован. Расходы переезду оплачиваются согласно КЗОТ. Таджикфил. Быховский».

Итак, я перехожу на работу в Академию наук, именно в ее Таджикский филиал. Осуществляю я это в течение ближайших месяцев двух, доведя до конца учебные занятия в Педагогическом институте. Это одна новость.

Другая – заключается в том, что мне как будто удалось в Ташкенте путем переговоров с ректором САГУ урегулировать вопрос о моей защите диссертации. Она назначена на 9/V. Прямо не верится, что это будет, но факт, что полная договоренность и с администрацией и с оппонентами есть. Лишь бы почему-нибудь не отложили!

В Ташкенте я делал доклад «Процесс осадкообразования на земном шаре». Был интересный обмен мнениями, чрезвычайно оживленный. Доклад встретил очень сочувственное отношение.

В Ташкенте много беседовал с М.И. Усановичем, у которого останавливался. Нахожу, что он страшно вырос как ученый. Знаете ли Вы работы его о фундаментах и основаниях? Очень интересные. Я читал о них американские отзывы, в которых они ставятся очень высоко. Хорошо отозвался на его работы и Н.С. Курнаков в последнем издании своего «Введения в физико-химический анализ» (М.; Л., 1940) [127]. Думаю в ближайшее время работами Усановича заняться вплотную.

В последнее время в связи с проблемой происхождения и расселения людей занимался Н.Я. Марром и его «языковыми» теориями. Прочел третий и четвертый том его «Избранных работ» [132]. Впервые я подошел к нему вплотную и нахожу, что это – очень значительное явление. В принципе он, безусловно, прав против позднеевропейского языкознания. [...]

Продолжал, насколько мог, заниматься проблемами пространства и времени и много для себя выяснил. Очень напугали Вы меня, написавши, что пространства и Эйнштейна и Ньютона евклидовы, но сегодня пришло Ваше самоопровержение, и я успокоился.

Рад я очень, что теперь и Вы согласны, что кора выветривания не гео-сфера. А ведь не так давно Вы это писали. Но и сейчас мы в этом вопросе не вполне еще сходимся.

[...]

Еще раз очень и очень благодарю Наталью Егоровну и Вас от имени своего и жены за оказанную Вами мне помощь. Жена шлет Вам вместе со мной горячий привет. Лучшие пожелания от нас обоих Наталье Егоровне.

Горячо Вас любящий

Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 271–273 об.

294

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд], 3 мая 1942 г.

Дорогие Наталья Егоровна и Владимир Иванович, еще раз горячее Вам спасибо за Вашу помощь. Она пришла более чем вовремя.

Только что получил от Усановича М.И. из Ташкента такую телеграмму: «Защита назначена четырнадцатого. Объявление дано. Пишу». Таким образом, есть надежда, что 14-го числа, наконец, закончится благополучно мой несчастный диссертационный вопрос, и это будет началом моего подъема. Из Сталинабада филиал Академии наук торопит скорее переезжать. Думаю, что перееду в конце этого месяца. После 15/V начну реальную работу по переезду.

Получил только что тяжелое для меня известие о том, что в Ленинграде скончалась известная Вам, но как будто незнакомая Вам, моя двоюродная сестра Екатерина Дмитриевна Аменицкая. Я ее очень любил и высоко ставил. Хороший человек она была, высокий в интеллектуальном и моральном отношении.

Таковы наши дела.

Я все-таки довольно много работаю, хотя силы упали заметно. Сейчас занят, с одной стороны, проблемой пространства-времени, а с другой, первобытным человеком, в связи с чем находится и мой интерес к Марру, о чем я Вам, Владимир Иванович, писал. От дел житейских я сейчас Зинойкой почти совершенно отстранен. Но страх берет, что она-то слишком в этих делах погрязла, и это мешает ее занятиям.

Еще раз очень Вас благодарю от имени своего и жены за Вашу отзывчивость и дружескую помощь.

Ваш Б. Личков

P.S. Я посылал Владимиру Ивановичу машинопись моей работы «О некоторых историко-геологических предпосылках образования каменных углей», но ни Владимир Иванович о ней ничего не упоминает, ни Анна Дмитриевна. Получена ли эта моя статья? Я послал Владимиру Ивановичу его статью о времени и о научном мировоззрении. Сегодня одновременно с этим письмом посылаю текст своей работы «Движение земного шара в мировом пространстве и изменения его рельефа». Хочу эту статью одновременно послать в «Известия Академии наук». Очень хочется, чтобы Владимир Иванович прочел эту статью, которая по сравнению с первоначальным текстом очень переработана.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 275–276 об.

295

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд], 11 мая 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

в связи с отправкой Вам, согласно Вашей просьбе, Вашей статьи о времени, я опять переживал эту статью, Вашу полемику с Дебориным и пр. и хочу Вам написать по этим вопросам несколько слов. Вы ведь в сущности очень сходитесь с основными положениями классиков марксизма.

Вы пишете в своей статье, что «в основе научного знания стоит проникающая всю сущность науки аксиома – сознание реальности объектов изучения, сознание реальности мира». Вы видите вместе с тем в пространстве и времени «объективные реальности», «основные проявления вещества». Наконец, в конце Вашего ответа А.М. Деборину Вы подчеркиваете, что для ученого из новых философских систем, «понимающих язык и мысль новой науки», «новыми и плодотворными» будут те, «которые связаны с реалистическим пониманием мира». Добавлю еще к этому Ваше указание, что Вы принимаете в качестве Вашего философского мировоззрения «философский скепсис».

Теперь перейду к классикам марксизма и постараюсь показать, что их мировоззрение похоже на Ваше, как это ни странно. Начну с того, что материализм их это в сущности не настоящий материализм, а очень *скептический* материализм. По существу это именно реализм – тот самый, которого Вы требуете от естествоиспытателя. «Философы, – говорит Энгельс, – разделились на два больших лагеря ... Те, которые утверждали, что дух существует прежде природы ... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» (*Ф. Энгельс*. Людвиг Фейербах). А вот выписка из «Анти-Дюринга» (из примечаний к «Анти-Дюрингу» 1878 г. «О механическом понимании природы», примеч. к с. 46): «Материя, как таковая, в отличие от определенных существу-

ющих материй не является чем-то чувственно существующим» (изд. 1938 г., с. 281–282). Вот как резюмирует содержание материализма Г.В. Плеханов (Критика наших критиков. Статья «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса». СПб., 1906, с. 180): это – «такое учение, которое смотрит на природу как на нечто первоначальное по сравнению с духом». В той же брошюре Плеханова, которую я Вам послал вместе с «философским сборником», марксистский материализм отождествляется с гилозоизмом, если Вы обратили на это внимание. Наконец, Ленин отождествляет материализм с «убеждением в реальности внешнего мира» (Сочинения, т. XIII, 3-е изд. 1931 г., с. 232). Ведь все эти фразы дают совершенно ту же *реалистическую* установку, которую я выше формулировал Вашими словами. Настоящей антологией материализма тут не видно, ибо ее убил скепсис. Как это далеко от того атомистического материализма, который критиковал, например, Л. Лопатин в т. III своих «Положительных задач философии» (с. 182, 2-е изд.), упирая на протяженность и непроницаемость материи. А тут о *свойствах* материи не только ничего не говорится, но она оказывается не является чувственно существующим, от материалиста требуется только признание приоритета природы над сознанием, т.е. признание реальности внешнего мира. Да ведь это как раз то, что подчеркиваете и выделяете Вы. Это – очень *скептический* «материализм», от которого в сущности остался только реализм и ничего больше. А что речь идет о большом скептицизме по отношению к философии, видно из следующего. Энгельс говорит, что современный материализм есть «не простое воскрешение старого материализма, а к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания...».

«Это – уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить свою деятельность не в какой-либо науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, должна быть снята, т.е. одновременно и преодолена и сохранена, преодолена по форме и сохранена по действительному содержанию» («Анти-Дюринг», Госполитиздат, 1938, с. 114–115). Обратите внимание, что речь идет не о философии, как особой науке наук, а о том научном мировоззрении, которое рождается в реальных отдельных науках. Ведь это тот же скептицизм по отношению к философии как особому знанию, что и у Вас. Для меня это несомненно. Если мировоззрение материализма должно себе найти подтверждение в реальных науках, а не в философии, как особое знание, то ясно, что речь идет вовсе не о подлинном материализме, а именно о реалистическом взгляде. Никакой материалистической онтологии тут не может быть, она заранее убита.

В основном Вы с этими положениями классиков марксизма целиком сходитесь. Я раньше думал, что реалистичность теории познания диалектического материализма является признаком примитивности его. На самом деле это не так. Маркс и Энгельс были очень образованными людьми (то же относится и к Плеханову, а также Ленину) и глубоко продумывали итоги двухтысячелетнего развития философии, и отсюда их скепсис по отношению к ней в виде стремления ее «снять» и «преодолеть». Таким образом, тут сказывается известная умудренность опытом и определенно чувствуется резко выраженная потеря скептицизма по отношению к итогам за прошлое. Веры нет и потому

старые приемы отбрасываются, и делается установка на реальные отдельные науки. А разве не та ли же установка и у Вас?

За присылку книжки Эддингтона «Философия физических наук» был бы очень благодарен. Я ее не знаю. Эйнштейна я философом не считаю и не знаю у него философских работ. По-моему, он держится в пределах физики. Если философия нужна в физике и Вы, как говорится, потекаете в этом академика Мандельштама, то почему она не нужна в геологии? Хоть Земля и былинка, но все земные процессы определенно выводят нас сейчас в Космос. Я это определенно ощущал, когда продумывал и писал ту статью, которую я Вам сейчас посылаю.

Писал ли Вам что-нибудь Ковнер о моем «Литогенезисе»? Статьи Лопатина в «Вопросах философии» я пересмотрю и найду там то, что Вас интересует. По-моему, он мыслитель интересный. Увлекаюсь я еще сейчас немного Владимиром Соловьевым. Это тоже фигура сильная, но его портит богословско-церковный напор. Дарвина (Джоржа?) я Вам прислать сейчас не могу. Своего у меня нет, остался в Ленинграде (кстати, квартира пока цела), а библиотечного посылать не рискую, так как собираюсь скоро уезжать в другой город.

Вашего скептицизма я не разделяю в философии. Думаю, что философия нужна каждому человеку, нужна и натуралисту, но вовсе не для того, чтобы тянуть ее к специальным вопросам науки. *Отсюда* ее надо устранять. А вот в области основных понятий и понятий методологических без нее не обойтись. Я это считал еще тогда, когда писал свои «Границы познания». С тех пор прошло 28 лет, но я философию за это время не забыл, хотя от новых течений ее на Западе, конечно, отстал.

Очень, очень рад я, что Вы так бодро и хорошо сейчас работаете. Это чувствуется по Вашим письмам. Имейте в виду, что в ту работу об изменениях рельефа, которую я Вам сейчас посылаю, введены Эйнштейн и Лобачевский и, следовательно, множественность пространств.

Ваш Б. Личков

P.S. Получить от Вас на время книгу Шухерта-Дёнбара (1941) был бы очень рад.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 986, л. 277–279.

296

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 11 мая 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

страшно рад был получить Ваши письма и Вашу записку о злоключениях, которые, я надеюсь, прошли навсегда. Очень жалею, что Вы мне раньше не писали о Сталинабаде, а писали об Ашхабаде, где во главе Келлер-ренегат. В Сталинабаде во главе стоит Павловский, с которым у меня очень хорошие отношения, еще со времени Комиссии по истории знаний.

Меня беспокоит Ваше здоровье. Были ли Вы у доктора? Вам нельзя заболеть и, может быть, даже следовало бы на недельку отдохнуть, отложив тяжелую работу.

Получил присланный мне Вами отпечаток моей статьи 1932 г. [14], из которого вижу, что я уже тогда подходил к тому пониманию симметрии, которое сейчас развертываю. Об этом я совершенно забыл. Скоро верну. Спасибо.

Анна Дмитриевна¹, думаю, теперь подъезжает к Москве. Она поехала через Свердловск, где было заседание Академии, на которое я не поехал. В Москве она пробудет две недели. В работе мне помогает Наталья Егоровна, но я и себе даю некоторый отдых. Я обдумываю теперь записку Комарову о необходимости нам подготовиться к работе в рамках международной научной организации после изгнания немцев [31]. Мы не должны быть захвачены врасплох. В американской и английской прессе этот вопрос сейчас усиленно обсуждается. В совещании, бывшем в прошлом году, Майский объяснил отсутствие в нем советских ученых трудностями переезда. Может быть, в одном из следующих писем я намечу главные вопросы, которые, мне кажется, должны быть поставлены в первую очередь. Время очень ответственное, и мы не должны явиться неподготовленными.

Очень прошу Вас обратить внимание на Ваше здоровье. Сердечный привет от нас обоих всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 170.

¹ А.Д. Шаховская.

297

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 12 мая 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

сообщаю Вам новости на нашем фронте. Анна Дмитриевна¹ несколько дней (4–5) назад, наконец, встала. Воспаление легких у нее закончилось и как будто благополучно и без всяких осложнений и последствий. [...] А с диссертацией внезапно произошло следующее. Защита была уже назначена на 14/V. Внезапно я получил телеграмму от Усановича: «Положение сильно осложнилось приездом Муравейского. Желателен Ваш скорейший приезд. Усанович». Я вот уже три дня после этого пытаюсь выехать из Самарканда в Ташкент и все никак не могу из-за большого числа пассажиров. А Муравейский – это тот самый ректор Ташкентского университета, который при самом начале моего диссертационного дела написал мне, что моя диссертация несвоевременна.

В последнюю минуту я получил новую телеграмму от и. о. ректора Ташкентского университета проф. А.Л. Бродского (геолога, Вам известного): «Защита намечена 28 мая САГУ Бродский». Таким образом, как будто все-таки добрые силы победили и даже без моего участия. [...]

Вот как обстоят наши дела. Хоть совсем плохого в них еще нет, но и хорошего тоже мало.

А я все-таки очень много работаю и сейчас погрузился в Декарта, как представителя новой, «переломной» философии XVI в. Перечитываю то, что есть под рукой, – самого Декарта и о Декарте – Л.М. Лопатина, Н.А. Умова и Быховского. Понравилась мне только что выпущенная Институтом философии Ак. наук книжка Г.Б. Быховского «Философия Декарта» [104]. Выпукло и хорошо очерчена физика Декарта. Прочел Аристотеля «О душе» и «Физику» [97, 98].

Очень интересен он и содержателен. Это мне нужно для пространства и времени. Пока на этом кончаю.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 284–286.

¹ А.Д. Личкова.

298

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 22 мая 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,
сегодня послал Вам по телеграфу 300 рублей. Очень рад, что как раз мог Вам послать, не стесняя себя. [...]

У меня заболела Наталья Егоровна – у ней сделалась крапивница (до 39°), и вследствие этого я пишу письмо, а не диктую.

Моя работа идет хорошо, но медленно.

Анна Дмитриевна¹ уехала отсюда в конце апреля (27.IV) через Свердловск в Москву, где пробудет две недели – я думаю, она уже там и к середине мая будет обратно.

Посылаю Вам с благодарностью назад свою брошюру о пространстве-времени [14]. Многое и для меня было новое: забыл – забыл, например, о том, что и тогда, в 1932 г., было для меня ясным, что симметрия есть проявление геометрическое – пространственное – свойств природного тела. Я хочу выделить это в отдельную статью. Считаю это понимание очень важным.

Без А. Д. я работаю над книгой [22] менее усердно. Но надо дать отдых: я ведь с приезда сюда работал над книгой в служебные часы каждый день, кроме воскресенья.

Мою статью 1932 г. [14] прочел с интересом! И я увидел, что уже тогда состояния пространства были для меня ясны – в моей книге они развиты очень сильно.

Но главное и основное – это происшедшее в 1936–1937 годах мое решительное отрицание примата философии для науки. Я философский скептик потому, что наука дала столько *нового*, не тронутого *философской мыслью*, что пока философия их не усвоит и не подвергнет анализу – *под их влиянием не изменится*, она нам сейчас неинтересна².

В 1932 г. я думал, что для симметрии нужны философские работы; в 1942 г. я считаю, что нужно идти научным анализом.

Между прочим, прочел «Историю философии» I–II, изд. Института философии [122]; лучше и интереснее, чем ожидал [...]. Попытка рассмотреть историю философии, исходя из атеизма (есть интересная история атеизма [Маринера], кажется, которую они не использовали) и социализма, интересна. [...]

Очень я удивился, что в 1932 г. я уже сознавал резкое различие между логикой естествознания и логикой современной, развившейся из Аристотеля, говоря приблизительно. Я думал, что я понял, что логика вещей (естествознания) и логика понятия (Аристотель и т.д.) резко различны, когда в 1936 г. в Лондоне прочел некоторые работы Пирса, который указал, что это отличает логику Демокрита от логики Аристотеля. Оказывается, я эту разницу (не зная о Демокрите) знал в 1932 г.³

Стоит перечитывать свое старое.

Книжку выслал [29]. Книгу Эддингтона [177] и Шухерта [186] вышлю Вам, когда переедете в Сталинабад.

Горячо верю, что Ваши злключения кончатся хорошо, дорогой мой друг.

Сердечный привет от нас обоих Вам обоим.

Ваш В. Вернадский

P.S. Я Вам писал, что я Усановича работы вообще знаю. Я имел с ним разговоры. Он, по-видимому, не ответил мне на мое письмо к нему из Борового. Сегодня получил письмо от Н.Г. Холодного. Он в Сочи.

В.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 171, 171 об.

¹ А.Д. Шаховская.

² О «философском скептицизме» В.И. Вернадского см. примечания 4 к письму 210.

³ В.И. Вернадский различал двоякого рода направления в развитии логики. Одно направление он связывал с исследованиями Демокрита; это «содержательная» логика вещей, наиболее близкая к естественным наукам. Другое направление Вернадский связывал с исследованиями Аристотеля; это «формальная» логика понятий, близкая к математике и перерастающая впоследствии в математическую логику. Наряду с Вернадским к аналогичным выводам пришел американский философ, логик и математик Ч. Пирс.

299

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Ташкент, 5 июня 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

на моем фронте опять новая неудача, я провавиллся на диссертации, хотя все три рецензента в своих обстоятельных отзывах признали книжку мою выдающимся явлением. Выступила хулиганская компания во главе с тем самым ректором (сейчас он уже бывший ректор) Муравейским, который когда-то мою диссертацию счел несвоевременной. Эта компания постаралась показать это на деле и для этого устроила своего рода обструкцию. Они диссертации моей не касались, а критиковали старые мои работы – философские и методологические и доказывали, что они раскулачены по духу и из них вытекают контр-

революционные выводы, гибель человечества, борьба моя со сталинскими пятилетками и пр. В результате я собрал 15 положительных голосов, а 10 отрицательных, 7 человек воздержались. Диссертация считается отклоненной. Я подаю сейчас в ВАК кассационную жалобу, и жалобу же хочет туда подать один из официальных оппонентов. Подробности я Вам напишу, текст жалобы на машинке пришлю и буду просить Вашей помощи в следующем моем письме.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш В. Личков

P.S. Извините, что пишу карандашом, но таковы сейчас мои условия, а сообщить Вам скорее о факте нужно. И так я почти неделю прособирился.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 281–281 об.

300

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 16 июня 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень беспокоюсь о Вас. Давно не имею никаких известий. Получили ли деньги телеграфом? Как Ваш диспут? Как здоровье Вас и Вашей семьи? Очень беспокоюсь. Нельзя так молчать.

Наталья Егоровна была больна крупозным воспалением легких: сейчас поправилась. Анна Дмитриевна¹ в Москве, должна была 15-го выехать, не знаю, приедет ли, опасно заболела ее сестра². С отъездом А.Д. моя работа над моей книгой [22] ослабла; написал и послал в Славянский комитет статью «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки» [31]. (Говорю об энцефалозе Дэна и ноосфере.) Сейчас начал работать над статьей «О геологическом значении симметрии» [30].

Мысли работают сильно. Немедленно ответьте. Может быть, напишет Ваша жена? Нельзя так оставлять друзей без весточки.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 172.

¹ А.Д. Шаховская

² Н.Д. Шик.

301

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Самарканд,] 17 июня 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил только что по возвращении из Ташкента и Сталинабада Ваше письмо от 11/V, где Вы выражаете надежду, что мои злключения, описанные в особой записке, прошли навсегда. Если Вы получили мое предыдущее недавнее письмо из Ташкента, где я несколько слов Вам писал о моей защите, то

332

из него Вы знаете, что это не так: произошло еще одно злоключение – провал моей диссертации в результате специально подготовленного выступления группы лиц, которая во главе с бывшим ректором Ташкентского университета против меня ополчилась. Что я буду по этому поводу делать? Я подаю кассационную жалобу в ВАК ВКВШ с приложением копий отзывов официальных оппонентов и равно копии стенограммы диссертационного дня. Я прошу или дать мне степень без защиты, или назначить новую защиту в другом месте ввиду ряда процессуальных нарушений, допущенных при проведении диссертации в Ташкенте, а равно ввиду того, что при защите отзывы о диссертации официальных оппонентов были хорошие, а неофициальные ругали мою идеологию по старым моим работам, одной из которых 28 лет, а другой – 10 лет. Копию своего заявления в ВАК ВКВШ (переписанную моей Ольгой), чтобы Вы были в курсе дела, я Вам одновременно посылаю. Филиал Академии наук в Сталинабаде обещает приложить при этом свой поддерживающий отзыв. Кроме того, я буду просить Вас не отказать мне к тому времени послать в ВАК ВКВШ в Томске также и Ваш отзыв по поводу диспута (я Вам к *тому времени* пришлю стенограмму, отзывы официальных оппонентов и еще раз свое заявление, а равно все материалы). Меня обнадеживают, что *дело может быть пересмотрено*. Очень хотелось бы иметь по поводу моей злосчастной защиты также и отзыв А.Е. Ферсмана, присланный в ВАК, но я не рискую к нему обращаться, ибо не вижу у него реального желания мне помочь, а одни *слова*. Вот как обстоит дело.

Злосчастная защита моя продолжалась с 9 ч вечера до 2^{1/2} ч ночи, а суть того, что там происходило, Вы увидите из моих заявлений в ВАК ВКВШ, а позже также из стенограммы. Я подвергся определенному нападению, которое разбило голоса. Очень надеюсь и на этот раз на Вашу помощь.

Здоровье мое по-прежнему очень плохо. Выражается это в большой слабости. Между 20–25/IV мы все переехали в Сталинабад, где я уже получил квартиру при филиале Академии. Новый адрес: *Сталинабад, Орджоникидзеабадское шоссе, 5, филиал Академии наук, старшему научному сотруднику проф. Б.Л. Личкову*. Надеюсь, что там я поправлюсь, ибо изменится мое настроение и несколько поднимется мое благополучие (хотя не очень). Без меня* моя семья получила от Вас еще 300 рублей. Горячее спасибо за поддержку. Вы представить не можете себе, как это было кстати.

Если к осени моя защита в Ташкенте не будет пересмотрена в порядке кассации, я подам осенью в географо-геологическую группу Академии наук в Свердловске (если она будет еще там) новую диссертацию и надеюсь, что там она будет принята и защищена. Буду в Свердловск ехать через Новосибирск и мечтаю тогда заглянуть по пути туда или назад к Вам, в Боровое. Надеюсь, что переезд на работу в филиал Академии в Сталинабаде сыграет роль перелома в моей жизни и злоключения мои окончатся в самом деле. По вопросам здоровья консультирую с А.И. Яроцким и стараюсь следовать его советам. Стараюсь тратить сил поменьше, но отдыхать сейчас никак не могу до переезда. Из Сталинабада поеду на полевые работы, и, может быть, это даст некоторый фактический отдых.

* Пока я ездил в Сталинабад и Ташкент.

Вся семья едет в Сталинабад с радостью, надеясь, что это даст нам облегчение и выход. Жена моя шлет Наталье Егоровне и Вам свои горячие чувства признательности и привет. Привет Вам и Наталье Егоровне тоже и от меня.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 282–283 об.

302

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 19 июня 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера получил Ваше письмо из Ташкента от 5 июня. Пишу несколько слов, так как буду ждать от Вас более точных сведений. Я хочу знать и пишу Ферсману и Обручеву, который сейчас заменил Степанова, можно ли получить доктора через Геологическое отделение Академии? Вчера как раз мне пришлось писать туда отзыв о Славянове, который в 34 г. был признан доктором по совокупности работ, но это решение не было приведено в исполнение с рядом других. Не знаю почему? Говорят, недавно ... (Край письма с текстом оторван).

Кто такой Муравейский? Что-то я помню какого-то Муравейского в старое время. Он имеет степень? Пишу Вам только несколько слов. Я думаю, Вы можете получить место в Сталинабаде, не имея степени.

Жду с нетерпением Вашего письма. Посылаю письмо в Самарканд. Пока не пишу больше ничего. Надо довести дело до конца. Как здоровье Ваше и Ваших? Какая тема Вашей диссертации точно?

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 173, 173 об.

303

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 20 июня 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я получил Ваше письмо из Ташкента и сейчас же написал Владимиру Афанасьевичу¹ в Свердловск, нельзя ли пересмотреть вопрос в Академии ввиду явного недоразумения, чтобы не сказать больше.

Тема диссертации – литогенез?

Пишу о том же Александру Евгеньевичу².

Ваш В. Вернадский

P.S. Наталья Егоровна перенесла крупозное воспаление легких. Сейчас поправилась. Анна Дмитриевна³ еще в Москве.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 174.

¹ В.А. Обручев.

² А.Е. Ферсман.

³ А.Д. Шаховская.

Боровое, 30 июня 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я писал уже Вам в Самарканд, что я писал Обручеву 20-го июня о том, чтобы в квалификационной комиссии Геологического отделения дать Вам степень по совокупности работ, и если нужно, готов подать об этом заявление в Академию.

Об этом же я написал Комарову, но до сих пор не послал письма, так как он хотел приехать сюда. Но сейчас узнал, что он поедет на Иссык-Куль.

Пошлю ему, письмо в Свердловск или в Иссык-Куль, если он не приедет.

У меня нет копии моего письма ректору Ташкентского университета, если можете, пришлите.

Я думаю, что принципиально Академия наук не должна зависеть в выборе своих сотрудников от диспутов ВКВШ и должна в нужных случаях проводить их у себя.

Анна Дмитриевна¹ вернулась благополучно, привезя свою мать и маленького племянника, очень устала, но сейчас уже поправляется и начала работать.

Мне помогала Наталья Егоровна, пока не заболела крупозным воспалением легких. Она теперь поправилась, но ей совсем запретили работать на машинке. Я теперь буду вести через день работу и над моей книгой [22] и над статьей о симметрии [30]. По последней до приезда Анны Дмитриевны мне любезно помогала вдова академика Северцова². Этой темой я очень увлечен, и, чем больше думаю, тем больше вижу, насколько этот вопрос важен.

Очень хотелось бы также кончить статью о ноосфере [24]. Посылал во Всеславянский комитет статью «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки». Не знаю, поместят ли.

Пока кончаю.

Очень радуюсь, что Вы переехали в Сталинабад, и думаю, что кончатся Ваши злоключения.

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш В. Вернадский

P.S. (приписка рукой А.Д. Шаховской)

Дорогой Борис Леонидович, прочитала вчера два Ваши письма, которые пришли без меня, и на днях найду и отошлю Вам все, что Вы просите. Сейчас я как после болезни, очень много было волнений, горя и тревоги за близких, и плоть моя изнемогла. А теперь еще много хлопот по устройству здесь моих родных. Но все же все налаживается. Так рада, что эта дорога уже позади. Всего, всего Вам лучшего. Искренне сочувствую Вашим трудностям. А.Ш.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 175, 175 об.

¹ А.Д. Шаховская.

² Л.Б. Северцова.

[Самарканд,] 30 июня 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я сейчас нахожусь в фазе переезда из Самарканда в Сталинабад и через несколько дней буду в своем новом месте жительства. Это будет дня через три. ...Адрес мой личный такой: Сталинабад, Орджоникидзеабадский поселок, д. 2, кв. 3. Адрес филиала Академии наук, где я буду работать: Сталинабад, Орджоникидзеабадское шоссе, д. 5, Таджикский филиал Академии наук СССР, Геологический институт, мне. Пишите мне на этот адрес. Дня четыре-пять тому назад я почувствовал, что у меня не хватает денег на переезд, и я решил обратиться за помощью к Вам с просьбой о присылке мне займа денег на переезд. Мне было совестно Вас просить при условии, что Вы недавно еще мне деньги присылали, но я боялся повиснуть в воздухе между Самаркандом и Сталинабадом и поэтому послал Вам свою телеграфную просьбу. Однако телеграмма, очевидно, не дошла, ибо я на нее не получил ни ответа, ни привета. Очевидно из этого письма Вы узнаете об этой телеграмме. Я кое-как, по-видимому, непосредственно с переездом справлюсь, но, видимо, после переезда будет на новом месте тяжело, и потому моя просьба кредитовать, так сказать, меня на некоторое время остается в силе. Я верну Вам эти деньги и надеюсь вернуть также те, которые Вы мне в два приема недавно послали, но не сразу. Поэтому я все-таки повторяю просьбу своей не дошедшей до Вас телеграммы.

Я очень много работал в последнее время, несмотря на то что чувствовал себя неважно. Работал над темами общего характера. В центре стояли проблема научного мировоззрения и проблемы времени и пространства. Работал очень производительно и как будто имею большие достижения, которые скоро начну в Сталинабаде сводить в общую картину. Много читал «Вопросы философии и психологии». Большое впечатление произвела там на меня фигура физика Н.И. Шишкина как в характеристике Л.М. Лопатина, так и по собственным его работам. Удивительно глубокий и интересный человек, и много в его идеях верного. Переживал я сейчас еще, хотя не в первый раз, идеи Н.В. Бугаева и только сейчас должным образом их понял и оценил. Все-таки он был очень интересный человек, и идеи его очень поучительны: соотношение ритмологии и анализа. Мы когда-то с Вами говорили о гилозоизме. Так вот, я на днях формулирую Вам тезисы свои и по этому вопросу, и по поводу пространства и времени. Мысль работала прекрасно, несмотря на неважное физическое самочувствие и слабость. В связи с проблемой времени я еще много перечитывал Бергсона (восхищаюсь им в связи с временем) и с большим интересом прочел у Дю-Преля изложение роли Бэра (К.М.) по поводу меры времени (Rehengehalten in Wissenschaftlichen Versammlungen. – Petersburg-Schmitzdorf, 1864) [1804]. Очень поучительно и интересно. Жалею, что не могу достать здесь подлинника.

О статьях Л.М. Лопатина по поводу Вашего «Научного мировоззрения» я как будто Вам уже писал. На всякий случай повторяю:

Л.М. Лопатин. Научное мировоззрение и философия. – Вопросы философии и психологии, 1905, п. 69, 70, 71, 73 [130].

Он же. Аксиомы философии (по поводу статьи В.И. Вернадского). Там же, 1905, п. 80/V/ [131].

Несколько слов по поводу своей диссертации. Из Сталинабада я пришлю Вам уже отпечатанный на машинке текст своей жалобы в ВАК ВКВШ и буду очень просить Вас туда же направить Ваш отклик на это событие в виде нового отзыва обо мне и о том, что я все-таки достоин степени доктора. Кстати, на моей защите бывший ректор Ташкентского университета, известный Вам с моих слов Муравейский, возмущенно говорил, что он будет писать «В.И. Вернадскому и А.Е. Ферсману по поводу того, что они в своих отзывах» расхваливали мои «ничего не стоящие работы». О «Литогенезе» моем, правда не во время защиты, а до нее, он говорил, что это – «ничего не стоящая работа, в которой нет никакой мысли». Сейчас я узнал, что в основе всей истории с моей защитой лежит интрига против меня «приятеля» В.П. Смирнова, который настроил против меня Муравейского и последний начал уже дальше орудовать, тогда как Смирнов отошел в тень...

Пишите мне, и поскорее, в Сталинабад. Еще отклика от Вас на скандал с моей диссертацией я не имею и вообще оторвался от Вас. Как здоровье Ваше и Натальи Егоровны? Вернулась ли Анна Дмитриевна? Мы все здоровы, только Зина¹ после болезни никак не может вполне оправиться: очень раздражительна, каждую минуту плачет, и мы за нее боимся. Я очень сожалею, что в связи с переездом покидаю А.И. Яроцкого, который мне очень понравился. Человек он незаурядный. Думаю, что я буду с ним переписываться.

Пишите же о себе и о своей работе, откликнитесь на скандальную историю моей защиты.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 287–290 об.

¹ З.Б. Личкова.

306

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 20 июля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я думаю, что у Вас в Самарканде с почтой что-то неблагополучно. Тотчас по получении Вашей телеграммы, 1 июля, я послал Вам телеграфом в Самарканд 700 р. Надеюсь, что Вы их получили. Пожалуйста, напишите.

От Обручева я получил, что он считает, что Вы по совокупности работ имеете все права быть доктором, но что он считает, что Академия не должна вмешиваться и нужно ждать решения кафтановской комиссии¹.

Я с этим не согласен. Это хорошо, если в Сталинабаде Вам платят полное содержание.

Никак не могу поймать наш Президиум – президента и вице-президента. Письмо Комарову, который должен был приехать сюда, осталось непосланным. Он теперь в Алма-Ата, но, куда направится оттуда, никто не знает.

Правда, теперь лето. Первый вице-президент Волгин должен был приехать сюда, но не приехал. Жена не захотела ехать в том вагоне (жестком), который получили академики, и осталась в Свердловске. Я хотел писать в Свердловск, как узнал, что он все-таки на днях сюда приезжает, и тогда я с ним обсужу все дело.

Александр Евгеньевич² тоже скоро должен приехать в Свердловск, и тогда я с ним спишусь. Он все время в разъездах. Кто такой В.И. Попов, который выступал на Вашем диспуте, и украинцы?

Напишите, как оплачивается Ваша работа в Сталинабаде? Послал С.С. Ковнеру Ваш новый адрес. Он пишет, что статья [64] будет напечатана, но что требуются сокращения.

Держитесь крепко. Я думаю, что все кончится благополучно.

Сердечный привет Вам всем от нас обоих.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 183, 183 об.

¹ См. комментарий 1 к письму 250.

² А.Е. Ферсман.

307

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 23 июля 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович, писал Вам 20 июля.

Сегодня напивал Обручеву. И написал ему, что если Вы будете получать оплату Вашей работы в Сталинабаде полноценно, то можно Вам ждать решения ВАК, но если она не будет такой, то я подам в Геологическое отделение предложение о присуждении Вам доктора по совокупности работ.

Я думаю, что присоединятся и другие геологи. На всякий случай приготовьте мне материал.

Где теперь академик Е.Н. Павловский? Это очень крупный ученый и мой старый приятель по Комиссии по истории знаний. Он председатель президиума Вашего филиала? Как его адрес?

Над чем Вы будете работать в филиале? Как Ваше здоровье?

Сердечный привет всем Вашим от нас обоих.

Получили ли Вы деньги, посланные 1-го июля в Самарканд *телеграфом*?

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 176.

Сталинабад, 24 июля 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

пишу Вам это письмо уже из Сталинабада, из филиала Академии наук, где я начал свою работу 10 дней тому назад. На второй день по прибытии сюда я получил Ваше письмо с припиской Анны Дмитриевны и был страшно им обрадован. Как-то очень приятно показалось, что Вы меня так сразу разыскали в Сталинабаде.

Итак, я опять работаю в Академии наук СССР, хотя и по линии далекого филиала. Это мне очень, очень приятно сознавать, ибо подает надежду, что когда-нибудь и ближе выберусь. Я долго не мог собраться Вам отсюда написать, потому что все никак не налаживались наши дела: девочки и жена прихворнули на новом месте, устраивать надо было хоть какой-то элементарный уют жизни без «вещей», они еще на пути из Самарканда сюда и т.п.

Сталинабад жене и девочкам моим очень понравился. Город красивый, уютный, даже нарядный. Жарко, правда, но очень много тени.

Жизнь дешевле, чем в Самарканде. Положение мое материальное здесь видимо улучшится. Я получил здесь оклад 1100 р., видимо, с осени начну работать еще по линии преподавания и тогда буду получать еще больше. Отеки мои в последние дни пребывания в Самарканде совсем было исчезли, но сейчас опять возобновились, хотя я себя чувствую много бодрее, чем в начале своей болезни. Временами даже чувствую себя совсем хорошо, хотя продолжаю перманентно худеть.

Через неделю собираюсь ехать на полевую геологическую работу по изучению молласов юго-западного Таджикистана. Работа, по-видимому, очень интересная. Придется выработать новую методику по изучению ритмичности отложений. Нечто подобное производил уже геолог П.К. Волоевич (Баку), но над Кавказским флишем, а по молласам в этом смысле работал только геолог В.И. Попов (Ташкент), методика которого, судя по его рукописям, не очень удовлетворяет. У Волоевича много больше ясности мысли.

В последнее время я в связи с вопросом о космическом происхождении геологических сил много работал над своей статьей на эту тему. Продумывал вопрос о пондеромоторных и электромагнитных полях и в связи с этим читал Максвелла, Эйнштейна и Канта. Последнего читал в аспекте влияния на него Ньютона, и от этого получил много интересного. Читал «Грезы духовидца, подкрепляемые грезами метафизика» [123] и ряд других докритических работ Канта. Получил массу нового, тем более для меня интересного, что незадолго перед этим я обновил в памяти Вашу работу о Канте [2]. Читал и его космологию в нескольких его собственных изложениях начиная с 1745 г. Еще раз утвердился в том, что по линии силы тяжести тектоника в большей своей активной части создается вземными пондеромоторными силами. Земным тяготением создаются только опускания. Закончил большую книгу по геологии (Вам в значительной мере известную) «Формы рельефа как производное полей тяготения» [68]. Как будто очень интересно и ни на кого не похоже.

Наткнулся недавно в «Вестнике Академии наук» за 1937 г. на рецензию Милановского (покойного) на свою книгу о движении материков во втором издании [135]. Испытал большое удовлетворение: очень спокойная, обдуманная и справедливая рецензия.

Недавно в связи с некоторыми вопросами биологической эволюции на фоне геологии читал книгу А.Н. Северцова о «Морфологических закономерностях эволюции» [152]. Северцов мой учитель. Я много получил в свое время хорошего от его обаятельных, красочных лекций (по красноречию с ним могу сравнить только Ферсмана). Работу его читал с удовольствием и много от нее получил. Только все-таки он узок. Я высоко ставлю мысли его – а раньше Э. Кони и Н.К. Михайловского – о прогрессивной эволюции. Вы упоминаете в Вашем письме о Л.Б. Северцовой, которая помогала Вам в работе. Так вот я прочел ею написанную биографию ее мужа [154], и очень она мне понравилась, гораздо больше, чем аналогичный очерк П.П. Шмальгаузена и Б.С. Матвеева [167, 133]. Я сказал бы только, что киевский период работы А.Н. Северцова, и его лекции этого периода (я испытал их чарующее влияние) заслуживают более ярких красок. Да и университет был сильнее, чем она описывает. В числе профессоров-естественников она пропустила такие крупные силы, как Н.И. Андрусов и И.А. Петриевич, а на других факультетах стоило упомянуть А.И. Гилярова и Г.И. Челпанова. Ее очерк стоило бы издать отдельной книгой и шире распространить. Все-таки А.Н. был человек не маленький.

Читали ли Вы в сборнике памяти Северцова работу его сына «Хищник и жертва» [153]. Работа путаная, выводы неопределенные, но тема поразительно интересная и интересная постановка вопроса. Много созвучного с Вашими работами 1925–1927 годов о размножении. Почему он Вас не знает? Очень меня интересует флюктуация размножения живых существ по 3–4-летиям, 9–11-летиям и брюкнеровским периодам. Если бы я не ехал сейчас на полевые работы, я непременно занялся бы этим вопросом, но думаю, что подойду к нему через ритмы слоистости молласов. Это будет проработано в аспекте геологического времени.

По вопросу о своей неудачной диссертации подбираю материал для касационной жалобы, которую скоро посылаю в ВКВШ, а копию хочу послать Вам и Ферсману, с просьбой о поддержке.

Недавно читал интересную книгу о Демокрите («Демокрит о науке») одного грузина (С.И. Данелия, Тб., 1935) [117]; работа довольно интересная, издана Тифлисским университетом.

Получил недавно письмо от С.С. Ковнера, где он мне пишет, что статья моя «Пояса полесий и происхождение основных элементов рельефа Русской равнины» на днях выходит из печати в № 4–5 «Известий» по географической серии за 1941 г. [55]. Прочтите эту статью. Я совсем было ее забыл, но теперь сознаю, что она одно из лучших моих произведений. Очень огорчил меня Ковнер сообщением, что мой «Литогенезис» слишком велик и что его надо сократить вдвое, чтобы он был напечатан. Когда я это сделаю? Ведь сейчас надо ехать на полевые работы.

Копию Вашего отзыва о «Литогенезисе» [64] моем я Вам пришлю. Только имейте в виду, что я не магистр геологии, а всего только магистрант. Вы допустили здесь маленькую ошибку.

В Сталинабаде меня встретили хорошо, и я, видимо, буду чувствовать себя уютно. Очень хотел бы получить доктора по совокупности работ. Надеюсь и верю, что я этого заслужил.

Большой привет Наталье Егоровне. Надеюсь, что она уже совсем оправилась. Жду Вашего письма.

Ваш Б. Личков

P.S. Еще читал статьи Вл. Соловьева о славянофилах и книгу Н.А. Бердяева о С.А. Хомякове. Получил и от того и от другого много интересного и поучительного. С интересом проглядел книгу Г.Ф. Гаузе об асимметрии протоплазмы, которой до сих пор не знал. Сопоставляю ее сейчас с Вашими соображениями. Вообще пространства и времени я тоже не бросаю.

АРАН, ф. 518, оп. 2, № 53, л. 39–41 об.

309

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 11 августа 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович, сегодня получил от Вас письмо. Вы не пишете, получили ли Вы деньги, думаю, что получили? Они были посланы в Самарканд.

Пишу Вам теперь же, так как только что получил письмо от Обручева, где он пишет: «По делу Личкова скажу, что если Вы внесете предложение в Институт геологических наук АН с достаточной мотивировкой и отзывом о его геологических трудах, то я, конечно, присоединюсь и думаю, что и другие подпишутся.

Но желательно иметь в отзыве разбор хотя бы главных работ Личкова, так как здесь трудно будет найти их, и это задержит решение».

Очень прошу Вас вследствие этого прислать список трудов и *curriculum vitae*¹, а то выйдет как в тот раз, что Вы не магистр, а магистрант². Помогите и в изложении тех работ, которые Вы считаете наиболее важными. Я их, конечно, читал, но у меня под рукой их нет. С этим делом не откладывайте. Я думаю, подпишут и Степанов и Ферсман.

Я в последнее время очень увлечен статьей «О геологическом значении симметрии» [30]. Ее кончаю.

Хотелось бы, чтобы Вы прислали этот материал до Вашего отъезда в экспедицию. Сердечный привет от всех нас Вам и всем Вашим.

Деньги были высланы Вам 1-го июля в Самарканд.

Ваш В. Вернадский

P.S. (Приписка А.Д. Шаховской). Дорогой Борис Леонидович, посылаю Вам немедленно работы, которые Вы просите. А. Шаховская.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 177, 177 об.

¹ Биография (лат.).

² См. письмо 307.

Сталинабад, 13 августа 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

из последних Ваших писем и особой записки Анны Дмитриевны я вижу, что Вы, по крайней мере, одного моего письма не получили и поэтому у Вас содалась неизвестность в вопросе о том, получил ли я посланные Вами деньги. Да, получил еще в Самарканде и тотчас же еще оттуда послал Вам об этом извещение и краткое благодарственное письмо! А отсюда из Сталинабада я писал Вам уже несколько раз, и первое же письмо посвятил описанию трудностей переезда. Вот, очевидно, этого письма, как и письма из Сталинабада – последнего, – Вы от меня не получили.

Глубокая и горячая благодарность Наталье Егоровне и Вам от меня, жены и всей нашей семьи за Вашу дружескую помощь нам в момент переезда. Я уже выражал Вам свои чувства по этому поводу, но, видимо, мое письмо не дошло по адресу. Пишу поэтому еще раз. Мне очень совестно, что я Вас по этому поводу беспокоил, но помощь была мне очень и очень нужна, и мне не к кому было обратиться, кроме Вас. [...]

Вот в этих тяжелых условиях я решил обратиться к Вам за помощью. Сейчас все это уже прошло, и с Вашей помощью переезд в Сталинабад все-таки утрясся. Здесь отношение ко мне очень хорошее, и я уверен, что и силы свои я здесь восстановлю, и большие работы разовью, и что жить нашей семье будет здесь сносно.

[...] Я должен в ближайшее время ехать на полевые работы (геологические исследования в связи с нефтью) в богатую земными плодами (дыни, арбузы, виноград и пр.) долину реки Вахша, впадающей в Пяндж (Амударью), и поработать там месяца два. Работа очень интересная, хотя я сомневаюсь, чтобы она дала что-нибудь для нефти. В центре моего внимания будет стоять изучение закономерностей ритмичности отложения в мощной толще красных палеозоических и четвертичного времени. Отложения несут характер молласов и сходны с флишем. Поэтому работы мои примыкают к большому циклу исследований, которые по этому вопросу велись на Кавказе (Н.И. Волоевич), в Средней Азии и в других местах. Мне очень хочется скорее выехать в поле и начать работу, хотя боюсь и за свои силы и не хочется оставлять семью.

Пока работаю камерально. Просматриваю «Nature» за последние два года и англо-американские специальные журналы. Написал попутно интересную статью о землетрясениях. Одновременно с этим письмом я Вам посылаю две заметки, которые прошу направить в «Доклады»; о «Литогенезе» и «Изменениях рельефа» [64, 63].

Привет Наталье Егоровне и Вам от нас обоих.

Ваш Б. Личков

Сталинабад, 27 августа 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я на днях получил Ваше письмо от 11/VIII, где Вы сообщаете о готовности В.А. Обручева присоединиться к заявлению о присуждении мне степени без защиты, и это произвело на меня большое впечатление. Я не сомневаюсь, конечно, что Степанов и Ферсман тем более присоединятся. Нужен ли для этого дела А.А. Борисьяк, или он в геологической группе сейчас не числится?

Просимый Вами *curriculum vitae*, список моих трудов и обзор содержания главнейших из них я Вам немедленно посылаю. Думаю, что этот обзор, хотя он и длинен, поможет Вам выделить то, что я считаю в своей работе главным, и именно на этом главном сосредоточить отзыв.

Но у меня вот какие сомнения. Как ни велик удельный вес отзывов академиков, их заявление может быть обречено на неуспех и степени мне все-таки не дадут, если при посылке заявления от имени академиков замолчать мою неудачную защиту в Ташкенте. Замалчивать ее нельзя, и материалы по ташкентской защите нужно *вместе* с отзывом академиков послать в ВКВШ. Я обсуждал этот вопрос здесь с дружественно расположенными ко мне людьми, в особенности с директором Геологического института филиала С.И. Ильиным, а также с зам. директора филиала Б.Е. Быховским, и они тоже полагают, что в Томск, в ВАК ВКВШ, нужно *одновременно* послать и мой протест-кассацию с приложением отзывов о диссертации оппонентов, и все отзывы обо мне отдельных лиц, и, наконец, мнение академиков. Думаю, что и Вы согласитесь с этим. В связи с такими обстоятельствами С.И. Ильин, человек, весьма тепло и хорошо ко мне относящийся, отдал распоряжение перепечатать все документы моего диссертационного дела вместе с моим протестом. В двух экземплярах это все, в том числе мнение и заявление филиала Академии, будет послано к Вам, с тем чтобы Вы не отказали принять меры к тому, чтобы оба экземпляра попали в ВКВШ. Может быть один непосредственно туда, а другой через геологическую группу Академии наук. Или может быть просто оба экземпляра провести через геологов Академии и только после этого переслать в ВКВШ. Хотелось бы чтобы тут не получилось разрозненности, а, наоборот, чтобы было единство действия и сила удара. Я буду Вам глубоко благодарен, если Вы примете участие в этом деле и поможете его проведению. Думаю, что технически в нем не откажет помочь Анна Дмитриевна, путем подбора всех документов и непосредственной их отсылки. Все будет прислано немедленно вслед за этим письмом.

Вы спрашиваете в одном из Ваших писем об Евгении Никаноровиче Павловском. Да, он состоит директором нашего филиала. Он сейчас только что вернулся из поездки в Иран и направляется в санаторий Архангельское под Москвой, где будет отдыхать. Точный адрес его я дальше напишу. Так как академик Е.И. Павловский далек от дел геологических, геологов знает мало и со мной почти незнаком, то было бы неплохо, если бы Вы написали ему письмо обо мне, дав там мою характеристику. Правда, филиал будет меня поддерживать отсюда и без Павловского, но, если он будет в курсе дела и,

если понадобится по ходу дела впоследствии, тоже примет участие в этом деле, это будет еще лучше. Поэтому, повторяю, если Вы ему напишете, будет неплохо.

Весь же материал будет послан Вам на днях, и только по приведении всего в порядок я уеду в свою экспедицию. Еду я на работу с большим удовольствием и радостью, ибо хочется конкретно зацепиться за тематику местной природы, но, признаться, я впервые в жизни *боюсь* экспедиции. Не знаю, хватит ли у меня для нее сил. Хотя я себя сейчас чувствую много лучше, свежее и сильнее, чем в Самарканде, но силы мои далеко не те, что были год назад, и я робею. Пугает немного и срок экспедиции. Ехать придется до декабря, а я боюсь, как тут без меня обойдется моя семья. Я буду очень за нее волноваться, а в особенности за жену, которая неслыханно похудела, очень нервничает все время, и явно чувствует себя совсем неважно. Я все время буду за нее очень неспокоен. Но ехать все-таки надо. Может быть, удастся как-нибудь сделать перерыв в работе на короткое время и посмотреть во время этого перерыва все ли благополучно дома: ведь я, в сущности, буду от дома близехонько – в нескольких часах езды на автомобиле.

Тема моей полевой работы достаточно интересна и относится к области литогенеза, который захватывает меня все больше и больше. Ведь я буду работать в своеобразной наземной геосинклинали и изучать ритмичность ее отложений.

Сейчас я работаю очень много и интенсивно. С жадностью глотаю ту небольшую литературу иностранную последних лет, которая здесь имеется, но которой не было в Самарканде. Получаю совершенно новые и очень интересные выводы по взаимоотношению материков и океанов, которых ни у кого еще до сих пор не было. Даю совсем новую трактовку горизонтальных движений материков и новое законченное толкование тектоники Атлантики! Напишу Вам об этом особо в следующий раз. Досадно мне очень, что я сейчас из-за поездки не смогу довести до конца нескольких очень интересных и вполне готовых тем, которые сидят у меня в голове: «О будущем океанов на земном шаре», «О подводных каньонах и движении материков». Недавно написал работу о землетрясениях, которая, как мне представляется, весьма интересна и ценна по обоснованности выводов и их свежести.

Пока кончаю. Большой привет Наталье Егоровне и пожелания всего лучшего.

Очень волнует положение дел на фронте. Тревожит положение дел на Кавказе. Я надеюсь все-таки, что мы с немцами справимся.

Ваш Б. Личков

P.S. Послал я Вам две свои небольшие заметки для «Докладов» Академии. Не откажите поддержать их и направить. Отчего и где умер П.П. Лазарев? Не забудьте о том, что Вы хотели прислать мне Эддингтона. Я и во время экспедиции его посмотрю. Работа моя на этот раз очень стационарна. Книгу мне перешлют.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 49, 50–51 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 28 августа 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

как я Вам писал в прошлом письме, Обручев согласен подписать и принять мое заявление о Вашем докторстве по совокупности работ.

Я не сомневаюсь, что и Ферсман, если удастся захватить его, не откажется его подписать.

Но, мне кажется, достаточно будет даже моей и Обручевской подписи. Не откладывайте этого дела и сделайте его до Вашего отъезда. Список Ваших работ у меня имеется с 1912 по 1941 г., всего с рецензиями 162 названия. Пришлите дополнения или, если можно, пришлите полный список, так как эту тетрадку Вашу я хотел бы сохранить у себя. Пришлите подробное жизнеописание. И мне очень важно было бы, чтобы Вы дали *свою оценку важнейших* Ваших работ.

Не надо упускать момента. Я Вам отослал заказным мою статью о времени [14]. Надеюсь, Вы ее получили?

Это было уже давно, в Самарканде.

Сейчас я заканчиваю статью о геологическом значении симметрии [30]. Может быть, сделаю здесь о ней доклад; думаю, что эта статья может вызвать возражения со стороны философов.

Если Вы можете мне прислать Вашу книжку 1914 г. «О границах познания» [39], то я очень прошу Вас это сделать. Верну обратно.

В своей статье я говорю о логике естествознания как логике вещей, а не логике понятий. Развитие моих мыслей 1926 г., изложенных в «Биосфере» [9].

Ваших писем из Самарканда о получении денег я не получил. Самаркандская почта, по-видимому, никуда не годится. Сегодня получил Ваше письмо от 13 июля и узнал, что Вы получили деньги и очень рад. Еще раз: не откладывайте дать мне материалы для отзыва.

Сердечный привет всем Вам от нас всех.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 178, 178 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 31 августа 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

сейчас перепечатаются на машинке материалы, связанные с моей злощастной диссертацией¹, для отсылки Вам. Вы получите следующее: текст моих двух заявлений в Высшую Аттестационную Комиссию ВКВШ – общего и по частному вопросу, рецензии на диссертацию официальных оппонентов, мое заключительное слово на диспуте и еще отзывы обо мне Эдельштей-

на, А.Е. Ферсмана и П.Н. Чирвинского. Начали это все перепечатывать вчера и дня через 3–4 кончат. После окончания переписки по этому поводу будет иметь суждение Президиум филиала и присоединит также свое мнение, направив его Вам же. Вы просили меня, чтобы облегчить Вам писание отзыва обо мне, дать материалы о себе. Для этой именно цели я одновременно с этим письмом посылаю Вам свое жизнеописание – самое краткое. Что касается рукописи о трудах, то в ней 87 с., из которых 32 с. составляют перечень моих работ с разделением на два раздела – крупные и мелкие (крупные занимают с. 65–80, т.е. 15 с.). Изложение моих идей и содержания моих работ занимает страницы 1–64, причем здесь указана связь моих идей с идеями других лиц – учеников, последователей, соседей и пр. Вы просите в Вашем последнем письме, чтобы я для облегчения Вам работы *выделил* главное. *Это мною сделано на с. 52–64, т.е. занимает 12 с.* Обратите внимание на эти страницы. Я очень хотел весть этот текст перепечатать на машинке, но к сожалению, здесь так загружена машинка, что это не удастся и придется посылать «образец» моего почерка. Но ведь Вы его разбираете. Таким образом, я думаю, что моя рукопись Вам поможет в этом добром для меня деле. Мне только помнится, что у Вас эта рукопись уже есть, так как я Вам ее в Боровое посылал и имею даже в одном письме Ваш отклик на ее содержание. Она вам, как будто, тогда понравилась.

Вы мне продолжайте писать в Сталинабад, не смущаясь моим отъездом. Ведь я буду от города в 150–200 км, и письма мне будут пересылать. Они для меня – большая радость всегда. По-видимому, все-таки не все письма доходят или не на все Вы мне ответили. Я Вам писал как-то, что Ваш скептицизм в философии очень похож на точку зрения Маркса – Энгельса. Вы на это не реагировали, может быть, вследствие специфической природы вопроса. В связи с этим же я посылаю Вам брошюру Плеханова, где говорится о гилозоизме, о котором мы с Вами тоже как-то говорили. Ответа тоже нет. Писал я Вам о Марре и его лингвистических теориях² (ведь Вы его много читали!), а ответа не получил. Наконец, по вопросу об Усановиче и его научных успехах я получил очень глухую ссылку на какое-то письмо, которого я не получил, и я так и не знаю, что Вы об Усановиче думаете: пошел он вперед или нет? По-моему, очень пошел!

Мы все здоровы, хотя жизнь дается с большим трудом. Со страхом думаем о зиме и проблемах топлива, продовольствия, освещения в это время, а пока все еще терпимо. До *зимы* во всяком случае доживем. Меня пугает только Анна Дмитриевна, которая страшно исхудала и прихварывает. Зина очень болезненно нервна после тифа и портит жизнь всему семейству, но как будто ее дела все же исправляются. Она имеет временную работу лаборанта в Институте Е.И. Павловского у его заместителя зоолога Б.Е. Быховского. Хорошо было бы, если бы она себя зарекомендовала и ее оставили на постоянную работу. Ольгуша сегодня пошла в школу и начинает учение. Она в седьмом классе уже. Вот она вполне здорова. Я чувствую себя много лучше, чем в Самарканде, но временами у меня сильная слабость. Вчера получил письмо от А.И. Яроцкого. У него потеря основного заработка, и он несколько недель не устроен. Мне пришло в голову, нельзя ли его связать по работе с

Институтом Павловского и перевести сюда. Не поговорите ли Вы об этом с Евгением Никаноровичем (письменно, разумеется).

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 53, л. 52–53 об.

¹ См. письмо 298 от 5.VI 1942 г.

² См. письмо 293 от 25.IV 1942 г.

314

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 6 сентября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я все еще в Сталинабаде, но, по-видимому, завтра выезжаю на полевые работы, на которых пробуду до ноября. [...]

О предстоящих полевых работах думаю с удовольствием и надеюсь, что они подправят как мое здоровье, так и положение моего кармана. К тому же и тема работ довольно интересная и небанальная – по линии изучения континентальных красноцветных отложений и их тектоники.

В связи с этой темой я в последнее время много думал над проблемой слоистости отложений, осадкообразованием и периодичностью осадков и наметил некоторые интересные, как мне кажется, направления работы. Помните ли Вы, что когда Шлиман раскапывал Трою, то в Гиссорманском холме, на котором им производились его раскопки, им было обнаружено один над другим 7 рядов; из них два нижних относились к неолиту (троянской культуре), несколько – к культуре гомерической и, наконец, последние – к микенской. Один из соратников его, Демман, выяснил позже, что этих городов было даже не семь, а 9! Вот мне думается, что напрасно геологи до сих пор не обращали внимания на закономерности образования «культурных слоев», с которыми мы здесь имеем дело. Ведь на это нужно обращать внимание и геологически к этому подойти. Кроме того, важна геоморфология тех поверхностей, на которых отлагаются эти осадки. Здесь геология, мне думается, сможет сильно помочь археологии и истории уточнить хронологию и возраст отложений. Много можно здесь сделать геоморфологическими методами!

Раздумывая над этой проблемой, я обратил внимание еще на следующее. Когда в Средиземноморской области – на Крите, в Малой Азии и Египте – процветала микенская бронзовая культура, в Финляндии только-только начинался неолит, и, когда в Финляндии был палеолит, это по времени отвечало троянской культуре в Малой Азии и неолиту в Египте. Очень это любопытно. Выходит, что культуры и, вероятно, человек определенно зарождались у экватора, в тепле, и много позже попали на север и даже в центральные широты... Я все больше углубляюсь в этот вопрос в геологическом аспекте и вижу в нем много интересного¹.

Получили ли Вы две мои заметки для «Докладов Академии»? Я очень прошу Вас поддержать их напечатание.

Много возился я в последнее время *опять* с движением материков в связи с книжкой американца Дю Тойта (1937) [187], которая мне недавно стала известна, и еще раз убедился, что обойтись без его допущения нельзя. В одном только неправы и Дю Тойт, и Вегенер, и Тайлор, это в том, что они забывают совсем о мощных движениях поднятия, которые *чередовались* с горизонтальными движениями материков. Были и движения опускания. Их я особенно проработал внимательно сейчас и могу сказать, что они не противоречат движению материков. А факты здесь основные: это – продолжение долины Конго на глубине 2000 м, такое же продолжение долины Адура и пр. и вообще окаймление Европы и Америки в Атлантическом океане тремя ступенями погруженного плато – как бы глиноземных террас. Я просмотрел ряд интересных американских и английских работ по этому поводу и составил небольшую тектоническую карту Атлантики, сопоставив ее с такою же картой Тихого океана. Подготавливаю по этому поводу статью, которую, однако, сейчас придется отложить до возвращения из моей командировки.

Еще на очереди у меня стоит проработка проблемы геологического времени на основе микропериодичности осадков. Здесь многое уже формулировано и написано, но надеюсь, что многое добавит мое изучение красноцветов на полевых работах.

Сейчас здесь переписываются все материалы по моему злосчастному диспуту – моя кассационная жалоба, отзывы официальных оппонентов и пр. Вероятно, все это будет послано Вам вместе с мнением Президиума филиала, а Вы, я надеюсь, присоедините сюда мнение академиков геологов, и с ним вместе все это пойдет на пересмотр в ВАК ВКВШ.

От Вас писем нет довольно давно, а главное, что меня огорчает, – это то, что Вы ничего не пишете о Ваших новых выводах в работе о пространстве. Я жажду их знать, ибо я формулировал ведь свои выводы и работаю над этим дальше. Одна из моих заметок в «Доклады» Академии, которую я Вам послал, говорит об этом. Пишите. Я очень жду Ваших писем. Все мы здоровы, кроме Анны Дмитриевны, которая все прихварывает, да Зина еще очень тревожит своей нервностью и «истериками».

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 53, л. 45–46 об., 48–48 об.

¹ Судя по археологическим находкам в Африке и Индонезии, человек действительно появился в тропиках.

315

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 9 сентября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я посылаю Вам в этом пакете все материалы по моей защите, кассационную жалобу в ВАК ВКВШ и копию заявления, которое мною подается одновременно в филиал таджикский о поддержке. Весьма возможно, что филиал свое мнение пришлет Вам для передачи в Геологическую группу Академии наук СССР и дальше.

Одновременно я в посылаемый Вам пакет вкладываю и свое обращение о поддержке, обращенное к геологам-академикам. Я именую это «геологической группой» Академии. Думаю, что если даже эта терминология неправильна, то по адресу дойдет и своей цели достигнет. Несколько времени назад я Вам послал пакет с материалами для рецензии-отзыва. Думаю, что Вы его получили. Ну, в добрый час, очень надеюсь на Вас, что вы создадите перелом в этом моем деле.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Дополнительно я пришлю Вам еще отзывы А.Е. Ферсмана, Я.С. Эдельштейна и П.Н. Чирвинского обо мне. Посылаю тут же!

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 53, л. 47–47 об.

316

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 24 сентября 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только сегодня Анна Дмитриевна начала мне читать обзор Ваших научных работ. Глаза мои в таком состоянии, что я стараюсь сам меньше читать. Время мое расположено так: до обеда я занимаюсь с А.Д. над первым томом «Химической структуры биосферы» [22], который вчерне кончен и который я перепечатаваю, а на другой день работаю сейчас над статьей для Академии наук «Памяти П.А. Земятченского» [32], моего старого друга и до известной степени учителя. Он исполнял обязанности ассистента, когда я был студентом младших курсов, и на практических занятиях учил меня кристаллографии.

Эту статью я надеюсь скоро кончить и тогда буду писать отзыв о Вас. Пока я получил только Вашу рукопись о Ваших работах. Список работ был у меня и раньше. Жизнеописание пока еще не получил. Не получил и новых материалов по вопросу о диспуте (на машинке), еще не получил и жду. С книжкой Плеханова произошел казус: я думал, что Вы мне ее прислали по ошибке, так как Вашего письма об этом я не получил. И я отослал Вам ее обратно заказным. [...]

Я закончил свою статью о геологическом значении симметрии [30] и хочу написать заметки по истории Украинской академии наук для журнала «Славяне»¹, может быть, обращусь за Вашей помощью. Не знаю, жив ли Крымский². [...]

Перед тем как ее писать, я хочу написать отзыв о Вас, работая над этим через день до обеда.

Павловскому напишу.

Сердечный привет всем Вашим от всех нас.

Работы Усановича об основаниях и кислотах я считаю интересными и по существу правильными. Я как-то писал ему отсюда в Ташкент, но не получил ответа.

Марр умер [...]. У меня с ним были очень хорошие отношения, но последние его работы мне были непонятны. Но, когда я с ним говорил о них на словах, это было очень интересно. Я думаю, что там есть зерно истины.

Ваш В. Вернадский

П.А. Земятченский умер в больнице в Ленинграде в конце февраля. Это был очень оригинальный и крупный «докучаевец». Знаете ли Вы, что умерли Мирчинк и Криштофович?

Вы мне не прислали точного адреса Е.Н. Павловского.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 179, 179 об.

¹ Статья не была напечатана.

² А.Е. Крымский скончался 24 января 1942 г.

317

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Вахшская долина, 9 октября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

совсем на днях я получил с оказией из Сталинабада Ваше письмо от 28/VIII. Оно шло один месяц и 11 дней. Ужасно медленно ходят письма сейчас. Отсюда до Сталинабада расстояние 150 км, а письма сюда из Сталинабада приходят на пятый и шестой день. Все материалы о самом себе я Вам послал и буду ужасно рад, если Вам удастся это дело двинуть по правильному пути и я получу, наконец, долгожданную, выстраданную степень. Оценка моих работ мною самим также имеется в присланном мною Вам материале. Я попытаюсь здесь в этом письме данную оценку еще раз дать. Считаю, что мой высокий подъем вверх в качестве ученого начинается с 1926–1927 годов когда мне удалось сформулировать ряд ярких и оригинальных обобщений, касающихся наземных аллювиальных равнин. Тут и мысль о полесьях, пересекающих закономерно Русскую равнину, и идея о закономерности возникновения таких равнин у краев как материковых, так и горных оледенений, и мысль о связи этих равнин с эпейрогеническими движениями и их закономерностью, и, наконец, мысль о приуроченности этих равнин на основе связи с движениями земной коры с определенными эпохами в истории планеты, а в силу этого связь их с геосинклиналями. Важным считаю, что все эти идеи вытекли у меня не из отвлеченных каких-нибудь умственных хитросплетений – явились логическим выводом из материалов собственных полевых наблюдений, к которым впоследствии уже привольно, вполне без натяжек добавился еще чужой материал. Я начал с Днепровской левобережной аллювиальной равнины. Ее предвидели и частью видели многие геологи: и Армашевский, Гуров, и Оппоков, и в наши дни одновременно со мной Д.Н. Соболев и Н.И. Дмитриев. Но *только* я сблизил ее с полесьями и на основе существования пояса полесий сформулировал новую и для нее и для Европы мысль о долинных зандрах, связав ее с эпейрогенией. Ни у старых геологов, ни у моих современников ее не было, как не было и идеи об аналогичности аллювиальных равнин околосредиземноморских с такими же равнинами околосредиземноморскими. Все эти мысли сейчас признаны и вошли

в науку как обобщение, характеризующее особенности четвертичного времени. Днепровская левобережная низина дала мне ключ к пониманию всей эпохи, и вслед за мной это приняли другие, так что сейчас идея эта вошла в учебники. В большую заслугу себе я ставлю, однако, что я пошел дальше этого, найдя большие наземные аллювиальные равнины и в более далекие фазы жизни планеты – кембрий, девон, пермь; сюда относится мое трактование древнего красного песчаника, нового красного песчаника и т.п. Это было совершенно новое и, по-моему, единственно возможное толкование данных отложений. С легкой руки Вальтера, Тутковского и др. их пытались понять как красноцветные отложения пустыни, связывали с ветром и его работой и пр. Еще сейчас в IV или V томе трудов Международного геологического конгресса в Москве (1937) ряд авторов-иностранцев дают толкование этих отложений как пустынных, а они так просто объясняются как наземно-водные, речные. Я считаю, что это открытие древних дочетвертичных равнин, их прочное обоснование, доказательство полной аналогии их с наземными аллювиальными равнинами четвертичными – едва ли не главная моя заслуга. Из этой мысли вытекает полная обоснованность периодической повторяемости наземных аллювиальных равнин вместе с геосинклиналями, связь их с тектоническими фазами, утверждение его я считаю третьим важным циклом моих оригинальных геологических идей, имея в виду, что всегда – и в прошлом и в настоящем ритме Земли – наземные аллювиальные равнины и геосинклинали были связаны с эпейрогенезисом. Наконец, четвертым важным циклом своих идей, тесно связанным с предыдущим и из него вытекающим, я считаю свои идеи о современной геологической эпохе и ее природе, установление закономерного места *таких* эпох в истории планеты и, следовательно, установление на этой основе главнейших закономерностей историко-тектонического развития планеты. Вот то, что я считаю в своих идеях главным. Это все звенья одной цепи, части одного целого, началом которого явилась Днепровская аллювиальная равнина и Припятское полесье.

Очень хотелось бы мне прислать Вам мою книгу 1914-го г. о границах познания [39], ибо приятно было бы, чтобы Вы ее перечитали и сказали сейчас в новом аспекте свое о ней суждение. Много вижу я в этой книжке недостатков, но смею и сейчас думать, что это книга неплохая. Ведь Вы ее знаете и читали. В 1917 г., когда мы с Вами познакомились, Вы уже хорошо знали меня именно по этой книге. А я это хорошо знаю и запомнил, как запомнил и то, что причиной интереса Вашего ко мне тогда в значительной мере была эта книга. К сожалению, книги этой здесь у меня нет и прислать ее Вам я сейчас не могу. Мне это ужасно жаль.

Считаю, что с 1926 – 1927 гг. мысль моя как ученого поднимается все выше и выше, и что формулирую все более и более важные большие обобщения. Лучшее из того, что я написал, еще не напечатано и написано в последние годы: это – ряд крупных и важных работ, охватывающих все геологи. Глубоко убежден, что я сейчас в апогее научного творчества по сравнению с прошлым, и что все до сих пор напечатанное, это – прелюдия к главному, а оно пришло сейчас. Никогда еще до таких научных высот, до такой серьезности мысли, до такой оригинальности методики, а равно ценности, обоснованности и оригинальности результатов, я не поднимался. Чувствую себя, как ни когда сильным в своей научной мысли.

Сейчас я на полевых работах в Вахшской долине. Предмет моих исследований – горная возвышенность Кызыл-Тумшук, расположившаяся среди Вахшской аллювиальной равнины, которая составляет часть Южной Таджикской депрессии. «Горная возвышенность»... А знаете высоту этой возвышенности? Около 500 метров. Только и всего. Речь идет не о горах, а об определенной очень своеобразной и интересной структуре вроде Керченских, Таманских и Апшеронских складок. Это архиминиатюрная горная структура! В области Таджикской депрессии Гималаи из Индии вместе с Памиром надвинуты на Тянь-Шань, и отсюда своеобразная, на этой почве возникшая нарушенность депрессии: огромная аллювиальная равнина реки Вахша, впадающей в Пяндж (Амударью), имеющая до 30 километров в ширину и проявляющая удивительно однообразный монотонный рельеф, в пределы свои вмещает до десятка подобных структур, а по¹... ограничена горами в 1–1,5 километра высотой, представляющими стороны двух огромных среднеазиатских хребтов – Гиссарского и Петра Первого. Мне этот участок интересен как аллювиальная равнина, но нового, неанализированного, еще много там. Интересно с этой стороны понять ее тектоническую структуру и связь с горными цепями. А это труднее сделать, чем для большого горного хребта, ибо там все видно и потому ясно, а здесь надо ловить намеки. Н.И. Андрусов написал в свое время «Геотектонику Керченского полуострова» [94], и много лет эта работа считалась классической, а теперь с определенностью можно сказать, что его анализ был ошибочным и что он природу этой территории понял не так, как надо. Правильное понимание пришло с геоморфологией, и удивительно хорошо понял эту структуру московский географ Б.Ф. Добрынин. Я ломаю себе голову сейчас над своим Кызыл-Тумшуком, и, как мне представляется, похоже – здесь много нового и интересного, но много вижу и загадочного. Думаю, что мое положение здесь, среди этой аллювиальной равнины, много труднее, чем если бы меня забросило в центр *гор*. Со мной работают три молодых геолога: один юноша и две очень милые и симпатичные девушки, а соотношение сил здесь такое: «ум» мой, а «молотки» их; это я говорю применительно к геологическому девизу «*mentis et malleus*» – «умом и молотком».

Я кажется писал Вам, что меня в последнее время увлекла тема о древней цивилизации. Здесь мною нащупывается определенный вывод, во-первых, о средиземноморском происхождении культуры, и во-вторых, о том, что возраст ее должен быть, если учесть скорость современных отложений, должен быть меньше, чем обычно считали. Я подхожу затем к разгадке естественнонаучного объяснения мощностей культурных слоев (9 городов в Гильсарлыке на месте Трои, один под другим погребенных).

Я подхожу затем к проблеме геологического времени со стороны малых периодов 9¹/₂-летних, 11-летних, брукнеровских и пр., вплоть до 25 500-летних в связи с новейшими открытиями насчет солнца. Непременно возобновлю эту работу после 15-го декабря, когда вернусь в Сталинабад. А пока пришлось ее оборвать.

Очень хотел бы Вас повидать, чтобы Вам об этой и предыдущей работе рассказать и вообще с Вами о многих научных вопросах поговорить. Мечтаю о том в последнее время, нельзя ли будет как-нибудь в январе, феврале, марте

съездить к Вам в командировку по линии Академии наук. Ведь я тоже в Академии сейчас работаю.

Ваше «Геологическое значение симметрии» [30] меня очень интересует. Но это что-то, видимо, мне незнакомое. Ведь до сих пор речь шла о *биологическом* значении².

Я здесь живу хорошо и в общем поправляюсь, хотя беспокоюсь о своей семье, которая, боюсь, страдает от недоедания в Сталинабаде. Я здесь пережил, однако, сначала тяжелое заболевание вроде дизентерии, продолжавшееся почти две недели, и только сейчас начал оправляться.

Живем по-походному, читать книги можно раз в неделю, а остальное все время занято живой работой. А иные дни хожу и езжу с молотком и лопатой. Очень скучаю и беспокоюсь о своих и редко получаю от них весточку, хотя к нам надо перевалить только через горы – 150 километров. Волнует очень, что в последнее время мало писем от Вас. Здоровы ли Вы? Я не чувствую, чем Вы заняты, над чем работаете. Как здоровье Натальи Егоровны.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 55–58 об.

¹ Слово написано неразборчиво.

² О современном значении идеи В.И. Вернадского о симметрии и состояниях пространства в геологических процессах и дальнейшем развитии этих идей см.: *Г.А. Дмитриев, М.С. Потапова. Учение о симметрии как общий метод познания закономерностей развития Земли. М., 1971.*

318

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 9 октября 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня я начал читать присланные Вами документы. Мне кажется, Вы неправильно понимаете и права Академии, и принятое мною решение поднять это дело в Академии наук.

Нам нет никакого дела до Вашего столкновения с ВАК ВКВШ и разбора этого дела.

Поэтому я решительно возражаю против передачи мной всех этих бумаг, которые Вы мне присылаете, академику-секретарю отделения-геолого-географических наук.

«Групп» геологов давным-давно нет¹, и путаницу эту вносить не стоит. Я думаю, что под моим отзывом подпишутся Ферсман и Обручев и что этого будет достаточно. Отделение имеет права давать степени доктора и кандидата, когда предложение об этом и отзыв исходят от членов отделения. Никакого дела нет нам при этом до мнения ВКВШ. Об этом у нас, я думаю, не может быть и речи.

[...] повтор 2-го абзаца.

Я могу частным образом взять с собой присланные документы, но не думаю, чтобы пришлось о них говорить. Это не пересмотр решения Ташкент-

ского университета, но это будет независимое от него решение Академии наук.

Я уверен, что и Степанов подпишется.

Я сейчас не знаю, как будет происходить: будет ли защита, или степень будет дана без защиты.

Обратите внимание на пункт 8 Устава Академии². Кажется, никакого другого пункта, кроме него, нет.

Я спишусь с Обручевым и узнаю, как будет происходить присуждение степени. Мне кажется, вероятно, оно будет решаться, как все другие дела отделения. Постараюсь узнать.

Отзыв свой буду писать в ближайшее время.

Я кончил статью «О геологическом значении симметрии» [30], хочу здесь ее прочесть, вероятно в двух или трех лекциях, и затем напечатать как III выпуск «Проблем биогеохимии».

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 180, 180 об.

¹ «Группы» – подразделения, работавшие в 30-х годах в структуре двух существовавших тогда отделений АН СССР – математических и естественных наук (ОМЕН) и общественных наук (ООН). Группы объединяли представителей родственных по своему характеру кафедр. В 1938 г. они были ликвидированы, а вместо двух крупных отделений было создано восемь новых – отраслевых: геолого-географических, физико-математических, химических наук и т.д.

² Пункт 8 Устава Академии наук СССР, утвержденного СНК СССР 23.XI 1935 г., гласил: «Академия наук присуждает за научные труды по дисциплинам, в ней представленным, ученые степени доктора и кандидата наук. Присуждение ученых степеней доктора и кандидата наук осуществляется соответствующими институтами Академии наук». Устав АН СССР 1959 г. заменил этот пункт другим, согласно которому Академии наук предоставляется право присуждать лишь «ученую степень доктора honoris causa особо выдающимся советским и иностранным ученым» (Уставы Академии наук. 1724– 1974. М., 1974, с. 143, 153, а также ныне действующий устав 1963 г., с. 159).

319

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Вахшская долина, 17 октября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

беспокоит меня очень то обстоятельство, что я давно уже не имею от Вас никаких известий. Здоровы ли Вы? Здорова ли Наталья Егоровна? Я очень нуждаюсь сейчас в Вашем слове, весточке от Вас, и очень хотел бы знать, что у Вас все благополучно. Вчера я послал большое письмо Анне Дмитриевне Шаховской, рассчитывая, что хоть она откликнется, и я буду иметь от нее сведения о том, что делается в Вашем мире. Я продолжаю находиться в Вахшской долине и производить полевую геологическую съемку. Погода стоит мягкая, чрезвычайно благоприятная для работы. Ясные, теплые и жаркие, но незноинные дни «бабьего лета», довольно теплые ночи и прохладные утра – все это способствует успеху работы. Я здесь очень сильно переболел по желудочно-кишечной линии, но сейчас определенно поправляюсь и, кажется, скоро обрету всю мощь своих физических сил. Может быть это – ил-

люзия, конечно, но мне кажется, что силы мои прибывают с *каждым* днем. А иллюзией это может быть потому, что лет мне уже ведь немало. Мне сейчас как раз столько лет, сколько было Вам в 1917 г., когда мы с Вами познакомились. Я тогда молодой человек смотрел на Вас как на старика и, очевидно, сейчас с такими глазами смотрит на меня молодежь. Но какая разница между тогдашним Вашим положением и моим положением сейчас. Вы уже были тогда знаменитым ученым и членом Академии, я же сейчас никто, *совсем никто*. Правда имя у меня в науке есть и даже большое: меня знает и уважает очень широкий круг специалистов, но твердого положения у меня нет, базы для действий тоже нет и нет возможности дать широкий научно-организационный размах работе своей ... Между тем, и степени кандидата я не имею, а в степени доктора мне отказывают со скандалом. Очень уж печальная судьба! Я глубоко ценю ту помощь, которую согласны оказать мне Вы и В.А. Обручев, но я не уверен, приведет ли Ваше представление даже к этой маленькой цели, а я, конечно, хочу и заслуживаю в смысле положения большего.

Мысль моя работает сейчас исключительно хорошо и ясно. Я послал Вам недавно две маленькие заметки для «Докладов» Академии. Боюсь, что они велики для теперешних размеров докладов. В данный момент я занят проблемой террасы; провожу аналогию между нею и денудационной поверхностью, и даю на этой почве много новых обобщений. На днях буду об этом делать доклад на Опытной почвенно-мелиоративной станции филиала Академии наук в Курган-Тюбе. Вероятно, Вы даже о существовании такой станции не знаете. Основная моя идея это то, что терраса – только поверхность и ничего больше, но из этой идеи следуют важные новые построения и выводы! Здесь в Вахшской долине я окружен террасами, и мысль моя вновь бродит около террас и аллювиальных равнин, на этот раз равнин околоторных.

Больше всего, однако, я думаю о пространстве и времени, и я хочу тотчас по возвращении с полевых работ, в декабре январе, именно этим вплотную заняться. До этого мне хотелось бы повидаться с Вами и об этом, как и о симметрии, с Вами поговорить, чтобы проверить свои выводы. Как бы хорошо было, если бы нашелся повод для командировки моей по линии Академии наук или филиала к Вам. А что если Вам и Обручеву откажут, ведь мне тогда вообще нет пути к докторству: ошельмован и ошельмование еще раз подтверждено. Очень меня это все волнует, и при том главным образом в связи с материальными интересами. Сейчас увеличивали оклады всем сотрудникам филиала Академии наук, имеющим ученые степени, но у меня ее нет, и я остался вне этого. А тут семью как-то надо кормить! ... Все это очень тяжело и обидно.

[...]

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 59–60 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Вахшская долина,] 3 ноября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

получил Ваше письмо от 4/IX¹ на этих днях. Сейчас я усиленно занят полевой геологической съемкой, боюсь, что из-за разных своих болезней отстаю, и потому сейчас из кожи лезу, чтобы наверстать утерянное. Захватил я здесь малярию. Было два припадка. Первый был большой силы и продолжался 5 дней при температуре в течение всех этих пяти дней 39,5–40°. Второй припадок был на днях и продолжался всего полночи, но приходил в себя я после этого два дня. Сейчас я усиленно пью хинин, стараясь предотвратить третий припадок и вообще искоренить болезнь. И в основном, несмотря и на желудочные заболевания. И на малярию я быстро поправляюсь. Из письма Вашего и Анны Дмитриевны рад был узнать, что Наталья Егоровна и Вы здоровы, и что Вы много и энергично работаете.

Думаю, что Вы уже получили сейчас все материалы обо мне: и жизнеописание, и материалы о диссертации. Буду страшно благодарен Вам за помощь в этом деле. Хочется мне очень, как никогда, получить степень доктора. Ведь я давно ее заслуживаю.

Брошюры Плеханова [145] до своего отъезда я не получал от Вас. Равным образом никто мне не писал о ее получении после того, как я уехал. Вероятно, она потерялась.

«Химическая структура биосферы» [22], которой Вы сейчас заняты, для меня почти совсем новое. Когда и как она надумана? Она для меня неожиданность.

Совершенно неожиданна для меня весть о смерти Петра Андреевича Земятченского. Я об этом ничего не слышал. О смерти Мирчинка тоже не слышал. Что касается Криштофовича, то он жив и не очень хорошо живет в Ташкенте. Мы стараемся перетянуть его в Сталинабад. Адрес Е.Н. Павловского на днях узнаю и пришлю.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 66, 67 об.

¹ Судя по тексту письма, это письмо от 24 сентября.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 6 ноября 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня закончил мое заявление в Геолого-географическое отделение о присвоении Вам степени доктора геологических наук.

Посылаю его в Свердловск с одним из академиков, который едет туда на сессию, которая будет с 15-го ноября.

Пишу туда же письма Степанову, Обручеву и Ферсману и прошу их, если они хотят, присоединиться к моему отзыву.

Я думаю, что они это сделают, но, во всяком случае, мое предложение должно рассматриваться. Наконец, закончится тогда Ваша страда.

Я не нашел в Вашем списке работ той записки, которую Вы представили в 1929 г. в КЕПС после моей записки о его задачах [40].

Пожалуйста, дайте мне ее заглавие и, если можете, пришлите экземпляр.

Я сейчас очень думаю о записке, которую я представляю в Академию, о необходимости обсуждения вопроса о реконструкции страны после нашествия немецких варваров. Очень хочется высказать до конца свою мысль, и как будто я ясно вижу, что нужно делать¹.

Если нужно будет, поеду в Свердловск, но думаю, что до этого еще далеко. Я решил после некоторых колебаний поставить вопрос, не скрывая ничего, на всю его доступную мне глубину.

К большому для меня огорчению, я не могу здесь мотивировать во всей нужной силе вопрос о ноосфере, которую я считаю реальностью. Я думаю, что я прав. Этим объясняется моя полная уверенность в нашей победе и в наступлении новой эры, если мы сделаем следствия из того, что происходит.

К сожалению, глава о ноосфере, последняя в моей книге [22] (я не думал, что я здесь так долго останусь), не может быть должным образом обработана по имеющимся здесь и доступным мне материалам. Получил два Ваших письма из Вахшской долины, второе – вчера. Но первое, прежде чем я закончил его чтение, где-то затерялось в моих бумагах, и я нигде не могу найти. Но вторым я воспользовался для представления в Отделение.

Я надеюсь, что дело обойдется без ВАК'а, куда филиал, как они мне написали, напрасно представил Ваши бумаги. По крайней мере, так мне это представляется.

Сердечный привет Вашим от нас всех.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 181, 181 об.

¹ Эта записка была написана В.И. Вернадским 9 ноября 1942 г. и отослана в Президиум Академии наук СССР президенту АН СССР академику В.Л. Комарову. Опубликовано в журнале «Природа», 1975, № 4.

322

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Вахшская долина,] 17 ноября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

от Вас я давно уже не имею никаких известий (последнее письмо было от 24/IX), но я надеюсь, что это зависит от медленности движения наших писем и в одну и в другую стороны. Вы мне как-то обещали книжку Эддингтона. Я сейчас заканчиваю свои полевые работы и недели через три буду в Сталинабаде. Было бы очень хорошо, если бы Вы тотчас по получении этого письма выслали мне Эддингтона на Сталинабадский адрес, я бы его получил тогда вскоре после своего приезда. Книжка меня очень интересует. Здесь днем

еще тепло и около полудня даже жарко, но ночи и утра становятся все более и более холодными. Дождей еще не было, заморозков тоже, деревья стоят покрытые листьями, и, глядя на природу, никак не почувствуешь, что это уже половина ноября. Экзотическая южная природа все-таки дает себя очень чувствовать! Кстати сказать, в 30 километрах отсюда на юг в сторону Афганистана начинаются леса, и в них, между прочим, водятся тигры. В нашу сторону они не ходят, так как сюда леса прекращаются, а из лесов они выходят неохотно.

Я уже устал немного от полевых работ и тянет домой, к письменному столу, тем больше что, как я чувствую, назрели некоторые новые идеи. За время работы я очень поправился. Отеков у меня уже нет, даже пополнел. Зато было два больших припадка с высокой температурой. По-видимому, это была малярия. Температура доходила до 40°. По-видимому, мне удалось справиться с нею хинином. Думаю, что Вы не только все материалы обо мне получили, но и успели их прочитать, а может быть, составили отзыв. Очень он меня интересуется. Как никогда, волнует меня вопрос об успехе этого дела. Выйдет ли что-нибудь на этот раз?

Большой привет Наталье Егоровне, а также привет Анне Дмитриевне.

Ваш Б. Личков

P.S. Очень жду Ваших писем и скучаю без них.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 74, 75.

323

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Вахшская долина,] 20 ноября 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

сегодня я получил через Сталинабад Ваше письмо от 9/Х. Я ужасно рад буду, если Вы подпишете и проведете через отделение Академии мое докторство. До того этот вопрос наболел у меня, до того это отсутствие докторской степени мне всюду мешает, что это прямо благодеянием будет дарование мне этой степени. Структуры Академии наук я сейчас не знаю, отстал от этого дела. Устава ее и пункта восьмого, на который Вы ссылаетесь, тоже совсем не знаю. Не представляю себе поэтому нужно ли после того как орган Академии наук СССР постановит дать мне степень, еще утверждение ВАК ВКВШ. Если не нужно, то тем лучше, но только мне кажется, что все дела о степенях проходят через них. И вот, я боюсь, что когда постановление Академии до них дойдет, они вспомнят злосчастную мою диссертацию в Ташкенте и тогда моя кассационная жалоба понадобится. Не думаете Вы этого? По-существу же, конечно, я согласен с Вами вполне, что Академии нет никакого дела до того, что было в Ташкенте, и она поднимает вопрос самостоятельно. И мне даже приятно по сути дела будет, *если о Ташкенте никто при этом и не вспомнит.*

Однако, я все-таки думаю*, что мне мою кассационную жалобу в ВАК ВКВШ послать нужно. Поэтому я прошу Вас не отказать, присланные мною

* Может быть, я не прав и с этой кассацией лучше еще подождать?

Вам по этому вопросу материалы *от моего имени* заказным переслать им в Томск, по адресу указанного учреждения (адрес, собственно, не нужно, а только его название).

У меня к Вам еще такой вопрос. Три месяца тому назад, перед отъездом моим на полевые работы, я послал Вам заказным письмом две небольшие заметки о литогенезе и по вопросам тектоники, по 7–8 стр. каждая, прося Вас направить их для печати в «Доклады» Академии [63, 64]. Вы почему-то за три месяца ничего об этом не написали. Прочли Вы их? Направили в редакцию? Меня очень это беспокоит, потому что копий их у меня как будто не осталось, и, если они потерялись, мне придется писать их наново. Очень прошу Вас, если они где-нибудь у Вас залежались, послать их в редакцию «Докладов», а меня известить, что они найдены и пошли в ход.

Я на днях заканчиваю свои полевые работы. О впечатлениях и результатах напишу особо. Их много. Два дня назад послал Вам письмо.

Привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Я просил Вас в последнем письме прислать мне Эддингтона.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 76–77 об.

324

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 6 декабря 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

просто беда с нашей волокитой и неорганизованностью. <...> Точно время Николая Павловича.

Обручев пишет мне: «По вопросу о присуждении степени доктора Личкову без защиты диссертации я советовался с секретарем Президиума Академии наук Н.Г. Бруевичем. Он сказал, что с представлением Вашего заявления в Ученый совет института следует обождать во избежание новых осложнений вопроса, которые могут окончательно испортить дело».

Николай Григорьевич Бруевич недавно выбран в экстренном порядке из членов-корреспондентов в академики необычным порядком, что, по-моему, в военное время возможно. Forse magis. И сейчас же был избран академиком-секретарем Президиума Академии.

Из того, что я слышал, я думаю, что это было необходимо. Это фактически восстановление непрямого секретаря [...].

Пошлю заявление и в Комитет по Высшей школе.

Вы спрашиваете меня о моей работе. Это та книга, о которой я говорил Вам, когда Вы были в Москве, начал писать ее в 1940 г. [22].

По-видимому, мне удастся ее кончить, и если это будет так, то я могу сказать: *Feci, quod potui*¹.

Сейчас заканчиваю отдельный экскурс из этой книги: «О геологическом значении симметрии. На фоне роста науки XX столетия» [35]. Хочу издать

его в виде 3-го выпуска «Проблем биогеохимии» вместо потерянного в издательстве «О физическом пространстве»².

Книжка Плеханова [144] нашлась, в отсутствие Анны Дмитриевны ее не послали. Пошлю, прочитавши, постараюсь выбрать время.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 182, 182 об.

¹ Сделал, что мог (лат.).

² В дальнейшем работа «О геологическом значении симметрии» была опубликована в кн.: *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. М., 1975, кн. 1, с. 64–84. Выпуск 3-й «Проблем биогеохимии» в 1944 г. был сдан в печать, но опубликован не был. Его окончательное название – «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли. На фоне роста науки XX столетия». Включен в кн.: *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. 16-й том трудов Биогеохимической лаборатории. М.: Наука, 1980.

325

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Вахшская долина,] 9 декабря 1942 г.

Дорогой Владимир Иванович,

только что дошло до меня сюда, на берега Вахша, Ваше письмо, где Вы пишете, что закончили свое заявление в Геолого-географическое отделение о присвоении мне степени доктора. Очень, очень Вам благодарен за заботу обо мне. Хотел бы копию этого заявления прочесть и иметь у себя.

Записку свою о КЕПС 1929 г. [40] я Вам на время пришлю, как только вернусь в Сталинабад, а это будет не позже, чем через неделю.

[.. .] Ноосфера – это, конечно, реальность, как и биосфера, но я не могу из факта существования ее ни вывести новую эру, ни получить уверенность в победе (вообще такая уверенность у меня имеется). Непонятно мне, как одно с другим связывается, но я очень радуюсь Вашему доброму уверенному настроению. Страшно хотел бы Вас увидеть и поговорить. Пришлите мне, пожалуйста, Эддингтона [177], если он у Вас свободен. Очень все-таки меня интересует текст Вашего представления обо мне и не менее интересует, подписут ли его академики. Очень рад буду, если дело может обойтись без ВАК. Только, как я писал Вам в предыдущем письме, механизм этого мне неясен. [...].

Получил скорбные известия, о смерти А.П. Герасимова (в Свердловске), Б.Н. Наследова (в Ташкенте) и Г.С. Буренина (в Ленинграде). Всех троих ужасно жаль, и все трое, конечно, жили бы еще долго, если бы не нынешние тяжелые времена.

Большой привет Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. Будьте осторожны с выездом в Свердловск. Не торопитесь. А победа все-таки близка!

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 53, л. 85–86 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 24 декабря 1942 г.

Дорогой Борис Леонидович,

получил вчера Ваше письмо от 20.XI. Отвечаю. Я послал Вам недавно копию моего заявления Бруевичу (10.XII). Не знаю, как он к этому отнесется. Но я согласен с Вами, что нужно послать в ВАК ВКВШ Ваши документы, о которых Вы пишете в Вашем последнем письме. Сегодня они пойдут туда от Вашего имени.

Как только Мандельштам кончит книгу Эддингтона [177], перешлю ее Вам. Она, несомненно, интересна.

Я уже писал Вам, что Плеханов [144] нашелся, и писал в одном из прежних писем, что обе Ваши статьи в ДАН посланы.

Я сейчас кончаю свою статью «О геологическом значении симметрии. На фоне хода науки XX столетия»¹. Она выйдет как III выпуск «Проблем биогеохимии». Я смотрю на нее, как на последний синтез моей геологической мысли.

Вы пишете, что ничего не знаете о той большой книге [22], из которой эта статья является самостоятельным экскурсом. Но А.Д.² напоминает, что эту большую рукопись Вы в Москве имели в руках. Я пишу ее с 1940 г. Она вырослась теперь в три части. Надеюсь через несколько месяцев ее закончить. Первая часть почти готова.

В брошюрке о симметрии я внес большой экскурс о логике естествознания, развил мысль Пирса, который вновь напомнил в 30-х годах, что логика естествознания, по Демокриту, есть логика понятий-вещей, а логика Аристотеля есть логика понятий-слов [95]. Получаются интересные результаты.

Шлем сердечный привет Вам и всей Вашей семье.

Мне кажется, перед нами встанет в ближайшее время вопрос о реконструкции последствий войны. Об этом поднимаю вопрос в Академии [33].

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 184.

¹ См. примечание 2 к письму 323.

² А.Д. Шаховская.

Б. Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 15 января 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я не имею от Вас писем уже более месяца. Это уже даже начинает меня немного беспокоить. Здоровы ли Вы и Наталья Егоровна? Анна Дмитриевна переслала мне сюда Ваше письмо, адресованное Н.Г. Бруевичу. Я очень Вам за него благодарен. Чрезвычайно интересно, окажет ли оно какое-нибудь действие. Ведь абсурд получается: со времени моей неудачной защиты в Таш-

кенте прошло 9 месяцев, ибо дело было еще в мае; это было почти год назад; так неужели *через год* нельзя поставить вопрос о моей степени по-новому? В тупик я какой-то попал, и при том безвыходный. Никогда, вероятно, степени я не получу. Сейчас все имеющие степень даже не доктора, а кандидаты получают прибавки к своим месячным окладам. Я очень нуждаюсь в прибавке и должен был бы получить прибавку в 50 рублей в месяц. Но я *никто* – ни кандидат, ни доктор и потому прибавки мне нет. Неужели я никогда не вырвусь из этого тупика. Хотели Вы мне помочь вырваться, но, видимо, и Вы потерпели неудачу. А мысль моя между тем работает так хорошо, как никогда: масса новых проблем, масса новых интересных решений старых проблем. [...] Хотелось бы работать сейчас в Академии, в своем институте, по своим проблемным заданиям. Я уже мечтаю сейчас не только о Союзной, но и о Белорусской и Украинской академиях.

[...] Много думал о Вашей ноосфере, которой и я много занимаюсь, и кое в чем я Вас не могу понять. Именно не могу понять, почему Вы так уверены в ее победе. Мне это дело представляется так.

В настоящее время в составе биосферы значительную и все увеличивающуюся часть составляет *антропосфера*, которая постепенно переходит в *ноосферу*. Последняя только еще зарождается и находится на очень ранней ступени развития. Много еще очень и очень неразумного таится сейчас в ходе развития антропосферы. То, на что указывал Гегель, именно, что разум хитро («хитрость разума») скрывается за хаосом неразумного (Гегель «Философия истории» [111]), это характерная черта человеческой истории, и до тех пор, пока это явление имеет преобладание, нельзя говорить о господстве ноосферы. Последняя только создается. Создастся же она в полной мере лишь тогда и заменит собою антропосферу, когда человеческая история будет исправляться силами разума непосредственно и ход ее будет определяться разумными факторами, а не непосредственно грубой силой, чисто физической, на основе стихийно неразумных низших сторон природы человека, и не будет в то же время стихийно зависеть от воздействия условий (человеческого рода). Два момента, следовательно, являются предпосылками замены антропосферы ноосферой: господство человека над внешней природой и господство в самом человеке и в человеческом обществе сил разума над низшими инстинктами. Что нужно для первого, ясно – развитие производительных сил общества, его техники в частности, и рост на этой почве физических сил человеческого коллектива. Что касается второго, то здесь нужно достигнуть того, чтобы не вещи – земля как объект собственности, товары, деньги и пр. определяли мотивы человеческих поступков, а чтобы имело место свободное волеизъявление, отпирающееся на разум. [...] Тогда человеческое общество спокойно и мирно пойдет по пути разума и настанет господство на земле ноосферы. Вот как мне рисуется это дело. [...]

Я сейчас очень занят проблемами геологии нефти в связи с тектоникой. Очень много интересного. Открыл я неогеновые аллювиальные равнины и скоро закончу о них работы.

Большой привет от меня и жены Наталье Егоровне и Вам.

Ваш Б. Личков

P.S. Я очень жду от Вас книгу Эддингтона, которую Вы мне когда-то обещали.

АРАН, ф. 518, оп. 2. д. 55, л. 74–77 об.

328

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 31 января 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил Ваше письмо от 24/ХІІ, где Вы пишете, что «вчера» получили мое письмо от 20.ХІ. Из этого видно, что письма от Вас ко мне идут целый месяц. Ужасно досадна такая медленность, но ничего с этим не поделаешь.

Анна Дмитриевна очень ошибается, говоря, будто я держал в Москве в руках ту большую Вашу книгу [22], главой из которой является Ваша статья «О геологическом значении симметрии» [30]. Нет, я этой книги, к сожалению, в глаза не видал. Если бы это было так, то я бы и содержание книги хорошо бы помнил, а этого нет. Тем более я не представляю себе тех трех частей, на которые она разделяется.

Вот насчет Пирса скажу, что об этом действительно несколько информирован, но не из рукописи, а из устной Вашей информации. На основе этой информации я Пирсом очень заинтересовался, но, к сожалению, в тех городах, где я работаю, я о Пирсе ровно ничего не читал. Видел только беглое упоминание у Джемса («Вселенная с плюралистической точки зрения» [120]), что Пирс – это «золотая россыпь для мыслителей будущего». Джемс сравнивает его с Бергсоном. Делал я некоторые поиски и в сторону Аристотеля и Демокрита, но тоже не слишком удачно. Ни Аристотель, ни Демокрит меня собой не заинтересовали, а главное, не показались мне злободневными для нас. У Аристотеля я просмотрел его *Логик*у (вторую часть), «*Метафизику*», *Трактат «О душе»* [97]. Узнал, что «предмет» – значение «всеобщее», понимая под этим все, что по природе своей высказывается о многом. «Всеобщее есть то, что *всегда* и *повсюду*» имеется в наличности. Даже мне стало ясно, что все, что мы знаем о Демокрите, мы знаем через Аристотеля. Но сам Аристотель – это нечто вроде апокрифа. Биография его ведь самая фантастическая. По этой биографии выходит, что он ровно 20 лет учился у Платона. В *три* года зато выучил всяким премудростям Александра Македонского. Читая такие вещи, я невольно вспоминаю в параллель Аристотелю Платона, которого чуть ли не все произведения являются апокрифами. Об этом есть интересные страницы у Вл. Соловьева (т. X, стр. 453–458) [155]. Я боюсь, что и с Аристотелем дело обстоит так. Сколько перемен претерпел его текст за те 2000 лет, пока дошел до нас. Поэтому я предпочел бы сослаться не на Демокрита и Аристотеля, а на более новых мыслителей. Демокрита очень уважал Бэкон¹..., который прямо противопоставлял его Аристотелю. Как говорит Ланге, Ф. Бэкон как раз «встретил в Демокрите родственный себе дух, о котором он сочувственно судил как о современнике, а он был от него отделен двумя тысячелетиями» [128]. Очень уважал Демокрита Плиний. Не лучше ли в связи с этим филиацию данной идеи начинать не с древности, а с эпохи Возрождения! Я не знаю,

как использует текст Аристотеля Пирс, но мне ясно, что Аристотель пропустил всю логику описательного знания, и в этом, очевидно, преимущество над ним Демокрита, но об этом надо догадываться. Так ли это по Пирсу?

Кроме подлинников Аристотеля, я смотрел еще недавно книжку С.И. Даниели «Научное знание в представлении Демокрита». Тифлис, 1935 [116]. Знаете ли Вы эту книжку? Она бледновата, но все же интересна. Не лучше ли антитезу «Демокрит– Аристотель» заменить антитезой «Галилей–Декарт»? Это как будто злободневнее и современнее. Кстати, недавно я прочел изданную Академией наук книгу Г.Б. Быховского о Декарте [104], и, несмотря на ее некоторую односторонность, она мне в характеристике физики Декарта в противовес его «философии» очень понравилась. Знаете ли Вы ее? Нет ли у Вас Пирса, в Боровом? Если есть, не пришлете ли?

Работаю я очень много, поскольку позволяют *крайне* тяжелые сейчас у меня материальные условия. Хочу Вам прислать недавно написанную работу о землетрясениях, написанную на основе моих новых тектонических воззрений, о которых я Вам писал. Вновь пересмотрел и переработал 1,5 года назад написанную работу о лессе с широким охватом проблемы. Хочу и ее Вам послать, но боюсь, что Вы ее читать не будете. Могу сказать однако, что такой широты охвата в работах о лессе еще не было ни у нас, ни за границей.

Шлю привет большой. Одновременно пишу Вам «просительное» письмо. Все-таки нужно получить степень доктора. Настаивайте на «совокупности».

Ваш Б. Личков

P.S. Спасибо за представление в «Доклады» двух моих работ. Жена и все мои шлют Вам свой привет.

АРАН, ф. 518, оп. 3. д. 55, л. 79, 80.

¹ Далее одно слово написано неразборчиво.

329

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 31 января 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне опять нужна Ваша помощь. Дело заключается в следующем. Сейчас здесь по филиалу Академии наук проводят поднятие ставок зарплаты, и очень значительное поднятие. Все это поднятие падает, однако, только на лиц, которые имеют ученые степени доктора или кандидата. Ставки у них почти удваиваются. А так как я ни той, ни другой степени не имею, то меня это не затрагивает. Между тем, жить очень тяжело, и я сейчас опять нахожусь в самом тяжелом финансовом положении: массу денег и нужных для домашнего обихода предметов направо и налево задолжал, вернуть долги нечем, ибо и на жизнь получаемого мною не хватает. Но, как я выкручусь из этого. Президиум нашего филиала подходит к этому делу узко формально и поэтому я, несмотря на свои 30 лет работы, чуть не две сотни печатных работ и большое научное имя, недостоин, оказывается, получить ту прибавку, которую получают самые заурядные и мелкие научные работники. В связи с этим я хочу сам

лично от себя написать в Президиум Академии наук СССР или академику-секретарю, минуя официальные органы нашего филиала, просьбу – дать мне хоть какую-нибудь персональную ставку (ведь я ее достоин), чтобы пережить тяжелые обстоятельства. Так вот я прошу Вас не отказать попросить Президиум Академии или академика-секретаря о том же самом. Без увеличения ставки мы не выдержим, я это чувствую, и, в частности, насмарку пойдет вся моя летняя поправка. Уверен, что Ваша просьба будет иметь большое значение и именно на нее-то и обратят внимание.

Вообще я подумываю о том, не переехать ли из Средней Азии вообще и из Сталинабада, в частности, куда-нибудь в другое место, ибо формальное бездушное отношение ко мне Президиума филиала меня глубоко возмутило: не могут разве они, руководители филиала, возбудить обо мне такое ходатайство. Но они подходят к вопросу как настоящие чиновники. Я буду щупать в разных местах: и в Москве, и в Ленинграде, и в Иркутске и в Академии Украинской и Белорусской (ведь не за горами, я полагаю, время, когда они вернуться в связи с нашими победами на свои места!). К тому же климат здешний мне не очень нравится своими контрастами и, как выясняется, он не очень полезен жене. Я пока написал кое-куда письма и жду ответа. Очень бы хотел написать в Академию наук Белоруссии, но не знаю куда писать. Я ведь первый разъяснил геоморфологию Белоруссии (Полесья) и имею перед нею большие заслуги. Что будет дальше не знаю; как сложится вопрос с моей касацией или с докторской по совокупности, тоже неясно. Готов к тому, что по всем линиям опять потерплю неудачу. Поэтому надо непосредственно сейчас как-то выкручиваться и стараться хотя бы персональную ставку получить. Может быть, найдут возможным хоть временно приравнять меня к имеющим уже степень доктора. Как Вы думаете?

Личные материальные невзгоды меня сейчас донимают, но я готов их терпеть, лишь бы продолжались военные успехи наши. Очень они меня радуют, и, по-видимому, это успехи действительно серьезные. Боюсь надеяться, но мне думается, что война скоро окончится. К вопросам реконструкции после войны надо очень и очень серьезно готовиться.

Большой привет Наталье Егоровне и Вам от нас обоих.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 81, 82 об.

330

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 1 февраля 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

дочитал Плеханова «Основные вопросы марксизма» [145] и отсылаю Вам книжку. Не понимаю, что Вы нашли там общего с моей мыслью?

Я сейчас закончил небольшую книжку, о которой я писал Вам. В конце концов вышло: «Проблемы биогеохимии. III. Геологическое значение симметрии. На фоне роста науки XX столетия» (около 5 листов). Пять глав: 1. Вводные замечания. 2. О логике естествознания (самая большая глава).

3. Геологические явления Земли как планеты. 4. Симметрия. 5. Симметрия геологических планетных тел и явлений [35].

Уже писал Комарову о ее печатании¹.

А.Д. Переживает горе, у нее заболел племянник Николенька, талантливый мальчик. Грехи отцов – туберкулез. Очень тяжело.

Большую книгу (в 3 частях) оставил [22], пока не отошлю в печать эту книжку.

Мне хочется закончить еще одну книжку: «Основные черты плана научной организации в связи с реконструкцией последствий разрушений войны» [33].

После отсылки в печать книжки о симметрии буду опять работать через день над большой книгой и над запиской о реконструкции науки. Пока работал только над симметрией.

Может быть, я ошибаюсь, но я придаю значение моей книжке о симметрии.

Мечтаем о Москве – надеемся выехать весной – может быть, в Узкое. Скоро перейду за 80 лет, и надо кончать научную работу.

Пока чувствую себя мыслью моложе большинства молодых: надо это сознавать – и я рад, что я так чувствую, но надо сознавать свои силы, и я работаю над «Хронологией». Когда закончу начатое, постараюсь, если буду жить, написать «Пережитое».

Это будет по силам, а мое пережитое – и мысль, и действие, и на фоне поколений. Мой дорогой друг И.И. Петрункевич оставил интересные записки, но кое-где в датах ошибки.

Мне хотелось бы написать в контакте с Вами мою жизнь в Киеве в Ваше время [34].

Для меня ясно, что такая работа посильна, но творческая, научная, будет не по силам. И надо это сознавать.

Пишите.

Ваш В. Вернадский

P.S. Получили копию моего письма Бруевичу? Сейчас почта здесь резко ухудшилась – резко, видно по газетам – не приходят (даже «Казахстанская правда»), большая газета. Непонятно. Говорят, нет бумаги. Сердечный привет Вашим от нас обоих.

Сегодня заболела Наталья Егоровна – по-видимому, желудок, но в нашем возрасте всегда серьезно.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 185, 185 об.

¹ См. примечание 2 к письму 323.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 9 февраля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

в последнем письме своем я писал Вам о тяжелом материальном положении, в котором я опять очутился в связи с невозможностью подвести меня под категорию лиц, имеющих право на прибавку, поскольку у меня нет ученой степени. Сейчас наш Таджикский филиал решил позаботиться о моих интересах и послал в Президиум Академии наук мотивированную просьбу о том, чтобы меня, ввиду большого моего стажа научного и профессорского, обилия трудов печатных и пр., перевести в старшие научные сотрудники. Если Президиум на это согласится, меня это устроит, так как повышение оклада я получу. Боюсь только, что пущенное этим путем дело может сильно затянуться и ввиду этого, я очень прошу Вас не отказать и подтолкнуть его, и Вашим авторитетным отзывом и поддержкой, содействовать его благополучному решению. Не откажите написать в Президиум, что Вы поддерживаете ходатайство филиала.

От Вас я давно уже не имею писем, и мое впечатление такое, что мои письма точно проваливаются куда-то, и я на них не имею отклика. Писал я Вам о ноосфере, писал о своих последних достижениях и ни на что не имею от Вас отклика. Может быть, я слишком нетерпелив.

Что ответил Вам на Ваше письмо Н.Г. Бруевич и что делать по линии получения докторства мне? Может быть, мне подать в Геолого-географическое отделение диссертацию, чтобы она явилась поводом для поднятия вопроса, или надо терпеливо ждать? Жду Вашего совета и ответа по этому вопросу.

Работаю очень много, поскольку не мешают нервы (иногда от забот не сплю ночи), и холод в квартире и на службе. Занимает меня сейчас проблема массовых красноцветов, и я как будто нашел ее хорошее решение. Сейчас пишу по этому поводу работу и занимаюсь геохимией железа. Проблему решаю на основе своего «Литогенеза», и решение получается очень хорошее как будто.

Большая работа, которую я сейчас пишу называется «Проллювиальные неогеновые отложения и наземные аллювиальные равнины» и складывается из таких глав: Введение 1. О древних наземных аллювиальных равнинах неогена. 2. К геоморфологии наземных аллювиальных равнин неогена. 3. Так называемый «пустынный загар» и красноцветы неогена Средней Азии. 4. К стратиграфии неогена Средней Азии.

В связи с успехами на фронте, которым я бесконечно рад, очень подумываю сейчас о переезде на запад, чтобы наит новую работу. От полевой работы здесь не отказываюсь, но жить здесь больше не хочу. Написал в Уфу Чернышеву, хочу написать в Ленинградский университет, подумываю и о Москве.

Шлю Вам и Наталье Егоровне большой привет от меня и жены. Привет Анне Дмитриевне Шаховской.

Ваш Б. Личков

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад.] 10 февраля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вчера только я послал Вам большое письмо, а сегодня подумал писать опять по своим личным делам, касающимся докторской степени моей и хлопот по ее поводу. Посылаю Вам текст отношения филиала от 15 октября по поводу моей защиты в Ташкенте (№ 1615) и более последний текст письма А.Н. Криштофовича от 24 ноября. Как Вы можете из письма Президиума видеть (№ 1794) филиал просит ВАК дать мне степень доктора без защиты, т.е. то, что хотели Вы провести через Отделение и, конечно, провели бы, если бы не неожиданное возражение Н.Г. Бруевича. Не следует ли Вам по этому поводу написать свое мнение в ВАК ВКВШ или председателю ВКВШ т. Кафтанову? Не сомневаюсь, что это будет иметь большое значение. Вам, впрочем, виднее, нужно ли это делать. Кстати, имейте в виду, что ВКВШ вернулся уже в Москву. И что его адрес: Рождественка, 11.

Очень меня беспокоит, что от Вас нет писем. Не больны ли Вы или Наталья Егоровна? .. Думаю, что завтра я пошлю Вам по этому поводу телеграфный запрос.

Получил на днях письмо от А.И. Яроцкого из Самарканд. Материальные дела его улучшились, и он, по-видимому, полон энергии и творческих планов.

А как Вам нравятся наши успехи на фронте? Ведь скоро, по-видимому, мы сможем вернуться в Европу. Я не хочу рвать со Средней Азией и не прекращу здесь работать, но на камерально-кабинетный период хочу в Европу. Буду искать путей в какую-нибудь из Академий наук или университетов. Может быть, хоть Академия наук Белоруссии возьмет меня за мои исследования Полесья, если не хотят другие. Кстати, напишите мне, где находится Академия Белоруссии.

Шлю привет от нас обоих Наталье Егоровне и Вам. Ужасно мечтаю увидеться и поговорить, а также посмотреть на Вас.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 89, 89 об.

А.Д. Шаховская¹ – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 11 февраля 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

должна Вам написать горестное известие. Несчастье дорогого нашего Владимира Ивановича – он потерял Наталью Егоровну.

Она скончалась в ночь со 2-го на 3-е февраля. Я уже написала в последней моей записке о ее болезни, но в начале диагноз не предвещал ничего грозного. Врач думал, что все дело в желудке и что после мер для очищения кишечника все пройдет. Это было 1-го, Наталья Егоровна заболела

днем, вечером температура немного спустилась. А на другой день, 2-го, уже с утра дыхание было с сильным хрипом, поднялись рвоты с желчью и с кровью. Проф. Певзнер, призванный для консультации, нашел непроходимость (заворот) кишок. Главной же причиной такого быстрого конца явилось то, что начался отек легких (это уже с самого утра 2-го).

Владимир Иванович не сразу понял серьезность положения, но к вечеру уже и для него ясно было, что дело идет о ее жизни. Но не думал, что так быстро. Да и врачи не ожидали. Его уложили в соседней комнате, и в 12 часов его пришлось разбудить.

Дыхание стало реже и тише... и... прекратилось...

Весь день она была в сознании, еще в 7 часов отсылала сестру ужинать, часов в 10 пила шиповник и сама старалась держать чашку, не хотела, чтобы поили с ложечки, все время заботилась, чтобы Владимира Ивановича хорошо уложили. Ни одного слова о смерти, ни одной жалобы на страдания. Говорила только, что «тяжело дышать».

Так она легко отошла, кроткая и терпеливая, какой и была всю свою жизнь. За свою жизнь она и получила легкую кончину. Она очень просила прошение о кончине «безболезненной, непостыдной, мирной» и получила ее.

На Владимира Ивановича очень больно было смотреть. Он был потрясен ужасно.

Даже о работе он отозвался, что он «не машинка» и «без моральной опоры он жить не может». Он ее видит теперь в своей внучке Танечке² и думает ехать к ней за океан.

Первые два дня он непрерывно говорил об этом.

Послал телеграмму А.П. Виноградову с просьбой приехать, чтобы обсудить все дела и эту поездку в первую очередь.

Сейчас вот уже завтра неделя будет со дня похорон. Лицо у нее было спокойное, первое время даже торжественно и углубленно спокойное, красивее чем при жизни, потом осунулось, стало уж совсем мало похоже на нее живую.

И вот последние два дня Владимир Иванович с громадным творческим напряжением взялся за окончание книги о симметрии для отправки ее в издательство. Он написал посвящение Наталье Егоровне и говорит, что она бы хотела, чтобы он ее кончил. Надо спешно ее отослать. Он хочет записать и жизнь Натальи Егоровны.

Очень жалеет, что она мало записала из своих воспоминаний.

Очень боялись мы все за его здоровье, но тот подъем, с которым он взялся за работу, вселяет надежду, что он все же силой своего духа с этим ударом справится.

Я может быть перееду в ту дачу, где они живут. Там освободилась комната. Хочется и по вечерам быть к ним поближе.

Вот, дорогой Борис Леонидович, не думала я, что придется мне писать Вам по такому грустному поводу.

Племянник мой поправился от острого приступа туберкулеза с жаром, но сейчас опять вступает в полосу туберкулезного процесса без большой температуры, почти незаметного внешне. Но по существу очень серьезного.

Пишите, пожалуйста, Владимиру Ивановичу, это его всегда радует. Сейчас очень огорчает еще то, что всех академиков лишили индивидуальных

газет. Дают только три экземпляра на все общежитие. В основном все условия почти не изменились. Дрова подвозят, кормят, свет горит до 10,5.

Владимир Иванович очень худенький стал, но это еще при жизни Натальи Егоровны, а сейчас еще похудел. Но спит и кушает, как и раньше, немного, очень аккуратно, в свое время.

Всего, всего лучшего, привет Вашей супруге и Оле, которую я видела в Москве.

Ваша А. Шаховская

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 252–254.

¹ Письмо включено в переписку, поскольку оно непосредственно касается В.И. Вернадского.

² Т.Н. Толль.

334

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 24 февраля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

четыре дня тому назад я послал Вам телеграмму такого содержания: «Телеграфируйте здоровье. Нет писем. Беспokoюсь. Личков». Телеграмма была адресована «Вернадским». И вот нет на нее никакого ответа. Что это значит? Я этого не понимаю и волнуюсь чрезвычайно. Не случилось ли чего-нибудь с Вами или с Натальей Егоровной? Вероятно, телеграмма моя так и затерялась где-нибудь до Вас не дошла. На этот случай я Вас очень прошу по получении этого письма мне телеграфировать о положении дел у Вас, а то ведь месяц целый я ничего о Вас знать не буду, а меня страшно волнует Ваше молчание. Одновременно аналогичное письмо с вопросом о Вашем и Натальи Егоровны здоровье я посылаю Анне Дмитриевне Шаховской. Откликнитесь!

Я в последнее время много думал над вопросом о красноцветных породах древнего геологического прошлого. Вопрос ставится так: почему аллювиальные и пролювиальные породы далекого прошлого Old Red sandstone девона, New Red sandstone перми и третичные молассы (адырные отложения Средней Азии) имеют красный цвет? Какая связь между красным цветом и аллювиальностью, когда современный аллювий красного цвета никогда не имеет. И я нашел решение этой проблемы. Отложение этих пород было одновременно с происходившим поднятием этих пород. Иными словами, хребты гор еще не поднялись, но *постепенно поднимались*, и вот в это-то время сингенетично с отложением породы в нее, кроме водного аллювия, проникали соли окислов железа. Большое растворение железистых окислов в воде было возможно вследствие того, что воды были относительно теплыми, но в то же время железистые окислы легко выпадали из раствора не в виде концентраций, а рассеянно, и отсюда та однородность и одноцветность пород – красные песчаники, которая характерна и для Old Red'a, и для New Red'a, и для молассов. Когда же хребты определенно *уже поднялись* и достигли снеговой линии, тогда в растворах углекислый кальций сменил окислы железа. Это означает, что воды стали чересчур холодными (уменьшение Ph) и окислы железа рассеянно

отлагались уже под льдом, создавая железистую моряну, а наружу выходил лишь CaCO_3 , создававший лессы.

Так, на рубеже плиоцена и четвертичного времени произошла смена железистых красноцветных песчаников лессовидными породами. В цикле денудации лёссы отвечают максимуму оледенения; вместе с тем это порода синхроничная максимуму углубления геосинклиналей; «красноцветы», наоборот, характерны для происходящего еще углубления геосинклиналей и такого же не закончившегося еще поднятия гор. Вместе с тем любопытно, что «красноцветы» образуют такие же аллювиальные разливы (равнины), как породы ледникового возраста. Таким образом, аллювиальные равнины в горных местностях, видимо, начали существование свое еще до оледенения. Что касается схемы создания красноцветных отложений, то здесь виновник всего – иллювий по схеме моего литогенеза. Тут поверх песчаников лежала, очевидно, на поймах и пролювиальных склонах своеобразная почва – подзолистая в широком смысле этого слова, и она-то и создала эти красноцветы. Вот выводы, к которым я пришел.

Просматривал в последнее время два вышедших или, вернее, имеющих здесь тома «Истории философии» [122]. «Античный» том меня очень не удовлетворил, и я его бросил. Сейчас просматриваю XV–XVIII века. Этот том, мне кажется, интересен.

[...] Сейчас занят писанием отчета по своим полевым исследованиям и все больше в него погружаюсь. Кроме того, по поручению Зоологического института филиала занят сейчас составлением климатологического очерка Памира. Тема меня очень интересует.

Страшно радуют победы. Надеюсь, что Вы скоро будете в Москве. Я тоже стремлюсь теперь в Европу, но, как попаду в нее, не знаю.

Привет от меня и жены Вам и Наталье Егоровне.

Ваш Б. Личков

P.S. На днях мы с женой отпраздновали 24 года совместной жизни. Видите, какие мы стали тоже старики!

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 96, 97 об.

335

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 4 марта 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Анна Дмитриевна писала Вам о том ударе, который я перенес. И хотя я считаю, что когда доживаешь больше, чем до 80 лет, то смерть есть закон природы, но от этого не легче, так как Наталья Егоровна до последних дней была здорова. И еще первого утром она работала над хронологией нашей жизни и гуляла, как обычно. А в час ночи со второго на третье она тихо скончалась.

Мы прожили с ней больше 56 лет и мечтали поехать после войны к детям [в Америку] Теперь я буду добиваться этого один.

Я закончил свою статью о геологическом значении симметрии и сдаю ее в печать. Посылаю Вам копию полученного мной сегодня отношения от Комитета по Высшей школе.

Недавно я узнал, а раньше забыл (узнал от Соколовского), что в этом году двадцатипятилетие Украинской академии наук. Я написал А.А. Богомольцу, и хотел бы написать о том, как была создана Украинская академия наук, так как в литературе в Киеве нет документов, которые были пересланы мне в подлинниках покойным Липским, и я все собирался их передать в Украинскую академию, но все как-то не доходило до этого.

Мы с Натальей Егоровной, забывая годы, составляли хронологию нашей жизни, и здесь у меня есть все главные даты.

Если у Вас сохранился экземпляр нашей записки – отчета о нашей деятельности, то было бы очень хорошо, если бы можно было снять копию. Я писал Богомольцу о нашей записке.

Мой экземпляр взял Гревс и не вернул, мне кажется.

Если это окажется возможным, пришлите мне копию за мой счет. В Киевской «Украине» Грушевский написал фальсификацию и считал, что Украинская академия выросла из Украинского «Наукового Товариства». Дорошенко в свое время издал в Ужгороде все документы, но, вероятно, этой книги здесь нет.

Представляю себе, как Вы волнуетесь – и я с Вами, – что даст нам взятие Киева.

Всего лучшего.

Сейчас я думаю о записке, которую хочу подать официально Комарову об организации научной работы в Академии в связи с реконструкцией от последствий варварского нашествия гитлеровцев, и для этого хочу поехать в США.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 186, 186 об.

336

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 14 марта 1943 г.

Дорогой, любимый Владимир Иванович,

я только что из письма Анны Дмитриевны, посланного месяц тому назад, узнал о постигшем Вас огромном горе. Мы с женой были совершенно потрясены, когда прочли первые строки письма Анны Дмитриевны, извещавшей о смерти дорогой Натальи Егоровны. Как это неожиданно и жестоко! Всей душой мы с Вами и вместе с Вами переживаем это громадное несчастье. Хотелось бы хоть чем-нибудь помочь Вам, облегчить Вам Вашу горечь, но ведь тут никакая помощь невозможна. А язык наш бессилён выразить даже степень нашего сочувствия Вам. Могу сказать одно – Ваше горе является и нашим горем, и не только потому, что мы сочувствуем здесь Вам, но и потому, что мы оба знали близко Наталью Егоровну, человека редкой душевной красоты, редкой доброты, и вместе с тем еще и потому, что мы видели от нее

много, бесконечно много добра. Это был человек, который удивительно тепло умел подойти к людям, умел понять их положение и прийти на помощь. Мы эту помощь от Вас и Натальи Егоровны много раз получали, и чувство бесконечной признательности к Вам обоим останется, разумеется, в нас до конца жизни. Ведь, несмотря на разницу возрастов, Вы были самые близкие нам люди, лучшие друзья, да еще такие друзья, которые были недостижимым образцом, примером подражания. Передать не могу, какую большую любовь и какое глубокое уважение я всегда чувствовал по отношению к дорогой Наталье Егоровне. Редкий она была человек! Мы глубоко понимаем и всей душой разделяем Ваше горе. Понимаем, что никакими утешениями здесь не поможешь.

Очень страшно за Вас. Как-то Вы переживете эту горестную утрату. Хочется пожелать Вам больше сил и твердости духа. Я очень обрадован был сообщением Анны Дмитриевны о том, что через несколько дней после смерти Натальи Егоровны Вы нашли в себе силу возобновить работу. Это очень хорошо. Но берегите себя, дорогой Владимир Иванович, и будьте осторожны. Ведь такое тяжелое сейчас время, и так легко человеку погибнуть, особенно в Вашем возрасте. Ужасно хотелось бы быть поближе к Вам и хоть чем-нибудь Вам помочь, если это возможно, и помочь Вам хоть моментами забыться, если это достижимо!

Шлем Вам самые лучшие наши пожелания. Искренне уважающая и любящая Вас Анна Личкова, горячо Вас любящий

Б. Личков

P.S. Еще раз: берегите себя, Владимир Иванович! Ведь Ваша жизнь очень нужна стране и науке!

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 101, 102 об.

337

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 23 марта 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

Мне кажется, Вы во многом волнуетесь понапрасну. Телеграмма из Москвы и в Москву идет обычно неделю. А письма идут еще гораздо медленнее.

Я объясняю это тем, что огромная территория, занятая раньше немцами, начинает освобождаться и все направлено туда. С этим надо считаться.

Мы писали Вам о смерти Натальи Егоровны и послали Вам телеграмму в ответ на Вашу. Ответ Кафтанова я послал Вам заказным 4-го марта. Вы, надеюсь, получили.

Он не ответил мне на главный вопрос: кто геолог в комитете? Раньше был один Архангельский.

Члены комитета, кроме комиссии о степенях, в решении степени не участвуют. Мне говорил это кто-то из бывших членов комитета, не помню кто.

В Президиум относительно Вашего оклада я обращаюсь. Но неизвестно, кто сейчас в Свердловске.

Комаров в Москве болен, Бруевич тоже там; в Свердловске, где находится Президиум, Байков, к которому и надо обращаться.

Недавно у меня был А.П. Виноградов. Он ехал 10 дней из Москвы.

Мне кажется, Вы не учитываете реальности.

На мое письмо к Вам, для меня важное, от 4.III я до сих пор не получил ответа, но я понимаю, что это нормально, и надо это понять. Волнение не поможет.

Мне говорил Виноградов, что в нашей лаборатории идет исследование красноцветных пород и получены новые важные результаты. Это исследование не логические, а физико-химические, но, к сожалению, я не помню, что там нового. Спишитесь с ним. Адрес его: Казань 10. Почтовый ящик № 5. Биогеохимическая лаборатория. Проф. А.П. Виноградов. Плеханова Вам послал. «Диалектика природы» в новом издании несколько ни лучше. Вот когда друзья хуже врага. Энгельс, конечно, не виноват.

Послал для печати мою книжку «О состоянии пространства в геологических явлениях земли. На фоне роста науки XX столетия»¹.

После смерти Натальи Егоровны, о чем я Вам писал, я хочу, как только можно будет, поехать к моей внучке².

Я никогда не жил одной наукой.

Теперь принялся за обработку третьей части моей большой книги. Надо считаться, что за 80 лет творческая работа, вообще говоря, прекращается, и надо переходить к более легкой. Собираю материал о пережитом и передуманном. Начинаю так глубоко, сколько могу.

Смерть Натальи Егоровны, конечно, здесь незаменимая потеря. Она много работала над этим. Мы пережили такое удивительное время, значение которого далеко еще не понято, и я видел столько замечательных людей, как редко кто.

Жду от Вас ответа на мои письма, некоторые из которых я писал несколько месяцев тому назад. Но это нормально, и я не волнуюсь, но покоряюсь реальности.

Сердечный привет всем Вашим. Ответьте на письмо мое от 4.III. Когда его получили?

Прилагаю все усилия, чтобы неожиданное празднование моего юбилея, назначенное в Москве, в мае (в такое тяжелое для меня время) было без моего присутствия.

25-летие и 50-летие мне удалось так устроить. Если Павловский приехал, передайте ему мой поклон. Я ему не писал, так как знал, что его там нет. Не уверен и сейчас, что он к Вам уже приехал.

Сердечный привет Вам, всем, мои дорогие.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 187, 187 об.

¹ См. комментарий 2 к письму 324.

² Т.Н. Толль.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Боровое,] 14 апреля 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я сейчас пишу небольшую статью о первых шагах Украинской академии наук в сборник, который издается Богомольцем [34]. Сохранилась ли у Вас рукопись Вашей записки? Вы мне ничего не ответили (писал 4 марта).

Мой экземпляр был у меня, кажется, взят И.М. Гревсом и не был возвращен. По крайней мере, я его нигде не мог найти. Если у Вас есть экземпляр этой рукописи и если его можно за деньги перепечатать, то очень прошу Вас это сделать. Деньги сейчас же вышлю.

Нет ли у Вас оттиска французского *Revue generale des Sciences* 1925 г. с моей статьей об автотрофности человечества [8]? Она мне очень нужна. Пришлю Вам обратно заказным.

Два дня тому назад получил Ваше письмо от 14 марта. Как долго идут письма!

Усиленно работаю над последним, третьим, томом рукописи «О структуре биосферы». К сожалению, все мои материалы о ноосфере находятся в Москве [22].

Моя дочь¹ переехала в штат Нью-Йорк, где получила место в больнице. А в том штате, где они жили, в Коннектикуте, ей не удалось добиться права практики. И потому мои дети² теперь живут в разных штатах.

Но в смысле материальном положение ее этим путем улучшается. Очень надеюсь после войны повидать их. Надеюсь, доживу.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 188, 188 об.

¹ Н.В. Толль (Вернадская).

² Г.В. Вернадский и Н.В. Толль.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 27 апреля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

письмо Ваше от 4/III, где Вы пишете, между прочим по поводу двадцатипятилетия Академии наук Украины, я получил. Вы просите о присылке записки нашей в копии или в оригинале Вам. Я хочу по этому поводу обратить Ваше внимание на два момента: ведь записка наша касалась не Академии наук, а высших учебных заведений и ученых учреждений, ибо я был секретарем комиссии этой (секретарем комиссии по Академии наук Украины был В.Л. Модзалевский¹).

Я только что, дней 12–14 был болен дизентерией, и сейчас только что встал на ноги. Болезнь меня очень сильно ослабила и сейчас чувствую

себя очень неважно. У меня большая слабость. Переболи в сердце, и я чувствую себя гораздо хуже, чем до болезни. Надо было бы усиленно питаться, а средства этого не позволяют. Сейчас все силы мои направлены на то, чтобы закончить отчет по полевым геологическим работам, но я все силы употреблю, чтобы закончить для Вас и свои воспоминания. Думаю, что дней через 4–6 я смогу их Вам выслать. Ужасно досадно, что силы мои возвращаются так медленно и даже, в сущности, совсем не возвращаются.

Горячо поздравляю Вас с днем Вашего восьмидесятилетия и с получением Вами Сталинской премии. Было ужасно приятно прочитать о последнем в газетах. Что касается восьмидесятилетия, то о его праздновании я знаю из полученного здесь по линии зоологической письма из Борового зоолога Римского-Корсакова. Когда будет официальное чествование?

Я вам на днях напишу побольше, а сейчас даже письмо писать трудно, так мало сил.

В мае собираюсь ехать на полевые работы. С одной стороны, это единственный способ поднять свои силы и здоровье для меня, а с другой – прямо не знаю, как при тех силах, какие у меня сейчас, мне ехать. Надо хоть немного стать сильнее.

Шлю Вам горячий привет.

Получил только что Ваше письмо от 23/III.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 112, 112 об.

¹ См. предисловие к кн. 1 «Переписки В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым». М., 1979.

340

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 6 мая 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Сегодня я послал Вам телеграмму о себе, чувствуя, что Вас волнует мое молчание (мне как раз к тому же передали, что Вы только что запрашивали обо мне Е.Н. Павловского). Молчание мое объясняется тем, что я совершенно неожиданно и очень сильно болел дизентерией (я чуть ли даже не писал Вам об этом в конце болезни). Болел я всего 10 дней, но вышел из болезни совершенно обессиленным. Сейчас я чувствую себя исключительно скверно: оглушен хинином, крайне слаб, мало работоспособен.

Я, как Вы знаете из предыдущего моего письма, начал Вам писать воспоминания о деятельности М.С. Грушевского, но кончить все-таки до сих пор из-за своей неработоспособности не мог. На днях постараюсь все же закончить. От Вас только что получил запоздалое письмо, написанное в первый день болезни Натальи Егоровны, где Вы говорите, что хотели бы написать в контакте со мною свою жизнь в Киеве в то время. Это предложение меня глубоко тронуло, и я решил сейчас, что отошлю, как только закончу, воспоминания о Грушевском, а потом напишу все, что помню о Вашем пребывании и работе тогда в Киеве. Вот только в ужас меня приводит, что при медленности почты, Вы получите написанное мною только через несколько месяцев после

сделанного предложения. По-настоящему нам очень нужно было повидаться и поговорить по этим делам. А как мне хотелось бы Вас увидеть, я просто передать не могу.

Очень рад за Вас, что Вы энергично работаете над третьей частью большой Вашей книги [22]. Жалею, что не могу сейчас же прочитать книгу Вашу «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли. На фоне роста науки XX столетия» [35].

Видали ли Вы вышедшие в последнее время мои небольшие работы: «О четвертичных движениях земной коры в районе Украинской кристаллической полосы» (Проблемы физической географии, вып. X, 1942) [47] и «О происхождении древних, глубоких размывов четвертичного и предчетвертичного времени» (Проблемы физической географии, вып. XI, 1942) [56]. Оттисков их я не имею, и сам случайно на них наткнулся. На днях здесь в «Известиях» филиала выйдет в свет маленькая моя заметка «О новейшей тектонике Тянь-Шаня» [75]. Ее-то я уж пришлю Вам.

Я помню, Владимир Иванович, как Вы не один раз мне говорили, чтобы я довел до конца мои удачно начатые «полесьями» у Днепровской долины работы по проблеме денудации. Я только что это сделал и считаю, что написал *лучшую мою работу за всю мою жизнь*. Эта работа невелика: всего 100 с небольшим страниц рукописного текста. Называется она «О процессе осадкообразования на земном шаре; его причинах и следствиях» [69] и распадается на такие главы: 1. Современный литогенезис на материковых равнинах. 2. Почвы и каустобиолиты. 3. Морские илы и каустобиолиты. 4. Растительность, биокосные поверхностные образования и денудация земной коры в процессе развития геологического цикла. 5. О коре выветривания и рудных месторождениях. 6. Заключение¹ [64]. Повторяю, это лучшее из всего того, что я когда-либо делал, и мне очень хочется и *больше всего хочется именно Вас с этим ознакомить*. В письме это трудно, а работа у меня только в рукописи. Боюсь, что ничего не придумаю в смысле осуществления моего желания. В письме все-таки постараюсь изложить мои идеи.

Напрасно Вы думаете, что я о красноцветях производил только «логические исследования». Это замечание меня задело за живое. Нет, у меня в основе огромный фактический материал, почему в выводах я очень твердо уверен.

Очень тяжело сейчас жить и очень тяжело работать, дорогой Владимир Иванович. Я очень ищущу сейчас для себя учреждения с более широким кругом интересов, чем наш филиал, да и книг здесь мне не хватает. О своих соображениях по этому поводу напишу в следующем письме. Передаю большой привет от жены.

Ваш Б. Личков

P.S. Мой привет Анне Дмитриевне. Как здоровье ее племянника? На днях ей напишу.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 121, 122 об.

¹ Работа Б.Л. Личкова «О процессе осадкообразования на Земном шаре...» в следующем письме имеет уже несколько иное название и содержание глав. Очевидно, впоследствии не раз автором перерабатывалась. Среди опубликованных работ не значится.

[Сталинабад,] 15 мая 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я на днях послал Вам телеграмму, где объяснял, что задержка присылки заметки по поводу Грушевского объясняется моей болезнью – сначала 10 дней дизентерии, а затем малярией. Чувствую себя скверно, отеки ног и слабость. Но у меня ощущение такое, что телеграммы, видимо, не доходят. Я это ощутил впервые около времени смерти Натальи Егоровны. Поскольку я тогда почувствовал по перерыву в письмах, что что-то произошло, я послал Вам телеграмму, и на нее не было никакого ответа, тогда я через несколько дней послал вторую телеграмму, уже срочную, и тогда лишь от Анны Дмитриевны получил телеграфный ответ. Видимо простые телеграммы не доходят, и сейчас моя телеграмма опять, очевидно, не дошла. А тогда я прямо места себе не находил, в промежутке между двумя телеграммами. Теперь я отнесся к этому спокойнее. Статью Вашу об автотрофности человечества по-французски я Вам вчера выслал. О Грушевском надеюсь выслать на днях. Беда в том, чтоправляюсь я медленно и туго и сил не хватает работать. Но все-таки я думаю, что на днях работу закончу и Вам вышлю. Отчет по полевым работам только что сдал с большим трудом и ощущение такое, точно трудный экзамен выдержал.

Вы мне когда-то говорили, чтобы я довел до конца цикл моих исследований по осадкообразованию. Могу похвастаться, что сейчас я это сделал и завершил работу, продолжавшуюся 15 лет, с 1927-го года, написав работу «Осадкообразование, его причины и следствия»¹. Она распадается на такие разделы: 1. Введение. 2. Современный литогенезис на материковых равнинах. 3. Почвы и каустобиолиты. 3. Почвы и морские илы. 4. Растительность, биокосные поверхностные образования и денудация в процессе развития геологического цикла. 5. О коре выветривания и рудных месторождениях. 6. Заключение. В этой работе введен один важный момент, которого я до сих пор не учитывал, – ограниченность количества зольных элементов в почве и пополнение их денудацией. Иначе говоря, эти зольные элементы зависят от изменений рельефа. Лучше всего зольное питание тогда, когда рельеф минимально контрастен, т.е. при высоком поднятии гор, и падает к концу цикла вместе с уменьшением контрастов рельефа. Параллельно идет развитие растительности: леса в начале цикла, степи и леса – посредине и пустыни – к концу, когда зольное питание ослабевает – собираются в большом количестве в почвах и породах растворимые соли. С наступлением пустынь ряд животных на почве невозможности питаться оскудевшей растительностью вымирает. Это дает объяснение кризисов животного царства на рубежах циклов (к концу мелового периода – вымирание рептилий и пр.). Получается стройная картина жизни Земли, где все подчинено осадкообразованию, а последнее подчинено климатам и горообразовательным процессам. Чувствую, что я написал лучшую свою работу. [...] *Разрешите посвятить ее Вам по случаю Вашего 80-летия.* Это – лучшее из того, что я имею. Вы увидите, как много в этой работе контактов с Вами. Пишите.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 113, 114 об.

¹ См. примечание 1 к письму 339.

[Сталинабад,] 19 мая 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Думаю, что через день – два я Вам отошлю рукопись, посвященную воспоминаниям о некоторых выступлениях М.С. Грушевского по поводу Академии наук Украины, свидетелем которых Вы не были, почему их не знаете. Пригодится это Вам или не пригодится, я уже не знаю. Журнал с «Автотрофностью человечества» на французском языке я Вам несколько дней назад выслал.

Чувствую я себя по-прежнему очень не важно, питаемся очень плохо, но все-таки я кое как возобновляю работу, совсем было прерванную болезнями. Предстоит же все-таки не только лето, но дальше и зима, которую надо как-то пережить, а положение ведь самое отчаянное. Вся моя надежда сейчас в смысле улучшения материального положения это, или пересмотр моего диссертационного дела, или утверждение меня старшим научным сотрудником по линии Академии наук. Но оба дела *стоят без движения*: одно в ВАКе, а другое – в Президиуме Академии наук. Простите, что я жалуюсь на свою судьбу, но ведь это только констатация печальных фактов, из которых выходов нет. Все это очень печально и для меня и для семьи, и я прямо-таки не знаю, выживем ли мы. Но довольно об этом. Будем говорить о другом.

Я хочу поговорить об идеологической стороне моей работы. Она меня глубоко не удовлетворяет тоже. Плохо работать в филиале академии. Вся тематика слагается из различного рода случайных хозяйственных заданий, которые идут по бюджету республики для нее важных, а с точки зрения моих научных интересов меня совсем не удовлетворяет. Между тем, передо мной стоит ряд моих больших тем, которые я втолкнуть в план филиала не могу. И получается, что по линии служебной приходится делать неинтересное, а интересное идет сверх того, и его надо работать ночами за счет избытка сил, которого сейчас уже нет. Это печально, и изменения этого не предвидится, увы!

Я мечтаю сейчас попасть из филиала в какую-нибудь Академию наук: или союзную, или украинскую, или белорусскую, где было бы приятнее в смысле тем и интереснее. Но кто меня возьмет со всеми моими изъятиями и проваленной диссертацией, да еще без степени. Я уже мечтаю, когда кончится война попасть, на худой конец, хоть в Киев или Минск, а Средней Азией я сыт по горло. Да и библиотек здесь добропорядочных нет. Душно, тесно, неудобно, а, главное, нет средств на жизнь. Ужасно досадно, что не пришел этот номер с проведением меня доктором по совокупности трудов: а счастье было так близко и так возможно! Если Вы можете хоть чем-нибудь помочь в направлении моих дел, помогите, а то ведь я держусь из последних.

Мне удалось, дорогой Владимир Иванович, устроить печатание на машинке моей работы «Осадкообразование, его причины и следствия». Я рад, что смогу прислать ее Вам, и бесконечно благодарен буду, если Вы ее прочтете. Повторяю, это лучшая моя работа. Я посвящу ее Вам по случаю Вашего восьмидесятилетия; лучше ее дать я ничего не могу. Если я не дотяну

до конца событий, а Вы доживете, прошу Вас устроить печатание этой моей работы [69].

Очень, очень прошу.

Ваш Б. Личков

P.S. Ужасно положение Академии быть под надзором какого-то Кафтано-ва. Конечно, Академия сама виновата, что все это терпит.

РАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 111, 112.

343

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 21 мая 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сейчас только я получил Ваше письмо от 27 апреля, где Вы пишете, что получили мое письмо от 4 марта. 4 мая я послал Вам копию письма Байкова, получили ли Вы? ...

[1] Ужасно, что я не могу Вам в данную минуту помочь. Из 200 000 р. я 100 тысяч передал на Красную Армию. Так как я опоздал на несколько дней, то в газетах этого не было, я только получил личную телеграмму от Сталина¹.

Остальные 100 тысяч, говорят, получаются нескоро, когда – неизвестно.

Как только получу, сейчас же смогу Вам помочь, но никак нельзя ускорить получение.

Идет, вероятно, канцелярским путем.

Очень я беспокоюсь Вашим здоровьем. Едва ли Вам благоразумно ехать в поле, пока не поправитесь. Лучше, все-таки, быть при семье. С переболями сердца надо быть осторожным.

Моя копия Вашего доклада², мне кажется, погибла в архиве Гревса. Архив этот перевезен в архив Академии, но взять его оттуда сейчас нельзя. Заведующий архивом находится здесь.

Я посылаю на днях свою статью с воспоминаниями об Украинской академии [34]. Очень жалею, что не мог Вам переслать.

Черкните или попросите черкнуть мне несколько слов Вашу жену. Держите меня в курсе.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 189, 189 об.

¹ В 1943 г. в связи с 80-летием В.И. Вернадский получил Сталинскую премию 1-й степени в размере 200 000 руб. и орден Трудового Красного Знамени. Из них 100 000 руб. он отдал на Красную Армию, а из остальных – большую часть распределил между рядом близких ему лиц. В те годы награжденные премией и отдавшие ее на Красную Армию получали личную телеграмму И.В. Сталина одинакового содержания, текст которой публиковался в газетах.

² О работе Комиссии по научным учреждениям и высшим учебным заведениям Украины.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 24 мая 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил письмо от Анны Дмитриевны Шаховской от 8 мая, где она сообщает ответ А.А. Байкова. Он поверг меня совсем в безнадежное настроение. Мне больше явно ждать нечего и надеяться не на что. Ровно год тому назад, 28 мая 1942 г. имела место моя злосчастная защита диссертации в Ташкенте, и за год Комитет по делам высшей школы не удосужился рассмотреть мою апелляцию, а это тормозит *все*: и получение степени доктора по совокупности трудов, и перевод в старшие научные сотрудники, и не дает даже возможности новую диссертацию защищать. А у меня уже возможностей больше терпеть нет никаких! И в смысле денег, и в смысле здоровья.

Выхода из положения явно нет никакого. Если придется ждать месяцы, то не дотерплю ни я, ни семья моя, хотя почему-то в семье все здоровы, и моя женская часть семьи вся оказалась выносливее и долго терпеливее меня. Сейчас толкуют о том, что нельзя мне дать ученой степени ни за диссертацию, ни без оной, и ставят всякие формальные рогатки, а когда я не выдержу и свалюсь непоправимо совсем, тогда, конечно, признают, что в моем лице погиб все-таки далеко недюжинный специалист, даже больше, крупный специалист. Могу это сказать без ложной скромности. Очень хочу, чтобы Вы получили мою работу об «Осадкообразовании, его причинах и следствиях» независимо от того, какая будет моя судьба. Прочтите эту работу мою. Повторяю, это лучшее из того, что я сделал, и я страшно хочу, чтобы Вы эту работу мою прочли; прямо мечтаю об этом. Все складывается очень печально для меня и моей семьи, и только Вы один (да здесь еще директор Геологического института геолог С.И. Ильин) поддерживаете как-то меня.

Скорее должно быть и поддерживать не надо будет.

Шлю Вам большой привет. Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 109–110 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад], 2 июня 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

у меня к Вам такая просьба. Я хочу просить Академию принять на себя пятое издание моей книги «Движения материков и климаты земного шара». Книга мною наново переработана [51]. Я знаю, что Вы *движению* материков не сочувствуете, но, может быть, все-таки Вы найдете возможным поддержать перед РИСО, куда сейчас пишу об этом, желательность переиздания моей книги. Кстати укажу, что об этой книге моей был напечатан хороший и весьма обстоятельный отзыв покойного геолога Е.В. Милановского в «Вестнике Академии наук» (1937, № 4–5, с. 90–92). Буду очень благодарен, если Вы меня поддержите. Для меня с этим связываются два момента – заработок в

виде авторского гонорара и восстановление связей с Издательством академии и РИСО. И то и другое в моем положении важно. В 1935 г. одновременно с этой моей книгой была издана книга В.А. Обручева «Образование гор и рудные месторождения» [137]. Сейчас она переиздана. Почему бы не переиздать и мою книжку. Ведь она была в публике очень популярна и разошлась в количестве 20 тысяч экземпляров. Хочу просить о поддержке в этом отношении тоже А.А. Борисяка, В.А. Обручева и В.Л. Комарова.

Шлю лучшие пожелания и приветы.

Ваш Б. Личков

P.S. Не помню, писал ли я Вам вот о чем. Недавно я читал книжку К.И. Чуковского «Репин, Горький, Маяковский, Брюсов. Воспоминания» (М., 1940) [165]. Максим Горький в одном месте (приводится на с. 92–93 книги его письмо) предлагает вниманию К. Чуковского «Геохимию» В.И. Вернадского [12] в связи с желанием Чуковского написать популярную книгу об атмосфере и управлении погодой. Рукой А.Д. Шаховской написано в конце письма: «Ответить, что в РИСО Владимир Иванович написал».

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 139.

346

Б.К. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 4 июня 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я давно не имею от Вас писем, и это меня беспокоит: не больны ли Вы? Во всяком случае на несколько уже писем я от Вас не имею никакого отклика.

[...] Предполагаю дней через 10–12 выехать на полевые геологические работы в Ферганскую долину на 4 месяца. Возьму с собой в качестве одного из помощников дочь свою Ольгушу, которая кончает сейчас концентр школы – неполную среднюю школу. Буду изучать конгломераты континентального происхождения, имеющие неогеновый и четвертичный возраст. Создание этих конгломератов аналогичных молассам Альп – интереснейший этап в геологической истории Средней Азии и в истории осадкообразования вообще. Расшифровка их в смысле истолкования их генезиса – сложнейшая проблема, поскольку создавались они в эпоху «бури и натиска» одной из самых бурных эпох жизни Земли. Тесно связаны они с нефтью, в чем их практическое значение. Таким образом, приступая к их изучению, я погружаюсь в одну из интереснейших и практически важных проблем, продолжая вместе с тем свою работу давних лет по осадкообразованию. В другое время я взялся бы за это дело с большим подъемом и энтузиазмом, но сейчас ни того, ни другого нет. Я чувствую себя у какой-то *последней* черты и в самом безвыходном положении. Год назад, 28 мая, провалилась в Ташкенте моя диссертация. Сейчас 8 июня следующего года. Казалось бы, я мог и новую диссертацию представить, и по совокупности работ доктора получить, но всему препятствием является эта проклятая старая диссертация, и апелляция моя по поводу нее: пока ее не рассмотрят нельзя двигаться дальше. *А сколько же лет ее будут рассматривать?* Нельзя же чтобы она на годы загораживала дорогу вперед

... Может быть, в процессе работы и загорюсь и увлекусь еще, но пока я рассматриваю поездку в Фергану как на средство спасти свое здоровья и поднять силы: буду немного больше получать, буду несколько лучше питаться. Анна Дмитриевна и Зина остаются в Сталинабаде. Зина работает в Зоологической институте Академии, а Анна Дмитриевна нигде не работает кроме хозяйства и огорода, который мы устроили около дома.

Работать в поле я еду на четыре месяца, т.е. до ноября. Неужели за это время вопрос о моем докторстве не выяснится?

Я недавно послал Вам *«Автотрофность человечества»* на французском языке, о присылке которой Вы просили [8], а совсем на днях послал Вам *заметку-воспоминания о Грушевском и его выступлении в 1918 г.* [73]. Получили ли?

На днях я Вам пришлю экземпляр работы своей о красноцветах [70], которую я предполагал поместить в «Известиях» нашего филиала, но очередной выпуск, кажется, печататься не будет, и работа, значит, будет лежать. Прочтите ее, как и две другие работы, которые я Вам пришлю вслед за этим; это лучшие плоды моего творчества! Пусть Анна Дмитриевна Вам поможет. Уверяю Вас, что работы очень интересны. На днях я надеюсь Вам прислать небольшую статью свою в 2 страницы в «Известиях» Таджикского филиала. Хоть статья и маленькая, но имеет важное, принципиальное значение, и я ее высоко ставлю. Ее то уж Вы прочтете. Если имеются у Вас там «Проблемы физической географии», вып. X–XI, прочтите там последние две мои статьи по геоморфологии [56]. Они, по-моему, очень интересны, но это уже пройденный мой этап, и, кем я буду дальше, я не знаю: или вернусь к чистой геологии, или погружусь в палеонтологию. Только бы попасть в такой центр, где я мог бы работать. Сейчас я этого не могу, и жизнь не имеет для меня никакой привлекательности.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 123–124 об.

347

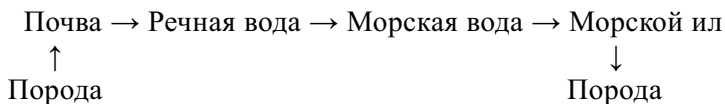
Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 5 июня 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вот к чему кратко сводится моя теория осадкообразования.

Почвы творят новые горные породы в иллювиальном процессе, и все породы на поверхности суши являются порождением кроющих их почв так же, как в морях породы являются порождением морских илов. Породы могут влиять на почвы не снизу, как принимают обычно, а, так сказать, сверху, в денудационном процессе. Ваша схема:



Б.К. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 9 июня 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

одновременно с этим письмом я Вам посылаю первую из трех лучших моих работ, о которых я Вам писал в последних моих письмах: «К вопросу об условиях и причинах образования красноцветов». Скоро надеюсь прислать и самую главную работу – «Осадкообразование, его причины и следствия» [69]. Надеюсь, что Вы ее прочтете¹. [...] Обратите внимание, как хорошо все укладывается в ритмы геологической эволюции на таблице, которая к статье прилагается. По сравнению с признанными моими работами это же громадный шаг вперед и шаг очень большой и убедительный.

Я закончил отчет по летним работам своим 1942 г. и на днях начинаю подготовку к работам 1943 г. Работа у меня опять касается проблемы осадкообразования, чему я сейчас очень рад: тряхну под конец этой проблемой, чтобы исчерпать ее до конца, а там перейду на что-нибудь другое, новое. Напишу Вам на днях о своих полевых работах подробнее.

От Вас писем давно нет, и это очень меня волнует. Не забывайте меня. Пишите мне, пожалуйста. Я очень жажду иметь от Вас письма.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 133–133 об.

¹ Далее следует текст, выцветший в подлиннике письма. Разобрать его не удалось.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 11 июня 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень беспокоюсь. Послал Вам почтой 500 рублей (так как, говорят деньги телеграфом идут также «быстро») 25 мая. Сегодня посылаю Вам 500 руб. телеграфом. Я из 200 000 руб. половину пожертвовал на армию – опоздал с этим, и потому в газетах не было, и я получил личную телеграмму Сталина¹.

Несколько дней назад, 8. VI, писал в Комитет по премиям, чтобы перевели 200 000 руб. Тогда смогу Вам помочь больше. Сегодня посылаю телеграмму Кафтанову с запросом, в чем дело и почему он не отвечает на запросы Академии, и пишу официальное письмо Комарову.

Так как с этим много писании, ограничиваюсь этим и на днях Вам напишу. Работаю, сколько могу.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

P.S. Копия телеграммы:

Молния. Москва. Рождественка, 11, товарищу Кафтанову лично.

Месяцами ВАК задерживает дело Личкова, не отвечает Академии. Крупнейший геолог болеет тчк грозит трагедия тчк оплата труда недостаточна без степени. Лауреат орденоносец Вернадский.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 190, 191.

¹ См. комментарий 1 к письму 342.

350

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 17 июня 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

горячее спасибо Вам за помощь. Я только что получил 500 руб., которые Вы мне послали почтой, а сейчас у меня на руках появились и 500 руб., присланные по телеграфу. Очевидно, почтовый перевод почему то обогнал телеграфный. Деньги пришли исключительно вовремя, в очень тяжелый момент, и положение сразу облегчилось. А то я уже занимал деньги направо и налево, все больше запутываясь: и обедать мы могли не каждый день. Настроение мое сразу приподнялось. К тому же еще одновременно с Вашим переводом я получил очень теплое письмо от профессора Ленинградского университета С.С. Кузнецова, с которым мы вместе работали раньше там, а кроме того, в Закавказье, где он просит держать его в курсе о решениях Академии по поводу меня и выражает всякую готовность провести мою защиту осенью, если это будет нужно в Ленинградском университете. Вы не поверите, но Ваша помощь и письмо С.С. сразу очень подняли мое самочувствие. Я целый день чувствовал себя без обычной слабости и очень хорошо работал. Правда, вчера после службы я опять весь день пролежал с книгой в руках и работать не мог, но сегодня я опять работоспособен. За несколько последних рабочих моих дней, а они у меня чередуются с нерабочими, когда я ничего почти делать после служебных часов не в состоянии. Я написал очень интересную и важную работу «О речных террасах» [71]. Статья небольшая, всего около двух печатных листов, но исключительно интересная. Она совершенно переворачивает представления украинских геологов о ином значении и смысле террас на Днепре. [...] Геоморфологически получается, что Днепровская полоса, если ее сравнивать с Приволжьем и Донецким районом на востоке и Приднепровьем на западе, является областью погружения. По моей концепции в ледниковую фазу Донецкий и Днепровский языки в ледниковое время погружались под тяжестью льда, а Подолия, Донецкий кряж и высокое Приволжье с Дономедведицким валом и вплоть до Ергеней поднимались. Отсюда, от этих областей погружения, выведены мною и те аллювиальные древние языки–отпрыски полесий, которые характерны для окрестностей Днепровской и Донецкой долин, т.е. для обоих ледниковых языков. Их и чего-нибудь аналогичного им нет на Волге, нет на Донце, Южном Буге, Днепре. Это именно явление связано с ледником и ледниковым погружением.

Я подробно развиваю идеи по этому поводу в другой работе, которую я только что закончил и которая называется «Среднее Приднепровье четвертичного времени как геоморфологическое целое» [74]. Мне удалось подойти

в этой работе к очень интересному и важному выводу. Я вновь пересмотрел данные об аллювиальных равнинах Приднепровья, отвечающих по возрасту рисскому оледенению, и открыл в них для эпохи самого оледенения чрезвычайно важную и интересную вещь: мощнейшие подледовые потоки в десятки километров ширины – один на месте будущего Днепра, другой на месте будущего Дона. Мы до сих пор учились для равнин по германской геохронологии, а там ничего подобного нет, ибо реки текли на север, под лед, у нас же они все время текли из-под ледника к Черному и Азовскому морям. Отсюда аллювиальные языки в пределах языков ледниковых с подледовыми потоками в пределах языков аллювиальных. Удивительно интересное и грандиозное природное явление. На Дону я только удостоверился в том, что это явление существует, но не анализировал его подробно, для Днепра же я вскрыл его во всей его грандиозности: подледовый поток тянется от Смоленска до Днепропетровска и у Мозыря сливается с таким же подледовым потоком Припяти. К моей работе приложена карта, его изображающая на этом протяжении, и видно, какое это громадное явление. Это второй мой успех.

Третья работа, которую я тоже только что закончил и продумал, это геоморфология *города* Киева [72]. Я открыл в Киеве неогеновую террасу. Если Вы припомните рельеф Киева, то вспомните, что в Киеве университет и Оперный театр находятся на более низком уровне, чем Софиевский собор. Я эту геоморфологию разгадываю с 1933 г. и в первый раз писал о нем еще тогда в «Известиях Гидрологического института» [42], где впервые выделил эту террасу. Сейчас при посредстве ряда работ, после моей появившихся (Биленко, Надина, Лунгерсгаузена и др.), я понял, что это террасы киммерийского возраста (кстати сказать, Лыбедь, где крестили Русь, тоже имеет киммерийский возраст), т.е. неогеновые. Получается совершенно новый, неожиданный штрих в геоморфологии Киева. Думаю эти три очень интересные работы послать в качестве докладов на очередную сессию Академии наук Украины в Уфу и уже начал списываться по этому поводу с Б.И. Чернышевым. Хочу этот материал, кроме того, предложить А.А. Григорьеву для «Проблем физической географии» и «Известий АН СССР». Если мне удастся еще раз вернуться хоть на короткое время на Днепр – Припять (а мне нужно туда именно на короткое время), я предвижу, что открою там совсем новые геоморфологические явления; мне только нужно проверить некоторые вещи в районе на грани Белоруссии и Украины. В связи с этим я списывался или, вернее сказать, написал и в ту, и в другую академию, могу ли я рассчитывать после войны получить в этих учреждениях работу по специальности (в Украинскую академию я писал в Уфу, в Белорусскую – в Ташкент президенту Гореву). Ни оттуда, ни оттуда ответа не имею. Собственно говоря, для обеих этих стран я настолько немало сделал в области геологии и геоморфологии, что имел бы право, рассчитывать на приглашение меня к ним. Ведь для Белоруссии я первый разгадал природу полесий и сделал для их страны очень много. Я полагаю, что каждая из этих двух академий должна была бы быть довольна привлечь меня к работе по кафедре геологии и географии. Ведь географов ни там, ни там как будто нет.

Не думайте, Владимир Иванович, что я хочу непременно бросить *работу* в Средней Азии; нет этого. Я хочу бросить только *местожительство*, и то для того, чтобы иметь под руками библиотеки для работы, которых здесь

нет. Я просто хотел бы быть в более крупном и старом центре – Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и для этого завожу сейчас контакт с Украинской и Белорусской академиями, а также с Ленинградским университетом (ах, если бы вернуться мне туда профессором).

Теперь еще об одной моей работе, которую я доделываю сейчас. В сезон полевых работ прошлого, 1942 г. я работал в Южно-Таджикской депрессии по материковым отложениям неогена – четвертичным. Сейчас готовлюсь ехать на такие же отложения неогена и четвертичные Ферганы. Центр работы – в тектонике горных хребтов типа наших адзоров, молассов 3. Европы, [сивилина]¹ Индии. Я углубляюсь в тектонику и литологию этих слоев и подготовил к печати работу «Сводово-глыбовые движения как эпэйрогенез». Много мне очень дали здесь работы немецкого геоморфолога [Со...]¹ и работы наших исследователей Васильковского, Шульца, В.И. Попова того самого, который ногу подставил мне в Ташкенте и др., в том числе различных геологов вроде Крейчи Графа, занимавшихся нефтью. У меня совершенно новые и интересные выводы получаются, которые впервые начали оформляться, когда я еще в 1943 г. работал здесь в Фергане. Я хочу еще кое-что проверить и доработать и к осени, вероятно, представлю новую работу по тектонике с упомянутым выше заглавием. По существу, это глава в большом тектоническом труде, который я за эти годы подготовил к печати.

Вот примерный очерк проблем, которыми я вплотную занимался последние недели две. А перед этим я был погружен в проблему осадкообразования и денудации. По этой последней проблеме, где я дал апогей моего творчества, я хочу работы Вам послать. «Красноцветы» я Вам уже выслал, «Складкообразование» пришлю скоро, и пришлю «Развитие органической жизни». Если Вы прочтете, Вы увидите как это интересно.

Теперь по поводу вопроса о моих личных делах, именно о хлопотах по линии добычи докторства. На этих днях, именно, по-видимому, 25 июня едут в Москву по делам филиала нашей Академии Е.Н. Павловский (в качестве председателя филиала) и зоолог Б.Е. Быховский, заместитель председателя филиала. Б.Е. Быховский – хороший человек, партийный, молодой зоолог. Он будет хлопотать и иметь хождения по моим делам. Быховский будет выяснять такие три вопроса: 1. Вопрос об утверждении меня старшим научным сотрудником (в Президиуме Академии наук), 2. Вопрос о моей апелляционной жалобе и апелляционной жалобе официального оппонента проф. А.Н. Криштофовича, 3. Положение вопроса об утверждении меня доктором по совокупности трудов, о чем просил Таджикский филиал. Хотя я уверен, что Быховский ходить по моему делу будет, но очень хорошо было бы, если бы Вы обо мне написали письмо Е.Н. Павловскому в Москву. Тогда и последний тоже больше займется моим делом. Что можно и нужно еще сделать, чтобы подвинуть мое дело в связи с поездкой в Москву представителей нашего филиала, это я думаю виднее Вам. Поэтому я Вас просто извещаю, что в конце июня они будут в Москве. Имейте это в виду. Может быть очень неплохо было бы, если бы Вы написали еще А.А. Григорьеву, если его Институту и он сам переезжает сейчас в Москву (об этом говорят). Ведь у него находится моя диссертация на *доктора географии*, по которой перед войной были уже намечены и оппоненты (И.П. Герасимов, Д.В. Наливкин и Я.С. Эдельштейн), и провизорно намечено время защиты (до войны было намечено осень 1941 г.).

Что если попросить Григорьева сейчас ускорить в Москве время этой защиты. Я был бы очень благодарен, если бы Вы поддержали меня перед Григорьевым. Я сам тоже пишу ему. Быховский клянется и божится, что он сдвинет мои дела с мертвой точки, и я верю, что он сделает действительно для меня все, что сможет. На худой конец, если апелляция провалится в ВКВШ, у меня остается еще надежда на то, что академики проведут меня по совокупности. Если и это не пройдет, я хочу защищать на доктора географии в Институте географии АН или на доктора геологии согласно предложению Кузнецова в Самаркандском государственном университете. Надеюсь все-таки, что к осени я стану доктором, а затем после победы устроюсь на работу уже в Европе и уеду из Средней Азии, причем, материальное положение мое коренным образом исправится.

Должен сказать, что живем мы все-таки в редком оазисе по благополучию в нынешние суровые времена. Здесь на рынке можно достать все. Цены, конечно, высокие но говорят, что они во много раз ниже, чем в других местах. [...]

Возвращаясь к себе, я скажу, что вопреки всему, вопреки тяжелым условиям личного существования, вопреки тяжелой обстановке в стране, вопреки тому, что судьба третирует меня как бы как негодного научного работника и т.п., я переживаю совершенно исключительный, небывалый в жизни моей подъем научного творчества. Чувствую мысль свою *очень сильной* и свежей. И работа моя все углубляется и углубляется. Как бы хорошо было получить для нее обстановку и условия. Только бы дожить до победы, в которую я глубоко верю. Мне думается, что она все-таки не так уж за горами и конец войны может прийти совсем неожиданно, как это было в 1918 г.

Вероятно, Вы скоро в Москву поедете. Напишите мне об этом, если можно заранее, чтобы я знал.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 988, л. 134–137 об.

¹ У автора написано неразборчиво.

351

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Боровое, 24 июня 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень благодарю Вас за присланную статью «К истории создания Украинской академии наук в Киеве» (из воспоминаний) [73].

Я совершенно забыл о том инциденте, который Вы указываете, но, конечно, я об этом тогда знал (кажется, через Кистяковского). Но я был членом «Наукового Товариства» в Киеве. Это я помню хорошо, так как Багалея не был членом с основания, мне кажется. И я это очень хорошо помню. Возможно, что мне на это заседание не была послана повестка. Или оно было выбрано в такое время, когда я не мог быть, или был в Староселье.

Имеете ли Вы что-нибудь против того чтобы Ваша записка была послана Богомольцу и появилась бы в юбилейном сборнике? Так как это, все-таки,

исторический документ, то, не дожидаясь Вашего ответа, я отдам ее здесь перепечатать и копию пошлю Богомольцу. Ответьте мне на мой вопрос, хотите ли Вы, чтобы она появилась, если они это найдут возможным, в юбилейном сборнике?

Я напишу, чтобы пока он ей не давал хода.

Так как я хочу в июле или в августе ехать в Москву, то там я пересмотрю материалы моего архива, оригиналы и, прежде чем статья будет печататься, я надеюсь передать Украинской академии материалы моего архива, ее касающиеся. Я считаю Богомольца вполне порядочным человеком и связан с ним помимо Академии, так как мы оба ближайšie друзья проф. Ушинского, бактериолога, а Ушинский был членом нашего братства*.

Вчера я получил от Кафтанова. То есть от помощника его, список экспертной комиссии по геолого-минералогическим наукам. В ней 12 человек. Из них только один – член-корреспондент, которого провел Архангельский, хороший горный инженер, но серый, делающий все, что прикажет начальство. Вчера же я написал самому крупному из членов этой комиссии проф. В.А. Варсанофьевой, биографию А.П. Павлова которой Вы, кажется, читали. С ней у меня хорошие отношения в связи с Павловым. Она крупный геолог. Я ей указал, что дело тянется уже год, и они не отвечают и отписываются. На днях я напишу в Президиум о том, что необходимо Академии освободиться от контроля Академии по делам высшей школы по существу. Я считаю, что Комитет, не касаясь того, насколько он нужен, должен быть в курсе работы обоих высших геологических центров: Совета геолого-географического отделения Академии наук и государственного Геолкома. Комитет высшей школы должен регистрировать, но не пересматривать по существу и утверждать постановления этих двух центров.

Среди лиц экспертной комиссии мне совершенно неизвестны 5 человек из 12. Это все «профессора». Это слишком большой процент для того, чтобы допустить, что комиссия составлена правильно. Все-таки литературу я хорошо знаю. Я думаю, что Варсанофьева мне ответит, или, при моих отношениях к ней, я могу ей еще раз напомнить. Теперь несколько слов, пока только вкратце, по поводу Вашей схемы в письме ко мне от 5. VI. Та схема, которую Вы мне приписываете, – это не моя схема. Я для морской воды не признаю ее объяснения, исходя только из речной воды.

Вы ее найдете в моей «Истории природных вод» [7].

Уже в первой половине XIX столетия геологи (Даубени и др.) обратили внимание на сходство морской воды (но не речной) с составом вулканических фумарол.

Они тогда объяснили это тем, что, так как вулканы находились близ Океана, то морская вода достигала очагов вулканов, и этим объяснялось сходство ее по составу с фумаролами.

* В студенческие годы (1882) В.И. Вернадский вступил в кружок «Братство», организованный группой молодежи. Входили в него Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, Д.И. Шаховской, А.Н. Краснов, А.А. Корнилов, И.М. Гревс и др. Целью кружка его члены ставили улучшение жизни народа путем личного самоусовершенствования. Взаимную любовь и дружбу члены кружка пронесли через всю жизнь.

Я объясняю это тем, что, помимо речной воды, в Океане играют огромную роль подводные фумарольные процессы.

Я думаю поэтому, что Вы увлекаетесь и илы и почвы едва ли могут дать морскую воду. И вы приписываете мне что-то другое.

Во всяком случае эта схема не моя, я с этим боролся.

Мне кажется, дорогой друг, очень опасно логически до конца развивать схемы. Если мы посмотрим на реальные факты, то мы знаем, что среди химических элементов, жизненно необходимых для жизни, два элемента основных (а в меньшей степени и другие) выносятся в почву, помимо умирающего жизненного вещества, метеорами. Сера и азот попадают из тропосферы. Оба они необходимы для образования белков. Другого источника их для белков нет.

К сожалению, мы не имеем до сих пор полного химического анализа тропосферы. Исследования воздуха Москвы на галоиды показало нам, что всегда находится определенное количество фтора, брома, иода и хлора. Тропосфера, почва, жизнь теснейшим образом между собой связаны.

25. VI. Сегодня послал Вам телеграмму-молнию, что Ваше дело разбирается. Я получил сегодня правительственную телеграмму такого содержания: «Дело Личкова днями поступило Средне-Азиатского университета и рассматривается экспертной комиссией

Зампредкомшкол Агроскин».

Напишите, как Ваше здоровье?

Сердечный привет всем Вашим. Анна Дмитриевна¹ кланяется.

Ваш В. Вернадский

P.S. Мне кажется, что федералисты не имели никакого отношения к Австрии. Федералистом был Кистяковский, им же был погибший Науменко. Мне кажется, что была украинская партия очень доброжелательная к великорусам. А Донцов был представителем крайнего шовинизма, но федералистом он не был. Я не знаю, кто он такой, и он как-то быстро исчез. Я не знаю его биографии.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 191–192 об.

¹ А.Д. Шаховская.

Дорогой Владимир Иванович,

через 7–10 дней я выезжаю на летние полевые работы в Ферганскую долину, где буду работать в окрестностях города Коканда и поселков Соха и Исфары. Пробуду на полевых работах я около четырех месяцев. Ехать мне на полевые работы и хочется, и колется... С одной стороны, я чувствую, что свежий воздух в полевых условиях живо вернет мне здоровье и силы; к тому же тема работы оригинальна, мало кем тронута и увлекательно интересна. Но с другой стороны, в переживаемые суровые минуты нашего существования мне очень

не хочется покидать своих домашних и несколько месяцев провести в разлуке с ними. Меньшую дочку свою Ольгушу я имею возможность взять с собой в качестве одной из помощниц своих. Но жена со старшей дочерью неизбежно должны остаться в Сталинабаде, а мне очень не хочется разлучаться. Ясно, что я все время буду волноваться по поводу того, как там они без меня существуют, здоровы ли, живы ли и т.п. Очень беспокоит меня жена. Она массу сил вкладывает сейчас в то, чтобы как-нибудь обеспечить положение семьи, во всем себе отказывает, недоедает, недосыпает, и в результате в последнее время у нее начался злейший фурункулез и малокровие. Знаю, что я во время полевых своих работ в конце концов оправлюсь, ибо буду питаться, дышать свежим воздухом и т.д. А вот поправится ли за эти месяцы жена я не знаю: ведь в городе она сидеть будет и будет по-прежнему непосильно много работать. То же скажу и о Зиночке, которая только что отделалась от воспаления легкого.

Много я пережил и передумал мыслей в течение этой зимы, очень много успел написать, но мысль разворачивается все дальше и дальше, и я чувствую себя накануне самых крупных своих обобщений, а полевая работа все это прервет, и потом зимой придется начинать все сначала. Между тем так хочется зафиксировать все именно сейчас, поскорее! В конце концов ехать все-таки надо, и поэтому никакими настроениями от поездки все-таки не избавишься, тем больше что и по существу рано мне еще начинать избегать полевой работы.

Тема же моя очень интересная. Практически она связана с условиями залегания нефти как полезного ископаемого; теоретически она стоит в центре большой проблемы осадкообразования, которая давно уже стоит в центре моего внимания и в которой сейчас я как будто подхожу к самым высшим ступеням обобщений, в формулировке которых полевые работы мне только помогут.

Мне хочется до моего отъезда на полевые работы успеть получить от машинистки лучшую работу моей жизни, мой, можно сказать «шедевр» – «Осадкообразование, его причины и следствия», чтобы послать ее Вам. Я страшно мечтаю о том, что этот мой труд вместе с недавно посланной статьей о красноцветах, а равно вместе со статьей об «Изменениях рельефа и эволюции органической жизни», Вы прочтете и скажете мне Ваш приговор. Простите мне мою самоуверенность, но я считаю, что эти три работы это *целый переворот в геологических науках* и мне очень хочется, мне очень нужно знать, как Вы отнесетесь к этому перевороту, и как Вы его оцените. Очень буду ждать.

Я только что получил Ваше письмо, где Вы сообщаете текст Вашей телеграммы обо мне Кафтанову по поводу докторской диссертации. Горячее спасибо за Вашу неизменную доброту и участие. Неужели и сейчас все у меня провалится? Как будто все планы говорят за успех, а у меня веры нет.

Я чувствую себя лучше, но сильная слабость и пониженная работоспособность.

Ваш Б. Личков

[Сталинабад,] 3 июля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я давно уже собираюсь Вам написать по одному маленькому вопросу, да все как-то пропускаю его в письмах. При личных встречах я, наверное, давно бы Вам это рассказал. Я в последнее время близко соприкасался с писаниями покойного В.Р. Вильямса и произвел в связи с этим большую переоценку ценностей. В связи с креновой и апокреновой кислотами, а равно с его политической позицией, у меня было против него очень большое предубеждение: сложилось представление о каком-то авантюристе в науке и неискренности и «подлаживании» в политике. Теперь я пришел к заключению, что и то и другое неверно. В политике он не подлаживался, а был широким и убежденным большевиком. Что касается научной области, то здесь это – удивительно богатый идеями и сильный обобщающий ум. Фигура он очень крупная. Есть у него в его багаже вещи сомнительные с точки зрения фактического оправдания – слишком большие увлечения, но есть прямо-таки пророческие поразительно красивые идеи, которыми он, бесспорно, прозревал будущее и которым время еще придет. Со времени В.В. Докучаева это крупнейшая и интереснейшая фигура в нашем почвоведении. Я не скажу, что он крупнее Гедройца, но он богаче, разностороннее и интереснее Гедройца и Глинки. Фигура поразительная. Я прочел в нескольких изданиях его «Почвоведение» [107] затем ряд старых его произведений в первом томе его сочинений и два посвященных ему сборника – посмертный (выпущенный Академией наук, он малоинтересен) и сборник по случаю пятидесятилетия (выпущенный Сельскохозяйственной академией), там много интересного [90, 91], и передо мною предстала величавая и интересная фигура оригинального мыслителя, страстно отзывающегося вместе с тем на все злобы дня. Удивительно интересны его идеи о смене форм растительности на глее, мысли о пустынях, идея о сольном питании почв, мысли о выветривании, наконец, его трактовки пойм. Правда, многое у него преломляется иной раз странно, вроде как в кривом зеркале, но все-таки даже и в этом случае все в нем интересно. Мне представляется, что Вы его недооценивали и недооцениваете?

Еще я хотел Вас спросить, отметили ли Вы удивительно яркую и интересную фигуру ботаника М.Г. Попова, давшего богатую идеями целую вереницу работ по Средней Азии и сейчас подошедшего к крупнейшим уже внерайонным обобщениям о пустынях, происхождении двудольных, происхождении лёсса и т.п. Я не во всем с ним согласен. Но у него смелая, ищущая и методологически правильная мысль. Очень интересны последние его работы об «Eremostachys» в Бюллетене Московского общества испытателей природы [149], а также небольшая книжка о растительности Казахстана [148], недавно вышедшая в свет. Он очень богат обобщениями, выросшими на фактах. Наблюдатель замечательный. Лично я с ним познакомился здесь, в Средней Азии, и я получил впечатление от него хуже, чем от его работ. Видимо, это очень непокладистый человек, всех ругающий и, быть может, даже чуть не со всеми ссорящийся, с очень искрящимся умом. Как и я, он тоже без ученой

степени. [...] Я думаю, что из ботаников-флористов он сейчас один из самых крупных.

Пришлось мне перечитывать в последнее время ряд работ Н.И. Вавилова и о происхождении культурных растений и по общим вопросам биологии (вид как система, гомологические ряды и др.) Удивительно гениальный и интересный ум. Владеет огромным фактическим материалом и богатейшей способностью к обобщениям, и при этом удивительно интересны и неожиданны его обобщения. Как ученый-исследователь он не слабее В.Л. Комарова, а последний тоже очень интересен.

Хотел я еще привлечь Ваше внимание к последним работам Д.И. Соколовского и его школы в Киеве (разумеется, это уже фигура совершенно иного, гораздо меньшего масштаба, но речь не об этом) о солепроявлениях на земной поверхности (основная работа по этому поводу в «Почвоведении», а ряд работ более мелких его и его учеников в изданиях Академии наук Украины). В основной идее он, по-моему, не прав – почвы не засоляются за счет подземных истоков каменной соли, но для Донецкого кряжа и Северо-Украинской мульды с ее солонцами это, пожалуй, верно. Тут соль, видимо, из недр. Поразительно, как перестроились за последние 15–25 лет все наши представления о недрах Северо-Украинской мульды и об ее поверхности; вторглась в жизнь ее нефть, вторглась с 1916 г. соль, а затем все перестроилось и в тектонике и начало перестраиваться также в почвоведении. Обратите внимание на эти работы Соколовского, если Вы их не заметили.

Пока кончаю. Много хочется Вам еще рассказать и очень хотел бы увидеться.

Шлю большой привет от себя и жены.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 142–144.

354

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 22 июля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

в моем положении произошла маленькая перемена к лучшему, последствий которой я, правда, не мог еще ощутить. ВАК ВКВШ утвердил меня в ученном звании старшего научного сотрудника. Это все-таки успех, ибо в связи с этим я буду получать зарплату на 900 руб. больше, чем до сих пор. Дня через три-четыре я выезжаю на полевые геологические работы и беру с собой в качестве помощницы свою Ольгу, которая, следовательно, тоже будет зарабатывать. Наконец, я буду получать командировочные. Таким образом можно думать, что острота моего материального положения немного рассосется, и я не буду уже взывать о помощи, а как-нибудь буду обходиться своими средствами. Это немного приподняло мое настроение.

Волнует только то, что докторский мой вопрос все затягивается и что экспертная комиссия так долго его не может решить. А вдруг решит еще отрицательно. Неужели я не созрел еще до доктора? А сколько ведь людей го-

раздо слабее меня носят это звание или, вернее, имеют эту ученую степень. Эта проблема продолжает меня волновать. Кстати, в связи с этим сообщу Вам следующее. Я получил на днях небольшое теплое письмо от В.А. Обручева, где он, между прочим, в конце письма пишет: «В бюро ОГГН имеется заявление В.И. Вернадского, поддержанное мною, о присуждении Вам степени доктора. Оно было отложено по совету академика-секретаря Президиума, но этой осенью я надеюсь его продвинуть с успехом». Мне было очень приятно прочесть эти строки. Я не теряю надежды, что мне все же должны дать доктора по моей апелляции, но такие теплые строки Владимира Афанасьевича, который меня до сих пор не баловал, все же меня порадовали.

Я не возражаю против того, чтобы заметка моя [73] послана была Богомольцу, как не возражаю и против напечатания ее в юбилейном сборнике¹. Смущает меня только вот что. Предназначал я ее не для печати, а как материал для Вас, и поэтому для печати ее стоило бы несколько пересмотреть и отшлифовать.

Не сомневаюсь нисколько, что Грушевский прекрасно знал, что Вы на заседании не будете, я определенно помню, что Вы в это время были в Староселье. Ваш хороший отзыв о Богомольце как человеку привлек мое внимание, и я прочел его с интересом. До сих пор я о нем не имел никакого представления, кроме его публичных выступлений. Последние производили на меня всегда по газетам и радио хорошее впечатление. Я очень рад, что в этом впечатлении не обманулся.

Самочувствие физическое в последнее время у меня было немного лучше, и я думал уже, что все начнет в смысле здоровья налаживаться, так что я поеду на работы более или менее бодрым, но вдруг все разладилось. Со мной приключился такой пароксизм малярии с температурой 41°, что я от него чуть не погиб. Я никогда при самой высокой температуре не терял сознание и аппетит, а тут вдруг почти весь пароксизм я пережил в бессознательном состоянии. Страшно перепугал этим жену. А теперь последствия пароксизма: слабость и малая пригодность к работе. Нет, я вижу, что климат Средней Азии не подходит для меня и семьи моей. У меня острая форма малярии в двух разновидностях даже, у Зины тоже очень сильные припадки, жена вечно чувствует свое сердце и не выносит жары. Словом ясно, что жить нам здесь нельзя, и я хочу поэтому исподволь подготавливать себе новую базу. Думаю, в частности, даже о Киеве, если не удастся попасть в Ленинград.

Хочу спросить Вашего совета по поводу того: не связаться ли мне ближе с Академией наук Украины? Я хочу сейчас послать через Богомольца некоторые свои ненапечатанные работы для доклада их на сессиях Академии наук Украины и для напечатания в их изданиях:

К истории Днепра в четвертичное и предчетвертичное время (50 с.) [74].

Современный литогенезис на материковых равнинах (24 с.) [64].

Осадкообразования на земном шаре, их причины и следствия (20 с.) [69].

Жаль, что Богомолец меня не знает совсем, но все-таки для завязки сношений с Академией Украины лучше идти через него, чем через Чернышева который, видимо, боится моего прошлого... Как Вы думаете, стоит ли пробовать? Может быть, они меня возьмут к себе научным сотрудником, тогда все начнет приходить в норму, я вырвусь из губительного для нас климата Средней Азии. Впрочем, может быть, я неверно думаю о Б.И. Чернышеве?

Он сказал Л.Н. Яснопольскому, что все зависящие меры примет, чтобы устроить меня в Академии по возвращении в Киев. Разумеется, я предпочел бы Академию Всесоюзную в Москве, но никто, кажется, меня приглашать туда не хочет, и перспективы мне тут немного.

Небольшая переписка с Владимиром Афанасьевичем Обручевым получилась у меня по такому поводу. Я послал ему небольшую работу свою по геоморфологии Иркутска. Он ее устроил для печати в «Известия АН», приняв ее весьма приветливо. После этого, после того, как я увидел вышедшую в свет его книжку (популярную) об образовании гор, я ему написал просьбу поддержать переиздание моих «Движений материков», а кроме того сообщил, что у меня имеется статья к печати, большая работа по общим вопросам тектоники. Он мне написал: «Вашу большую работу по тектонике буду ждать с нетерпением уже в Москве и приму все меры, чтобы ее продвинуть к изданию. Тектонических работ у нас вообще еще мало и среди них тетяевские занимают незаслуженно видное место. В Москве буду не ранее конца августа». Спасибо ему еще и за это!

Или одновременно с этим письмом, или через день-два после него я посылаю Вам лучшую свою работу «Осадкообразование, его причины и следствия» [69] с пространным к ней резюме. Ее я осмеливаюсь посвятить Вам. Очень мне хочется ее напечатать, вместе с тем я очень не против был бы для поправления моего положения, если бы я мог за нее получить и гонорар или премию. Внутреннее мое убеждение мне говорит, что работа хорошая. Очень не хочется мне, чтобы Вы ехали сейчас в Москву. Рановато, по-моему, это еще. Не лучше ли Вам еще переждать до выяснения положения. [...]

Шлю Вам большой привет от себя и жены.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 156–169.

¹ Сборник, посвященный 25-летию АН УССР. См. письмо В.И. Вернадского от 24 июня 1943 г., № 351.

355

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 26 июля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

дня три тому назад я послал Вам в Боровое мой труд «Осадкообразование, его причины и следствия» [69], который я осмелился посвятить Вам по случаю дня Вашего 80-летия. Работа эта представляет дальнейшее развитие моего известного Вам «Литогенезиса» [64], который Вы одобрили и представили в печать в «Известия Академии». «Осадкообразование» это зрелый плод мысли, идущей по данному пути около двух десятков лет и нашедшей, наконец, свои последние крайние и основные, наиболее важные выводы. В этом труде те идеи мои, которые на арену научной мысли выступили еще в 1926–1931 годах и дали большие обобщения в моих концепциях полесий и наземных аллювиальных равнин, а равно такие же обобщения, касающиеся геосинклиналей (1931–1934), сомкнулись с новыми законченными идеями о роли

почвенного покрова в осадкообразовании (1941) и дали наиболее крупные, солидные и вместе с тем наиболее дерзкие обобщения, до которых поднималась моя мысль. Я знаю, что я очень со многими в этой работе разошелся, знаю, что большинство с ней согласится не сразу, но уверен вместе с тем, что я прав и по моему пути пойдет наука. Широкие перспективы выводов дает эта моя работа. К сожалению, я лишен сейчас возможности ознакомить широкие круги специалистов с теми положениями, к которым я пришел, и с теми перспективами дальнейших выводов, которые из этих основных предпосылок вытекают. [...]

Я мечтаю о том, чтобы выступить с докладами о моей законченной работе перед крупным кругом специалистов Академии наук. Положение усугубляется еще тем, что параллельно и одновременно с работой по теме «Осадкообразование» я завершил яркими основными обобщениями тоже многолетнюю работу свою по теме тектогенеза, которая у меня все время развивалась параллельно и бок о бок с работой по осадкообразованию. И здесь мне тоже и на эти темы поговорить не с кем. На эти темы я тоже мечтаю о кругах специалистов Академии наук.

Словом, я мечтаю о том, чтобы представить мои положения широкой аудитории специалистов, всего лучше на научно-технической сессии Академии. Основных докладов у меня два: «Осадкообразование, его причины и следствия» и «Тектогенез и поля тяготения». Ими то я хотел поделиться со специалистами, и ради них я прошу вызвать меня в *Москву для прочтения докладов*.

Я считаю, что неуклонными, хотя пока еще, может быть, не очень быстрыми, шагами идем мы сейчас к победе и к освобождению страны от фашистских варваров. На очередь скоро встанут проблемы возрождения страны, устранения последствий оккупации, восстановления той огромной творческой работы реконструкции, которая в стране велась, восстановление творчества в науке... Моя работа – одно из проявлений этого творчества; она дает науке много новых идей, и сейчас как раз в начале процесса возрождения было бы уместно эти идеи пустить в общее обращение... Я прошу в связи с этим уделить внимание моей просьбе об организации моих докладов.

[...]

Ваш Б. Личков

P.S. Прочтите мою работу «Об осадкообразовании» и я уверен, Вы сами почувствуете как нужны мои доклады.

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 55, л. 152, 153.

356

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 27 июля 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

в последнем из полученных мною Ваших писем Вы пишете, что предполагаете в конце июля – августе поехать в Москву. Поэтому я решил послать Вам сразу два письма по двум адресам: и в Боровое, и в Москву. Я только что послал Вам в Боровое полный текст моей работы «Осадкообразование, его причины и следствия» [69]. Это работа, которой я придаю весьма большое

значение, посему я имел дерзость посвятить ее Вам по случаю дня Вашего восьмидесятилетия. Думаю, что работа эта такого посвящения достойна. Это одна из тех работ, содержание которых вынашивается и прорабатывается годами и десятилетиями. Почти 20 лет тому назад, когда в моем сознании впервые начали зарождаться контуры больших обобщений, пришедших затем к высоко оцененным и ценимым Вами идеям моим о полесьях и наземных аллювиальных равнинах, в этих контурах в зародыше уже таились основные идеи «осадкообразования». Прямая филиация идей, логическое развитие одной системы мыслей, связывает то, что я публиковал в печати в 1926–1930 гг. с тем к чему я затем постепенно подошел сейчас. Одно вытекало из другого и вытекало очень постепенно путем нарастания одного большого обобщения на другое. В цикл идей об аллювиальных равнинах прошлого и настоящего, которые сначала связывались у меня только с осадкообразованием, я постепенно ввел сознательно явления и понятия тектогенеза, к пересмотру которых я был вынужден силою обстоятельств. Вследствие этого у меня уже к 1932–1933 гг. создалась оригинальнейшая тектоническая концепция непохожая на теории ни одного из западноевропейских, американских и советских геологов, где тектогенез переплетался теснейшим образом с литогенезом... Между тем, именно сейчас моя мысль и в области знания фактов, и в области обобщения их достигла максимальных высот... Некоторые мысли, к которым я пришел, были для меня самого неожиданностью, но, сколько я их не проверял, я вижу, что они правильны. Я пытался делать доклады о своих новых идеях везде, где мне это было доступно, и в Самарканде, и в Ташкенте, и в Сталинабаде, но должен сознаться, что при этих выступлениях я всюду здесь ощущал некоторую пустоту: не находилось ни компетентных ценителей, ни даже просто людей, которых данные проблемы задевали бы поистине за живое. Ждать скорого опубликования моих работ в связи с обстоятельствами военного времени не приходится. В этих условиях мне очень хотелось бы, и в сущности это было бы мне крайне нужно. Выступить перед большой аудиторией специалистов, интересующихся моими проблемами. Нельзя ли ряд (два, три) моих доклада поставить на одной из сессий Академии наук Союза.

Я не переоцениваю своих идей. Я твердо *знаю*, что им принадлежит большое будущее, и я хотел бы о них поговорить с компетентными людьми и шире разбросать вместе с тем семена этих новых идей, я уверен в этом, идей больших и важных. Помогите мне в этом. Устройте постановку моих докладов на какой-нибудь из очередных сессий Академии наук. Один из докладов – это «Осадкообразование, его причины и следствия», другой – на темы тектогенеза. Я мог бы и хотел бы еще сделать ряд докладов в Академии наук, но я выделяю эти две темы, чтобы сосредоточиться на основном, принципиально наиболее важном. Нельзя ли меня вызвать для этих докладов? [...] Одновременно с этим частным письмом я пишу об этом официальное заявление Президенту Академии наук. Поддержите его! О том же самом я прошу Академию наук Украины, ибо туда я даю темы частные, украинские, а здесь я хотел бы выступить по общим принципиальным темам, которых у меня сейчас написаны томы. Помогите осуществлению моих стремлений!

Ваш Б. Личков

[Боровое,] 2 августа 1943 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Леонидович, пишу Вам по поручению Владимира Ивановича и не знаю, когда это письмо до Вас дойдет, так как Вы, очевидно, находитесь на полевой работе в Ферганской долине.

Но, надеюсь, письма Вам будут как-нибудь пересылать.

Владимир Иванович послал заявление в РИСО о желательности переиздания Вашей книги [51].

Из Украинской академии наук А.А. Богомолец пишет ему что воспоминания Ваши получены и интересны [73] (а воспоминания самого Владимира Ивановича [34], кстати скажу, где-то блуждают, так как посланы были через Москву, через Академию).

А вчера пришло еще письмо в ответ на его обращение к Кафтанову об улучшении материального положения научных работников, не имеющих степени. Заместитель С.В. Кафтанова Ходжаев пишет, что «по постановлению СНК от 1 июля всем профессорам, докторам наук, доцентам и кандидатам наук будет выдаваться литерное питание и сухой паек. Таким образом, положение тт. Личкова, Драверта и др. о которых Вы пишете, будет значительно улучшено». Надеюсь, что это уже осуществлено по отношению к Вам, если же нет, то добивайтесь этого! Узаконение имеется.

Вот все деловое. Теперь хочется прибавить Вам несколько слов от себя.

Хочется Вам, как одному из самых близких друзей Владимира Ивановича, написать немножко про него, очень интимно, не для кого-нибудь посторонних.

Ведь Вам, верно, хочется знать, как он справляется со своим горем, со своим одиночеством? А также и с возрастом, который все же уносит силы, ослабляет память, уменьшает энергию в работе. Вот и хочется Вам написать обо всем этом.

По отношению к нам, его окружающим, Владимир Иванович очень трогателен и внимателен. Он так благодарит за каждую мелочь, с такой тревогой относится к нашим болезням и недомоганиям, входит во все, что прямо поражает его душевной мягкости, которая раньше, казалось, была глубоко спрятана и изливалась, может быть, только на Наталью Егоровну. И, несмотря на то что ему, конечно, очень без нее тоскливо, бывают минуты, когда он с сияющими глазами говорит о чем-нибудь.

От жизни он не отходит и чувствует себя еще вполне живым. Но в работе иногда память изменяет, и в собственном тексте он иногда запутывается, чему очень способствует то, что он ведь только слушает, а сам не читает, и потому вставки, ход мысли, стройность изложения он воспринимает в несколько ослабленном виде.

И бывает, что он чувствует свою беспомощность и как бы ищет во мне известной опоры, чего раньше никогда не было. Раньше всякое, даже небольшое, поползновение внести что-то свое ему казалось «помехой» и не допускалось. Теперь –нет. Он преувеличенно относится даже к моей «помощи»,

хотя она, по существу, совершенно ничтожна, так как я не могу серьезно разбираться в вопросах и, скорее, слежу только за формой изложения. Но ему кажется, что я «помогаю».

Новое и то, что он очень легко и охотно уходит в воспоминания, с большой охотой пишет сейчас наброски своей научной деятельности по минералогии. Он пишет это как материал для юбилейного заседания и доклада об его работе, который должен быть сделан Д.П. Григорьевым.

Но это ценнейший материал для будущего его биографа (которым ведь и Вы намереваетесь быть), так как он вскрывает здесь внутреннюю сторону своей работы, дает руководящие нити. Очень ценный это материал! Для Вас прямо клад! Очень меня огорчило, что Владимир Иванович не дочитал до конца Вашей рукописи. Вы может быть меня в душе упрекаете, что я как-нибудь не уговорила Владимира Ивановича в этом отношении. Но здесь на него напало какое-то прямо упрямство, его очень неприятно поразило, что Вы так много ссылаетесь на Вильямса, и я, право, ничего не могла сделать. Думаю, через некоторое время он смягчится, может быть, в этом отношении.

Очень волнует нас приближающийся переезд в Москву. Так этого хочется и так все же это страшно и трудно. Время мчится быстро и не успеваем никак выполнить все, что намечаем.

Владимиру Ивановичу не терпится уже ехать скорее. Но пропусков еще нет. Когда будет вагон – неизвестно, думаем, что в августе все же выберемся, но, может быть и в начале сентября.

Так что пишите уже в Москву!

Всего, всего Вам хорошего.

Надеюсь, что Ваше здоровье и материальное положение поправляются. Привет Анне Дмитриевне и Оле.

Ваша А.Ш.

P.S. Недавно Вам послала бандеролью французский журнал, который Вы прислали Владимиру Ивановичу и его оттиски. Получили ли?

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 255–257.

358

Б.Л. Личков – А.Д. Шаховской¹

г. Коканд, 7–12/VIII 1943 г.

Дорогая Анна Дмитриевна,

я нахожусь на полевых геологических работах, вернее сказать, в преддверии полевых работ в городе Коканде. На днях выезжаю на свою базу, адрес которой: Нефтебад Ленинабадского района, почта до востребования, мне. Я буду здесь $3\frac{1}{2}$ –4 месяца и прошу Вас и Владимира Ивановича записать этот адрес и писать мне по этому адресу письма. Боюсь, что это письмо не скоро попадет в Ваши руки, ибо я посылаю его в Боровое, а Вы сейчас уже в Москве или по дороге в Москву. Я начинаю сейчас здесь очень интересную работу по изучению конгломератовых и песчаных массивов Ферганы от филиала Академии согласно поручению Ворошиловнефти. Сегодня познакомился с интересным для меня геологом Н.Б. Вассоевичем, который, как оказалось, ведет

почти аналогичную по тематике работу от Ленинградского геологоразведочного нефтяного института. Наметили с ним контакт в работе и сегодня совместно выезжаем на некоторые участки работ, ему уже знакомые, которые он хотел бы показать мне. Контакт с ним в работе очень будет полезен, ибо он в последнее время изучал флиш и поэтому подойдет к молассам со стороны закономерностей осадочного процесса в морях, морских течений и пр., я уже подхожу со стороны черт и особенностей. Кроме того, я вношу геоморфологию, которой у него нет.

Ленинградский научно-исследовательский нефтяной институт переживает сейчас переходную фазу своего существования и разбит на ряд отдельных экспедиций, которые разбросаны по нефтяным районам страны. Сейчас создается у этого учреждения, которое будет называться *Всесоюзный нефтяной институт*, новый центр в Москве, и там будет собрано к осени, около нового центра, до 150 геологов, *им будут даны квартиры и пр. Я вчера имел удовольствие получить предложение в новый институт с тем, чтобы с зимы уже переехать в Москву.* Предложение очень приятно и особенно приятное тем, что оно сочетается с предложением продолжения на несколько лет полевой работы в Средней Азии. Я очень хотел бы ему последовать, но смущают меня три момента. Во-первых, право жительство моего в Москве ... Но дальше другое препятствие – докторство. Как только узнают, что я не доктор, мне сразу понизят мою расценку и квалификацию. А этого мне совсем не хочется. Пока не вникают в этот вопрос досконально и учитывают только то, что я «широко известный», «популярный» и т.д., каждому кажется естественным, что я только и могу быть доктором. А потом вдруг оказывается, что я не доктор, а какая-то шантропа, и тогда должен для меня наступить крах. Поэтому мне крайне необходимо к осени этого года защитить ученую степень. Наконец, третий смущающий меня момент состоит в том, что, поскольку я все-таки геолог не прикладной-разведочный, а больше все-таки теоретик, я боюсь в основу своей жизни и деятельности класть *нефть*. Меня тянет в такое учреждение, как Академия, с ее большими теоретическими институтами. И вот я мечтаю, нельзя ли в основе работать все-таки в Академии, не разрушая той связи с ней, которая создана с нею через филиал, а Нефтяной институт иметь в качестве дополнения.

Я дал принципиальное согласие на предложение перейти на работу во Всесоюзный нефтяной институт и на предложение переехать в Москву, но сказал, что об этом мы поговорим через 3½ месяца еще раз, когда будут кончаться мои полевые работы.

Я надеюсь, что за три с половиной месяца разрешится вопрос о моем многострадальном докторстве... Я был бы очень рад иметь право жить в Москве, опираться на ее книжные фонды и пр. А та тематика, которая сейчас выпала на мою долю в Средней Азии, меня очень увлекает, и сейчас я пока другого не хочу даже. Радует меня очень перспектива возможности освободиться от влияния климата Средней Азии – влияния очень зловредного и на меня, и на Ньюсю, и на Зину². Одна только Ольга у нас как-то еще держится, не очень хворает. Правда, и она простужается довольно часто здесь.

Начал я письмо в Коканде 7.VIII, а заканчиваю в Нефтеабаде 12.VIII. Сейчас иду в город Исфару за 12 километров для оформления ряда дел и заканчиваю поэтому это письмо. Сейчас я могу писать только карандашом,

а Владимир Иванович этого не любит и не разбирает карандаш. Поэтому пишу Вам адрес мой: Нефтеабад, Таджикская ССР, почта, до востребования, мне.

Большой привет Вам и Владимиру Ивановичу.

Преданный Вам

Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 154–155 об.

¹ Письмо адресовано А.Д. Шаховской, но, судя по содержанию, фактически предназначалось для В.И. Вернадского.

² А.Д. и З.Б. Личковы.

359

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Исфара,] 20 августа 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

вероятно, в связи с выездом моим на полевые геологические работы я давно не имею от Вас никаких известий и чувствую себя от Вас совершенно оторванным. Из Коканда я писал несколько слов Анне Дмитриевне Шаховской и думаю, что она рассказала Вам содержание моего письма. На меня большое впечатление произвело предложение Всесоюзного нефтяного геологического института в Москве о переходе на работу к нему в Москву. Для меня сейчас, когда я стосковался по большим книжным центрам, это очень соблазнительно. Не знаю только разрешат ли мне жить в Москве. А я уже размечтался ... Впрочем, работы здесь я вовсе не хочу прекращать, и, в частности, та работа, которая у меня ведется сейчас, должна быть прелюдией работ на несколько лет. Я против Азии ничуть не возражаю, но только жить один ничуть не хочу.

О работе, которую я сейчас веду, я хочу Вам немного рассказать. По теме своей эта работа, как я ее ставлю, носит геоморфологический или морфотектонический характер. Поучительно, однако, то, что геоморфология здесь не теоретическая, а подает руку практике: дает новый подход к нефтяным месторождениям. И это будет сделано впервые. Этот новый подход обязан тому факту, что геоморфология рассматривает осадкообразование не изолированно, а в тесной связи с движениями земной коры. Для разгадки тайн нефти этот одновременный подход с двух сторон крайне важен, но до сих пор никем не делался. Я его сделаю при изучении конгломератов Ферганы впервые и думаю, что это откроет новые и практические и теоретические перспективы. Я работаю еще только около недели, но вижу уже много фактов, которых предшественники мои не видели. Думаю, что работа за несколько месяцев даст много интересного и совсем нового. Я ею очень увлекаюсь.

Условия работы по условиям военного момента, как Вы себе представляете, нелегкие: все необходимое для экспедиции приходится завоевывать с большим трудом.

[...] Вчера из Сталинабада от зоолога А.А. Штакельберга я получил телеграмму следующего содержания: «Шлем сердечный привет. Поздравляем

присуждением степени доктора без защиты диссертации. Штакельберг». Глазам своим не верил. Неужели это правда? Неужели после всех невезений и неудач и на моей улице, наконец, праздник. Я бесконечно рад, но не смею верить. Слишком это непривычно хорошо и радостно. Но ведь не может Штакельберг, человек очень ко мне расположенный, меня мистифицировать? Вам я бесконечно благодарен за Ваши энергичные и неуклонные хлопоты в этом важном для меня деле. Может быть, без Вашей помощи оно и не пришло бы к этому исходу. Теперь я знаю, что передо мной, наконец, широкая дорога. [...]

Ужасно хочу знать сейчас побольше о Вас: где Вы, что делаете? Получили ли Вы мою работу об осадкообразовании с посвящением. Я знаю, что это лучшее из того, что я дал науке, и поэтому я посвящаю ее Вам. Очень хочу иметь Ваш отклик на эту работу по существу содержания ее.

Шлю Вам большой привет.

Ваш Б. Личков

Пишу это письмо в горах над горной рекой Исфарой, поглядываю на живописную долину и макаю перо во флакон с тушью который специально прихватил с собой, чтобы не писать Вам карандашом и не затруднять Ваших глаз. Картина долины с извиляющейся рекой передо мною обаятельная.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 156–159.

360

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Коканд, 30 августа 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я рассчитываю, что Вы в Москве, и туда посылаю Вам это письмо. Я хочу Вас затруднить исполнением одной просьбы. Нельзя ли выяснить у С.С. Ковнера в редакции «Известий» (серия геогр.) почему не выходят в свет две мои работы: «Литогенезис на материковых равнинах» [64] и «Пояса полесий и закономерности развития рельефа Русской платформы»? [79] Кроме того, мне непонятно, чем задерживается опубликование двух моих заметок в «Докладах», которые я послал через Вас: одна на тему тектогенеза [63, 64], другая – об осадкообразовании [69].

Получили ли Вы мою работу «Об осадкообразовании», которую я посвящаю Вам и которую я Вам послал в Боровое. Глубоко убежден, что та работа – большое научное достижение, что лучшего я никогда не создавал и может быть, не создам. Поддержите, дорогой Владимир Иванович, эту работу. Все в ней новое, и все прочно обосновано. Доказываемая и доказанная в ней идея, что почвы творят горные породы, новый свет проливает на всю геологическую историю. Мы можем устанавливать на ее основе почвы геологических периодов. Выявляется вместе с тем глубочайшая геологическая древность некоторых современных почв. Твердо устанавливаются причины и механизм вымираний живых существ в истории Земли. Перевертывается классификация рудных месторождений, и по новому ставятся проблемы выветривания. И все это твердо обосновано. Я очень жду, что Вы все-таки прочтете эту мою работу, и дадите ей дорогу. Умоляю Вас о внимании к ней!

Я сейчас здесь, на полевых работах, занимаюсь тоже проблемами осадкообразования, и поэтому злосчастные мои работы об осадкообразовании, два года ждущие того, чтобы вылезти на свет, вспомнились мне. Томит меня, что идеи мои даже в виде «кончика» не опубликованы.

Большой Вам привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 161–161 об.

361

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Узкое,] 18 сентября 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

пишу Вам из Узкого, куда я приехал на месяц, так как дома в Москве все не налажено, дом разрушается, идет ремонт и холодно.

Рукопись Ваша мне совершенно не по глазам, я могу только ее слушать, когда мне читают [69].

Глаза мои сильно ухудшились; Анна Дмитриевна прочла мне выдержки из Вашего письма, и я хочу на него тоже ответить. Мне дорого, что Вы посвящаете ее мне. Как я Вам писал, я считаю Вашу мысль о пороодообразующем значении почв правильной и важной. Но одного почвенного процесса недостаточно. Одновременно надо считаться и с подземной тропосферой, без которой этот процесс происходить не будет. Живые организмы, роль которых теперь становится еще большей, могут существовать только потому, что они получают основную и главную часть своего тела не из почвы или не прямо из почвы: кислород, азот и сера, а также вода получают в подавляющей части из воздушной оболочки.

Я считаю, что необходима большая осторожность по отношению к работам Вильямса, которого я считаю талантливым человеком. Но карьеристом и циником. Я знаю его выводы, которые прямо не отвечают действительности. А Бушинский еще хуже. Я сейчас хочу прочитать сборник, посвященный Вильямсу, чтобы проверить правильность сложившейся у меня оценки.

Сейчас работаю в Узком и сегодня решил начать готовить к печати первый том моей главной работы, над которой я работал в Боровом: «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Ч. I. Геологическое и геохимическое проявление Земли как планеты в Солнечной системе и в Млечном пути [22].

Еще предстоит большая работа с примечаниями, где дана литература. Передо мной еще стоит в этом отношении большая работа. Но это больше справки, которые лягут в своей большей части на А. Д.¹

Как Ваша семья? Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 193, 193 об.

¹ А.Д. Шаховская.

Узкое, 8 октября 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

от Вас давно нет никаких писем.

Вашу рукопись [69] я получил, но она в таком виде, что *совсем недоступна для моих глаз*.

Анна Дмитриевна¹ мне ее читает с трудом.

Я согласен с основным Вашим выводом, что почва играет большую роль в *создании осадочных пород* на материках и островах наравне, по-видимому, с *надземной тропосферой*.

Огромна роль живого вещества в создании планетной тропосферы.

Но я никак не могу согласиться с тем, что Вы без достаточной критики, мне кажется, принимаете химические схемы и иллюстрации мысли за точные научные факты.

Как раз в осадочных породах пышно расцвела, не знаю почему, схематизация: объяснение химических явлений. Мне кажется, вероятно, некоторое ядро правды находится в идеях, недостаточно развитых Гедройцем благодаря его ранней смерти. Антипов-Каратаев – его выводы – для меня пока фантастические схемы. Может быть, я не прав?

Я уже не говорю о работах и формулах Вильямса и еще больше его ученика Бушинского, которому нельзя совершенно верить.

Минералогия осадочных пород находится сейчас в коренной переработке. Получившая премию книжка Л.В. Пустовалова есть в некоторой степени скандал. Я считаю, что его первые работы хороши, а эта книга полна ошибок и фантазий. Оказывается, что председателем комиссии, которая присудила ему премию (вместо присуждения премии А.Е. Ферсману, который ее получил только в этом году) был академик Обручев. Так как он был выставлен в академики, то ко мне обращался директор института, который представлял его в академики; я ему откровенно сказал свое мнение и потом имел объяснение с Пустоваловым.

Сейчас в академическом журнале «Известия геологического отделения» Обручев помещает критику «Петрографии осадочных пород» Батурина [99, 138], вполне корректную, но беспощадную. Почему-то он мне прислал ее в Боровое, и я ее читал.

Получив книгу Пустовалова, я писал ему, что сейчас нельзя дать научную петрографию осадочных пород, пока нет минералогии осадочных пород.

Сейчас в этой минералогии переживается кризис, так как в почвах и в осадочных породах очень распространены *мезоморфные структуры*, которые неправильно принимают за кристаллы.

Они господствуют также в составе тел живых организмов.

Книжка Полынова о выветривании [146] – это не обобщение, а схема.

Очень может быть, я преувеличиваю, но, мне кажется, минералогия осадочных пород еще не сложилась.

Было бы очень хорошо, если бы Вы переехали в Москву; мне очень дорого Ваше посвящение, но Вы уж слишком преувеличиваете мою оценку.

Сердечный привет всем Вашим. Пишите.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 1, д. 1, л. 194, 195.

¹ А.Д. Шаховская.

363

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Нефтебад,] 21 октября 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

ужасно рад был получить Ваше письмо от 18/IX из Москвы прямо сюда в Нефтебад. Я как раз начал уже беспокоиться по поводу долгого отсутствия от Вас писем и написал запрос своей жене: «Неужели нет писем от Вл. Ив.?». А тут Ваше письмо рассеяло мои опасения. Рад я очень за Вас, что Вы поселились пока не в самой Москве, а в Узком; подольше бы Вам там пробыть. Московская жизнь, наверное, настолько еще не налажена, что Вам вредно сразу в нее окунаться.

Я продолжаю еще быть в поле и работать над изучением конгломератов неогеново-четвертичного возраста Ферганы. Собрал много интересных новых фактов, поставил перед собой много проблем, но, в общем, испытываю большую неудовлетворенность от работы, очень уж много вредных трений сейчас в условиях, связанных с войною, приходится преодолевать, и поэтому определенно могу сказать, что сделал я много меньше, чем мог бы сделать в других условиях. [...] Главный собранный мною материал фактов относится к тектонике. Как в основном, так из деталей этот материал целиком подтверждает мои совершенно своеобразные и оригинальные, сложившиеся в последние годы тектонические построения, которые я жажду предъявить широкому кругу специалистов.

Из ВАК ВКВШ я получил, наконец, как сообщает мне из Сталинабада моя жена, официальное сообщение о присуждении мне степени доктора геологических наук за защищавшуюся в Ташкенте диссертацию. Таким образом, доктора я получил не за «совокупность трудов», а за ту самую диссертацию, которую «ташкенцы» из Ташкента хотели провалить. Я не знаю, что лучше: первый или второй способ получения доктора. Важно, что результат достигнут, и, конечно, в получении его огромную роль сыграла Ваша помощь за что я Вам очень и очень благодарен.

Насчет Вильямса, вероятно, правы Вы, ибо Вы ближе его знали, но мне показалось при чтении его биографии, что его «радикализм» был у него и до революции, так что послереволюционная его линия не была каким то поворотом, а продолжением старого. Отсюда я и делаю вывод, что он был искренним, а не подлаживающимся карьеристом, как мне всегда раньше представлялось. В собственных его научных построениях есть вещи совершенно невозможные, но он человек очень талантливый и у него есть идеи пророческие. Они меня навели на большие новые обобщения, которых, однако, у Вильямса нет.

Зина мне пишет, что жена моя все хворает, и страшно, и это меня очень волнует. Из-за этого одного я стремлюсь в Сталинабад. Пишите мне туда.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 167–168 об.

364

Б.К. Личков – В.И. Вернадскому

[Нефтеабад,] 22 октября 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вы еще раз говорите, что мысль мою о породообразующем значении почв считаете правильной и важной. Я очень, очень этому рад. Но эту мою идею, к которой я пришел еще в 1941 г., я никак не могу продвинуть к печати. Я написал статью «Современный литогенез на материковых равнинах». Статья эта была одобрена Вами, с Вашим одобрением послана была С.С. Ковнеру. От последнего я ее получил для сокращений. После того как эта операция мною была произведена, я в машинописной виде получил ее от С.С. Ковнера еще раз для корректуры, причем Ковнер просил послать ее А.А. Григорьеву для представления к печати. Я машинопись исправил, вернул С.С. Ковнеру и указал, что статья представлена к печати Вами, почему в представлении к печати А.А. Григорьевым не нуждается. На это я не получил ни ответа, ни привета, и уже с $1/2$ года ничего не знаю о статье, хотя раза два обращался за это время по данному поводу к Ковнеру. Он не слишком балует своих корреспондентов. Не можете ли Вы, дорогой Владимир Иванович, хотя бы через Анну Дмитриевну (надеюсь, что она не откажется мне в этом помочь) справиться об этой статье и ее найти, написав о результате мне. Далее, я очень прошу также Вас не отказать справиться о судьбе двух небольших заметок: одна тоже о литогенезе, другая о причинах тектонических движений, которые я через Вас направил в «Доклады Академии». Посланы они давно и о них нет ни слуху, ни духу. Может быть Анне Дмитриевне не трудно будет заодно справиться у С.С. Ковнера («Известия АК», серия географ. и геофиз.) по поводу моей работы «Пояса полесий и основные закономерности рельефа Русской равнины». Я продержал уже давно корректуру этой работы, отослал ее Ковнеру и опять от него не получено никакого уведомления о судьбе этой работы, хотя корректура моя, как посланная заказным, конечно, им получена. Не откажите узнать о судьбах и этой статьи.

Нельзя ли устроить в печать мою работу об осадкообразовании, находящуюся у Вас. Меня очень убило, что Вы не в состоянии ее читать, ибо я глубоко уверен, что если бы Вы с нею ознакомились, то очень ею бы заинтересовались, и согласились бы помочь ее печатанию. Повторяю, это ведь лучшая и наиболее зрелая из моих работ! Как я мечтал о том, что Вы ознакомитесь с ее идеями столь близкими многим Вашим мыслям. Меня совершенно убивает, что это невозможно. Может быть, Анна Дмитриевна прочла бы Вам одну – две главы, и тогда Вы заинтересовались бы работой в целом. Как бы я был этому бесконечно рад! Я Вам все-таки напишу в следующем письме краткое изложение моей этой работы.

Мои полевые исследования этого года подходят к концу. Думаю что через месяц я буду в Сталинабаде. Выводы мои из этой работы очень интересны.

Касаются они эпейрогенезиса. Все движения нефтяных структур – это движения эпейрогенические, а не орогенические, и все они относятся здесь к четвертичному времени. Очень ясно выступает здесь связь этой эпейрогении с огромным по величине осадкообразованием, в основном тоже четвертичного времени. Удалось мне, по-видимому, поймать своеобразную ритмичность осадкообразования, выражающуюся в периодических накоплениях как в галечниках «современных» террас (вернее, «террас современной долины»), так в молассовых конгломератах определенных горизонтов, связанных с размытием центральных гор Алтая.

А сильно я все-таки постарел, Владимир Иванович, за эти годы, и на полевой работе это чувствуется моментами несмотря на огромную мою выносливость: то неожиданная одышка на ровном месте, то аритмия и пр.

Со страшным волнением жду освобождения Киева. Что-то оно мне даст?

Ваш. Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 169–170 об.

365

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Узкое,] 26 октября 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

очень я рад, если Вы попадете в Москву во Всесоюзный нефтяной институт; мне кажется, Вы имеете на это все шансы. В Москве был такой же институт, в котором работает Л.В. Пустовалов.

О том, что Вы получили доктора, я Вам писал или телеграфировал. Очень буду рад быть с Вами в одном городе.

Относительно переиздания Вашей книжки о движении материков [51] я сейчас же послал мое заявление в РИСО о желательности ее переиздания, как только Вы мне об этом написали. Это было еще в Боровом. Я Вам послал, кажется, две статьи свои: «О геологических оболочках» [29] и о Земятченском [32] в Сталинабад. Получили ли Вы их?

Сейчас прошла в РИСО моя книжка, которой я придаю большое значение: «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли как планеты. На фоне роста науки XX века» [35].

Это будет третий выпуск «Проблем биогеохимии». В ней я касаюсь вопроса логики естествознания и пытаюсь выделить те эмпирические его основы, которые несомненны. Она должна выйти по плану в этом году на двух языках: русском и английском.

Вышли два выпуска «Метеоритики», которые были напечатаны в 1941 г. перед войной. Там только одна моя статья [28]; кажется, будет оттиск.

Как только его получу, Вам пришлю, если нет – пришлю книжку.

Я пока в Узком, на днях переезжаю в Москву, квартира еще не отапливается.

Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 1, д. 1, л. 197, 197 об.

Нефтебад, 31 октября 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил Ваше письмо от 8/X 1943 г. Вы соглашаетесь с моей мыслью, что почва играет большую роль в создании осадочных пород на островах и материках, а я доказываю в своей работе не только это, а нечто большее: что почвы и *аналогичные им* образования, именно морские илы и растительные накопления (торфы и будущие каменные угли) играют роль на *всей земной поверхности*, т.е. не только на суше, но и в морях! Что касается тропосферы, то роль ее, конечно, огромна, но она влияет на породы не непосредственно, а через почвенный покров и только в определенные фазы земной коры истории, и на определенных участках земной поверхности, которые я называю центром денудации (см. мою работу), она может влиять на породы уже непосредственно. Что касается роли живого вещества в создании и тропосферы и почвы, то я ее несколько не отрицаю, а самым определенным образом признаю. Я целиком присоединяюсь в этом к Вам.

По поводу схем, «объясняющих химические явления», и моего *якобы* увлечения этими схемами. Я не знаю, о каких схемах Вы говорите. Если о схемах Вильямса и Гедройца, то мое отношение к ним такое. В схемы Вильямса, объясняющие поглощение в почвах всякими гуминовыми и ульминовыми кислотами и т.п., я определенно не верю; это фантастика. Что касается идей о поглощающем комплексе Гедройца, то, конечно, в них верное ядро, но они незакончены, и в них есть темные места. Если я в тексте своем ссылаюсь на обе схемы (я не знаю, об этих ли схемах Вы говорите?), то только для того, чтобы показать, что при принятии *и той, и другой* схемы получается одинаково вывод о влиянии почв на породы и больше – о создании почв породами.

Вообще почвенными теориями Вильямса я отнюдь не увлекаюсь и их не придерживаюсь. Яркие мысли у Вильямса есть и есть верное, но все надо принимать *cum grano salis*¹. Его теория леса и степей в том виде, как он ее дал, – фантастика. По поводу «Петрографии» Пустовалова считаю, что это слабая безидейная книжка. Даже Твенгофель с его описательным характером лучше ее.

В отношении петрографии осадочных пород я с Вами не согласен. Она уже существует и создана англичанами, но мы, русские, как и немцы, которых мы до сих пор во многом копируем, не удосужились понять тех решающих достижений, которые в Англии в этой области уже *сделаны, разумеется, с участием минералогов*. Считаю, что как петрограф по осадочным породам Владимир Чирвинский и даже Петр Чирвинский (который больше занимался породами изверженными) выше Пустовалова. Присуждение премии Пустовалову, это действительно скандал, но, как кандидат в академики, он не хуже, конечно, и Сатпаева и Н.С. Шатского. Это – тоже скандал.

В.П. Батурина критиковать легко ибо *написаны* его работы *очень плохо*, но элемент истины в его работах большой и большая свежесть верной мысли. Могу только порадоваться, что его работы встретили внимание со стороны

Обручева. Я бы тоже их сильно критиковал, но в основном все-таки это сдвиг мысли вперед.

О книге Полынова я выразился бы даже сильнее, чем Вы. Это не схема, а на две трети схоластика. Лишь из последнего третьего раздела можно извлечь интересное. Это идеи об аккумулятивной коре выветривания. Но они, по-моему, не верны.

В посвящении своем я в оценке Вас ничего не преувеличил. Все так и есть. Шлю большой привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 171–172 об.

¹ Со щепоткой соли, т.е. осторожно (лат.).

367

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Шорсу, Ферганская долина, 12 ноября 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я послал Вам на днях большое письмо, посвященное научным проблемам осадкообразования; оно состоит из двух частей в двух конвертах. В дополнение к нему я хочу сказать несколько слов еще. Мне кажется, что Вы заподозрили меня в больших симпатиях к Вильямсу и из-за этого даже меня самого взяли под сомнение. Не так ли? Так вот, я хочу поговорить с Вами. От Вильямса в своих геологических концепциях я *ничего не взял*, кроме некоторых созвучий своим идеям, которое меня поразило. Человек он очень талантливый, интуиция у него очень богатая. В почвоведении у него много фантазий. Основная его концепция не верна. Но тем не менее, он очень интересен. Что он прохвост, об этом я слышал раньше, и это всегда думал. Но когда я прочел его биографию, я пришел к выводу, что он был одним и тем же и в советское, и в царское время, из чего я заключил, что он был искренним и имел, следовательно, *убеждения*. Нравятся ли они нам или не нравятся, а это уже многое искупает. Так я рассуждал.

Теперь у меня к Вам вот какой вопрос и просьба помочь советом. Я получил очень теплое письмо от А.Н. Соколовского, которое произвело на меня большое впечатление. Он мне пишет, между прочим: «Мы с Б.И. Чернышевым все считаем, что Вам следовало бы тесно связаться с Академией (речь идет об Академии Украины). Печатание Ваших работ, мне думается, будет Вам обеспечено. Сейчас стоит вопрос о максимальном привлечении в Академию ценнейших научных работников, растерянных по разным причинам... Я надеюсь, что увидим и Вас в нашем кругу». Строки эти наполнили меня большим волнением. Очень захотелось в Киев с его книжными и культурными богатства. Это много лучше Сталинабада. Я очень рад был бы туда переехать, чтобы там более культурно жить и развернуть шире работу. Смущает только несколько моментов. «Склочная» атмосфера Киева, и в связи с этим меня интересует вопрос, что представляет собой Соколовский. Ведь это креатура Вильямса. Вы его как будто хорошо знаете? Можно ли верить его

предложениям и опираться на них? Далее, я не хотел бы попасть в украинскую кабалу.

Я очень не прочь бы работать на Украине и содействовать скорейшему ее восстановлению; но пока я не так еще стар (хотел было написать: пока я молодой), я хотел бы закончить свои среднеазиатские работы, связанные со здешними горами. Поэтому, если переходить в Киев, я хотел бы на ближайшее время получить право довести до конца эти работы. Иными словами, я хотел бы иметь в Украинской академии достаточно независимое положение. [...] Так вот я и спрашиваю себя: соглашаться ли мне на предложение и призывы Чернышева и Соколовского? Спрашиваю по этому вопросу и Вашего совета. Из Средней Азии мне уехать нужно. Здесь я схватил тяжелую малярию, которая никак меня покинуть не хочет. Здесь же малярию схватили обе мои дочери. Наконец, учиться дочерям лучше в Европе, ибо здесь нет подходящих вузов. Зина сейчас тоскует по университету в Сталинабаде, а отпускать ее жить вне семьи не хочется. Следовательно, многое тянет в Европу. Здесь нет, наконец, и пособий для работы; в частности, очень бедны библиотеки. Все это говорит в пользу Киева. Но замыкаться в рамки Украины, как единственного поля исследования, я не хочу; иными словами, пока есть силы хочу ездить в Среднюю Азию и др. места СССР. Словом, не знаю, что делать? Помогите советом.

Сейчас я из Киева с нетерпением жду известий От своих отца и сестры. Послал туда три письма и жду. Не знаю, живы ли они, и очень волнуюсь.

Ваш Б. Личков

P.S. Хотел бы жить на Украине, работать для Украины и для ее восстановления, но иметь независимое положение и развязанные руки для работы по всему СССР.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 173–174 об.

368

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Ферганская долина,] 15 ноября 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне глубоко ценно Ваше согласие с моей идеей о горообразующем значении почв, но мне все же думается, что Вы этой мысли моей недооцениваете. Ведь мысль эта *перевертывает всю геологию* и дает простое и легкое решение ряда проблем, перед которыми старая геология совершенно пасовала, хотя толковали их вкривь и вкось. Породообразующее значение почв, выявляющееся в иллювиальном процессе, – это есть вместе с тем породообразующее значение морских илов и равно накоплений растительных масс – торфов и будущих залежей углей. Осадочное происхождение бокситов, к которому пришли в последнее время разные исследователи (А.Д. Архангельский, А.К. Белоусов, С.Ф. Малявкин и др.), вместо происхождения путем выветривания – это лишь частный случай этого влияния почв на погоды. Общее же и широкое явление – это огромного значения факт, что всюду и везде, во всех средах и

фациях отдельные образования на Земле были созданы с огромным участием почв и аналогичных им, но еще *более мощных* породообразователей. Это дает, во-первых, вывод, что: 1) иллювиальный процесс – это процесс огромного значения для всех фаций и сред и что всюду он является процессом осадочного породообразования и, шире, процессом осадкообразования. Затем 2) это дает вывод, что все породы определенного геологического периода, отлагающиеся почвами и аналогичными образованиями, должны быть зональными, как зональные почвы и их аналоги; это позволяет подойти к зональности *пород* всех периодов и облегчает для каждого периода установление форм и распределение его климатической зональности (на этой вполне твердой основе я дам, между прочим, в ближайшее время вполне убедительное для всех положительное решение проблемы о возможности движения материков в некоторые фазы жизни Земли, в чем некоторые скептики еще сомневаются). Дальше 3) признание породообразующего значения почв заставляет в учении о рудных месторождениях пересмотреть месторождения инфильтрационные, перенеся их из месторождений выветривания в осадочные, и заставляет признать вместе с тем, что, поскольку на большей части земной коры выветривание неотделимо от осадкообразования, есть основание настаивать, что нет на земной поверхности особой зоны выветривания, а есть только зона осадочная с поверхностным в ней активным поясом осадкообразования и выветривания одновременно.

Когда-то, Владимир Иванович, Вы с большим, лестным для меня сочувствием отнеслись к моим первым шагам в области изучения осадкообразования – к моей работе об аллювиальных равнинах и полесьях и, отметив положительное значение моих идей даже печатно, всячески поощряли мою работу над осадкообразованием продолжать. Я это сделал и сделал даже больше, чем ожидал, ибо в конце концов даже к тектонике я подошел со стороны осадкообразования, т.е. так, как не подходил еще никто. Но об этом я как-нибудь хочу поговорить особо. (Кстати сказать, никто еще пока этого совершенно своеобразного подхода к тектонике, который я ставлю себе в заслугу, не оценил печатно и не оценивал; это пропущенная всеми новая идея.) А сейчас я хочу подчеркнуть, что моя большая мысль о породообразующем значении почв это как раз результат моего движения по тому пути, который Вы приглашали меня не оставлять. При этом по существу развиваемых мною идей я так много взял у Вас, что, хотя ничего от Вас прямо, без критики не заимствовал, я все время чувствовал себя при работе последних фаз в русле *Ваших* идей. Я кое в чем с Вами не соглашаюсь, я критикую Вас, но это ничто в сравнении с тем, что я от Вас получил и в личных беседах и из работ *Ваших*, читая и перечитывая их, можно сказать упиваясь ими. Разве Вы не видите этого? И разве Вы не чувствуете, что моя концепция, представляющая путь, во многом отличный от *Ваших* путей, приводит во всем почти к *Вашим* выводам, но с новой стороны.

4) Мой вывод о породообразующем значении почв, если его применить к осадочным породам каждого геологического периода, дает основания сказать, что, поскольку почвы и их аналоги – это биокосные тела (Ваша мысль!), что жизнь, или точнее (бризия), через биосферу регулировала и направляла всюду процесс осадкообразования на всей земной поверхности. Это Ваша идея по духу, и я к ней, к ее обоснованию и строгому обоснованию подошел

по-новому. 5) Ваш вывод о том, что все поверхностные части земной коры это серия биосфер, получает на почве моих идей о пороодообразующем значении почв и осадкообразовании твердое обоснование.

Изложенные пять основных идей совсем не исчерпывают, однако, моих положений об осадкообразовании. Последние идут гораздо дальше, охватывая всю историю Земли и заставляя *по-новому перестроить историческую геологию*. Как я сказал выше и как Вы прекрасно помните, мои первые мысли об осадкообразовании, связанные с аллювиальными равнинами и геосинклиналями и приведшие меня, естественно, поэтому к проблемам тектоники, имеют в центре своем аккумуляцию и денудацию; денудация с гор и аккумуляция на равнинах. Я должен был, естественно, процесс денудации в его исторических фазах при развитии в пределах геологического цикла сопоставить с пороодообразующим значением почв, ибо мне ясно было, что породы создавались не только иллювиальным процессом с его сложными путями, но и прямым механическим «денудационно-аккумулятивным» накоплением. На почве этого сопоставления я смог развернуть серию больших новых общих идей.

6) Мысль о пороодообразующем значении почв, исключая (за вычетом отдельных частных случаев) возможность влияния пород снизу на лежащие выше их почвы и вводя вместо этого более широкое и общее явление влияния почв сверху на породы, не отвергает, однако, того, что породы *дали материал* для почв и это создалось в денудационном процессе. Можно сказать, что в истории Земли именно денудация пополняла частные элементы почвенного покрова, которые в иллювиальном процессе шли затем на создание новых горных пород.

7) Пороодообразовательная функция почв и их аналогов, имеющая своим результатом создание новых горных пород, приводит к бесспорному выводу, что почва неизбежно расходует свои зольные элементы на геологический процесс осадкообразования.

8) Ясно при этих условиях, что если бы эти зольные элементы были ограничены (как это подчеркивает Вильямс, имевший в виду, впрочем, не геологическую постановку проблемы, а ее постановку для современной эпохи), то процесс создания почвами новых отложений должен был прекратиться. Это совершенно бесспорно.

Вот тут-то и выступает на сцену денудация. Моя идея об аллювиальных равнинах, мысли мои о геосинклиналях, построения Кропоткина об озерной фазе или фазах – все вообще, что мы знаем о закономерностях денудации, говорит об определенном ритме ее развития в прошлом Земли, связанном с развитием рельефа. Усиления денудации связаны с фазами поднятий горных цепей, ослабления ее – с фазами опусканий последних. Это стоит для геологов *вне сомнений*. Если эту вне спора стоящую мысль применить к вопросу о связи денудации с почвами, то мы будем иметь полное право сказать, что 9) процесс иллювиального осадкообразования, т.е. процесс создания почвами новых отложений, поростал¹ вместе с денудацией, т.е. возрастал в фазы подъема рельефа и падал в фазы снижения этого рельефа. Отсюда ясно, что именно в фазы снижения рельефа и уменьшения его контрастов должно было давать себя чувствовать ослабление питания пород зольными элементами.

10) В эти последние фазы геологического цикла водная денудация, крайне слабая, приносила в почвы только растворенные соли, увеличивая этим концентрацию донных солей в почвах, вредную для растений; это были фазы преобладания на Земле пустынь*.

Такие фазы геологического цикла, когда падало богатство растительности на Земле, были вместе с тем фазами вымирания и для животного мира, ибо уменьшались его возможности питания.

Засушливость, засухи, соли в почвах – вот что было причинами больших вымираний крупных животных на рубеже мела и третичного периода, во второй половине третичного периода и мела словом, ряда фаз, характеризующихся обеднением рельефа. От засух погибли крупные ящеры мела, крупные млекопитающие ряда групп третичного периода (Ю. Америка), от засух погибали в разные периоды жизни Земли насекомые, как это показал талантливый наш покойный палеонтолог А.В. Мартынов, а блестящую иллюстрацию роли засух в этом направлении дал для Ю. Америки Дарвин в своем описании путешествия на корабле Бигль [118] и т.п. Утверждаю, что 12) моя идея о породообразующем значении почв, сопоставленная с моими же идеями о закономерностях развития рельефа и денудации, позволяет найти вполне конкретные причины вымираний в истории Земли. Закономерность и периодичность вымираний была ясна Д.Н. Соболеву, Рамзаю, Н.И. Яковлеву и др., но *конкретные* причины дают только закономерности денудации и породообразующего значения почвенного покрова и его аналогов. Развивая дальше эти идеи и применяя их к разным фазам жизни Земли, я получил возможность 13) сделать в своей работе – и притом сделать на твердой основе эмпирических фактов – то, чего до сих пор не мог сделать ни один исследователь: выделить в прошлом Земли эпохи преобладания лесов, степей, пустынь с той же степенью достоверности и легкости, с какою мы до сих пор выделяем эпохи оледенений. Это убедительно обосновано в моей работе, которая в этом смысле перевертывает историческую геологию.

В Вашем письме Вы стараетесь убедить меня, что одного почвенного процесса для создания пород недостаточно и что есть еще большая роль подземной тропосферы, «без которой этот процесс происходить не будет». Поверьте мне, Владимир Иванович, что это все у меня есть в моей работе и что я не так узок, как Вы себе представляете. Я, как Вы видите и из предыдущего, ставлю проблему гораздо шире. Влияния же тропосферы я не могу не видеть, хотя бы уже потому, что 14) большое значение в развитии моих идей играет положение о роли климата в создании зональности распределения жизни, почвенного покрова и пород. Мне очень обидно, что Вы мне подсовываете какие-то общие места, когда у Вас под рукой находится сама моя работа и есть полная возможность убедиться, что я эти общие места знаю и пошел далеко за них.

Что же еще сказать? Главное я изложил, а обоснование эмпирическими данными – и смею думать, убедительное – я дал в своей работе. Вот и все. [...] Я человек в достаточной мере скромный, чуждый самохвальства, но я твердо знаю, что мои мысли, вытекающие из идеи о породообразующем значении

* Как фазы контрастного рельефа были фазами ледниковых эпох.

почв и моих предшествующих мыслей о денудации, перевертывают ряд основ и динамической и исторической геологии, перевертывают почвоведение и дают новую основу этим дисциплинам, вводя в освещение такие факты, которые до сих пор не учитывались, и твердо решая ряд таких проблем, которые казались неразрешимыми.

Знаю, что мои положения аллювиальных равнинах, полесьях и пр., положения, которые на моих глазах вошли в науку и создали мне заметное имя среди специалистов, – это мелочь в сравнении с тем, что я ввожу в науку моей работой «Об осадкообразовании». Твердо уверен, что эта работа создаст в науке сдвиг в новом направлении, если ее не опередят другие, а это вполне возможно, ибо два года мысли ее лежат без движения.

Всего хорошего.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 176–180 об.

¹ Так написано в подлиннике.

369

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 13 декабря 1943 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я не хочу входить в дальнейшие разговоры о Вильямсе, но я был бы осторожен в том, чтобы опираться на его данные, поскольку они не подтверждаются другими лицами. В частности, например, это касается его химических обобщений.

А уже его ученику Бушинскому я совершенно не верю и в фактах, что впрочем, относится в некоторых случаях и к Вильямсу.

Соколовского я мало знаю. Мне кажется, он харьковской школы. Знаю его хорошие работы о кальции в почвах, также о фосфоре в почвах. И вообще его работы, с которыми я встречался, производили на меня хорошее впечатление.

Я думаю, Киев, не скоро оправится.

Университетская библиотека, говорят, погибла, но вообще систематического разрушения не было.

Со мной имел разговор о Вас академик Воблый, выбранный академиком еще при мне. Я ему объяснил все Ваше положение. Конечно, лучше жить в Киеве, чем в Азии. Связи с Западом гораздо лучше.

Я думаю, что Вы, если будете академиком в Киеве, после войны быстро завяжете и восстановите мировые иностранные связи. Состав Украинской академии примерно того же порядка, что и наш. Лаборатории быстро будут восстановлены, и сношения с Западом и с Америкой будут больше.

Вы вовсе не будете обязаны работать только по геологии Украины. Наши академии не территориальные, а национальные. И мы видим, например, по Грузинской академии, как сильны там физики и математики, также физиологи. В Киеве были и теперь есть крупные инженеры и астрономы.

Я бы на Вашем месте согласился. И мы будем ближе. Напишите, как только что-нибудь узнаете о Ваших.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 196, 196 об.

370

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 27 декабря 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

наконец, после четырех с половиной месяцев полевых работ я вернулся в Сталинабад. Устал от работы очень сильно, и можно сказать, что в последние месяцы только и думал о доме и стремился домой всеми силами моей души. Работы дали мне много интересного, но рассказывать в письме этого не буду. Лучше прочтите одновременно посылаемый мною заказной бандеролью отчет о полевых работах (предварительный). Из этого отчета Вы можете видеть, как много интересных фактов дали мне мои летние наблюдения. Сейчас я немного отдыхаю физически от полевых невзгод и лишений, но вместе с тем начинаю налаживать зимнюю свою работу. Начинаю обработку полевых материалов и начал чтение лекций по исторической геологии в Педагогическом институте.

На днях послал Вам небольшую свою новую работу «О новейшей тектонике Тянь-Шаня» [75]. Получили ли?

Очень волнует меня отсутствие известий из Киева. Почти два месяца назад, тотчас по взятии Киева, я написал туда письма своей сестре, В.Н. Чирвинскому и жене геолога Зеленко и ни от кого не имею ответа. В связи со всеми фашистскими зверствами, расстрелами, а также тем, что мои родные жили близко к вокзалу, я очень волнуюсь и жду худшего; ведь, помимо всего прочего, они могли явиться жертвами бомб с самолетов.

Из Ленинграда имею известия, что квартира наша пока сохранилась. Дождется ли она нашего возвращения? Я жду все-таки, что положение Ленинграда должно скоро измениться к лучшему. Думаю вместе с тем, что и конец войны не за горами, но плачу горькими слезами по поводу тех потерь, которые понесла наша русская жизнь и культура. Чувствую много еще в себе сил, чтобы содействовать возрождению и воссозданию вновь, но у меня какое-то чувство, что мы, здесь, в Средней Азии находящиеся, как-то выпали из общего круговорота жизни. Хотел бы вернуться в Россию и работать для тех несчастных областей в первую очередь, которые претерпели оккупацию.

Почему Вы не пишете? Меня всегда очень волнует, когда долго нет от Вас писем. Получили ли Вы то мое письмо, где я с Вами советовался по поводу получения мною приглашений в Киев? Что Вы мне по этому поводу скажете?

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 182а–182а об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 28 декабря 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил телеграмму: «Папа Володя Соня умерли. Написала дважды. Елена». Елена – это моя сестра. Она, значит, жива, а умерли – мой отец, Владимир Чирвинский и сестра моей жены (Софья Дмитриевна Изотова). Вот мои печальные новости. Я все-таки надеялся свидеться с отцом. Поэтому известие о смерти его очень сильную причинило мне боль. Так много в нем было жизненной бодрости, интереса к жизни, так полон, казалось, был он сил, что я надеялся в тайниках души свидеться с ним после гитлеровского лихолетия. Сегодня я переживал мысленно всю мою жизнь; вспоминал разные мелочи как из далекого прошлого, так и из недавнего. Не приходится жаловаться, когда уходит из жизни человек, которому было почти 90 лет. Очень многие не доживают до такого возраста. Но меня волнует, что я не был при последних его минутах, и волнует еще то, что, может быть, этого не случилось, если бы он был здесь со мной. Больше 30 лет назад, еще юношей, я потерял свою мать, которую, можно сказать, страстно любил. Отец после этого 35 лет был верным спутником моей жизни, и я всегда мечтал скрасить его старость и по мере сил хотел отплатить за то исключительное счастье и ласку, которые я имел в родной семье. Лучезарного детства, созданного дружной семьей, я никогда не забуду. Мне все кажется, что волею судеб вместо счастья и радости, я создал отцу своей печальной судьбой, одни невзгоды, а загладить их не успел. Я не знаю никаких подробностей смерти ни папы, ни Володи Чирвинского и не знаю даже точно, когда в течение этих двух ужасных лет данные события произошли. О Чирвинском думаю, что он погиб из-за артериосклероза (артерит аорты), который у него угрожающе развивался. Наука в нем потеряла большую силу. Я жду теперь подробностей.

Очень беспокоюсь, что от Вас нет писем. Не забывайте.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 55, л. 183–183 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 3 января 1944 г.

Дорогой друг Борис Леонидович,

теперь я Вам пишу, так как давно что-то не имею от Вас весточки!

Я Вам писал, что я очень сочувствую, чтобы Вы переехали в Киев. Это вовсе не заставит Вас специализироваться только в области геологии Украины. Ваши геологические работы не могут быть территориально ограничены.

Геология есть наука о *планете* – Земле. Сейчас, мне кажется, в этом отношении сделан Вильдтом очень крупный шаг.

Но сейчас я хотел узнать, какие Вы имеете известия о Вашем отце и о сестре?

Сейчас я имею известия о С.П. Попове (Воронеж и Харьков) и о Л.Л. Иванове из Днепропетровска. Пережили тяжелое, но оба уже научно работают.

Черкните несколько слов. На днях напишу подробнее.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 198.

373

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 7 января 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я сообщал о первой весте из Киева – телеграмме моей сестры, из которой я узнал о смерти моего отца. С дальнейшими вестями мне не повезло. Ряд писем моей сестры до меня не дошел, и я только на днях получил от нее маленькое письмо, где предыдущие подразумеваются (она не знает, что они не дошли). Я так и не знаю, отчего умер папа и когда это произошло. Знаю только одно, что жить им очень плохо. Сестра мне пишет: «Папа, который так любил жизнь и ею дорожил, все время твердил: «Не хочу жить такой жизнью, хоть бы скорее умереть». А когда ему приснилось как-то, что жизнь приснилась к лучшему, он проснувшись сказал: «Вот теперь хочу жить!». Сестра моя добавляет к этому: «А после его смерти, сколько мы еще всего переживали, он бы все равно этого не вынес бы ... Знакомые, вспоминая о нем, говорили: «Счастливый Л.С., что он всего этого не переживает». Это одно только примиряет с его смертью». Сестра пишет: «Нет нашего папы на свете и это для меня такое большое горе, что все не мило на свете, полное равнодушие ко всему. Совершенно все равно. Что случится со мной, я сейчас поражаю всех своим спокойствием. Раньше я все волновалась, и все за него, а теперь не за кого волноваться. Долго ли еще суждено мне топтаться на Земле...».

Я хочу, все мы хотим непременно соединиться с моей сестрой и жить в одном городе. Хорошо было бы только в Киеве или Ленинграде, а не здесь, в Средней Азии. Боюсь, однако, что ни в Киев, ни в Ленинград меня не пустят. Как я был рад, когда Вы высказали предположение, что меня, может быть, намечают кандидатом в академики Украинской академии. Но не пустят ведь меня туда, не позволят там жить? Ведь я меченый клеймом так называемой судимости, хотя со дня приговора прошло уже десять лет. Надо подвиг какой-нибудь совершить, гением сделаться, и тогда меня пустят. А пока суждено мне прозябать в Сталинабаде. Не знаю поэтому, что получится из мечты моей соединиться с сестрой и всем нам жить вместе.

Всего хорошего.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 61, л. 27, 27 об.

[Сталинабад,] 10 января 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вы очень поразили меня в Вашем письме 13. XI–43 г. словами: «Если Вы будете академиком в Киеве...». Признаться, когда я передавал Вам о полученных мною приглашениях в Киев Соколовского, Чернышева и др., я о такой блестящей перспективе просто не подумал. Тут и задумываться было бы нечего: просто надо было без разговоров соглашаться на переезд в Киев. Должен сказать, что, если бы это было так, я был бы просто неслыханно рад: наконец, я попаду в такое место, место постоянное, на большую арену работы. Должен сказать, что здесь в Сталинабаде я особенно уютно себя не чувствую. Мертво здесь в смысле научной жизни. Нет здесь интересных людей, не чувствуешь себя в атмосфере идейной, нет молодежи. А в Киеве, я знаю, все нашлось бы. И я мечтаю отсюда попасть или в Ленинград, или в Киев. Думаю, что сначала я все-таки попаду в Ленинград, где у меня еще цела квартира и библиотека. Здесь же, помимо ..., я не хотел бы оставаться еще и потому, что не подходит мне здешний климат. Треплет меня малярия здесь, и жестоко треплет; сильная малярия также у Зины и даже всех в последнее время прихватила. При этих условиях нашему семейству едва ли стоит устраивать свою жизнь здесь.

Кроме того, сейчас после смерти папы мне хотелось бы соединиться с сестрой. Хотелось бы жить вместе. Тянуть ее в Среднюю Азию? А вдруг ей довольно неприятный, с моей точки зрения, здешний климат будет вреден?! Осторожнее было бы при этих условиях сразу же устраиваться вместе где-нибудь в Европе, тем больше что и природа Средней Азии с ее оазисами и без настоящего леса наскучила. Поработать в горах Средней Азии еще пару лет я не прочь, но жить в ней не хочу. Таковы желания. Но что из этих желаний можно выполнить в действительности? Увы, я сам не знаю.

И вот почему. Четыре дня тому назад исполнилось 10 лет с тех пор как меня арестовали, а в ноябре этого года исполнится 5 лет с того дня как меня освободили. Как будто давность целая прошла, не правда ли? И вот, несмотря на эту давность, на мне все еще тяготеют последствия моего осуждения ОГПУ: Я не везде имею право жить. И в Киев, и в Ленинград, и в Москву меня могут не пустить. Если верно, как я понял из Вашего письма, что есть какие-то перспективы мне попасть в Киев академиком, то еще вопрос, как посмотрит на это власть, и позволит ли она это мне. По этому поводу учреждениям придется обо мне хлопотать, а захотят ли они это делать? Может быть, узнав, что я такой порочный, они просто от меня отступятся? Вот я и не знаю сейчас, что мне делать: стараться ли мне сейчас же перетаскивать мою сестру сюда, или держаться выжидательно: пока ждать, а там видно будет.

Я недавно послал Вам небольшой отгиск – автореферат «О новейшей тектонике Тянь-Шаня» из «Известий» нашего журнала [75]. Хотя работа и маленькая как будто, но принципиальные положения ее очень важны и формулируют четко определенную точку зрения, отличную от точки зрения других геологов по этому вопросу. Я ей, несмотря на краткость ее, придаю значение. В «Докладах» Академии кн. 4 за 1943 г. я с удовольствием увидел свою за-

метку о «Литогенезисе» [64]. Сейчас я сдаю в печать работу «К вопросу о климатах прошлого Земли и ископаемых пустынях»; идет в «Известия» нашего филиала [70]. Имею надежду в «Трудах» филиала напечатать свою книгу «Об осадкообразовании», которую я считаю лучшей своей работой и по поводу которой мы с Вами немного поспорили только что (тему дал повод Вильямса) [69]. Наш институт меня просит достать рецензента на эту работу из центра. Я боюсь, очень боюсь обращаться к Вам с этой просьбой, но не могли ли Вы своим отзывом поддержать желательность опубликования этой работы? Повторяю, мне страшно Вас обременять, но, может быть, Вам задача будет облегчена и моим письмом, излагающим работу, и тем, что Вы все-таки читали кое-что в ней, и тем, что Вы знаете «Литогенезис», а «Литогенезис» Вы читали и одобрили. Я очень несмело обращаюсь к Вам с этой просьбой, но я страшно был бы Вам благодарен, если бы Вы отзыв свой дали и прислали мне.

Едет сейчас в Москву наш шеф Евгений Никанорович Павловский. Вы его, вероятно, увидите. Он Вам может рассказать о жизни здесь. Правда, обо мне он ничего сказать не может, ибо мы с ним виделись всего два-три раза, а говорили раз по поводу моего желания прочесть доклад «Геологические периоды и органическая жизнь». Я думал его познакомить и с этой работой и со своей тематикой вообще, но неожиданно он поехал в Москву. Так это и оборвалось. Кстати сказать, Вы знаете, он всего на 4 года старше меня.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 61, л. 28–29 об.

375

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

15 января 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

мое письмо к Вам, где я спрашивал о судьбе Ваших родных в Киеве, встретилось с Вашим письмом от 28. XII, где Вы пишете о смерти Вашего отца и сестры Вашей жены.

Конечно, смерть в том возрасте, в каком был Леонид Семенович, должна приниматься как что-то естественное, но я по себе знаю, что все-таки примириться с этим человек не может. Наталья Егоровна умерла уже больше 80 лет.

Я в последний раз видел Вашего отца в 1938 г. Его комната была покрыта по всем стенам его картинами. Он приходил ко мне, когда у меня был приступ моего аортита, и он был удивительно полный жизни, казался гораздо моложе своих лет.

Сейчас я занят вопросом о положении минералогии в структуре нашей научной работы.

Она находится в упадке, несмотря на наличие крупных людей среди молодежи. Пытаюсь против этого бороться.

Я получил Вашу бандероль: «О природе новейшей тектоники Тянь-Шаня» [75], а предварительного отчета о работе еще не получил.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 1, д. 3, л. 199, 199 об.

376

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 18 января 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я в последнее время в связи с составлением своего отчета о полевых геологических работах этого года должен был войти в проблему нефти и несколько углубился в нее. Я был поражен при этом тем, насколько первобытно до сих пор стоит эта проблема, насколько наивны представления ученых-теоретиков о ней. Мы пережили теорию Менделеева, пережили построения Энглера, далее теорию Андрусова – Мрозека, в последнее время Калицкого и т.д. И после всего этого мы, в сущности, очень мало ушли вперед. Наши теории мелки, плоски и всех факторов не охватывают. Я поражаюсь тому, как много вот уже сейчас можно в этой проблеме сделать. И меня поражает вот что: никто до сих пор не охватил проблемы синтетически широко, и исследования новых геологов и вообще исследователей ничуть не лучше старых. Я хочу сказать, теории Андрусова – Михайловского, хоть они и брошены, оказываются ничем не хуже более поздних построений Архангельского, которые тоже нужно бросить. А фактов много, но они не охвачены, не собраны мыслью. Я сейчас ввожу в свою работу главу о нефти и думаю, что удастся сказать кое-что новое, хотя я с нефтяной практикой незнаком и на промыслах нефтяных совсем не был. Между прочим, поразительно интересно следующее обстоятельство, которое, как мне представляется, никто не отмечал: нефть создавалась всегда в фазу эпейрогенезиса, а уголь – в фазу орогенезиса. Поэтому получается такое соотношение между эпохами углеобразования и эпохами нефтеобразования:

Уголь	Нефть
Кембрий	–
–	Нижний Силур
Верхний силур	–
–	Девон
Карбон	–
–	Пермь
Юра	–
–	Мел – палеоцен
Эоцен-олигоцен	–
–	Плиоцен – современная эпоха

Помню, года 1^{1/2} назад Вы мне рекомендовали одну работу ботаника *Tau[сона]*¹, и я прочел ее с удовольствием, а сейчас опять попалась мне его статья в Архиве биологических наук как будто за 1938 г., и я поразился тем,

до чего он повторяется. Читал на днях большую работу Стадникова о происхождении угля и нефти. Работа не лишена интереса, но не имеет никакой геологической основы. А между тем он дал своей книге подзаголовок «Химия превращений органических веществ в течение геологических периодов» [156].

Занят еще сейчас тектоникой Средней Азии и нахожу много интересных моментов, которые переоцениваю по результатам своих летних работ. Отчет у меня получился грандиозный и разносторонний. Получили ли Вы мою маленькую работу о тектонике Тянь-Шаня? Сейчас сдаю в печать здесь в «Известия» филиала работу «К вопросу о климатах прошлого Земли и ископаемых пустынях» (около 4 печ. листов) [70]. Если Вы имеете дело с редакцией «Известий» по географической серии (С.С. Ковнер?), не откажите узнать у них, когда будет напечатана моя работа о литогенезисе [64], сданная два года назад, и другая работа о поясах полесий [79], сданная еще до войны. Очень огорчает меня, что они не появляются.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 61, л. 33–34 об.

¹ Фамилия написана неразборчиво, по-видимому В.О. Таусон.

377

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 28 января 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

письмо это я посылаю с оказией: его передаст Вам Сергей Иванович Ильин – директор Геологического института филиала Академии наук. Сергею Ивановичу я очень многим обязан: он меня спас от голодухи в Самарканде после закрытия университета, перетащив в Сталинабад, и неизменно благожелательно относился ко мне здесь, всячески содействуя мне в моих тогда печальных делах. Он очень милый человек и хороший товарищ по работе. Я очень просил Сергея Ивановича зайти к Вам и рассказать Вам о нашей жизни здесь, а равно вручить Вам прилагаемую мою заметку, которую я прошу Вас не отказать представить в «Доклады» Академии.

Я на многие свои письма, где сообщал Вам о своих печальных киевских новостях, не получил ответа. Думаю, что это объясняется медлительностью почты. Поэтому вновь повторять написанного не буду. Скажу кратко: папа умер от голода, умер Владимир Чирвинский, по-видимому, от рака легких. Сестра моя жива, но видимо очень сильно пострадала и физически и нервно. Мечтаю с ней соединиться и жить вместе. Не знаю, как это удастся.

В этом письме пользуясь тем, что оно идет не почтой, а оказией, хочу рассказать о своих планах.

В апреле – мае отсюда реэвакуируется обратно в Ленинград Зоологический институт Академии наук. Моя Зина там работает лаборанткой, и мы намечаем, что она, взяв с собой маму в качестве иждивенки, вместе с этим институтом поедет в Ленинград. Там ведь у нас все наше имущество в квартире пока цело, в частности библиотека. Нужно это как-то сохранить. Они

вдвоем туда и поедут с тем, чтобы или все вещи как-то переправить сюда, в Сталинабад, или, наоборот, укрепиться в Ленинграде и ждать там выяснения моей судьбы. Я полагаю, что я около мая с младшей дочкой поеду в Фергану на полевые работы месяца на три – четыре. К концу лета я вернусь и буду решать свою судьбу, для чего, вероятно, поеду в командировку в Москву и Ленинград. Центральный вопрос в том, пустят ли меня с моим «прошлым» жить в Ленинград. Я сейчас делаю попытку вернуться в Ленинградский университет и подал, кроме того, заявление во ВСЕГЕИ (бывший Геологический комитет). Мне не хочется зиму проводить в Средней Азии. Во-первых, не хочется из-за малярии, которая треплет здесь меня и Зину и треплет жестоко. Во-вторых, Зине надо учиться, а здесь в смысле высших школ есть только Педагогический институт, ей же хотелось бы (как и мне для нее) в университет. Далее, в-третьих, здесь неважная средняя школа, много ниже по уровню ленинградской, и я хотел бы, чтобы Ольгуша кончала школу не здесь. Наконец, в-четвертых, – и это очень важно – мне здесь очень трудно работать, ибо не хватает книг, иностранной литературы нет почти, да и по русской проблемы огромные. В связи с этим, не прекращая работ в Средней Азии, жить я хотел бы в Европе. Я не прочь был бы и в Москву попасть (особенно в Академию), но конкретных путей не вижу, ибо никто туда меня не зовет. Поэтому пытаюсь устроиться или во Всесоюзном геологическом институте, или в Ленинградском университете.

Думаю, что если бы эти учреждения меня серьезно захотели у себя иметь, мне бы жительство в городе разрешили. Но вот захотят ли и нужен ли я им? Дайте, дорогой Владимир Иванович, совет или руку помощи в этом важном для меня практически деле нового переустройства жизни. О Киеве я сейчас не думаю, хотя и не отказываюсь от него; но он в далекой перспективе. К тому же и там встанет вопрос о моем «прошлом» и как-то его придется решать. Но во всяком случае в связи с квартирой и вещами, находящимися в Ленинграде, надо ориентироваться на Ленинград.

Вот каковы наши дела.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 61, л. 36–37 об.

378

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

[Москва,] 2 февраля 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

отвечаю Вам на два Ваши письма, от 7 и от 16 января¹. Писал Вам 15 января.

На днях мне будет 81 год, и сегодня год после смерти Натальи Егоровны. Она была старше меня, и, мне кажется, в моем возрасте смерть переживается как нормальное.

Ваш отец, мне кажется, был порядочно старше меня. Когда он родился?

Сейчас я стремлюсь уехать кончать жизнь к моим детям², главным образом к моей внучке³, которой я еще много, много мог бы и хотел бы дать. Я не

хочу быть американцем и думаю остаться советским гражданином. Будущее нашей страны мне представляется очень большим.

Хотел бы кончить большую книгу [22], о которой я Вам писал, но, учитывая брэнность жизни в моем возрасте, я закончил две небольшие статьи, которые, надеюсь, скоро выйдут в свет: 1) О ноосфере [24], 2) о симметрии на фоне роста научного знания [35].

Мне кажется, я понял идею П. Кюри, внезапно погибшего в 1906 г., не оставив ничего цельного.

В 1924 г. я узнал из биографии П. Кюри, написанной его женой [175], что он называл симметрию «состоянием пространства».

Кроме этих строк и указаний мадам Кюри в личном разговоре, что он всегда так называл симметрию дома, в ее книжке о нем было только несколько слов, которые довольно трудно понять. Мне кажется, я поднял прерванную нить мысли Кюри и в печатающемся третьем выпуске «Проблем биогеохимии», который по плану выйдет в этом году по-русски и по-английски, пытаюсь восстановить ее в научной литературе [35].

Останется для меня только теперь дать «Пережитое и передуманное»⁴ и уйти из жизни в родной семье моих детей, с которыми у меня редкая идейная близость.

Мне кажется, Вы мне говорили, что могли бы работать в академических учреждениях Москвы или Ленинграда, а теперь у Вас какие-то сомнения. Я не видел Чернышева, он все, кажется, болен, а я выхожу только поблизости от дома.

Я очень хотел бы, чтобы Вы были в Киеве. Отчего у Вас могут быть сомнения?

Очень важное сегодня решение о федеративном строе.

На будущее я смотрю очень оптимистично.

Ноосфера есть реальная вещь.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, с. 200, 200 об.

¹ Письмо от 16 января исключено как сугубо личное.

² Г.В. Вернадский и Н.В. Толль.

³ Т.Н. Толль.

⁴ В 1941 г. В.И. и Н.Е. Вернадские начали подбирать материалы для составления хронологии своей жизни. Каждый год подбирался отдельно: воспоминания, письма, вырезки из газет с комментариями на полях, сделанными рукой В.И. Вернадского, и т.д. Впоследствии В.И. Вернадский намеревался на основе этой «Хронологии» написать «Пережитое и передуманное».

Дорогой Борис Леонидович,

у меня был на днях С.И. Ильин, передавший мне Вашу рукопись¹.

Прочел Вашу статью и в ДАН ее направляю. Но она мне показалась уж очень абстрактной.

Ваша ссылка на схему, данную мною, меня удивила. Мне кажется, я нигде не давал такой схемы, вообще не касался вопроса хода миграции элементов в ходе геологического времени после большого оледенения. Дайте более точную ссылку, или я вычеркну эту Вашу ссылку на меня.

Мне кажется, А.П. Павлов касался этих вопросов очень основательно в своих работах: «Генетические типы материковых образований» (Известия Геологического комитета, 1888 [140] и «О рельефе равнин» (Землеведение, 1898 г. [141]). Но, может быть, я и ошибаюсь. Я не уверен, что он там различал химические элементы.

Я сомневаюсь, правильно ли говорить только о зольных элементах. Мне кажется, что такие элементы, как азот и сера, О и Н, не могут быть вычеркнуты. Они попадают в цикл живого из атмосферы. Собирался Вам писать по другому делу.

Сейчас идет вопрос о выборе места для большой новой обсерватории астрономической в горных местах. Вопрос идет об Алма-Ате.

Со мной говорил академик Василий Григорьевич Фесенков, и я хочу указать ему на Вас, чтобы он к Вам обратился с этим вопросом. После большого землетрясения в прошлом столетии там было и другое большое – в этом столетии, в 1910 г.

Какая причина этих землетрясений?

Климатические условия для обсерватории крайне благоприятны. А с другой стороны, обсерватория должна рассчитывать на долгое время, на столетие по крайней мере.

Сердечный привет всем Вашим. Очень беспокоюсь о судьбе Крымского, который был, по-видимому, в Звенигородке. Пока никто не знает ².

Отвечаю относительно Вашего устройства.

Я не понимаю: мне казалось, что Вы могли совершенно свободно работать в Академии и сами добровольно выбрали Фергану.

Сейчас нужно, по-моему, опираться на Ленинград. Напишите, если я могу Вам в чем-нибудь здесь помочь, в чем именно. Я, конечно, сделаю все от меня зависящее.

Кого можно считать экспертом в смысле землетрясений в Азии? Очень много здесь схем? Как Вы относитесь к работам Н.С. Шатского и В.В. Белоусова?

Вопрос идет о больших массивах Азии, где Шатский и Белоусов мало сведущи.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

РАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 201–202 об.

¹ О какой рукописи идет речь, неясно.

² См. комментарий 2 к письму 315.

Сталинабад, 13 февраля 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

от Вас давно не имею известий и начинаю уже беспокоиться, здоровы ли Вы?

Я очень много сейчас работаю. Недавно читал здесь в объединенном заседании Таджикского филиала Академии наук, Энтомологического общества и Зоологического института доклад «Геологические периоды и органическая жизнь», где по-новому решаю проблему больших вымираний в органическом мире. Доклад прошел с большим успехом и дал мне очень много, так как на него откликнулись геологи из ЗИН Академии наук. Получился интересный обмен мнениями. У меня здесь вообще по теме моих работ получился большой и интересный для меня контакт с геологами. Вошел в круг их интересов, и это навело меня на некоторые новые идеи. Хочу вернуться немного к палеонтологии, если на следующую зиму удастся попасть в более крупный центр, чем Сталинабад, лишенный и литературы и палеонтологического материала. [...] Заходил, вероятно, к Вам от моего имени наш директор геолог С.И. Ильин и занес мою заметку для «Докладов». Надеюсь, что Вы ее не откажете передать. Это – продолжение той, что уже в «Докладах» напечатана. Одновременно с письмом этим я посылаю третью и последнюю по этой линии заметку «Магма и жизнь» [76]. Прошу Вас передать ее туда же. Сдаю я сейчас в печать в «Известия» Таджикского филиала статью свою о красноцветах неогена Средней Азии [70] и работу географического характера «Климат Памира и хозяйственное использование его территории» (идет в сборник Зоологического института филиала) [84]. В будущем месяце предстоит сессия Таджикского филиала по случаю пятнадцатилетнего юбилея республики. Готовлю к этой сессии доклад «Почвообразование на суше и создание илов на море в прошлые периоды жизни Земли» [87]. Свой доклад на объединенном заседании, о котором я выше написал, я тоже написал и хочу послать его в «Известия АН». Получилась очень интересная работа. Не откажите обратить внимание на мою статью «Эпейрогенезис и землетрясения», которая скоро появится в «Природе» [85].

Я очень просил Вас прислать Ваш отзыв о моей работе об осадкообразовании [69]. Она имеет шансы пойти в печать в «Трудах» филиала, если будет отзыв извне. Я очень мечтаю о Вашем отзыве. Один из экземпляров работы у Вас. А материалы для отзыва в виде писем моих тоже есть.

Глубоко уверен в полной и окончательной нашей победе. Достигнута она будет, конечно, благодаря русским. Русский народ показал свой высокий дух и большое превосходство. Немцы этого не учли и сильно просчитались. Очень я хотел бы быть сейчас в России, а не на этой азиатской окраине.

Работаю я сейчас над неожиданной темой: «Карпинский и современность» [86]. Началось дело с того, что я был приглашен сделать об А.П. доклад и стал над ним работать, а теперь тема увлекла меня и я пишу оригинальную работу. Не хватает мне здесь для этой темы источников.

Пишите.

Ваш Б. Личков

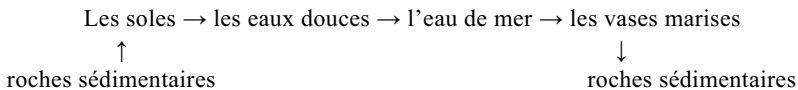
[Сталинабад,] 27 февраля 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил только что Ваше письмо от 10/11, где Вы мне пишете, что С.И. Ильин передал Вам мою рукопись. Вы спрашиваете меня, на какую Вашу схему я ссылаюсь в тех вопросах, о которых я пишу в своей заметке, я имел в поле своего сознания две Ваши работы: *Sur l'analyse des soles au point de vue géochimique. 4-me conference internationale de pedologie. Rome, 1926* [10] (она была потом перепечатана в «Почвоведении», не помню в каком году) и «К вопросу о химическом составе почв» («Почвоведение», № 2–3, 1913) [5].

Во второй статье я очень высоко оцениваю также слова Ваши: «...Геологическая роль почв в мощи наполняющих их организмов в делящейся смене веков огромна» (стр. 6). И дальше: «...Геологическая роль почв должна быть еще более значительна, и в общем химическом значении биосферы она стоит на видном месте... Может быть, только дно и поверхность океанов имеют сравнимое с почвой геологическое значение в химии земной коры» (стр. 6–7).

Что касается схемы, Вас взволновавшей, то она дана в первой работе на стр. 4 и состоит в следующем:



Вы называете эту схему «замкнутым геологическим циклом огромного значения». Из схемы этой видно, что почвы суши участвуют в создании осадочных пород моря, но не смеют участвовать, что видно по направлению стрелки слева, в создании осадочных пород суши. В этом последнем пункте я схему критикую, но в общем я считаю ее очень замечательной и полагаю, что она пророчески опередила свое время. «Схемы миграции элементов в ходе геологического времени после большого оледенения» я не знаю. Так как наше время есть время «после большого оледенения», то конечно, ее под это подводить можно, но в ней нет миграции элементов. Я как будто ни на какую миграцию не ссылаюсь, да и не нужна мне она для целей моей работы. А.П. Павлов, две статьи которого Вы упоминаете, о миграции элементов там тоже ничего не писал. А.П. Павлов для моих целей не нужен, ссылка же на Вашу работу очень нужна.

В отношении роли атмосферы Вы правы, конечно. Разумеется, такие элементы, как N, S, O, H, попадают в цикл живого из атмосферы. Кстати сказать, меня очень сейчас волнует вопрос об азоте. Я много думаю о здешних залежах селитры в нитритных солончаках и уже в течение двух лет не могу найти такое решение этой проблемы, которое бы меня удовлетворило. То, что пишут Селяков, Ковда, Одинцова, всей проблемы не охватило.

Вам кажется, что моя заметка уж очень абстрактна. Не происходит ли это от краткости изложения в резюме? Здесь, когда я подробно докладывал свои соображения и когда я из них сделал все выводы для органической эволюции,

никто не нашел их абстрактными, а, наоборот, все считали их, правда, смелыми, но весьма конкретными. Слушали меня зоологи из ЗИН Академии наук.

Во второй раз мне пишете по поводу моего устройства, что Вам не понятно мое положение. А ведь оно очень понятно. Я не свободно выбирал Среднюю Азию как место жительства (работать в ней я ведь мог бы и из Ленинграда), а потому, что в больших центрах мне жить нельзя. Москва, Киев, Ленинград мне запрещены. Формально это нигде не написано, но фактически стоит мне в этих городах показать свой паспорт, как меня попросят уехать. Даже, чтобы жить в Сталинабаде (одна из столиц!) понадобились особые хлопоты, и я Вам о них в свое время писал. Если бы меня поддерживало и очень бы хотелось иметь какое-нибудь учреждение, Академия наук Союза, Академия наук Украины, университет, они могли бы мне выхлопотать право жительства, а сам я буду биться как рыба об лед, и без всякого толка. Я вовсе не хочу пока бросать *работу* в Средней Азии и рад изучить ее природу, готов жить здесь и быть связанным с нею научно-организационной работой, но мне здесь душно без книг и без людей, и я хотел бы жить часть года, иметь право работать, в большом центре. Ленинград мне нужен хотя бы на четыре месяца в году. Я написал выше о научно-организационной работе. Да ведь меня в нее не пускают! Почему произошла вся эта история с моей диссертацией в Ташкенте? Потому что люди хотели проявить усердие и бдительность. Они переборщили, но себя зарекомендовали, проявив усердие. Понимаете Вы теперь мое положение? Ваши слова: «Мне казалось, что Вы могли совершенно свободно работать в Академии и сами добровольно выбрали Среднюю Азию» звучат (Вы простите меня) как насмешка. Семья моя вовсе сюда не стремилась, а хотела продолжать жить в Ленинграде. Зина моя потеряла возможность из-за нашего пребывания здесь, продолжить учиться в высшей школе. Ольга попала в плохую местную школу, вместо превосходной ленинградской. Да разве я осудил бы на это *добровольно* свою семью. Конечно, нет! Вы как-то наивно смотрите на этот вопрос. Ведь я, говоря старым языком, бывший *каторжник* и поэтому меня только терпят; вот в чем вся суть положения со мной. Мне нужно снятие судимости, а это я могу получить или, сделав какой-нибудь сверхестественный подвиг, или получив поддержку какого-нибудь учреждения. Сейчас пошел 11 год с тех пор как меня изъяли из жизни, и хоть я уже около четырех лет назад вернулся, но выйти в жизнь никак не могу.

Я чувствую себя сейчас в расцвете своих сил. Творю сейчас свое лучшее, хотя и складываю пока написанное на полку. Силы в себе чувствую большие. Хотел бы стать у *своего* дела, иметь *своих* учеников, творить организаторскую *свою* работу. Но ничего для приложения своих сил не имею. Попасть в Киев, это было бы счастье для меня, но сомневаюсь, чтобы там взяли бывшего каторжника; очень хотел бы вернуться на старое свое место профессора в Ленинградский университет, только туда, но боюсь, что опять помешает та же причина и т. д. и т.д. Здесь вокруг меня в Геологическом нашем институте имеется десятка полтора старых и молодых геологов; интересных для меня – нет. Молодежи или нет, или она бездарная какая-то. Есть еще Геологическое управление, но в нем тоже пусто. Книги иностранной нет, каталогов геологии в библиотеках нет, новая русская книга начинается с 1935 г. Многие книги приходится восстанавливать по воспоминаниям. Кончаю об этом.

Я в последнее время был занят работой над двумя темами, о которых хочу Вам написать. В марте у нас будет праздноваться 15-летие нашего филиала. Я буду на сессии читать доклад «Изменение рельефа и эволюция почвенно-иловых образований суши и моря в строении Земли». Я этот доклад написал и содержанием его очень удовлетворен. По-моему, получилось и интересно, и обоснованно, и достаточно ново. Вот некому только будет покритиковать меня. Для «них» все сойдет! Между прочим, я резко критикую в своем докладе актуализм Лайеля, который, по-моему, *отжил свой век*. Прав в основном принципе подхода к геологическим явлениям Эли де Бомон, и к нему надо вернуться. Я совершенно не согласен с Шатским и его точку зрения считаю недодуманной и непродуманной. В принципах тектоники во многом надо вернуться к Л. Буху.

Другая тема, над которой я сейчас много работаю и которую после трех лет работы окончательно написал, «О происхождении лёсса». Окончательно и безраздельно утверждаю водную теорию лёсса. Резко разошелся с А.П. Соколовским, который открыл мне интересную вещь – неполноценность коллоидной части лёсса Са при условии большой карбонатности породы. Я категорически отвергаю выводимое им отсюда следствие, будто лёсс должен быть эолового генезиса породой. Я впервые и совершенно неопровержимо устанавливаю по данным геоморфологии существование *аллювиальных лёссов* и показываю, что их-то главным образом принял за создание эола. Работа у меня получилась очень большая и интересная, пока ее тоже придется положить на полку, ибо печатать негде. Много в эту работу вошло старых моих данных по Днепру и новых по Фергане и Таджикской депрессии. Устанавливается связь лёссообразования с созданием низменных аллювиальных равнин (полесья) и геосинклиналей.

Сейчас работаю над моим отчетом по Фергане, и он у меня разрастается и становится все более интересным.

Собираюсь на днях писать заявление М.И. Калинин, как председателю Верховного Совета о полном пересмотре моего «дела». Не знаю, будет ли толк?

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 44–46 об.

382

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 28 февраля 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я продолжаю все о том же, о чем написал Вам вчера, ибо Ваши дважды повторенные слова по поводу моего устройства уж очень меня задели за живое. Не думайте, что я непременно хочу работать в таких центрах, как Москва или Ленинград, и на меньшем не мирюсь. Нет этого! Для меня нисколько не обидно жить и работать в Сталинабаде, Самарканде, Иркутске, где хотите, в пределах нашего Отечества, но с тем, чтобы знать, что моя работа приносит

Отечеству пользу, а мне самому дает удовлетворение. Я по отношению к нашей стране убежденный федералист в том смысле, что считаю крайне важной задачу о децентрализации нашей культуры и науки. [...] Я глубоко верю в большое будущее нашей страны и глубоко верю, что то начало подъема и создания местных центров, которое положено революцией, разовьется дальше. Я горд сознанием, что, работая первый десяток лет после революции в Киеве, я сам тоже участвовал в этом благодетельном процессе создания «местного» центра; горд тем, что в очень значительной мере мне принадлежит честь создания на пустом месте геологического большого центра этого города; ведь там все в основе *мои* труды и в составе работников мои ученики. Я рад, если бы мне пришлось теперь эту работу начать и провести здесь, в Сталинабаде. Отнюдь от нее не отказываюсь. Меня не смущает национальная сторона дела. Рад содействовать таджикской культуре и создавать таджикскую науку, ибо в благодетельность процесса поднятия всех национальностей нашей страны – союза национальностей и республик – я верю. [...] Здесь в Таджикистане нет университета, мы его создадим; нет Академии наук, мы ее тоже организуем, и – повторяю то же выражение, какое я применил в киевской своей работе, – я горд буду, если с другими вместе я проведу эту работу. Уроженец Иркутска, я чувствую себя наследником сибирских автономистов Н.А. Андрианова и Г.Н. Коржина, боровшихся за создание сибирской науки и сибирского ее центра в Иркутске. Рад был бы ту же функцию продолжения их работы, продолжения *прямого*, выполнять в том же Иркутске. Но, раз я в Средней Азии, я готов продолжать сейчас то же самое здесь. Велик наш Союз, и необъятны поля нужной работы в нем. Я еще очень силен физически (если это не иллюзия), и я могу еще много очень сделать и научно и научно-организационно, но я хотел бы иметь сознание, что мне развязали для этого руки, что мне доверяют, а не терпят. Кроме того, для моей личной работы пока нет центра здесь, пока он не создан, а создать его я чувствую себя в силах, я хотел бы иметь право опираться на Москву, Ленинград, Киев. Вот как я мыслю свою работу. Мне нужно только несколько месяцев пребывания в год сейчас в большом центре, а остальное время и силы я готов на ближайшие годы отдать Сталинабаду, Таджикистану и Средней Азии. Я русский, чувствую себя русским и горд тем, что я русский, но русская идея не противоречит в моем понимании насаждению в Союзе, там, где в этом есть потребность, национальной науки и культуры. Под знаком «згоды»¹ – согласия двух культур вел я это дело в Киеве и тоже поведу его здесь. Киснуть в Ленинграде или в Москве я вовсе не хочу, и, пока есть силы у меня, я, имея точку приложения части их во всесоюзных центрах чтобы не отставать научно и научно работать, готов остальные силы тратить здесь, на месте. Мне, к сожалению, уже 56 лет, времени для моей большой подвижности осталось уже совсем немного, и мне хотелось бы еще *успеть* приложить свои силы научные к Дальнему Востоку; Колыма, Якутия, Чукотка и дальневосточный юг – вот что меня влечет еще. Всего я не успею, но я все-таки засиживаться в Средней Азии, закапываться в ней на веки вечные не хочу. Поэтому я мечтал бы здесь научно работать года три еще, а там – «прощайте!» – перенес бы свою научную работу за Иркутск, если буду еще жив. Больно, что 10 лет жизни я потерял нелепо и ни за что, но тем более я хотел бы остающееся время использовать умнее. Я не политический деятель в узком смысле, но я *культурно* политический работник, и я хотел бы, мечтал

бы, не замыкаться узко в специальность свою, работать и вне ее, в научно политической области, содействуя успеху того, во что я глубоко верю – развитию величия и расцвета нашего Союза. Я патриот не только России, но патриот всего Союза с теми глубоко демократическими идеями, которые в основу его заложены. Верю и хочу верить, что те многие эксцессы, которые были у нас, и которые неизбежны в процессе создания новой жизни, отпадут, и что мы уверенной поступью пойдем к великому будущему. Я сам пострадал именно от этих эксцессов. Мне глубоко жаль тех десяти лет, которые я потерял, но никому претензий за это я не предъявляю; это, как говорит Говен у Виктора Гюго («97-й год») все равно, что предъявлять претензию грозе. Как и Вы, я смотрю на будущее оптимистично; как и Вы, я хотел бы работать и отдавать мои силы нашей Советской стране. Будущее наше представляется мне огромным, и я хотел бы работать активно над его построением. А самое лучшее после работы у нас – это поднимать наши окраины по науке и культуре до уровня центров. В этом я хотел бы участвовать, но не связанными руками, как сейчас, а в полную меру сил моих. Но дайте поле для приложения сил моих. Его нет сейчас. Жалкий Геологический филиал, где мне дают только узкую научную работу; жалкий филиал, в научно-организационной работе которого я вообще не участвую; жалкий Педагогический институт, где я вырабатываю будущих педагогов. Все это я хотел бы перестроить, и это надо перестроить! Филиал пересоздать, влив в него новые силы и создав новую структуру. Геологический институт – его построить надо по-новому. Из педагогического института областного сделать университет или построить таковой рядом. Мне не уютно сейчас в филиале, между прочим потому, что участником всего дела я себя не чувствую, а чувствую влекомой тряпкой. Этой роли я не хочу, ибо это противоречит всем моим планам. Если жить здесь, то и творить максимум для меня возможного, а не только писать научные работы! Возможностей к этому у меня пока нет, ибо я связан, как я писал в прошлом письме. Вот мне и нужно освободиться от того, что меня связывает. Эти придет, но боюсь, что не скоро. Получение степени доктора у меня заняло два года. Если на *это* у меня уйдет по такому масштабу 10 лет, то будет, пожалуй, поздновато. Неужели 20 лет нужно провести под карантином, чтобы люди действительно убедились, что ты не фашист и не погромщик культуры, да еще из этих 20 лет шесть лет заключения? Если это так, то мне просто придется сказать, что надежды мои на остающуюся часть моей жизни надо оставить. Я буду бороться за то, чтобы так не было, и буду надеяться. Что добьюсь успеха. Вы пишете в письме, что готовы мне помочь в моем устроении, но не знаете в чем могли бы быть полезны. Я тоже не знаю, и я боюсь Вас просьбами утруждать. Но я думаю, что сейчас из моих писем Вам вся картина видна и стала понятна; в чем тут помочь можно, это, я думаю, Вам сейчас виднее, когда Вы знаете весь мой подход к делу, цели и намерения. Бежать отсюда я не хочу (и захочу только, если не справлюсь со своей малярией). Хочу активно работать на самом большом и ответственном поле, чтобы чувствовать, что не только свою науку двигаю, но содействую возрождению страны. Приобщения к центрам науки я хотел бы для себя, как я уже писал, только чтобы несколько месяцев иметь возможность в них работать, и добавляю сейчас, чтобы там большую часть года могла жить и работать моя семья и прежде всего мои дочери, которым надо учиться. Поэтому от связи с центрами я не откажусь и буду добиваться

для себя и для семьи. Отказываться от семьи и жить на два дома я и мы все не хотели бы; достаточно того, что мы претерпели в дни заключения моего. И вот, при всех этих условиях, если бы они были выполнены и воплощены в жизнь, я повторяю, готов работать для Таджикистана в полную меру своих сил. Вот моя точка зрения.

Если бы мне повезло с Киевом (подразумеваю выборы там в академии, во что плохо верю), то, понятно, научно-организационную свою работу в этих случаях я целиком перенес бы в Киев, а для Средней Азии оставил бы только доделку начатых чисто научных работ, ибо энергии на оба центра у меня бы уже не хватило.

Из предыдущего, я думаю, Вам ясно, как я понимаю свое устройство. О нем буду писать М.И. Калинину и в Народный Комиссариат Государственной Безопасности, добиваясь справедливости.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 47–50 об.

¹ Згода (укр.) – содружество, соглашение.

383

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 2 марта 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

вчера получил Вашу статью «Магма и жизнь» [76]. Направляю ее сегодня в ДАН. Мне кажется, ее заглавие *не вполне отвечает содержанию*, так как под *жизнью* Вы понимаете *видимую жизнь* – высших животных и растений и Ваши выводы не касаются невидимой для глаз жизни – бактерий, микробов, грибов. Сейчас вышла книга астронома Вильдта «*Geochemistry and the atmosphere of planets*» – N. Y. 1942. Я ее еще не получил. Все атмосферы планет *биогенные* [189]. Мне кажется, этот вывод астрономов сейчас может считаться фактом.

Сердечный привет Вашим.

Ваш Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 203.

384

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 11 марта 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только что получил два Ваших письма одновременно и спешу на них ответить.

Я вижу, что я не совсем ясно понимал с Ваших слов Ваше положение. Но об этом, я надеюсь, мы свидимся и поговорим.

432

Что касается Вашей статьи, то я сделаю в примечании ссылку на все те мои работы, которые Вы указываете. Между прочим, я сейчас представляю в доктора геологических наук Д.В. Соколова, причем при этом значение его работ мне показалось большим, чем я раньше это думал.

В вопросах, связанных с почвами, их геологическим значением, он выдвинул тот фактор, который обычно, мне кажется, упускается из виду. И для меня убедительно. Это – значение подземных бактерий и миграции химических элементов почв. Знаете ли Вы его работы? Они интересны. Они касаются как раз того вопроса, которым Вы теперь занимаетесь.

Посылаю теперь же Вашу статью в ДАН [76].

Я думаю, очень хорошо, если Вы напишете М.И. Калинину. Я мечтал, что Вы можете теперь устроиться на Украине. Очевидно, я не понимал Вас тогда.

Пока на этом кончаю.

Сердечный привет Вашим. А. Д.¹ шлет Вам и Вашей семье большой привет и от души желает Вам скорейшего устройства по Вашему желанию.

Книга Шухерта [186] сейчас у Виноградова. Попрошу Вам ее переслать, когда он ее кончит.

Мой юбилейный сборник [93] у меня с рукописными прибавками в одном экземпляре. Попрошу из лаборатории официально переслать его через Ваш филиал или переслать этим путем статью Наливкина.

Мне кажется, Вы преувеличиваете положение наше в центре в смысле книг. Монополия «Международной книги» является одним из бедствий в отношении научной работы. Сейчас здесь с книгами очень скверно. Многие библиотеки еще не вернулись в Москву, получать книги очень трудно. Я получил возможность заказать книги для себя через сына². Конечно, это только решение моей личной работы.

Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

P.S. [Приписка А.Д. Шаховской:]

Дорогой Борис Леонидович, очень хочется написать Вам, но все нет времени. Послезавтра день рождения Владимира Ивановича – ему будет 81 год. Придет вся лаборатория, чтобы сняться с ним. Он немножко тяготится этим, но не решается отказаться и подчиняется.

Я рада, что он все же в силах еще и работает все время, хотя темп работы все же ослабевает.

Он очень много времени теперь посвящает разборке архива.

Всего, всего лучшего.

Ваша А. Шаховская

P.S. Вы верно знаете, что одна Ваша статья появилась в ДАН (т. 10, № 4) [76], а другая³, как я Вам уже писала, велика по размерам, и ее нужно или сократить, или передать в другой журнал.

Жду Вашего ответа на этот счет. Не задерживайте его.

А. Ш.

¹ А.Д. Шаховская.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий 1 к письму 377.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 14 марта 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович, [...].

я послал Вам на днях текст заявления с приложением (вернее, письмом), которое я подал на имя Калинина. Будет ли результат какой-нибудь от этого, я не знаю. Не осведомить Вас об этом письме я не могу. В крайнем случае, используйте мое заявление для «Пережитого и передуманного», зарегистрировав этот факт. Подал одновременно копию своих заявлений Е.Н. Павловскому, как своему начальству, с просьбой о поддержке. Страшно подумать: с тех дней, как мы с Вами вместе работали в КЕПС, прошло уже 14 лет, а на мне все еще тяготеет обвинение в контрреволюционности и 10 лет из жизни вычеркнуты почти впустую. В Ленинград мне ехать нельзя, в Москву нельзя, в Киев нельзя, а мне нужны книги, нужны люди для консультации, иначе я закисну в собственном тексте. Я перевертываю сейчас все основы геотектоники и возвращаюсь к Эти де Бомону, но мне сам подлинный Эли де Бомон нужен, нужен Гейм, нужно много других, а ничего этого тут нет. А творческий подъем у меня сейчас большой. Только надолго ли? Ведь как это ни грустно, а мне в этом году исполняется 56 лет. Я еще не только умственно книжной работе способен, а и к полевой, но я ничего не успеваю в жизни сделать, если меня еще лет 14 будут держать в том же режиме. По-украински есть выражение: «ледве живитие». Так вот, это ко мне сейчас целиком применимо. Я «еле прозябаю». Сил у меня много, творческие способности в полном порядке и расцвете, а творить не могу. Материально тяжело? Да, тяжело. Но на это я уже не жалуясь, ибо много легче стало. А вот морально тяжело нестерпимо. Морально держат в черном теле и долго ли еще держать будут, не знаю... А как назло, творческие планы у меня огромные и очень хочется собственное дело, своих учеников, школу. Здесь же к этому возможностей сейчас нет. Сиди и работай сам, да и условий для работы не дают.

Закончил я книгу о Карпинском и поработал над ней с удовольствием. Книга получилась небольшая (листа 4), но интересная. Старик, был все-таки очень содержательный и умный, хотя очень скупой на слова (и, между нами говоря, должно быть, с ленцой). Я реставрировал его тектонику и представил ее в новом, правильном свете, при котором видно, что Архангельский его никак не затмил, как многие думают [86].

Получили ли Вы мое письмо, где я прошу Вас прислать мне некоторые книги (Сборник Вернадского, 1936 г., Эддингтона и Шухерта)? Очень рад буду, если Вы исполните мою просьбу [93, 177, 186].

Получил от Ленинградского университета предложение прочитать курс геоморфологии и учения о фациях. Очень мне улыбаются оба курса. Но если Калинин не обратит внимания на мое заявление, я в Ленинград не попаду.

Предполагается у нас в конце будущего месяца сессия научная филиала по случаю пятнадцатилетия науки в Таджикистане. Мне был заказан доклад к этой сессии. Я написал: «Изменения рельефа и эволюция почвенно-иловых образований суши и моря в истории Земли (к истории осадкообразования)». Весь он на среднеазиатских материалах и как будто интересный [87].

Очень мечтаю и много думаю о Киеве, в особенности в связи с тем, что хочется мне соединиться с сестрой, но как это сделать? Киевляне мои Чернышев и Соколовский что-то замолкли и, по словам Яснопольского, обиделись за то, что я будто бы не отвечаю на письма. Хитрят, вероятно! Просто не хотят со мной дела иметь... Я написал обоим, но, будет ли толк от этого, не знаю. 14 лет держат меня «в карантине», а через 14 лет, вероятно, карантин снимут, но тогда я буду, конечно, как выжитый лимон. Вот и украинцы, вероятно, боются меня, пока «карантин» не снят.

Теперь у меня посторонний вопрос. Вы, по-видимому, моложе Вашего отца лет на 40. Это я по Брокгаузу сужу. Теперь другой вопрос, когда умерла Ваша мать? У Брокгауза говорится об экономисте Вернадской-Шигаевой, жене И.В. Вернадского. Я думал, что это Ваша мама? Там сказано, что у нее был единственный сын. Но сказано, что она умерла в 1860 г., а Вы ведь родились в 1863 г. Значит, это не Ваша мать. Тогда Вы, значит, сын от второго брака. Но об этом я от Вас никогда не слышал. Разрешите мое недоразумение.

Пишите. Давно от Вас нет писем.

Ваш Б. Личков

P.S. Очень огорчила меня смерть Ал. Ал. Борисяка. Я надеялся еще свидеться с ним.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 53, 54 об.

386

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 16 марта 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

прочел Вашу «закрытку»¹ от 2 марта и прочел ее с большим удовольствием, ибо при малом ее содержании она мне очень много дала. Вы правы, что статья моя охватывает только жизнь, видимую для глаза, а невидимая – бактерии, микробы, грибы – осталась в стороне. Они требуют особого обсуждения, но я помню, что вывод распространяется и на них. Их судьбы от остального органического мира не независимы. Мне думается, что даже статьи Таусона, о которых я Вам недавно писал, это показывают.

Я надеюсь, что Вы получили все мои письма. Несколько дней назад я Вам послал большое принципиальное письмо, где рассказываю, как я понимаю свое пребывание здесь на окраине, и говорю, что я с ним вполне мирюсь, но при известных условиях. Более того, я хотел бы еще пожить в Якутии и Хабаровске, чтобы составить себе представление. Чем дышат наши далекие «окраины» в лице своих центров. Но я хочу только простора для научной работы, хочу учеников, школы, и вовсе не хочу, чтобы надо мною висела этикетка,

что я – государственный преступник, хотя и бывший. Я вчера послал Вам по этому поводу письмо и материалы, направленные мною М.И. Калинину в виде письма. Подумайте только, Владимир Иванович, 17 лет прошло с тех пор, как мы с Вами начали совместную работу в КЕПС, и 14 лет с тех пор, как я якобы выделял контрреволюцию в Академии. Космические сроки какие-то. Те четыре года, которые я с Вами вместе работал, отчасти вместе творил и Вашими интересами питался, для меня памятнее и ярче, чем последующие 14. А со дня первого нашего с Вами знакомства сейчас 26 лет. Сроки какие-то космические!

Воссоздается сейчас в Самарканде университет. Меня опять зовут туда работать. Невольно я предавался вчера воспоминаниям, как ярко радостны были первые дни моего пребывания там, как симпатична и культурна обстановка и весь тонус жизни. Между прочим, очень много зависело от ректора Валиева, фамилию которого Вы, может быть, помните по переписке со мной. Он узбек, коммунист и удивительно милый, интеллигентный, культурный человек. Закрыли университет, а его отправили на фронт. Теперь он убит. Потеря для университета совершенно невознаградимая. Подумал я одну минуту о возвращении назад, в это место светлых воспоминаний, где я впервые несколько отошел после своей каторги. Но нет, я туда больше не вернусь, не хочу возвращаться. Это конченная страница жизни! Буду как-нибудь переживать Сталинабад с честолюбцем (большой он честолюбец, хоть и не плохой человек!) Е.Н. Павловским во главе, а там дальше, видно будет, что произойдет. Мне бы только детей устроить так, чтобы им было лучше, да с сестрой соединиться. А мы с женой не так уже требовательны. Хотел бы, все-таки, хоть три – четыре месяца в году для работы проводить время в большом центре (и только в Киев я ушел бы отсюда совсем, но не сразу). Я не могу без этого. Здесь мне очень тесно и душно.

Здесь через два года будет, говорят, Академия наук и университет. Сейчас и филиал до Академии не дорос, и Педагогический институт, который должен быть базой для развития университета, очень слаб. Людей не хватает, а те, что есть, очень мелки научно. Не с кем словом перемолвиться. С.И. Ильин, с которым Вы познакомились, здесь – светило. Но для меня бесспорно, что при несомненном уме и некоторых знаниях, это – совсем не творец в науке. А он головой выше всех других и морально, и умственно, и научно.

Подлинная здесь новь.

Большой Вам привет от жены.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 56–57 об.

¹ Закрытое письмо типа запечатанной открытки.

[Сталинабад,] 19 марта 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне думается, что то обобщение, которое мною сделано в заметке «Магма и жизнь» [76], есть полное основание распространить на то, что Вы называете жизнью невидимой, – бактерии, микробы, грибы. Вывод этот нетрудно сделать, используя переходные формы между жизнью видимой и невидимой жизнью. Е.Н. Павловский (1937) указал, что чрезвычайно широкое распространение в природе имеют «симбиотические формы жизни», куда причисляется индифферентный симбиоз, мутозометические формы существования, паразитизм и т.д. Эти формы тесно связывают видимую *большую* жизнь с паразитами, сапрофитами, в том числе невидимыми их разновидностями. Как подчеркивал тот же Павловский, ценозы открытой природы и паразитоценозы сближаются и становятся принципиально на одну ногу. Для паразитоценозов важно при этом учесть следующее. Бронн еще в 1858 г. сформулировал закон, по которому организмы, питающиеся другими живыми существами, были в появлении своем связаны с появлением питающих их животных. В дальнейшем эта связь их сохранилась и на основе закона Бронна выявился определенный параллелизм филогенетический между хозяевами и паразитами, именно оказалось, что схема филогенетических отношений между паразитами целиком повторяет схему филогенетических отношений их хозяев, они параллельны (Имеринг, Фурман, Рубцов). Это рисует определенную связь как видимых, так равно невидимых паразитов с хозяевами в смысле их судеб, и, следовательно, дает на паразитов распространить те закономерности вымирания, которые мною выведены для хозяев. *Утеря* хозяина, несомненно, будет для паразита вымиранием, если он не сможет произвести их *смену*.

Надо думать, что закономерности эти в значительной мере можно распространить и на болезнетворных бактерий, которые связываются тоже с традиционными хозяевами.

Если перейти от паразитных организмов к сапрофитным, то о них надо сказать, что они неотъемлемая часть биосферы и в ней, конечно, тоже должны разделять общую судьбу с животными крупными (макроорганизмы). Говоря так, надо учесть, что микроорганизмы в прошлом Земли всегда были решающим фактором превращения и разложения органических веществ, какими они и сейчас являются. Микробиология нас учит, что все почти органические вещества, быть может за немногими исключениями, особенно те, которые в животном и растительном мире шире всего распространены, подвергаются неизбежно нападению микроорганизмов и в зависимости от условий более или менее часто ими разлагаются (В.О. Таусон, 1937, 1938) [160, 161]. Вот это указание на зависимость от внешних условий крайне важно. Оно намекает на то, что микробы эти должны изменяться как в пространственном, так и во временном разрезах совершенно подобно тому, как меняется в этих разрезах мир микроорганизмов. Едва ли можно сомневаться в том, что климатические зоны отражаются на количестве видов и индивидов бактерий открытой природы, как их назвал Е.Н. Павловский, отражаются эти зоны и на

их составе. Бактерии пустынь при этих условиях едва ли тождественны с бактериями районов, сильно увлажненных. А.Е. Ферсман когда-то погорячился и высказал мысль, что пустыни стерильны от микробов (1928). Это было неверно. Ясно, однако, что отличия между бактериями влажных и сухих местностей должны существовать. С.В. Одинцова (Труды Биогела, 1939) [139] не очень давно, характеризуя нитратные солончаки Средней Азии, подчеркнула, что солончаки эти столь же характерны в качестве формы накопления органических остатков для сухих пустынных и сухих районов, бедных растительностью, как для более влажных, богатых растениями районов – типично сохранение этих остатков в виде торфяников и углей. То и другое проявление представляют собой зональные явления. При этом оба создаются с доминирующим участием микроорганизмов. В связи с этим можно сказать, что здесь проявляется подчинение микроорганизмов зональности. Иначе говоря, это значит, что микроорганизмы, как и макроорганизмы, тоже во многом зависят от метеорологических показателей. Так обстоит дело на Земле сейчас, но так же точно обстоит оно и в прошлом. Ведь есть основание настаивать, что имела место эволюция микроорганизмов в течение геологических периодов (В.О. Таусон, 1936, 1938) [160, 161]. Ясно, что в числе факторов, обуславливавших эту эволюцию и отбор, играли роль изменения физико-географических условий, прежде всего климата, и отражались они здесь прежде всего на условиях физико-химических. Это означает, как мне представляется, что, в общем, диктовали перемены – те же смены фазы цикла, которые, как я доказал, у микроорганизмов вели к вымиранию. Было оно, я полагаю, на этой почве и здесь, но его приходится представлять себе, а не видеть глазами. Ведь морфологические изменения ископаемых бактерий *конкретно* не открыты еще, и о них можно догадываться лишь по тем «почвенным граням», которые я выше указал. Все говорит за то, что эта часть микроорганизмов подчиняется в своей эволюции и отборе тому же, чему подчиняются микроорганизмы. Словом, мне представляется на основании предыдущего, что мой очерк «Жизнь и магма» относится к большей части органического мира.

Послал я Вам заказным копию заявления, поданного мною М.И. Калинину с приложениями. Получили-ли? Хочу произвести некоторую перемену в нашей не слишком сладкой жизни (я говорю о жизни своего семейства).

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 59–60 об., 69.

388

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 28 марта 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

у меня к Вам большая просьба: не можете ли Вы Вашим авторитетом достать для меня две книжки из изданий Академии наук: вып. 11 «Проблемы физической географии», где помещена моя статья, и вып. 4. «Докладов Академии» за 1943 г., где также имеется моя заметка. Оттисков этих статей мне не дали и

не дали даже ни одного экземпляра каждого из этих изданий. А я хочу иметь хоть один экземпляр! Пожалуйста, помогите! Вы думаете, что я преувеличиваю благоприятность положения центра в смысле книг. Право, я ничего не преувеличиваю. Вы жалуетесь на монополию Международной книги, как на одно из бедствий в работе. А у нас ведь здесь просто *нет книг*, нет самых обиходных, элементарных, и нет не только иностранных, но и русских.

Ужасно рад был бы, если бы мы с Вами действительно могли свидеться и поговорить, как Вы пишете в письме. Хоть и очень хочется этого, но возможностей к этому я просто не вижу. Очень сочувствую представлению в доктора Д.В. Соколова (передайте ему мой привет). Работы его я знаю. Здесь их нет вовсе, но у меня есть личный экземпляр, и я им пользовался.

Страшно радуюсь успехам нашего оружия и верю, что войне скоро конец. Неужели доживем до такой радости!

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 62, 62 об.

389

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 3 апреля 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

С большим интересом и вниманием прочел Ваше письмо к М.И. Калинину. Очень много там для меня оказалось нового и чрезвычайно интересно. Когда-нибудь поговорим. Я имел разговор с вице-президентом Борисом Исидоровичем¹ и с другими украинцами и думаю, что к Вам самое лучшее отношение. Точно такое же, как к печатанию «Минералогии Украины» Попова. Забыл фамилию ассистента Курнакова, который был Вашим товарищем в тяжелое время. Напишите мне его фамилию, жив ли он?

Возвращается скоро, по-видимому, Болдырев, который проделал, кажется, огромную работу и, кажется, очень интересную.

Сегодня получил Ваше письмо о Самарканде². Но все-таки мне казалось бы правильным, если это возможно, устроиться в Киеве. Сейчас там особенно нужны крупные научные силы.

Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 206.

¹ Б.И. Чернышев – вице-президент АН УССР.

² См. письмо 384 от 16.111 1944 г.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 19 апреля 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я получил Ваше письмо от 3 апреля 1944 г. где Вы передаете свои впечатления от письма моего М.И. Калинину. Не знаю, поможет ли оно мне и обратят ли на него внимание. Очень хотелось бы к осени получить благоприятный ответ. Пять лет назад сходное по содержанию заявление привело к моему выходу из стен неволи; может быть это приведет к пересмотру дела сначала, или хоть к снятию так называемой судимости. Это мне откроет все дороги. Во всяком случае, независимо от успеха или неуспеха моего ходатайства, я предлагаю в октябре – ноябре быть в Ленинграде, куда поеду для обработки своего материала по окончании полевых работ. На полевые работы я предполагаю ехать на четыре месяца около 10 июня. Думаю, что раньше этого удастся выехать в Ленинград моей Зине вместе с Зоологическим институтом Академии наук, в котором она работает лаборантом. Она подготовит все по квартире, в особенности если ей удастся уехать в Ленинград вместе с мамой. Я, если мой вопрос не будет разрешен положительно только проживу в Ленинграде в командировке, а затем вернусь обратно сюда. О Киеве очень мечтаю. Вероятно, буду там осенью на конференции по Среднему Днепру, но если мой вопрос М.И. Калининым не будет решен к тому времени, положительно о Киеве придется перестать думать. Фамилия того сотрудника Н.С. Курнакова, о котором Вы меня спрашиваете М.Г. Вашетко. Зовут его Михаилом, но отчества его я не помню. Мне кажется, что он работает сейчас химиком в Саратове. А вот другой товарищ мой по несчастью Р.Р. Фасмер (из Эрмитажа), как я слышал, умер. О Самарканде не думаю. Все мысли мои направлены на Ленинград и Киев.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 64, 64 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 17 мая 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

забыли Вы меня совсем. Больше двух месяцев я не имею от Вас ни строчки. Здоровы ли Вы?

Я в последнее время был, можно сказать, по горло занят, с одной стороны, научной сессией нашего филиала, в которой принимал большое участие и на которой делал два доклада, а с другой – личной моей одной работой, которая меня очень увлекла и которую я сейчас кончаю.

О сессии скажу, что она была малоинтересна и бледна. О своем докладе на сессии я Вам, помнится, писал заранее, т.е. еще до начала сессии, и поэтому сейчас повторяться не стану. Второй мой доклад на сессии, который

я сделал неожиданно и о котором я Вам, кажется, не писал, называется «К закономерностям создания восточных современных геосинклиналей юга Европы (К характеристике роли геоморфологического метода при изучении истории Земли и новых явлений, открываемых этим методом)» [89]. Тема эта беспокоила меня давно, и я давно подумал, что стоит ею заняться, но «нахлынула» она на меня, что называется, совсем недавно, и я недели две безвыходно просидел над нею. Получилась работа больше 100 стр. текста с многочисленными чертежами. Переоценил и пересмотрел все выводы и положения Н.И. Андрусова и других творцов геологии неогена и по ряду вопросов получил новые. Все моря неогена и все перемены того времени воспринял по-новому – в аспекте изменений рельефа. По-новому осветилось многое из того, что считалось решенным и общеизвестным. Сейчас меня тянет на Черное море и Каспий проверить некоторые детали. Но в основном работа закончена, и, если Вы ничего не имеете против, я пришлю Вам экземпляр ее текста, когда она будет напечатана на машинке. Сейчас чувствую себя очень усталым: не шутка ведь, за две недели написать большую научную работу с большой литературой (150 названий) и пр. Хотелось бы отдохнуть, но отдыхать нельзя, ибо надо кончать учебный год в Педагогическом институте и напряженно читать лекции, а вместе с тем готовиться к полевым работам, которые не за горами.

Ваш Б. Личков

P.S. Пишите.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 65, 65 об.

392

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 8 июня 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

мне ужасно грустно, что от Вас я совершенно не имею никаких известий с самого начала апреля. В чем причина этого, я никак не пойму, и это меня страшно волнует. Я уже жаловался на это в письмах Вам и Анне Дмитриевне Шаховской, но или письма мои не дошли, или не успел я еще получить ответной реакции Вашей на эти письма. Главное – здоровы ли Вы? 1-го июня я Вам послал по этому поводу телеграмму, но вот уже неделя прошла, и нет на нее никакого ответа. Или телеграммы ходят сейчас не быстрее писем, или они вообще не доходят. Сейчас я по поводу Вас просто вне себя от беспокойства.

Многое, очень многое хочется мне Вам рассказать, но как-то психологически не могу заставить себя это сделать, ибо вижу и чувствую, что Вам почему-то не до меня. Или чем-то другим Вы отвлечены, или Вы больны, но и в том, и в другом случае мои информации будут, очевидно, не к месту.

Получил я только что грустное известие о смерти в Самарканде Ал. Ив. Яроцкого. Умер он от кровоизлияния в мозг. Оказывается, это произошло

еще в феврале, а хворать он начал даже осенью. Дочь его не знала моего адреса, и потому я с таким опозданием получил это грустное известие, которое меня страшно расстроило. За то короткое время, которое я имел возможность лично узнать Александра Ивановича, он на меня произвел чарующее впечатление всем своим обликом и, в частности, своим неугомонным, пытливым умом. Я живо помню все свои интересные беседы с ним в Самарканде. Жалею, что нет здесь его работ. Хотел бы очень их перечитать. Я помню только книгу его «Идеализм как физиологический фактор», но и ее тут нет [173].

Помню, что я писал Вам о своей новой работе «О современных геосинклиналях востока Европы (Каспийской и Европейской)» [80]. Этот труд представляет собой продолжение прежних работ о Черноморье и вместе с тем работ о геосинклиналях. Он примыкает теперь непосредственно к работе моей «О современной геологической эпохе» [48]. Здесь эта работа произвела большое впечатление. Все от нее в восторге. С.И. Ильин говорит, что ее следует немного доработать, а потом подать на Сталинскую премию, которой она вполне заслуживает. Я думаю, что работа действительно очень хорошая (простите за самохвальство), и мне хотелось бы скорее увидеть ее напечатанной. Вот, как это сделать, я не знаю. Задача работы – показать, что в геологию сейчас входит новый метод и многое заставляет в ней пересмотреть наново. Наши геоморфологи все этого не чувствуют и топчутся гурьбой около четвертичного периода, а надо идти в глубь времен. В аспекте основных идей геоморфологии я пересматриваю в своей статье всю концепцию истории неогеновых морей Андрусова, Богачева, Архангельского, Михайловского, Григорович-Березовского и пр. и нахожу массу новых фактов, на которые они все (даже Андрусов!) внимания не обратили и которые вместе с тем позволяют в новом и очень стройно-красивом аспекте построить историю морей неогена нашего юга, прочно связав ее вместе с тем с историей суши этого района. Думаю, что работа очень интересная, и я страшно хотел бы Вас с нею познакомиться первого. Сталинскую премию я получить за нее, конечно, не прочь. Но как это делается? Разве авторы сами представляют свои работы? А затем другое; мне из-за моего «прошлого» политического разрешается об этой премии только мечтать.

Около 20 июня я уезжаю на полевые работы опять в Ферганскую долину и буду там до октября – ноября, а тогда поеду в Ленинград и Москву, в командировку и отпуск.

Только что подал огромный отчет по Ферганской долине. Он представляет собой весьма интересную и богатую работу, тесно связанную с геосинклиналями, которые он превосходит объемом в два раза.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 67–68 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 8 июня 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

я получил Ваше письмо от 17 мая. Последний раз писал Вам 3.IV. Работаю почти непрерывно, но с печатанием все идет очень медленно. Полный развал в Украинской и в здешней Академии. В Украинской, кажется, меньше, хотя ей пришлось пережить много больше. Здесь у нас большое изменение моральное у многих академиков. У семи нянек дитя без глазу. У нас шесть или семь президентов, из которых некоторые морально отрицательные типы. Очень морально подался Обручев.

Знаете ли Вы книжку Ворисьяка «Геология Сибири» [103]? Он начал готовить второе издание, когда умер; он заболел неожиданно и после нескольких дней болезни (менингит) скончался. Его дочь и А.Г. Вологдин, палеонтолог и геолог, думаю, приведут ее в порядок. Как Вы относитесь к этой книге? Я ее читаю сейчас в первый раз с некоторыми комментариями Вологодина и нахожу интересной. Оба брата Вологдины – интересные и крупные ученые.

Послезавтра переезжаю в Узкое на месяц.

Сердечный привет всем Вашим. Пишите в Москву.

У меня недавно была сестра Р.С. Ильина (он был в Западной Сибири). Семья его о нем ничего не знает и думает, жив ли он? Знаете ли Вы что-нибудь о нем и когда имели о нем вести? Когда его видели?

Как будто Вы мне о нем что-то писали, но сейчас не могу найти Вашего письма.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 207, 207 об.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 18 июня 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

только вчера мне пришло неожиданно в голову, что, может быть, причина Вашего неожиданного молчания, которым Вы меня совершенно истомили, состоит в том, что Вы на меня на что-нибудь обиделись в моих письмах. До сих пор мне это просто в голову не приходило. И вот теперь передо мною встает вопрос, чем же именно я Вас обидел? Ломаю себе над этим голову и никак не могу придумать. Первый случай такой я переживаю за все 28 лет нашей дружбы.

Последнее письмо Ваше было с пометкой 3 апреля. Там Вы писали, что «с большим интересом и вниманием» Вы прочли мое письмо к М.И. Калинину и добавляете, что «много очень там» для Вас «оказалось нового и чрезвычайно интересного». Признаться, последнее слово меня немного удивило: что могло быть там интересного и нового? Ведь мы с Вами вместе делали

всю политику КЕПС. Ни в чем у нас не было несогласий. Это ведь старое, хорошо известное. Что меня посадили за КЕПС, это тоже хорошо известно, и нового тут тоже нет. Наконец, известно и хорошо известно это Вам, что никакой *сепаратной, своей* политики я в КЕПС не вел, а моя политика была политикой Вашей, Курнакова, всего Президиума. Пострадал же я один. Что ни Вы, ни Курнаков не пострадали, это, конечно, вполне понятно: побоялись поднять руку на мировые величины. А вот, что я пострадал, это вполне естественно. Кое-кому я явно мешал в личной карьере. А кое-кому я мешал в общественном, так сказать, смысле. Нельзя было допустить существования в Академии крупной организационной силы, как мы, да еще в сочетании с Вами. Я убежден, что были такие сферы, такое течение в Академии, которое прямо осуществляло это задание. Скрытую роль играли те, кому надо было ослабить и организационно и научно русскую научную мысль. Это те самые, которые сейчас в руины привели нашу родину, наши научные учреждения. А готовились они к этому конечно задолго до войны. К тому же это ведь старая их традиция. Припомните то, что писали по этому поводу еще М.П. Драгоманов и А.Н. Краснов. В Ваших «Очерках» это есть. Помните Вы в Президиуме КЕПС А.Н. Баха, выступавшего у нас в год реорганизации в качестве гостя. Критика и наблюдателя. Он прошел в академики в тот же год, как Бухарин, Рязанов, Кржижановский. Прошел он со славой старого народовольца – автора книги агитационно-политической «Царь-голод». А заметьте, что за 24 года своей деятельности с 1893 по 1927 год он не написал *ни одной* работы по-русски, все по-немецки только! Что за дело было ему до *русской* науки? Глубоко уверен, что он был проводником определенных национальных тенденций (кстати сказать, этот «старый общественник» ни одной популярной работы не написал). То же скажу о позже выступавшем Б.А. Келлере, человеке с заслугами в далеком прошлом. Не сомневаюсь, что Лысенко это его креатура и по его вине пострадал даровитейший Вавилов – ботаник. Да делали и делают они дела в академии. С ними вместе Отто Юльевич, может быть, впрочем, по легкомыслию. Это все старо, просто и понятно. Эта группа вместе с политиканами, имена которых Вам известны, многим втирали очки. Ну да не об этом речь, я ведь только увлекся комментированием основной своей мысли в письме к М.И. Калинину и хотел лишь сказать, что нового и «чрезвычайно для Вас интересного», я как будто ничего в этом письме не сказал. Не было ничего там и обидного для Вас и письмо Ваше ответное носило вполне сердечный и непринужденный характер. Значит, если я Вас обидел, то не письмом на имя М.И. Калинина. Стараюсь припомнить что же еще было? В одном из следующих писем я передавал Вам свои настроения и, в частности, настроение *ожидания* по поводу обращения своего к М.И. Калинину и высказал опасение, что это обращение окажется только «гласом вопиющего ...» и войдет лишь фактом в мою и Вашу биографию. Но ведь тут тоже не было ничего Вас обижающего. Припоминаю дальше.

Был как-то какой-то случай. Прочел я у Брокгауза биографию Вашего отца и спросил Вас по поводу той биографии, *кто* была Ваша мама. Является ли ею экономист Вернадская, или Ваш отец был женат еще раз. Помню, что что-то не сходилось у меня с датами. Зная, что Вы сейчас восстанавливаете в думах Ваших прошлое, я и решил обратиться к Вам с вопросом. Как будто опять ничего Вас обижающего тут не было. А других случаев я вообще не

знаю и теряюсь в догадках, за что вообще Вы решили меня наказать, отвернувшись от меня.

Я на днях собираюсь на три-четыре месяца ехать на полевые геологические работы, составляющие продолжение работ прошлых лет, и очень хотел бы до своего отъезда выяснить до конца мучающую меня загадку. Но, кажется, надежды на это мало. Позавчера послал телеграмму, вторую уже, и на этот раз срочную с запросом о Вашем здоровье. На первую мне никто ничего не ответил.

Заканчивается сейчас печатание на машинке обширной работы моей «К вопросу возраста, стратиграфии и мощности кайнозойских конгломератов южной Ферганы» [88]. Это отчет мой о полевых работах прошлого года. В нем 300 с лишним страниц рукописного текста и много новых наблюдений и обобщений. Работа тесно связана с большим трудом о геосинклиналях востока Европы, о котором я Вам писал. Об основных мыслях своих в обеих этих работах расскажу подробнее как-нибудь особо.

Одинок я очень со всеми своими идеями и новыми достижениями. Мне нужна молодежь, которой я хотел бы передавать свои идеи, передоверить часть своих поручений. Мне нужна школа, а тут ее не из кого строить. Мне нужен какой-то свой институт или отдел, который я мог бы своей энергией питать и двигать, направлять и вдохновлять. Другие в моем возрасте с меньшими даже данными, чем у меня, давно достигли такого положения, а меня выбили из жизни на 10 лет, да и сейчас нет для меня реальных возможностей такой жизнью зажить. Только надеяться разрешается. А поздно уже мечтать и надеяться на исходе шестого десятка лет жизни. Тут нужна *реализация*, которой я должно быть, никогда не дождусь.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 70–72 об.

395

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 20 июня 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что получил Ваше письмо от 8 июня и был несказанно ему рад, потому что до его получения находился в состоянии невыразимой тревоги, которую выразил в ряде писем и в двух телеграммах. Одна была на Ваше имя, другая – срочная – на имя А. Д., но ни на одну я ответа не получил. Удивительно ходят телеграммы! Передать не могу, как я был счастлив, узнав, что Вы здоровы и невредимы.

Дней через 10 я уезжаю на полевые геологические работы в Ферганскую долину, в район, соседний с прошлым, где рассчитываю быть 3–4 месяца. По окончании полевых работ еду в командировку для обработки материалов в Ленинград и Москву; вероятно, буду также в Киеве, где предполагается конференция по Среднему Днепру, на которую меня приглашали. Очень хочется мне повидаться в Москве с Вами. Заранее хочу у Вас следующее

спросить, можно ли будет в Москве остановиться у Вас? Но пишите мне об этом теперь же. Если нельзя, я буду списываться с Управлением филиалов, и они меня устроят.

Книгу А.А. Борисяка, о которой Вы пишете, я знаю хорошо. В старом виде своем она очень устарела. Но если он умел ее обновить, то, конечно, это будет ценное приобретение. К тому же нельзя допустить монополии Обручева в совещании Сибири, должны быть ведь представлены и другие точки зрения. Думаю, что у книги Борисяка есть один большой недостаток. Он объединял геологию Сибири слишком формально, без души, так сказать, ибо ни к одному району Сибири особого интереса не имел и ни об одном районе (кроме, может быть, ангарской геосинклинали) много и специально не думал. Сводка его, конечно, ни в какое сравнение не идет со сводками В.А. Обручева.

О Р.С. Ильине, которого я никогда в жизни не видел, но которого я очень высоко ставлю, я Вам, сколько помню, в письмах ничего не писал, но много писал о нем в своей большой научной работе, которая у Вас находится. Это упоминание об Р.С. Ильине Вам, вероятно, у меня и запомнилось. Он, несомненно, совсем недооценен и много крупнее, чем это себе представляют. У него есть некоторые неправильные толкования, но это очень светлая голова. Ужасно жаль, что так печально складывается его судьба, и что он на задворках, если даже нет его вовсе. С полным правом он мог бы стать звездой первой величины.

Вологдиных я лично не знаю. По работам помню того, который занимался археоцитатитами. Геолог неплохой и интересный. О брате его никакого представления не имею.

По письму Вашему я чувствую, что Вы сейчас заняты Вашими мемуарами. Я тоже в последнее время немало погрузился в далекое прошлое. Читал, между прочим, книгу В.В. Стасова о Стасовой. Прочел с большим удовлетворен, но как много с нашей точки зрения наивного в этой книге и во всей делаемой там постановке женского вопроса, например, на с. 49 – 53 цитирует Вернадскую-Шигаеву (я уже спрашивал Вас о том: это Ваша мать или нет?), которая доказывает необходимость «труда» для женщин «благородного» происхождения. Самое выделение *благородного* происхождения разве не дико это звучит сейчас. Да и все эти «дамы-благотворительницы», делавшие, конечно, в свое время очень нужное дело, как они чужды и непонятны нам. Несмотря на все войны, как будто отбрасывающие нас в варварство, как мы все-таки ушли вперед. И все эти Трубниковы, Философова, Стасова, какое-то архаическое прошлое. Если Вы не помните книги Стасова, Вам она, наверное, будет интересна.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 73–74 об.

Узкое, 27 июня 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

получил Ваше письмо от 6 июня, диктую ответ Анне Дмитриевне в Узком.

Я не получил никакого ответа относительно Вашей книги «Движение материков» [51].

Нужно ли запрашивать об этом, или Вы теперь не будете ее обрабатывать?

Телеграммы Вашей я не получал, писал Вам недавно из Москвы в ответ на предыдущее Ваше письмо. Надеюсь, что Вы его получили.

Сейчас я завален текущей работой. Ряд работ сдан в печать, но только одну подписал к печати.

В ней я указываю на важные работы Н.Г. Холодного [36]. Мне очень интересно знать о них Ваше мнение.

Большая книга моя сейчас мало двигается [22]. Я ею займусь по возвращении в Москву из Узкого, может быть, удастся первый том готовить к печати как главную работу.

Сейчас в лаборатории идет подготовка к геохимической карте биосферы.

Пришлось коренным образом изменить форму работы, так как те керны из скважин, на которые мы рассчитывали, не сохранились и вместо геохимической карты биосферы Московской области приходится взять геохимическую карту биосферы русско-европейской платформы.

Я всецело предоставил эту работу А.П. Виноградову, в мои годы это уже нельзя брать на себя.

Идут совещания геологов, в которых я не участвую, но я более или менее в курсе дела.

Выяснилась и вторая тема. Вновь вернулись к работе, которую вели с Рождественским несколько лет тому назад, о геохимии и биогеохимии редких земель. Среди редких земель очень интересны два элемента: один из них – гадолиний, который в тысячу или больше раз ферромагнитен, чем железо, а между тем он нигде не принимается нами во внимание в геологических и геохимических процессах биосферы. По словам Александра Павловича¹, его количество весьма значительно в сумме редких земель.

К сожалению, сейчас нельзя приступить к изучению изотопического состава вещества кремаций.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 208, 208 об.

¹ А.П. Виноградов.

Узкое, 14 июля 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

М.Н. Шигаева-Вернадская была первая жена моего отца. По словам матери, она была ее кузина.

Мой старший брат, ее сын, был очень талантливый человек, художник и поэт, я его очень любил. Звали его Николай. Он был мягкий, женственный и умер в 1874 г., только кончив университет, от туберкулеза, от которого умерла и его мать. Мне было 11 лет, когда он умер.

Мария Николаевна играла большую роль в женском движении. Она была, несомненно, талантливый человек, и сочинения ее отец издал отдельным сборником.

Я читал книгу Комаровой (урожденной Стасовой) о Стасове (фольклор и история музыки), а книги Стасова о Н. Стасовой я не читал. Прочту.

Знаете ли Вы книгу Wanga and Teillard de Chardin о геологии Китая на английском языке [188]? Teillard de Chardin я встречал. Он работал в Museum¹. Я был у него вместе с покойным Сушкиным, который считал его одним из крупнейших специалистов в области третичных млекопитающих.

Он принадлежал к ордену иезуитов и принимал до известной степени эволюционный процесс. Он был профессором в католическом университете в Париже, во главе которого стоял архиепископ Парижский. Папа потребовал, чтобы он изменил характер своего курса, на что он не согласился и уехал в Китай, где иезуиты приняли его как своего. Он нашел остатки синантропусов, знавших огонь. Остатки их найдены в большом количестве около Пекина.

Нельзя, мне кажется, не принимать во внимание геологию Китая, которая, мне кажется, за последние годы достигла значительного успеха.

Я читал книгу Wanga'a – Teillard'a, а теперь не могу ее найти. Если не найду здесь, то постараюсь получить ее через Георгия².

Насколько я знаю, работа по геологии Китая во время войны не прерывалась.

Если Вы приедете в командировку, то я буду очень рад, если Вы остановитесь у меня, в моем кабинете.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш В. Вернадский

P.S. Анне Дмитриевне диктую.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 209–210 об.

¹ Музей естественной истории в Париже.

² Г.В. Вернадский.

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Коканд, 18 июля 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я пишу с полевых работ и поэтому не имею возможности писать иначе как карандашом. Перед самым отъездом своим из Сталинабада выслал Вам заказную бандеролью мою работу «Геологические периоды и органическая жизнь», которую я очень прошу Вас представить для печати в «Известия» АН по серии биологии. По содержанию работа больше всего подходит к этой серии. Здесь эта работа была очень сочувственно встречена не только геологами, но и зоологами Зоологического института АН СССР. Надеюсь, что Вам она понравится и Вы не встретите препятствий к тому, чтобы помочь поместить ее в печать [78].

Вы спрашиваете меня о последних работах Н.Г. Холодного. Меня они прямо в восторг приводят. Это так просто, неожиданно и прямо-таки гениально. А мне в моем «Литогенезе» и «Осадкообразовании» они открывают новые дальнейшие перспективы, созвучные и согласные с моими идеями. Меня это ужасно поддерживает и радует. Обратите внимание в моей посылаемой работе на соображения о невидимой жизни – о бактериях, паразитах и пр. Ведь Холодный это все обосновывает и дает прочную опору моим соображениям о вымираниях. Как бы я хотел с Холодным встретиться и поговорить или с ним «переписнуться». Я ему написал несколько слов на Сочинский адрес, сообщенный Анной Дмитриевной Шаховской.

Всего лучшего.

Ваш Б. Личков

РАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 75, 75 об.

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Узкое, 19 августа 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

только что закончил читать Вашу интересную и важную статью «Геологические периоды и органическая жизнь» [78].

Вообще мне больше читают, чем я сам читаю. Приходится бережно относиться к своим глазам. А тут расстроилась связь с Москвой, и Анна Дмитриевна может бывать только урывками.

Скоро возвращаюсь в Москву, пишите туда. Ремонт потолка почти окончен, и я остаюсь здесь немного дней.

Я прочел Вашу статью с большим удовольствием, и мне хотелось бы, чтобы она была напечатана в «Трудах лаборатории биогеохимических проблем». Но я не знаю, в каком состоянии сейчас это печатание.

Я думаю, Вы стоите на верном пути, и на стр. 15 то изменение, которое Вы предлагаете для моей схемы 1926 г. (с. 17), правильно.

Некоторые поправки, мне кажется, надо было бы внести в номенклатуру, но это, по существу, мелочи.

Так, меня смущает чисто грамматически заглавие «Органическая жизнь». Фраза эта кажется мне двусмысленной: органическая жизнь, а какие другие? Ср. органическая химия (происходит не от организма).

Если Вы ничего не имеете против, можно сохранить название «Живое вещество» – совокупность живых организмов, как мы все время употребляем в нашей работе – в биогеохимии.

Но прежде всего надо будет выяснить, есть ли у нас возможность напечатать сейчас Вашу статью. Сейчас кончается многотомная книга Виноградова «Химический состав организмов моря» [109].

Может быть, «Геологические периоды и живое вещество Земли?»¹

Не знаю, дошло ли до Вас, что в 1943–44 гг. *впервые* в нескольких созвездиях в США открыты невидимые спутники звезд (большой частью двойных). До последнего времени ни одного случая не было. Их существование доказано для нескольких созвездий. Их планетный характер доказывается их массой – примерно $\frac{1}{6}$ массы Юпитера.

Но прежде всего я выясню, можем ли мы сейчас приступить к печати.

Ваш В. Вернадский

P.S. Сердечный привет Вашим.

Любопытно, что эволюция свойственна на нашей планете (и, очевидно, на всех земных) только *для живого вещества* (то есть для совокупности живых организмов). Для минералов этого явления нет. С криптозооя и до кембрия (прежний археозой) эволюционный процесс не наблюдается вне живого вещества. Одни и те же минералы наблюдаются с криптозооя и до сих пор.

Только минералы углерода (Харичков), в том числе жидкие и газообразные (одних терпенов несколько тысяч), генетически связаны с живым веществом. Таусон впервые это доказал для микробов.

В 1944 г. хочу дать Шубниковой новую полную классификацию минералов (твердых, жидких и газообразных), над которой мы работали за несколько лет до Борового.

Биогенные минералы (особенно биокосные, как воды) преобладают по числу газов и жидкостей. Число этих минералов господствует в нашем списке.

Дал прочесть Вашу статью А.Е. Ферсману. Он думает, что можно ее напечатать в «Известиях» Геологического отделения, и согласен с моей ее оценкой. Я думаю, что практически это – самое простое. Поэтому, если Вы ничего не имеете против, я буду приводить это в действие.

В.В.

Москва, Дурновский пер. д. 16 кв. 2.

Закончено 24 августа 1944 г.

P.S. Перечитал еще раз Ваше письмо и вижу, что Вы хотите поместить Вашу статью в «Известия» по серии биологии. Пожалуй, Вы правы. Напишу Орбели, укажу, что в оценке статьи согласен и А.Е. Ферсман. Но, может быть, Вы согласитесь на изменение заглавия, как я предлагаю?

Сейчас понятие «живое вещество» принято и в последних работах американцев (см.: G.E. Hutchinson. Quart. Review of Biology, 18, № 1, 1943, p. 1 [179]).

В.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 211, 212.

¹ Статья эта была напечатана под названием «Геологические периоды и эволюция живого вещества». – Ж. общ. биол., 1945, т. 6, № 3, с. 157–189 – *Б.Л.Л.*

400

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Коканд, 26 августа 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

получил от Вас разъяснения по интересовавшему меня вопросу о Вашей матери (кто она была). Это мне раскрыло свет на многие факты прошлого, путавшиеся в моем сознании. Рад очень, что Вы будете говорить обо мне с М.И. Калининным. Но ведь дело мое, я Вам как будто писал об этом, передано в НКВД. Получил я письмо от В.А. Сельского (акад. Украины) с просьбой прислать ему все данные о себе, чтобы он мог хлопотать обо мне. Пишет, что действует в контакте и по согласованию с Вами. Может быть, дело это движется, а я и не знаю ничего. Кроме Академии наук Украины, меня очень зовет к себе Украинское геологическое управление, которое хотело бы меня видеть в Киеве во главе научно-исследовательского своего сектора. О Киеве или Ленинграде я очень мечтаю, но не знаю, получится ли что-нибудь.

Я послал Вам свою статью «Геологические периоды и органическая жизнь» [78] с просьбой представить ее к печати по биологической серии. Работа, по-моему, интересная; ее хорошо знает наш шеф Е.Н. Павловский, и он поддерживает ее печатание. Очень рад буду осенью повидаться с Вами в Вашем кабинете и много, много с Вами поговорить.

Имею письмо от Холодного, с которым переписываюсь по поводу его последних работ. От них я в восторге, особенно от витаминов из воздуха. Мои «геологические периоды и органическая жизнь» очень с его работами созвучны.

А как я рад был бы, если бы я получил все права. От сестры своей только что получил уведомление, что жив Роман Романович Выржиковский, и что он работает на Урале. Но вот не знаю, свободен ли он или несвободен.

Шлю Вам большой привет.

Ваш Б. Личков

P.S. Очень зовет меня сейчас к себе обратно Самарканд.

P.S. Но я пошел бы туда по совместительству с Киевом, т.е. имея все права.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 77, 77 об.

Ферганская долина, 15 октября 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что узнал из переданного моей женой мне содержания письма Анны Дмитриевны Шаховской, что Вы мне в августе месяце писали по поводу посланной Вам моей работы и сообщили, что прочли ее, давали прочесть Александру Евгеньевичу и затем передали в редакцию «Известий» Орбели. Этого Вашего письма я, к сожалению, вовсе не получил. По тону сообщения А.Д. и по тому, что Вы, кроме Ал. Евг., давали статью для прочтения также Виноградову, я чувствую, что работа моя Вам понравилась. Ужасно рад этому.

Читали ли Вы в первом номере «Почвоведения» за этот год мою краткую статью об «Осадкообразовании» [69]?

А у меня опять неприятности. Узнал, что военное ведомство берет тот дом, где в Ленинграде находятся моя квартира и нас выкидывают. При этом другим квартирантам предоставляют эквивалентные квартиры, а мне и жене *ничего*. Жену рассматривают как утратившую свои права на жизнь в Ленинграде, а меня вообще как не имеющего права там жить, поэтому нам не дают другой жилплощади. Я хлопочу как могу, но думаю, что придется потерять имущество, библиотеку и все вообще остатки всяких семейных реликвий и документов, которые сейчас после смерти отца мне особенно дороги. Обратился в Ленинградское управление учреждениями Академии, но не знаю, поможет ли оно. Квартира моя в Ленинграде все та же, в какой я жил в Ленинграде до своего ареста, т.е. бывший КЕПС: Тучкова наб., 2а, кв. 37. Уж если нельзя сохранить площади, то хотя бы библиотеку мою и имущество какое-нибудь учреждение сохранило! И все упирается в вопрос, что я не имею права жить в крупных центрах: Ленинграде, Москве, Киве и пр. А по ходу моих работ и для моей семьи, мне они очень нужны. Хочу, чтобы Ольга кончила хорошую школу, чтобы Зина кончила в хорошем вузе, и для них стремлюсь в Ленинград. Ведь *из-за меня* сидят они в этой дыре.

Из Киева ни слуху, ни духу. Последнее письмо Чернышева сообщает о том, что он будет меня в 1945 г. проводить в сотрудники Геологического института, а не в академики вовсе, как Вы предполагали. Правда, В.А. Сельский попросил меня только что прислать материалы о себе, но, может быть, и он тоже имеет в виду какую-нибудь маленькую роль, которая меня привяжет по рукам и ногам к Украине. А здесь в Сталинабаде в филиале так тошно, что оставаться не хочется тоже. Зовет меня, как я Вам писал, возродившийся университет в Самарканде, но сейчас боюсь, что и там не будет сладко. Только что С.И. Ильин сосватал меня в Нефтяной институт в Москве, в отделение в Ленинграде. Сейчас им получен телеграфный ответ: «принять работу Институт профессора Личкова согласен. Оформляйте переезд Личкова Коканд включение состав экспедиции, последующем первой возможности будем осуществлять переезд Ленинград. Алексеев». Боюсь, что ради перспективы когда-то в будущем иметь Ленинград переезжать из Сталинабада

в Коканд – дыру порядочную, не стоит. Так и стою перед неизвестным, не могу устроить жизнь ни себе, ни семье, а всем только порчу. Довольно об этом.

Голова работает очень хорошо – вот что главное. У меня блестящие выводы из работ этого года. Выводы поразительно интересные и глубокие, в своем роде завершающие работу 15-летия. Хочу Вас с ними скоро ознакомить и посылаю их Вам в карандаше. Пусть А.Д. Вам мою статью прочтет. Если ей это трудно, я посылаю ей деньги с просьбой организовать перепечатку статей за мой счет (мне пусть она пришлет счет на эту работу), и тогда Вы с ней ознакомитесь. Статья очень интересна! Прочтите ее, и Вы увидите ее серьезность. Я хочу Вас просить эти три главы представить в «Известия» по серии географии и геофизики. В правильности выводов я вполне уверен, это переворот в геоморфологии и геотектонике.

Очень буду ждать Вашего отклика. Соскучился без Ваших писем очень. Они меня поддерживают, а я сейчас в связи с квартирой и общим моим положением ищу поддержки.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 61, л. 89–90 об.

402

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 2 ноября 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,
вчера у меня был Вл. Ал. Сельский.

Он предлагает Вас в члены-корреспонденты Украинской академии и просил меня дать отзыв о Ваших геологических работах. По-видимому, там против Вас ректор Киевского университета Бондарчук. Как известно, теперь ректоры не всегда бывают крупные ученые. Я его работ не знаю.

Что касается моего письма от августа, которое до Вас не дошло, то оно вернулось ко мне с пометкой, что адресат не найден. Оно было послано на Ваш домашний адрес в Сталинабад (Орджоникидзеабадский проезд, д. 1, кв. 2), и Анна Дмитриевна тотчас снова послала его Вам по адресу филиала, более надежному. Относительно квартиры, получив Вашу телеграмму, я тотчас же обратился к Л.А. Орбели, который как раз ехал в Ленинград, и к И.В. Зубову. Из того, что Вы мне говорили раньше, я думал, что Вы могли получить место и в Москве. Помните, тогда были переговоры с Григорьевым? Между прочим, он (Григорьев) очень неудачно выступил в общем собрании Геологического отделения. Он совсем застыл и скорее пошел назад. Такое, по крайней мере, у меня было впечатление. И у других также.

Отзыв о Вас я пошлю в Украинскую академию в ближайшие же дни. Сейчас здесь идет минералогическое совещание. К сожалению, я на нем не могу быть, так как сижу дома из-за люмбаго. Послал доклад «Проявления минералогии в космосе» [37]. Прочла его за меня О.М. Шубникова.

453

Я хотел сделать доклад о силикатах, но сделаю его в печатном виде, к совещанию не успел.

Говорят, совещание многолюдно, устраивает его А.Е. Ферсман.

Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 214, 214 об.

403

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Нефтепромысел Чилиюк, Ферганская долина,
9 ноября 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

29/X я закончил свои полевые геологические исследования и нахожусь, можно сказать, на пути домой: жду грузовой автомобиль, который отвезет нашу партию в Коканд, откуда мы двинемся уже по жел. дороге в Сталинабад. Последние две недели работ с половины прошлого месяца были необычайно интересны в смысле наблюдений и несколько тяжеловаты в бытовом отношении. Я с моей группой провел эти две недели в самых высоких предгорьях Алтайского хребта, а частью в самом хребте, где сейчас в связи с тем, что ноябрь ведь уже был на носу, было холодновато. Необычайно интересным для меня в самом начале этих двух недель был переезд через живописный, засыпанный снегом Ханджерский перевал; исходя из своих теоретических соображений, именно из своей новой теории образования гор, я поставил известные теоретические прогнозы о строении, составе пород и формах рельефа этого перевала, и они целиком оправдались. Интуиция моя или, правильнее, моя четкая и точная теория оказалась совершенно оправданной теми фактами, которые я увидел. Я теперь знаю хорошо, почему всякая крупная горная система состоит, кроме центральной цепи, из ряда групп предгорий и почему высота предгорий этих к периферии падает; я знаю теперь, что все денудационные поверхности в горах не случайны и что они создались не вверху, как думал и думает А. Пенк, а за ним *все*, а внизу, и снизу уже они поднялись вверх силами эпейрогении. Я знаю, что мои огромные аллювиальные равнины, окаймляющие подножия гор, – это только кульминационный пункт в истории тех равнин подножий, созданных реками, которые сопровождали всю историю гор. То, что я писал десять лет назад, связывается у меня стройно с новыми фактами и новыми концепциями. Я теперь вполне уверен в правильности своих новых неожиданных идей, изложение которых я Вам пришло в виде статьи (уже написанной) из Сталинабада. Когда мы были в горах около кишлака Кштут, неожиданно выпал 30/X снег и настали большие морозы, и в этой обстановке мы провели неделю до 6/XI, ибо связь нашего района с низиной снегом была прервана. Телеграф и радио прекратили свое действие, автомобили перестали ходить, и мы оказались отрезанными. Не скажу, чтобы это было особенно приятно провести неделю в этом холоде и полном бездействии при отсутствии надлежащей теплой одежды. Делать было не-

чего, и днем мы тоскливо бродили, стараясь согреться на солнце, а ночью прямо ноги нельзя было высунуть из спального мешка. Вдобавок иссякли наши продовольственные запасы около 27/X, и мы с трудом изыскивали себе пропитание. Поддержали немного охота и рыбная ловля: ели убитого дикого кабана (их там множество) и рыбу (маринка). Возвращение после этого вниз, в солнечную и зеленую (все еще!) Ферганскую долину, ощущалось после этого прямо как праздник: не верилось, что солнце может так тепло греть, что деревья еще совсем зелены (а там, где мы попали в зиму, все листья сразу облетели), не верилось, что может быть еще на свете так тепло. Это смешно, но я должен сказать, что вечером в день возврата на нефтепромысел наш, когда я попал в баню, я испытал от горячей воды такое наслаждение, что обливался ею часа два и никак от нее не мог оторваться... Ужасно хочется изложить мне Вам мои идеи, которые окрепли еще больше сейчас, но лучше пока придержусь. Уверен, что я сделал очень крупное открытие, которое дыбом поставит всю геологию, и открытие это очень твердо обосновано.

От Вас давно не имею писем и очень жажду их иметь. Очень хочется более тесной с Вами связи. Мечтаю зимой увидиться с Вами в Москве и поговориться. Не знаю только, удастся ли осуществить эти мои мечтания. По приезде в Сталинабад я Вам еще раз напишу немедленно.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 986, л. 1, 2.

404

В.И. Вернадский – Б.Л. Личкову

Москва, 25 ноября 1944 г.

Дорогой Борис Леонидович,

сегодня получил Ваше письмо от 9 ноября. И как раз сегодня же получил ответ Б.И. Чернышева. Как я Вам писал, В.А. Сельский предлагает Вас в члены-корреспонденты Украинской академии наук, думая, что в этой форме это может пройти. И я независимо от него послал отзыв о Вашей работе как геолога академику Б.И. Чернышеву, как председателю отборочной комиссии (экспертной комиссии).

Он пишет, что получил отзыв и письмо и «передал в отборочную комиссию, работы которой, вероятно, протянутся до конца этого года, так как, по видимому, выборы у нас затягиваются».

Относительно квартиры я Вам писал и телеграфировал, что я обратился с этим к Л.А. Орбели, которого я считаю наиболее порядочным вице-президентом. Он как раз ехал в Ленинград. Кроме того, я обратился к управляющему делами Академии И.В. Зубову. Зубов ответил, что им даны соответствующие распоряжения Федосееву в Ленинграде...

Посылаю Вам мою небольшую статью о ноосфере [24], которая очень меня задела. Она выйдет и на английском языке в переводе моего сына [38].

Его приятель Гётчинсон, который сейчас тесно связан с геохимией и биогеохимией, вызвал целое течение в этой области и имеет ряд учеников.

Я думаю, что условия научной работы у них такие, что они быстро нас перегонят.

Посылаю Вам и другую мою статью, которая у Вас была и на русском языке. Она вышла у нас в 1939 г. [19], а сейчас вышла на английском по инициативе моего сына, в его переводе.

Письма от детей идут теперь значительно быстрее, и я думаю, что ноосфера есть эмпирическое обобщение, которое должно выразиться в реальных формах.

Я смотрю вперед чрезвычайно оптимистично.

Сердечный привет всем Вашим.

Напишите, где находится *перевал*, о котором Вы пишете (Ханджерский?) в последнем письме от 9.XI.

В.В.

АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 1, л. 215, 215 об.

405

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 30 ноября 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я только что прочел Ваше письмо от 19/VIII, посланное из Узкого и в значительной мере посвященное моей работе о «Геологических периодах и жизни» [78]. Страшно большое удовольствие оно мне доставило. Ваше отношение к этой статье, отзывы о ней – просто радость для меня. Ведь это – моя любимая работа, можно сказать, и мне страшно приятно читать, что Вы называете ее «интересной и важной», признаете, что я стою «на верном пути», и подчеркиваете, что прочли ее «с большим удовольствием». Ваше предложение изменить заглавие и назвать «Геологические периоды и живое вещество Земли» принимаю с удовольствием и очень прошу Вас сделать эту перемену заглавия статьи. Где ее печатать? Я просил в «Известиях» по серии биологии. По-моему, это больше подходит, чем «Известия» по серии геологии, ибо последние загромождают себя сейчас полезными ископаемыми. Но, если бы можно было ее поместить в Трудах Вашей лаборатории, это мне было бы еще приятнее, ибо дало бы мне ощутить близость к Вам, Вашим идеям, Вашей идеологии. Очень рад, что и Александр Евгеньевич¹ хорошо отнесся к моей статье. А что сказал А.П. Виноградов? Хочется мне очень эту статью поскорее увидеть в печати, ибо я тоже придаю этой работе большое значение.

На днях я увидел в печати свою работу «Пояса полесий и происхождение основных элементов рельефа Русской равнины» («Известия Академии наук», серия геогр. и геофиз., 1944, № 1, а в № 2 – карта [79]). Обратите внимание и на эту статью и на карту. Это попытка совершенно по-новому истолковать рельеф Русской платформы. Она далеко уводит от идей и традиций Мурчисона – Карпинского (также Архангельского). И это не есть что-нибудь нарочито надуманное и вытекает из основных моих идей. То, что я сейчас сделал и делаю для гор, я в этой статье делал для равнин. В будущем я еще перей-

ду к океану, для чего мне надо добраться до Тихого океана (Дальний Восток). Когда я все это сделаю, я дыбом поставлю все основные представления геологии. А статью о горах я Вам пришлю на днях или, может быть, привезу сам.

Мне обязательно необходимо сейчас поехать в Ленинград, чтобы выяснить вопрос о положении нашей квартиры: цела ли она, и если ее нет, то, что надо сделать, чтобы сберечь библиотеку и имущество? Вообще говоря, у меня есть договоренность о поездке нынешней зимой в Москву и Ленинград. Но сейчас из совета филиалов и баз Академии наук я получил письмо, чтобы я дождался приезда акад. Е.Н. Павловского сюда. Ждать мне сейчас очень трудно, ибо вопрос о квартире волнует и мне явно ждать нельзя. Если Вы видите акад. Павловского, может быть, Вы не откажете мне переговорить с акад. Павловским, чтобы он не отказал мне организовать *вызов и командировку* мне *сейчас*. Очень мечтаю попасть в Москву и повидаться с вами. О многом хочу поговорить. Побываю и в Киеве и повидаясь со своей сестрой, о которой я очень соскучился и беспокоюсь... Чувствую, что здесь в Средней Азии вредно в смысле здоровья жене моей и девочкам. У жены пребывание здесь отражается на сердце, а девочки страдают от малярии. Кроме того, учиться здесь им плохо. И вот для них я мечтаю о Ленинграде или Киеве. Сам бы я хотел продолжать еще некоторое время работать и в Средней Азии, но жить и обрабатывать материал в названных выше городах или вообще в Европе.

Я имею такие предложения.

Перейти в Геологическое управление Украины и встать во главе научно-исследовательского сектора. Это очень соблазнительно, ибо позволило бы мне создать школу. Но я вовсе не хотел бы замыкаться в рамки однообразной равнинной Украины. Я еще не так стар. Другое дело, если бы меня одновременно выбрали академиком, но это, видимо, отпало.

Другое предложение – это предложение Всесоюзного нефтяного института, именно ленинградского отделения его, перейти к нему на работу. Здесь соблазнительна возможность широко развернуть работу по тем принципам, которые я ввожу сейчас в жизнь, впервые применяя геоморфологию к изучению нефтяных залежей. Войдя в Нефтяной институт, я мог бы эту тему поставить не в ферганском, а во всесоюзном масштабе.

Имею далее предложение от Саратовского университета занять там кафедру физической географии – очень милое письмо проф. Г.В. Вахрушева.

Далее, очень рад меня принять к себе Геологический институт филиала Академии наук в Свердловске.

Наконец, страшно зовет меня к себе Самаркандский университет, который вновь воссоздается. Я с удовольствием вспоминаю год, проведенный в этом университете. Но боюсь, что теперь там не будет уже так хорошо. Обстановка и среда будут другие.

Если произойдет та коренная перемена со мной, которой я жду, я буду все-таки ориентироваться на Ленинград или Москву (туда, впрочем, никто меня не зовет). Если ее не будет, я останусь здесь в Сталинабаде. Но он определенно пугает меня из-за здоровья семьи, которой надо менять климат. Может быть, переберусь севернее в Алма-Ату или Фрунзе.

Вот мои проекты. Что из них осуществится, не знаю.
Шлю привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 986, л. 3–5.

¹ А.Е. Ферсман.

406

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 2 декабря 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я Вам послал вчера заказной бандеролью свою большую работу «К вопросу о геосинклиналях востока Европы (Черное и Каспийское моря)» [80]. Работа эта произвела здесь большое впечатление. Часть ее я сделал темой доклада на сессии нашего филиала. Всю работу читал С.И. Ильин, который пришел от нее в восторг и сказал, что это лучшая из моих работ, сделанных мною в Средней Азии, что она заслуживает премии и что на премию ее нужно представить. О премии я думаю меньше всего, но об опубликовании этой работы тем или иным способом очень мечтаю. Я очень хотел бы раньше всего ознакомиться с этой работой Вас, Ферсмана, Обручева и А.А. Григорьева. Хотя Вы как будто далеки от геоморфологии, мне всего интереснее ознакомиться с этой статьей Вас. Вам вместе с тем, я думаю, статья тоже будет интересна. Статья эта составляет продолжение трех моих прежних работ о Черном море. В них я выдвинул мысль, что Черное море, Каспий, со всем Средиземноморским бассейном, – это современные геосинклинали. Я нашел, что эта верная мысль должна быть обоснована более подробно и конкретно, но откладывал это на будущее, тем больше что ряд лет моей биографии вообще отодвинули меня от этой идеи. Когда я за разработку ее недавно вплотную принялся в связи с моей работой по изучению молассов, я был поражен, почему никто из крупных наших специалистов по неогену – ни Андрусов, ни Михайловский – о геосинклиналях совсем не думали. И я понял тогда, что причина этого в том, что они игнорировали геоморфологию. Я подошел тогда к фактической истории нашего неогена с геоморфологическим методом, и в ней тогда все преобразилось. Думаю, что весь этот ход мыслей Вам покажется достаточно интересным. Собственно говоря, он ближе всего затрагивает А.А. Григорьева, как патентованного геоморфолога. Я углубляю геоморфологический метод, раздвигаю его рамки и применяю его там, где до сих пор его не применяли. Критика Андрусова, полное отвержение идей А.Д. Архангельского о Черном море – вот мои результаты. Я чувствую себя идущим по стопам Андрусова, хотя и ввожу в его построения поправки вследствие применения нового метода. Я очень хотел бы опубликования этой работы ввиду новизны ее выводов и новизны тех методов, которыми они выведены. Думаю, что А.Е. Ферсману и В.А. Обручеву эта работа тоже будет интересна и будет понятно ее значение. Очень прошу Вас всех названных лиц с моей работой, если можно, ознакомиться и помочь появлению этой работы в печати.

Содержание работы выходит, однако, далеко за пределы Черного моря и Каспия. Я пытаюсь в ней подойти к трем основным законам нарастания рельефа, которым окончательную формулировку я нашел нынешним летом. Я познакомлю Вас с нею в последней моей работе – «О происхождении гор» [81], которую я Вам, вероятно, покажу, когда приеду в Москву, и о которой я Вам писал. Вы увидите тогда, насколько важны частные мои обобщения в «Геосинклиналиях»: они приводят к очень интересным и общим формулам.

Сердечный привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 986, л. 7–9.

407

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

[Сталинабад,] 6 декабря 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

я надеюсь, что мы скоро увидимся и тогда обо многом поговорим. Я заканчиваю свои дела и должен на днях получить оформление командировки. Во время командировки я буду решать вопрос, где же я буду в смысле места жительства. Для семьи я очень хотел бы сменить Среднюю Азию на что-нибудь другое, все-таки очень нездоровый здесь климат. Очень мечтаю зимой иметь базу в Ленинграде, Киеве и Москве. Никаких известий из Ленинграда о том, что произошло на квартире, не имею. Сохранилось ли что-нибудь из вещей, не знаю. Очень волнует меня этот вопрос. А главное, обидно потерять квартиру именно тогда, когда я мог бы на нее вернуться и ее использовать.

Шлю Вам большой привет.

Ваш Б. Личков

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 986, л. 10.

408

Б.Л. Личков – В.И. Вернадскому

Сталинабад, 25 декабря 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович,

очень благодарен Вам за присылку двух Ваших работ [19, 24]. На одну из них – о ноосфере – я реагировал целой статейкой «Еще о ноосфере и будущем человечества» [82]. Вероятно, Вы рукопись ее получили?

Сообщаю Вам о перемене, которая произошла в моей жизни. Я стал руководителем Геологического института Таджикского филиала – избран его директором. Придется в трудное время сохранить и, больше того, дать импульсы к дальнейшему развитию этого учреждения. Дело хорошее и стоящее, но строить надо почти наново, аннулировав большую часть до сих пор сделанной работы. Задача и привлекает и пугает меня. С одной стороны, очень увлека-

459

тельная – создать утвердить новый научный центр, но, с другой – условия-то очень тяжелые: нет людей, и трудно их привлечь сюда, в Среднюю Азию. Во всяком случае не меньше года придется здесь над этим поработать.

Числа около 3 января собираюсь ехать в Москву и Ленинград, поработать научно и буду там двигать также дела своего нового детища. Скоро, надеюсь, увидимся.

Ваш Б. Личков

P.S. А все-таки я очень мечтаю о Киеве и хотел бы, чтобы там меня выбрали хоть членом-корреспондентом.

АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 986, л. 11.

409

Письмо В.И. Вернадского Б.Л. Личкову

Боровое 22 июля 1943 г.

Борис Леонидович,

Посылаю Вам копию, касающуюся Вас, выдержку из письма Варсанофьевой ко мне, вчера мною полученного¹. Как будто Ваши мытарства кончаются, наконец, дорогой мой друг Борис Леонидович. Посылаю и два мои оттиска. Еще две статьи находятся в печати.

Во второй половине августа хотим переезжать в Москву – хлопочем вместе с Зелинским о вагоне.

Вчера закончил статью о *ноосфере*, буду добиваться ее напечатания в текущей прессе. Чем больше в геологическое окружение, тем более убеждаюсь, что в основе исторического процесса лежит геологический субстрат и историк также с вредом для себя забывает, как забывают об этом биологи.

Начал было слушать (для моих глаз рукопись – это недоступно) Вашу статью «У вопросу об условиях и причинах образования красноцветных пород Средней Азии». Но я ее не дослушал, так как, мне кажется, в таком виде Вам ее не следует печатать².

Вы выдвигаете здесь много работ Вильямса (№ 11–12) и относитесь к нему как к авторитету в области почвоведения³.

Вильямс. Которого я очень мало знал (когда он умер?), несомненно человек талантливый. Думаю, что его работы по луговодству для своего времени были очень ценны. В почвоведении он, думаю, самостоятельно подчеркнул значение живого вещества – жизни – независимо от Докучаева, и меня – но он брал все от головы, а не от точного эмпирического наблюдения. Он делал свою карьеру и как профессор оставил плохую, искаженную школу. Он дает не очный материал, а дедуктивно выводит и в некоторых случаях резко противоречит действительности. Встретив у Вас 4-ю или 5-ю ссылку на Вильямса, я перестал читать Вашу рукопись и очень был огорчен.

Между прочим, такова же петрография Пустовалова, которую Вы указываете в списке литературы⁴. Сколько такой «науки» развелось у нас. Недавно я просмотрел новую «Историческую геологию», роскошно изданную – Коровина – в Томске⁵ – ученика покойного Усова. Первые работы которого были очень интересны (Усова), а затем – хлам (посмертные, изданные семьей)⁶.

Вильямс, вступивший в партию, никак не может быть авторитетом, и я думаю будет быстро забыт.

Чтобы не задерживать письмо, на этом кончаю. Сердечный привет Вашим.

Ваш В. Вернадский

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 55. Л. 130–130 об. Машинопись, отпуск.

¹ Варсанофьева Вера Александровна (1890–1976) – геолог. окончила Московские высшие женские курсы (1914). В 1925–1929 – профессор 2-го МГУ, первая в СССР женщина-геолог, защитившая докторскую диссертацию. С 1930 – профессор МГПИ им. В.И. Ленина, с 1942 – вице-президент МОИП, с 1945 – отв. редактор «Бюллетеня МОИП, геологический отдел». Специалист по геологии и стратиграфии Урала и Печоры, автор многих трудов по истории геологии, в частности, научной биографии академика А.П. Павлова, которую подробно комментировал В.И. Вернадский в «Хронологии 1930 г.». См.: *Вернадский В.И.* Дневники 1926 – 1934 гг. М.: Наука, 2001. С. 143–156 (текст записи датирован 24.X.1942). К В.А. Варсанофьевой В.И. Вернадский обращался как к члену геологической экспертной комиссии ВАК в связи с рассмотрением дел с докторской диссертацией Б.Л. Личкова. Письмо от В.А. Варсанофьевой В.И. Вернадскому от 8.VII.1943, в котором она в неофициальном порядке сообщает о подготовленном положительном решении ВАК по делу Б.Л. Личкова (решение САГУ аннулируется, степень доктора присуждается по совокупности работ) см.: АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 55. Л. 131–132 об.

² Эта работа была все же опубликована. Несмотря на этот конфиденциальный отрицательный отзыв В.И. Вернадского. См.: *Личков Б.Л.* К вопросу о климатах прошлого Земли и ископаемых пустынях (о проблеме генезиса континентальных красноцветных пород неогена Средней Азии) // Изв. Тадж. ФАН СССР. 1944. № 4. С. 155–185.

³ Вильямс Василий Робертович (1863–1939) – почвовед, академик АН СССР (1931) и ВАСХНИЛ (1935), зав. кафедрой общего земледелия и почвоведения я ТСХА с 1894, автор травопольной системы земледелия, которой он неоднократно придавал всеобъемлющий характер. Негативные отзывы о работах В.Р. Вильямса неоднократно встречаются в дневниках В.И. Вернадского (см., например: *Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941 гг. Кн. 1. М.: Наука. 2006. С. 114, 148).

⁴ *Пустовалов Л.В.* Петрография осадочных пород. В 2-х частях. М.; Л.: Гостоптехиздат, 1940.

⁵ *Коровин М.К.* Историческая геология. М.: Госгеолиздат, 1941. 488 с.

⁶ *Усов М.А.* Структурная геология (учебник для вузов). М.; Л.: Госгеолиздат, 1940. 136 с. В этой книге в качестве аргументов в поддержку своей геотектонической гипотезы автор использует положения диалектического материализма, что было абсолютно неприемлемо для В.И. Вернадского.

Ссылки на работы В.И. Вернадского, Б.Л. Личкова и других авторов, упомянутых в переписке

ТРУДЫ В.И. ВЕРНАДСКОГО

1. О научном мировоззрении. – В кн.: Вернадский В.И. Очерки и речи, ч. 2. М., 1922, с. 5–40.
2. Кант и естествознание XVIII столетия. – Вопросы философии и психологии, 1905, № 76, с. 36–70; см. также: *Вернадский В.И.* Очерки и речи, ч. 2. М., 1922, с. 57–76.
3. Заметки о распространении химических элементов в земной коре, вып. 3. Наблюдения 1909–1910 гг. – Изв. АН СССР, 6-я сер., 1910, т. 4, с. 1129–1148. (Совместно с Е.Д. Ревудкой и А.А. Твалчрелидзе).
4. Парагенезис химических элементов в земной коре. – В кн.: Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. (1909–1910). М., 1910.
5. К вопросу о химическом составе почв. – Почвоведение, 1913, № 2–3, с. 1–21.
6. Очерки и речи, ч. 1–2. М., 1922.
7. История минералов земной коры. Т. 1. Сернистые и селенистые соединения. Пг., 1923, вып. 1, с. 208; Т. 1, Л., 1927, вып. 2, с. 209–376; Т. 2. История природных вод, ч. 1. Л., 1933, вып. 1, с. 1–201; Л., 1934, вып. 2, с. 202–402; Л., 1936, вып. 3, с. 403–562.
8. L'autotrophie de rhumanite. – Rev. gen. Sci., 1925, vol. 36, N 17/18, p. 495–502.
9. Биосфера. Л., 1926.
10. Sur l'analyse des sols au point de vue geochimique – In: Acta de la me conference intern, de pedologie. Rome, 1926, mai, p. 570–577.
11. Об анализе почв с геохимической точки зрения. – Почвоведение, 1936, № 1, с. 8–16.
12. Очерки геохимии. М.; Л., 1927, 1-е изд.; М., 1934, 2-е рус. изд., 4-е изд.
13. Изучение явлений жизни и новая физика. – Изв. АН СССР, 7-я сер. ОМЭН, 1936, № 3, с. 403–437.
14. Проблема времени в современной науке. – Изв. АН СССР, 7-я сер. ОМЭН, 1932, № 4, с. 511–541.
15. По поводу критических замечаний академика А.М. Деборина. – Изв. АН СССР, 7-я сер. ОМЭН, 1933, № 3, с. 395–407.
16. Проблемы биогеохимии. Вып. 1. Значение биогеохимии для познания биосферы. Л., 1934.
17. Биогеохимические очерки. 1922–1923. М.; Л., 1940, 250 с.
18. О значении радиогеологии для современной геологии (определение геологического возраста). – В кн.: Труды 17-й сессии Международного геологического конгресса. Москва, 1937; М., 1939, т. 1, с. 215–239.
19. Проблемы биогеохимии. Вып. 2. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы. М.; Л., 1939.
20. On some fundamental problems of biogeochemistry (In connection with the work of the Laboratory of biogeochemistry of the Academy of the Sciences of USSR). – В кн.: Труды Биогеохимической лаборатории, 1939, т. 5, с. 5–17.
21. Проблемы биогеохимии. Вып. 4. О правизне и левизне. М.; Л., 1939, 16 с.
22. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.
23. Проблемы биогеохимии. Вып. 5. О количественном учете химического атомного состава биосферы. М., 1940, 32 с.
24. Несколько слов о ноосфере. – Успехи соврем. биологии, 1944, т. 18, вып. 2, с. 113–120.

25. Определение изотопного состава вод метаморфических пород и минералов, – ДАН СССР, 1941, т. 31, № 6, с. 574–577. (Совместно с А.П. Виноградовым и Р.В. Тейс).
26. О необходимости организованной научной работы по космической пыли. – Проблемы Арктики, 1941, № 5, с. 55–64.
27. Бурение скважины для определения глубинных пород в районе Абельмановской заставы, – Вечерняя Москва, 1941, № 106 (от 7.V).
28. Несколько соображений о проблемах метеоритики. – В кн.: Метеоритика. Вып. 2. М.; Л., 1941, с. 1–22.
29. О геологических оболочках Земли как планеты, – Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1942, № 6, с. 251–262.
30. О геологическом значении симметрии. – В кн.: Размышления натуралиста. М., 1975, с. 64–82.
31. Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки. (Рукопись не сохранилась).
32. Памяти профессора П.А. Земятченского (1856–1942). – Изв. АН СССР. Сер. геолог., 1943, № 1, с. 105–114.
33. Записка о реконструкции страны после нашествия немецких варваров. – Природа, 1975, № 4, с. 1–10.
34. Из воспоминаний. 1-й год Украинской Академии наук (1918–1919). (АРАН, ф. 518, оп. 2, № 70).
35. Проблемы биогеохимии. Вып. 3. О состояниях пространства в геологических явлениях Земли. На фоне роста науки XX столетия. – В кн.: Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. М., 1980.
36. О значении почвенной атмосферы и ее биогенной структуры. – Почвоведение, 1944, № 4–5, с. 137–143.
37. Проявление минералогии в Космосе. – В кн.: Метеоритика, вып. 6. М.; Л., 1946.
38. The biosphere and the noosphere. – Amer. Sci., 1945, vol. 35, N 1, p. 1–12.

ТРУДЫ Б.Л. ЛИЧКОВА

39. Границы познания в естественных науках. Киев, 1914.
40. Материалы к характеристике прикладной научной работы Академии наук СССР. Отделы и институты КЕПС. Л., 1929, 75 с.
41. К характеристике геологического прошлого Северо-Украинского артезианского бассейна. – Проблемы сов. геологии, 1933, № 9.
42. Об эпейрогенических движениях на Русской равнине. – Труды Геоморфол. инст. АН СССР, 1933, вып. 10, с. 5–80.
43. Реки и геосинклинали в истории земного шара. (Другое название: Реки в истории земного шара). (Рукопись не сохранилась).
44. Об эпейрогенических движениях на Русской платформе и вековых реперах Волгостроя. (Рукопись не сохранилась).
45. О геологическом прошлом европейских рек. – Проблемы физ. геогр., 1936, вып. 3.
46. Современная геологическая эпоха и ее характерные черты. – Природа, 1940, № 9, с. 16–29.
47. О четвертичных движениях земной коры в районе украинской кристаллической полосы. – Проблемы физ. геогр., 1941, вып. 10, с. 35 – 53. (В 1939 г. эта работа была названа: «О движениях украинского кристаллического массива в четвертичное время»),
48. О современной геологической эпохе. – Изв. АН СССР. Сер. геолог., 1941, № 3, с. 3–34.
49. Тихоокеанская геосинклиналь и коралловые рифы. (Рукопись не сохранилась).
50. О молодом рельефе и древних речных долинах. (Рукопись не сохранилась).
51. Движение материков и климаты прошлого Земли. (АРАН, ф. 1039, оп. 3, № 295, 225 с.).
52. Об инженерной геологии. (АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 228, 169 с. № 382, 47 с.).
53. Волны жизни. (Есть рукописи: Волны жизни и ритмы развития земного шара. – АРАН, ф. 1039, оп. 3, № 381; Волны жизни и развитие органического мира на Земле. – АРАН, ф. 1039, оп. 3, № 146, 149, 150).
54. О ритме изменений земной поверхности в ходе геологического времени. – Природа, 1941, № 4.

55. Пояса полесий и происхождение основных элементов рельефа русской равнины. – Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1941, №4–5.
56. О происхождении древних глубоких размывов четвертичного и предчетвертичного времени. – Проблемы физ. геогр., 1942, вып. 11.
57. О древнейшей истории Днепра и Донецком бассейне (О происхождении Донецкого бассейна и древнейших фазах истории Днепра), (О древнейшей истории Днепра и некоторых закономерностях геоморфологии). (Рукописи не сохранились).
58. О происхождении лёсса. – Изв. Тадж. ФАН СССР, Ашхабад, 1944.
59. Геоморфологический очерк Украины, Молдавии, Крыма и сопредельных частей России (РСФСР) и Белоруссии. (АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 32, 223 с.).
60. К геоморфологии Тульнинской котловины района Иркутска. I. О районе Иркутска. (Рукопись не сохранилась).
61. К разграничению орогенических и эпейрогенических процессов. – Труды Тадж. гос. ун-та. Новая сер., Самарканд, 1941, № 23.
62. О так называемых колебательных и волнообразных движениях земной коры. (По поводу работ В.В. Белоусова). (АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 57, 35 с.).
63. Изменение формы рельефа земного шара в связи с его движением и энергетикой, – ДАН СССР, 1944, т. 44, № 8, с. 364–367.
64. Современный литогенезис на материковых равнинах. – ДАН СССР, т. 41, № 4, с. 181–184.
65. О рассеянии и концентрации некоторых химических элементов в течение геологического цикла (в истории осадочной земной коры). (Рукопись не сохранилась).
66. Об историко-геологических предпосылках образования каменных углей. (Рукопись не сохранилась).
67. Эволюция органического мира, изменения рельефа и денудация. (Есть рукопись: Изменение рельефа земного шара, денудация и эволюция органического мира. – АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 140, 82 с.).
68. Формы рельефа как производное полей тяготения. (Есть рукопись: Форма рельефа земного шара как производная магмотектоники. – АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 33, 255 с.).
69. Об осадкообразовании, его причинах и следствиях. – Почвоведение, № 1. (Есть еще рукопись: Осадкообразование на земном шаре, его причины и следствия. – АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 11, 21 с.).
70. К вопросу о климатах прошлого Земли и ископаемых пустынях: (О проблеме генезиса континентальных красноцветных пород неогена Средней Азии). – Изв. Тадж. ФАН СССР, 1944, № 4, с. 155 – 185.
71. О речных террасах. (АРАН, ф. 1039, оп. 3, № 19, 45 с.).
72. Геоморфология г. Киева. (Рукопись не сохранилась).
73. К истории создания Украинской Академии наук в Киеве: (Из воспоминаний). (АРАН, ф. 518, оп. 5а, № 94).
74. К истории долины р. Днепра в четвертичное и предчетвертичное время. (АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 18, 84 с., № 19, 393 с.).
75. О природе новейшей тектоники Тянь-Шаня. – Изв. Тадж. ФАН СССР, 1943, № 2, с. 137–138.
76. Магма и жизнь?
77. Сводово-глыбовые движения как эпейрогенез. (Рукопись не сохранилась).
78. Геологические периоды и развитие живого вещества. – Ж. общ. биол., 1945, т. 6, № 3, с. 157–182.
79. Пояса полесий и происхождение основных элементов рельефа русской равнины. – Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1944, т. 8, № 1–2, 21 с.
80. К вопросу о геосинклиналях востока Европы (Черное и Каспийское моря). (Есть рукопись: К закономерностям создания современных геосинклиналей юго-востока Европы (Черное и Каспийское моря). (АРАН, ф. 1039, оп. 1, д. 367, 306 с.).
81. О происхождении гор. (Есть статья: О поднятии гор. – Вопр. геогр., 1954, вып. 36).
82. Еще о ноосфере и будущем человечества. (Рукопись не сохранилась).
83. К вопросу о климатах прошлого Земли и ископаемых пустынях. – Изв. Тадж. ФАН СССР, 1944, № 4.
84. Климат Памира и хозяйственное использование его территории. – Изв. Тадж. ФАН СССР, 1944, № 6.

85. Эпейрогенезис и землетрясения. – Природа, 1944, № 3.
86. Карпинский и современность. Л., 1946.
87. Изменение рельефа и эволюция почвенно-иловых образований суши и моря в истории Земли: (К истории осадкообразования). – Изв. Тадж. ФАН СССР, 1944, № 11.
88. К вопросу возраста, стратиграфии и мощности кайнозойских конгломератов Южной Ферганы. (Рукопись не сохранилась).
89. К закономерностям создания восточных современных геосинклиналей юга Европы: (К характеристике роли геоморфологического метода при изучении истории Земли и новых явлений, открываемых этим методом). (Рукопись не сохранилась).

ТРУДЫ ДРУГИХ АВТОРОВ

90. Академик В.Р. Вильяме: Биографический очерк (К 50-летию научной, педагогической и общественной деятельности). М., 1935.
91. Академику В.Р. Вильямсу к 50-летию научной и педагогической деятельности: Юбилейный сборник. 1884–1934. М.; Л., 1935.
92. Академику В.А. Обручеву к 50-летию научной и педагогической деятельности. Ч. 1, 2. М.; Л., 1939.
93. Академику В.И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности. Ч. 1, 2. М., 1936.
94. Андрусов Н.И. Геотектоника Керченского полуострова. – Материалы для геологии России, т. 18, СПб., 1893.
95. Аристотель. Логика. М.; Л., 1934.
96. Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934.
97. Аристотель. Трактат о душе. М., 1937.
98. Аристотель. Физика. М., 1937.
99. Батурин В.П. Петрография осадочных пород. Баку, 1937.
100. Белоусов В.В. Большой Кавказ. Ч. 1–3. Л.; М., 1938–1940.
101. Белявский С.И. Торжественная сессия АН СССР, посвященная столетию Пулковской обсерватории. – Вестн. АН СССР, 1940, № 7, с. 21–34.
102. Біленко Д.К. Матеріали догеологічної історії Дніпра. Київ, 1939.
103. Борисьяк А.А. Геологический очерк Сибири. М.; Л., 1940.
104. Быховский Г.Б. Философия Декарта. М.; Л., 1940.
105. Вавилов Н.И. О происхождении культурных растений после Дарвина. М., 1939.
106. Варсонофьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1947.
107. Вильямс В.Р. Почвоведение, вып. 1–4. М., 1914–1924.
108. Вильямс В.Р. Собр. соч., т. 1, М., 1924.
109. Виноградов А.П. Химический элементарный состав организмов моря. Ч. 1–3. – Труды Биохим. лабор. АН СССР, 1935, вып. 3; 1937, вып. 4; 1944, вып. 6.
110. Гадушко П.Я. Гравиметрия и тектоника. – В кн.: Труды нефт. конф., АН УССР, 1938. Киев, 1939.
111. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. – Соч., т. 8, М.; Л., 1935.
112. Герасимов И.П., Марков К.К. Ледниковый период в СССР. М.; Л., 1939.
113. Герасимов И.П., Марков К.К. Четвертичная геология: (Палеогеография четвертичного периода), М., 1939.
114. Громов В.И. Стратиграфия четвертичных отложений СССР/Труды Геол. ин-та АН СССР. Сер. геолог., 1948, вып. 64, (№ 17).
115. Гюго В. Девяносто третий год. – Собр. соч., т. 11. М., 1956.
116. Данелия С.И. Научное знание в представлении Демокрита. Тбилиси, 1935.
117. Данелия С.И. Демокрит о науке. Тбилиси, 1935.
118. Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света. – Соч., т. 1. М.; Л., 1935.
119. Делоне Б., Падуров Н., Александров А. Геометрическое введение в кристаллографию. Л., 1934.
120. Джемс В. Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911.
121. История дипломатии/Под ред. В. П. Потемкина. Т. 1. М., 1941.
122. История философии. Т. 1, 2. М., 1941.
123. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика. – Соч., т. 2. М., 1940.

124. *Коржинский Д.С.* Факторы минеральных равновесий и минералогические фации глубинности. М., 1940.
125. *Кропоткин П.Н.* О происхождении гранитов. – Сов. геология, 1940, № 6.
126. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907.
127. *Курнаков Н.С.* Введение в физико-химический анализ. М.; Л., 1940.
128. *Ланге Ф.А.* История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб., 1883.
129. *Лобачевский Н.И.* Полн. собр. соч., по геометрии. Т. 1, 2. Казань. 1883–1886.
130. *Лопатин Л.М.* Научное мировоззрение и философия. – Вопр. филос. и психол., 1905, № 69–71.
131. *Лопатин Л.М.* Аксиомы философии: (по поводу статьи В.И. Вернадского) – Вопр. филос. и психол., 1905, № 80.
132. *Марр Н.Я.* Избр. соч., т. 1–5. Л., 1933–1937.
133. *Матвеев Б.С., Дружинин Н.И.* Жизнь и творчество А.Н. Северцова. – В кн.: Памяти академика А.Н. Северцова (1866–1930). М.; Л., 1939.
134. Метеоритика: Сб. статей/Под ред. В. И. Вернадского, вып. 1, 2. М.; Л., 1941.
135. *Милановский Е.В.* Рецензия на книгу Б.Л. Личкова «Движение материков и климаты прошлого Земли». – Вестн. АН СССР, 1937, № 4–5, с. 90–92.
136. *Мысовский Л.В.* Новые идеи в физике атомного ядра. М., 1940.
137. *Обручев В.А.* Образование гор и рудные месторождения. М.; Л., 1935.
138. *Обручев В.А.* Критика книги Батурина В. П. «Петрография осадочных пород». – Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1943.
139. *Одинцова С.В.* Нитратные солончаки. – Труды Биогеохим. лабор. АН СССР, 1939, т. 5, с. 205–223.
140. *Павлов А.П.* Генетические типы материковых образований ледниковой и послеледниковой эпохи. – Изв. Геолкома, 1888.
141. *Павлов А.П.* О рельефе равнин. – Землеведение. Т. 5. М., 1898, кн. 3, 4.
142. *Паффенгольц К.Н.* Алагец и его происхождение. – Природа, 1939, № 6.
143. Переписка Л.Н. Толстого с Н.П. Страховым (1870–1894). СПб., 1914.
144. *Плеханов Г.В.* Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса. – В кн.: Критика наших критиков. СПб., 1908.
145. *Плеханов Г.В.* Основные вопросы марксизма. М.; Л., 1931.
146. *Полынов Б.Б.* Кора выветривания. Ч. 1. Процессы выветривания. Основные фазы и формы выветривания и их распределение. Л., 1934, 242 с.
147. *Попов В.И.* История депрессий и поднятий Западного Тянь-Шаня. Ташкент, 1938.
148. *Попов М.Г.* Растительный покров Казахстана. Т. 1. – Труды Каз. ФАН СССР, 1940, вып. 18, 215 с.
149. *Попов М. Г.* (Работа не найдена.)
150. *Пустовалов Л.В.* Петрография осадочных пород. Ч. 1, 2. М.; Л., 1940.
151. *Рейнгард.* (Работа не найдена.)
152. *Северцов А.Н.* Морфологические закономерности эволюции. М., 1939.
153. *Северцов С.А.* Хищник и жертва. – В кн.: Памяти акад. А. Н. Северцова. Т. 2, ч. 1. М.; Л., 1940, с. 5–67.
154. *Северцова Л.Б.* Алексей Николаевич Северцов: Биографический очерк. М.; Л., 1946.
155. *Соловьев В.С.* Собр. соч., т. 1–10. СПб., 1911–1914.
156. *Стадников Г.Д.* Ископаемые угли, горючие сланцы, асфальтовые породы, асфальты и нефти. М., 1935, 185 с.
157. *Старик И.Е.* Радиоактивный метод определения геологического времени. Л.; М., 1938.
158. *Страхов Н.М.* Историко-геологические закономерности формирования гипергенных железных руд. – Изв. АН СССР. Сер. геолог., № 3, с. 3–37.
159. *Страхов Н.М.* Тектоническое размещение гипергенных железных руд и их аналогов. – Сов. геол. 1940, № 5–6, с. 45–64.
160. *Таусон В.О.* О превращении энергии микроорганизмами. – Микробиология, 1936, вып. 2, 1937, вып. 4, 1938, вып. 9, 1939, вып. 10.
161. *Таусон В.И.* Изменения направления биохимизма некоторых процессов растительной клетки в ходе эволюции. – Сб. работ по физиологии растений памяти К.А. Тимирязева. М.; Л., 1941, с. 171–215.

162. Труды 17-й сессии Международного геологического конгресса. СССР. 1937. М., 1939.
163. *Ферсман А.Е.* Геохимические и минералогические методы поисков полезных ископаемых. М.; Л., 1939.
164. *Флеров Н.П.* Материалы по исследованию почв и грунтов Киевской губернии. Вып. 1, Киев, 1916.
165. *Чуковский К.И.* Репин, Горький, Маяковский, Брюсов: Воспоминания. М., 1940.
166. *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1909.
167. *Шмальгаузен И.И.* Научная деятельность акад. А. Н. Северцова как теоретика эволюциониста. – В кн.: Сб. памяти акад. А. Н. Северцова (1866–1930). М.; Л., 1939, т. 1.
168. *Эбельман.* Кора выветривания. См. X. с. 80.
169. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1938.
170. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М., 1941.
171. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1936.
172. *Ямогати.* О землетрясениях. (Работа не найдена.)
173. *Яроцкий А.И.* Идеализм как физиологический фактор. Юрьев, 1908.
174. *Bertrand M.* Essay d'une theorie mecanique de la deformation mofltagnes. – C.r. Acad, sci., 1900, vol. 180.
175. *Curie M.* Pierre Curie. Paris, 1924.
176. *Darviti G.* Tides and kindred phenomena in Solar system. London, 1911.
177. *Eddington A.* The nature of physical World. New York, 1929.
178. *Gutenberg B.* Constitution of the Earth. New York; London, 1939.
179. *Hutechinson G.E* – Quart. Rev. Biol., 1943, vol. 18, N 1, p. 1.
180. *Lugeon M.* – C.r. Acad, sci., 1940, vol. 16.
181. *Noetzlin J.* – C.r. Acad, sci., 1939, vol. 208, p. 1100.
182. *Petik V.* Ein Kapitel der physischen Geologie. Stuttgart, 1924.
183. *Piggot C.S., Wrry W.M.D.* Radioactivity of ocean sediments. Radioactiv relations in ocean water and bottom sediment. – Amer.J. Sci., 1941, vol. 289, p. 81–91.
184. *Prel du.* Rechengehalten in wissenschaftlichen Versammlung. Petersburg; Schmitzdorf, 1864.
185. *Romieur A.* – Comptes rendus, 1890, p. 996.
186. *Schuchert Ch., Dunbar C.* A textbook of geology. New York, 1941.
187. *Toit du.* Our wandering continents. Edinburgh, 1937.
188. *Wang J. S., Teilhard de Char din P.* The geology of China. Paris, 1925.
189. *Wildt R.* Geochemistry and the atmosphere of planets. New York, 1942.
190. *Wilser J.* Lichtreaktion in der fossilen Tierwelt. London, 1931.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к пятнадцатому тому	5
ЧАСТЬ I (1918–1939)	
Письма 1–208	7
Ссылки на работы В.И. Вернадского, Б.Л. Личкова и других авторов, упомянутых в переписке.....	228
ЧАСТЬ II (1940–1944)	
Письма 209–409.....	236
Ссылки на работы В.И. Вернадского, Б.Л. Личкова и других авторов, упомянутых в переписке.....	462

Научное издание

ВЕРНАДСКИЙ
Владимир Иванович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати четырех томах

Том пятнадцатый

Переписка с Б.Л. Личковым

Утверждено к печати

Ученым советом

*Института геохимии и аналитической химии
им. В.И. Вернадского Российской академии наук,
Комиссией РАН по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова,*

Е.Л. Сысоева, Т.И. Шепвалова

Компьютерная верстка *С.В. Ишутиной*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 14.08.2013
Формат $70 \times 100^{1/16}$, Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 38,4 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 38,5. Уч.-изд.л. 40,0
Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038124-7



9 785020 381247

